СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

VII.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº. Пименовская ул., соб. д.
1906.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

VII.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Алексѣя Степановича

ХОМЯКОВА.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Пименовская ул., соб. домъ.
1906.

ЗАПИСКИ

О ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. д.
Москва—1906.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КНИГА МОГУЩЕСТВЕННОЕ ОРУДИЕ
БОРЬБЫ ЗА ИСТИНУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СЕДЬМОГО ТОМА.

Германцы не хотѣли областей пустопорожнихъ, которыхъ было множество на западѣ Европы, утратившей значительную часть своего народонаселенія: они искали земель обитаемыхъ народовъ, надъ которыми можно бы было властвовать, людей, которыхъ можно бы было обратить въ орудіе и рабовъ *). Исторія прежнихъ вѣковъ осудила ихъ быть аристократами *).

Въ концѣ V столѣтія пала имперія западная. Завоеватели Италіи, дикіе выходцы изъ лѣсовъ Литвы, Герулы были вскорѣ побѣждены Остготами, основателями государства временно сильнаго, но недолговѣчнаго. Различіе между Вестготами и другими племенами, нахлынувшими на римскій міръ, очень разительно; еще разительнѣе превосходство Остоготовъ *). Вождь ихъ Ѳеодорикъ, въ молодости поочередно слуга и врагъ византійской имперіи, потомъ побѣдитель Геруловъ и Ругіевъ, спаситель вестготскаго царства въ Галліи отъ напора Франковъ, покровитель и почти владѣтель южной Германіи, представляетъ утѣшительное явленіе въ вѣкѣ глубоко-развратномъ и дикомъ. Кротость нравовъ, любовь къ просвѣщенію и правдѣ, снисходительность къ побѣжденнымъ и уваженіе къ заслугамъ на поприщѣ мысли и знанія, ставятъ его въ рѣзкую противоположность съ бездушнымъ Франкомъ—Хлодовикомъ и съ свирѣпымъ Лонгобардомъ—Альбоиномъ. Побѣда вѣнчала его воинскія предпріятія; современные народы видѣли въ немъ миротворца и праведнаго рѣшителя ихъ судебъ. Гордая Византія почтила по неволѣ его силу именемъ и вѣнцемъ царскимъ; лѣтопись назвала его великимъ; и народное преданіе, котораго судъ часто бываетъ вѣрнѣе суда современниковъ и лѣтописцевъ, окружило его память негаснущими лучами поэзіи.

Должно однакоже замѣтить, что восточная, полу-славянская Германія выражаетъ въ своихъ преданіяхъ чувство враждебное Ѳеодо-

рику *) (Дитриху бернскому.) Во многихъ мѣстностяхъ она называетъ его именемъ полуночнаго страшилища, дикаго ловца, духа бури и разрушенія. Лѣтописецъ новгородскій, очевидно свободный отъ византійскаго вліянія и посредникъ Россіи съ Западомъ, также къ нему не благоволитъ. Такое враждебное чувство, кажется, должно приписать Ругіямъ *) и другимъ полуславянскимъ семьямъ, или побѣжденнымъ или изгнаннымъ Остготами изъ областей южныхъ.

Таковъ былъ первый царь Остготовъ въ Италіи, и его сподвижники были во многихъ отношеніяхъ достойны своего вождя. Въ нихъ видна готовность принять обычай жизни образованной, подчинить закону свой личный произволъ, сострадать туземцамъ, отказаться отъ дикости быта военнаго и водворить миръ не только въ своей странѣ, но и въ странахъ сосѣднихъ. Благородная смѣлость, прямодушіе и славолюбіе являются въ характерѣ многихъ царей слишкомъ краткой династіи Ѳеодорика. Нравственное превосходство Готовъ объясняется довольно раннимъ христіанствомъ и долгимъ пребываніемъ въ странахъ просвѣщеннаго Востока; превосходство ихъ восточной вѣтви не объясняется ничѣмъ, кромѣ долгаго житія въ землѣ народа осѣдлаго, кроткаго и торговаго, приднѣпровскихъ Полянъ.

Вестготы владѣли дикою областью древлянскою *).

Захваченные разливомъ Гунновъ, увлеченные ихъ неодолимою силою и подчиненные внутренней, не надолго проснувшейся жизни славянскаго міра, Остготы не одичали: они облагородились, возвысились духомъ и мыслію и утратили рѣзкую суровость чисто-германскаго племени.

Въ самомъ измѣненіи Остготовъ, прежде всѣхъ покорившихся Гуннамъ, долѣе всѣхъ остававшихся въ подчиненности и участвовавшихъ во всей борьбѣ славянскаго освобожденія, отъ береговъ Днѣпра до береговъ Луары, виденъ характеръ гуннскаго союза. Не таково было бы вліяніе средне-азіатскихъ дикарей.

Мы имѣемъ свидѣтельство Іорнанда о принятіи Остготами именъ гуннскихъ *); и разумная критика не можетъ предполагать, чтобы заемъ ограничился именами и не отозвался въ

обычаяхъ и языкѣ. Дѣйствительно, характеръ славянскій отзывается въ переводѣ Ульфилы почти столько же, сколько германскій, и показываетъ въ нарѣчіи готскомъ нарѣчіе переходное между вѣтвями восточно-и западно-иранскою. Но сходство готскаго языка съ славянскимъ *) не можетъ считаться вполнѣ кореннымъ: оно происходило отъ вліянія Славянъ на Готовъ, своихъ побѣдителей, а потомъ подручниковъ. Это явно изо всѣхъ остальныхъ фактовъ и согласно съ доводами апріористическими. Такое же вліяніе было бы по всей вѣроятности замѣтно и въ нарѣчіяхъ другихъ семей, нѣкогда владѣвшихъ славянскою землею, если бы у насъ сохранились памятники тогдашняго слова. Оно объясняетъ быстрое распространеніе аріанства *) отъ Готовъ на всю систему восточныхъ (т. е. мѣшанныхъ) Германцевъ, между тѣмъ какъ оно остановилось, какъ скоро дошло до областей чисто-германскихъ или не ославянившихся племенъ, слѣдовательно говорящихъ другимъ нарѣчіемъ. Точно тоже вліяніе замѣтно и во многихъ подробностяхъ законодательства и едва ли не въ самомъ свидѣтельствѣ Іорнанда, что древніе законы готскіе были законами *Гетовъ* и назывались въ старину *Belagines* (едва ли не славянское слово *бѣлѣгъ* т. е. запись). *)

Не должно забывать вѣчнаго педантства полу-ученаго Іорнанда, не позволяющаго себѣ ни простоты, ни дажа правильной передачи словъ и именъ изъ нарѣчій варварскихъ.

Наконецъ тоже самое вліяніе народа пѣвучаго и дорожащаго словомъ видно въ возвышеніи героевъ остготскихъ до значенія эпическихъ героевъ. Эта слава принадлежитъ только двумъ семьямъ германскимъ (Остготамъ и Бургундцамъ), жившимъ между лучшими представителями славянства, въ землѣ прибалтійскихъ горожанъ и приэвксинскихъ землепашцевъ. Вожди Бургундцевъ и готскіе Эрманарихъ и Дитрихъ одни сохранились сладко-звучною пѣснію для памяти народной, давно забывшей всю славу и всѣ имена западно-германскихъ завоевателей.

Очевидно, что въ этомъ явленіи, при соприкосновеніи двухъ міровъ, славянскаго и германскаго, повторился фактъ, уже замѣчен-

ный въ духовной исторіи Эллады, которой поэты и поэтическія преданія связаны съ Троею или областью ѳракійскою. Вообще должно замѣтить, что наука, принимающая языкъ готскій за первобытную форму германскаго, отправляется отъ предложенія совершенно произвольнаго и ложнаго. Чѣмъ далѣе отступаемъ мы къ древности въ вѣкахъ историческихъ, тѣмъ разнороднѣе являются нарѣчія и тѣмъ рѣзче ихъ зависимость отъ личности отдѣльныхъ семей. Обще-германская форма принадлежитъ къ эпохѣ несравненно древнѣйшей. Нарѣчія славянскія представляютъ ходъ обратный. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу и къ формамъ, преобладающимъ въ языкѣ великорусскомъ, менѣе другихъ принявшемъ примѣси чужой.

Блистательно было выступленіе на поприще историческое племени остготскаго, перваго изо всѣхъ племенъ германскихъ принявшаго начала человѣческой образованности; но непродолжителенъ былъ его подвигъ. Земля Италіи хранила еще слишкомъ много воспоминаній старины, чтобы покориться полу-варварамъ безъ ропота. Аріанство (христіанство, искаженное въ своихъ основахъ) слишкомъ рѣзко отдѣляло пришельца-побѣдителя отъ побѣжденнаго туземца и содержало въ себѣ слишкомъ мало силъ и зародышей логическаго развитія; наконецъ слишкомъ близка была Византія, еще не вполнѣ утратившая свои силы и сохранившая свои притязаніи на римское наслѣдство. Не прошло ста лѣтъ, и Остготы, также какъ и Вандалы въ Африкѣ, были уничтожены византійскими ополченіями. Германцы сражались съ мужествомъ, достойнымъ ихъ воинственнаго племени; цари не помрачали славы, завѣщанной основателемъ царства, Ѳеодорикомъ Великимъ; но нелюбовь народа къ сѣвернымъ завоевателямъ, искусство Византійцевъ и военныя доблести Велисарія и Нарсеса одержали побѣду. Славное имя Остготовъ и грозные Вандалы исчезли безъ слѣда.

Еще короче было торжество древняго просвѣщенія надъ силою дикихъ народовъ, приливающихъ съ сѣвера. Едва погибли Готы, и сѣверная Италія снова была вырвана изъ рукъ Византіи свирѣпыми Лонгобардами. Новые завоеватели были во

всѣхъ отношеніяхъ хуже своихъ предшественниковъ, но они были счастливѣе. Исторія ихъ начинается отвратительною смѣсью убійствъ и разврата, мало чѣмъ уступающею лѣтописямъ меровингскимъ, и не представляетъ ни одной блистательной страницы; но нравы ихъ вскорѣ покорились благому вліянію земли нѣкогда просвѣщенной, и Византія, ослабѣвшая въ страшныхъ борьбахъ съ Аваро-Славянами, Персіею и Исламомъ, уже не могла нанести сильнаго удара новымъ завоевателямъ западнымъ. За всѣмъ тѣмъ внутренняя слабость аріанства, духовный раздоръ между правителями и подданными, сила папскаго престола, представляющаго ученіе никейскаго собора, и непокорное упрямство земли итальянской приготовили паденіе Лонгобардовъ. Прошло съ небольшимъ два вѣка, и царство ихъ погибло подъ ударами Франковъ, возведенныхъ на высшую ступень могущества умомъ Пипина и мечомъ Карла Великаго. Готская вѣтвь Германцевъ, сломившая западную имперію въ бѣгствѣ своемъ передъ Гуннами и увлекшая за собою все германское племя, исчезла вездѣ, кромѣ далекаго пиренейскаго полуострова.

Бургундцы, Алеманны и Франки.

Другому народу было суждено править судьбами Европы. Жители западной Германіи находились долго подъ перемежающимся игомъ, подъ постоянною зависимостью отъ Рима. Войска римскія доходили не разъ до Эльбы, съ запада отъ Рейна или съ юга отъ верховьевъ Дуная; римскія крѣпости стояли на берегахъ Везера. Подвигъ Арминія, устранивъ, можетъ быть, полное и совершенное завоеваніе западной Германіи, не спасъ ея отъ состоянія подручности. Семьи, ближайшія къ Рейну, были мало-по-малу обращены въ полное подданство и вошли въ общую жизнь имперіи. Онѣ привыкли къ труду, внушавшему отвращеніе ихъ празднымъ предкамъ, къ житію въ большихъ селеніяхъ и наконецъ къ градожительству подъ законами, занятыми у римскихъ муниципій, но не утратили ни своего языка, ни своей германской физіономіи. Отъ городовъ, въ которыхъ они сперва заключены были поневолѣ римскою вла-

стію и съ которыми они мало-по-малу свыклись, получили они названіе Бургундцевъ *), точно такъ же какъ и другіе Германцы получили такое же имя на востокѣ Германіи отъ городовъ славянскихъ. Вліяніе обычаевъ законныхъ и образованности было не безплодно для Бургундцевъ прирейнскихъ; они впитали въ себя много благихъ началъ, облагораживающихъ душу человѣка, и рано приняли христіанство отъ галльскихъ проповѣдниковъ. Гибельнѣе было вліяніе Рима на другія воинственныя семьи западной Германіи. Слишкомъ отдаленнныя отъ Рейна и слишкомъ сильныя, чтобы подпасть вполнѣ римскому игу, слишкомъ близкія и разрозненныя, чтобы вполнѣ отъ него освободиться, онѣ въ вѣковой борьбѣ и въ вѣковой службѣ развили всю свирѣпость своего воинственнаго характера, всѣ буйные пороки празднаго дикаря, и присоеденили къ нимъ весь развратъ древней образованности, все грубое себялюбіе, жажду къ корысти, которыми заклейменъ былъ Римъ цесарской и императорской эпохи. Необходимость защиты противъ общаго врага *), сознаніе общихъ выгодъ и отчасти племенное сродство соединили ихъ въ одинъ могучій союзъ. Когда Римъ ослабъ и, уже не мечтая о завоеваніяхъ, едва находилъ въ себѣ довольно силъ для собственной защиты, тогда освободился союзъ привезерскихъ Германцевъ, нѣкогда полу-рабовъ; радость новопріобрѣтенной свободы выразилъ онъ, придавъ себѣ названіе людей свободныхъ, *Франковъ*.

Новые критики искали въ потѣ лица своего много различныхъ объясненій для слова *франкъ*. Трудъ напрасный. Прежнее объясненіе (люди свободные), безспорно истинное, оправдывается не только вѣроятностію историческою, но и здравою филологіею. *Фрей*, *фрехъ* и *Франкъ* безспорно выросли изъ одного корня и близки другъ другу по значенію. Разница ихъ есть или слѣдствіе слившихся нарѣчій, или разныхъ оттѣнковъ одной основной мысли. Это подтверждается самою поговоркою *frei und frank*. Критики непремѣнно предполагаютъ коренное различіе между двумя словами, боясь плеоназма. Если бы они вникли въ общій характеръ народныхъ поговорокъ, они поняли бы несомнѣнность полу-плеоназма, усиливающаго выраженіе основной мысли. Самый же корень словъ *фрей*, *фрехъ*

и *франкъ*, кажется, исчезъ въ нарѣчіяхъ германскихъ, но онъ уцѣлѣлъ въ славянскомъ *пря* (война, англ. *fray*). Идея войны должна была перейти въ идею свободы для воинственаго дикаря, не понимающаго мирной человѣческой свободы.

Устья Рейна и сѣверо-восточная Галлія перешла мало-помалу въ руки Франковъ, и наступательное ихъ движеніе продолжалось постепенно далѣе и далѣе на Западъ.

Юго-западная Германія, берега верхняго Рейна и верховья Дуная, долго составлявшія часть Имперіи, сдѣлалась добычею, восточнаго германскаго племены, *Свевовъ*. Древняя земля Славянъ (Вендовъ Великихъ, Винделикія), покоренная Римомъ при Августѣ, была обращена въ военное поселеніе и наполнена изъ разныхъ областей (особенно изъ Галліи) выходцами, платившими вѣчною службою за земли, дарованныя государствомъ. Новое мѣшанное племя съ преобладающею кельтскою стихіею вытѣснило Славянъ, которыхъ небольшіе остатки, пощаженные побѣдителемъ или уцѣлѣвшіе въ лѣсныхъ и горныхъ округахъ еще долго свидѣтельствовали о племени прежнихъ туземцевъ.

Ученость германская не мало имъ удивлялась*), да и удивляться не перестанетъ, покуда не пойметъ общаго заселенія всей средней Европы восточно-иранскою вѣтвію, вытѣсненною въ послѣдствіи Иранцами западными.

Военныя колоніи уступили въ свою очередь напору Германцевъ, и Свевы-побѣдители, принявъ имя Алеманновъ (до сихъ поръ необъясненное) вступили въ безпрестанную борьбу не только съ Имперіею, но и съ ея завоевателями.

Такова была купа германскихъ народовъ, столпившихся на берегахъ рейнскихъ и оспаривающихъ другъ у друга будущее обладаніе Галліею. Они отличались во многихъ отношеніяхъ отъ переселенцевъ готскаго отдѣла, языкомъ, обычаями и характеромъ. Они не подверглись ни кроткому вліянію народовъ славянскихъ, ни облагороживающему вліянію эллинскаго просвѣщенія, ни еще высшему вліянію христіанства (за исключеніемъ Бургундцевъ). Но, уступая Готамъ въ отношеніяхъ духовныхъ, они далеко превосходили ихъ въ условіяхъ

вещественной силы и вещественнаго успѣха. Франки и Алеманны сохраняли еще неизмѣнную воинственность, ставящую войну единственною цѣлію жизни; они сохраняли свѣжесть своей дикости и восторженное напряженіе односторонняго стремленія. Наконецъ всѣ они, не исключая Бургундцевъ, стояли на своей землѣ, близко къ своей братьѣ, почерпая безпрестанно новыя силы изъ глубины зарейнской Германіи и крѣпчая послѣ временныхъ пораженій. Готы были бѣглецами, оторванными отъ народовъ единокровныхъ, дружиною безпрестанно таящею въ вѣчномъ странствованіи, слабѣющею даже отъ побѣдъ и гибнущею при пораженіяхъ.

Но не для всѣхъ прирейнцевъ были равныя вѣроятности успѣха. Бургундцы, болѣе всѣхъ пострадавшіе отъ Гунновъ *), уступали своимъ соперникамъ въ числительной силѣ, не смотря на безсомнѣнное присоединеніе къ нимъ Бургундцевъ восточныхъ, которыхъ имя исчезаетъ изъ исторіи и изъ разсказа лѣтописцевъ о перехожденіи народовъ.

То же самое доказывается и слѣдами Аріанства и слѣдами славянскихъ именъ. Самое вліяніе объясняется естественнымъ сходствомъ обычаевъ между племенами, привыкшими къ градожительству, тяготящимися странствованіемъ и, можетъ быть, обманутыми случайностью одноименности до вѣрованія въ родство или тождество племенное.

Бургундцы были по своему положенію далѣе отъ источника дружинной силы Германіи; еще далѣе были они отъ сочувствія дикарей по своимъ полуобразованнымъ нравамъ и отъ союза съ идолопоклонниками по вѣковому христіанству. Имъ должно было пасть въ борьбѣ, по двойственности направленія и слабости началъ.

Равнѣе были силы Алеманновъ и Франковъ: равныя выгоды мѣстности, равная воинственность, равное отношеніе къ внутренней Германіи. Но равенство было только въ смыслѣ отпора, а не завоеванія. Алеманны находились еще вполнѣ въ эпохѣ народности; дружина была племенная, слѣдственно непостоянная. Франки уже переходили въ эпоху государственности.

Дружина племенная служила только опорою дружинѣ княжеской. Это очевидно изъ сличенія законовъ салическаго и алеманскаго. Другая причина, до сихъ поръ мало замѣченная, еще болѣе давала перевѣсъ Франкамъ. Давно уже ихъ рати переступили границы своей родины: земля прежнихъ Батавовъ, часть Бельгіи, населенной Кельто-Кумрійцами (Беолгами) и приморье Океана, земля славянскихъ Поморянъ (Мориновъ, теперешній Зеландъ) уже были заняты выходцами изъ области франкской. Но это завоеваніе не было дѣломъ народа. Смѣлые вожди съ дружиною, выбранною изъ единоплеменниковъ и признающею въ нихъ власть уже не стѣсненную законами общины, сдѣлались владѣтелями обширной страны, нѣкогда богатой и невполнѣ одичавшей. Многочисленные подданные или подручники составляли для новыхъ завоевателей силу отдѣльную отъ зарейнскаго союза.

Значительность кельтскаго начала доказывается слѣдами кельтскаго нарѣчія въ примѣчаніяхъ на салическій законъ *). Хотя очевидно, что въ этихъ примѣчаніяхъ многія слова (какъ напр., *барагъ*, *херегъ* и др.) очень близки кореннымъ славянскимъ (боровъ, хрякъ и др.), здравая критика не можетъ сомнѣваться въ чисто-кельтской основѣ нарѣчія прирейнскаго. Съ другой стороны здравая критика не можетъ также сомнѣваться въ чисто-славянскомъ (восточно-иранскомъ) населеніи Приморья и устьевъ Рейна. Остатки тѣлъ, сожженныхъ по обычаю славянскому въ древнихъ кладбищахъ *), подтверждаютъ истину уже доказанную постоянною связью Менапіевъ и Мориновъ съ Венетами, общностью быта мореплавательнаго, остатками славянскаго языка въ нарѣчіи утрехтскомъ *), именемъ многихъ рѣкъ и болѣе всего несомнѣннымъ свидѣтельствомъ всѣхъ мѣстныхъ преданій объ Вильцахъ (*Вильцій*—общее прозвище Вендовъ), объ имени Славянъ и ихъ войнахъ съ Римлянами и Саксами *) и о Богѣ *Белъ* *), котораго серебряный кумиръ сіялъ необыкновенною бѣлизною (явно Бѣлъ-богъ). Но Славяне, нѣкогда жившіе далеко вверхъ по Рейну и Шельдѣ, уже давно были отодвинуты къ устью рѣкъ и едва ли имѣли вліяніе на развитіе Франковъ. Ихъ вліяніе выразилось позже въ быстромъ развитіи торговли.

Дружина Меровинговъ.

Изъ князей, овладѣвшихъ прирейнскою областію, одна семья получила особенное значеніе. Случай, какъ извѣстно, далъ поводъ къ первому морскому подвигу Франковъ; распространеніе ихъ по морскому берегу и по землѣ народа мореплавательнаго обратило временно ихъ помыслы къ морскому разбою. Берега Галліи, Британніи и далекой Испаніи были не разъ опустошаемы ихъ жадными дружинами; римскіе флоты, устроенные въ гаваняхъ Океана, не могли достаточно охранить римскую область и безполезно гонялись за легкими челноками германскихъ разбойниковъ. Но мореплаваніе, случайное занятіе, не было врожденною страстію Франковъ; они скоро уступили морскому превосходству Саксонцевъ и обратили свою силу на завоеванія сухопутныя и на беззащитную Галлію. За всѣмъ тѣмъ богатства, собранныя въ прежнихъ набѣгахъ по берегамъ Океана и вѣроятно торговля, никогда вполнѣ неисчезавшая въ землѣ поморской, дали князьямъ, владѣющимъ ею, огромный перевѣсъ надъ всѣми другими. Такова безъ сомнѣнія причина быстраго возвышенія франкскаго рода владѣтелей Поморья, земли *Меруве* *), отъ которой они получили родовое прозвище *Меровинговъ* (Поморичей). Въ первый разъ съ ними является цѣлая исторія княжеской династіи у Германцевъ прирейнскихъ и высказывается та разница въ ходѣ развитія Франковъ и Алеманновъ, которая замѣтна въ памятникахъ ихъ законодательства и объясняетъ разницу ихъ судебъ.

Меровинги вскорѣ поняли свое отношеніе къ другимъ слабѣйшимъ князьямъ, къ союзу зарейнскому и къ народамъ, владѣющимъ судьбою міра. Князей сдѣлали они своими подручниками, союзу явились какъ его покровители и его передовое войско; признаніе своихъ правъ добыли временно покорностью, то отъ Рима, то отъ приволжскихъ Славянъ, Гунновъ, тогдашней грозы всей Европы.

Просьбы Меровинговъ къ гуннскимъ вождямъ объ утвержденіи въ княжеской власти *) доказываютъ вѣрность, съ которою представлены отношенія всѣхъ Германцевъ къ *Этцелю* (Аттилѣ) въ поэмѣ Ни-

белунговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальность Франковъ и естественная крѣпость ихъ области ставили ихъ въ меньшую зависимость, чѣмъ ихъ южнѣйшихъ единоплеменниковъ. Оттого-то, воспользовавшись уничтоженіемъ силы Бургундцевъ Гуннами, они стали на поляхъ каталаунскихъ въ рядахъ аэціева войска.

Въ окончательной борьбѣ съ Аттилою является уже не войско Франковъ, а дружина собственно меровейская. Вскорѣ послѣ смерти Аттилы и совершеннаго распаденія западной Имперіи власть княжескаго дома Франковъ поморскихъ развивается еще болѣе и наконецъ достигаетъ всемірнаго значенія при завоевателѣ всей сѣверной Галліи, Хлодовикѣ.

Хлодовикъ.

Воинственные и хладнокровно-свирѣпые *), безгранично-развратные и ненасытимо-корыстолюбивые, хитрые и до того лживые, что, по словамъ однаго лѣтописца, считали ложь простою формою рѣчи, а, по словамъ другаго, любили клятву, чтобы наслаждаться клятвопреступленіемъ: таковы были Франки въ концѣ V-го и началѣ VI вѣка. Таково было воспитаніе, данное Римомъ своимъ наемнымъ дикарямъ. Гостепріимство оставалось у нихъ, какъ единственная добродѣтель, уцѣлѣвшая отъ старины. Таковы были Франки, таковъ былъ ихъ вождь Хлодовикъ, достойный представитель своего народа, душа могучая, исполненная великихъ замысловъ, достойная удивленія по необыкновенной силѣ своей и отвращенія по совершенному отсутствію всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Успѣхи его были приготовлены обстоятельствами; но и онъ умѣлъ пользоваться всѣми обстоятельствами для успѣха.

Движеніе народовъ отодвинуло Бургундцевъ къ югу; римская имперія уничтожена была въ самой Италіи; Вестготы ограничили свои завоеванія благословенными странами около Пиренеевъ и Средиземнаго моря; опасные соперники Франковъ, Саксы, обратили оружіе свое противъ Британіи; полу-римская, полу-кельтская страна въ сѣверной Галліи, малосильная и непривычная вѣрить въ свою силу, ждала завоевателя. На нее обратился первый ударъ Хлодовика, и послѣдняя, еще уцѣлѣв-

шая, римская провинція покорилась послѣ недолгаго сопротивленія. Вскорѣ наступила борьба съ Алеманнами, рѣшенная однимъ счастливымъ сраженіемъ. Побѣдитель почувствовалъ себя безспорнымъ владѣльцемъ Галліи. Онъ понялъ необходимость сближенія съ туземцами, онъ понялъ необходимость союза съ единственною еще живою властію народною, духовенствомъ, и принялъ крещеніе. Внѣшнія причины и расчеты, а не внутреннее убѣжденіе, не глубокая потребность духа человѣческаго, стремящагося къ истинѣ, преклонили колѣно Сикамбра передъ христіанскою святыней, и вѣра осталась для него внѣшнимъ обрядомъ безъ всякаго духовнаго плода. И Хлодовикъ, и его бездушные сыновья, и ихъ далекіе преемники, и все племя Франковъ оставались долго, долго тѣми же дикими язычниками, которые пришли изъ-за Рейна, чтобы заплатить грабежемъ и убійствомъ Риму за полученный отъ него развратъ. Но духовенство Западное и глава его, римскій епископъ, протянули руку помощи новому союзнику *); съ мирною проповѣдью пошли они впереди франкской дружины, приглашая народъ къ покорности, приготовляя путь къ новымъ завоеваніямъ, торжествуя незаконныя торжества вмѣстѣ съ кровожадною дружиною Меровинга. Побѣжденные Хлодовикомъ, Бургундцы едва могли охранить свою независимость въ югозападной Галліи; отодвинутые къ морю и Пиренеямъ, Вестготы, не смотря на присоединеніе къ нимъ новыхъ родственныхъ дружинъ съ Востока (Гепидовъ и др. *), просили мира и спасены были отъ гибели только предстательствомъ великаго вождя остготскаго. Царство франкское заняло первое мѣсто между всѣми царствами западной Европы. Но грозная дружина, вышедшая изъ лѣсовъ Германіи, была уже сильнѣе своей родины и обратила на нее оружіе привычное къ побѣдѣ. Земля Алеманновъ и ихъ разрозненныя общины не могли противостоять противъ сосредоточенной силы дружины Меровингской. Сѣверная часть покорилась и приняла имя земли франкской; южная едва сохранила на нѣкоторое время тѣнь независимости подъ сильною рукою Ѳеодорика, царя остготской Италіи. Цѣлый рядъ обмановъ и злодѣйствъ уничто-

жилъ княжескіе домы въ области Франковъ прирейнскихъ. Общины, устрашенныя или прельщенныя воинственнымъ величіемъ Хлодовика, поступили подъ его верховную волю: Германія, устоявшая противъ Рима, покорена была своими собственными сынами и навсегда утратила возможность свободнаго развитія. Торжество Хлодовика было торжествомъ дружины личной надъ дружинами народными. Его жизнь отвратительна, но подвигъ его огроменъ.

Внутренній характеръ державы Меровинговъ.

Христіанство получило на всемъ Западѣ, даже въ просвѣщенномъ Римѣ, характеръ внѣшности; этотъ характеръ выступилъ еще яснѣе въ соприкосновеніи съ племенами германскими. Духовенство грубое, непросвѣщенное, не знающее даже религіи, которой оно служило, сопровождало кочующую дружину, въ томъ же смыслѣ, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ древніе жрецы-заклинатели. Таково свидѣтельство современниковъ. Высшимъ во всѣхъ отношеніяхъ было духовенство туземное, полу-римское, и особенно епископы, изъ коихъ многіе были рождены или воспитаны въ областяхъ не совсѣмъ одичавшаго Юга. Въ этомъ духовенствѣ сохранился почти единственный остатокъ власти и жизни народной. Къ нему примкнули вожди завоевательной дружины, осыпая его милостями и наградами. Но и оно не было неблагодарнымъ. Оно связалось тѣснымъ союзомъ съ вождями, чтобы найти противъ дружины надежную защиту для себя и для своей паствы (побѣжденныхъ Галло-Римлянъ). Оно терпѣло кровавыя измѣны Хлодовика, убійства Хлотара, свирѣпый развратъ Хильдерика, всѣ мерзости, всѣ преступленія Меровинговъ, требуя только внѣшней набожности, только поклоненія святынѣ и покровительства для служителей церкви, защищая, хваля и возводя почти въ степень святыхъ царственныя лица, о которыхъ исторія не можетъ говорить безъ отвращенія *). Союзъ духовенства съ царями франкскими не ограничивался областью франкскою. Первый епископъ Запада, владѣтель престола, къ которому, какъ къ средоточію вѣры, тяготѣли невольно всѣ духовныя

власти областей завоеванныхъ Германцами, аріанами или идолопоклонниками, папа римскій видѣлъ въ преемникахъ Хлодовика своихъ надежнѣйшихъ защитниковъ и, приготовляясь къ будущему, еще не развившемуся величію, возвеличивалъ воинственную силу, предлагавшую ему свой мечъ и щитъ противъ Гота, Лонгобарда и Сакса. Въ послѣдствіи духовенство отдѣлилось вполнѣ отъ народа; но въ то время оно представляло народъ; и, принося присягу вѣрности королю франкскому вмѣстѣ съ дружиною (присягу службы, *леодесамтіумъ*), оно создавало ему власть независимую отъ самой дружины. Такимъ образомъ объясняются огромное значеніе вождя и полная покорность непокорнаго Германца въ первую эпоху Меровинговъ. Отдѣленіе короля отъ войска выражается также и въ томъ, что право на завоеванную Галлію, право, пріобрѣтенное германскимъ мечомъ, требуетъ утвержденія отъ законнаго владыки всего римскаго міра, отъ императора византійскаго, и Хлодовикъ, въ званіи патриція, получаетъ значеніе независимое отъ воли своихъ ратныхъ сподвижниковъ. Царь отдѣлился отъ своей дружины; но онъ не создалъ силы внѣ ея, и чрезъ нѣсколько вѣковъ наступило время, когда дружина отдѣлилась отъ царя, и сверженный Меровингъ уступилъ свой престолъ новоизбранному вождю воиновъ, побѣдоносному основателю карловингской династіи.

Завоеватели Галліи не были ополченіемъ народнымъ, они были дружиною одного княжескаго рода *), служителями, имѣющими право на награду, но и обязанными къ повиновенію. Области, уже завоеванныя другими Германцами или даже отдѣльными отрядами Франковъ, были снова взяты съ меча Хлодовикомъ и поступили подъ общій законъ новаго раздѣла. Но самая дружина состояла изъ двухъ отдѣльныхъ стихій: изъ родовыхъ или наемныхъ служителей князя, и ихъ союзниковъ Германцевъ, притекавшихъ подъ его знамена и ввѣрявшихъ свою судьбу его боевому счастію. Покоренныя земли раздѣлялись по извѣстному закону между побѣдителями. Князь получалъ свою долю, которою располагалъ какъ хотѣлъ, и эта доля была самая значительная. Ею награждалъ онъ своихъ

слугъ, ею покрывалъ расходы своего двора и расходы своихъ частныхъ предпріятій противъ личныхъ враговъ. Другая доля поступала вольной дружинѣ на правахъ наслѣдственныхъ, подъ условіемъ извѣстной службы въ общей войнѣ. Доли между воинами были неравныя, но права равны и владѣлецъ не признавалъ надъ собою никакого суда, кромѣ суда дружиннаго, никакой власти, кромѣ власти князя въ извѣстныхъ предѣлахъ. Таково начало системы аллодіальной *). Въ ней были государство—дружина, король—вождь; общины не было. Свобода также какъ и зависимость были личныя. Не таково было устройство жизни германской за Рейномъ. Тамъ была община родовая, хотя безспорно аристократическая, ибо подъ рукою властителя-Германца вездѣ еще жили и страдали племена побѣжденныя,—Славяне или Кельты, или даже другіе покоренные Германцы. Всѣ права принадлежали роду или общинѣ, и лицамъ только какъ членамъ родовъ и общинъ.

Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ безъ согласія не только общины, но и всѣхъ членовъ ея безъ исключенія *), пришлецъ не могъ ни селиться, ни пріобрѣтать недвижимую собственность. Тамъ была взаимная отвѣтственность сосѣдей другъ за друга *), отмѣненная позднѣйшими законами въ областяхъ завоеванныхъ народными ополченіями, какъ мы видимъ у Вестготовъ и другихъ.

Въ этой зависимости была высшая свобода; въ свободѣ Франка, получившаго долю свою изъ княжескаго завоеванія, была уже зависимость, развившаяся въ послѣдствіи до полнаго подданства. Власть Хлодовика, войны его за Рейномъ, ослабленіе зарейнскихъ общинъ, выславшихъ большую часть своихъ удальцевъ на службу Меровинга, распространеніе христіанства вмѣстѣ съ новыми понятіями, составленными уже въ Галліи, и наконецъ усиленіе, естественное всякому преобладающему началу, уничтожили мало-по-малу весь прежній народный бытъ; волненія послѣдующихъ вѣковъ изгладили даже и слѣды его. Иначе и не могло быть ни у Алеманновъ, побѣжденныхъ Хлодовикомъ, ни у привезерскихъ Тюрингцевъ, покоренныхъ его преемниками. Сравнительно ничтожная

область, родина Франковъ, сдавленная мало-по-малу то Тюрингцами, то Саксами и освобожденная снова королями Меровингами, подверглась общей участи. Дѣло было начато Хлодовикомъ. Онъ принудилъ всѣхъ Франковъ прирейнскихъ признать его первенство; онъ подчинилъ себѣ обѣ вѣтви великаго союза: сначала ближайшихъ къ себѣ и единокровныхъ Салійцевъ, которыхъ имя происходитъ безспорно отъ *сала* *) (жилище вольнаго человѣка), слова тождественнаго съ славянскимъ *село* (отъ *седло*, корень *сидѣть*), потомъ дальнѣйшихъ по племенному началу и слабѣйшихъ *Рипуаріевъ* (т.-е. береговыхъ). Начатое Хлодовикомъ было мало-по-малу совершено его преемниками.

Такъ исчезло древнее устройство германской земли. Бѣдные остатки его сохранялись еще долго, и великій Гогенштауфенъ встрѣтилъ еще въ позднюю эпоху гордаго потомка древнихъ вольныхъ людей,—*ленника Солнца*, который не считалъ себя обязаннымъ никому, кромѣ Бога, за свою свободу и свое имущество.

Въ выраженіи *Sonnenlehn* вѣроятно жила еще память языческаго поклоненія *).

Эпоха полной свободы *(зонненленства)* была эпохою общины германской, общины дружинной. Она кончилась съ завоеваніемъ Германіи Франками и уступила мѣсто эпохѣ *аллодіальной*, въ которой земская община исчезала безъ слѣда и оставались только дружина и ея начальникъ, король. Дальнѣйшее измѣненіе системы аллодіальной произвело эпоху *феодальную*, въ которой идея дружины уступила мѣсто идеѣ личнаго владѣнія и личнаго подданства, эпоха, въ которой люди перестали быть людьми, а сдѣлались только представителями владѣемой земли, а идеи государства и короля перешли въ идеи общаго владѣнія и общаго владѣтеля.

Впрочемъ общину германскую не должно смѣшивать съ общиною славянскою: между ними безконечное разстояніе. Одна есть община естественнаго братства, другая братства условнаго, дружиннаго. Оттого-то у Германца права̀ женщинъ ничтожны, а права мужчинъ за-

висятъ отъ его значенія воинскаго, какъ оруженосца (werhaft), оттого и слово, обозначающее *народъ*, показываетъ у Славянъ происхожденіе естественное, между тѣмъ какъ у Германцевъ слово *Volk* имѣетъ корень, указывающій на условную дружину. Оно соотвѣтствуетъ Славянскому *полкъ* и связывается съ корнемъ *füllen*, *voll*, какъ *полкъ* съ корнемъ *полнить*. Это коренное различіе отзывается во всѣхъ подробностяхъ развитія. Въ одномъ начало чисто-человѣческое, въ другомъ аристократическое, завоевательное. Также не должно искать рѣзкаго раздѣленія во времени между эпохами *зонненленства* и *аллодія*. Онѣ сливаются другъ съ другомъ. Эпоха феодальная также сливается съ аллодіальною, но опредѣляется нѣсколько яснѣе, потому что Норманны въ Англіи и Италіи и крестоносцы въ Палестинѣ представили опыты безпримѣсной феодальности во всей строгости ея логическаго развитія.

Саксы.—Завоеваніе Британніи.—Христіанство въ Ирландіи.

Между тѣмъ какъ Франки становились преобладательною силою на Западѣ, другое германское племя усиливалось на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Германіи и клала основаніе государству, нынѣ державствующѣму во всѣхъ частяхъ свѣта. Послѣдніе выселенцы изъ Скандинавіи, Саксы*), дружина слабая въ своихъ началахъ, такъ же какъ и всѣ дружины, выселившіяся изъ сѣвернаго полуострова, сдѣлались основою великаго союза, въ которомъ сливались стихіи германская и славянская. Большинство числительное было безспорно германское; но начало славянское имѣло безспорно если не большее, то по крайней мѣрѣ равное участіе въ духовномъ развитіи народа.

Такъ, напр., царскія династіи въ Англіи вели себя иногда отъ *Водана* (Одина), иногда же считали его только однимъ изъ своихъ родовыхъ коленниковъ, но всегда весь народъ покланялся славянскимъ богамъ *Чернобогу* и *Сибѣ* *), а, по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, въ Германіи онъ поклонялся также *Бѣлъ-богу* *). Религіозное же первенство не могло не быть сопряжено съ большимъ вліяніемъ на весь бытъ жизни, на строй и ладъ ума. Вліяніе Славянъ на самый языкъ древнихъ Англо-Саксовъ совсѣмъ не оцѣнено; но

оно является при самомъ поверхностномъ изученіи во множествѣ словъ. Таковы напр., *вашъ* въ началѣ слова *wassail,* седло (жилища) въ *setlle*, *сей—se*, огромный въ *rumne*, опять въ *eft*, *лада* (жена) въ *lady*, *любовь* (любы) въ *lufu*, *самый* въ *same*, *вѣкъ*, *вѣчный* въ *ece*, *ecan*; *суть*, *сущій* въ *sooth* (*sothan*), *хлѣбъ* въ *hlaf*, *владыка* (котораго корень находится въ *ладить*—уладитель, т. е. міротворецъ, а не въ *воля* и *дѣять*) въ саксонскомъ *vledyk*, и т. д. Но одни имена боговъ уже представляютъ свидѣтельство, къ которому нечего и прибавлять *).

Союзъ саксонскій сталъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ многіе прежніе союзы (напр., Готы, Вандалы, Бургундцы и пр.) стали выселяться на юго-востокъ, или подвигаться къ западу, какъ Франки.

Вскорѣ съ ужасомъ узнала про Саксовъ слабѣющая Имперія. Иногда дружины ихъ, пробиваясь сухимъ путемъ между сильными племенами прирейнскими, доходили до границъ Галліи, но гораздо чаще налетали ихъ корабли на беззащитные ея берега. Противъ Саксовъ были безсильны Римскіе флоты; вскорѣ безсильною оказалась и новоучрежденная береговая стража. Новая гроза явилась для западной имперіи изъ пучинъ океана, доселѣ охранявшаго ея предѣлы. Франки, лишенные своихъ прибыльныхъ разбоевъ морскихъ, видѣли со страхомъ возрастающую силу Саксовъ на западѣ. Сѣверный и западный берега Галліи уже носили имя берега саксонскаго *), и завоеватели врѣзывались глубже и глубже въ римскую область, очевидно приготовляясь къ основанію сильнаго государства. Общая опасность и общая вражда соединили Римлянъ и Франковъ. Ихъ совокупныя усилія остановили успѣхи Саксонцевъ; но гроза еще не миновалась. Судьба отвела ее на сѣверъ и опредѣлила другое поприще для славы и завоеваній морскихъ витязей.

Британнія (т. е. Англія и Шотландія) долго была подчинена римскимъ законамъ, за исключеніемъ ея сѣверныхъ оконечностей. Немногочисленные туземцы, по большей части Кельты и Кельто-Кумрійцы или Беолги съ примѣсью Иберцевъ на юго-западѣ и Славянъ (Менапіевъ, Мориновъ, а иног-

да и Венетовъ западныхъ) покорились послѣ небезславнаго сопротивленія. Провинція была романизована, также какъ Галлія, и получила новую жизнь просвѣщенія, градостроительства и законнаго порядка. Но и въ Британніи, какъ и вездѣ, эта жизнь полицейскаго благоустройста и тишины и даже роскоши осталась безплодною. Она создала города, башни и дворцы; она не создала духа и силы. Когда ослабла держава міровластительнаго Рима, наемныя дружины германскихъ дикарей стали охранять заморскую провинцію, отражая другихъ сѣверныхъ дикарей, угнетая жителей, а иногда возводя на временный престолъ временныхъ императоровъ, которыхъ притязанія распространялись на близлежащую Галлію. Британнія повторяла въ своемъ тѣсномъ просторѣ тѣ жалкія явленія, которыя представлялъ весь современный Западъ. Наступило время паденія для Рима. Области его наводнены были племенами германскими; борьба съ Гуннами нанесла ему смертельный ударъ. Въ то время остатки легіоновъ и военныхъ силъ въ Британніи возвели въ чинъ императорскій человѣка мужественнаго и предріимчиваго *). Онъ могъ бы по всей вѣроятности удалить еще надолго гибель провинціи. Безумное женаніе обширнѣйшаго царства, можетъ быть, безумная надежда спасти западную имперію, увлекли его на югъ. Всѣ воинскія силы Британніи послѣдовали за нимъ, и уже не возвращались. Далекій островъ былъ предоставленъ собственному безсилію. Невелики были опасности, угрожавшія ему: Франки и Саксы были заняты Галліею; а сѣверные горцы *(Пикты* и *Скоты* или Каледонцы) были такъ ничтожны, что достаточно было одного легіона для ихъ укрощенія. Опасность была одна, неизбѣжная, неотвратимая, — внутренняя безжизненность.

Христіанство давно проникло въ Британнію изъ Галліи; но вѣроятно не изъ одной Галліи: ибо во многихъ отношеніяхъ развитіе его было богаче и плодотворнѣе у Кельтовъ британскихъ, чѣмъ у Кельтовъ южныхъ. Оно проникло и за предѣлы Имперіи въ Зеленый Островъ, охраненный океаномъ отъ римскаго меча. Тамъ проповѣдь была не въ однихъ городахъ:

народъ былъ цѣльный, говорящій однимъ языкомъ и живущій одною жизнію; духовенство было съ народомъ и отъ народа; оно распространяло не нарѣчіе Римлянъ, а ученіе Евреевъ.

Тамъ христіанство не было связано съ властію и съ гражданскимъ порядомъ строгаго римскаго права; оно не было и не могло быть институтомъ; оно шло отъ человѣка къ человѣку, отъ мысли къ мысли и сохраняло свой характеръ вѣры и мысли. Наконецъ, оно проповѣдывалось не одними учителями западнаго міра. Римъ не зналъ торговли, но сильное торговое движеніе происходило въ римскихъ областяхъ мимо начальствъ и властей. Пристани Ирландіи (мы на это имѣемъ свидѣтельство современное) *) были чаще и болѣе посѣщаемы мореходцами, чѣмъ гавани Британніи и сѣверной Галліи; и нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ этихъ кораблей шли изъ той дальней области смѣлыхъ Семитовъ, нѣкогда бороздившихъ всѣ волны всѣхъ океановъ и никогда не забывавшихъ своей прежней славы и прежняго достоянія, до окончательнаго паденія своего передъ средне-азійскою грозою *). Таковы преданія Зеленаго Острова и западной Британніи, состоявшей съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. За то и христіанство получило въ немъ характеръ совершенно чуждый всему Западу и вполнѣ подобный восточному *); за то жизнь духовная проявилась въ немъ въ своемъ личномъ величіи, а не въ принудительности внѣшней; за то Ирландія озаряла западную половину средней Европы свѣтомъ своей теплой и живой вѣры и заслужила отъ невольнаго удивленія современниковъ высокое прозваніе *острова святыхъ*. Безпристрастная оцѣнка духовнаго состоянія Ирландіи (еще не вполнѣ обращенной къ новой вѣрѣ, но глубоко проникнутой ею) одна только можетъ объяснить исторію Британніи послѣ удаленія римской и отчасти провинціальной военной силы. Восточная и юго-восточная Британнія утратила всю самобытность жизни народной и усвоила себѣ всю внѣшность и всю мертвенность римскаго міра. Обычаи были римскіе, нарѣчіе и большая часть населенія городовъ, созданныхъ Римомъ, были римскія. Когда удалилась защита легіоновъ и войска, образованнаго по общему образцу Имперіи,

Британнія явилась безсильною противъ ничтожныхъ враговъ своихъ, дикихъ жителей Каледоніи. Запылали села и города, кровь полилась струями съ конца въ конецъ несчастной области. Глубокое отчаяніе пробудило минутную энергію. Дикари были побѣждены и выгнаны; но долгая борьба была не по силамъ народу, привыкшему жить подъ чужимъ щитомъ и чужимъ разумомъ. Онъ призвалъ извнѣ защитниковъ, будущихъ владыкъ. Тогда явилось противодѣйствіе.

Христіанство обняло не только восточную и южную Британнію, вполнѣ подчиненную Римлянамъ; оно захватило также и полу-независимый западъ ея и вполнѣ независимые округи гористаго сѣверо-запада. Но характеръ его былъ разный по различію отношеній туземцевъ къ Риму. Романизованная область походила во всемъ на Галлію, съ тою только разницею, что близость Эрина и независимыхъ округовъ, принявшихъ христіанство, сообщала ученію церковному стремленіе болѣе духовное и внутреннее, жизнь болѣе свободную отъ политическаго вліянія всемірной державы. Въ Ирландіи христіанство, вполнѣ свободное отъ примѣси римской, развивалось согласно съ характеромъ народа и смѣшивалось часто съ тайными ученіями древней мѣстной религіи, высокой и отвлеченной, но суровой и заклинательной, какъ всѣ религіи, принявшія на себя печать палестинскихъ или финикійскихъ Кушитовъ.

Вѣка и развитіе ученія очистили во многомъ христіанство Ирландіи прежде его вторичнаго искаженія; но всѣ свидѣтельства объ *кульдіяхъ* *), какъ въ Ирландіи, такъ и въ Шотландіи, о многихъ святыхъ, о самомъ Патрикіи указываютъ на переходъ изъ друидизма въ христіанство и на преобладаніе заклинательнаго начала, замѣтнаго иногда, хотя въ меньшей степени (по причинѣ сосѣдства съ иранскою Элладой) въ сказаніяхъ о жизни отшельниковъ или учителей области кушитской, т. е. Египта и южной Сиріи.

Вліяніе Ирландіи на Британнію было полезно во многомъ: оттуда шли разумѣніе высшее, духовная рѣчь на языкѣ народномъ и желаніе вникнуть въ смыслъ вѣры, не довольствуясь обрядомъ и институтомъ. Британнія и земля ирланд-

скихъ Скотовъ обращали въ продолженіе многихъ вѣковъ взоры свои на Востокъ, какъ на источникъ просвѣщенія, пренебрегая темнымъ Западомъ. Личная мысль, долго подавленная исключительною государственностью Рима, пробуждалась и стремилась къ новымъ путямъ знанія; но пробужденная мысль подала на крайнемъ Западѣ, также какъ и на Востокѣ, поводъ къ раздорамъ въ мірѣ христіанскомъ. Пелагій и его сотрудники создали ученіе о свободѣ воли, долго волновавшее церковь. Оно было отвергнуто; оно противно основному положенію христіанства о необходимости утраты человѣческой личности для пріобрѣтенія высшей личности въ нѣдрахъ Божества; но оно важно какъ свидѣтельство о превосходной умственной жизни въ кельтскомъ Сѣверѣ передъ романизованнымъ Западомъ; оно еще важнѣе какъ свидѣтельство объ юридическомъ направленіи самаго догмата въ мірѣ, болѣе или менѣе получившемъ первые зачатки просвѣщенія изъ чисто-юридическаго Рима. Патріархи римскіе преслѣдовали пелагіанство, они посылали учителей своихъ на словесную войну въ области заокеаническія (напр. Палладія, смѣшаннаго впослѣдствіи съ древнѣйшимъ Патрикіемъ не безъ намѣренія *)); они побѣдили, изгладивъ, повидимому, пелагіанство; но прошли вѣка, и римскій католицизмъ сталъ проповѣдывать и предписывать постановленія, въ которыхъ отзывается характеръ пелагіева ученія *).

Разбирать, до какой степени правъ Востокъ, когда онъ обвиняетъ Западъ въ полу-пелагіанствѣ, дѣло богослововъ, а не историковъ; но историкъ обязанъ замѣтить, что пелагіанство представляетъ стремленіе къ опредѣленію взаимныхъ юридическихъ отношеній Бога и человѣка, и что позднѣйшее ученіе Рима стремится къ тому же опредѣленію, строго и постоянно удерживая личность человѣка, какъ дѣйствующую самобытно и получающую права внѣ благодати или, по крайней мѣрѣ, сверхъ милосердія Божіяго (*acta meritoria*, *merita sanctorum* и т. д.). Историкъ обязанъ это замѣтить, дабы уразумѣть исторію; ибо развитіе судебъ человѣчества темно для того, кто не понимаетъ его духовнаго развитія.

Другое вліяніе Эрина, какъ средоточія независимой жизни кельтской, выразилось въ горныхъ округахъ западной Британніи. Христіанство Валлійцевъ и Скотовъ, занявшихъ уже часть береговъ противоположныхъ Ирландіи, приняло направленіе совершенно чуждое своимъ началамъ. Оно сдѣлалось достояніемъ друидовъ, заклинателей и пѣвцовъ и перешло въ мистическое ученіе, принадлежащее во всѣхъ отношеніяхъ темному и страстному міру древнихъ миѳологій. Тутъ ярко пробудилась энергія воли и дѣйствія, тутъ загремѣла могучая пѣснь, которою Кельты могутъ гордиться, какъ древнѣйшимъ памятникамъ сѣверной словесности; тутъ раздались голоса *Аневрина*, *Лливаркъ-гена* и *Таліесина* и создался цѣлый сказочный міръ фантазіи, въ которомъ черпала вся Европа: міръ роскошный, дивныя пѣсни, первые листы того поэтическаго вѣнца, который назначенъ былъ островамъ британскимъ. Эта таинственная поэзія съ ея кровожаднымъ восторгомъ, эта дикая сила воли и стремленіе къ жизни боевой были чужды христіанству и чужды романизованному востоку Британніи Они явились, какъ противодѣйствіе, въ ту эпоху, когда жители провинціи, привыкшей къ нѣгѣ и миру, утомились борьбою съ каледонскими дикарями и призвали на защиту другихъ, болѣе опасныхъ дикарей *).

Характеръ движенія кумрійскаго во время нашествія Саксовъ выражается очень ясно въ современныхъ пѣсняхъ, полныхъ символовъ и заклинаній, и въ миѳическихъ лицахъ волхва-Мерлина (или *Мердина*) и особенно Артура, котораго исторія не смѣетъ до сихъ поръ ни принять, наперекоръ лѣтописцамъ, ни отвергнуть, наперекоръ поэтамъ и преданіямъ. Безпристрастная критика узнаётъ въ языкѣ пѣсень, такъ же какъ въ Мерлинѣ, въ Артурѣ и его кругломъ столѣ (эмблемѣ солнца или міра), въ разсказахъ о святомъ копьѣ, о чашѣ святого Грааля, о борьбѣ съ дракономъ и пр., тотъ языкъ древнихъ таинствъ, въ которомъ ничто не называется, а все облекается въ символъ (какъ напр. *Артуръ*—символъ Кумрійцевъ, *Мердинъ*—символъ самыхъ друидовъ); ту слѣпую мудрость жреческихъ кастъ, которая вкладываетъ въ ежедневный историческій міръ свой произвольный смыслъ, понятный только для посвященныхъ, и то

уродливое сочетаніе христіанства съ друидизмомъ, которое должно было развиться въ отдаленной области, не совсѣмъ утратившей своей народной друидической жизни и оторванной отъ благодѣтельной опеки остальнаго христіанскаго общества. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ вѣроятно въ миѳологіи артурова цикла много примѣси изъ другихъ миѳологій, распространившихся во всей Имперіи въ первые вѣка христіанства (напр. слѣды таинствъ приевфратскаго *Митры);* но уже и теперь можно видѣть вліяніе римской власти въ понятіи о вождѣ, какъ императорѣ, и во многихъ другихъ подробностяхъ. Точно также можно угадать и распространеніе этихъ новыхъ тайныхъ ученій Валлиса кумрійскаго на Арморику (какъ видно изъ преданій города Тура) и сочувствіе съ ними приокеанской Венетіи, засвидѣтельствованное присутствіемъ князя *Передура* изъ племени Венетовъ (западныхъ Славянъ) въ рыцарскомъ кругѣ миѳическаго валлійскаго героя.

Саксы и Англы, завоеватели Британніи.

Саксы, приглашенные на помощь изнѣженными жителями восточной Британніи, выговорили себѣ во владѣніе нѣсколько прибрежныхъ округовъ и мелкихъ острововъ. Они съ успѣхомъ служили князьямъ кельто-романскимъ противъ Пиктовъ и Скотовъ и освободили область отъ набѣговъ съ сѣвера; но они служили имъ также (это очевидно изъ лѣтописей) въ домашней распрѣ съ независимыми князьями гористаго запада. Употребленные сперва полу-римлянами, какъ орудіе противъ враговъ внѣшнихъ и противъ чисто-народнаго начала, они скоро узнали свою силу и безсиліе туземцевъ и сдѣлались завоевателями. Корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи; дружина за дружиною вступала въ несчастную область, и всѣ съ мечомъ и огнемъ и насиліемъ. Опомнились, но слишкомъ поздно, полу-римскіе туземцы; они вступили въ битву съ германскими пришельцами и были побѣждены. Тогда возстали въ силѣ своей народности вольнолюбивые горцы Валлиса, Корнваллиса и сѣверо-западной Кумріи. Восторженные, безстрашные, гордые народными воспоминаніями и никогда вполнѣ неутраченною вольностію, они начали вѣ-

ковую, печальную, но славную борьбу съ завоевателемъ. Часто бѣжали твердые ряды Саксовъ передъ пылкимъ налетомъ ополченій кумрійскихъ; часто поэты валлійскіе пѣли близкое освобожденіе края и надежду скораго торжества; но корабль за кораблемъ приставалъ къ берегамъ Британніи, но дружина за дружиною приплывала изъ Галліи, отъ приморья саксонскаго и изъ неистощенной Германіи; но въ Кумрійцахъ были раздоры между мелкими владѣльцами: въ вѣрѣ ихъ полу-христіанской, полу-друидической было внутреннее раздвоеніе, а дружины саксонскія всегда были готовы соединиться противъ общаго врага подъ начальствомъ общаго вождя *(брейтвалла)*; но Валлійцы-освободители были по причинамъ религіознымъ такъ же ненавистны полу-римскому населенію Британніи, какъ и завоеватели-Саксонцы. Гибель была неизбѣжна.

Враждебныя отношенія между поэтомъ, наслѣдникомъ друидовъ, и духовенствомъ, между Кельто-Кумрійцемъ, сохранившимъ большую часть своей народности, и тѣмъ же Кельтомъ романизованнымъ, выступаютъ очень ярко при сличеніи лѣтописцевъ современныхъ, писавшихъ на языкѣ латинскомъ (напр. *Гильдаса* или *Неннія* *)) и легендъ о святыхъ съ поэмами *Лливаркъ-гена* или *Таліесина*. Этой вражды не должно смѣшивать съ другою враждою, принадлежащею позднѣйшей эпохѣ. Христіанство мало-по-малу одолѣло (хотя и не совсѣмъ изгладило) начало языческое, а споръ стихій кельтской и римской затихъ въ погибели всей романизованной (юго-восточной) области. Тогда началась новая вражда Кельта и его духовенства мѣстнаго противъ ново-пришлаго духовенства, принесшаго новое ученіе, созданное въ Италіи въ продолженіе VI-го и VII-го столѣтій. Но въ Гильдасѣ, во многихъ легендахъ и древнѣйшихъ поэзіяхъ, слышенъ отголосокъ первой борьбы между двумя противоположными началами народности и духовнаго развитія. Конецъ V-го и начало VI-го вѣка, героическая эпоха Валлиса и его системы союзныхъ племенъ представляютъ возстаніе всего народнаго противу всего пришлаго, и изъ внутренняго несогласія объясняется равнодушіе восточной, полу-римской, городовой, чисто-христіанской (въ смыслѣ западномъ) части Британніи къ благороднымъ усиліямъ западной части, сомкнувшейся

въ систему клановъ и стремящейся равно къ освобожденію отечества отъ Саксовъ и къ уничтоженію всѣхъ римскихъ стихій, какъ въ языкѣ, такъ и въ бытѣ. Нѣкоторые новые критики видятъ въ преданіяхъ кумрійскихъ слѣды сочувствія съ Гуннами и смутное ожиданіе свободы отъ побѣдъ Аттилы. Доказательство ихъ слишкомъ слабо, но предположеніе ихъ кажется вѣроятнымъ тому, кто пойметъ анти-римское значеніе кумрійскаго движенія въ V-мъ и VI-мъ вѣкѣ, явную враждебность Гунновъ къ Германцамъ и слѣдовательно общность цѣлей между великими завоевателями Востока и мелкимъ племенемъ, бодро отстаивавшимъ свою свободу въ горахъ крайняго Сѣверо-Запада. Явный союзъ Кумрійцевъ съ Венетами западными, засвидѣтельствованный сказочными преданіями и легко понятный изъ присутствія вендскихъ, моринскихъ и менапскихъ торговыхъ колоній не только на западномъ берегѣ Британніи, но и на восточномъ берегѣ Ирландіи, служитъ также объясненіемъ тайнаго сочувствія Валлиса съ Гуннами *).

Тщетны были всѣ усилія мужественныхъ Кельто-кумрійцевъ противъ безпрестанно возрастающаго напора Саксовъ и противъ равнодушія или вражды своихъ восточныхъ братьевъ. Пришельцы германскіе стали твердою ногою въ Британніи и втѣснили туземцевъ въ западныя горы, гдѣ они успѣли сохранить свою свободу до временъ норманскихъ, а свою народность отчасти до нашего времени.

Саксы, проникая въ Британнію по всему протяженію восточнаго и юго-восточнаго берега, подвигались впередъ твердымъ шагомъ и никогда не довольствовались набѣгами, но всегда основывали мелкія государства, связанныя между собою только общею обязанностью защиты противъ общаго врага. Каждое государство, основанное дружиною, признавало наслѣдственныя права потомковъ перваго ея вождя. Каждое было независимо отъ другихъ, но всѣ признавали также права котораго нибудь изъ мелкихъ князей на предводительство всенародной дружины въ войнѣ противъ Кумрійцевъ; слѣдовательно вся система носила на себѣ характеръ федераціи или условной общины. Внутреннее устройство княженій и весь складъ жизни,

введенный Саксами, разнился также весьма много отъ устройства и быта другихъ государствъ, основанныхъ иными племенами германскими въ западной Европѣ. Народонаселеніе туземное было немногочисленно; но оно нескоро покорилось. Вездѣ билось оно долго и мужественно противъ своихъ завоевателей. Побѣжденное, оно умирало или бѣжало въ горы еще свободныя или падало подъ иго полнаго рабства. Такимъ образомъ не осталось въ Британніи народа непокореннаго дружинѣ, не осталось тѣхъ двухъ слоевъ, которыхъ борьба отозвалась во всей исторіи Запада. Самые города, взятые приступомъ, опустошенные, расхищенные, лишились большей части своихъ жителей и наполнились новыми изъ племени завоевателей. За всѣмъ тѣмъ не всѣ жители городовъ погибли. Сохранились въ стѣнахъ древнихъ римскихъ колоній остатки древняго мѣшаннаго населенія съ полу-римскимъ нарѣчіемъ и съ памятью прежней полу-образованной жизни. Они участвовали вѣроятно въ позднѣйшемъ развитіи торговли, но мало участвовали въ общей народной жизни, и ихъ равнодушіе объясняетъ отчасти слабое сопротивленіе саксонской земли во время норманскаго нашествія и ту силу римской стихіи въ англійскомъ языкѣ, которую трудно приписать однимъ, слишкомъ малочисленнымъ, Норманнамъ.

Британнія перемѣнила свое имя: она назвалась Англіею по одному изъ завоевательныхъ племенъ.

Трудно сказать, какія семьи въ саксонскомъ союзѣ принадлежали міру германскому, какія славянскому; по всей вѣроятности большая часть состояла изъ семей мѣшанныхъ. Самые Саксы, безспорно немногочисленные пришельцы съ Сѣвера, носили имя германское, взятое отъ оружія. Юты носили грозное имя семьи кимрской, прославленное въ долгой борьбѣ съ Азами-сарматами. Имена Англовъ и Вариновъ сомнительны; но частое ихъ соединеніе въ Германіи съ *Тюринами* (*Thüring* или часто *Düring*) заставляетъ предполагать въ Англахъ и Тюрингахъ начало славянское, скрытое измѣненіемъ звука *в* въ придыханіе и разложеніемъ буквы *у* въ звукъ носовой *ан*, именно названія нерѣдкія между семьями славянскими—*Угличей* и

Тверичей. Впрочемъ имена не указываютъ еще на племенной составъ народовъ. Побѣдители сплошь принимали новое имя отъ завоеванныхъ областей.

Религія Саксовъ представляетъ явные признаки славянской примѣси; тѣ же признаки замѣтны въ языкѣ, а еще болѣе въ исторіи и бытѣ. Отъ Славянъ, единственныхъ древнихъ мореходцевъ Сѣвера, быстрое развитіе мореплаванія, отъ Славянъ общинное устройство (хотя и не въ полномъ его развитіи); отъ нихъ же правленіе *вѣчевое (виттена)* и судъ присяжныхъ *) (или цѣловальныхъ или порóтниковъ), требующій единогласія, какъ все органическое требуетъ безусловнаго единства.

Суда присяжныхъ искали въ Германцахъ и не нашли; въ Кельтахъ и Кумрійцахъ, также безъ успѣха *). Новые ученые, наконецъ начали догадываться, что онъ могъ быть занятъ отъ Славянъ. Давно пора *). Но справедливость новыхъ выводовъ, часто удивляющихъ своею неожиданностью самихъ писателей, остается еще сомнительною для просвѣщеннаго міра. Таково слѣдствіе гордаго пренебреженія къ племени теперь обладающему восточною Европою, нѣкогда жителю всей средней Европы. Безъ знанія быта и языка славянскаго многое должно быть непонятнымъ въ исторіи Саксовъ, начиная съ религіи.

Саксонцы пришли въ Британнію дружинами и признали права тѣхъ родовъ, около которыхъ собирались первыя дружины. Этотъ характеръ остался за ними на всегда. Но въ то же время всѣ вмѣстѣ составляли дружину народную, а не дружину одного князя и поэтому требовали вольности народной. Они пришли изъ страны, въ которой сохранилась простота общиннаго быта; они не приняли еще на себя печати аристократической; они требовали земли для житья, а не народа для порабощенья. Пахарями и тружениками поселились они въ областяхъ взятыхъ съ боя. Земля была общинною, округъ представлялъ собою живое и органическое лицо. Таково было ихъ первоначальное устройство. Въ позднѣйшее время, очевидно богатство стало сосредоточиваться въ руки знатныхъ родовъ.

и общины стали бѣднѣть; многое чисто-дружинное введено было Датчанами, сперва завоевателями, потомъ побратавшимися съ Саксами; но побѣда Вильгельма норманскаго не допустила ни полнаго искаженія, ни возврата къ старинѣ. Одно только вѣрно: все прекрасное, чѣмъ гордится современная Англія, завѣщано ей первыми пришельцами изъ славяно-германской земли.

Бурно и кроваво, но не безславно было почти шестивѣковое владычество Англо-Саксовъ въ Англіи. Твердостью и постояннымъ мужествомъ побѣдили они стремительное нападеніе Кельто-Кумрійцевъ и заключили ихъ въ предѣлы горныхъ областей; долгою и жестокою борьбою пріобрѣли они себѣ новое отечество и распространили власть свою за границы Англіи до подошвы горныхъ твердынь Шотландіи; рядомъ блистательныхъ подвиговъ отстояли они свою свободу отъ Датчанъ и Норманцевъ, грозы всей Европы, и наконецъ, сражаясь въ продолженіе цѣлаго дня противъ несравненно-многочисленнѣйшаго ополченія Вильгельма Завоевателя на роковыхъ поляхъ Гастингса, они даже въ паденіи своемъ доказали превосходство свое передъ побѣдителями и дали залогъ будущаго величія и будущихъ торжествъ, добытыхъ для Англіи не мечомъ ея норманскихъ рыцарей, но желѣзною крѣпостью ея саксонскихъ стрѣлковъ, *іомановъ*. Цари англо-саксонскіе, достойные представители благороднаго народа, неустрашимые въ брани, заслужили и другую, лучшую славу правдолюбіемъ и покровительствомъ наукѣ.

Даже свирѣпый старикъ Пенда, кровожадный гонитель христіанства, говорилъ: «я ихъ казню, не потому что они христіане, но потому, что, исповѣдуя христіанство, они не исполняютъ его законовъ», и въ немъ это не было языкомъ лицемѣрія, но выраженіемъ внутренней, строгой правды.

Имена Альфреда Великаго, побѣдоноснаго Ательстана, воспитателя трехъ государей (Алена, освободителя Бретани, Людвига Заморскаго и Гакона Добраго) блестятъ кроткимъ блескомъ человѣческаго величія, неизвѣстнаго въ лѣтописяхъ дру-

гихъ современныхъ народовъ. Языкъ англо-саксонской служилъ покорнымъ орудіемъ мысли, выраженіемъ духовнаго созерцанія и голосомъ вдохновенной поэзіи. Жизнь развивалась цѣльна и могущественна, не смотря на смуты внутреннія и на безпрестанныя бѣдствія отъ нашествія иноплеменцевъ.

Медленно развилось христіанство между Англо-Саксами. Они пришли въ Британнію ревностными идолопоклонцами, они вступили въ борьбу съ туземцами христіанами и долго питали вражду противъ народа и вѣры его. Но высокій разумъ племени германскаго не могъ противиться высокому ученію, проповѣдуемому во всей его простотѣ. Учители изъ Ирландіи *), и даже земель валлійскихъ обратили значительную часть побѣдителей и приготовили братское сближеніе между ими и побѣжденными. Къ этой проповѣди, медленной, но плодотворной, присоединилась скоро другая, прославившаяся своимъ быстрымъ успѣхомъ и памятная по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Римъ, еще не отдѣлившійся отъ Востока и не сомкнувшій церковь западную въ форму единодержавія, но уже быстро стремящійся къ цѣли не вполнѣ сознанной, послалъ учителей на дальній и почти забытый островъ. Блескъ и пышность сопровождали новыхъ учителей. Гордое сознаніе силъ и гордое стремленіе къ власти обозначили ихъ первые шаги. Слова мира и любви, принесенныя издалека, были приняты радостно Англо-Саксами; но проповѣдники римскіе видѣли враговъ въ прежнихъ христіанахъ, не признающихъ власти римскаго епископа, и стремились также ревностно къ искорененію прежней церкви (по ихъ мнѣнію еретической), какъ и къ обращенію идолопоклонниковъ. Земля британская была залита кровію христіанъ *) и духовныхъ лицъ, зарѣзанныхъ по приказанію властолюбивыхъ посланниковъ Рима. Мало-по-малу всѣ Англо-Саксы приняли новое ученіе. Они приняли его не какъ внѣшнее учрежденіе, но какъ внутреннее сокровище мысли. Цари, смиряя гордость свою, вступали въ званіе иноковъ, шли на поклоненіе къ далекимъ святынямъ и чистотою жизни стяжали сами славу добродѣтели и

святости. Съ другой стороны вражда между Саксомъ и Кельтомъ, которая исчезла бы вѣроятно подъ вліяніемъ однаго общаго духа религіознаго, усиливалась враждою духовенства римскаго и кельтскаго, и церковь саксонская, образуясь подъ правленіемъ проповѣдниковъ, принесшихъ изъ Италіи и Галліи характеръ правительственной внѣшности, приняла мало-помалу тотъ же внѣшній характеръ, который былъ общимъ на всемъ Западѣ; но она приняла его не вполнѣ.

Христіанство перешло къ Саксамъ не черезъ политическіе расчеты государей, не черезъ подражаніе другимъ соплеменнымъ народамъ или черезъ сожительство съ покоренными христіанами, но какъ живая мысль, высказанная и сознанная человѣческимъ разумомъ. Въ немъ было уже цѣлое просвѣщеніе. Грубой внѣшности римской проповѣди противодѣйствовало полу-друидическое, но исполненное поэзіи и силы ученіе Скотовъ и сѣверныхъ Кумрійцевъ; еще болѣе противодѣйствовало ему почти первобытное ученіе церкви ирландской и церквей, основанныхъ Ирландцами въ землѣ саксонской. Борьба началъ поддерживала величіе вѣры и не допускала ее замертвѣть въ обрядѣ. Изъ Ирландіи гремѣли голоса, призывающіе всѣхъ христіанъ къ согласію, церковь къ чистотѣ и къ твердости въ преданіи, людей къ размышленію и созерцанію. Ирландскіе проповѣдники возставали противъ притязаній римскаго епископа и, проходя всю западную Европу до предѣловъ славянскихъ и византійскихъ, пробудили духъ человѣческій изъ усыпленія, невѣжества и религіозной внѣшности. Новообращенные Англо - Саксы, ревностные и безстрашные, завоевывали для христіанства землю зарейнскихъ Германцевъ и переносили на свѣжую почву жаръ проповѣди, занятый у Кельта, и стремленіе къ государственному строенію церкви, занятое у Римлянина. Жизнь духовная кипѣла на сѣверо-западномъ концѣ Европы; но борьба разгоралась со дня на день. Безпрестанно возрастали притязанія Рима, безпрестанно приходили къ Англо-Саксамъ его посланцы съ новыми ученіями и новыми требованіями. Монашество бенедиктинское вооружилось противъ духовен-

ства туземнаго; государство разрывалось внутренними междоусобіями, слѣдствіемъ разнородныхъ исповѣданій. Кровь лилась въ религіозномъ спорѣ, народъ и правительство враждовали другъ противъ друга. Страстная и свирѣпая дѣятельность епископа Одона, глубокое лицемѣріе Дунстана, бездушнаго орудія бездушнаго Іоанна XII, и одичаніе Ирландіи, затопленной Норманнами, доставили началу римскому побѣду надъ туземнымъ. Государство ослабло, народная жизнь исказилась; Датчане временно завоевали наслѣдіе Альфреда Великаго, и наконецъ вся свобода, вся слава ослабшихъ Англо-Саксовъ исчезли подъ налетомъ Норманцевъ французскихъ; но умственная жизнь погибла не безъ слѣдовъ, и нынѣшняя владычица океановъ получила въ наслѣдіе отъ славяно-германскихъ колонистовъ сокровище мысли вмѣстѣ съ сокровищемъ лучшей жизни общественной.

Лонгобарды въ Италіи.

Безплодно для человѣчества было завоеваніе Италіи Лонгобардами, хотя многое въ ихъ законахъ обличаетъ довольно близкое сходство съ Саксонцами. Сначала свирѣпые и развратные какъ Франки, но славолюбивые и мужественные, потомъ (вслѣдствіи вліянія итальянскихъ и византійскихъ нравовъ) изнѣженные и хитрые, они не оставили по себѣ ни одного добраго или величественнаго воспоминанія. Формою правленія было дружинное безначаліе, покоряющееся по неволѣ власти королевской, для сопротивленія внѣшнимъ врагамъ. Но самая дружина не была ни чисто личною (какъ у Меровинговъ), ни вполнѣ свободною, ибо съ самаго начала являются герцоги какъ правители почти независимые. Внутренняя связь, уже сама по себѣ слабая, была еще ослаблена разницею вѣроисповѣданія; ибо часть Лонгобардовъ, принявшая христіанство до завоеванія Италіи отъ готскихъ учителей *), принадлежала аріанскому, а другая часть, принявшая христіанство въ Италіи, никейскому исповѣданію. Безсиліе Лонгобардовъ не могло покорить всей заальпійской области *). Югъ принадлежалъ Византіи и потомъ отчасти Сарацинамъ; Римъ и Равенна признавали также надъ

собою власть восточнаго императора, или на дѣлѣ, или въ актахъ правительственныхъ. Дружина германская находила враговъ въ подданныхъ, угнетенныхъ до крайности (ибо рабы не имѣли даже законнаго брака) *), въ хитромъ и властолюбивомъ духовенствѣ, въ пронырливой Византіи, всегда старавшейся питать раздоры въ Италіи и сохранявшей надежду на будущее ея завоеваніе, въ глубоко-расчетливой политикѣ римскихъ епископовъ, сознавшихъ свою силу и стремившихся къ ослабленію всякой государственной власти въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ и къ основанію отдѣльной церковно-политической державы, во всемірной грозѣ Сарациновъ и, болѣе всего, въ собственномъ стремленіи къ распаденію на разныя княжества (тосканское, сполетское, беневентское и др.). Безъ славы, безъ поэзіи, безъ языка писаннаго *), безъ науки, прошли Лонгобарды, задавленные властію Франковъ и оставившіе по себѣ только сѣмена будущихъ раздоровъ для Италіи въ аріанствѣ и въ разобщенности жизни. Другое, важнѣйшее послѣдствіе почти трехвѣкового лонгобардскаго владычества было отдѣленіе Рима отъ восточной имперіи и основаніе папскаго княжества, изъ котораго возникла громада западно-церковнаго государства, полная внѣшней силы и величія, лишенная внутренней стройности и животворнаго организма духовнаго.

Вестготы въ Испаніи.—Измѣненіе символа вѣры.

Подобно Лонгобардамъ погибли и Вестготы въ Испаніи. Для царства ихъ были эпохи военной славы. Силою оружія побѣдили они соперниковъ своихъ, Сармато-Алановъ и Свевовъ, изгнали Византійцевъ послѣ кровавой борьбы изъ областей приморскихъ, завоевали часть Мавританіи, нѣсколько разъ на морѣ побѣждали ополченія аравійскія; но славы лучшей, человѣческой, они не пріобрѣли. Долгое пребываніе между народами кротконравными или просвѣщенными и христіанство, принятое еще на Востокѣ, смягчили отчасти ихъ воинственную дикость *) и поставили ихъ въ нравственномъ отношеніи далеко выше свирѣпаго Лонгобарда и бездушнаго Франка; но многовѣковое скитаніе по землѣ чужой, служба чужой (ви-

зантійской) власти и смѣшеніе съ чуждыми стихіями отняла у нихъ часть прежняго характера и энергію свѣжаго, молодаго народа. Немногочисленна была дружина и завоевателей Испаніи, а земля обширна, богата и полна еще остатковъ древней роскоши и вещественнаго просвѣщенія, даннаго Римомъ побѣжденному міру. Слабая народность готская не могла устоять. Забыты были древнія героическія пѣсни, исказился языкъ грубо-механическимъ смѣшеніемъ стихій съ туземнымъ полу-римскимъ нарѣчіемъ, замерло стремленіе къ поэзіи, невозможное для обезъязыченнаго народа, замерла возможность развитія для науки, погибли благороднѣйшіе и лучшіе порывы души человѣческой. Точно также погибла и вся народная жизнь. Завоевательная дружина, раскинутая по лицу обширной и роскошной области, разъединенная, утратившая связь кровную и даже условную связь германскихъ дружинъ, обратилась въ безсильную аристократію, гордую и богатую, но равнодушную къ своимъ правительственнымъ правамъ и мертвую даже къ народной славѣ. Но искаженіе жизни государственной и народной, развратъ нравовъ, въ одно время жестокихъ и изнѣженныхъ, равнодушіе къ отечеству и мертвенность души, всѣ глубокія и неисцѣльныя язвы, приготовившія паденіе готскаго царства, были ничтожны въ сравненіи съ искаженіемъ церковнаго быта и христіанскаго ученія. Отъ первыхъ погибло царство (не первое и не послѣднее изъ погибшихъ зданій человѣческаго произвола), отъ вторыхъ погибло единство христіанской общины, и на многіе вѣка заразилась до сердца и мозга вся духовная жизнь Европы и міра

Первые Готы-завоеватели были аріане; побѣжденный народъ принадлежалъ ученію никейскаго собора. Внутренняя слабость аріанства, невѣжество его духовныхъ старшинъ, многочисленность послѣдователей древне-церковнаго преданія, духовная связь ихъ съ остальнымъ міромъ и внутренняя логическая сила мысли дали въ Испаніи побѣду ученію соборовъ надъ вѣроисповѣданіемъ завоевателей. Мало-по-малу вся готская дружина отстала отъ аріанства, но побѣда была нелегка и не безкровна. Аріанство защищалось не словомъ, а

мечомъ, и вызвало противъ себя не мысль, а политическую, вооруженную власть. Готы, новообращенные къ соборному символу, связывались тѣснѣе съ народомъ и особенно съ его единственнымъ представителемъ—духовенствомъ. Церкви и монастыри богатѣли, власть епископовъ возрастала со дня на день *); и въ тоже время возрастало значеніе перваго изъ западныхъ епископовъ, епископа римскаго, къ которому обращались глаза и надежды всѣхъ народовъ, угнетенныхъ игомъ аріанскимъ. Соборъ за соборомъ собирался для рѣшенія дѣлъ церковныхъ и вскорѣ дѣлъ государственныхъ; дружное и цѣльное сословіе лицъ духовныхъ захватывало всякій день болѣе и болѣе права всѣхъ другихъ сословій. Оно искажалось въ ожесточеніи борьбы; оно явилось ужаснымъ въ день торжества. Безнравственная и безсильная аристократія германскихъ завоевателей утратила равнодушіемъ большую часть своихъ правительственныхъ правъ; эти права перешли къ епископамъ*). Они возводили на престолъ и низводили царей, принуждая ихъ къ повиновенію страхомъ меча и мятежей; они издавали законы гражданскіе, смѣшивая ихъ съ законами церковными; они рѣшали судьбу государства. Но вся эта жизнь, возникшая изъ древне-римской грубо-государственной жизни, была жизнію внѣшнею, безъ всякаго внутренняго, живого содержанія. Нигдѣ не была такъ безпредѣльна власть западнаго духовенства. Какіе же были ея плоды? Привычное къ кровавой борьбѣ, оно послѣ побѣды издало кровавые законы противъ иновѣрцевъ, постановленія ужасныя и безнравственныя, не уступающія ни въ чемъ позднѣйшимъ постановленіямъ свирѣпой инквизиціи [1]). Невѣжественное и гордое своимъ политическимъ значеніемъ и силою своихъ безпрестанныхъ соборовъ, оно, забывъ любовь к согласіе, неизмѣнность преданія и неприкосновенность вселенскихъ соборовъ, самовольно и безъ согласія другихъ церквей измѣнило всеобщій символъ вѣроисповѣданія. Не вдругъ согласился папа на такое измѣненіе, но онъ принужденъ былъ уступить угрозамъ гордаго духовенства и допустилъ измѣненный символъ. Преемники слабаго

[1]) Ср. т. II-й, 3-е письмо къ Пальмеру. *Изд.*

папы пошли далѣе: они утвердили символъ толедскаго собора, и христіанскій міръ былъ разорванъ на двѣ, доселѣ непримиримыя, половины, и вся исторія человѣчества измѣнилась, получивъ новыя сѣмена раздора и вражды. Таковъ подвигъ духовенства испанскаго; таковъ подвигъ готской Испаніи.

Послѣ преступнаго торжества наступилъ день тяжкаго наказанія. На берегахъ Гвадаледы, подъ холмами Хереса-де-ла Фронтера, сошлось небольшое войско восторженныхъ Аравитянъ (призванное готскими бѣглецами) съ многочисленнымъ ополченіемъ дряхлаго царства. Восемь дней длился бой, на девятый архіепископъ и дѣти царя Витицы съ ихъ дружинами подняли знамя измѣны и бросались на христіанъ и единокровныхъ братьевъ. Царство погибло; въ болотной грязи погибъ его послѣдній царь, роскошный и развратный, явившійся на бранное поле въ великолѣпной колесницѣ, въ золотыхъ доспѣхахъ и въ пурпуровой мантіи. Почти безъ сопротивленія покорилась законамъ ислама готская Испанія, какъ за два вѣка съ половиною покорилась Испанія римская мечу Гота и Вандала. Города отворяли ворота свои побѣдителю, жители безмолвно преклоняли колѣна, и впереди завоевательной дружины шелъ измѣнникъ-архіепископъ, нѣкогда гонитель иновѣрцевъ, теперь проповѣдникъ непобѣдимаго ислама. Такъ сошли Вестготы съ поприща исторіи. Нѣсколько сотенъ храбрыхъ воиновъ ушли въ горы Арагоніи и въ пригорья пиренейскія, гдѣ крутыя дебри и смуты мавро-аравійскаго царства спасли ихъ отъ гибели и отъ совершеннаго рабства.—И снова прошло нѣсколько вѣковъ. Исламъ ослабъ; христіанская Европа окрѣпла, и новое царство, но уже не готское, а романское, съ малою примѣсью Гота и Франка, образовалось на пиренейскомъ полуостровѣ, и все прежнее исчезло безъ слѣда въ бытѣ и государственной жизни. Но сѣмя зла, какъ и сѣмя добра, не гибнетъ. Разрывъ церкви, начавшійся на толедскомъ соборѣ, совершился вполнѣ, и духъ безнравственнаго гоненія, завѣщанный народу духовенствомъ готской эпохи, развился во всей своей свирѣпости и зажегъ съ конца въ конецъ западной Европы позорные костры ин-

квизиціи. Но подвигъ Испаніи еще не совершился. Великій Генуэзецъ открылъ для нея Новый Свѣтъ, и она залила этотъ Новый Свѣтъ кровью туземцевъ и озарила его пламенемъ своихъ костровъ. И опять прошло нѣсколько вѣковъ, и Испанія, никогда не понимавшая вѣры иначе какъ религію внѣшнюю и христіанство иначе какъ какой-то новый брахманизмъ съ кушитскими заклинаніями, бьется въ судорогахъ безсилія: полу-мертвое тѣло, брошенное на позоръ живымъ народамъ Европы.

Завоеванія Меровинговъ на Востокѣ.

Единство меровейской Франціи, основанной дружиною личною, и всегдашній союзъ съ властію духовною и съ ея главнымъ представителемъ на Западѣ, епископомъ римскимъ, дали Меровингамъ рѣшительный перевѣсъ передъ всѣми ихъ соперниками. Завоеваніе юго-западной и западной Германіи доставило преемникамъ Хлодовика огромную область и неистощимый источникъ дружинныхъ силъ. Отношенія ихъ къ другимъ, восточнымъ семьямъ германскимъ открыли имъ въ то-же время легкое средство къ большему расширенію предѣловъ государства подъ видомъ покровительства. Освободившіеся Славяне не утратили еще завоевательнаго направленія, даннаго Гуннами. Они налегали съ Востока на окраины германскаго міра и безпрестанно угрожали вторженіемъ. Новый толчекъ былъ данъ имъ чуднымъ племенемъ Аваровъ, угнетателей и въ то же время внѣшнихъ совокупителей славянскаго міра. Дружины славянскія затопили Элладу и громили своихъ западныхъ сосѣдей; но этотъ напоръ, достаточный для уничтоженія или порабощенія мелкихъ германскихъ семей, не имѣлъ того могучаго единства, которое при Гуннахъ сокрушило всю Европу, римскую и германскую. Авары были пришлецами, иноплеменниками и инокровниками, временно совокупляющими силу славянскую для своихъ личныхъ выгодъ; Гунны были сами Славяне, единокровные и единодушные братья. Франки, явившись покровителями слабыхъ Германцевъ восточныхъ, побѣдили и отодвинули или покорили своихъ славянскихъ противниковъ и расширили государство свое до Панноніи, Кар-

патовъ и Альповъ норійскихъ. Но въ то же время они покорили и братьевъ своихъ, освобожденныхъ Германцевъ (напр., Тюрингію) и замѣнили прежнюю жизнь народныхъ дружинъ франкскою системою дружины королевской, искажая прежній организмъ и его естественное развитіе преобладаніемъ устройства условнаго или государственнаго. Упорнѣе была защита сѣверной и сѣверо-западной Германіи. Саксонцы продолжали расширять свою область и крѣпчали въ воинственныхъ силахъ. Приморскіе Фризы удерживали свободу своей болотистой и непроходимой страны до самыхъ устьевъ Рейна. Общинная жизнь народа сохранилась еще въ лѣсахъ и между озеръ Голландіи, у славянскихъ Вильцевъ (очевидно, Венды *Вильцы* или *Великіе*) и Варновъ, по всей вѣроятности ихъ единокровныхъ братьевъ.

Самые Фризы, несмотря на ихъ безспорное германское начало, кажется, принадлежатъ къ народамъ не чисто-германскимъ и содержатъ весьма много славянской примѣси. Таковъ выводъ изъ всего ихъ быта, отчасти изъ ихъ нарѣчія, изъ ихъ союзовъ съ Вильцами и Варнами, изъ склонности къ торговлѣ и устройству торговыхъ городовъ (напр., Ставоры, которой имя, вполнѣ славянское, окружено сказками и миѳами, носящими также славянскій характеръ, какъ-то о казни народной за гордость, богатство и за презрѣніе къ хлѣбу) *). Земля фризонская была безспорно славянскимъ поморьемъ, мало-помалу германизованнымъ отъ безпрестаннаго наплыва сосѣднихъ Германцевъ, можетъ быть, завоевателей, но принявшихъ бытъ и характеръ прежняго племени туземнаго. Этимъ объясняются и долгое сопротивленіе Фризовъ противъ франко-германскихъ царствъ, и глубокая взаимная ненависть между ими и Франко-Германцами, и трагическая ихъ судьба во время среднихъ вѣковъ. Вообще нельзя не замѣтить упрямой близорукости въ критикѣ, которая не хочетъ или не можетъ догадаться о тождествѣ народныхъ стихій въ Вильцахъ или Велетабахъ (*Величавый*) и Варнахъ. Жилища ихъ одни и тѣ же, жизнь политическая заодно. Самое же имя Варновъ происходитъ отъ *вѣра*, то же что *вара* въ словѣ *Гуннивaръ*, или *вара*, т.-е. община, согласіе или миръ. Тождество Варновъ и Вильцевъ указываетъ опять на общія славянскія начала въ Фризахъ и Саксонцахъ. У обоихъ преобладаетъ, какъ у Славянъ, идея домовитости, хозяй-

ства, весьма далекая отъ военной основы общества чисто-германскаго; названіе хлѣба (*hlaibs*, *laib* и т. д.) у этихъ народовъ происходитъ явно отъ славянскаго *хлѣбъ* (корень *хлебать*, параллельное ему въ среднемъ *хлябать*), а отъ этого слова происходитъ множество словъ, означающихъ различныя гражданскія отношенія въ обществѣ фризо-саксонскомъ. Впрочемъ имя хозяина *hlaford*, объясняемое въ смыслѣ хлѣбодателя, кажется нѣсколько сомнительнымъ; едва ли оно не происходитъ отъ слова *главарь* (корень *глава*). Въ обоихъ же случаяхъ оно одинаково основано на славянскомъ понятіи и на славянскомъ словесномъ корнѣ.

За всѣмъ тѣмъ, несмотря на упорное сопротивленіе Фризовъ, на возрастающее могущество Саксовъ, на соперничество Славянъ въ восточной Германіи и на частныя неудачи (какъ, напр., пораженіе Славянами союзнаго войска Франковъ, Баварцевъ и Саксовъ въ 630-мъ году) *), франкское царство росло и крѣпчало. Оно мало-по-малу заключило въ себѣ почти всѣ силы германскаго племени отъ Карпатовъ до Атлантики и заключило ихъ въ единство дружины королевской, системы аллодіальной, почти столь же способной къ завоевательной, какъ и оборонительной войнѣ и благопріятной для цѣльности государственной. Дальнѣйшее развитіе франкскаго царства было остановлено междоусобіями, естественнымъ послѣдствіемъ понятія о равенствѣ правъ всѣхъ потомковъ короля (дружиноначальника) на его наслѣдство, какъ въ отношеніи къ его собственной огромной долѣ въ завоеванныхъ областяхъ, такъ и въ отношеніи къ предводительству надъ дружиною. Франція, раздѣленная и разорванная на части, лишилась временно силъ для внѣшняго дѣйствія; но мало-по-малу, послѣ кровавыхъ раздоровъ, послѣ ужасовъ, которымъ мало подобныхъ находится въ исторіи Европы и которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ развратѣ, завѣщанномъ Римомъ своимъ вѣковымъ наемникамъ и рабамъ, идея единства государственнаго и дружиннаго восторжествовала. Королевскій домъ Меровинговъ принялъ новые законы престолонаслѣдія, устранявшіе причину прежняго раздора. Тогда выступило другое начало, дотолѣ еще не имѣвшее значительнаго вліянія на исторію, и до

нашего времени не замѣченное критикою историческою, но въ развитіи своемъ сгубившее мерогвинскую династію и опредѣлившее отчасти весь ходъ исторіи французской въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Общій характеръ развитія Франціи и Западной Европы.

Хлодовикъ былъ вождемъ дружины и передалъ это право своему потомству; но въ то же время онъ принялъ званіе патриція (истинное коронованіе по всѣмъ обрядамъ) и благословеніе церкви. И то и другое относилось не къ дружинѣ, весьма равнодушной къ римскому титулу и болѣе чѣмъ наполовину чуждой христіанству, но къ туземцамъ завоеванной Галліи. И это значеніе короля-патриція и лица полудуховнаго перешло къ царственнымъ потомкамъ Хлодовика; церковь римская продолжала ихъ называть своими любимыми чадами, покровителями церкви, несмотря на отвратительный развратъ ихъ кровавой жизни. Наступило время умиренія и единства царскаго для Франціи; но тогда ярче и живѣй выразилась двойственность королевскаго сана, соединяющаго въ одномъ лицѣ вождя и царя. Высокая человѣческая истина нравственной идеи превозмогла. Вождь уступилъ царю. Облагороженный потомокъ свирѣпаго и вѣроломнаго Меровинга явился царемъ тишины и духовной правды, промѣнявъ браннаго коня на мирную упряжь бѣлыхъ воловъ и мечъ воина на жезлъ патріарха. Его слуги, приказчики его домовитаго хозяйства (majores domus, вѣроятно то же чтó *Thuneinus*, *тіунъ* съ ключами) повели на бой его воинственныя рати и стали править дѣлами дружины, полузабытой королемъ. Гордая сила дружины не стерпѣла своего униженія: она вспомнила свое древнее право выбирать себѣ вождя, право, принадлежащее собственно дружинамъ народнымъ, но присвоенное дружиною личною по слабости королей. Народъ завоевателей возвратился къ обычаю, засвидѣтельствованному великимъ историкомъ упадающаго Рима, къ обычаю ставить царя по роду, вождя по доблести (reges ex nobilitate, duces ex virtute); мэры, избранники дружины, стали противъ короля, представителя завоеваннаго народа и духовенства, свободные и само-

властные, но признающіе еще повидимому власть мирныхъ своихъ владыкъ. Франція раздѣлилась на свои двѣ стихіи: на землю завоеванныхъ Римлянъ и завоевательныхъ Германцевъ, на западъ и востокъ, Невстрію и Австразію. Каждая половина избирала своего мэра; и между мэрами начались раздоры, какъ прежде между царями, и слабые короли по неволѣ благословляли побѣдителей, и нравственное лицо мирнаго судьи величественно рабствовало передъ торжествующими начальниками дружины. Германская земля была сильнѣе галло-римской: Австразія побѣдила. Великій родъ Пипина Геристальскаго получилъ наслѣдственное званіе мэра и подавилъ почти вполнѣ родъ Меровинговъ. Безсильный народъ молчалъ; но духовенство не мирилось съ новой властію: оно проклинало Карла Мартела, побѣдителя Мавровъ и спасителя Франціи, побѣдителя идолопоклонниковъ Фризовъ и распространителя христіанства. Оно понимало вражду, едва скрытую подъ личиною покровительства. Наступило время опасности для епископа римскаго отъ грозы Лонгобардовъ. Онъ просилъ покровительства отъ Франціи; ничтожные короли не могли подать помощи; могучіе мэры не захотѣли ее подать изъ видовъ личной выгоды. Глава Западной церкви отступился отъ своихъ любимыхъ чадъ Меровинговъ, и новыя любимыя чада были усыновлены. Короли Меровинги угасли въ монастыряхъ. Потомки Пипина—Карловинги вступили на престолъ, совокупляя въ себѣ и званіе мэра и званіе царя.

Такъ въ VIII вѣкѣ кончилась первая династія; но двойственность началъ не исчезла, и нравственая идея снова превозмогла. Карловинги немедленно послѣ великаго Карла вступили въ то же поприще, по которому шли ихъ предшественники и такъ же исчезли, какъ Меровинги. Новая династія, Капетинги, замѣнила ихъ и продолжала прежнее дѣло, но не утрачивая вполнѣ своего воинственнаго значенія.

Такъ объясняется особенно лицо Людовика IX-го и безсознательное выраженіе французскаго писателя: *Le Roy est le grand juge de paix du royaume de France*.

Быть можетъ, Капетинги подверглись бы той же участи, какъ и ихъ предшественники; но народъ окрѣпъ; но короли поняли, что нравственное значеніе мирнаго судьи недоступно грубымъ понятіямъ безнравственнаго племени. Вмѣсто духовнаго оружія началъ правды человѣческой, они взяли оружіе римскаго права, и Филипъ Прекрасный и его преемники, бездушные крючкотворцы, стяжали побѣду, которую заслужили ихъ благородные предмѣстники. Таковы значеніе и характеръ первой французской исторіи, рѣзко отдѣляющіе ее отъ исторіи германской, основанной на другой почвѣ и подъ другими условіями.

Побѣды оружія, а еще болѣе союзъ съ римскимъ епископомъ распространили Францію и прославили Меровинговъ. Франки, властители почти всего Запада, располагали его судьбою; но вся эта внѣшняя, мертвая жизнь оставалась безъ плода для человѣчества. Ни слово, ни пѣснь, ни наука не просыпались ни въ области погибшаго Галла, ни въ дпкой странѣ Германца зарейнскаго. Темные вѣка ждали новаго свѣта.

Племя германское овладѣло западомъ Европы. Иранское ученіе, сохраненное Израилемъ въ продолженіе двадцати вѣковъ и мгновенно развившееся во всемъ своемъ величіи, сдѣлалось ученіемъ и вѣрою свѣжихъ и сильныхъ народовъ, назначенныхъ къ всемірному владычеству. Но ни ученіе, полное жизни и силы, ни народы, одаренные неистощимымъ богатствомъ разумныхъ способностей, не могли принести плодовъ животворныхъ для человѣчества. Народы германскіе, искаженные дикостью военной жизни въ своихъ родныхъ лѣсахъ, еще болѣе искаженные или развратнымъ владычествомъ Рима, или своимъ собственнымъ владычествомъ надъ Славяниномъ или Кельтомъ, сомкнулись окончательно въ форму условной дружины, въ форму касты безчеловѣчной и угнетательной, исполненной вражды и презрѣнія къ слабымъ народамъ романскимъ или кельто-кумрійскимъ, подпавшимъ ихъ игу. Ученіе мира, любви и просвѣтлѣнія духовнаго, принесенное съ Востока проповѣдниками-страдальцами, исказилось въ торжествѣ

своемъ надъ римскими началами. Въ побѣдѣ надъ религіею государственною и внѣшнею оно приняло характеръ религіи побѣжденной, характеръ внѣшній и государственный. Оно требовало не любви, а покорности, не вѣры, а обряда. Единство истинное, живое, единство духа, высказывающееся въ единствѣ видимыхъ формъ, замѣнилось единствомъ вещественной нормы, и понятіе объ этой нормѣ перешло мало-по-малу въ понятіе о власти, ставящей норму, въ понятіе о кастѣ, завѣдывающей духовнымъ дѣломъ, о духовенствѣ, признанномъ за церковь по преимуществу, и наконецъ объ одномъ епископѣ, епископѣ древняго Рима, выражающемъ и полное единство ученія, и полное единство духовной власти, и ея безусловную непогрѣшительность. Идея права лежала въ основѣ римской жизни, и римская жизнь, передающая новое начало просвѣщенія германскимъ завоевателямъ, передала имъ идею строго-логическаго права, не только въ бытѣ государственномъ, условномъ и слѣдовательно невозможномъ безъ подчиненія праву логическому, но и въ жизни духовной и религіозной. Кушитское начало логической необходимости проникло въ ученіе, завѣщанное иранскою Іудеею, и придало отношеніямъ человѣка къ Богу значеніе вѣчной тяжбы, молитвѣ и таинству смыслъ заклинанія, любящей вѣрѣ характеръ принудительнаго закона. Жизнь внутренняя и духовная оставалась еще на Западѣ достояніемъ Кельто-Кумрійцевъ, Ирландіи и отчасти Саксонцевъ въ Британніи, но имъ суждено было призвать къ просвѣщенію зарейнскую Германію, а самимъ погибнуть отъ внѣшняго насилія и отъ внутренняго раздора, принесеннаго изъ земель Романскихъ. Сѣмена зла, посѣянныя Римомъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи разума. Сѣмена вражды и ненависти, посѣянныя завоеваніемъ, должны были принести плодъ свой въ искаженіи духа, и Западъ долженъ былъ сомкнуться въ могущее цѣлое, извнѣ непобѣдимое и живое, внутри же нестройное, слабое и мертвое. Зародыши, брошенные въ первые вѣка христіанства на почвѣ германо-римской, выросли и созрѣли исторіею осьмнадцати вѣковъ.

Ходъ дѣлъ въ Византіи.—Религіозные споры.

Другія были явленія на византійскомъ Востокѣ. Тамъ жизнь государственная замерла, и только многовѣковая борьба противъ внѣшнихъ напоровъ продолжалась безъ надежды на торжество, безъ надежды на внутреннее обновленіе. Византійцы, заключивъ себя добровольно въ общественныя формы, завѣщанныя Римомъ, утратили возможность государственнаго развитія; но мертвенность общественная должна была мало-помалу отразиться и на отдѣльныхъ лицахъ и заковать объемъ ихъ помысловъ въ тѣсные предѣлы односторонности. Между тѣмъ великій подвигъ науки религіозной или наукообразнаго опредѣленія христіанскихъ ученій совершался мыслителями, преемниками эллинскаго просвѣщенія, и совершался не для одной Византіи, но и для всего европейскаго міра, принимающаго оти нея свѣтъ разума и норму вѣрованія. Безпрестанно являлись новыя ученія, вступали въ борьбу съ древнимъ преданіемъ и вызывали его къ яснѣйшему выраженію своего еще невысказаннаго смысла. Споры рѣшались на величественныхъ соборахъ, въ которыхъ участвовали духовные представители западныхъ областей и земель, покоренныхъ дикими иновѣрцами; но величественнѣе самихъ соборовъ, часто возмущенныхъ безчинствомъ низкихъ страстей (напр., собраніе въ Ефесѣ, извѣстное подъ именемъ ефесскаго разбоя), была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно высказывающаяся въ посланіяхъ, въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ или словесныхъ преніяхъ, въ пламенномъ участіи всѣхъ сословій, въ тонкостяхъ діалектики и въ громахъ краснорѣчія. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ церковной общинѣ *); они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. И такъ, само право представительства, также какъ и право приговора, не имѣло никакой условной или государственной основы, но утверждалось единственно на свободѣ духовнаго единства, не закованной никакими постановленіями

формальными. Соборъ былъ не власть, а голосъ, и въ этомъ-то отсутствіи власти формальной исторія должна признать неприкосновенность его власти разумной.

Таково было всегда воззрѣніе Востока; таково было и понятіе Запада, покуда еще не расторглось его общеніе съ Востокомъ. Отъ того-то ни число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая, наконецъ, внѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера вселенскаго, (т.-е. обще-церковнаго) *). Такъ, напр., на соборахъ, отвергнутыхъ церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какого не бывало и на соборахъ, названныхъ вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всѣми патріархами, не исключая римскаго (ибо рѣшеніе собора миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ—только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства. На этомъ основаніи понятно, какъ въ послѣдствіи флорентинскій соборъ, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ законности (ибо слабодушіе не извиняетъ никого), былъ отверженъ восточною общиною. Таково же было первоначальное понятіе о соборахъ и на Западѣ. Но въ послѣдствіи развитіе внѣшней или государственной религіи подавило прежнее ученіе, и учители Запада приняли внѣшнюю норму для сужденія о законности собора, норму, основанную на признакахъ внѣшнихъ, напр., на законности и правѣ лицъ, участвующихъ въ соборѣ, на числѣ ихъ, на согласіи съ Римскимъ епископомъ и т. д. [1]). Идея единства условнаго, правительственнаго (авторитета или власти) замѣнила идею единства внутренняго или органическаго (жизненнаго). Ясный взглядъ на этотъ вопросъ есть требованіе не догматики религіозной, но здравой исторической критики.

Самый ходъ развитія въ религіозной наукѣ представляетъ замѣчательную послѣдовательность и указываетъ на строгія требованія ума въ мірѣ эллинскаго образованія. Великіе вопросы, волновавшіе восточную имперію, скрываются теперь отъ поверхностнаго наблюдателя подъ формулами религіозной догма-

[1]) Обычная формула постановленій западныхъ соборовъ: Sacrosancta generalis synodus... in. Sp. S. „legitime“ congregata etc. *Изд.*

тики и не находятъ безстрастныхъ цѣнителей; но формулы догматическія были неизбѣжны, ибо дѣло мышленія во время первыхъ вѣковъ отъ Константина было не созданіе новой науки на свободной силѣ человѣческаго разума, но наукообразное или разумное уясненіе преданія; а преданіе неразрывно связано съ формами и формулами, въ которыхъ оно переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Историческій же обзоръ соборной дѣятельности, отстраняя всѣ подробности и случайности споровъ и ихъ внѣшнія формы, открываетъ и глубокій смыслъ ея, и великій подвигъ, совершонный духовною жизнію Византіи.

Община, освобожденная отъ гоненія и вызванная ученіями Арія, Діоскора и другихъ, выражаетъ свое понятіе о Божествѣ. Она не остается при неразвитомъ единобожіи Іудеи, содержащемъ въ себѣ необходимо или отрицаніе внутренняго явленія (лица) въ Божествѣ, или признаніе явленія (лица), какъ обнимающаго собою всю сущность Божества. Она признаетъ три явленія, связанныя внутреннею живою связью, свободныя отъ всякой случайности, и слѣдовательно совершенно полныя, и въ то же время признаетъ, что одно явленіе не можетъ обнять собою всю полноту первобытнаго духа. Далѣе, она отвергаетъ предположеніе, чтобы нравственное совершенство могло принадлежать какому-нибудь духу, кромѣ первобытнаго, и кладетъ переходъ къ вопросу объ отношеніи духа первобытнаго (Бога) къ созданному (человѣку).

Разумѣется, что вѣрность рѣшеній принадлежитъ анализу философическому; исторія разбираетъ только ходъ науки, а не удовлетворительность ея въ отношеніи къ отвлеченному мышленію.

Споры несторіанства и евтихіанства составляютъ вторую эпоху христіанской науки. Несторій отвергаетъ въ Мессіи-Искупителѣ божественность, обращая ее во внѣшнее вдохновеніе; Евтихій отвергаетъ человѣчество, обращая его въ видимый призракъ человѣчности.

Исторіи собственно нѣтъ дѣла до справедливости обвиненія, по скольку оно касается только до лицъ Несторія и Евтихія и до личнаго ихъ ученія. Она разбираетъ только школу и смыслъ ея.

Несмотря на видимую и прямую противоположность несторіанства и евтихіанства, окончательное значеніе обоихъ одинаково: оба удерживаютъ и утверждаютъ совершенное различіе Бога и человѣка и несовмѣстимость этихъ двухъ понятій въ одно.

Та же самая тождественность при прямомъ противорѣчіи или антагонизмѣ видна и въ отношеніяхъ первоначальнаго буддаизма къ шиваизму и протестантства къ романизму и вообще во всѣхъ ученіяхъ, отрицающихъ, но не исключающихъ другъ друга, будь они религіозныя или философскія: ни отрицаніе не освобождаетъ, ни примиреніе въ смыслѣ новѣйшей германской науки.

Характеръ несторіевой школы (точно такъ же какъ и евтихіевой) опредѣленъ былъ самой почвою, на которой развился. Онъ принадлежалъ по преимуществу сиро-палестинской области и представлялъ въ себѣ несомнѣнный отзвукъ еврейства (а можетъ быть и малоизвѣстныхъ религій финикійскихъ), признавая въ Мессіи только человѣка *). Евтихіанство, возникшее въ Египтѣ [1]), носило печать древне-египетскаго ученія; ибо, отрицая человѣчество въ Мессіи, оно ставило самую сущность Божества въ страдательное отношеніе къ случайности и слѣдовательно подчиняло ее законамъ видимаго міра (какъ въ кушитствѣ). Историческое изслѣдованіе прежнихъ вѣковъ связываетъ еще яснѣе этихъ двухъ мыслителей, такъ сильно волновавшихъ Востокъ, съ прежнею жизнію Палестины и Египта черезъ эбіонитовъ съ одной стороны, черезъ гностиковъ и Савеллія съ другой *).

Преданіе церкви представляетъ на тотъ же фактъ довольно любопытное указаніе, приписывая Сиріи евангеліе, писанное подъ именемъ апостола Луки, а Египту евангеліе апостола Марка, и признавая въ одномъ преобладаніе Мессіи-жреца (обозначеннаго эмблемою быка и слѣдовательно разсмотрѣннаго со стороны человѣчества), а въ другомъ преобладаніе Мессіи-царя (обозначеннаго львомъ, символомъ небеснаго, пожирающаго земное, слѣдовательно Мессіи-Бога). Впрочемъ тѣсное соединеніе церкви египетской и евтихіанства съ древнимъ Египтомъ виднѣе еще въ Оригенѣ, чѣмъ въ Савелліи. Глубокомысленный але-

---

[1]) Оно себя прикрывало авторитетомъ св. Кирилла Александрійскаго. *Изд.*

ксандріецъ, во многомъ учитель всѣхъ послѣдовавшихъ учителей, очевидно впадаетъ прямыми своими послѣдствіями въ пантеизмъ и въ ученіе о первоначальной необходимости, обращая самое зло нравственное въ призракъ. Таковы въ немъ слѣды аналитическаго язычества, несмотря на его борьбу съ окружающимъ его язычествомъ; точно такъ же какъ лучшая слава Запада (за исключеніемъ Августина, ибо Ириней принадлежитъ Востоку), карѳагенецъ Тертулліанъ, въ борьбѣ своей противъ языческаго Рима и Африки, сохраняетъ, самъ того не сознавая, характеръ кушита палестинскаго въ строгомъ ученіи о кровавомъ искупленіи, какъ заклинательномъ выкупѣ, и римлянина— въ строгомъ понятіи о внѣшнихъ, правомѣрныхъ отношеніяхъ человѣка къ Богу и о крещеніи, какъ дѣлѣ совершонномъ (opus operatum) *). Дальнѣйшія ошибки ихъ учениковъ и осужденія церкви очень понятны.

Арій, отстраняя внутреннія явленія въ Божествѣ, старался сохранить величіе его и въ то же время безсознательно унижалъ его, допуская въ твореніи совершенство нравственное. Точно то же было съ Несторіемъ и Евтихіемъ. Одинъ, приписывая человѣчеству почти исключительное участіе въ дѣлѣ искупленія, хотѣлъ его возвысить, и въ то же время унижалъ человѣка, отвергая въ Богѣ возможность быть человѣкомъ. Другой, предоставляя Божеству дѣло искупленія вполнѣ, унижалъ Божество, подчиняя его законамъ случайности. Каждый впадалъ въ ту самую крайность, которой хотѣлъ избѣгнуть; оба, такъ же какъ и Арій, полагали бездну между человѣкомъ и Богомъ, утверждая ихъ вѣчный разрывъ. Преданіе церкви, уясняясь, положило ихъ сліяніе въ одномъ лицѣ Мессіи Богочеловѣка. Далѣе, въ спорѣ съ полу-евтихіанцами (единовольниками) оно признало нераздѣльность нравственнаго опредѣленія (воли) съ логическимъ опредѣленіемъ (сущности) и утвердило для всѣхъ будущихъ вѣковъ возможность безконечнаго развитія, которое гибло въ признанномъ разрывѣ Божества и человѣка, опредѣленія нравственнаго и опредѣленія логическаго *).

Повторимъ, что исторія опредѣляетъ только смыслъ догматическаго разрѣшенія, а не законность его передъ судомъ философскаго анализа.

Значеніе соборовъ.

Соборы отстояли для человѣчества великое ученіе, котораго благотворные плоды питаютъ его донынѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка, въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ, и церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти на долго и, можетъ быть, ослабить навсегда византійскую имперію. Первые вѣка церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой внѣшней формы поклоненія. Государственное торжество христіанства при Константинѣ дало свободу внѣшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренняго единства; духъ искусства создалъ новыя молитвенныя пѣсни, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ христіанства возстали мужи сильные ревностью и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ; но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно само часто беззаконно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затемнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едвали не чистота намѣреній была на сторонѣ гонителей-иконоборцевъ. Но народное убѣ-

жденіе, право и истина была на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смыслъ его для нея также теменъ, какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и достойно величія человѣческой исторіи, — болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны и мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго христіанство до идолопоклонства; не онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы; но его торжество было бы приговоромъ не надъ одними иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждаго человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили, и ихъ побѣда спасла неприкосновенность Церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго внѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Таково было дѣло второго собора никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни. Этотъ подвигъ останется незабвеннымъ и будетъ оцѣненъ вполнѣ, когда западная Европа освободится сколько-нибудь отъ своей гордой непріязни къ Востоку, а наука отъ своей тупой односторонности.

Юстиніанъ.

Жизнь политическая Византіи не соотвѣтствовала величію ея духовной жизни, но и она была не безъ славы и не безъ подвиговъ. Ни одно государство въ мірѣ не выдерживало такихъ безпрестанныхъ, такихъ грозныхъ напоровъ; ни одно

такъ долго съ нимъ не боролось. Волна за волной набѣгала съ сѣвера и востока, бѣдствіе за бѣдствіемъ обрушивалось на ветхое зданіе римской государственности, и оно держалось только живущимъ въ немъ духомъ эллинскаго разума и просвѣщенія. Гроза Германіи и западной Европы, Аттила и его Гунны отступили передъ гордою смѣлостью Маркіана. Опустошительный потокъ обратился на Италію; но Маркіана не стало, и его недостойные преемники не умѣли поддержать честь государственную. Обломки гуннскаго ополченія, Гепиды и Славяне (Венды и Анты) грабили сѣверную придунайскую область; Вандалы грабили Пелепонесъ. Своевольные слуги и наемники Имперіи, Остготы вели междоусобную войну и наконецъ, соединивъ свои силы подъ предводительствомъ великаго Ѳеодорика, создали новое независимое царство въ Италіи. Кавказскіе горцы и Персіяне опустошали весь Востокъ, а будущіе завоеватели полміра, Арабы-Сарацыны врывались съ юга въ Сирію и Палестину. Въ первой половинѣ шестаго вѣка взошелъ на престолъ византійскій государь, памятный въ исторіи человѣчества. Безпримѣсный Славянинъ, сынъ славянскихъ родителей (какъ видно изъ ихъ именъ, а особенно изъ имени матери—Бѣгленицы), Управда былъ призванъ на царство. Имя свое онъ перевелъ на правительственный, латинскій языкъ и назвалъ себя Юстиніаномъ.

Если бы еще нужно было доказывать, что Славяне были исконными жителями придунайской стороны и опровергать нелѣпое мнѣніе о движеніи Славянъ, будто бы врѣзавшихся въ Европу вслѣдъ за Гуннами, то имена Управды и его родителей одни уже могли бы достаточно убѣдить самыхъ упорныхъ скептиковъ. Ни Гунны, ни Славяне не врывались въ Имперію до половины V-го вѣка, а Юстиніанъ родился отъ славянскаго отца и славянской матери въ 482-мъ году, и ни одинъ писатель, ни изъ византійскихъ, ни изъ западныхъ, не считалъ и не называлъ его варваромъ или иноземцемъ. Не явно ли, что онъ былъ Славянинъ-туземецъ, потомокъ старожиловъ Иллиріи и Ѳракіи? *)

Ни воинственныя доблести, ни крѣпость духа не отличали Юстиніана-Управды. Чуждый ратному дѣлу, игралище при-

дворныхъ интригъ и развратной жены, не внушающій ни страха народу по добросердечію, ни глубокаго уваженія по недостатку твердости и самостоятельности въ дѣлахъ правленія, славянскій императоръ Византіи одною силою любви къ правдѣ и къ просвѣщенію, однимъ истинно-человѣческимъ сочувствіемъ съ человѣчествомъ пробудилъ стихіи мысли и жизни, заснувшія въ государствѣ, но еще уцѣлѣвшія въ членахъ его. Его эпоха была эпохою славы слишкомъ мимоходной, но она останется навсегда замѣчательною по своему вліянію на науку права и на религіозное искусство.

Дѣйствія Юстиніана въ подробностяхъ своихъ представляютъ часто или жестокость или безсиліе: въ общихъ начерганіяхъ и намѣреніяхъ они запечатлѣны величіемъ и глубокимъ чувствомъ христіанства и правды. Безъ уваженія нельзя вспомнить о государѣ, требовавшемъ отъ кавказскихъ дикарей, чтобы они впередъ не скопили плѣнниковъ, и рѣшившемся на войну для этой одной цѣли *). Требованіе Юстиніана напоминаетъ отмѣненіе человѣческихъ жертвъ въ Карѳагенѣ по приказанію великаго сына Гистаспова *). Чисто-нравственныя побужденія такъ рѣдко являются въ исторіи, что она не имѣетъ права миновать ихъ безъ вниманія.

Африка была снова вырвана у Вандаловъ, Италія у Вестготовъ. Велисарій и Нарсесъ напомнили міру о прежнихъ торжествахъ римскаго оружія и германскимъ дикарямъ о ничтожности ихъ нестройнаго мужества передъ образованною силою Рима. Персія была удержана въ своихъ границахъ, не смотря на предпріимчивое славолюбіе и воинственность Хозроя. Славянскіе Болгары отодвинуты за Дунай. Земля византійская расширилась снова отъ Каспія и цѣпи демавендской до Атласа и западнаго океана. Зодчество вспомнило свое древнее величіе, и своды Софійскаго собора смѣло поднялись къ небу, какъ духовный гимнъ, въ урокъ будущимъ вѣкамъ и въ свидѣтельство неумирающей художественности на землѣ Эллады. Полное и величественное собраніе гражданскихъ законовъ (лучшій памятникъ древняго общественнаго міра), составленное подъ надзоромъ самого императора, спасло для потомства

выраженіе праводатной мудрости Рима, мудрости часто соблазнительной и вредной для новѣйшихъ народовъ, но еще чаще богатой наставленіями для всѣхъ временъ и безъ сомнѣнія никѣмъ не превзойденной. Таковъ былъ подвигъ Юстиніана, но онъ не могъ остановить паденія государственнаго.

Языческая и христіанская стихія въ Византіи.

Слишкомъ силенъ былъ внѣшній напоръ и слишкомъ слабъ былъ внутренній составъ государства. Право, переданное Римомъ завоеванному Западу, было для него только полицейскимъ уставомъ благочинія; тоже право переданное Эллину, было для него только наукою, которую онъ разработывалъ наравнѣ съ другими, но которая, обогащая его разумъ, мало отражалась въ его жизни. Догматика закона дѣйствовала столь же слабо на общество, сколько и догматика религіозная; онѣ процвѣтали одинаково какъ отрасли частнаго знанія для каждаго отдѣльнаго лица и одинаково оставались безплодными для жизни народной. Сверхъ того, самое право римское, чудно-логическое развитіе условныхъ и произвольныхъ данныхъ, не имѣло ничего общаго съ началомъ новаго вѣрованія, принятаго со временъ Константина. Раздѣленіе человѣка на христіанина-аскета, равнодушнаго ко всей внѣшней жизни, и на христіанина страдательнаго, покоряющагося случайнымъ законамъ государства, сохранилось. Право гражданское, точно такъ же какъ и право государственное (да едва ли они могутъ быть строго отдѣлены другъ отъ друга) было независимо отъ вѣры. Цари, наперекоръ христіанству, назывались *божественными* (*divus*) и величались *нашею вѣчностію* (*perennitas nostra*); законы о бракѣ, о рабахъ, о собственности и пр. сохраняли неизгладимую печать языческаго равнодушія къ началамъ нравственности. Церковь, сознавая себя совершенною, не прилагала и не старалась приложить себя къ вѣчно-несовершенному устройству общества, дозволяя ему пользоваться двусмысленнымъ правомъ называть себя христіанскимъ по вѣроисповѣданію лицъ, составляющихъ оное. Она была права, ибо черезъ такое равнодушіе ко всему временному сохраняла въ

неприкосновенности внутреннюю чистоту и свободу своего ученія; но съ другой стороны она не питала въ душѣ гражданина нравственнаго стремленія къ согласію между его обязанностями гражданскими и человѣческими, она не внушала ему надежды на лучшее будущее и не напоминала ему великой истины, что внѣшняя форма должна, поздно или рано, сдѣлаться выраженіемъ внутренняго содержанія, и что право должно наконецъ опереться не на условныя и произвольныя, но на вѣчныя и человѣческія начала. Признавалась просвѣтительная сила христіанства, но не сознавалась его строительная сила. Такое раздвоеніе удержалось до конца византійской имперіи. Правда, христіанство не осталось безъ вліянія на науку гражданскую, многіе частные законы измѣнились; но не было во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ ни полноты, ни сознанія. Право сохранило свою независимость отъ вѣры и слѣдовательно отъ самой жизни народа или отъ ея лучшей части. Непримиренныя половины остались одинаково безсильными.

Государственное право не подвинулось ни на шагъ. Византія не знала, такъ же какъ и Римъ, законовъ престолонаслѣдія. Народное избраніе было истиннымъ, хотя и непризнаннымъ, основаніемъ права на престолъ, и самое наслѣдство по рожденію сопровождалось дѣйствительно или безмолвнымъ избраніемъ, или вѣнчаніемъ преемника еще при жизни предмѣстника. Точно тоже было и въ Римѣ.

Поэтому строгій судъ историковъ надъ возмутителями и притязателями на престолъ очень нелѣпъ, когда относится къ исторіи Римской имперіи. Въ немъ высказывается крайнее незнаніе коренныхъ началъ государства.

Со временъ Траяна вполнѣ освободились провинціи отъ столицы и утвердили за собою право на избраніе императора. Этотъ періодъ продолжается до окончательнаго раздѣленія Имперіи на восточную и западную. Западная пала; восточная должна была въ уменьшенномъ объемѣ повторить и дѣйствительно отчасти повторила явленія великой римской державы; но новыя случайности жизни измѣнили выраженіе прежняго

начала. Провинціи, безпрестанно наводненныя, отчасти даже населенныя варварами, утратили память своего права или возможность имъ пользоваться. Граждане-христіане, раздвоенные въ душѣ своей непримиреннымъ разногласіемъ жизни частной, христіанской и жизни государственной, языческой и римской, становились со дня на день болѣе равнодушными къ общегосударственному дѣлу и предоставляли свою судьбу области ближайшей къ средоточію правительства. Такимъ образомъ новая столица, Византія, богатая по своему положенію на торговомъ перепутіи, охраненная моремъ и стѣнами почти неприступными отъ нашествія иноплеменниковъ, средоточіе науки и просвѣщенія, а еще болѣе средоточіе всѣхъ честолюбій и своекорыстныхъ страстей, пріобрѣла права, вырванныя силою провинцій у своеволія римскаго и снова утраченныя ихъ безсиліемъ и равнодушіемъ. Она сдѣлалась не столицею, а вполнѣ правительницею государства.

Ираклій, спаситель Имперіи, былъ едва ли не послѣднимъ императоромъ, даннымъ провинціею всей Имперіи. Другіе, пришедшіе также изъ областей, или поднятые на престолъ войскомъ, опирались всегда на партіи, существующія въ столицѣ; вообще же эти примѣры довольно рѣдки.

Жизнь Имперіи сосредоточивалась въ столицѣ. Возмущенія провинцій, часто справедливыя и благородныя, ибо возникали изъ потребности правды и доблести въ государѣ, замѣнились возмущеніями развратной столицы и заговорами всегда и вездѣ развратнаго двора. Избраніе народное было такъ же слѣпо, какъ и естественное преемство престола. Но и престолонаслѣдіе родовое было сопряжено въ Византіи съ большими неудобствами, чѣмъ гдѣ-либо. Раздвоеніе человѣка и гражданина убило жизнь нравовъ гражданскихъ; оно же убило и жизнь нравовъ христіанскихъ. Развратъ частный былъ такъ же великъ, какъ и развратъ гражданскій (хотя онъ безспорно былъ менѣе гнусенъ, чѣмъ на Западѣ въ эпоху средневѣковой простоты, хваленой пристрастіемъ и невѣжествомъ, или въ эпоху первыхъ германскихъ государствъ до Карла Вели-

каго). Молодой государь, зараженный пороками города и двора, при восшествіи своемъ на престолъ не находилъ ни одной точки опоры, ни въ себѣ, ни внѣ себя; и всѣ его усилія, если онъ былъ (какъ часто случалось) одаренъ величіемъ ума и души, сокрушались объ мертвенность общественнаго тѣла, уже неспособнаго принять новый духъ жизни и силы. Иначе и быть не могло, ибо шаткая случайность естественнаго престолонаслѣдія исправляется только постоянствомъ живыхъ обычаевъ и нравовъ общественныхъ.

Такова была судьба государства, скованнаго въ формы, завѣщанныя язычествомъ, скованнаго великими воспоминаніями прошедшаго, скованнаго прежнею славою и своею народною гордостью, принявшаго христіанство, но не освобожденнаго христіанствомъ. Мертвое тѣло элинно-римлянина давило христіанина. Жизнь духа и мысли, жаръ поэзіи, все лучшее и святое бѣжало изъ общества, которому не хотѣло покориться и котораго побѣдить не могло, въ пустынныя обители Египта, въ нагорные монастыри Эллады и Сиріи, оставляя государство на произволъ разврата и корысти, на добычу неизбѣжнаго и неисцѣлимаго гніенія.

Великая эпоха Юстиніана должна была скоро миновать. Ея величіе принадлежитъ кроткой и разумной личности императора, многія изъ ея бѣдствій принадлежатъ его слабодушію; ея безплодность для Имперіи принадлежитъ мертвенности самаго государства. Недостойные преемники слѣдовали за Юстиніаномъ.

Авары и Болгаре.—Ихъ отношеніе къ Славянамъ.

Между тѣмъ волненіе средней Азіи бросало все болѣе и болѣе народы ея на область племени иранскаго. Воинственные жители Алтая, Турки, разрушили царство Гунновъ восточныхъ (Ефталитовъ) *), основали новую державу въ колыбели славянскаго племени (Бактріи) и грозили Персіи, которую суждено было имъ впослѣдствіи завоевать; отряды ихъ проникали по сѣверному берегу Каспійскаго моря до Кавказа и прорывались черезъ его снѣжную преграду, или, дружась съ Византіею, напали на Славянъ и Финно-Турокъ придон-

скихъ; или, ссорясь съ нею, опустошали ея владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря и разоряли босфорскіе города въ Тавридѣ. Движеніе Гунновъ еще не кончилось. Во время великаго Аттилы они, оставляя въ покоѣ Византію, освободили своихъ братьевъ, западныхъ Славянъ, отъ ига иноземцевъ и, поколебавъ римскую имперію, бросили испуганныхъ Германцевъ на землю Кельтовъ и Римлянъ и на край Европы *). Тѣже Грунны подъ именемъ Болгаръ (Приволжцевъ, отъ Болги —Волги) стали мало-по-малу переселяться съ Волги на благодатные берега Дуная и набѣгать на область византійскую. Слабѣе и слабѣе становилось населеніе славянское на Волгѣ, сильнѣе и сильнѣе становился напоръ финно-турецкихъ и кавказскихъ народовъ. Болгаре, такъ же какъ и Гунны, приняли уже (какъ мы видѣли и какъ засвидѣтельствовано китайскими лѣтописями) въ составъ своего казачества Уйгуровъ, бѣглецовъ изъ средней Азіи; но въ нихъ еще преобладала славянская стихія и, несмотря на враждебныя столкновенія съ Славянами-старожилами придунайской стороны, они скоро стали жить и воевать съ ними заодно, все болѣе и болѣе очищаясь отъ незначительной чуженародной примѣси.

Другое бѣдствіе грозило міру славянскому и Византіи.

Поверхностная критика нѣсколькихъ нѣмецкихъ писателей утвердила или породила въ ученомъ мірѣ мнѣніе о жестокой первоначальной враждѣ Болгаръ, иначе Волоховъ, противъ Славянъ, и о бѣгствѣ Славянъ передъ ними съ Дуная на Сѣверъ и т. д. Мнѣніе это почти не стоитъ опроверженія. Можно ли предположить сильное переселеніе семей славянскихъ на сѣверъ въ то время, когда наиболѣе является ихъ неудержимое стремленіе къ югу? Можно ли думать, что они въ шестомъ столѣтіи ушли къ истокамъ Эльбы (или Лабы) и къ верховьямъ Днѣпра, когда въ концѣ пятаго и во все продолженіе шестого они нападаютъ на землю византійскую и на сѣверо-восточную Италію; когда, наконецъ, они въ концѣ шестого вѣка составляютъ главную силу ополченій, осаждающихъ Византію, а въ началѣ седьмого переселяются по приглашенію императоровъ цѣлыми, большими племенами въ опустошенную Паннонію и Далмацію и мало-по-малу завоевываютъ всю Элладу и самый Пело-

поннесъ, гдѣ доселѣ живутъ ихъ потомки, получившіе недавно новую жизнь и свободу подъ именемъ Грековъ? Мнѣніе о бѣгствѣ Славянъ съ береговъ Дуная на сѣверъ передъ Болгарами (тѣми же Славянами, отдѣленіемъ древняго сако-гуннскаго казачества) не выдерживаетъ разбора: оно основано на весьма простой ошибкѣ. Болгаре назывались также и Вологами (вѣроятно Вольгары по двумъ произношеніямъ имени Волги), а имя Вологъ ввело старыхъ лѣтописцевъ въ обманъ. Они смѣшали его съ именемъ Волоховъ или Влаховъ, т.-е. Кельтовъ (отъ Гаэль, Гаэлахъ), завоевавшихъ въ древности часть придунайской стороны, Чехію, гдѣ они оставили свое имя (Бойевъ) и землю прикарпатскую (теперешній Галичъ и можетъ быть, часть Волыни). Имя же Кельтовъ, вѣковыхъ владѣтелей сѣверной Италіи, было перенесено Славянами, такъ же какъ и Германцами, на Итальянцевъ-Римлянъ, и преданіе о бѣгствѣ передъ древними Влахами-Кельтами и особенно Римлянами во дни Траяна и паденіе Гетовъ было перенесено полу-ученымъ, полу-забывчивымъ потомствомъ на Болгаръ (Вологовъ), Славянъ, которые никогда своей братьи ни откуда не выгоняли. Кто не узнаетъ Римлянъ по ихъ языку въ переродившихся ихъ потомкахъ, Валахахъ? И кто замѣтилъ что-нибудь неславянскаго въ Болгарахъ?

Отъ востока и очевидно отъ юго-востока теперешней Россіи двинулся воинственный народъ, свирѣпый и грабительный, враждебный всѣмъ другимъ народамъ и совершенно чуждый всякому просвѣщенію. Этотъ народъ явился подъ именемъ Аваровъ. По нравамъ своимъ онъ могъ бы быть приписанъ и доселѣ приписывается къ вѣтви Финно-Турецкой; но восточныя лѣтописи не знаютъ его имени. Первое его появленіе на устьяхъ Дона нисколько не укавываетъ на средне-азійскую колыбель, и имена князей аварскихъ и многія особенности въ ихъ обычаяхъ также не указываютъ на семью тюркскую. При теперешнихъ данныхъ трудно и едва ли возможно опредѣлить истинное происхожденіе Аваровъ; одно только безпристрастное и ученое изслѣдованіе особенностей нарѣчія аварскаго въ горахъ кавказскихъ представитъ, можетъ быть, со временемъ данныя для разрѣшенія этого темнаго вопроса.

Разумѣется, надобно будетъ отдалить всю стихію тюркскую, занятую Аварцами отъ сосѣдей, и опредѣлить стихіи, принадлежащія въ особенности ихъ малой семьѣ.

Движеніе Аваровъ очевидно шло на перерѣзъ направленію, взятому Болгарами на юго-западъ отъ средней Волги къ устью Дуная и само было направлено прямо на западъ или даже на сѣверо-западъ. Страна прикавказская была точкою отправленія, далѣе которой невозможно прослѣдить ихъ. Возвратнаго движенія аварскаго народа или отдѣленія отъ него какой-нибудь вѣтви исторія не знаетъ, а между тѣмъ имя ихъ сохранилось съ ихъ воинственною славою въ неприступныхъ горахъ сѣверо-восточнаго Дагестана; слѣдовательно нѣтъ никакой разумной причины искать имъ отечества внѣ кавказской области *).

Смѣшно бы было предполагать тождество Аваровъ и мнимыхъ Абировъ византійскихъ писателей. Абиры, какъ уже сказано, ничто иное, какъ простое искаженіе слова Сабиръ, Сіянъ-бій (какъ Манджуръ—Манджуй и Татаръ—Татань).

По всѣмъ вѣроятнвстямъ Аваровъ должно считать остаткомъ первожителей кавказскихъ, обломковъ того великаго и завоевательнаго племени, которое грозою меча и дикаго мужества разгромило всю западную и среднюю Европу и бросило свои колоніи далеко на югъ въ Испанію и Италію и сѣверную Грецію,—племени кельто-кумрійскаго. Имя уже извѣстное въ далекой Галліи (напр., въ землѣ Битуриговъ городъ *Аварикумъ)*, гремѣвшее въ Италіи и Панноніи подъ другою формою *Омброновъ* и *Амброновъ*, появляется снова въ своихъ обѣихъ формахъ,—Аваровъ у византійцевъ и Обровъ у Славянъ, и оно является опять со всѣмъ прежнимъ ужасомъ неукротимой воинственности *).

Разумѣется, не должно предполагать полнаго сохраненія кельто-кумрійской стихіи во всей ея чистотѣ отъ VI-го вѣка прежде Р. Х. до VI-го послѣ Р. Хр. Это бы было предложеніе безумное, особенно при огромномъ и безпрестанномъ движеніи народовъ на Кав-

казѣ и при его подножіяхъ. Но нельзя не замѣтить, что и теперь въ сѣверномъ Дагестанѣ сосѣди и кажется, одноплеменники Аварцевъ, Ингуши, называютъ себя Галами и что въ юго-восточной Венгріи, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ сохранились еще потомки древнихъ Аварцевъ, горный Шотландецъ узнаетъ свой пестрый тартанъ и слышитъ волынку, любимую музыку своихъ родныхъ долинъ. Можетъ быть, самое имя волынки, какъ и области волынской, удержало память о гальскомъ началѣ.

Отъ Кавказа двинулись Авары въ половинѣ VI-го вѣка на устья Дона, перехватили путь Болгарамъ, побѣдили ихъ, такъ же какъ и ихъ союзниковъ Антовъ, разбили отдѣльныя семьи уйгурскія, кочевавшія въ то время по всей степной области отъ Волги до Дуная; вѣроятно увлекли ихъ съ собою и, накопляя все новыя и новыя силы, завоевали или разгромили всю область прикарпатскую, землю Чеховъ и Венедовъ и проникли въ Турингію и къ границамъ меровингской державы. Множество народовъ (между прочимъ всѣ Уйгуры) въ то время бѣжали передъ восточными завоевателями изъ средней Азіи въ Европу и прорывались черезъ Волгу въ древнюю область славянскую. Безсильные и не связанные между собою постояннымъ союзомъ, они бродили по безпредѣльной землѣ, набѣгая на селенія, грабя ихъ или налагая на нихъ временныя дани. Возставалъ ли какой нибудь вождь смѣлый и предпріимчивый, или новая семья приходила изъ другой страны: всѣ разрозненныя кочевья сливались волею или неволею въ одну могучую дружину и стремились неудержимо на области сосѣднія для завоеванія и грабежа. Слабѣла семья или орда, правившая всѣмъ союзомъ: части распадались и ожидали новаго средоточія для новой совокупной дѣятельности. Такова почти вся лѣтопись средней Азіи, таковы явленія степей приволжскихъ и приднѣпровскихъ. Авары были по всѣмъ признакамъ народомъ немногочисленнымъ, но мужественнымъ и привычнымъ къ боевой жизни и, побѣдивъ разсѣянныхъ Уйгуровъ, они укрѣпили себя частью побѣжденныхъ дружинъ; побѣдивъ Славянъ, они стали въ ихъ главѣ для новыхъ завоеваній, обѣщая

имъ охрану отъ другихъ непріятелей, Франковъ, Тюрковъ или Византійцевъ, и новыя пространныя владѣнія въ богатыхъ странахъ Юга. Они дѣлались средоточіемъ славянскаго казачества, постояннымъ войскомъ, около котораго стекались бездомные удальцы, предпочитавшіе разгулъ боевой жизни мирному быту въ своей родной сельской общинѣ; они вскорѣ сдѣлались владѣльцами и угнетателями края и двинули цѣлыя племена славянскія къ стѣнамъ Византіи и въ самую внутренность Эллады. Нестерпимы были оскорбленія, наносимыя Аварами Славянамъ, несносны ихъ поборы и грабительства (подъ видомъ зимняго постоя, продовольствія и т. д., по словамъ западныхъ лѣтописцевъ). Оскорбленія и грабежъ вызвали наконецъ сопротивленіе и возстаніе. Авары погибли, задавленные превосходною силою славянскою *); но во время своего полуторавѣкового владычества они дали міру славянскому завоевательное движеніе, не разъ угрожавшее царству Франковъ на западѣ и Лонгобардовъ въ Италіи, уничтожившее въ Иллиріи германское населеніе Гепидовъ, обхватившее всю древнюю Грецію, потрясшее византійскую имперію, но въ то же время влившее свѣжую и здоровую кровь въ ея ослабшія и истощенныя жилы. Первое направленіе Аваровъ, такъ же какъ и ихъ предшественниковъ, Кельто-Кимвровъ и кавказскихъ Язъзиговъ (Адиге—жители западнаго, Авары—восточнаго Кавказа) было на сѣверо-западъ. Остановленные сильными Вендами приэльбскими или привлеченные богатствомъ древней Панноніи (теперешней Венгріи), они перенеслись въ роскошныя равнины страны придунайской и тамъ основали свое главное кочевье, свой царскій или правительственный кругъ. Нѣкоторыя семьи славянскія, предпочитавшія миръ битвамъ даже за свободу, покорились имъ и признали ихъ правительственную власть; другія, гордыя своею военною славою и давнишнею свободою, вступили въ борьбу и были побѣждены. Такъ погибли сильные Анты прикарпатскіе, Сѣверяне (Себири) и Эфталиты придонскіе (очевидно тѣ же Гунны, которые извѣстны подъ именемъ Эфталитовъ въ исторіи Персіи, и очевидно Славяне, по ихъ соединенію съ Сѣверянами); такъ Бол-

гаре послѣ безполезной борьбы прекратили переселеніе свое на Дунай и заключились на время въ области приволжской. Владычество Аваровъ было непродолжительно. Многія славянскія семьи освободились еще въ концѣ VI-го столѣтія; Венды и Сербы сѣверо-западные отложились въ началѣ VII-го; ихъ примѣру послѣдовали народы на сѣверъ отъ Карпатовъ. Венды гоританскіе (Каринтія) и Чехи подъ предводительствомъ какого-то франкскаго купца *Само* (лица очевидно вымышленнаго и едва ли не родившагося отъ слова славянскаго *сами*) основали не надолго самостоятельное государство, передъ которымъ бѣжали не только полчища аварскія, но и дружины Франковъ, Саксовъ и Лонгобардовъ, побѣжденныхъ въ 630-мъ году при Вогастибургѣ. Болгаре приевксинскіе вступили въ союзъ съ Византійцами, и одинъ изъ ихъ князей въ 619-мъ году уже принялъ христіанство *) (очевидное доказательство нетюркскаго происхожденія Болгаръ); Болгаре паннонскіе (союзники Аваровъ) потребовали уже первенства и назначенія начальника своему союзу изъ ихъ племени; но время еще не наступило. Славяне сѣверо-западные дѣйствительно освободились, такъ же какъ и западные, подчинявшіеся впослѣдствіи Аварамъ только по временамъ; но прикарпатскіе Славяне были побѣждены и освободились уже позднѣе: Болгаре паннонскіе были почти истреблены, приевксинскіе снова принуждены къ покорности. Авары устремили всю силу славянскаго міра на Византію.

Маврикій, Фока и Ираклій.—Призывъ Славянъ за Дунай.

Велика была гроза надъ Византіею. Царство Сассанидовъ въ Персіи клонилось къ упадку отъ безсвязности государственнаго состава изъ одичавшихъ и полунезависимыхъ народовъ, соединенныхъ только внѣшними узами царской власти, и отъ внутренней слабости государственной религіи, магизма, утратившаго свою чистоту и принявшаго въ себя весь характеръ заклинательнаго кушитства. Христіанство проникло далеко въ древній Иранъ до самой Бактріи, ея сѣверо-восточной оконечности, гдѣ разсказы китайскихъ путешественниковъ

указываютъ весьма ясно въ IV-мъ вѣкѣ на пасхальные обряды христіанъ *); но древняя вѣра еще не утратила своихъ поклонниковъ. Они возстали мечомъ и муками противъ новаго исповѣданія. Раздраженіе народнаго фанатизма возвратило временную силу умирающей религіи и ослабшему государству. Знакомство съ эллинскимъ міромъ и занятыя отъ него вещественныя усовершенствованія дали Персіи новыя силы для военной дѣятельности. Слабость Византіи, сдавленной напоромъ задунайскихъ Славянъ, управляемой ничтожными государями и потрясенной религіозными спорами, позволила персидскимъ царямъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами для распространенія и укрѣпленія своей власти. Держава Сассанидовъ блеснула передъ своимъ конечнымъ паденіемъ славою, доселѣ не забытою на Востокѣ, и великими царями, которыхъ имена гремятъ еще въ народныхъ пѣсняхъ племенъ заэвфратскихъ. Гунны-Эфталиты (очевидная смѣсь восточно-иранской стихіи и тюркскаго наплыва), долго владѣвшіе Персіею или разорявшіе ее данями и набѣгами, были побѣждены и почти уничтожены, пригорье кавказское было завоевано или принято въ союзъ, нашествія Тюрковъ отражены, Сирія и часть Малой Азіи опустошены. Въ это время двинулись Авары черезъ Дунай и дружно двинули съ собою всю силу придунайскихъ Славянъ. Войска императоровъ бѣжали, крѣпости были обойдены или взяты; потокъ дикарей затопилъ всю Мизію и Ѳракію, и стѣны Византіи едва могли спасти ее отъ аваро-славянской дружины. Въ это время голосъ народа возвелъ на престолъ императора достойнаго и великаго полководца. Государство погибало, области Азіи были завоеваны или опустошены Персами; области европейскія были въ рукахъ Славянъ и Аваровъ. Онъ купилъ золотомъ временный миръ у сѣверныхъ непріятелей и обратилъ оружіе противъ Персіи. Побѣжденные Персіяне просили мира и возвратили отнятыя области; покровительство Маврикія возвело на престолъ персидскій законнаго наслѣдника, изгнаннаго придворною крамолою. Императоръ, усмиривъ Востокъ, ополчился противъ Аваровъ, нарушившихъ мирные договоры, и снова узнали дикари

превосходство римскаго оружія при искусномъ вождѣ. Авары, побѣжденные, бѣжали; Славяне бѣжали или покорились. Цѣлость и честь имперіи были возстановлены, но не надолго. Войско убило великаго государя и возвело на престолъ человѣка свирѣпаго, безразсуднаго и бездушнаго. Ужасны были бѣдствія государства отъ внѣшнихъ враговъ и отъ безчеловѣчнаго императора; безпримѣрно униженіе; гибель казалась неизбѣжною. Беззаконный и недостойный правитель, знавшій про народный ропотъ и про ропотъ духовенства, искалъ опоры въ благословеніи епископа римскаго, перваго изъ западныхъ епископовъ и тогда уже почти получившаго значеніе главы всего западнаго духовенства. Признаніе первенства римскаго престола передъ всѣми другими, увеличеніе его правъ духовныхъ и утвержденіе за нимъ правительственныхъ правъ въ римской области купили дружбу папы. Своекорыстная благодарность епископа освятила беззаконіе императора *); и до нашихъ временъ позорный столбъ въ Римѣ напоминаетъ о дарахъ императора Фоки и представляетъ торжественное свидѣтельство о нагломъ подкупѣ и о безстыдной подкупности. Но ничто не спасло гнуснаго похитителя и убійцы. Возмутившійся Египетъ выслалъ ополченіе подъ предводительствомъ Ираклія, и побѣда вызвала на престолъ достойнаго владыку. Начала его царствованія были несчастны. У него не было ни войска, ни казны, а ему предстояла борьба, съ одной стороны, противъ Аваро-Славянъ въ полномъ развитіи ихъ силъ и подъ предводительствомъ вождя замѣчательнаго по предпріимчивости, мужеству и лукавству, съ другой стороны—противъ величайшаго изо всѣхъ государей династіи Сассанидовъ, возведеннаго на престолъ Византіею какъ будто на гибель Византіи. Хозрой Парвизъ завоевалъ Сирію, Египетъ и Малую Азію и обложилъ Константинополь съ моря. Авары завоевали всю Мизію, Ѳракію и обложили Константинополь съ сухого пути. Императоръ, лишенный государства, отчаялся въ спасеніи столицы; онъ хотѣлъ удалиться въ Африку. Патріархъ и народъ остановили его и мужество подданныхъ нашло отголосокъ въ душѣ правителя. Неутомимое постоянство, многолѣтняя безпрерывная

война и рядъ подвиговъ почти невѣроятныхъ, въ которыхъ Ираклій показалъ не только искусство полководца, но и мужество единоборца, спасли Имперію. Побѣжденный Хозрой погибъ, Персія была сокрушена, всѣ утраченныя области на востокѣ возвращены, Авары снова прогнаны за Дунай, нравственная сила государства выказалась въ полномъ блескѣ. Таково было дѣло Ираклія. Но вещественныя силы Имперіи были истощены. Востокъ опустѣлъ отъ грабительства Персовъ; европейскія области опустѣли подъ бурею аварскаго нашествія. Мѣра, принятая Иракліемъ, удалила на многіе вѣка паденіе государства.

Онъ понялъ характеръ народовъ, окружающихъ византійскіе предѣлы; онъ видѣлъ, что, при набѣгахъ дикихъ задунайцевъ, Авары и другія племена имъ подобныя, германскія (какъ Гепиды) и финно-турецкія (какъ Уйгуры) стремились только за грабежомъ и, отягченныя добычею, возвращались въ свои пустыни до новаго набѣга; а Славяне оставались охотно въ обезлюдѣвшихъ областяхъ и, осѣдая какъ плодоносный илъ послѣ бурнаго наводненія, возвращали жизнь мертвому краю. Остатки древнихъ Эпиротовъ и, вѣроятно, обломки кельтскихъ народовъ придунайскихъ и альпійскихъ, удаляясь передъ новыми нашествіями, заключались въ горахъ западной Греціи и сохраняли тамъ свою несмягчаемую дикость и свирѣпые нравы, переданные имъ своимъ потомкамъ, Албанцамъ. Славяне вливались мало-по-малу въ Имперію мирными колоніями, даже тогда, когда приходили какъ вооруженные завоеватели, обхватывали ее сѣтью своихъ семейныхъ общинъ и принимали въ душу и жизнь начала просвѣщенія и разумной законности. Ираклій постигъ глубоко-человѣческую и правдолюбивую природу Славянина и пригласилъ Славянъ прикарпатскихъ въ придунайскую область. Сербы и Хорваты явились на зовъ его и заняли часть древней Панноніи и Иллиріи. Мало-по-малу отдѣленія ихъ или Болгаръ, которые давно уже жили на нижнемъ Дунаѣ, или новыхъ пришельцевъ Болгаръ, основателей отдѣльнаго государства, проникли далѣе и далѣе на югъ. Македонія и Өессалія наполнились ихъ колоніями. Области, рѣки и урочища приняли славянскія имена, города приняли славян-

ское населеніе. Наконецъ и древній Пелопонесъ сдѣлался землею славянскою и принялъ новое имя земли *морской* или Мореи *). Но скоро и самые Славяне покорились высшему развитію Эллиновъ: они приняли отъ нихъ вѣру, просвѣщеніе и языкъ. Эллада ожила новыми жителями; Авары были навсегда заключены въ свою задунайскую область; сѣверныя границы Имперіи были навсегда спасены отъ гибельнаго напора дикарей, ибо позднѣйшая война съ Болгарами была уже борьбою государства съ государствомъ и кончилась завоеваніемъ духовнымъ. Мысль Ираклія принесла богатые плоды: слѣды ея никогда не изгладятся, и ея великое значеніе ежедневно будетъ становиться яснѣе и яснѣе для просвѣщеннаго міра *).

Ираклій, какъ и многіе другіе изъ византійскихъ императоровъ, не оцѣненъ европейскими историками. Западъ, влюбленный въ свою собственную славу, остается равнодушнымъ къ великимъ явленіямъ остальнаго міра и особенно не благоволитъ къ Византіи и къ Славянамъ, сохраняя безсознательно вражду, завѣщанную Германцами и католицизмомъ. Имя Ираклія и его подвиги для всякаго безпристрастнаго судьи должны стоять по крайней мѣрѣ на ряду съ Брюсомъ Шотландіи, съ основателемъ габсбургскаго дома и съ Саксонцемъ, спасшимъ Германію отъ Венгровъ. Славяне, переселенцы въ византійскую область, долго отстаивали ее отъ враговъ и въ Европѣ и въ Азіи, куда они были очевидно приглашены, а не насильно приведены Константиномъ Копронимомъ *). Они не спасли Византіи, ибо ей должно было и невозможно было переродиться; но они положили основаніе будущей исторіи юго-восточной Европы, исторіи, которой первая заря занялась только въ наше время, а день впереди. Не должно забывать, что самые такъ называемые Греки, недавно освободившіеся отъ ига турецкаго, происходятъ по большей части отъ славянскихъ предковъ и что въ нихъ, безъ сомнѣнія, выразится общечеловѣческое стремленіе племени славянскаго, облагороженное великою личностью Эллина, но исправляющее ея гордую и излишнюю односторонность. Военныя пѣсни клефтовъ и арматоловъ представляютъ разумной критикѣ свидѣтельство этого соединенія двухъ началъ въ современномъ Грекѣ. Ихъ первообразъ на-

ходится въ русской пѣснѣ, ихъ изящно-поэтическій очеркъ носитъ характеръ прекрасной Эллады. Пластическое совершенство подробностей (напр., въ спорѣ Олимпа съ Киссавомъ) завѣщано духомъ, создавшимъ Гомера и Пиндара; отрицательныя формы сравненія, признаніе разумной жизни во всей природѣ и весь практическій смыслъ принадлежатъ вполнѣ и неотъемлемо славянской и по преимуществу русской пѣснѣ. Если бы разысканія историческія и византійскія лѣтописи не доказывали съ совершенною ясностью славянизаціи всей Эллады въ VI, VII и VIII-мъ вѣкахъ послѣ Р. Х., то одни пѣсни клефтовъ могли бы служить достаточнымъ и болѣе чѣмъ достаточнымъ доказательствомъ этого историческаго факта. Прибавимъ еще, что есть въ пѣсняхъ клефтскихъ такіе отрывки, которые не только созданы духомъ славянскимъ, но должны считаться простымъ обломкомъ старинныхъ пѣсенъ, предшествовавшихъ эллинизаціи южныхъ Славянъ въ Мореѣ и Ѳессаліи. Такъ, напр., конецъ пѣсни, въ которой клефтъ велитъ сказать своей женѣ, «что женился онъ на другой женѣ, на сырой землѣ» и т. д. Этимъ самымъ порученіемъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ кончается извѣстная русская пѣсня. Итакъ, мы имѣемъ не только свидѣтельство неоспоримое племенного тождества между теперешнимъ Грекомъ и Славянами, но еще свидѣтельство древности нѣкоторыхъ русскихъ пѣсенъ, древности, восходящей ко времени, предшествующему славянской колонизаціи Эллады, т.-е. по крайней мѣрѣ къ V-му столѣтію послѣ Р. Х., а вѣроятно и далѣе. Такова важность клефтскихъ пѣсенъ въ отношеніи историческомъ; но художнику и философу представляютъ онѣ еще для изученія чудный примѣръ сліянія двухъ народныхъ личностей въ одно органическое цѣлое, сохранившее явные признаки своихъ коренныхъ началъ. Только ясное пониманіе такихъ явленій можетъ объяснить и многія явленія глубочайшей древности, напр., образованіе нарѣчія латинскаго и славянскаго съ примѣсями италійскими и эллино-пелазгскими.

Аравія.—Ея племенныя и религіозныя стихіи.

Во вемя побѣдъ Аваровъ и Персовъ и окончательнаго торжества Византіи надъ ними (т.-е. въ началѣ VII-го вѣка послѣ Р. Х.) началось новое движеніе умственное и народное, пе-

редъ которымъ суждено было погибнуть и Персіи, и Византіи, и всѣмъ остаткамъ эллинскаго міра. Въ это время родилось и стало крѣпчать ученіе Магомета; въ это время пробудилась воинственная энергія Аравіи, страны дотолѣ незамѣченной исторіею.

Вообще критика привыкла смотрѣть на Аравію какъ на землю, населенную однимъ племенемъ, раздѣленнымъ на нѣсколько вѣтвей. Нѣтъ сомнѣнія, что такое мнѣніе въ отношеніи къ Аравіи менѣе неразумно, чѣмъ въ отношеніи къ Индостану, въ которомъ двойственность духовнаго начала и тройственность начала народнаго совершенно ясны; за всѣмъ тѣмъ оно одинаково ложно въ обоихъ случаяхъ. Преданія мѣстныя содержатъ въ себѣ явное свидѣтельство о враждѣ и борьбѣ южной Аравіи съ сѣверною *) (подобно борьбѣ Индостана и Декана); преданія Палестины указываютъ на колонизацію сѣверной Аравіи изъ областей приараратскихъ, т.-е. иранскихъ. Исторія Египта и преданія, связанныя съ нею, содержатъ неоспоримое доказательство колонизаціи африканской или кушитской съ юга, по прибрежью морей. Иначе и быть не могло. Безконечное расширеніе кушитской власти, которымъ открываются историческіе вѣка, не могло миновать области ближайшей къ колыбели народовъ кушитскихъ; но сухая и безплодная степь не привлекала завоевателей или колонистовъ, передъ которыми разстилался еще весь міръ во всей своей роскоши и безпредѣльности. Дѣти Куша и Мисраима заняли только часть береговой полосы и плодородныя долины и скаты горъ, прославившіеся издревле подъ именемъ блаженной страны *). Безъ сомнѣнія, они проникли и далѣе вверхъ по персидскому заливу, откуда они впослѣдствіи переселились на берега Средиземнаго моря и основали великія торговыя колоніи Сидона и Берита, города полные богатства и разврата, подчинившіеся впослѣдствіи первенству предпріимчиваго Тира, созданнаго воинственными племенами прикавказской Иверіи. Отдѣльныя вѣтви кушитовъ разселились и въ самыхъ горахъ сѣверной Аравіи *), въ ея дикихъ ущеліяхъ и на окраинахъ ея песчаныхъ степей, связывая

почти безпрерывною цѣпью завоеванные берега Тигра и Евфрата и роскошь кушитскихъ столицъ, Вавилона и Ниневіи, съ верховьями и берегами Нила, колыбелью всѣхъ великихъ доисторическихъ царствъ; и вездѣ, гдѣ основался поклонникъ органической необходимости, безмолвный художникъ, побѣдитель вещественной природы, вездѣ врѣзалъ онъ пещерные храмы въ стѣнахъ отвѣсныхъ скалъ или обращалъ цѣлыя горныя ущелія въ чудные памятники смѣлаго зодчества, или пролагалъ водамъ новые пути въ нѣдрахъ упорнаго гранита, или заключалъ ихъ въ гигантскія хранилища, обезпечивающія плодородіе знойнаго и маловоднаго края. Такъ и теперь путешественникъ встрѣчаетъ въ горахъ Аравіи великолѣпныя развалины древнихъ забытыхъ городовъ, въ области, уже снова засохшей и неспособной для человѣческаго жительства; такъ преданія Аравіи еще сохраняютъ память объ огромномъ искусственномъ озерѣ и его исполинской плотинѣ и объ рукозданномъ эдемѣ, разрушенномъ напоромъ водъ и землетрясеніемъ и обратившемся снова въ безплодную пустыню*). Но между поселеній кушитскихъ и по всей ширинѣ степей и по зеленымъ островамъ ея кочевали или селились древніе пришельцы съ сѣвера, одноплеменники жителямъ земли ханаанской, вѣроятно одноплеменники и кушитовъ, но менѣе развившіеся въ ихъ художественномъ и ученомъ направленіи, и всѣ эти племена дружились или враждовали между собою, вступали въ одинъ кровный союзъ и сливались въ одну народную семью. Послѣ перваго торжества кушитовъ возстала сила Ирана, вызванная угнетеніемъ, наученная вещественному знанію и государственной мудрости отъ своихъ завоевателей. Восточная Бактрія сплотилась въ государство, приевфратскія столицы кушитовъ перешли въ руки иранцевъ; народы приараратскіе завладѣли Палестиною; власть Египта заключена была въ тѣсные предѣлы; семьи пастырей проникли на самые берега Нила и пріобрѣли на время верховную власть въ царствѣ Фараоновъ; потокъ новопришлыхъ народовъ разлился по всей Аравіи, усиливаясь со дня на день, стѣсняя прежнихъ владѣльцевъ и смѣшиваясь съ старожилами. Такъ поселились

въ степи братья семьи еврейской, Моавиты и Аммониты, и весь родъ Измаэлитовъ, и позднѣйшая семья Исавлянъ, и многія другія менѣе извѣстныя и вѣроятно древнѣйшія. Общее движеніе сиро-аравійское создало вездѣ изъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же стихій одни и тѣ же племена и языки; но чистые или почти чистые кушиты держались долѣе на поморьѣ южнаго океана и долѣе сохраняли свои древніе уставы и обычаи. Религіозная борьба и религіозный синкретизмъ отозвались и на югѣ, но съ меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ области приливанской. Ширина степей и невольная разъединенность отняли у столкновенія его рѣзкость и у борьбы ея свирѣпость. Прошли вѣка, и міръ аравійскій, почти отдѣльный отъ остального міра, развился по своимъ особымъ законамъ, довольно однообразнымъ для всей Аравіи, но нѣсколько различнымъ по различнымъ мѣстностямъ.

Такъ Сѣверъ удерживалъ болѣе основную идею единобожія и характеръ Ирана, Югъ—идею многобожія и характеръ кушитскій. Между тѣмъ отдѣленныя части Аравіи подпадали то власти Египта, то власти Еѳіопіи*), часто владѣвшихъ обоими берегами Чернаго моря и берегами Южнаго океана; сѣверныя области обращались въ подданство или царствомъ Еврейскимъ, или Ассиріею, или Персіянами. Но временное владычество иноземцевъ мало измѣняло характеръ и обычаи туземцевъ, вольнолюбивыхъ, отчасти кочевыхъ и несклонныхъ къ быту государственному. Нѣтъ сомнѣнія, что незначительное по пространству своему и недолговѣчное царство іудейское, сильное внутреннимъ духомъ и возвышенностью своего религіознаго ученія, имѣло болѣе всѣхъ другихъ вліяніе на родственныя ему племена Аравіи. Много идей религіозныхъ, много преданій и воспоминаній старины было пробуждено Израилемъ въ землѣ Измаэлитовъ и Исавлянъ и другихъ семей единокровныхъ съ ними. Паденіе царства Израильскаго бросило колоніи еврейскія далеко на Югъ къ верховьямъ Нила, и тамъ возникло новое царство еврейское въ одичавшей колыбели кушитской мудрости *). Окончательное паденіе Іерусалима усилило древнюю колонію. Между тѣмъ

изъ Египта вверхъ по Нилу проникло христіанство, и въ Абиссиніи возникло, рядомъ съ царствомъ еврейскимъ, царство христіанское *), и обѣ стихіи перенесены были на западные берега Аравіи съ ихъ взаимною борьбою, съ ихъ сильнымъ и духовнымъ ученіемъ. Ослабленіе римской имперіи и паденіе Парѳянъ открыли смѣлымъ племенамъ пустыни путь на сѣверъ. Низовья Евфрата и Тигра, часть Палестины и Сиріи были ими опустошены. Царство, ими основанное, грозило Персіи и спорило о первенствѣ съ Римомъ во время Авреліана. Общая жизнь человѣчества проникала все болѣе и болѣе въ южный полуостровъ, такъ долго отъ нея отчужденный. Къ концу VI-го столѣтія на берегахъ Чермнаго моря стали лицомъ къ лицу другъ противъ друга самыя разнородныя начала жизни духовной. Идолопоклонство, введенное или по крайней мѣрѣ усиленное торжествомъ южнаго племени Іоктанидовъ, остатки іудейскаго царства, уже распавшагося послѣ кратковременной воинственной славы, но сохраненнаго еще въ нѣсколькихъ неприступныхъ горныхъ крѣпостяхъ*), остатки христіанства, ослабленнаго временною побѣдою Персіи, завоевавшей часть Аравіи вмѣстѣ съ Палестиною и Египтомъ, и остатки древняго звѣздопоклонства (поэтическаго очищенія многобожія), завѣта ассирійской и вавилонской старины. Великое религіозное броженіе происходило въ глубинѣ благородной и созерцательной природы народовъ аравійскихъ.

Мугаммедъ.—Характеръ ислама.

Христіанство, униженное въ глазахъ иновѣрцевъ безпрестанными раздорами религіозными и глубокимъ развратомъ христіанскихъ народовъ, не было понято во всей своей простотѣ и строгой послѣдовательности своихъ положеній. Ревность его проповѣдниковъ остыла или была поневолѣ обращена на внутреннія междоусобицы церкви. Оно являлось многосложнымъ сборомъ ученій и обрядовъ случайныхъ и мало связанныхъ между собою. Еврейство, ученіе простое и строгое, связанное съ племенами аравійскими общимъ преданіемъ и распространявшееся нерѣдко посредствомъ проповѣди (какъ вид-

но изъ обращеній къ мозаизму въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. и въ I-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. и особенно изъ обращенія іеменскаго царя Тобба въ началѣ IV столѣтія), было неудовлетворительно по скудости загробныхъ обѣщаній, по излишеству законныхъ обрядовъ, и особенно по своему характеру религіи ожидающей, а не исполненной, и ожидающей уже не духовнаго совершенства, но вещественнаго торжества. Сабеизмъ и идолопоклонство, еще не погибшіе, даже временно торжествующіе, были слишкомъ грубы, вещественны и заклеймены неразумнымъ произволомъ для долгой борьбы съ другими высшими началами. Внутреннее броженіе мысли ожидало выраженія. Оно явилось около конца VI-го вѣка въ лицѣ измаэлита Мугаммеда. Бѣдный Аравитянинъ, хотя изъ весьма именитаго рода, одаренный рѣдкимъ мужествомъ, умомъ, необычайнымъ, восторженнымъ краснорѣчіемъ и высокимъ даромъ поэзіи, онъ былъ совершенно свѣдущъ во всѣхъ преданіяхъ своего племени, исполненъ презрѣнія къ многобожію, отчасти знакомъ съ христіанствомъ въ его несторіанскомъ искаженіи и съ ученіемъ Евреевъ. Съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ стремленіе къ преобразованію своей родины, къ слитію въ одно цѣлое разнородныхъ началъ, которыхъ борьба волновала всю Аравію. Въ началѣ VII-го вѣка явился онъ проповѣдникомъ новаго ученія, основаннаго, какъ мозаизмъ, на преданіи рода авраамова и на единобожіи, богатаго надеждами на блаженное безсмертіе, признающаго себя за исполненіе всѣхъ прежнихъ обѣщаній, проникнутаго и облагороженнаго многими уроками, занятыми у христіанства, особенно же глубоко и во всѣхъ своихъ подробностяхъ согласнаго съ жизнію и требованіями племени, изъ котораго оно возникло.

Коранъ, возведенный въ религію быта аравійскаго въ его простотѣ и аравійскаго характера со всѣми его оттѣнками, долженъ былъ найти ревностныхъ послѣдователей; онъ долженъ былъ сдѣлаться религіею всего народа и всѣхъ народовъ кочевыхъ, воспитанныхъ подъ условіями жизни, похожей на жизнь Аравитянина. Такимъ образомъ объясняется огромное распространеніе магометан-

ства между Тюрками, Берберами, Иранцами заевфратскими и въ самой внутренности Африки.

Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабѣющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ расчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притазаніями Израиля; его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изо всѣхъ концовъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя, и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія, и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіи и на городъ Константина, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній *).

Исторія судитъ по дѣлу и ученію въ связи съ судьбами народовъ и съ ходомъ человѣческой мысли: ей нѣтъ дѣла до личностей. Но нельзя не замѣтить, что едва ли когда-нибудь былъ произнесенъ безпристрастный судъ надъ Мугаммедомъ. Религія, имъ основанная, боролась съ христіанствомъ въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ, и теперь еще, уже внутренно умершая, не исчезла съ лица земли передъ торжествующимъ напоромъ государствъ христіанскихъ. Поэтому отношенія писателей къ христіанству опредѣляли постоянно ихъ взглядъ на аравійскаго учителя. Безпристрастной критикѣ пора выразить свое мнѣніе безъ любви и безъ гнѣва. Многіе поступки Мугаммеда выказываютъ въ немъ человѣка лукаваго, способнаго къ обману, къ преступленію и къ низкому лицемѣрію. Ему нельзя приписывать ни высокой чистоты душевной, ни глубокой любви къ истинѣ, ни безусловной вѣры въ святость нравственнаго закона, ни безукоризненнаго благородства въ побужденіяхъ. Съ другой стороны не должно забывать, что практическая жизнь, кровавая борьба и свирѣпая вражда единокровныхъ часто искажали лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, и что первая эпоха его дѣятельности не заслу-

живаетъ никакихъ строгихъ упрековъ. Колѣно измаэлитовъ сохраняло почти одинаковыя преданія съ колѣномъ Исаака. Въ обоихъ жили ожиданія мессіаническія, принесенныя родомъ Авраама изъ приараратской родины, исконнаго жилища Иранцевъ, ожиданія свѣтлой эпохи лучшаго богознанія и лучшей человѣческой жизни. Поэтическая душа Мугаммеда любила пламенно и преданія народной старины, и гордую надежду на возрожденіе человѣческаго рода изъ измаильскаго колѣна авраамидовъ; пламенно ненавидѣлъ онъ многобожіе, принесенное инокровными побѣдителями и распространившееся посредствомъ насилія и соблазна. Ни христіанство съ его глубокимъ и чисто-человѣческимъ отреченіемъ отъ личности, ни іудейство, огрубѣвшее отъ разрыва съ христіанствомъ и заклейменное исключительною народностью, не удовлетворяли страстной природы Аравитянина. Мугаммедъ чувствовалъ стремленіе къ осуществленію надеждъ своего народа, сознавалъ въ себѣ силу для этого подвига и повѣрилъ въ призваніе свыше. Годъ его рожденія *) былъ эпохою значительною для его родного города по пораженію великаго войска христіанскихъ завоевателей южной Аравіи и извѣстенъ былъ подъ именемъ *годъ слона*. Въ молодости своей самъ Мугаммедъ былъ призванъ жеребьемъ къ возстановленію священной Каабы. Всѣ эти случайности, воспламеняя его воображеніе, усиливали его вѣру въ самого себя. Но эта вѣра была вѣрою поэтическою, а не глубокимъ, невольнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ какого-нибудь нравственнаго или духовнаго начала. Онъ самъ былъ не мыслитель, а поэтъ: отъ того происходила и его восторженная энергія, источникъ его побѣдъ и его нравственная шаткость, источникъ его явныхъ обмановъ и даже преступленій. Но въ Мугаммедѣ добро и зло одинаково служили къ успѣху, потому что были одинаково связаны съ характеромъ народа, на который онъ дѣйствовалъ. Добро и зло, соединенныя въ его лицѣ, отразились и на его прямыхъ ученикахъ, и на всемъ мусульманскомъ мірѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что самъ основатель ислама былъ въ нравственномъ отношеніи далеко ниже многихъ своихъ послѣдователей. Исторія человѣчества можетъ гордиться именами Алія и его дѣтей, Омміада Омара II-го и нѣкоторыхъ Аббасидовъ *).

Исламъ явился у измаэлитовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ христіанство у Израиля: подобно христіанству онъ истекалъ изъ начала иранскаго, изъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и о Мессіи, обѣщанномъ міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колѣнъ авраамидовъ и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь христіанства, и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями аравійскими, а ученіе апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ; но дѣйствительное христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ, заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной, посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и пріобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ—Мессіи, между тѣмъ какъ исламъ былъ не что иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, раздѣляющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеймены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничтожена въ исламизмѣ, и будущая побѣда христіанства обусловливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны, ученіе Мугаммеда содержало въ себѣ причины временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе моноѳеистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія и вещественной поэзіи; высокія нравственныя побужденія мирились со страстями человѣческими, съ любовію къ чувственному наслажденію и къ воинской славѣ; ученіе было просто и доступнѣе темному невѣжеству, чѣмъ христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немно-

гихъ мыслителей (какъ видно изъ хода развитія ересей); всѣ учрежденія были вполнѣ согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азіи и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ исламѣ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мугаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ всѣ права государства и право высшее—сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

Нельзя не удивиться недосмотру историковъ, которые не замѣтили еще прямой связи между Мугаммедомъ, Баркохабою и другими псевдо-мессіями земли араво-палестинской. Очевидно, ихъ существованіе, такъ же какъ и стремленіе, объясняется общностью преданія авраамидовъ о Мессіи и самообольщеніемъ, происходящимъ отъ потребности осуществить обѣщанное царство. Сильнѣе было преданіе въ домѣ Израиля, и онъ ранѣе выступилъ съ своими притязаніями; преданіе въ колѣнѣ Измаила было слабѣе и темнѣе. Оно долго спало, не замирая, и проснулось отъ прикосновенія христіанства и іудейства. Успѣхъ Мугаммеда и неудача псевдо-мессій еврейскихъ могли бы объясняться случайными обстоятельствами, силою Рима въ его полномъ развитіи и слабостью Византіи; малочисленностью Евреевъ и многочисленностью всѣхъ аравійскихъ племенъ и т. д.; но истинная причина лежитъ гораздо глубже, а именно въ большей человѣчности ислама и въ исключительной гордости Іудеевъ. Еще страннѣе то, что историки до сихъ поръ не обратили вниманія на исламъ, какъ на явленіе совершенно новое для міра, т.-е. явленіе

религіозной войны. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр., въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю ханаанскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми; но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ исламѣ религія проявилась какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія. На Западѣ христіанство, принявъ наслѣдство Рима, стремилось къ тому же значенію; но всякій безпристрастный критикъ признаетъ, что папская церковь получила свое окончательное опредѣленіе (около времени крестовыхъ походовъ) только отъ противодѣйствія исполинской силѣ мусульманскаго халифата. Въ этомъ смыслѣ христіанство западное было отчасти созданіемъ ислама и получило отъ него новый завоевательный характеръ; но, принимая чуждое начало, оно осталось ниже своего восточнаго соперника. Аравитянинъ-завоеватель ставитъ побѣжденнаго наравнѣ съ собою подъ условіемъ единовѣрства, крестоносецъ требуетъ покорности кресту и рабства гражданскаго. Аравійская природа очевидно стоитъ выше германской и исламъ выше папства. На поприщѣ борьбы военной сарацины восторжествовали; такъ и должно было быть: они оставались вѣрными своему началу; христіанство измѣняло самому себѣ. Позднѣе побѣдили христіанскіе народы: таково послѣдствіе высокопросвѣтительнаго христіанскаго начала, развивающаго человѣческую личность. Но побѣда, возможная христіанскимъ народамъ, была невозможна ложному христіанству воюющему. Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неудержимо завоевываетъ міръ для христіанства, и исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи еврейскаго, замкнувшаго навсегда все иранское преданіе, было и будетъ слово.

Персія.—Манихейство.—Хозрой и Ираклій.

Персія и Византія должны были первыя почувствовать силу ислама и отразить его воинственный напоръ; но ни та, ни другая не были способны къ великимъ напряженіямъ, Персія

еще менѣе Византіи. Древнее ученіе Ирана не умирало въ области индо-персидской съ самой реформы Зердушта; оно пережило державу Кеанидовъ и Гистаспидовъ; оно уцѣлѣло въ народѣ подъ владычествомъ Эллиновъ, вступило снова, хотя въ грубыхъ и искаженныхъ формахъ, въ свои государственныя права при дикихъ потомкахъ Пареянина Арсака и явилось во всемъ своемъ первобытномъ блескѣ, хотя не безъ примѣси полукушитскаго поклоненія Астартѣ бактрійской *), при династіи персидскихъ Сассанидовъ. Сассаниды не были дикарями, несмотря на свирѣпость многихъ законовъ и на обычность кровавыхъ казней. При нихъ цвѣли искусства; древне-зендскій языкъ, посвященный (какъ санскритъ въ Индустанѣ) предметамъ религіознымъ, обогащался новыми произведеніями *); языкъ пехлеви (какъ кажется, западно-иранскій, судя по великой примѣси семитическихъ началъ) создалъ новую словесность поэтическую и историческую, нынѣ погибшую, но оставившую слѣды въ преданіяхъ. Многія начала образованности эллинской были приняты народами иранскими, многія начала мысли древнѣйшей уцѣлѣли на бактрійскомъ Востокѣ, гдѣ они впослѣдствіи слились съ мыслію и поэзіею Аравіи при Газневидахъ и Саманидахъ; любовь къ наукѣ и отвлеченному мышленію продолжала еще оживлять потомковъ великой Средне-Иранской семьи; но живѣе всѣхъ другихъ стремленій выражалось еще стремленіе къ уясненію религіозныхъ понятій. Такъ, въ самомъ началѣ сассанидской династіи, торжественнымъ собраніемъ маговъ было установлено ученіе о зависимости злого начала отъ свободнаго творческаго духа, согласно съ древнимъ преданіемъ, и отвержено позднѣйшее, сильно распространившееся ученіе о равносильности и равновѣчности началъ добра и зла *). Но утраченная чистота преданія уже никогда не возстановляется. Внутренняя слабость зороастризма (неясное понятіе о свободно-творящемъ духѣ Зеруана-Акерене, нелогическое отношеніе духа злого къ его необходимо-злымъ созданіямъ и слѣд. законъ эманаціонный; произвольность миѳовъ и, кажется, отчасти примѣсь женскаго антропоморфизма) осталась. Землѣ иранской не суждено

было развить вполнѣ и увѣнчать древнее иранское ученіе; но возстановленный магизмъ Зердушта еще не былъ уличенъ во лжи: онъ могъ бороться и боролся съ ученіемъ дома израильскаго, уже обнявшимъ всю южную и западную Европу, всю Сирію и Египетъ. Медленны были успѣхи христіанства за Тигромъ, упорны сопротивленія маговъ и древнихъ народныхъ повѣрій. Впослѣдствіи внутренніе раздоры церкви еще болѣе замедлили ея распространеніе на Востокѣ, а политическое торжество ея въ римскомъ мірѣ подняло противъ нея политическую вражду и политическія гоненія въ области мидо-персидской, очевидно не безъ собственной вины христіанъ, утратившихъ чистоту христіанскаго духа. За всѣмъ тѣмъ христіанство росло и проникало далѣе и далѣе. Въ пятомъ или шестомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. оно, кажется, уже открывало себѣ пути въ Китай и основывало мелкія общины въ Индустанѣ, а въ третьемъ уже безъ сомнѣнія считало многихъ послѣдователей, а вскорѣ и мучениковъ, не только въ среднемъ, но и въ восточномъ Иранѣ и въ Бактріи, старой колыбели кроткаго индо-славянскаго племени. Трудно было завоеваніе міра восточнаго: въ немъ древняя вѣра еще не умерла, какъ въ мірѣ эллино-римскимъ. Разумъ не уяснилъ себѣ внутренняго противорѣчія въ основѣ своихъ ученій, и человѣкъ не требовалъ Бога, ибо еще не лишился его. Учители же церковные, прельщенные видимою своею побѣдою на Западѣ, уже не довольствовались проповѣдью слова, не только лучшимъ, но и единственнымъ своимъ оружіемъ, а искали внѣшней опоры въ связяхъ съ міромъ римскимъ и призывали на себя справедливое гоненіе дерзкою нетерпимостью, разрушающею древніе храмы народовъ еще необращенныхъ, или доброжелательствомъ Имперіи, близкимъ къ государственной измѣнѣ. Христіанство, торжествующее послѣ Константина, слабѣло отъ соблазна своего политическаго торжества. Правители Персіи послѣдовали примѣру прежнихъ императоровъ и ужасными казнями стали останавливать распространеніе враждебнаго ученія, но гонимые христіане уже не были невинными страдальцами

декіевыхъ временъ. Вступивъ въ неразумный союзъ съ вещественною силою и властію, они часто были, или по крайней мѣрѣ казались, преступниками, и нравственное чувство народа не вступалось за мучениковъ искаженнаго ученія. Вскорѣ раздоры церкви дали новое оружіе противъ нея. Расколы, гонимые въ Имперіи, искали убѣжища въ предѣлахъ Персіи, и расчетливое гостепріимство Персіи покровительствовало бѣглецамъ, естественнымъ врагамъ своего прежняго отечества. Несторіанство, ученіе, не примиряющее въ себѣ Божества и человѣчества, слѣдовательно логически слабое и неспособное къ безконечному развитію, но возникшее очевидно изъ односторонности древне-иранскаго взгляда на преданіе, утвердилось въ иранской сторонѣ и вытѣснило почти совершенно живое и глубокомысленное ученіе соборовъ. Такимъ образомъ распространеніе христіанства на Востокѣ было остановлено на многіе и многіе вѣка; но не безъ слѣдовъ осталось его вліяніе на Персію. Въ ней пробудилось на время живое стремленіе къ вопросамъ духовнаго знанія; прежнія вѣрованія ослабли и возникли новыя, распространившіяся со временемъ далеко на западъ, сильно проявлявшіяся въ имперіи византійской, сливавшіяся съ политическими смутами южной Европы въ продолженіе среднихъ вѣковъ, и теперь еще не совсѣмъ исчезнувшія, несмотря на временное торжество магометанства и окончательное торжество христіанства. Таково ученіе Манеса*). Рожденное въ западномъ Иранѣ и довершенное во время пребыванія Манеса на границахъ Индустана и въ пещерахъ Гиммалаи, оно соединило въ нестройный синкретизмъ христіанство, магизмъ, ассирійскую и египто - палестинскую гнозу съ древнѣйшею гнозою—буддаизмомъ индустанскимъ. Въ этомъ смѣшеніи исчезало начало христіанское: отъ него оставались только имена и символы съ утраченнымъ смысломъ. Магизмъ, входящій въ составъ манихейства, былъ уже далекъ отъ древне-иранскаго преданія (зердуштова и израильскаго): онъ содержалъ въ себѣ, по ученію Магузеевъ*), вѣрованіе въ безусловное начало зла, слѣдовательно идею вѣчнаго и не-

обходимаго двойства. Гноза юго-западной Азіи, которой слѣды въ манихействѣ явны во многихъ положеніяхъ, особенно же въ символѣ ладей*) (общемъ всѣмъ миѳамъ Египта, Ираклу Тирскому и, какъ кажется, Хону Ассирійскому) была уже переходомъ изъ ученія иранскаго въ ученіе кушитское [1]). Она замѣнила начало творчества началомъ полусвободной, пантеистической эманаціи, содержала скрытое положеніе объ органическихъ, слѣдовательно двойственныхъ эонахъ; и разрѣшалась въ необходимомъ очищеніи и возвратѣ эоновъ къ божественному самопознанію. Наконецъ, буддаизмъ, протестантство шиваитское, полное признаніе законовъ необходимости во всемъ мірѣ явленій, допускалъ возможность свободы только въ ничтожествѣ и слѣдовательно совершенно уничтожалъ мнимо-иранскую основу новой вѣры. Манихейство принадлежало вполнѣ кушитскому міру и, повинуясь законамъ этого міра, обращало молитвы, символъ, таинство, и даже всю жизнь со всѣми ея подробностями въ безконечное заклинаніе*). Главное же начало манихейства (какъ уже замѣтила ученая Германія) заключалось или, сказать вѣрнѣе, невольно разрѣшалось въ буддаизмѣ. Это древнее, строгое, глубокомысленное и логически твердое ученіе по своей внутренней послѣдовательности способно ко всѣмъ примѣсямъ, потому что оно окончательно перерабатываетъ и подавляетъ всякую чуждую стихію, и манихейство было не что иное, какъ западный буддаизмъ съ меньшею строгостью логическою (ибо замѣняло внутреннюю необходимость явленія свободнаго духа въ рабскомъ веществѣ внѣшнею случайностью плѣненія вѣчнаго духа въ вѣчномъ веществѣ), но съ бо́льшими притязаніями на стремленіе нравственное (ибо признавало въ вещественномъ явленіи не только страданіе, но прямое нравственное зло).

Несокрушимая твердость и всепретворяющая сила древняго шиво-буддаизма обличились въ манихействѣ, какъ и во всѣхъ религіяхъ, къ которымъ онъ примѣшался, какъ и во всѣхъ философскихъ ученіяхъ, которыя приняли его въ свой составъ, и особенно какъ въ

[1]) Ладья, по мнѣнію автора, связана съ фаллическимъ культомъ. *Изд.*

новѣйшихъ школахъ философской Германіи, когда они отъ аналитическаго процесса критики рѣшились перейти въ творческій синтезисъ. Иначе и быть не могло; ибо шиво-буддаизмъ, несмотря на всѣ свои прихотливые символы, есть не что иное, какъ признаніе наукобразной логики міра. Онъ, и онъ одинъ, заслуживаетъ имя науки, точно такъ же какъ одно израиле-христіанское преданіе носитъ на себѣ истинный характеръ преданія. Всѣ прочія вѣрованія или ученія представляютъ только болѣе или менѣе жалкую и нестройную смѣсь науки съ преданіемъ, и ихъ развитіе въ самопознаніи человѣческомъ ведетъ за собою необходимое освобожденіе науки, предоставляемой своимъ собственнымъ силамъ.

Новая религія, основанная Манесомъ, не могла имѣть великаго торжества по явной произвольности своихъ основъ, по недостатку послѣдовательности и по многимъ внутреннимъ противорѣчіямъ, и особенно по явной многосложности своего синкретизма; но многихъ соблазнила ея таинственность, духовная гордость и затѣйливая символика, и она распространилась быстро не только въ Иранѣ отъ Гиммалаи до Евфрата, но даже въ областяхъ имперіи византійской. Въ самомъ Иранѣ она сдѣлалась предметомъ гоненія, и Манесъ кончилъ жизнь въ жестокихъ казняхъ, какъ мученикъ невольнаго самообольщенія или какъ жертва правосудія, наказывающаго преднамѣренный обманъ. Многіе послѣдователи его отступились отъ учителя и возвратились къ прежнимъ вѣрованіямъ или разбились на мелкія секты, почти незамѣченныя историческою критикою, хотя можно бы было прослѣдить ихъ вліяніе въ современныхъ намъ Друзахъ и Курдахъ и въ исторически-важныхъ измаэлитахъ, грозѣ всего халифата и даже европейскихъ государей. Скоро прошло волненіе, произведенное манихействомъ; но его явленіе, такъ же какъ многосложность стихій, вошедшихъ въ его составъ, показываютъ, какъ сильно и разнообразно было религіозное движеніе въ Персіи при династіи Сассанидовъ. Это движеніе не успокоилось въ окончательномъ примиреніи и слѣдовательно не могло упрочить государства, но оно было признакомъ великой умственной

дѣятельности и объясняетъ временное усиленіе царства персидскаго. Съ одной стороны, на него тяготѣла уже ослабѣвшая, но еще неистощенная громада Рима, съ другой—такъ называемые Гунны или Скиѳы, остатки древняго бактрійскаго или индо-славянскаго міра, временно окрѣпшаго подъ вліяніемъ Эллады, снова упавшаго и окрѣпшаго въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х. отъ примѣси воинственныхъ финно-турецкихъ семей, вытѣсненныхъ изъ средней Азіи другими сильнѣйшими семьями того же племени. Долго страдала Персія; долго платила она дань своимъ восточнымъ сосѣдямъ или тратила свои силы въ утомительной и безплодной борьбѣ съ безпрестанно нарастающимъ напоромъ Турокъ, будущихъ ея завоевателей; наконецъ, пользуясь раздорами гунно-турецкихъ народовъ и паденіемъ собственно-гунскаго царства (Гунновъ Эвфалитовъ), она свергла съ себя ихъ тяжкое иго, освободилась отъ дани, завоевала многія области на востокѣ и обратила силы свои на римскую имперію, уже почти задавленную сѣверными дикарями. Жестока была борьба, и съ трудомъ уцѣлѣла Византія. Двое Хозроевъ, блистательнѣйшіе и послѣдніе цари изъ воинственной династіи Сассанидовъ, подняли Персію на давно забытую высоту. Нуширванъ, сокрушивъ надолго сѣверо-восточныя племена Гунно-Турковъ, отнялъ у византійцевъ много областей при Евфратѣ и Кавказѣ, подчинилъ власти своей или по крайней мѣрѣ державному союзу многія семьи аравійскія, дотолѣ признававшія владычество Рима, и едва могъ быть удержанъ отъ дальнѣйшихъ завоеваній силою Византіи, окрѣпшей при Юстиніанѣ, и его великими полководцами (изъ которыхъ славнѣйшій, Велисарій, былъ Славянинъ, также какъ и самъ императоръ). Парвизъ, возведенный на престолъ помощію Маврикія, пользуясь сильнымъ напоромъ аваро-славянскихъ полчищъ при Ѳокѣ и Иракліи, завоевалъ Арменію, Сирію и Палестину, разгромилъ Египетъ, сокрушилъ христіанскихъ союзниковъ Имперіи въ южной Аравіи, овладѣлъ Малою Азіею и нѣсколько лѣтъ сряду держалъ въ осадѣ Царьградъ, обложенный въ то же время съ сѣверной стороны аварскими дружинами.

Превосходя дѣда своего Нуширвана въ хитрости, въ предпріимчивости воинственной и въ честолюбіи, Парвизъ уступалъ ему въ государственной мудрости, въ любви къ просвѣщенію и въ доблестяхъ человѣческихъ. Ужасна была схватка одряхлѣвшей Византіи съ духовно-дряхлою Персіею. Всѣ области Имперіи, даже и тѣ, которыя издавна не видали врага (какъ Египетъ) были опустошены и разграблены, покрыты развалинами и залиты кровію; но когда неустрашимый Ираклій, откупясь на время отъ Аваровъ и связавъ ихъ навсегда цѣпью славянскихъ поселеній (Хорватовъ, Сербовъ и др.), призванныхъ имъ съ сѣвера отъ Карпатскихъ горъ, обратилъ всѣ силы свои на востокъ, древнее искусство римскаго воина восторжествовало снова, какъ и всегда и во всѣхъ войнахъ. Вся страна отъ моря до Тигра признала снова власть императора; торжествующія войска византійскія проникли въ сосѣдственныя области Хозроя и въ его роскошную столицу; старый Парвизъ погибъ безъ славы, и Персія купила постыдный миръ уступкою всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній и покорностью всей волѣ побѣдителя.

Завоеваніе Персіи исламомъ.

Такъ кончилась вѣковая борьба. Оба государства были утомлены и обезсилены; но Византія съ своимъ эллинскимъ просвѣщеніемъ, съ своею римскою государственностью и съ своимъ животворнымъ христіанствомъ могла еще, не смотря на внутреннее разногласіе духовнаго и государственнаго начала, залѣчить свои раны и собрать новыя силы для отпора новымъ врагамъ. Персія, обезсиленная упорною борьбою и лишенная вѣры въ свое духовное начало, не могла выдержать новой бури. Когда исламъ, возникшій отъ временнаго торжества Персіи, давшей въ Аравіи побѣду древнему народному началу надъ христіанствомъ, потребовалъ покорности отъ всѣхъ народовъ міра, Византія уцѣлѣла, утративъ только Сирію и Месопотамію, Приаравійскую Палестину, Египетъ и Африку; Персія же послѣ двухъ-трехъ сраженій пала къ стопамъ побѣдителя, и имя ея исчезло надолго изъ исторіи. Большая часть народонаселенія,

охладѣвшая къ прежнему вѣрованію, приняла законъ торжествующей Аравіи вслѣдствіе естественнаго стремленія Иранца къ вѣрованію, основанному на началахъ иранскихъ, вслѣдствіе побѣдъ, повидимому оправдывающихъ божественность исламизма, и особенно вслѣдствіе согласія Корана съ пастушескимъ бытомъ Ирана. Немногочисленные послѣдователи древняго ученія искали убѣжища въ неприступныхъ горахъ и погибли послѣ мужественнаго сопротивленія или бѣжали изъ своей родины на юго-востокъ, въ области индустанскія, куда не скоро еще проникъ мечъ мусульманскій. Исчезла вся прежняя Персія, затопленная разливомъ магометанскаго, какъ нѣкогда разливомъ эллинскаго, міра. Изъ перваго наводненія она возстала не только къ независимости, но и къ самобытности; изъ второго она уже къ самобытному существованію не возвращалась; но черезъ нѣсколько вѣковъ получила она снова значеніе государственнаго тѣла, съ правами на полную независимость, и дала исламу характеръ отличный отъ характера исламизма западнаго (*Шіитство*, въ противоположность *Суннѣ*). Таковы значеніе и сила древняго міра: онъ воскресаетъ, измѣненный въ мірѣ новомъ. Дѣленія народовъ и государствъ, которыя являются въ самомъ началѣ человѣческихъ бытописаній и даже въ доисторическомъ періодѣ преданія, сохраняются почти неизмѣнными до нашего времени (кромѣ нѣкоторыхъ примѣровъ полнаго истребленія), не смотря на всѣ бури человѣческой исторіи. Безпристрастная критика не можетъ приписать этого постоянства въ безпрерывномъ волненіи вліянію причинъ вещественныхъ, какъ-то границъ и т. д.: ибо часто граница двухъ жизненныхъ системъ нисколько не соотвѣтствуетъ границамъ, указаннымъ физическою географіею, и, пренебрегая широкія рѣки или горныя цѣпи или даже морскіе проливы, очерчивается какимъ-нибудь незначительнымъ потокомъ или почти невидимою чертою на поверхности земли. Духовное начало народовъ не исчезаетъ: оно принимаетъ новое просвѣщеніе и новыя начала мысли, но даетъ особенное значеніе своему мысленному пріобрѣтенію и не пропадаетъ въ мертвомъ однообразіи. Всякая

подпочва народная соединяется съ наплывомъ (хотя бы и общимъ) посредствомъ особеннаго жизненнаго процесса и проявляется новыми произведеніями, отдѣляющимися отъ всѣхъ другихъ въ вѣрованіи, языкѣ, бытѣ и исторической жизни.

Таковъ законъ общій. Межи, отдѣляющія Германца и Галла, Галла и Иверца, Галла и Италійца, уцѣлѣли и называются въ наше время государственными границами. Это всѣми замѣчено, хотя, можетъ быть никѣмъ не оцѣнено вполнѣ. Древнихъ Славянъ, уже погибшихъ въ Германіи, Италіи и Галліи, забывшихъ всю свою старину и свой языкъ, еще можно отслѣдить по физіономіи народной жизни въ Вандеѣ и въ Тиролѣ, и въ низинахъ Голландіи и Фризіи, и въ балтійскомъ поморьѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, которыя носили въ древности имя земель венедскихъ. Чувство человѣческой, художественной истины необходимо для историка, а объ немъ-то и не думаетъ весь ученый цехъ, завладѣвшій исторіею въ наше время, и есть еще смѣлые буквоѣды, которые отрицаютъ старожитность Славянъ въ Европѣ потому, что не отыскали подлинныхъ межевыхъ книгъ и плановъ скрѣпленныхъ и засвидѣтельствованныхъ какимъ-нибудь древнимъ земскимъ судомъ.

Завоеваніе исламомъ Сиріи, Египта и сѣверной Африки.

Первый налетъ мусульманъ на Имперію отнялъ у нея всѣ ея юго-восточныя области. Утомленная борьбою съ Персіею и торжествомъ, купленнымъ многолѣтнею бранію, она не могла противопоставить сильныхъ ополченій свѣжей силѣ восторженнаго ислама; старый императоръ и спаситель государства, Ираклій, занятый церковными спорами (въ которыхъ онъ, бывшій правитель Египта, держался египетскаго стремленія къ евтихіанству), не имѣлъ уже достаточной энергіи или надежды на побѣду, чтобы вступить въ упорную борьбу съ новымъ врагомъ. Онъ согласился уступить Аравитянамъ южную Сирію, ожидая, можетъ быть, что порывъ новаго вѣрованія будетъ недолговѣченъ, а отдохнувшая Имперія будетъ со временемъ крѣпче для войны. Области, завоеванныя аравійскимъ мечемъ, были уже отчасти населены племенемъ полу-

аравійскимъ или аравійскими выходцами; онѣ были опустошены Персіянами, мало привязаны къ слабому организму Византіи, лишены духовной силы и духовнаго единства безпрерывными спорами религіозными, готовы къ покорности всякому побѣдителю, нѣсколько человѣколюбивому, и даже къ принятію всякаго ученія, нѣсколько разумнаго: а воины первыхъ халифовъ, непобѣдимые въ сраженіяхъ, были кротки съ побѣжденными, вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы принять въ свое вооруженное братство всякаго новообращенца; ученіе же, проповѣданное ими, было исполнено поэтическаго восторга и вещественнаго соблазна, оправдано побѣдами и проповѣдано живою и пламенною вѣрою. Аравитяне нашли сначала мало сопротивленія и много союзниковъ. Исламъ пріобрѣлъ не только пространныя области, но и множество послѣдователей внѣ Аравіи.

То же самое было впослѣдствіи и въ Испаніи.

Такъ погибли для Имперіи и для общенія съ христіанскимъ міромъ Сирія, Египетъ и сѣверная Африка. Болѣе другихъ уцѣлѣло ученіе христіанское въ Сиріи: оно уже отчасти слилось съ самою жизнію, не смотря на развратъ городовъ и полуидолопоклонническій бытъ деревень. Вѣроятно, оно удержалось бы съ большею силою (ибо разумное пониманіе христіанства было удѣломъ не однихъ эллинскихъ жителей, но и сиріянъ и природныхъ Палестинцевъ) и, можетъ быть, освободилось бы отъ ига мусульманскаго; но значительная часть народонаселенія погибла въ войнахъ персидскихъ; многія области были наполнены Аравійцами, чуждыми и Имперіи и христіанству; раздоры религіозные поставили большую половину народа во враждебное отношеніе къ государству и въ разъединеніе съ остальною церковью, и глубокій развратъ нравовъ отнималъ и силу и желаніе сопротивляться чуждому игу. За всѣмъ тѣмъ нѣсколько горныхъ округовъ и приморскихъ городовъ долго сохраняли свою независимость и отбивались мужественно отъ мусульманъ; но эта безплодная борьба не могла быть увѣнчана побѣдою, и скудные остатки про-

свѣщенія погибли, не принесши плода, для остальнаго міра. Полнѣе было паденіе Египта. Въ немъ разумное пониманіе христіанства ограничивалось только эллинскою или эллинизованною частью народонаселенія. Темная религія туземцевъ была ничто иное, какъ древнее идолопоклонство въ христіанскихъ формахъ, и даже у просвѣщеннѣйшихъ сословій гораздо менѣе было истинно-христіанскихъ вѣрованій, чѣмъ гностической философіи, скрытой подъ оболочкою христіанства. Наконецъ, въ сѣверной Африкѣ, отъ границъ Египта до дальнихъ береговъ Атлантическаго океана, христіанство было очевидно принадлежностью городовъ*) и эллино-римскаго народа. Туземцы покорялись ему, но никогда не принимали его.

Они находились въ томъ же положеніи, въ которомъ теперь находятся въ Россіи Черемисы, Чуваши, Мордва и другія финно-турецкія семьи, которыхъ безъ сомнѣнія не трудно бы было обратить въ какое угодно вѣрованіе (что не приноситъ, между прочимъ, великой чести апостольской ревности русскаго народа).

За то христіанство и исчезло безъ слѣда со всего южнаго берега Средиземнаго моря. Отъ него не уцѣлѣло ни малѣйшаго слѣда, и отечество Августина и Тертулліана сдѣлалось гнѣздомъ самаго фанатическаго, самаго изступленнаго мусульманства.

Впрочемъ не безъ боя покорилась сѣверная Африка. Ея полукочевые жители, *Амазирги*, *Шеллухи* и *Кабайлы*, не разъ отбивали завоевателей или изгоняли ихъ изъ завоеванныхъ областей. Утомленные долгимъ сопротивленіямъ, Аравитяне обратились къ внутреннему сочувствію туземцевъ и къ преданіямъ (безспорно справедливымъ) о племенномъ единствѣ жителей сѣверной Африки съ колѣнами арабо-палестинскими.

Свидѣтельства писателей до-магометанскихъ доказываютъ существованіе такихъ преданій. Очевидно, что, кромѣ вліянія Карѳагена и другихъ палестинскихъ колоній, было уже издавна много общаго между Гетулами, Нумидійцами, Маврами и пр. и Палестиною. Добросовѣстное изученіе современныхъ намъ нарѣчій Шелуховъ, Амазирговъ и др.,

также какъ ихъ физическихъ очерковъ, подтверждаетъ туже истину, а самое существованіе многочисленныхъ колоній палестинскихъ на сѣверномъ берегу Африки совершенно совпадаетъ съ общимъ правиломъ первоначальной торговли, т. е. гостьбы у братьевъ-единоплеменниковъ.

Законъ и жизнь Аравійцевъ совершили то, чего не могло сдѣлать оружіе. Сѣверная Африка, сохраняя свою самобытность, вошла въ общее движеніе міра мусульманскаго и, слившись съ нимъ неразрывно, сдѣлалась точкою опоры и орудіемъ для новыхъ завоеваній. Сила иноначальнаго Рима подавляла Африку, не покоряя себѣ ея внутренней жизни. Сила ислама покорила ее не только въ смыслѣ вещественномъ и гражданскомъ, но и въ смыслѣ духовномъ. Аравійцы сдѣлались братьями туземцевъ, сохраняя только то неотъемлемое первенство, которое зависѣло отъ ихъ прежней исторической жизни и отъ высшаго умственнаго, особенно же словеснаго развитія. Чтó было при первыхъ Омміядахъ, то сохранилось неизмѣнно и до нашего времени.

Халифатъ.

Задача ислама, казалось, разрѣшилась его блистательными успѣхами. Едва родившись, уже обнималъ онъ безконечную область отъ береговъ Инда до береговъ Атлантики; но убіеніе третьяго калифа и междоусобія, возникшія послѣ его смерти, доказывали, что этой задачѣ не суждено было никогда разрѣшиться вполнѣ. Всякій халифъ былъ преемникъ Мухамеда; но это преемство имѣло по необходимости двойственное значеніе: значеніе власти государственной и духовнаго начальства. Въ обоихъ отношеніяхъ проявилась вскорѣ шаткость, доказывающая внутреннюю слабость началъ. Какъ духовный властитель, халифъ не былъ облеченъ въ святость непогрѣшимости догматической (такъ, какъ позднѣйшіе папы) и слѣдовательно не представлялъ ручательства въ неизмѣнности ученія. Поэтому могли и должны были возникнуть ученія новыя и противоположныя другъ другу, для которыхъ лицо

халифа не имѣло никакого духовнаго значенія. Какъ власть государственная, халифъ не находилъ твердой опоры въ неизмѣнномъ законѣ престолонаслѣдія, будь оно избирательное въ опредѣленномъ порядкѣ, будь оно исключительно наслѣдственное. Сверхъ того, если бы даже нашлась такая опора, то ея характеръ, чисто условный, могъ бы имѣть силу только мѣстнаго, а не всемірнаго учрежденія. Халифату оставалось только одно: быть символомъ, и только символомъ, единства въ мірѣ ислама. Такимъ онъ и былъ. Весь изсламъ по духу Корана представлялъ одну безконечно-многочисленную семью, одушевленную однимъ началомъ вѣрованія въ мессіанство измаэлитскаго колѣна. Этой семьѣ, по духу патріархальнаго быта аравійскаго, нужна была глава, живое олицетвореніе родоваго или духовнаго единства. Главою былъ халифъ. Простыя явленія быта патріархальнаго не могутъ вполнѣ удовлетворять многосложнымъ требованіямъ быта государственнаго, и единство духовное не подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ единство родовое. Внутреннее раздвоеніе духовно-государственнаго міра магометанскаго должно было вскорѣ нарушить плавный ходъ его первоначальнаго развитія. Чисто-духовныя стремленія должны были прійти во враждебное столкновеніе съ чисто-вещественными, исключительно государственными потребностями и расчетами. Они нашли себѣ великаго и достойнаго представителя въ поэтическомъ лицѣ великаго Алія. Хитрый, но сильный духомъ Моавія сталъ представителемъ государства, государства завоевательнаго и дружиннаго. Случайность рѣшила въ пользу Моавіи. Али погибъ подъ кинжаломъ убійцы.

Впрочемъ случайность смерти аліевой представляетъ довольно ясный примѣръ общей случайности исторической въ ея противоположности съ общею историческою необходимостью. Али могъ побѣдить: его неустрашимость и воинственное превосходство казались даже залогами побѣды; но слабость духовнаго начала и духовнаго значенія въ халифатѣ при его преемникахъ уступили бы необходимо практическимъ и неотразимымъ требованіямъ завоевательнаго государства.

Исламъ, какъ вѣрованіе, былъ побѣжденъ въ лицѣ Али. Торжество государственнаго начала выразилось въ побѣдѣ Моавія, человѣка невѣрующаго и бездушнаго, котораго отецъ былъ самымъ упорнымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Мухаммеда и его ученія.

Исторія представляетъ множество такихъ аки-символовъ; но, случайно упоминая объ нихъ, мы не видимъ въ нихъ важности. Иное дѣло тѣ символы, повидимому случайные, въ которыхъ безсознательно выражается скрытая или еще неуясненная мысль. Они безконечно важны для исторіи и рѣдко обращали ея вниманіе. Въ возстаніи Моавіи его бездушность не случайна. Высокій духъ покорился бы великой личности Али; но происхожденіе Моавіи отъ врага Мухаммедова есть прямая случайность, заманчивая для поэта, ничтожная для историка. Самое же лицо Алія и весь родъ его окружены такимъ блескомъ поэтическаго вдохновенія, безкорыстнаго великодушія, пламеннаго и веселаго мужества, глубокой любви къ нравственному совершенству, кроткаго и истинно-человѣческаго величія, что передъ ними темнѣютъ всѣ многопрославленные герои рыцарскихъ вѣковъ въ Европѣ. Они важны для исторіи, потому что въ нихъ выражается вся красота вольной пустыни и иранскаго преданія, т.-е. вся художественная красота Аравіи и вся нравственная чистота Корана. Важны побѣжденные Алиды, еще важнѣе глубокое сочувствіе народа и самихъ побѣдителей Омміадовъ къ побѣжденнымъ. Очевидно любили въ Али не зятя Мухаммедова, но поэтическую его личность и нравственное достоинство, а эта любовь народа доказываетъ, что Али и родъ его не были исключеніемъ, но истинными представителями аравійскаго идеала. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подробностяхъ исторіи, явно превосходство Аравійца-мусульманина, опредѣлившаго судьбу Востока, надъ Германцемъ-христіаниномъ, создавшимъ всѣ державы Запада. Различіе въ дальнѣйшемъ развитіи и торжество европейскихъ народовъ зависятъ отъ внутренняго совершенства, логической стройности и духовной силы начала, принятаго Европою извнѣ. Впрочемъ торжество Омміадовъ и паденіе Алидовъ показываютъ, что народы мусульманскіе были движимы внутреннимъ сознаніемъ двойственности къ религіозно-госу-

дарственномъ исламѣ, малосилія въ началѣ духовномъ и неизбѣжнаго первенства начала политическаго.

Моавія начинаетъ собою блистательнѣйшую эпоху халифата. Безпрестанный рядъ побѣдъ соединилъ въ одно могучее цѣлое всѣ области отъ береговъ Инда, отъ древней Бактріи, уже затопленной Турками, и кавказскаго пригорія, гдѣ Турки (будущіе побѣдители Аравитянъ) были сначала покорены первымъ племеннымъ порывомъ Аравіи,—до Атлантическаго океана и пригорій пиренейскихъ. Ни древній Иранъ персидскій, ни Эллада въ минуту своего блестящаго торжества при Македонцѣ не равнялись съ халифатомъ Омміадовъ. Римская имперія при Траянѣ (явленіе единственное въ исторіи человѣчества) немногимъ чѣмъ превосходила его.

Италія, Галлія, Британнія и Эллада были лишнія у Рима; лишними были у халифовъ Аравія и Персія, которыхъ пространство равняется почти половинѣ Европы.

Величественно было царство халифовъ. Ихъ отдѣльныя дружины на западѣ сокрушали однимъ ударомъ царство Вестготовъ (около 710-го года), затопляли южную Францію и едва могли быть удержаны отъ дальнѣйшихъ завоеваній всею силою меровингскаго царства и воинственнымъ геніемъ основателя карловингской династіи. Въ то же время другія дружины на востокѣ проникали въ глубь средней Азіи и грозили войною или предлагали дружбу вѣковѣчной державѣ Китая, окрѣпшаго при династіи *Тіанговъ*. Но халифатъ не имѣлъ внутренней крѣпости, упрочившей на многіе вѣка величіе Рима. Въ немъ не было стройнаго механизма, соединяющаго всѣ вещественныя силы государства подъ единствомъ одного логическаго закона (римскаго начала внѣшней правды, или права). Онъ не имѣлъ также и той полноты духовной жизни, которая могла бы собою замѣнить совершенство условнаго механизма. Исламъ хотѣлъ быть въ одно время и церковью и государствомъ (такъ же какъ нѣкоторыя царства буддаистскія и позднѣйшій католицизмъ Запада). Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ на соединеніе духовнаго начала (совершеннаго по своему опредѣленію) съ государственнымъ (необ-

ходимо несовершеннымъ) заключался внутренній раздоръ. Жизнь практическая должна была подавить жизнь мысленную. Такъ и случилось въ исламѣ, какъ и вездѣ. Японскій первосвятитель сдѣлался куклою японскаго царя. Королевство побѣдило римскій престолъ, и султанство подавило халифатъ. При Омміядахъ еще не наступало время полнаго разрыва; но онъ уже явился въ лицѣ Моавіи, скрытый для современниковъ, явный для потомства. Духовный халифъ былъ уже побѣжденъ государемъ свѣтскимъ; ибо въ исторіи важна не побѣда лица надъ лицомъ, но побѣда начала надъ началомъ, а она можетъ совершиться въ одномъ лицѣ, какъ и во многихъ. Халифу, утратившему свою религіозную святость, осталось только значеніе родовой главы въ великомъ мусульманскомъ семействѣ. Этотъ призракъ родового единства, святыня, взятая изъ жизни Аравитянъ и понятная всѣмъ ихъ кочевымъ братьямъ, долго еще растилъ и живилъ міръ мусульманскій и противился напору многихъ бурь и многихъ вѣковъ.

Византія въ VIII вѣкѣ.—Иконоборство.

Византія не умѣла или не могла воспользоваться междоусобіями Аравитянъ. Радуясь временному отдыху, она не думала снова завладѣть утраченными областями и довольствовалась незначительною данью, которою Моавія откупился отъ войны во время своей борьбы съ Алидами. Окрѣпшій исламъ скоро отомстилъ за временную уступку. Царьградъ, осажденный Аравитянами, отстоялся; но императоры обязались платить дань халифамъ. Ничтожные и свирѣпые властители губили Византію. Подавленная съ сѣвера и юга иноземными врагами, она тратила послѣднія силы въ междоусобіяхъ. Вслѣдъ за междоусобіями политическими наступили снова раздоры религіозные. Великій вопросъ объ иконахъ (дѣйствительно же вопросъ о правѣ церкви на свободное выраженіе своего духовнаго содержанія) взволновалъ государство столько же, сколько прежніе споры о догматическомъ опредѣленіи вѣрованія. Мысленное движеніе, сходное съ позднѣйшимъ протестантствомъ, шло съ Востока. Въ этомъ движеніи выражалось требованіе

духа на религію духовную, требованіе вполнѣ христіанское; но въ то же время отвергалось право духа человѣческаго на выраженіе своего религіознаго чувства, право общины, какъ единицы живой, на живое и художественное выраженіе свого единства. Это восточное протестантство заключалось въ такой же скудной односторонности, какъ и позднѣйшее иконоборство Запада; но церковь сама еще не впадала въ односторонность и должна была восторжествовать надъ всякимъ одностороннимъ нападеніемъ. Иконоборство было вызвано и слѣдовательно оправдано мѣстными злоупотребленіями и частнымъ невѣжествомъ, доходившимъ до идолопоклонства; его стремленіе было исполнено разума и благородства. Но церковь отреклась отъ всякаго участія въ мѣстныхъ или частныхъ ошибкахъ: она выразила свои разумныя требованія и права. Иконоборцы, уже обратившіеся въ секту, упорствовали въ своей односторонности и погибли въ борьбѣ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, погубивъ много великихъ памятниковъ древности, разорвавъ живую цѣпь художественнаго преданія, но вызвавъ церковь къ сознанію или къ выраженію своего сознанія въ отношеніе къ иконѣ (т.-е. къ образу вообще). Таково значеніе спора объ иконахъ, волновавшаго Имперію безъ малаго въ продолженіи двухъ вѣковъ.—Вопросъ былъ поднятъ на Востокѣ, или по крайней мѣрѣ, выходцами съ Востока, призванными на управленіе Византіею. Новѣйшая критика (отчасти оправданная преданіями) связываетъ его съ ученіемъ Мухаммеда; но другое объясненіе (также не чуждое нѣкоторымъ ученымъ) гораздо вѣроятнѣе. Востокъ не имѣлъ стремленія къ пластикѣ, которымъ отличалась Эллада. Въ немъ слѣдовательно и требованіе выраженія художественнаго (въ смыслѣ пластики) не могло быть слишкомъ сильнымъ и общимъ.

Просвѣщеніе Сиріи и Палестины (за искюченіемъ Іудеи) было произведеніемъ борьбы между строительнымъ кушитствомъ и чисто-духовнымъ Ираномъ. Оно должно было ограничиться символомъ. Просвѣщеніе Эллады было по преимуществу произведеніемъ того же кушитства, встрѣтившагося съ міромъ восточно-иранскаго Славянства.

Оно должно было создать художество во всемъ его разнообразіи, въ поэзіи, какъ и въ ваяніи и живописи.

Съ другой стороны, начала эбіонитскія преобладали въ юго-западной Азіи, быть можетъ, вслѣдствіе древнихъ погибшихъ религій и безъ сомнѣнія вслѣдствіе іудейства, широко распространившагося по всей землѣ отъ Евфрата до моря. То же самое вліяніе, которое уже замѣтно въ несторіанствѣ (отвергавшемъ возможность Божества въ образѣ человѣческомъ), замѣтно и въ отверженіи всякаго поклоненія образу или изображенію человѣка. Тутъ явны слѣды іудейства, и легко объясняются преданіе о Львѣ Исаврійцѣ, околдованномъ Жидами. Итакъ, эпоха иконоборства въ Византіи была собственно эпохою преобладанія восточной стихіи надъ эллинскою, а торжество соборнаго ученія (2-го никейскаго)—освобожденіемъ стихіи эллинской. Большая часть церковныхъ вопросовъ возникала отъ самихъ представителей церковнаго правленія, отъ лицъ духовныхъ. Вопросъ объ иконахъ былъ поднятъ свѣтскими лицами и властью. Духовные противники иконъ были всѣ или почти всѣ робкими орудіями императоровъ. Убѣжденіе же и выгоды духовенства были противны иконоборческому движенію.

Быть можетъ, это—одна изъ причинъ, почему оно погибло безъ слѣда.

Но всякое новое движеніе мысли, стремящейся къ возможному разрѣшенію, такъ же какъ и всякое пробужденіе духовныхъ потребностей человѣка, обозначаетъ скрытую силу жизни и даетъ ей новое напряженіе. Династія восточныхъ иконоборцевъ на престолѣ византійскомъ заслужила благодарность Имперіи, несмотря на распри и раздоры религіозные и пробужденная ими энергія продолжала еще проявляться нѣсколько времени послѣ ихъ прекращенія.

Такова разница между раздорами, проистекающими изъ какого бы то ни было движенія мысли религіозной, нравственной или общественной, и раздорами, возникающими изъ частныхъ выгодъ и требованій. Споры мелкихъ итальянскихъ династовъ или нѣмецкихъ

князей губятъ Италію и Германію, англійская и французская революціи возвышаютъ Англію и Францію [1]).

Тяжелъ былъ трудъ Исаврійцевъ: халифатъ нагнеталъ на нихъ въ полномъ своемъ развитіи. Имъ приходилось бороться со всѣми силами, такъ сказать, съ главою чудовища, которое однимъ ударомъ хвоста сокрушило Вестготовъ Испаніи и только что не сокрушило Франковъ меровингскихъ, и они выдержали эту борьбу не безъ славы. Неразъ побѣждали они могучія ополченія и флоты Омміадовъ, и когда эта династія стала клониться къ упадку, знамена византійскія явились съ торжествомъ на берегахъ Евфрата. Когда новая династія, Аббасиды, взошла на престолъ халифовъ съ новыми силами и новымъ завоевательнымъ стремленіемъ, когда великіе государи, которыхъ имена заслужили безсмертіе, Аль-Мансуръ, Гарунъ и Аль-Мамунъ окружили исламъ блескомъ, котораго не имѣли, можетъ быть, и лучшіе изъ Омміадовъ, Византія оспоривала у нихъ каждую область, каждый шагъ земли и ставила неодолимыя препоны ихъ воинственному властолюбію. Въ свою очередь ослабли Аббасиды, и снова гроза византійскаго оружія загремѣла на берегахъ Евфрата, вырвала изъ рукъ мусульманъ часть давно покоренной Сиріи и покорила горы Арменіи и иверское пригорье Кавказа. Въ этой славной борьбѣ болѣе всѣхъ прославился второй изъ владыкъ исаврійскаго дома, ревностнѣйшій изо всѣхъ гонителей иконъ, человѣкъ свирѣпый и развратный, но государь, заслуживающій почетное мѣсто въ исторіи, Константинъ Копронимъ. Его развратный нравъ подалъ поводъ къ сомнѣнію о томъ, сочувствовалъ ли онъ дѣйствительно съ ученіемъ религіознымъ, которое поддерживалъ, и не былъ ли онъ гонителемъ иконопоклонниковъ и духовенства изъ одного властолюбія. Вопросъ не разрѣшимъ. Очевидно, зависть власти свѣтской противъ независимости церковной въ смыслѣ ученія и противъ огромнаго вліянія духовенства участвовала въ гоненіяхъ Копронима и его преемниковъ; очевидно, во всемъ движеніи иконоборства выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять

[1]) Говорится лишь о формальныхъ послѣдствіяхъ. *Изд.*

мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святыню государства выше святыни церкви; но, не смотря на политическія побужденія, дѣйствовавшія въ Копронимѣ, несмотря на грубое безстыдство его разврата, нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для обвиненія его въ совершенномъ равнодушіи къ вопросу церковнаго вѣрованія. Многосторонность души человѣческой выражается въ порокахъ такъ же какъ и въ добродѣтели, и часто ревностнѣйшіе поборники или ревнители религіозныхъ реформъ предавались грубой чувственности, какъ будто уже удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ христіанства своею дѣятельностію на поприщѣ догматики и церковнаго устройства. Таковъ, можетъ быть, былъ и Копронимъ *), человѣкъ сильный духомъ, волею и разумомъ, которому бы трудно было не имѣть совершенно никакого сочувствія съ вопросами, волновавшими Византійскій міръ. Какъ бы то ни было, Константинъ Копронимъ былъ, безъ сомнѣнія, достойнымъ преемникомъ прежнихъ великихъ государей, распространявшихъ Имперію и налагавшихъ ея желѣзное иго народамъ иноплеменнымъ. Его царствованіе было безконечною борьбою, его походы—рядомъ побѣдъ. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ Аравитянъ, онъ нанесъ ихъ власти тяжелые удары въ Азіи и, возвративъ Имперіи нѣсколько областей, поставилъ на ихъ границу, какъ воинственную стражу, вѣрную Имперіи и впослѣдствіи долго останавливавшую напоръ мусульманъ колонію изъ двухсотъ тысячъ Славянъ, согласившихся на переселеніе изъ Европы въ благодатныя долины Сиріи.

Исторія говоритъ весьма мало объ этой колоніи *). Погибла ли она въ неровной борьбѣ или, утомленная, возвратилась къ своей европейской братьѣ, трудно опредѣлить. Самая причина переселенія (будто бы Копронимъ перевелъ побѣжденныхъ, какъ плѣнныхъ, въ Азію) очевидно вымышлена тщеславіемъ Византійцевъ. Переселеніе было безспорно слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ императоромъ; но оно не могло исполниться, и Копронимъ не могъ предвидѣть добра отъ него безъ согласія самихъ переселенцевъ, раздѣлявшихъ общее въ то время движеніе придунайскихъ Славянъ, которые искали себѣ

новыхъ привольныхъ жилищъ. Судьба этой славянской колоніи въ Азіи представляетъ особенную важность. Съ нею, вѣроятно, связано религіозное движеніе, отозвавшееся впослѣдствіи далеко въ западномъ мірѣ раздорами, войнами, ужасами первой инквизиціи и еще бо́льшими ужасами крестовыхъ походовъ. Болгарія, страна, изъ которой вышли Богомилы, родоначальники Патареновъ, Катаровъ и Альбигойцевъ, была та самая страна, изъ которой Копронимъ выселилъ колонію въ Азію. Границы Сиріи, куда она была переселена, были областью, въ которой долго гнѣздились Манихеи-Павликіяне, воинственные враги Аравитянъ и непокорные слуги Имперіи. Не очевидно ли, что эти обстоятельства поясняютъ другъ друга и что выселенцы славянскіе, завлеченные въ манихейство своими сирійскими сосѣдями, передали это ученіе своимъ европейскимъ братьямъ или посредствомъ миссіонеровъ, или незамѣтнымъ возвращеніемъ на свою родину прибалканскую, или во время обратнаго ихъ переселенія во Ѳракію при Василіи. Таково самое вѣроятное объясненіе начала секты богомильской или патаренской, легко связавшейся съ остатками прежнихъ Манихеевъ въ Италіи, долго первенствовавшей и, можетъ быть, еще не совсѣмъ исчезнувшей въ боснійской области, и отзывающейся донынѣ въ Россіи въ общинѣ Духоборцевъ или въ общинахъ, связанныхъ съ ними. (Не должно забывать, что Манихеи, Патарены, Катары и др. называли себя по преимуществу людьми духовными, а это собственно значеніе слова Духоборцы).

Тѣмъ славнѣе были успѣхи или по крайней мѣрѣ подвиги императоровъ-иконоборцевъ и особенно Константина противъ могучихъ Аравитянъ, что въ тоже время на Имперію напирали другіе враги не менѣе сильные по числу своему и мужеству, но, къ счастію, еще не соединенные между собою тѣсными узами политическаго единства или единствомъ мысли религіозной.

Переселеніе Болгаръ.—Хазары.

Авары, нѣкогда двигатели и угнетатели славянскаго міра, погибли. Возставшіе Славяне образовали отдѣльныя самобытныя общины на началахъ, которыми они жили съ давнихъ временъ, на началахъ семьи, рода и родовой общины, подчи-

ненной въ иныхъ мѣстахъ одному начальнику, главѣ родовыхъ общинъ, въ другихъ мѣстахъ совершенно свободной и правимой родовымъ вѣчемъ. Но приливъ съ сѣверо-востока еще не прекращался: безпрестанно приходили оттуда новыя колѣна, требующія новыхъ жилищъ и подвигающія сторожиловъ далѣе на югъ. Но и это движеніе не было стремленіемъ народа завоевательнаго: оно было простымъ слѣдствіемъ неудержимаго напора съ востока, напора кочевыхъ дикарей изъ внутренней Азіи, слѣдствіемъ бурь поднятыхъ Сянъ-бійцами и Гіонг-ну, перемѣщеніемъ уйгурскаго союза и особенно расширеніемъ Китая при великихъ государяхъ династіи Тіангъ. Поднятые Аварцами и раздвинувшіе свои предѣлы далеко на югъ и отчасти на западъ, Славяне стали успокоиваться. Новое сильное переселеніе взволновало ихъ и потрясло Византію. Это было переселеніе Болгаръ, послѣднее изо всѣхъ славянскихъ переселеній, послѣдній приливъ изъ Азіи древняго восточно-иранскаго племени, тѣснимаго и придавленнаго средне-азійскими ордами. Налетъ Гунновъ (сѣверо-восточнаго приволожскаго казачества) освободилъ міръ славянскій отъ его германскихъ насильниковъ и отбросилъ ихъ, какъ извѣстно, далеко на западъ, гдѣ они сокрушили римскую имперію и образовали новую западную Европу. По совершеніи подвига исчезла сила, совершившая его: имя Гунновъ пропало. Остатки племени, перемѣнившаго судьбу міра, удалились на востокъ въ свою родину, въ землю, неизвѣстную ни одному географу, Гуниваръ.

Очевидно, просто земля или союзъ Гунновъ, такъ же какъ и по индійскимъ памятникамъ земля Гунновъ есть Гуна-вара *), отъ корня *вѣра* въ смыслѣ союзъ или *варять* (тоже, что латинское *morari*, варять, предварять и т. д.).

Родина Гунновъ и ихъ великій городъ Гунабъ *) (о которомъ гремѣла такая слава у западныхъ лѣтописцевъ) являются подъ иными именами, взятыми уже отъ имени великой рѣки, которая отъ глубочайшей древности до нашего времени была главнымъ торговымъ путемъ всего Сѣвера, отъ *Волги* или *Волгы*.

Съ ея береговъ продолжается къ юго-западу тихое переселеніе (продолженіе гунскихъ походовъ), и вскорѣ толпы Болгаръ собираются на Дунаѣ, грозя Византіи и ея областямъ. Византійцы дали отпоръ, а вскорѣ воинственные Авары, превосходствомъ своего чисто-дружиннаго устройства, подавили на время славянскую самобытность, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ жизни политической. Недолговѣчна была аварская держава. Отдѣльныя общины славянскія возставали противъ нея съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и окончательно сокрушили ее (ибо походы Карловинговъ были уже направлены на царство совершенно безсильное и утратившее даже свою военную значительность). Изъ первыхъ возстаній противъ Аваровъ особенно замѣчательно возстаніе Болгаръ, поселившихся на югѣ отъ Дуная: оно показываетъ отношеніе славянскихъ народовъ къ Аварамъ, очевидно отношеніе союзниковъ, мѣстами угнетенныхъ, но не подданныхъ и не рабовъ; ибо Болгары вооружились не для сверженія ига, а для утвержденія за собою права быть старшими въ союзѣ и назначать общаго начальника всѣмъ союзникамъ, не исключая и Аваровъ. Попытка Болгаръ была неудачна, но она показываетъ уже силу ихъ; побѣжденные, они погибли или бѣжали въ разныя стороны; многіе, спасшіеся на землю баварскую, тогда покорную Франкамъ, были приняты съ притворнымъ радушіемъ и потомъ уничтожены вѣроломствомъ Нѣмцевъ *).

Это возстаніе Болгаръ, о которомъ упоминаютъ почти всѣ историки, осталось до сихъ поръ незамѣченнымъ исторической критикою, а между тѣмъ оно вполнѣ разрѣшаетъ споръ, которому давно уже не слѣдовало быть споромъ. Оно относится къ началу VII-го вѣка, слѣдовательно къ такому скорому времени послѣ перваго переселенія, что самому легковѣрному легковѣрію еще нельзя предполагать перерожденія народа; при этомъ оно представляетъ намъ Болгаръ еще не первенствующими въ союзѣ и не грозными завоевателями, которыхъ имя могло бы быть по ошибкѣ перенесено на побѣжденные или подчиненные народы. Итакъ, Болгары этого возстанія суть и безспорно Болгары, и безспорно еще не переродившіеся Болгары.

Какая же была причина ихъ гибели? «Баварцы, говорятъ лѣтописи, принимая Болгаръ по языку, обычаямъ и наружности за Славянъ» (а кажется Баварцамъ трудно было не знать Славянъ, но тутъ подразумѣвается, за тѣхъ Славянъ, съ которыми они издавна привыкли сражаться), представили королю франкскому опасность, которая могла послѣдовать изъ поселенія враговъ на землѣ франкской, и испросили позволенія ихъ перерѣзать», что и было исполнено во вкусѣ сицилійскомъ. Трудно повѣрить, чтобы критика, еще сомнѣвающаяся въ славянствѣ Болгаръ, читала лѣтописи; а еще труднѣе повѣрить, чтобы при столькихъ доказательствахъ могла еще такъ долго держаться упорная вѣра въ слова, когда-то сказанныя какимъ-то (положимъ и почетнымъ) ученымъ. Должно еще замѣтить, что при вторичномъ движеніи Болгаръ на юго-западъ отдѣлилось отъ нихъ значительное ополченіе подъ предводительствомъ *Азека* (быть можетъ слав. *Языкъ*) и двинулось въ Италію, гдѣ оно мирно было принято мирно поселилось и мирно исчезло, слившись въ общей массѣ германо-романскихъ туземцевъ. Похоже ли это на финно-турецкое племя? Гдѣ же слѣды этихъ Финно-Турковъ въ сѣверной Италіи? Гдѣ языкъ или остатки языка? А слѣды славянскаго языка, жизни, народа, безконечны, и всякому, кромѣ слѣпыхъ, бросаются въ глаза. Дѣло такъ ясно, что объ немъ почти совѣстно говорить *).

Во время паденія аварскаго владычества земли при Карпатахъ и Дунаѣ, свободныя отъ угнетателей и слабо охраненныя имперіею византійскою, представляли легкую добычу Славянамъ, а усиленіе финно-турецкаго племени на Приволжьѣ пробуждало въ нихъ желаніе удалиться въ страну менѣе подверженную нападеніямъ съ Востока. Уже въ первыхъ вѣкахъ послѣ христіанства стихія средне-азійская (по свидѣтельству Китайцевъ) вошла значительною примѣсью въ восточныя общины Славянъ *). Она дала особенный характеръ союзу Гунновъ и особенную силу ихъ военной дѣятельности. Со дня на день усиливалось вліяніе этой стихіи вмѣстѣ съ приливомъ восточныхъ ордъ. Коренное начало (славянское) слабѣло со дня на день и переходило мало-по-малу на степень подчиненности. Уйгуры, съ ихъ разными развѣтвленіями,

Онигурами (или Унигурами), Кутригурами и т. д., нѣкогда полу-невольные союзники Гунновъ, становились все болѣе и болѣе владычествующимъ племенемъ, старые Гунны, приволжскіе (Болгары)—все болѣе и болѣе народомъ порабощеннымъ, порабощеннымъ, можетъ быть, безъ войны. Болгарія не мѣняла своего имени, но она измѣнила всю свою внутреннюю жизнь. Турокъ царствовалъ и называлъ себя Болгаромъ, Славянинъ рабствовалъ и называлъ себя также Болгаромъ. Сосѣди, соплеменники рабовъ, не замѣчали своей угнетенной и безъ сомнѣнія переродившейся братіи, признавая собственно народомъ только народъ правящій; но сами властители помнили свое завоеваніе и называли себя владыками Славянъ (Саклабовъ) *). Таковъ выводъ изъ показаній Нестора и Ибнъ-Фоцлана. Такова исторія Приволожья. Эта безконечная страна, нѣкогда главное торговое перепутье первыхъ восточно-иранскихъ поселенцевъ въ ихъ движеніи отъ Бактріи до береговъ океана и галльской Вендіи, потомъ вырванная изъ ихъ рукъ западно-иранскими Кельто-Кимврами, потомъ затопленная кочевою ордою сѣверо-восточныхъ пришельцевъ, финно-турецкихъ Сколотовъ (мнимыхъ Скиѳовъ), потомъ захваченная средне-иранскими Аланъ-Азами (Сарматами), потомъ вырванная снова изъ власти сарматской новымъ наплывомъ восточно-иранскихъ Гунно-Славянъ, перешла окончательно около конца седьмого вѣка по Р. Х. во власть финно-турецкихъ Уйгуровъ и народовъ имъ соплеменныхъ, и только уже послѣ многихъ вѣковъ, послѣ многихъ бурь, послѣ утраты всѣхъ слѣдовъ славянства, возвратилась во владѣніе великой русо-славянской семьи. Но въ седьмомъ столѣтіи еще не совсѣмъ погибла самостоятельность славянскихъ Болгаръ на Волгѣ: они составляли отдѣльное государство, котораго широкіе предѣлы обнимали большую часть юго-восточной Россіи. Только средняя часть волжскаго теченія около камскаго устья подпала подъ власть Уйгуровъ; но напоръ и насилія иноземцевъ уже становились нестерпимыми, и власть эта, распространяясь далеко на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, подавляя старожиловъ Финновъ и отчасти Славянъ,

давала всей области между средней Волгой, уральскимъ хребтомъ и лѣсами, окружающими источники Двины имя земли *уйгурской*, *Угріи*, по-славянски *Югры*. Но подъ этимъ общимъ именемъ сохранились стародавнія, частныя имена Болгаріи славянской, финской Перми или Біарміи и другія, столько же древнія, но менѣе извѣстныя.

Пространство области югрской, по большей части покрытой лѣсами и болотами и весьма мало перехваченной горами, явно показываетъ, что ея названіе происходитъ отъ Уйгуровъ завоевателей, а не отъ славянскаго корня, Угорской земли.

Царство хазарское.

Слабѣйшая и менѣе воинственная часть народа болгарскаго осталась на прежнихъ жилищахъ подъ рабствомъ пришельцевъ. Вольнолюбивая и воинственная часть народа двинулась на югъ и юго-западъ, захватывая большую часть Придонья, берега Днѣпра и раскидываясь отдѣльными поселеніями до Дуная и Карпатовъ; во главная сила еще держалась въ привольныхъ областяхъ между Дономъ и Волгою. Нашествіе новаго непріятеля двинуло ее впередъ. Этотъ непріятель является въ исторіи подъ именемъ *Хазаръ*.

Имя *Хазаръ* слышится довольно долго въ исторіи (не менѣе трехъ вѣковъ, отъ начала седьмого до начала десятаго). Оружіе ихъ грозило въ одно время Славянамъ придунайскимъ и прикарпатскимъ, и державѣ халифовъ *), въ долинахъ Тигра и Евфрата; мирные договоры связывали ихъ то съ Византіею (съ которою они были довольно постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ), то съ послѣдними Сассанидами въ Персіи, то съ торжествующими Аравитянами; держава ихъ обнимала всю теперешнюю южную Россію отъ устьевъ Волги до Буга и среднюю до лѣсовъ Чернигова и едва ли не до истоковъ Дона; столицы ихъ (Атель и Саркелъ) были выстроены и укрѣплены искусствомъ иноземныхъ художниковъ, Персіянъ и Византійцевъ. Княжны изъ ихъ племени сидѣли на престолѣ императоровъ, торговцы, путешественники и проповѣдники изъ раз-

ныхъ народовъ, разныхъ исповѣданій и разныхъ государствъ посѣщали ихъ область; наконецъ, памятникъ ихъ умственной жизни и ихъ обширныхъ сношеній сохранился для потомства въ перепискѣ властителя хазарскаго съ евреями испанскими, а критика не разрѣшила еще вопроса, къ какому именно племени принадлежалъ народъ хазарскій. Этотъ вопросъ не будетъ никогда разрѣшенъ, покуда критика не освободится отъ дѣтскаго предразсудка, по которому государство и народъ считаются за одно и то же всегда, когда нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ въ противномъ.

Эта ошибка, вредная для всей исторіи вообще, становиться особенно важною, когда дѣло идетъ объ исторіи племени славянскаго: отъ нея происходятъ вся темнота и запутанность изслѣдованій и постоянная разногласица между учеными.

Первая данная для опредѣленія племени хазарскаго находится въ его имени. Къ нему относится общее правило о томъ, что сходство отдѣльнаго имени, встрѣчаемаго въ двухъ областяхъ отдаленныхъ другъ отъ друга, ничего не доказываетъ, но что цѣлая купа именъ не можетъ случайно повторяться и слѣдовательно даетъ критикѣ явное указаніе на племенное тождество народовъ. Имя Хазаровъ не представляется какъ имя отдѣльное, но составляетъ часть великой купы именъ, и эта купа извѣстна въ лѣтописяхъ или поэтическихъ преданіяхъ съ отдаленнѣйшей древности гораздо прежде великой эпохи, положившей начало исторіи новаго міра. Въ воспоминаніяхъ Индустана, несмотря на разногласіе разновременныхъ сказокъ, является одна великая масса народовъ, враждебныхъ Индустану, но нечуждыхъ ему по своему происхожденію, вѣчно грозящихъ ему войною и связанныхъ между собою невидимымъ родствомъ. Имена этихъ народовъ болѣе или менѣе извѣстны изъ лѣтописей армянскихъ, персидскихъ, и китайскихъ, но нигдѣ не встрѣчаются они во всей полнотѣ своей группировки, кромѣ Индустана. Это *великіе Венды* (Мага-Ванада), *Анты* (Андгру), *Гунны* (Гуна), *Геты и Саки* (Сака) и *Хазары* (Кхаса) *). Изъ нихъ многіе именно Венды великіе, Ан-

ты и Саки (или Даки) покрыли своими безконечными колоніями всю пустыню средней Европы еще до переселенія Кельтовъ и братьевъ ихъ Кумріевъ и до вторженія Германцевъ. Онн принадлежали безпорно иранскому племени, составляя его восточный (славянскій) отдѣлъ. Гунны явились позднѣе; но Персія издавна знала ихъ тождество съ Саками (какъ видо изъ клинообразныхъ надписей), и ихъ первыя колоніи въ Европѣ, вѣроятно, скрываются подъ именемъ *Хаоновъ* и *Униловъ*, часто сопровождающихъ Вендовъ и Антовъ*). Позже всѣхъ явились *Хазары*. Хазары исчезли безъ слѣда въ Европѣ; но потомки ихъ живутъ еще въ ущельяхъ Гиммалая, въ землѣ древнихъ Аза-Вановъ (Авганистанѣ), гдѣ еще недавно они вступили въ неровную борьбу съ громами побѣдоносной Англіи. Въ потомкахъ Хазаровъ Англія узнала Иранцевъ; потомки Вендовъ, теперешніе Славяне, принадлежатъ безпорно къ тому же племени и (какъ видно изъ языкознанія) составляютъ его главную вѣтвь, самую близкую къ великому общему корню. Итакъ, свидѣтельство древности, выводы изъ лѣтописей и современныя намъ остатки древняго міра согласны въ своихъ показаніяхъ. Вся группа опредѣлена. Эта—группа народовъ восточно-иранскихъ, за исключеніемъ Индустана: это океанъ славянскихъ народовъ. Тѣмъ самымъ опредѣлены и *Хазары* какъ Славяне, какъ часть славянской семьи.

Съ другой стороны, это опредѣленіе опровергается выводами изъ именъ княжескихъ, изъ именъ городовъ, наконецъ изо всѣхъ скудныхъ остатковъ, по которымъ можно сколько-нибудь судить объ языкѣ хазарскомъ; и эти выводы приписываютъ Хазаръ безспорно къ племени финно-турецкому, и вѣроятно, къ одной изъ его среднихъ вѣтвей. Таково дѣйствительно рѣшеніе всѣхъ или почти всѣхъ изслѣдователей, изучившихъ вопросовъ о Хазарахъ; но очевидно изслѣдователи были введены въ обманъ односторонностью взгляда и особенно неяснымъ понятіемъ о пространствѣ славянскаго міра и объ его тѣсной связи съ Востокомъ. Отличительныя черты хазарскаго царства замѣтны въ характерѣ его завоеваній, въ его бытѣ, въ его религіи. Оно основано и распространено оружі-

емъ, какъ и всѣ другія государства того времени, нашествіемъ племени на другое племя, имъ покоренное или сдвинутое съ мѣста; но, съ другой стороны, завоевательное стремленіе у Хазаръ весьма слабо и переходитъ очень скоро въ новое стремленіе къ жизни государственной и торговой. Войны ихъ имѣютъ гораздо болѣе характеръ борьбы съ сосѣдями за первенство или за спорныя области, чѣмъ характеръ набѣговъ. Бытъ градостроительный отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ финно-турецкихъ племенъ, и желаніе укрѣплять города неприступными твердынями указываетъ на народъ полуосѣдлый, дорожащій своимъ жилищемъ, торговый и готовый къ образованной жизни. Имена городовъ (Атель-Болангіаръ) представляютъ замѣчательную двойственность. Наконецъ, въ отношеніи къ религіи Хазарія представляетъ едва ли не единственный въ мірѣ примѣръ народа, принимающаго почти въ одно время три ученія совершенно различныя, христіанство, магометанство, болѣе же всего еврейство. Изъ этихъ особенностей легко можно вывесть заключеніе о томъ, что Хазары не были народомъ одностихійнымъ, но сплавомъ изъ двухъ, а можетъ быть и болѣе народныхъ стихій, соединенныхъ въ одно государство перевѣсомъ одного племени надъ другимъ. Съ одной стороны, мы видимъ имя, принадлежащее восточному Ирану или группѣ славянской, съ другой—остатки языка финно-турецкаго, и должны слѣдовательно допустить въ Хазаріи одни и тѣже отношенія, которыя ясно выводятся изъ показаній о Болгаріи приволжской въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ. Славянская стихія представляется какъ начало подчиненное, и финно-турецкое—какъ начало правящее и властительное. За всѣмъ тѣмъ полная подчиненность славянской стихіи гораздо сомнительнѣе въ землѣ хазарской, чѣмъ въ область приволжской. Двойственность именъ, подъ которыми извѣстны хазарскія столицы, первая, приволжская (Атель) и вторая, степная (Саркелъ), уже замѣчательная сама по себѣ, даетъ выводъ весьма ясный. Второе имя Ателя. *Болангіаръ* довольно сомнительнаго происхожденія, и на немъ трудно основать какую бы то ни было догадку. Оно легко можетъ быть искаженное повтореніе слова *Болгаръ* (т. е.

города приволжскаго), извѣстнаго какъ названіе столицы сѣвернаго Приволжья; точно такъ же оно можетъ содержать въ себѣ корень *бѣлый*, повторенный въ словѣ *Бѣловѣжа* и безпрестанно повторяемый въ именахъ славянскихъ городовъ. Какъ бы то ни было, второе имя города Саркелъ *(Бѣловѣжа)*, уже безспорно славянское и понятное каждому Славянину, вполнѣ соотвѣтствуетъ общему названію Бѣлгорода. Его нельзя считать простымъ переводомъ настоящаго финскаго имени. У Славянъ не было обычая переводить имена городовъ или народовъ сосѣднихъ; по крайней мѣрѣ такому обычаю нѣтъ примѣра ни въ живой русской рѣчи, ни въ лѣтописяхъ: *Царьградъ* есть не переводъ, а прозвище.

Самое же слово *Бѣловѣжа* извѣстно не однимъ Русскимъ, но и иноземцамъ. Очевидно, оно было истинное имя города, принадлежащее ему столько же, сколько и *Саркелъ*, имя, подъ которымъ самъ народъ (т.-е. его славянская, истинно-хазарская часть) зналъ свою столицу, такъ же какъ другая, финно-турецкая (вѣроятна уйгурская) знала ее подъ названіемъ *Саркелъ*. Точно такое же заключеніе можно вывесть и изъ многовѣрія Хазаровъ. Конечно намъ неизвѣстна ни одна славянская семья, принявшая въ одно время разныя религіи, но сказанія о избраніи вѣры Владиміромъ русскимъ и Борисомъ болгарскимъ, болѣе или менѣе повторяемыя въ другихъ славянскихъ земляхъ, указываютъ на возможность такого явленія у Славянъ; они показываютъ высокую идею терпимости и понятія о правѣ каждаго лица на отыскиваніе истины религіозной и на пріобрѣтеніе вѣры по крайнему разумѣнію. Эта черта не встрѣчается ни у кого кромѣ Славянъ, по крайней мѣрѣ она ни у кого не перешла въ народное преданіе. Во всякомъ случаѣ сводъ всѣхъ обстоятельствъ приводитъ къ одному положительному выводу: о славянской подпочвѣ народа хазарскаго, сплоченнаго въ одно цѣлое властительною примѣсью финно-турецкихъ пришельцевъ, подчинившихъ себѣ древнюю восточно-иранскую (славянскую) семью, но принявшихъ имя и вещественныя силы отъ подчиненныхъ.

Побѣда Хазаръ на Дону двинула Болгаръ на юго-западъ,

а Хазары-побѣдители наложили иго или дань на всѣ окрестные народы далеко вверхъ по теченію Волги, по Дону и Днѣпру, процвѣтая торговлею и силою, не чуждаясь просвѣщенія, но и не принимая въ себя никакихъ живыхъ началъ, упрочивающихъ государственный бытъ. Побѣжденные Болгары придвинулись къ Карпатамъ и къ Дунаю, бросая отдѣльныя дружины еще далѣе во внутрь Панноніи и даже въ Италію. Скоро погибло въ борьбѣ съ ними уже ослабшее царство аварское, не выдержавшее почти единовременнаго напора съ запада отъ Франковъ и съ востока отъ Славянъ болгарскихъ; скоро другія слабѣйшія общины славянскія (напр., Сѣверяне придунайскіе) были принуждены или удалиться, либо слиться съ побѣдителями, скоро наконецъ Византія стала трепетать своихъ новыхъ сосѣдей. Сильнѣе и сильнѣе росло царство болгарское по обоимъ берегамъ Дуная отъ границъ хазарскихъ до твердыни гемскихъ (балканскихъ) горъ. Прежнія имена Мизіи и Дакіи и пр. исчезли. Явилось новое имя Болгаріи и утвердилось навсегда.

Новая Болгарія была названа Черною. Трудно опредѣлить причину такого прозвища, которое впрочемъ столько же принадлежитъ обычаямъ славянскимъ (напр., Бѣлоруссія, Чермная Русь и т. д.), сколько же и обычаямъ турецкимъ (напр., Черные Клобуки и Бѣлые и множество другихъ подобныхъ названій); но, съ другой стороны, нельзя не обращать вниманія на это обстоятельство. По свидѣтельству лѣтописей и по всѣмъ вѣроятностямъ, прежнее приволжское жилище Болгаръ называлось и должно было называться Великою или Бѣлою Болгаріею. Во-первыхъ, тождество бѣлаго и великаго вообще ясно у Славянъ; оно основано на ихъ первоначальныхъ идеяхъ религіозныхъ, и можетъ быть даже и на коренномъ тождествѣ словъ *бѣлый* и *велій*; оно отражается даже и на противопололожныя слова *черный* и *малый*, которыхъ значеніе опять тождественно (напр. люди малые и люди черные). Такимъ образомъ въ имени *Болгаріи Черной* мы получаемъ прямый смыслъ *Малой Болгаріи*, названной такимъ образомъ вѣроятно по сравненію съ прежнею, почти безграничною областью приволжскою. Во-вторыхъ, вѣроятно

въ этомъ же прозвищѣ находится объясненіе двухъ другихъ географическихъ названій, до сихъ поръ необъясненныхъ: имени *Саклабовъ*, подъ которымъ извѣстны Аравитянамъ *Славяне* приволжскіе, и *Лебедіи*, или *Лебедяни*, подъ которыми является земля между среднею Волгою и верхнимъ Дунамъ. Предположеніе, будто Аравитяне назвали Славянъ Саклабами потому, что неудобно произносили слогъ *сла*, довольно произвольно: кажется, имъ также легло было сказать *Салавы*. Извѣстно, что въ древности имя *Саковъ* слышится на Востокѣ, и тогда окончаніе *лабъ* обращается въ вѣроятное прозвище. Этому прилагательному соотвѣтствуетъ, съ измѣненіемъ гласной, имя стороны между Волгою и Дономъ *Лебедянь* (до сихъ поръ сохранившееся, можетъ быть, въ названіи придонскаго города). Здравая филологія позволяетъ догадку, сводящую эти оба слова съ произвищемъ Болгаріи—*бѣлой*. Тутъ видна только таже перестановка, какъ и въ словѣ *Лебедь*, происходящемъ, по всей вѣроятности, отъ *беледь*, какъ *бакалдина* отъ *калдобина*, *вѣдмедь* отъ *медвѣдь*, *ладонь* отъ *долонь* (длань) и т. д. Понятно тогда, что имя *Саковъ бѣлыхъ* (*бѣлыхъ Болгаръ*—Саклабовъ), перваго славянскаго народа, узнаннаго Аравитянами, сдѣлалось для нихъ общимъ именемъ Славянъ, особенно при сходствѣ звуковъ *Саклабъ* и *Славянинъ*. Въ прозвищѣ *бѣлый*, можетъ быть также скрывается и причина искаженія имени *Болгаръ* у народовъ восточныхъ, которые называютъ ихъ *Белирами*, словомъ довольно далекимъ отъ слова *Болгаръ*.

Царство Болгарское на Дунаѣ.

Побѣды Болгаръ и преимущество ихъ передъ другими славянскими семьями въ основаніи государства зависѣли отъ примѣси чуждаго начала, соединившаго ихъ въ твердую дружину и сосредоточившаго ихъ силы какъ для завоеваній, такъ и для устраненія государственнаго порядка. Это чуждое начало было безспорно то самое, которое уже проявилось въ Гуннахъ (тѣхъ же Болгарахъ) и которое извѣстно изъ свительствъ китайскихъ лѣтописей,—начало средне-азійское. Въ племени болгарскомъ примѣсь не имѣла того значенія, что у Хазаровъ; она не ввела въ народъ новую народную, властительную стихію, но она измѣнила бытъ общинный, подчинивъ

свободную родовую или естественную общину новому условному или военному строю. Такое измѣненіе объясняется легко самымъ положеніемъ Гунно-Болгаръ на границѣ кочевыхъ и воинственныхъ ордъ финно-турецкихъ и необходимымъ перевѣсомъ казачества надъ общиною. Точно такъ же объясняется и то обстоятельство, что всѣ слѣды не-славянскаго начала встрѣчаются въ высшемъ, правительственномъ кругѣ, въ названіи должностей, въ имени князей и т. п., ибо стихія военная или дружинная должна по превосходству своихъ вещественныхъ силъ захватывать власть и начальство въ мирной общинѣ, неосторожно довѣрившей ей свою безопасность. Понятна ошибка критиковъ, принявшихъ Гунновъ и ихъ потомковъ Болгаръ за племя турецкое: она оправдывается нѣкоторыми показаніями древнихъ писателей, обращавшихъ свое вниманіе единственно на высшее или военное сословіе, въ которомъ преобладала средне-азійская стихія, а еще болѣе изъ младенческаго состоянія исторической науки, въ то время когда ошибка эта вкралась въ исторію. Упрямство позднѣйшихъ писателей было необходимымъ послѣдствіемъ суевѣрной покорности ученой Германіи ученымъ авторитетамъ, силы преданія, робости многихъ ученыхъ, а отчасти и вражды просвѣщеннѣйшаго изо всѣхъ народовъ Европы къ сильнѣйшему изо всѣхъ Европейскихъ племенъ, у котораго онъ не можетъ отнять современнаго могущества и отнялъ бы охотно по крайней мѣрѣ все его историческое значеніе.

Средне-азійское начало было вѣроятно сильнѣе у Болгаръ, чѣмъ у самихъ Гунновъ, не только потому, что оно крѣпло отъ времени и отъ безпрестаннаго прилива кочевыхъ народовъ, но и потому, что самые Болгары, несомнѣнные потомки Гунновъ (какъ видно изъ тождества городовъ Болгаръ и Хунабъ и изъ самаго сознанія Болгаръ, называющихъ *гунками* могилы своихъ предковъ), составляя только часть и именно восточную, или волжскую, часть великаго гунскаго союза.

Отъ того самаго и Германцы не давали никогда названія Болгаріи всей славянской области, между тѣмъ какъ они весьма часто назы-

вали ее всю Гуненландъ и даже приморскихъ Славянъ, съ которыми сражались на балтійскихъ водахъ *Гунами* *).

За всѣмъ тѣмъ чуждая примѣсь была незначительна у самихъ Болгаръ. Въ этомъ свидѣтельствуютъ чистота ихъ нарѣчія, вполнѣ славянскій бытъ и отсутствіе всѣхъ преданій, повѣрій или памятниковъ, которые бы могли быть отнесены къ турецкому началу. Она исчезла мало-по-малу при крѣпчаніи жизни народной, отдѣленной огромнымъ пространствомъ отъ средне-азіатскаго центра, при увеличивающемся просвѣщеніи и при неизбѣжномъ превосходствѣ того племени, которое болѣе способно было къ принятію просвѣщенія; наконецъ, она исчезла совершенно тогда, когда прекратилась или погибла династія первыхъ дружиноначальниковъ и на ея мѣсто стали цари, избранные уже изъ окрѣпшаго народа, цари чисто-Славянской крови и съ славянскими именами (напр., *Телецъ**), *Громъ* и пр.).

Изъ нихъ только одинъ является опять будто бы не съ славянскмъ именемъ, но имя это такъ различно пишется (Мортагонъ, Критогонъ, Омортагъ), что объ немъ и говорить нельзя *).

Страшная поднялась гроза на Византію, когда вся сила Болгаръ нахлынула на берега Дуная. Славянскія общины, успокоившіяся на привольныхъ равнинахъ древней Мизіи и Дакіи, пришли въ новое волненіе. Повинуясь волею или неволею силѣ сѣвернаго потока, онѣ двинулись на югъ. Вся древняя Эллада покрылась сѣтью переселеній славянскихъ; ни горы, ни крѣпости, ни слабыя ополченія опустѣвшихъ эллинскихъ областей—ничто не могло остановить движеніе безчисленныхъ общинъ, временно обращенныхъ въ мелкія дружины, завоевывающія мечомъ мѣсто для мирнаго плуга. Македонія, Ѳессалія, древняя Беотія обратились въ земли славянскія; далекій Пелопонесъ принялъ новое славянское имя Мореи. Съ тяжелою скорбію увидѣли Греки свою славную родину въ рукахъ иноземцевъ, христіанскую землю въ рукахъ язычниковъ. Таковы слова и чувства лѣтописцевъ: они не предвидѣли, что эта новая народная стихія сживется съ древнею, приметъ отъ

нея вмѣстѣ съ языкомъ жизнь мысли и просвѣщенія и что потомки Славянъ-завоевателей, забывъ своихъ предковъ по крови, будутъ гордиться новыми предками по духу и возвратятъ свободу Элладѣ послѣ долгихъ бурь, тяжкихъ страданій и тяжкаго рабства.

Полная колонизація всей Эллады съ сѣвера, начавшаяся съ пятаго вѣка по Р. Х. и совершившаяся около временъ нашествія Болгаръ на дунайскую область, такъ ясно доказана свидѣтельствами современными, что ученая Германія должна была поневолѣ ее признать за фактъ неопровержимый; и въ этомъ случаѣ особенно выражается способность, принадлежащая единственно Славянамъ, отрекаться отъ своей народной личности и даже отъ своего языка при встрѣчѣ съ высшимъ просвѣщеніемъ. Упорные и несокрушимые передъ насиліемъ, они всѣмъ существомъ готовы покориться высшей мысли. Скорая и полная эллинизація Славянъ-побѣдителей свидѣтельствуетъ и объ ихъ безконечной воспріимчивости и безконечной силѣ эллинской стихіи. Впрочемъ нашествіе Славянъ на Элладу показываетъ въ нихъ то же стремленіе, которое видно и во всѣхъ ихъ переселеніяхъ и которымъ они рѣзко отличаются отъ Германцевъ. Они просятъ земли; Нѣмцы ищутъ рабовъ. Колонизація Англіи Саксами и въ этомъ отношеніи сближается болѣе съ явленіями славянскаго, чѣмъ германскаго міра и приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, которыя выведены изъ религіи и языка Англо-Саксовъ.

Славяне заняли новую область не безъ боя. Старожилы неохотно уступали пришельцамъ свою полупустынную землю. Были мѣстами жестокія сраженія, кровопролитія, истребленіе селъ и городовъ; но не было рѣшительной и постоянной войны. Пришельцы, не имѣя своего собственнаго государственнаго быта, подчинялись охотно государственному быту Имперіи и покорялись ея законамъ. Мудрые правители исаврійскаго дома очевидно были рады новымъ и мужественнымъ подданнымъ; они въ ихъ силѣ видѣли будущую опору Имперіи, и не ошиблись. Они не думали выгонять ихъ изъ предѣловъ государства (чувствуя вѣроятно невозможность такого предпріятія), но признавали законность самовольныхъ пріобрѣтеній,

подчиняя только новыхъ владѣльцевъ условіямъ жизни государственной и наказывая силою меча излишнее своевольство или буйство ихъ дружинъ или неуспокоившихся общинъ. Таково безъ сомнѣнія значеніе многихъ войнъ и побѣдъ императоровъ надъ Славянами; но и этотъ подвигъ былъ не безтруденъ, и силы Имперіи, едва достаточныя для охраненія сѣверной и особенно восточной границы, истощались въ борьбѣ почти междоусобной. Труды Исаврійцевъ увѣнчались успѣхомъ, и безпрерывныя побѣды Копронима возвратили внутреннее спокойствіе государству. Славяне, побѣжденные и въ то же время расчетливо принятые въ составъ Имперіи, оживили ея опустѣвшія области трудами мирныхъ переселенцевъ, пополнили ея слабыя ополченія мужественными воинами и стали на ея границахъ твердымъ оплотомъ отъ иноземныхъ завоеваній.

Еще труднѣе была борьба съ Болгарами. Ихъ многочисленныя дружины уже соединились въ государственное цѣлое и не могли подчиниться новымъ законамъ и чуждому устройству. Они не только похищали придунайскія области у Имперіи, но грозили всѣмъ ея остальнымъ областямъ, ея столицѣ и ея существованію. Вѣковая война загорѣлась почти у стѣнъ Царьграда, война жестокая, на жизнь и смерть, поддержанная съ равнымъ упорствомъ обоими враждующими народами, ознаменованная многими великими подвигами, обезчещенная многими примѣрами дикой свирѣпости, но не безславная ни для Болгаръ, у которыхъ явились цари, заслужившіе имя въ исторіи, какъ Громъ [1]), Симеонъ, Самуилъ и др., ни для Имперіи, спасенной могучею рукою Исаврійцевъ, Льва Армянина, Славянина Василія (извѣстнаго подъ именемъ Македонянина) и Василія II-го. На этомъ поприщѣ, такъ же какъ и вездѣ, явился со славою воинственный Копронимъ и почти первый изъ византійскихъ владыкъ нанесъ тяжелые удары новому славянскому царству. На морѣ и на сушѣ побѣдилъ онъ сѣверныхъ враговъ и даже наложилъ на нихъ временную дань; но они снова распространили власть свою при его пріемникахъ, осаждали Царь-

---

[1]) Крумъ. *Изд.*

градъ, владѣли всей Македоніей, часто побѣжденные всегда возставали снова и, погибнувъ наконецъ уже не задолго прежде паденія самой Византіи, сохранили, если не какъ государство, то по крайней мѣрѣ какъ самостоятельное племя, предназначенное на будущую историческую жизнь, область мизійскую, искони славянскую, изъ которой прежніе жители удалялись на югъ въ продолженіе седьмого вѣка и, заселивъ Элладу, положили въ ней корень ея новаго, намъ современнаго населенія.

Добросовѣстное изученіе всѣхъ фактовъ нашествія Болгаръ опровергаетъ вполнѣ весь разсказъ о бѣгствѣ Славянъ передъ ними на сѣверъ, разсказъ, основанный или на двойной формѣ словъ Болгаръ и Волоховъ (въ обоихъ случаяхъ отъ Волги) или на перенесеніи имени Волоховъ придунайскихъ (племени романскаго или галло-римскаго) на завоевателей ихъ Болгаръ. Въ обоихъ случаяхъ преданія о Волохахъ, угнетателяхъ Славянъ придунайскихъ во время нашествія кельтскаго и позже при Траянѣ, перешли вмѣстѣ съ именемъ на Болгаръ. Выводъ апріорный изъ направленія болгарскаго прилива указываетъ ясно на то, что, удаляясь отъ пришельцевъ, жители дунайскихъ береговъ (Сѣверяне и другія славянскія семьи) должны были двинуться къ югу. Тотъ же самый выводъ подтверждается неопровержимо à posteriori сличеніемъ времени болгарскаго нашествія, переселенія многихъ славянскихъ семей (между прочимъ Сербовъ) въ Македонію и заселенія Славянами всей Эллады даже до южной оконечности Пелопонеса. Наконецъ, самый разсказъ о бѣгствѣ Славянъ на Сѣверъ, очевидно, по отсутствію всѣхъ подробностей, относится къ эпохѣ весьма древней; а сильное нашествіе Болгаръ предшествуетъ началу Руси не болѣе какъ двумя вѣками. Ошибка такъ ясна, что она почти не требуетъ возраженій. Сверхъ того должно замѣтить, что между тѣмъ какъ на югѣ видно огромное движеніе народовъ въ эпоху болгарскую, на сѣверѣ всѣ племена остаются на своихъ мѣстахъ и не представляютъ никакихъ признаковъ волненія, неизбѣжнаго при сильномъ приливѣ съ юга. Такъ, напр., земли уже извѣстныя Геродоту подъ именемъ польной и лѣсной, населенныя Полянами и Древлянами во время Готѳовъ, находятся и и послѣ того въ рукахъ старожиловъ Полянъ и Древлянъ. Сѣверяне (Сабиры) все-таки живутъ, какъ и прежде, между среднимъ Дономъ

и Днѣпромъ, Радимичи на своихъ старыхъ жилищахъ. Сѣверъ неподвиженъ со времени Іорнанда и т. д. Вообще самый напоръ болгарскій не представлялъ характера завоевательнаго, но дѣйствовалъ какъ толчокъ на придунайскихъ Славянъ и подвинулъ ихъ по тому самому направленію, по которому они уже давно стремились при Аварахъ и еще прежде, все далѣе и далѣе на югъ. Собственно войны и завоеванія не было, еще менѣе было порабощенія, котораго и слѣда нѣтъ. За всѣмъ тѣмъ были мѣстами столкновенія враждебныя и потому что успокоившіяся общины не желали новаго переселенія, и потому что Византійцы очевидно уговаривали ихъ не уступать земли своей новымъ пришельцамъ, болѣе опаснымъ для Имперіи. Такъ объясняется война Болгаръ съ Сѣверянами (Себерены)*) придунайскими и гибель этихъ Сѣверянъ, которыхъ остатки вѣроятно переселились съ другими глубже въ область византійскую. Самое имя Сѣверянъ, слышное въ одно время на Дунаѣ и на Придоньѣ, показываетъ, что дунайскіе Сѣверяне были ничто иное, какъ выселокъ Сѣверянъ придонскаго и приднѣпровскаго центра, о которомъ упоминается во время до-болгарскаго движенія народовъ. Имя же Сѣверянъ соединяется въ разсказахъ объ ихъ пораженіи на берегахъ Дона съ другимъ весьма важнымъ именемъ, съ именемъ Эфталитовъ, такъ долго гремѣвшимъ на Востокѣ, гдѣ они налагали иго свое на Персію, и потомъ на сѣверныхъ пригорьяхъ Кавказа, откуда они прорывались въ Грузію и Арменію. Тутъ опять видно торжество всей великой славянской семьи, переносящей имена своихъ вѣтвей съ Востока на Западъ. Нельзя даже не предположить не только сродства, но почти тождества Сѣверянъ и Эфталитовъ (вѣроятно составлявшихъ двѣ вѣтви одной семьи) не только потому, что имена ихъ соединены въ разсказахъ о пораженіи на донскихъ берегахъ, но и потому, что мы встрѣчаемъ тѣхъ же Сѣверянъ *(Сабиры)* на сѣверномъ скатѣ Кавказа, вскорѣ послѣ разсказовъ о прикавказскихъ Эфталитахъ. Впрочемъ не должно, кажется, смѣшивать этихъ Сабировъ *(Сѣверянъ)* придонскихъ и братьевъ ихъ около Кавказа и Каспія съ тѣми Сабирами, о которыхъ прошли въ старинѣ темные слухи, какъ объ народѣ, подвинувшемъ всѣ племена Уйгуровъ съ востока на западъ. Вѣроятно тогда молва шла о дальнихъ завоевательныхъ Тунгузахъ-Сянбійцахъ (которыхъ имя

должно было перейти въ *Сабиръ*, какъ *Кгаза* въ *Хазаръ*, *Тато* или *Татанъ* въ *Татаръ*, *Манчжу* въ *Манджуръ* и т. д.), и случайное сходство именъ съ великими завоевателями сѣвернаго Китая и средней Азіи дало небольшому племени Славянъ лишнюю историческую славу.

Аббасиды.

Напоръ Славянъ и особенно Болгаръ спасъ, можетъ быть, халифатъ, или отнялъ по крайней мѣрѣ у Византіи возможность воспользоваться раздорами мусульманскихъ народовъ для возвратнаго завоеванія всей Сиріи и Палестины. Вскорѣ послѣ этихъ раздоровъ новый рядъ великихъ властителей, Аббасидовъ, заступилъ мѣсто одряхлѣвшей династіи Омміядовъ и возвратилъ утраченную славу престолу халифовъ. Пріобрѣтенія Исаврійцевъ въ Азіи были снова отняты Аравитянами, Имперія стѣснена, многія области и острова, до тѣхъ поръ принадлежавшіе ей, покорены халифами, Царьградъ осажденъ. Но это возрожденіе халифата продолжалось недолго, и Имперія устояла; въ самомъ магометанскомъ мірѣ стали развиваться сильнѣе и сильнѣе начала раздора. Религіозныя секты, неизбѣжныя послѣдствія всякаго ученія, которое стремится обнять собою весь духовный міръ человѣка, а не довольствуется, подобно эллино-римскому идолопоклонству, требованіемъ внѣшней покорности, разрывали внутреннее единство ислама, распадаясь на два главные отдѣла, изъ которыхъ одинъ строго придерживался буквы и формы закона, а другой искалъ въ немъ только коренного и духовнаго смысла, дробясь снова на множество подраздѣленій и свирѣпѣя въ упорной борьбѣ. Единство же государственное или патріархальное ислама, примиряющее разногласіе сектъ въ понятіи о халифѣ, какъ представителѣ всѣхъ людей, признающихъ небесное посланіе Мухаммеда, потеряло все свое значеніе при насильственномъ паденіи дома Омміядовъ. Права ихъ преемниковъ Аббасидовъ очевидно основаны были на чисто-условномъ и произвольномъ признаніи и не носили на себѣ никакого обязательнаго характера. Испанія, самая западная и отдаленная земля въ мусульманскомъ мірѣ, призна-

ла надъ собою власть уцѣлѣвшаго остатка изъ дома Оммiядовъ, мужественнаго Абдеррахмана и оторвалась отъ державы Аббасидовъ. Вслѣдъ за нею оторвалась западная Африка и признала надъ собою владычество династiи Эдризидовъ; потомъ середина африканскаго поморья подъ знаменемъ Аглабидовъ, потомъ Египетъ подъ династiею Тхолунидовъ, завоевателей Палестины и Сирiи. Государственный мiръ ислама распадался на части. Халифатъ, утративъ нравственную власть и желая возобновить свои вещественныя силы, окружилъ себя наемниками изъ воинственныхъ племенъ Сѣверо-Востока, изъ дикихъ выходцевъ средней Азiи, Тюрковъ, недавно еще побѣжденныхъ Аравитянами. Наемники скоро сдѣлались господами и проложили на западъ и на благословенные берега Средиземнаго моря путь своимъ воинственнымъ братьямъ, которымъ суждено было измѣнить всю жизнь юго-восточной Европы. Царство Аббасидовъ клонилось къ упадку; начала просвѣщенiя, ими возращенныя и лелѣянныя, гибли во внутреннихъ смутахъ, и Византiя могла бы отдохнуть въ ожиданiи будущей турецкой грозы; но сама имперiя носила уже, какъ сказано, сѣмя своей смерти въ раздвоенiи жизни христiанской и государственности эллинской. Она не могла воспользоваться слабостью халифата и, будучи еще довольно сильною для отпора, уже была вовсе неспособна къ прочнымъ завоеванiямъ.

Обращенiе Славянъ въ христiанство.—Василiй Македонянинъ.

Точно такъ же не могла она воспользоваться и счастливыми перемѣнами въ самомъ близкомъ своемъ сосѣдствѣ. Славяне, полумирные завоеватели Эллады, подчинившись сначала ея общественнымъ законамъ, скоро покорились всѣмъ духовнымъ своимъ существомъ ея духовному превосходству и приняли вмѣстѣ съ полупросвѣщенiемъ и ученiемъ христiанскимъ глубокую и искреннюю любовь къ странѣ и къ государству, въ которомъ взяли насилiемъ право гражданства. Бывшiе враги сдѣлались вѣрными слугами и защитниками. Болѣе воинственные и вольнолюбивые Славяне-Болгары, завоевавшiе придунайскую область послѣ продолжительной и упорной борь-

бы, въ которой они такъ же часто были побѣдителями, какъ и побѣжденными, искали дружбы и мира. Къ нимъ проникло христіанство и было принято съ добросердечнымъ радушіемъ. Они, такъ же какъ и большая часть Славянъ, не были (подобно Германцамъ и другимъ народамъ) обращены случайнымъ усердіемъ проповѣдниковъ иноземныхъ; они сами, вѣроятно побужденные глубокимъ и внутреннимъ сознаніемъ ничтожности своихъ вѣрованій, просили обращенія, просили истины высшей и отвѣчающей на всѣ вопросы ихъ души. Еще прежде вступленія ихъ въ землю византійскую одинъ изъ ихъ князей приходилъ въ Царьградъ и, принявъ крещеніе, возвратился на родину, гдѣ погибъ въ смутахъ. Наконецъ, около половины девятаго вѣка царь Богорисъ пригласилъ къ себѣ учителей изъ Византіи и, принявъ христіанство, скоро передалъ всему народу новое свое исповѣданіе. Очевидно, одни и тѣ же побужденія жили во всѣхъ семьяхъ славянскихъ. Моравія и Русь, точно такъ же какъ и Болгарія, хотя нѣсколько позже, призвали къ себѣ христіанство, и всѣ они одинаково обратились къ имперіи восточной, вѣроятно потому, что многіе изъ ихъ славянскихъ братій уже приняты были въ общину церкви восточной и потому что только тамъ и оттуда могли они слышать проповѣдь на своемъ языкѣ; можетъ быть, и потому, что они чувствовали большую крѣпость восточнаго духовенства и большую общечеловѣчность восточныхъ обрядовъ *), допускающихъ всякую народность и всякій народный языкъ. Разсказъ о Богорисѣ и его обращеніи, быть можетъ, не совсѣмъ достовѣренъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, точно такъ же какъ и разсказъ о нашемъ Владимірѣ; но важность ихъ одинаково велика, будь они основаны на событіи или на вымыслѣ народа, выражающемъ внутреннее событіе духовное. Оба носятъ одинъ и тотъ же характеръ; оба выражаютъ одну и ту же мысль. Неудовлетворенная душа ищетъ высшей истины, допрашиваетъ всѣ народы и всѣ вѣрованія и рѣшается въ выборѣ не по слѣпой случайности, а по сознанію нравственнаго, разумнаго и общечеловѣческаго превосходства одного вѣрованія надъ другими. Народъ, обра-

щенный такими путями или по крайней мѣрѣ понявшій такимъ образомъ свое обращеніе, былъ очевидно готовъ къ христіанству и способенъ къ быстрому развитію своего нравственнаго существа: онъ былъ способенъ къ дружескому и братскому союзу съ единовѣрцами. Къ несчастію, Византія, давшая Болгаріи добрые уроки въ христіанствѣ, дала ей вредные уроки въ жизни государственной и посѣяла сѣмена зла, гибельныя для Славянъ придунайскихъ и еще гибельнѣйшія, можетъ быть, для нея самой. Имперія восточная была страною христіанскою, но государствомъ языческимъ: Эллинъ не оторвался отъ своего прошлаго величія, гордо глядѣлъ онъ на весь такъ называемый варварскій міръ, не признавая въ немъ правъ на равенство съ собою. Полнаго и совершеннаго братства онъ еще не понималъ. За всѣмъ тѣмъ была въ эллинскомъ характерѣ истинно-человѣческая черта: онъ признавалъ, облагораживалъ и возвышалъ всякую народную личность. Таково было отношеніе Эллады къ Сиріи, къ Ирану, къ Египту во время ея торжества при Македонцѣ; таково было отчасти ея вліяніе на Славянъ. Это было простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ высоко развитаго поклоненія человѣческой личности у древнихъ Эллиновъ, и Византіецъ-христіанинъ охотно питалъ и развивалъ просвѣщеніе во всякомъ народѣ, но просвѣщеніе личное, а не государственное; ибо самъ, какъ христіанинъ, онъ былъ чуждъ своему государству. Государство было еще римское, исключительное, себялюбивое и враждебное всякому другому народу или государству. Оно не хотѣло ни союза, ни дружбы, но требовало подчиненности и покорности. Слишкомъ слабое для прямаго насилія, для завоеванія вооруженною рукою, оно дѣйствовало хитростію, обманомъ, подкупомъ, прижимками въ торговлѣ и возбужденіемъ внутреннихъ междоусобій. Такъ отвергла безумная Византія дружбу народа еще свѣжаго, еще мало развращеннаго жизнію историческою и готоваго вступить въ братскій союзъ съ тою страною, откуда получилъ онъ новую жизнь духа въ ученіи христіанства; такъ разжигала она вражду, которая должна была сдѣлаться тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ

склоннѣе были Болгары къ единенію и братству, по тому же закону, по которому ненависть между братьями и междоусобныя войны отличаются особенною жестокостью. Оскорбительна была эллинская гордость Византійцевъ, враждебна римская политика Имперіи. За всѣмъ тѣмъ благодарность за просвѣщеніе и особенно за христіанство, благоговѣніе передъ умственною и художественною жизнію Греціи, вліяніе духовенства, соблазнъ усовершенствованной жизни частной и гражданской, и, можетъ быть, кротость, врожденная въ народѣ, дѣйствовали такъ сильно, что въ самой Болгаріи многочисленная партія готова была отступиться отъ народности и подчиниться чужой общественной жизни.

Подобный этому фактъ видѣли мы отчасти въ Россіи въ недавнюю эпоху ея борьбы съ міромъ Запада.

Но Византія переполнила мѣру народнаго терпѣнія, и Болгаре готовились къ мщенію. Бѣдствія Имперіи были удалены на время восшествіемъ на престолъ государя, соединявшаго доблести воина съ достоинствами правителя мудраго и дальновиднаго, Василія Македонянина. Родомъ Славянинъ, смолода прославленный борецъ (извѣстный особенно по искусству своему въ ударѣ подъ ножку, что́ греческіе лѣтописцы выражаютъ славянскимъ словомъ *ката—подрѣзанъ* *)), онъ явился на престолѣ вполнѣ достойнымъ своего неожиданнаго величія. По примѣру Юстиніана обратилъ онъ особое вниманіе на законодательство и пополнилъ прежнія собранія новыми постановленіями, необходимыми по перемѣнамъ, происшедшимъ въ обществѣ, менѣе запечатлѣнными прежнимъ римскимъ характеромъ и отчасти уже обличающими почти невольное и несознанное вліяніе христіанства на гражданскую жизнь. Такимъ образомъ двое Славянъ положили послѣдній вѣнецъ въ зданіи древней юриспруденціи и воздвигли въ Византіи великолѣпнѣйшій памятникъ права, которому ни одинъ народъ не можетъ представить подобнаго.

Разумѣется, что въ этомъ мнѣніи не отвергаются нестройность многихъ пополненій василіевыхъ и явная потребность новаго труда, сли-

вающаго древнюю логику права съ новыми христіанскими началами; но этого труда не совершила Византія, да и послѣ нея не совершили новые образованнѣйшіе народы.

Подобный Юстиніану по любви къ законодательству, Василій былъ выше его какъ государь. Воинственный духъ его не покорился вліянію двора и низкимъ страстямъ развращенной столицы. Самъ предводительствовалъ онъ войсками Имперіи и предводительствовалъ ими со славою. Правда, онъ не могъ спасти далекую Сицилію отъ Аравитянъ; но полководцы его отразили ихъ нападенія на Италію и нанесли имъ жестокія пораженія, а онъ самъ не только отбилъ ихъ попытки на западный берегъ Греціи, но перенесъ войну за границы Имперіи, одерживалъ блистательныя подѣды надъ ослабѣвшимъ халифатомъ въ Сиріи и на берегахъ Евфрата, разбилъ и переселилъ снова въ Европу Манихеевъ *), бѣжавшихъ въ область Мусульманъ и служившихъ имъ съ мужествомъ противъ Византіи, и принудилъ многихъ эмировъ сарацинскихъ подчинить себя и свои владѣнія верховной власти имперіи.

Переселеніе Манихеевъ-Павликіанъ во Ѳракію положило вѣроятно начало Болгарскимъ ересямъ *). Въ составѣ народа, переведеннаго Василіемъ въ Европу, вѣроятно находились остатки Славянъ, переселенныхъ Копронимомъ въ Азію и потомъ легко распространившихъ это ученіе въ народахъ, съ которыми они были связаны единствомъ крови и языка.

Счастливо было царствованіе Василія. Его мудрое управленіе укрѣпило на время государство, улучшило финансы и удалило взрывъ вражды сосѣднихъ Болгаръ; его подвиги военные сохранили и отчасти распространили предѣлы имперіи; но царствованія Василія и его злого предшественника, Михаила III-го, особенно замѣчательны въ исторіи человѣчества по двумъ событіямъ, которыхъ всемірная важность опредѣлила всю жизнь послѣдующихъ вѣковъ.

Раздѣленіе церквей, разрывъ Запада съ Востокомъ.

Давно уже епископы римскіе изъявляли притязаніе на вселенскую власть. Первенство почета имъ было вообще уступ-

лено по обширности ли ихъ епархіи (такъ какъ на всемъ Западѣ не было ни одной апостольской церкви), по уваженію ли къ городу, который давалъ сперва законы, а потомъ имя всей Имперіи, по пріемству ли апостола Петра (хотя и Антіохія могла тѣмъ же похвалиться); но первенство власти не было никогда имъ предоставлено ни другими епископами, ни соборами, всегда отвергавшими ихъ притязанія на верховный судъ въ дѣлахъ правленія церковнаго *) или въ рѣшеніяхъ вопросовъ догматическихъ.

Такъ, напр., Гонорій былъ преданъ анаѳемѣ, Либерій признанъ полу аріанцемъ за согласіе на Сѵмволъ медіоланскій, власть Рима отвергнута мало-азійскими церквами въ назначеніи Пасхи и т. д.

Но мало-по-малу Западъ отдѣлился отъ Востока своими историческими судьбами, Византія уцѣлѣла, а западная имперія сдѣлалась добычею германскихъ дикарей. Борьба угнетеннаго народа съ побѣдителями и соборнаго исповѣданія съ аріанствомъ и союзъ Франковъ дали престолу римскому новое значеніе. Первенство почета обратилось въ прямое первенство власти, несмотря на сопротивленіе многихъ просвѣщенныхъ епископовъ, сохранявшихъ преданіе и ученіе первыхъ вѣковъ о церковной свободѣ. Мнѣніе народа было въ пользу Рима; требованіе силы и независимости въ духовенствѣ указывало на необходимость отдѣльнаго и независимаго средоточія, которое не покорялось бы никакой мѣстной власти и могло бы сопротивляться злоупотребленіямъ и вещественной силѣ всякаго отдѣльнаго государства; наконецъ, болѣе всего дѣйствовали преданія и духъ древняго римскаго просвѣщенія, не развивавшаго ни личности человѣка, ни нравственнаго, ни разумнаго его существа, и заключавшагося единственно областью правомѣрной и государственной жизни. Римская государственность опредѣляла неизбѣжно характеръ церкви въ римскомъ Западѣ, созданномъ римскою мыслію. Единство жизни церковной на Востокѣ и Западѣ полагало предѣлы частной ошибкѣ мѣстной церкви, противопоставляя

одному мѣстному направленію другія направленія противоположныя.

Такъ, напр., Египетъ, Сирія, Эллада и Римъ во премя великаго спора соборныхъ опредѣленій отвергали поочередно ученія, происходящія не изъ сущности апостольскаго преданія, но изъ мѣстныхъ толкованій, созданныхъ прежнею исторіею, прежними вѣрованіями и прежнимъ просвѣщеніемъ народовъ міра кушитскаго, семитическаго или эллино-римскаго, и въ этой борьбѣ мѣстныхъ стихій сохранилась неприкосновенность и чистота преданія во всей его первобытной глубинѣ.

Но Римъ отрывался всо болѣе и болѣе отъ Византіи и получалъ характеръ самобытной и опредѣленный. Бездушный императоръ Фока купилъ покровительство и дружбу римскаго епископа *) признаніемъ его независимости и власти, и даръ ненавистнаго убійцы легъ основаніемъ новаго римско-церковнаго права. Вскорѣ раздѣленіе, таившееся въ духѣ двухъ общинъ, западной и восточной, и проявлявшееся только въ разницѣ направленій и обрядовъ, выразилось рѣзче и опредѣленнѣе вслѣдствіе прибавленія, сдѣланнаго въ Сѵмволѣ самовольнымъ толкованіемъ испанскихъ епископовъ на соборѣ толедскомъ. Долго это прибавленіе было не одобрено, но только терпимо епископами римскими, какъ частное мнѣніе, не противное ученію церковному, но и не облеченное на значеніе вселенской истины. Наконецъ совершился великій шагъ: Римъ принялъ исповѣданіе толедское, усвоилъ себѣ новый Сѵмволъ и облекъ его всею своею властію и своею непогрѣшимостію, разрушая такимъ образомъ равенство правъ между отдѣльными общинами и значеніе единенія духа и любви, на которомъ основаны были всѣ понятія первобытной христіанской общины. Римъ опредѣлилъ себя какъ власть духовно-государственную. Западъ покорился власти, созданной его же внутреннимъ развитіемъ. Востокъ не принялъ ея и остался ей чуждымъ. Раздвоеніе становилось неизбѣжнымъ, ибо ни Римъ, не могъ отступить отъ своихъ притязаній, ни Византія-покориться имъ.

Слабость восточной имперіи была главною причиною независимости престола римскаго отъ императоровъ. Завоеваніе Италіи Лонгобардами-Аріанами утвердило эту независимость, принудивъ римскихъ епископовъ прибѣгнуть къ покровительству завоевателей Галліи. Царская династія Меровинговъ, всегдашнихъ союзниковъ папскихъ, ослабла. Папы продали право на престолъ новой и сильной династіи Карловинговъ, а Карловинги въ свою очередь спасли Римъ отъ Лонгобардовъ, и освободили его окончательно отъ власти византійской. Царство Лонгобардовъ пало. Великій Карлъ присоединилъ Италію къ своему королевству, кромѣ ея юго-западныхъ областей, которыя еще оставались въ рукахъ Византійцевъ; онъ захотѣлъ къ блеску побѣдъ своихъ прибавить блескъ титула, который казался высочайшимъ изо всѣхъ титуловъ какъ въ глазахъ побѣжденныхъ потомковъ древнихъ гражданъ Имперіи, такъ и въ глазахъ ихъ побѣдителей, долго трепетавшихъ при имени имперіи или служившихъ наемниками въ ея побѣдоносныхъ легіонахъ. Онъ захотѣлъ быть императоромъ, такъ же какъ основатель меровейской династіи захотѣлъ быть патриціемъ. Папа Левъ III-й благословилъ его охотно на имперію, понимая, что такимъ благословеніемъ возвышалось не столько лицо новаго императора, сколько папство, возсозидающее имперію и слѣдовательно содержащее въ себѣ всѣ законныя права древняго Рима. То, что́ предвидѣлъ Левъ, сбылось. Великій Карлъ удерживалъ сильною рукою излишнія притязанія епископа римскаго и сохранялъ надъ нимъ всѣ права императора и верховнаго судіи; но послѣ смерти его имперія Карловинговъ ослабла и стала клониться къ паденію, а папство сохранило и расширило всѣ свои пріобрѣтенія какъ въ области духовной, такъ и въ значеніи политическомъ. Въ первой половинѣ IX-го вѣка появилось собраніе лже-исидоровыхъ декреталій, на которомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ основывалъ римскій престолъ всѣ свои права и которое было составлено если не по повелѣнію папъ, то, безъ сомнѣнія, въ духѣ и по внушенію ихъ политики; вскорѣ послѣ того выдумана и обнародована мнимая дарственная

запись, данная будто бы Константиномъ Великимъ епископу римскому на городъ и область его. Папство окружало себя цѣлою тучею подложныхъ актовъ, изъ которой оно могло бросать громы на все и на всѣхъ, и Западъ по невѣжеству вѣрилъ всѣмъ подлогамъ и радовался торжеству начала, которое связано было со всѣмъ его скуднымъ просвѣщеніемъ; Востокъ же, занятый своими ежедневными тревогами, своими тяжкими страданіями внѣшними и внутренними, не зналъ про большую часть этихъ перемѣнъ, происходящихъ на Западѣ, или, зная, пренебрегалъ ими, быть можетъ, въ надеждѣ, что духъ церковнаго единенія восторжествуетъ надъ временною и мѣстною ошибкою епархіи римской, такъ же какъ онъ восторжествовалъ надъ ошибками другихъ мѣстныхъ церквей.

Во второй половинѣ IX-го вѣка взошелъ на римскій престолъ человѣкъ страстный, властолюбивый, смѣлый и лукавый, не робѣющій ни передъ какимъ предпріятіемъ, не стыдящійся никакихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей (какъ видно изъ этого, что онъ первый сталъ безъ стыда употреблять ложныя декретаріи, зная, безъ сомнѣнія, ихъ подложность) *). Папа Николай 1-й пожалъ плоды хитрой дѣятельности своихъ предшественниковъ. Онъ сокрушилъ и остатки сопротивленія, таившагося еще въ высшемъ духовенствѣ на Западѣ; онъ положилъ незыблемое основаніе той безмѣрной власти, которой достигли позднѣйшіе папы, и рѣшился однимъ ударомъ покорить себѣ восточную церковь, сохранявшую до тѣхъ поръ неприкосновенность своей духовной свободы. Этотъ ударъ долженъ былъ пасть на престолъ цареградскій, издавна соперничествовавшій съ Римомъ и уцѣлѣвшій въ гибели другихъ престоловъ, антіохійскаго, іерусалимскаго и александрійскаго, захваченныхъ разливомъ мусульманской силы. Борьба была неизбѣжна и для Царьграда, и для Рима. Причины ея лежали въ разногласіи непримиримыхъ началъ; ближайшимъ поводомъ было обращеніе въ христіанство нѣсколькихъ славянскихъ семей, а особенно Болгаръ. Богорисъ принялъ крещеніе и ученіе христіанское отъ Византіи; оттуда получилъ онъ и священниковъ, и епископовъ, и обряды, и

слово Писанія; но вражда къ ненавистнымъ сосѣдямъ и страхъ подпасть подъ политическое иго своихъ духовныхъ учителей заставили его обратиться къ Западу. Онъ просилъ новыхъ наставниковъ у церквей земель франскихъ и у епископа римскаго, и скоро явились новые учители, жадные къ легкому завоеванію и готовые пожать плоды чужого посѣва. Побѣда осталась за Римомъ, но не надолго. Въ это время произошла великая смута въ Царьградѣ. Святой патріархъ Игнатій былъ беззаконно сверженъ гнусными страстями двора, и на его мѣсто возведенъ былъ Фотій. Между ихъ приверженцами загорѣлся споръ, котораго не могла прекратить ни хитрость новаго патріарха, ни власть жестокаго императора Михаила. Епископъ римскій былъ приглашенъ въ посредники. Онъ явился судіею; но папа Николай встрѣтилъ страшнаго соперника: Фотій былъ не менѣе его властолюбивъ и лукавъ. Онъ равнялся съ нимъ силою ума, превосходилъ его краснорѣчіемъ и далеко превосходилъ всѣхъ современниковъ своей огромною ученостью и своими заслугами въ наукѣ.

Его Номоканонъ или собраніе церковныхъ постановленій, его Библіотека, заключавшая въ себѣ выписки изъ 280-ти сочиненій, теперь утраченныхъ, и строго-ученый отчетъ объ нихъ, его разсужденіе о Павликіанахъ и многіе другіе памятники ставятъ его безспорно въ первомъ ряду между церковными писателями того вѣка и даютъ ему неоспоримыя права на безсмертіе.

Тяжела была борьба для патріарха, избраннаго, безъ сомнѣнія, противозаконно и обезчещеннаго союзомъ съ развратомъ и мерзостями византійскаго двора. Онъ понялъ невозможность сопротивленія въ вопросѣ чисто-личномъ и перенесъ споръ въ область догматики, въ которой его ученость и явное отступленіе западной церкви отъ преданія могли ему доставить побѣду. Долго длился споръ. Партіи мѣнялись при дворѣ, императоры на престолѣ, папы въ Римѣ; Фотій былъ заключаемъ въ темницу, бросаемъ въ изгнаніе, преслѣдуемъ и мучимъ, снова облекаемъ въ ризы патріарха и чествуемъ всѣмъ Востокомъ; не слабѣя, не утомляясь, продол-

жалъ онъ борьбу, которой всемірную важность понималъ, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ епископовъ греческихъ. Онъ умеръ въ изгнаніи, удрученный скорбями и бѣдствіями, но умеръ побѣдителемъ. Человѣкъ бездушный и презрительный *) не менѣе самихъ папъ во всемъ, что касалось до его личнаго властолюбія, великій и правый во всемъ, что касалось до общихъ законовъ Церкви, онъ отстоялъ свободу Востока, вырвалъ снова Болгарію изъ рукъ западныхъ епископовъ, бросилъ сѣмена христіанства въ безконечную область новорожденной Руси и совершилъ безсмертный подвигъ, дѣло, которому пылкость одного изъ его преемниковъ, Михаила Керулларія, дала только окончательную форму.

Много было спорено и писано о борьбѣ патріаршества съ папствомъ, Фотія съ Николаемъ и его преемниками, и многое искажено страстями общинъ, народовъ и лицъ. Иначе и быть не могло сначала, ибо всѣ писатели принадлежали къ одному изъ ученій, споривщихъ между собою. Казалось, безпристрастная оцѣнка должна была быть предоставлена протестантамъ; но на дѣлѣ оказалось иное. Они вопросъ обошли; они оставили безъ вниманія самую сущность дѣла. Забывая, необходимость борьбы, чисто оборонительной со стороны Царьграда и нагло наступательной со стороны Рима, забывая, что патріархъ отстаивалъ свободу Церкви и епископовъ, защищалъ безспорное преданіе многихъ вѣковъ, произвольно измѣненное на Западѣ, отвергалъ власть незаконную и право какой бы то ни было мѣстной общины налагать свое мнѣніе какъ обязательный символъ общинѣ вселенской, былъ, наконецъ, поборникомъ единственнаго истинно-разумнаго единенія, единенія духа и любви, они обратили всѣ свои разысканія на самое лицо Фотія и на характеръ двора византійскаго, какъ будто бы весь вопросъ заключался въ случайныхъ личностяхъ, а не въ великихъ всемірныхъ началахъ, требовавшихъ и требующихъ разрѣшенія. Жалкая личина безпристрастія, прикрывающая скрытую страсть, ненависть Запада къ Востоку и обличающая взаимную, хотя и несознанную, отвѣтственность протестанта и паписта!

Всякій безпристрастный критикъ долженъ признать, что какъ въ вопросѣ о догмѣ, такъ и въ дѣлѣ о власти, Востокъ былъ вѣренъ преданію, и что защитники Рима имѣли на своей сторонѣ только малое число сомнительныхъ текстовъ и множество явныхъ и безстыдныхъ подлоговъ, а Византія почти всѣ писанія, всѣ свидѣтельства св. отцевъ и рѣшеніе ефесскаго собора *), одобрившаго анаѳему Ѳеодорита на прибавленіе *«и отъ Сына»*. Эта истина уже слишкомъ явно доказана Церникавомъ и Ѳеофаномъ и никогда не была опровергнута сколько-нибудь разумно *). Подлоговъ Востоку приписывать нельзя. Не было общей власти; списковъ было много, и секты, хранящія ихъ, враждовали другъ противъ друга. Подлоги были возможны только при единствѣ и невѣжествѣ Запада.

Какъ бы то ни было, міръ эллино-римскій распался на свои двѣ составныя части: на міръ древняго лично-человѣческаго просвѣщенія и на міръ новѣйшаго просвѣщенія государственнаго. Міръ римскій опредѣлился въ отношеніи вещественномъ, чисто географическомъ, какъ область города Рима; въ отношеніи государственномъ—какъ епархія или область папы; наконецъ, въ отношеніи духовномъ—какъ признающій двойственность начала: ибо Духъ (сознаніе) происходитъ по Сѵмволу испанскому не отъ первобыта токмо (Отца), но и отъ его проявленія (Сына), а проявленіе не есть уже только подчиненное хотя необходимое, но и безусловное начало сознанія.

Въ другомъ отношеніи (чисто-богословскомъ) явно-вещественное понятіе Запада обличается тѣмъ, что онъ никогда не могъ различать посланія въ міръ (феномена внѣшняго и основаннаго на безпорномъ преданіи) отъ происхожденія, феномена внутренняго, которое всегда приписывалось Отцу. Даже въ Августинѣ (хотя мнѣніе лица, и особенно такого ограниченнаго, какъ Августинъ, ничего не значитъ) *), слова *principaliter a Patre* не значатъ «и особенно же отъ Отца, но: «по началу своему отъ Отца». Важнѣйшее свидѣтельство, къ несчастію не замѣченное никѣмъ, о преданіи о Духѣ, какъ сознаніи, находится въ полу-апостольскомъ словѣ Иринея, ученика Поликарпа, ученика Іоанна: «Духъ же полагаетъ вѣнецъ, называя Отца—Отцемъ

и Сына—Сыномъ», чѣмъ полагается въ одно время тождество и различіе. Глубже ничего сказано не было. Какъ бы то ни было, двойственность начала въ сознаніи, явно принятая Западомъ, объясняетъ все его послѣдующее развитіе.

И пышно расцвѣлъ этотъ западный міръ, гремя и пламенѣя, подвигая сознаніе человѣческое словомъ и дѣломъ, кривдою и правдою, и развиваясь въ своихъ двухъ формахъ, положительной—римскаго католицизма (папизма) и протестантства (отрицанія вообще). И тихо осѣлъ по себѣ Востокъ, дотолѣ волнуемый ересями, съ тѣхъ поръ успокоенный, какъ будто ожидая отъ жизни народовъ полнаго своего сознанія. Но неподвижный Востокъ, утративъ единеніе Запада, пріобрѣлъ зачатокъ Славянъ, Болгарію, и имя его будущей союзницы Руси явилось въ лѣтописяхъ.

Вообще нельзя не замѣтить (какъ ни равнодушна наука къ случайностямъ лѣтосчисленія), что десятилѣтіе отъ 860-го до 870-го года соединяетъ въ себѣ сочетаніе огромнѣйшихъ явленій въ мірѣ человѣческомъ: окончательное торжество церковно-государственнаго начала (отчасти слѣдствіе римскаго просвѣщенія, отчасти противодѣйствіе халифату) въ спорѣ о бракѣ Лотара II-го, споръ и разрывъ Запада и Востока, утвержденіе (хотя и не изобрѣтеніе) славянской азбуки и переводъ Писанія, явленіе Руси съ Рюрикомъ и первое крещеніе ея съ Аскольдомъ и Диромъ.

Событія въ Китаѣ.

Между тѣмъ какъ западъ Азіи и Европа вступали въ новое поприще силы и умственной дѣятельности подъ вліяніемъ иранскаго преданія въ его окончательномъ развитіи (христіанствѣ) и произвольной реформѣ (исламѣ), Востокъ и Югъ Азіи коснѣли въ своихъ древнихъ формахъ мышленія, не подаваясь впередъ, но и не обличая еще полнаго оскудѣнія жизненныхъ началъ. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ прекращенія династіи *Ханъ*, и Китай страдалъ въ войнахъ междоусобныхъ. Нѣсколько царствъ сильныхъ и великихъ (по нашимъ европейскимъ понятіямъ) составилось изъ развалинъ

прежней колоссальной державы, но всѣ они признавали тотъ же внутренній законъ, которымъ жилъ Китай во время своего величія. Никакое новое начало духовное не возникало, и высшимъ понятіемъ религіознымъ оставалось (какъ и до сихъ поръ остается) понятіе о государствѣ. Анализъ, такъ блистательно развитый на Западѣ и разрушившій всѣ произвольныя вѣрованія эллино-римскаго міра, не проникалъ на Востокъ; или, лучше сказать, просвѣщеніе внѣшнее и поклоненіе этому внѣшнему просвѣщенію (возникшія изъ первоначальнаго возстанія анализа противъ преданія и изъ шиво-буддаизма) обратились тамъ въ неколебимое преданіе, не допускавшее новаго анализа. Всѣ династіи, раздѣлявшія наслѣдство *Хановъ*, не исключая иноземныхъ (какъ напр. сян-бійская династія *Вей* *) жили остатками старой жизни и не потрясали коренного начала, образовавшаго Китай. Можно даже сказать, что ослабѣвшая и разорванная держава продолжала свои завоеванія въ самомъ своемъ видимомъ униженіи и продолжала ихъ оружіемъ своихъ побѣдителей. Могущественная тунгузская династія Вей, владѣя всею восточною, южною и отчасти юго-западною Сибирью (которой, она, вѣроятно оставила свое имя) распространяла далеко тѣ начала государственнаго просвѣщенія, которыя сама получила отъ коренныхъ жителей Китая. Конечно, слѣды ея вліянія изгладились въ волненіяхъ тюркской и монгольской бури; но память объ нихъ сохранилась и часто облегчала Китаю побѣды и завоеванія въ позднѣйшія эпохи; а новый индустанскій буддаизмъ, уже тогда сильный въ Китаѣ, расширился и утвердился въ средней и сѣверной Азіи подъ чистою формою ламаизма и мѣшанными формами, въ которыхъ онъ сливался съ древнею полу-фетишскою вѣрою шамановъ. Очевидно, такъ какъ внутренняго разногласія не было, видимое единство должно было возстановиться, и дѣйствительно оно явилось снова въ полномъ блескѣ при великой династіи *Тханіъ*, въ началѣ седьмого вѣка.

Три вѣка царствовала эта династія, прославленная въ лѣтописяхъ особенно кротостью своею при восшествіи и безсмертнымъ именемъ Тай-цунга, одного изъ величайшихъ за-

воевателей и царей, когда-нибудь основавшихъ государства или правившихъ судьбами народовъ. При Тхангахъ Китай возвратилъ себѣ всю славу, пріобрѣтенную династіею Хановъ и утраченную въ послѣдовавшихъ междоусобіяхъ: владѣнія его на югъ распространились даже далѣе прежняго. Но на западѣ, сколько можно судить по скуднымъ даннымъ, сообщеннымъ изъ китайскихъ сказаній европейскими учеными, область его была болѣе стѣснена сопротивленіемъ тюркскихъ семей и особенно завоевательнымъ мечомъ Аравитянъ.

Ихъ называютъ Китайцы *Та-ши* *). Иные полагаютъ, что такое имя дано имъ по смѣшенію съ прежними жителями приаральской области, *Таджиками*, которые еще до сихъ поръ сохранили свое названіе подъ властію семей туркменскихъ и которые суть очевидно остатки народа, извѣстнаго древности подъ именемъ *Дадиковъ*, приписываемыхъ то къ Иранцамъ, то къ Средне-Азійцамъ. Иранское происхожденіе *Дадиковъ*, теперешнихъ *Таджиковъ*, не подвержено никакому сомнѣнію, и извѣстно также, что они упоминаются Китайцами; но именно потому, что они уже были извѣстны издавна, нельзя предполагать, чтобы ихъ смѣшали съ новыми завоевателями. По всей вѣроятности имя, данное Аравитянамъ, *Та-ши*, составлено такъ же, какъ и *Та-тсинъ* и *Та-ванъ* и значитъ *великіе шейхи;* ибо званіе шейха аравійскаго было въ то время извѣстно и громко по всему міру.

Впрочемъ при величайшемъ изъ государей династіи Тхангъ, Тай-цунгѣ, Аравія только еще вступала въ поприще своей исторической дѣятельности. Глухо доходили до дальняго Востока звуки великой грозы, разгоравшейся на юго-западѣ Азіи. Сила Китая не находила еще на истокахъ Сыръ-Дарьи равнаго ей сопротивленія и могла угрожать всей Азіи. Вскорѣ разраслась новая держава и пришла въ соприкосновеніе съ древнѣйшимъ изо всѣхъ государствъ міра. Были между ними вражды, и восторженное мужество Аравитянъ торжествовало почти всегда противъ Китая, такъ же какъ и противъ Европейцевъ; были и союзы, и въ VIII-мъ вѣкѣ войска̀ халифовъ спасали пре-

столъ китайскій отъ возмущеній народныхъ и нашествія средне-азіятскихъ племенъ; но Китай не стремился и не могъ стремиться къ завоеваніямъ въ областяхъ иранскихъ, живущихъ иною и сильною жизнію; аравійскіе завоеватели пренебрегали холодными и дикими пустынями, отдѣляющими ихъ отъ богатаго Китая, или, слабѣя мало-по-малу въ роскоши Юга, боялись проникать въ область, наполненную кочевьями желѣзныхъ Тюрковъ, будущихъ своихъ побѣдителей. Но міръ Востока знакомился съ Западомъ, и міръ западный чаще сталъ оглашаться слухами о дальнемъ Востокѣ, откуда онъ долженъ былъ получить много новыхъ открытій и познаній, перемѣнившихъ впослѣдствіи и характеръ войны, и мирныя сношенія народовъ другъ съ другомъ.

Такъ, напр., Аравіи передалъ Китай и порохъ, и магнитную стрѣлку, уже давно извѣстные тамъ, но до тѣхъ поръ безполезные и получившіе свои великія приложенія отъ практической догадливости Европейцевъ; такъ черезъ Аравію пришли изъ Китая многія другія изобрѣтенія и усовершенствованія въ области торговли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде аравійскаго владычества въ Персіи сношенія довольно частыя соединяли между собою народы, живущіе на берегахъ Средиземнаго моря и Тихаго океана. Послы приходили къ Тай-цунгу отъ императора Ираклія изъ Греціи *) (по-китайски *Фу-менъ*, слово замѣнившее *Та-тсинъ*, имя римской имперіи и происходящее, такъ же какъ Стамбулъ или Истамболъ, изъ искаженнаго «Константинополисъ». Греція, или Грекія, называлась, кажется, *Ли-кіянъ* въ китайскихъ географіяхъ). Надъ могилою великаго возстановителя Китая плакали князья покоренныхъ народовъ, пограничныхъ съ Персіею и находившихся въ частыхъ сношеніяхъ съ Европою. Поклонники Будды и Брамы, послѣдователи Зердушта и хранители древняго еврейскаго преданія благословляли терпимость государя кроткаго и просвѣщеннаго; наконецъ, христіане строили свободно въ его столицѣ храмъ для вѣры, давно уже проникшей въ глубину Азіи, но которой волненіе народовъ по-

ожило впослѣдствіи преграды непреодолимыя и до нашего времени.

Нельзя сказать утвердительно, какая именно форма христіанства тогда получила временное право гражданства въ Китаѣ, несторіанство или соборное исповѣданіе. Надпись, найденная въ тогдашней столицѣ Китая, носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, но слишкомъ темна для опредѣленія догматическаго. Впрочемъ сомнѣнія, выраженныя нѣкоторыми учеными о томъ, дѣйствительно ли относится она къ христіанству, совершенно нелѣпы: слова, употребленныя въ ней *О-ло-г* и *Микси-о* не могутъ очевидно имѣть никакого другаго значенія, кромѣ *Мессіи* и *О Логосъ* (Слово).

Но за всѣмъ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что аравійская эпоха сблизила гораздо болѣе прежняго Китай съ остальнымъ человѣчествомъ, и дѣйствительно велика была эта эпоха для умственнаго сближенія всѣхъ народовъ. Одинъ и тотъ же крѣпкій міръ ислама обхватывалъ всю землю отъ Атлантическаго океана до крайняго востока Азіи; одни и тѣ же знамена вѣяли на берегахъ Луары и Желтой рѣки, и мысль проходила безпрепятственно отъ столицы аравійскаго владыки Испаніи до столицы Китая, спасенной аравійскимъ мечомъ. Распался въ послѣдствіи этотъ міръ ислама отъ внутренней слабости, и мало оставилъ онъ замѣтныхъ слѣдовъ въ умственной жизни народовъ; но все-таки онъ погибъ не безъ слѣдовъ и въ свое время представлялъ величественное зрѣлище, слишкомъ мало замѣченное и слишкомъ мало изученное гордостью европейской науки.

Незамѣтность этого сближенія Востока и Запада въ цѣломъ полушаріи и на исторической памяти объясняетъ и тотъ фактъ, какъ могли исчезнуть и память о прежнемъ богатствѣ народовъ, и слѣды ихъ мысленнаго общенія, и даже преданія о томъ, какъ великъ міръ земной и какъ много на немъ раскинуто человѣческихъ семей, забывшихъ другъ про друга. Если бы грамотность не воскрешала старины уже грамотной, кто бы помнилъ въ Китаѣ про Аравію и

кто бы зналъ, что неразрывная цѣпь одной жизни, вѣры и государства соединяла его предѣлы съ берегами Эбра и Гвадальквивира? А послѣ той эпохи не было же, однако, вторичнаго полнаго одичанія человѣчества.

Династія Тхангъ такъ же упала, какъ и предыдущія, какъ и многія династіи въ Европѣ и Азіи, вездѣ, гдѣ внутренняя жизнь народовъ не развивается постепенно и не поддерживаетъ собою жизни царственныхъ родовъ. Долго пьянѣя на престолѣ, она въ нравственномъ безсиліи свалилась съ него.

Это перерожденіе многихъ царскихъ родовъ, замѣтное также и въ аристократіяхъ, объясняется, можетъ быть, изъ того же самаго закона, по которому цѣлые народы лишаются, наконецъ, нѣкоторыхъ способностей, не развивавшихся въ продолженіе многихъ вѣковъ (такъ, напр., Евреи, музыканты и литераторы, не показываютъ до сихъ поръ никакого дара къ пластикѣ). Семья, освобожденная отъ необходимости умственнаго напряженія, лишается способности къ умственному напряженію. Къ этому должно однакоже прибавить и порчу, производимую развратомъ.

Однакоже въ продолженіи трехъ столѣтій тхангскалго владычества много великаго и прекраснаго было совершено и для распространенія государственнаго, и для мирной славы народа. Корея и прилегающія къ ней области, долго сопротивлявшіяся силѣ Китая, *) отразившія покушенія великой ханской династіи и даже отстоявшія свою свободу противъ Тай-цунга, покорились и вошли въ составъ китайскаго государства, несмотря, на многія самобытныя начала просвѣщенія, которыя заняты были Кореею (сколько можно судить при недостаточныхъ данныхъ) не изъ Китая, а изъ центральной Азіи и областей прилегающихъ къ міру иранскому.

По всѣмъ вѣроятностямъ даже часть народонаселенія въ Кореѣ жила нѣкогда въ средней Азіи и передвинулась на край Востока довольно поздно.

Эта побѣда была побѣдою не силы, но государственнаго разума и строгой системы, внушавшихъ невольное уваженіе и любовь всѣмъ сосѣдямъ и даже врагамъ Китая, а самому Китаю глубокую и постоянную увѣренность въ мирныя торжества надъ неустроенными народами.

Эта сильная и религіозная увѣренность выражается почти во всѣхъ мыслителяхъ китайскихъ, особенно въ наиболѣе практическомъ изъ нихъ Менг-тсеу. Дѣйствительно, государство, какъ порядокъ всѣхъ человѣческихъ силъ, было искони единственнымъ божествомъ вѣковѣчнаго царства, начавшагося въ эпоху доисторическую и пережившаго всѣ другія царства міра. Вѣра въ его совершенство и въ его внутреннюю правду, неизбѣжно покоряющую всякій разумъ человѣческій, есть чувство совершенно религіозное для Китайца и соотвѣтствуетъ тому живому чувству, которымъ распространялись возобновленный буддаизмъ индійскій и исламъ, и теперь еще распространяется христіанство.

Многое было сдѣлано и для наукъ. Исторія и философія нашли представителей, достойно продолжавшихъ труды прежнихъ вѣковъ. Астрономія и математика двинулись впередъ съ помощію не только индійскихъ буддаистовъ, сохранившихъ остатки прежняго знанія и знанія, посѣяннаго Эллинами въ восточномъ Иранѣ, но Аравитянъ, недавно ознакомившихся съ наукою Эллады, но вступившихъ въ новое поприще съ энергіею ума и воли, отличающею эту даровитую семью въ человѣческомъ братствѣ. Было кое-что сдѣлано и для искусствъ, если только можно назвать искусствомъ живопись, зодчество и поэзію такого народа, который ставитъ красоту въ затѣйливой побѣдѣ воли и ума человѣческаго надъ трудностями и упорствомъ вещественнаго міра.

Это воззрѣніе на искусство есть очевидный завѣтъ древняго кушитства, понимавшаго всю религію въ торжествѣ человѣка надъ грубымъ веществомъ или, лучше сказать, въ устроеніи вещества силою разума человѣческаго.

Но какъ ни гостепріименъ былъ Китай къ иноземцамъ и иноземной мысли, дѣйствительно онъ не принималъ никакого новаго начала и оставался при своихъ коренныхъ и основныхъ вѣрованіяхъ. Его умственная жизнь *) началась отъ первоначальнаго буддаизма и слѣдовательно отъ начала чисто-аналитическаго; но, заключившись въ религію общественнаго, т.-е. государственнаго устройства, она приняла характеръ чистаго синтеза, основаннаго на несомнѣнномъ вѣрованіи или преданіи. Приливъ чужой мысли не измѣнилъ этого характера: она являлась также въ видѣ синтеза и не колебала прежнихъ основъ, ибо только анализъ можетъ поколебать синтезъ вѣрованій и преданія. Синтезъ же новыхъ вѣрованій, когда онъ принимается народомъ, не утратившимъ своихъ прежнихъ вѣрованій, прилагается къ нимъ въ видѣ подчиненномъ и удерживаетъ за собою только тѣ области, которыя не входили въ кругъ прежней народной мысли. Всѣ понятія о высокомъ нравственномъ значеніи человѣка, по крайней мѣрѣ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ и отношеніяхъ къ другимъ людямъ, вошли уже въ составъ синтетической философіи Китайскихъ мыслителей, слѣдовательно самая идея нравственнаго добра въ его высшемъ отвлеченномъ началѣ уже была постигнута и усвоена. Анализъ не обличалъ условности и произвольности этой нравственной философіи, и она оставалась непоколебленною ни въ отвлеченномъ своемъ значеніи, ни въ значеніи государственномъ. Всѣ новыя религіозныя ученія прилагались къ ней только какъ пополненія, какъ ученія объ образахъ невидимаго духовнаго міра, котораго внутренній смыслъ былъ уже, повидимому, постигнутъ. Очевидно, всѣ они по необходимости лишались своего высокаго значенія и получали характеръ темнаго и произвольнаго мистицизма, переходящаго окончательно въ безсмысленный фетишизмъ. Такая участь постигла возрожденный буддаизмъ Индійскій, когда онъ укоренился въ китаѣ подъ именемъ поклоненія *Фо*. Онъ выдержалъ долгую борьбу и тяжелыя гоненія, имѣлъ эпохи блистательнаго торжества, видѣлъ въ числѣ проповѣдниковъ своихъ великихъ государей изъ разныхъ династій, считалъ тысячами свои бо-

гатые монастыри и сотнями тысячъ своихъ монаховъ; но никогда не достигалъ онъ той высоты, которую имѣлъ на родинѣ своей при берегахъ Ганга и Инда. Ни одно великое произведеніе не прославило его ни въ эпоху борьбы, ни въ эпоху торжества; онъ не блеснулъ ни поэтической восторженностью, ни тонкостью мистическаго синтеза, уносящаго мысль человѣка далеко за предѣлы всякаго возможнаго міра, въ область духа, отрѣшающаго себя отъ цѣпей вещественнаго проявленія и завоевывающаго свободу посредствомъ самоуничтоженія; онъ не блеснулъ ни однимъ великимъ подвигомъ практической любви или самоотверженія, не развилъ ни одного сильнаго или плодотворнаго начала, а дряхлѣлъ и ветшалъ, принимая всѣ безсмысленныя примѣси персидской и брахминской миѳологіи, и даже христіанства, которыми уже наполненъ буддаизмъ средней Азіи, прибавляя новыя, взятыя изъ мѣстнаго суевѣрія, или изъ ученія Лао-тзеу, съ которымъ часто дѣйствовалъ заодно, спускаясь все ниже въ своемъ значеніи духовномъ и общественномъ, переходя отъ высшихъ и просвѣщеннѣйшихъ слоевъ общества къ низшимъ и невѣжественнѣйшимъ и обращаясь, наконецъ, въ ту нелѣпую вѣру въ колдовство, талисманъ и фетишъ, въ ту жалкую породію религіи, которую видитъ теперешній путешественникъ въ Китаѣ, и которая вполнѣ соотвѣтствуетъ религіи дикарей средней и южной Африки. Почти тоже самое случилось и съ несторіаискимъ христіанствомъ, далеко проникнувшимъ въ среднюю Азію. Оно распространилось по западному Китаю, было (какъ видно изъ разсказовъ путешественниковъ) сильно числомъ своихъ послѣдователей, сильно богатствомъ, а иногда дружбою съ властями; но оно подверглось внутреннему разрушенію отъ соприкосновенія съ мѣстнымъ отвлеченнымъ вѣрованіемъ, еще не уличеннымъ въ произволѣ и односторонности, и пало безъ шума, безъ славы и безъ слѣда, ибо не могло, вслѣдствіе своего первоначальнаго характера, дойди до того униженія, до котораго дошелъ буддаизмъ. Наконецъ то же самое повторилось и съ христіанствомъ римской церкви, когда оно было принесено іезуитами и доминиканцами при династіи Мингъ и

Манджурахъ. Его успѣхи казались блистательными, число его послѣдователей росло со дня на день; но оно погибло послѣ небольшаго преслѣдованія и ничтожной борьбы. Это паденіе было, очевидно, не послѣдствіемъ самаго гоненія или внѣшняго напора, сокрушившаго христіанскую общину (ибо число христіанъ въ Китаѣ и въ наше время еще не совсѣмъ ничтожно), но послѣдствіемъ внутренней слабости и грубой обрядности христіанства, посѣяннаго въ Китаѣ миссіонерами римскими. Анализъ сокрушилъ эллино-римскія вѣрованія и очистилъ путь христіанству; но синтезъ нравственной философіи въ Китаѣ еще не сокрушенъ анализомъ, и безуспѣшность христіанской проповѣди въ наше время подаетъ намъ въ одно время и примѣръ и объясненіе того неподвижнаго сопротивленія, которымъ Китай сокрушилъ въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ всѣ нападенія всякаго иноземнаго религіознаго начала.

Послѣ паденія Тханговъ наступили новые раздоры и междоусобія; но тѣ же самыя причины, которыя до тѣхъ поръ всегда возстановляли единство государственное, возстановили его снова. Въ послѣдней половинѣ десятаго вѣка династіи *Сунговъ* взошла на престолъ безъ кровопролитія, волею народа, *) войска и ученыхъ, которые дѣйствительно въ Китаѣ соотвѣтствуютъ духовенству другихъ государствъ. Прежній объемъ Китая былъ возвращенъ не безъ войны и не сполна. Царство Сунговъ не равнялось уже пространствомъ прежнимъ царствамъ Тханговъ и Хановъ, средняя Азія окрѣпла и не покорялась власти Китая; сильныя орды колыхались въ ней, готовясь къ эпохѣ своихъ всемірныхъ завоеваній. За всѣмъ тѣмъ династія Сунгъ царствовала не безъ блеска, и держава ея, обнимающая Корею и часть восточной загангесской Индіи, была все еще великою и славною въ мірѣ. Но уже Китай клонился къ упадку. Сила сосѣднихъ племенъ уже становилась слишкомъ грозною для его ветшающаго организма. Послѣ двухвѣковаго владычества Сунги, угрожаемые ки-танскими Татарами, призвали на помощь племя восточныхъ Ю-етчи (кажется, тюрко-монгольское) и, освобожденные отъ прежняго врага, были принуждены уступить новымъ союзникамъ весь сѣверъ

своего государства. Ю-етчи, подъ именемъ династіи *Кинъ*, *) продолжали свои завоеванія, стѣсняя все болѣе прежнихъ властителей, но въ то же время принимая, такъ же какъ сян-бійская (тунгузская) династія *Вей*, все болѣе и болѣе характеръ и обычаи мѣстные, однимъ словомъ, покоряясь побѣжденному народу и сливаясь съ его безконечною массою. Прошло еще столѣтіе; новое грозное явленіе, которому подобнаго не представляла исторія міра ни прежде ни послѣ, возникло въ пустыняхъ средней Азіи. Взошла кровавая звѣзда темуджиновыхъ Монголовъ, и Сунги, стѣсненные сѣверными своими соперниками, въ безуміи междоусобной вражды прибѣгли къ покровительству ненасытимыхъ завоевателей. Династія Кинъ погибла, но и династія Сунгъ раздѣлила ту же участь. Послѣ борьбы кровавой и отчасти не безславной для побѣжденныхъ, *Кубилай* истребилъ всѣхъ враговъ своихъ на морѣ и на сушѣ, и въ первый разъ послѣ независимаго существованія, продолжавшагося слишкомъ три тысячи лѣтъ, Китай въ концѣ XV-го вѣка покорился весь съ края въ край иноплеменнымъ завоевателямъ.

Но и завоеваніе, бѣдствіе, уничтожающее всякое другое государство, не измѣнило Китая. Монголы, какъ и предшественники ихъ Сян-бійцы и Кинъ, какъ и позднѣйшіе Манджуры, поддались силѣ мѣстнаго начала, этому неотразимому обаянію государственнаго устройства, возведеннаго въ религіозное значеніе. Если бы даже туземная династія *Мингъ* не свергла ига иноплеменнаго, историческая судьба государственной жизни не подверглась бы никакой перемѣнѣ. Потомки Темуджина, олицетвореннаго кочевья въ его дикомъ восторгѣ, переродились бы (и уже начали перерождаться) въ присѣдающую куклу мандарина.

Точно такое же стремленіе замѣтно въ современной намъ Германіи, въ которой философія, окончательное развитіе религіознаго протеста, приводитъ людей путемъ холоднаго *нигилизма* къ идеѣ отвлеченнаго порядка и механическаго государства. Такова особенно Пруссія съ ея гофъ- и штатсъ-ратами. Впрочемъ, разумѣется, это на-

чало не можетъ вполнѣ окаменить европейскій народъ, уже глубоко проникнутый христіанствомъ.

Китаю суждено было, вслѣдствіе коренныхъ его началъ и ихъ громаднаго развитія, пройти невредимо черезъ длинный рядъ вѣковъ и представить торжество древней односторонности, создавшей колоссъ государственный на дальнемъ Востокѣ такъ же, какъ она создала неразрушимые колоссы зодчества въ Египтѣ, слова въ Индустанѣ и быта въ областяхъ славянскихъ. Династія Сунгъ повторяла съ незначительными измѣненіями всѣ явленія предшествовавшихъ династій; но въ ея исторіи, какъ и въ исторіи Тхангов и Хановъ, является фактъ, до сихъ поръ мало замѣченный и совсѣмъ необъясненный историками. Это странное явленіе, *) безконечная власть евнуховъ, проходитъ черезъ всѣ династіи въ продолженіе почти полуторы тысячи лѣтъ, часто потрясаетъ всѣ основы государства, иногда перерывается на время силою великихъ государей, воскресаетъ снова, борется небезуспѣшно противъ воли царей, ученыхъ и отчасти народа, и доходитъ почти до эпохи современныхъ намъ Манджуровъ, переживая всѣ потрясенія и бѣдствія государства, связываясь какою-то странною связью съ его жизнію и между тѣмъ противорѣча его основнымъ началамъ. Поверхностная критика объясняла мимоходомъ это явленіе развратомъ двора и примѣрами, болѣе или менѣе неудачно взятыми изъ исторіи юго-западной Азіи (Персіи и Турціи). Не нужно доказывать неудовлетворительность такого объясненія. Стоитъ только вспомнить, что эта власть евнуховъ проникала въ самую середину Азіи, въ кочевья полудикихъ и еще неизнѣжившихся племенъ (какъ видно, напр., изъ исторіи великаго Сян-бійца *Тоба-дао*), что она боролась противъ власти царей, управляла войсками самовольно, не измѣнялась при государяхъ, отличавшихся великими доблестями, составляла, такъ сказать, государство въ государствѣ, сопротивлялась государственному ученію *Конг фу-тсеу*, имѣла свой судъ, выходящій изъ общаго порядка судовъ, и по преимуществу имѣла притязанія на верховно-судебное значеніе; и

можно уже ясно уразумѣть, что евнухи составляли въ Китаѣ сословіе или общество, котораго основу должно искать въ мнѣніи или идеѣ религіозной, а не въ случайномъ развратѣ двора. Нѣтъ сомнѣнія, что дворъ многоженнаго императора, окруженнаго сотнями и тысячами наложницъ, становился естественною областью, въ которой двигалась и развивалась сила евнуховъ, точно такъ же какъ дворы персидскихъ Кеанидовъ *) или турецкихъ Оттомановъ. Быть можетъ (и это даже вѣроятно), что евнухи явились въ Китаѣ по примѣру юго-западной Азіи и были сначала признаны только для придворной услуги; но изъ сличенія всѣхъ данныхъ, и особенно изъ того, что они считались хранителями таинственнаго знанія и питія безсмертія, должно заключить, что они, пришельцы съ береговъ Евфрата, были на дальнемъ Востокѣ представителями религіознаго начала, которое развилось изъ первоначальной кровавой борьбы между ученіемъ Куша и преданіемъ Ирана, между поклоненіемъ свободному духу и признаніемъ вещественной необходимости въ ея двупольномъ олицетвореніи. Евнухи, жрецы Великой Матери (Кивелы), всегда хвалились своими глубокими знаніями и волшебствомъ, т.-е. заклинательной властію надъ природою; по всей вѣроятности тѣ же притязанія были и у ихъ сосѣдей, евнуховъ, правившихъ государственною судьбою Персіи до Македонца; тѣ же самыя притязанія являются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ Китаѣ. Ихъ сопровождаютъ притязанія на святость; они являются какъ естественное послѣдствіе мнимо-духовной, дѣйствительно же заклинательной (т. е. чисто-вещественной) побѣды надъ требованіями вещественной природы человѣка. Этимъ объясняется успѣхъ евнуховъ въ Китаѣ, не имѣвшемъ религіи (кромѣ государства и произвольно-нравственной философіи) и всегда искавшемъ религіи внѣшней въ формахъ талисмана и фетиша. Этимъ объясняются и частые ихъ союзы съ ученіемъ стоическаго Лаотсеу (иногда соединявшимся на время и съ буддаизмомъ), и ихъ вѣковая сила, сокрушенная едва ли не новыми завоевателями Манджурами. Таково значеніе явленія, о которомъ еще письменныхъ данныхъ не имѣетъ Европа и смыслъ котораго ускользнулъ отъ ея исторической критики.

Эта идея святости, достигнутой путемъ заклинанія или жертвы, проникала, какъ извѣстно, и въ христіанство, заражая многихъ и великихъ его учителей. Противъ нея возставали соборы *), отказывая въ извѣстныя эпохи евнухамъ въ священствѣ; но она еще не совсѣмъ исчезла изъ христіанскаго міра, сохраняясь въ Россіи въ великомъ расколѣ хлыстовъ.

Начало японскаго царства.

Въ то же время, какъ династія за династіей мѣнялась на престолѣ Китая безъ всякаго измѣненія его началъ, опредѣленныхъ жизнію за двадцать слишкомъ вѣковъ и наукою за шесть или семь вѣковъ до Р. Х., какъ вѣрованія южной и западной Азіи (буддаизмъ, христіанство и пр.) проникали въ него, подчиняясь кореннымъ и туземнымъ ученіямъ и теряя всю свою жизненную силу: тѣ же самыя начала шли далѣе на востокъ и основывали новое великое царство на островахъ, окруженныхъ волнами Тихаго океана и до нашего времени почти недоступныхъ для благородныхъ усилій европейской науки и для дикой ненасытимости европейскаго корыстолюбія. Старожилы Японіи принадлежали, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ тому же племени, которымъ до нашего времени населены острова на сѣверъ отъ нея, къ племени, котораго сродство съ финскимъ корнемъ не подвержено никакому сомнѣнію *). Начало же религіозное имѣло всю неопредѣленность, замѣтную вообще у народовъ сѣверныхъ, не завлеченныхъ въ умственное движеніе кушитства и въ то же время сохранившихъ только неясные остатки общаго преданія, которое сохранилось по преимуществу въ иранскомъ центрѣ.

Присутствіе этого преданія въ старину у всѣхъ сѣверныхъ народовъ явно изъ памяти о потопѣ, изъ разсказовъ о лучшей участи человѣка въ его младенчествѣ, объ антагонизмѣ зла и добра и даже иногда о мессіаническихъ обѣщаніяхъ. Впрочемъ всѣ эти слѣды такъ же слабы, какъ и самое чувство религіозное у кочевыхъ страдальцевъ негостепріимнаго сѣвера, всегда занятыхъ тяжелою борьбою съ природою, ихъ окружающею.

За всѣмъ тѣмъ въ остаткахъ древней религіи Японцевъ можно открыть также несомнѣнные признаки кушитскаго ученія и поклоненія шиваитскому *лингаму* *), какъ символу производящей необходимости. Такая примѣсь шиваитства въ области, далекой отъ его африканской колыбели, представляла бы довольно трудную задачу, если бы наука не имѣла уже столько данныхъ для опредѣленіи умственной и племенной колонизаціи кушитской по всѣмъ южнымъ морямъ отъ южной оконечности Аравіи до самыхъ отдаленныхъ островов, затерянныхъ въ безконечности Тихаго океана, и до береговъ долго забытаго материка американскаго. При этихъ данныхъ легко понятны и слѣды шиваитства въ Японіи.

Анализъ историческій, какъ мы видѣли, объясняетъ прекращеніе всемірныхъ сношеній между разсѣянными семьями человѣчества и упадокъ древняго мореплаванія усиленіемъ борьбы народной въ первыхъ центрахъ человѣческаго рода и наступленіемъ героической эпохи, т. е. эпохи военнаго одичанія. Впрочемъ, кромѣ распространенія кушитскаго ученія по южнымъ поморьямъ, можно еще угадать и другое его распространеніе на сѣверъ черезъ гималайскій хребетъ и среднюю Азію изъ земель при-индскихъ. Миѳологія финскихъ и летскихъ племенъ въ сѣверной Россіи представляетъ, при явныхъ слѣдахъ индостанской мысли (напр., въ преданіи о *Сампо*), такіе же явные намеки на шиво-озиризское ученіе. Таковъ разсказъ въ Калевалѣ о разрубленномъ божествѣ, которое отыскано и оживлено другимъ божествомъ женскимъ (сѣверною Изидою), таково поклоненіе змѣѣ даже у полу-славянской Литвы *) и пр. Сверхъ того должно замѣтить, что остатки индустанскаго шиваизма (поклоненіе *лингаму*) сохраняются очень рѣзко до нашего времени у сѣверныхъ Славянъ, особенно поблизости великаго торговаго пути Волги, въ праздникахъ Ярилы и Костромы.

Усиленная жизнь Китая, его возрастающее народонаселеніе и внутреннія волненія заставляли многихъ Китайцевъ, даже изъ царскихъ родовъ, искать убѣжища на сѣверо-восточныхъ островахъ. Богатая и прекрасная природа Японіи привлекала

бѣглецовъ; тамъ основали они колонію *), со дня на день возраставшую въ силѣ и значеніи. Юго-западная часть острова подчинялась мало-по-малу законамъ китайскаго просвѣщенія; остальныя области покорились послѣ продолжительной борьбы. Весь обширный островъ слился въ одно могучее государство, составленное изъ народной стихіи, совершенно чуждой Китаю, но движимое вполнѣ умственными началами, принесенными оттуда. Таковы показанія японскихъ ученыхъ и лѣтописцевъ, и нѣтъ никакой причины въ нихъ сомнѣваться; ибо они не льстятъ самолюбію народа и существуютъ издавна, несмотря на постоянную вражду съ Китаемъ. Вѣроятно, малоизвѣстная намъ Корея служила посредствующимъ звеномъ между материкомъ Азіи и Японіи какъ въ отношеніи племеннаго начала, которое наука опредѣлитъ со временемъ посредствомъ языкосравненія, такъ и въ отношеніи просвѣщенія. Какъ бы то ни было, въ теченіе шестого вѣка проникъ и въ Японію буддаизмъ, эта глубокая и сильная вѣра, созданная борьбою духа, требующаго свободы, съ ученіемъ, положившимъ въ начало міра законъ логической (т. е. органической) необходимости, вѣра, которой распространеніе равняется распространенію магометанства и христіанства.

Должно замѣтить, что въ историческія времена только эти три вѣрованія и распространялись далеко за предѣлы областей, въ которыхъ родились. Въ глубокой древности точно такъ же распространялось и шиваитство, но завоеванія шиваитства относятся къ эпохѣ почти до-исторической и погибли безъ слѣдовъ. Фактъ этотъ довольно понятенъ. Въ христіанствѣ выразилось окончательно иранское преданіе во всей силѣ своихъ вѣрованій и въ своей логической полнотѣ. То же самое преданіе, хотя искаженное, составляетъ и силу магометанства; въ шиваизмѣ и въ буддаизмѣ живетъ первобытное ученіе Куша почти въ полной своей чистотѣ. Въ этой строгости началъ лежитъ возможность мирныхъ завоеваній. Среднія и мѣшаныя вѣры почти никогда не переходили границъ области, въ которой были созданы случайными обстоятельствами, ибо разумъ человѣческій покоряется только общечеловѣческимъ, а не мѣстнымъ и произвольнымъ началамъ.

И новоявившійся буддаизмъ овладѣлъ довольно скоро новою областью, не безъ нѣкотораго сопротивленія (ибо нѣсколько разъ буддаистскіе кумиры были разбиваемы народомъ и правительствомъ подъ предлогомъ гнѣва прежнихъ боговъ), но, какъ кажется, безъ жестокихъ гоненій и безъ большого насилія; по крайней мѣрѣ таковъ, кажется, разумный выводъ изъ извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ. Впрочемъ въ Японіи скоро характеръ ламаизма принялъ особый оттѣнокъ. Священное значеніе государей до-буддаистскаго времени отозвалось и по принятіи новой вѣры. Государи (даиріи) сосредоточили въ себѣ всю власть свѣтскую и въ то же время высшее духовное священство. Они повторяли на Востокѣ явленія халифата магометанскаго; но въ Японіи повторился также и тотъ раздоръ между непогрѣшимостью духовной власти, предполагающей совершенство въ основѣ своей, и вѣчно измѣняемыми и волнующимися требованіями жизни государственной, который, какъ уже сказано, потрясъ и окончательно разрушилъ халифатъ и который сдѣлалъ невозможнымъ разрѣшеніе папской задачи на Западѣ. Въ концѣ XI-го столѣтія, какъ кажется, утвердилась новая, независимая свѣтская власть сіогуновъ, возникшая изъ отношеній, похожихъ на отношенія королей французскихъ къ мэрамъ и халифовъ къ визирямъ и эмирамъ *альмуменинъ*. Сіогуны сдѣлались дѣйствительно единственными государями Японіи. Государство нашло свою божественность въ самомъ себѣ, такъ же какъ въ Китаѣ и вѣроятно въ самой Японіи до буддаизма; а духовный государь, даири, былъ заключенъ въ золотыя оковы своей духовной и безсильной святости, властвующей только надъ невидимою областью талисмановъ; ибо въ Японіи, такъ же какъ въ Китаѣ, величіе и смыслъ буддаизма исчезли въ грубой безсмысленности поклоненія талисману и фетишу.

Американскія государства—Тольтеки.

Въ это время еще далѣе на востокѣ происходили великія перемѣны; зарождались государства новыя и государственныя преданія, по крайней мѣрѣ такія преданія, которыя впослѣд-

ствіи времени сдѣлались достояніемъ науки. Въ тропическую область, соединяющую сѣверный и южной материкъ Америки и отдѣляющую Тихій океанъ отъ великаго Антильскаго залива, въ область, надѣленную отъ природы всѣми дарами богатства и красоты, пришелъ съ сѣвера, около VII-го вѣка послѣ Р. Х., народъ Тольтековъ, *) повидимому кроткій и просвѣщенный, и основалъ пространное и могущественное царство. Это царство не дожило до прихода Европейцевъ. Испанскіе дикари нашли уже въ Мексикѣ Азтековъ, народъ такой же свирѣпый и кровожадный, какъ и самая дружина рыцарей-завоевателей, а царство Тольтековъ пало отъ внутреннихъ междоусобій и слабости еще въ концѣ Х-го или началѣ XI-го столѣтія, и разсказы объ немъ дошли до насъ только черезъ Азтековъ, сохранившихъ скудныя воспоминанія о прежнихъ владыкахъ области мексиканской. Поэтому трудно опредѣлить характеръ этого исчезнувшаго народа. Изъ разсказовъ можно предполагать, что вѣра Тольтековъ была кроткая и человѣколюбивая и далеко разнилась отъ свирѣпой и кровожадной вѣры Азтековъ. Цвѣты и плоды были едва ли не единственными жертвами, приносимыми богамъ; кротость вѣрованія выражалась и на нравахъ народа; но самое религіозное ученіе было, такъ же какъ и ученіе позднѣйшихъ Азтековъ, чистымъ остаткомъ древняго кушитства, развитаго въ формѣ двухъ органическихъ полюсовъ. Не безъ слѣда прошли Тольтеки по лицу земли. Великолѣпные памятники, водохранилища, гранитныя плотины, огромные храмы, полные таинственнаго мрака и величія, остались какъ свидѣтельства ихъ четырехвѣковой славы и просвѣщенія, носящаго на себѣ весь характеръ древняго царства фараоновъ. Такова была держава Тольтековъ; таково ихъ умственное и государственное развитіе; но было ли это развитіе созданіемъ самобытной народной мысли, сказать невозможно. Древнѣйшая эпоха тольтекскаго царства и все ему предшествовавшее были чужды Азтекамъ. Самое имя Тольтековъ, быть можетъ, не принадлежало имъ вовсе. На нарѣчіи Азтековъ оно имѣло значеніе каменосѣчцевъ *); и служитъ только доказательствомъ того, что строительное искусство было уже

усовершенствовано въ Мексикѣ и удивило новыхъ пришельцевъ-завоевателей. Наука разрѣшитъ, можетъ быть, многія задачи о древностяхъ Америки; но уже и теперь, хотя не сохранилось никакихъ преданій о переселеніи Тольтековъ, хотя у насъ нѣтъ еще никакихъ положительныхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса, были ли они завоевателями или пришельцами въ пустыню, гдѣ создали царство, уже и теперь можно, по всѣмъ вѣроятностямъ, утверждать, что искусство строительное не было ими принесено съ сѣвера, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ памятниковъ, или памятники принадлежатъ къ особенному роду (къ насыпямъ, похожимъ на наши русскіе и сибирскіе курганы и городки), и что оно также не было создано самобытнымъ развитіемъ ихъ мысли; ибо уцѣлѣвшія зданія не представляютъ постепеннаго усовершенствованія зодчества, и сверхъ того область памятниковъ далеко переходитъ на югъ границы тольтекской державы, распространяясь не только по всему Юкатану и Гватемалѣ, но и захватывая часть южно-американскаго материка. Очевидно, что зодчество было принято Тельтеками отъ сосѣдей или отъ сторожиловъ мексиканской земли; ибо вѣроятно, что въ древности одно и тоже племя, можетъ быть, теперь уже погибшее, занимало всю страну отъ сѣверной части Мексики до теперешней Колумбіи *) и точно такъ же можно и должно предполагать, что съ этимъ зодчествомъ было соединено и преданіе наукообразнаго и общественнаго просвѣщенія. Характеръ художества, котораго великолѣпныя памятники сохранились до нашего времени и долго еще могутъ сопротивляться разрушительной силѣ климата, указываетъ на развитіе, подобное развитію Египта и Индіи. Пирамидальныя формы зодчества, іероглифическое письмо, огромная важность жреческой касты (важность, извѣстная по сказаніямъ Испанцевъ объ Азтекахъ, и несомнѣнно доказанная у Тольтековъ колоссальностью религіозныхъ зданій), все представляетъ намъ область, соединяющую южную и сѣверную Америку, какъ часть великаго кушитскаго міра, связанную духовнымъ родствомъ съ народами, населявшими берега Нила. Но это родство духовное было ли слѣдствіемъ родства

племенъ, колонизаціи, древнихъ сношеній или общихъ законовъ въ развитіи ума человѣческаго, опредѣлить невозможно при тѣхъ данныхъ, на которыя теперь можетъ ссылаться наука. За всѣмъ тѣмъ, если вспомнить преданіе Азтековъ (или полученное Азтеками отъ Тольтековъ) о бѣломъ и бородатомъ просвѣтителѣ, пришельцѣ изъ заокеаническаго Востока, если обратить вниманіе на типъ многихъ, хотя и неотчетливо исполненныхъ скульптуръ, на сходство многихъ миѳовъ мексиканскихъ съ миѳами Финикіи, на безспорное пребываніе бѣлаго племени на Антильскихъ островахъ (ибо Карибъ, названіе властвующаго племени, значило бѣлый) и на разительное сходство многихъ религіозныхъ обрядовъ у Гванчей приафриканскихъ и у жителей антильской островной купы: кажется, нельзя будетъ даже подвергать сомнѣнію, что просвѣщеніе Мексики и ближайшихъ къ ней областей было плодомъ прямого сношенія съ великими центрами древняго просвѣщенія или даже прямой колонизаціи изъ юго-западной Азіи или нильской долины. Впрочемъ эти сношенія или колонизація должны во всякомъ случаѣ относиться къ глубокой, почти доисторической древности, къ тому времени, когда мореплаваніе, остатокъ первоначальной эпохи всечеловѣческаго общенія, еще не погибло или не упало отъ усиленныхъ распрей народныхъ. Не даромъ хранилась такъ долго память объ Атлантидѣ, и не даромъ памятникъ на Азорскихъ островахъ указывалъ моряку путь на далекій Западъ.

Сомнѣнія о возможности такой колонизаціи были бы уже смѣшны въ наше время. Давно ли узнали мы, что въ X-мъ вѣкѣ скандинавскіе Норманны приставали къ берегамъ Лабрадора, Канады и даже теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, и что Кельты ирландскіе уже предупредили ихъ въ заокеаническихъ плаваніяхъ? Преданія умолкли, память исчезла, и только письменные памятники, отысканные учеными тружениками, возстановили фактъ, давно заброшенный въ число самыхъ неправдоподобныхъ басенъ. А моряки финикійскіе далеко превосходили Норманновъ смѣлостью предпріятій, постоянствомъ въ торговомъ и, вѣроятно, разбойническомъ ремеслѣ, обширностью морской области, захватывавшей всѣ берега

морей отъ Ирландіи до Индіи, огромностью флотовъ (напр., Ганнонъ бралъ съ собою въ путешествіе около Африки нѣсколько тысячъ колонистовъ) и особенно многовѣковымъ развитіемъ искусства. Но тайны Финикіи, строго охраняемыя ея торговымъ эгоизмомъ, погибли съ нею. Письменность не сохранила намъ ничего; но безпристрастная критика историческая можетъ и должна возстановлять по признакамъ вѣка̀, отжитые человѣчествомъ, и только подъ этимъ условіемъ заслуживаетъ имя науки. Такъ явные слѣды указываютъ на высокое просвѣщеніе и на великія знанія въ первомъ младенчествѣ человѣческаго рода. Пиѳагоръ, по преданіямъ, зналъ движеніе земли, за которое пострадалъ Галилей, а Греки хотѣли казнить философа, сказавшаго, что мѣсяцъ больше Пелопоннеса. Древнѣйшіе циклы были вѣрнѣе Гиппарховыхъ *) и едва послѣ двадцати слишкомъ вѣковъ осмѣлились Португальцы возобновить попытку Финикійцевъ, оплывшихъ Африку при фараонѣ Нехао. Но все это просвѣщеніе, наслѣдіе древняго синтеза, еще не возмущеннаго позднѣйшимъ анализомъ, можетъ быть угадано должно быть признано, но не можетъ уже быть опредѣлено съ точностію. Таковы же и древности средней Америки. Возстановить ихъ вполнѣ мы уже не можемъ; признать ихъ шиваитскій характеръ по изображенію боговъ, по обрядамъ и т. д., признать ихъ иноземное начало по темному преданію о просвѣтителяхъ-иноземцахъ и по многимъ подробностямъ рисунка въ древнѣйшихъ памятникахъ, наконецъ, признать ихъ многовѣковое преемство по великому развитію художества, по смѣлости предпріятій, по громаднымъ размѣрамъ и множеству зданій, невозможному въ короткій срокъ и при безпрестанныхъ войнахъ,—мы должны.

Но это просвѣщеніе, принесенное съ востока, встрѣтило безъ сомнѣнія другую стихію, стихію мѣстную. Народъ, населявшій Мексику, принадлежалъ американскому материку. И тутъ, какъ почти вездѣ, мысль явилась не какъ уже готовая наука, прививаемая въ школахъ малолѣтнимъ ученикамъ, но какъ закваска мѣстной мысли, пробуждая ее и направляя, но въ то же время сливаясь съ нею въ одно органическое цѣлое.

Это доказывается общимъ типомъ американской физіономіи, который принадлежитъ Мексикѣ, такъ же какъ и всему древне-американ-

скому племени (разумѣется, исключая сѣверныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ финскаго корня, Эскимосовъ и другихъ), многими общими преданіями (какъ, напр., память о потопѣ принадлежитъ всей Америкѣ и гораздо глубже срослась съ ихъ миѳами, чѣмъ во всѣхъ народахъ кушитскаго образованія) и, наконецъ, преобладающимъ характеромъ туземства во всѣхъ символахъ и преданіяхъ.

Вѣроятно, что, кромѣ прилива съ востока (т. е. отъ Европы или береговъ Средиземнаго моря), былъ еще и другой приливъ съ запада (т. е. изъ Азіи). Это мнѣніе получило уже право гражданства въ наукѣ. Есть неоспоримое сходство въ физіономическомъ очеркѣ между племенами такъ называемаго американскаго корня и многими племенами Полинезіи или Океаніи; есть явное сходство въ мѣдномъ цвѣтѣ тѣла тѣхъ и другихъ, отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ міра и обличающемъ то же смѣшеніе племенъ, которое замѣтно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ великой малайской семьи и основано на присоединеніи желтой средне-азійской крови къ мулатту отъ бѣлаго и чернаго племени; есть опредѣленный и неоспоримый слѣдъ религіознаго зодчества по мелкимъ и разрушеннымъ моремъ островамъ отъ Сунды до береговъ Америки; есть точно такой же несомнѣнный слѣдъ религіознаго поклоненія разрушительному началу вещественной природы, олицетворенному въ крокодилѣ или акулѣ и символизированному въ ожереліи изъ череповъ, которымъ украшаются равно кумиръ мексиканскаго бога и таинственныя изображенія Шивы индустанскаго; наконецъ, есть рѣзкая и за всѣмъ тѣмъ слишкомъ мало замѣченная черта, опредѣляющая народное и духовное сродство между островами южной Азіи и американскимъ материкомъ, которой одной достаточно для указанія на колонизацію или на цѣлый рядъ миграцій черезъ безконечность океана: это общій обычай людоѣдства, принадлежащій исключительно народамъ мѣдноцвѣтнымъ, полинезійскимъ и (однакоже въ меньшей степени) такъ называемымъ малайскимъ. *)

Людоѣдство являлось, быть можетъ, и у многихъ народовъ дикихъ; въ немъ обвиняли и Германцевъ и (хотя явно несправедливо) Сла-

вянъ *) и нѣкоторыхъ дикарей Азіи и Африки; но даже тамъ, гдѣ оно доказано (а оно почти нигдѣ не доказано), оно вездѣ является какъ рѣзкое исключеніе, не заслуживающее никакого вниманія. Иногда это слѣдствіе нищеты, иногда страстей, доведенныхъ до ихъ крайняго ожесточенія и т. д.; но въ народахъ мѣдноцвѣтныхъ, кромѣ сѣверной и крайней Южной Америки, это—обрядъ постоянный, религіозный и неизмѣнный. Онъ принадлежитъ семьямъ кроткимъ, точно такъ же какъ и самымъ свирѣпымъ; онъ выражаетъ столько же любовь, сколько ненависть: ибо многіе народы считаютъ обязанностью съѣдать ближайшихъ родственниковъ, тогда какъ другіе съѣдаютъ только побѣжденныхъ непріятелей, другіе только преступниковъ. Во всѣхъ случаяхъ это—слѣдствіе вещественнаго пантеизма и желанія—или дать безсмертіе соединеніемъ стихій умершаго человѣка съ стихіями другого, живаго человѣка, или отнять безсмертіе, подчиняя стихію разрушеннаго организма другому, живому и сильнѣйшему. Начало же этого страннаго и для насъ отвратительнаго обычая ясно въ жертвоприношеніяхъ человѣческихъ Молоху, Тифону или Теутатесу и въ ожесточеніи религій при первоначальной борьбѣ Ирана и Куша.

Итакъ, въ Америкѣ встрѣчались два прилива просвѣтительнаго начала, отъ востока и запада; различные во многихъ подробностяхъ, сходные въ главныхъ чертахъ и основахъ, они дѣйствовали на туземную стихію народную, по всѣмъ вѣроятностямъ происходящую изъ Азіи. На краяхъ великаго материка вліяніе ихъ отзывалось незначительно. Дикая природа и полная разъединенность мелкихъ семей уничтожали всякій зародышъ умственной жизни; вліяніе племенной примѣси отзывалось нѣсколько болѣе на югѣ, но художественное и религіозное вліяніе проникало такъ же мало въ южныя пампы, какъ и въ сѣверныя саванны. Вся жизнь умственная и общественная, произведенія мысли и началъ, родившихся и созрѣвшихъ на другомъ материкѣ, сосредоточивались въ притропической области и производили великія государственныя явленія, которыхъ исторія погибла для міра безъ славы и звука, но въ свое время не была лишена, вѣроятно, ни блеска, ни величія.

И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ, большая часть явленій) также ничтожны, также обречены забвенію и достойны его; но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, чтò оставило по себѣ слѣды, чтò подвинуло впередъ родъ человѣческій по путямъ науки или преданія, чтò не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ разсказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города. Правда, взятая отдѣльно, она еще имѣетъ свою высокую занимательность, ибо представляетъ природу человѣческую въ минуту высокой напряженности и односторонней восторженности; но эта занимательность принадлежитъ болѣе къ интересу художественному, чѣмъ къ интересу науки исторической. Такова бы была занимательность и лѣтописи американской, если бы можно было ее воскресить по древнимъ памятникамъ; ибо бѣдный Индѣецъ, рабъ европейскихъ завоевателей, будущій христіанинъ, быть можетъ, даже будущій народъ, ничѣмъ уже не связанъ съ своими прошедшими вѣками и съ безплодными волненіями своихъ прошедшихъ государствъ.

И въ Мексикѣ, и въ Гватемалѣ, и вѣроятно въ области перувіанской, и можетъ быть далѣе на берегахъ Ореноко и безконечнаго Мараньона *), стройныя государства смѣняли другъ друга и погибали, оставляя по себѣ развалины, теперь уничтоженныя сокрушительною силою тропической природы или поглошенныя буйной роскошью ея растительности. Европейцы застали въ Мексикѣ людоѣдовъ-Азтековъ; тѣ помнили своихъ предшественниковъ, кроткихъ Тольтековъ. Критика памятниковъ обличаетъ существованіе другихъ древнѣйшихъ государствъ; но въ тоже время критика узнаетъ и тождество началъ, создавшихъ эти государства, и отсутствіе туземной самобытности въ просвѣщеніи, и явную зависимость его отъ дру-

гихъ, далекихъ, всемірно-историческихъ средоточій Азіи и Африки. Періодически возникали въ Америкѣ явленія государственной жизни вслѣдствіе, вѣроятно, періодическаго же прилива иноземныхъ вліяній. Испанцы, дикіе похитители святаго подвига Генуезца Колумба, застали просвѣщеніе Америки уже въ минуту упадка и нанесли ему послѣдній ударъ; но оно погибло бы и безъ нихъ, потому что все, возникающее на почвѣ кушитскаго произвольнаго ученія, произвольно и обречено гибели. Времеупорная сила принадлежитъ міру преданія.

Почти такое же безплодное волненіе происходило въ то время и въ той области, откуда шиваитское ученіе съ его художественнымъ развитіемъ проникло въ Америку. Слѣды этого переселенія религіозныхъ ученій можно, какъ уже сказано, отыскать по всей длинной цѣпи океаническихъ острововъ по разнымъ обрядамъ по разнымъ формамъ поклоненія и особенно по морямъ. Ближе къ самой Индіи эти слѣды становятся яснѣе и несомнѣннѣе въ священномъ языкѣ *кави*.

Разысканія германскихъ ученыхъ объ этомъ почти исчезнувшемъ остаткѣ санскритскаго языка, нѣкогда посвященнаго религіозному служенію, можно считать однимъ изъ полезнѣйшихъ плодовъ современной науки. Они представили въ ясномъ свѣтѣ фактъ, котораго нельзя бы было доказать, и даже, можетъ быть, отгадать никакимъ инымъ путемъ. Впрочемъ *кави* былъ связанъ не съ шиваитствомъ, а съ мѣшанымъ брахманствомъ; онъ принадлежитъ, вѣроятно, къ позднѣйшей эпохѣ и только указываетъ на тѣ пути, по которымъ раннее вліяніе и умственная колонизація шли изъ Индіи на востокъ и въ безконечность океанической пустыни. Слѣды же самой ранней эпохи отыщетъ безъ сомнѣнія сравнительное языкознаніе въ сличеніи *тонга* и другихъ нарѣчій съ индустанскими нарѣчіями, не принадлежащими къ иранской семьѣ; ибо никогда не должно упускать изъ вида двойственнаго состава всего индустанскаго міра какъ въ племенномъ, такъ и въ народномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Разысканія объ языкѣ тонга также принесли безконечную пользу, доказавъ несомнѣнно тождество полинезійскихъ и океаническихъ племенъ, слѣдовательно ихъ забытыя миграціи и нѣкогда су-

ществовавшее, но постоянно упадавшее и тому лѣтъ сто совершенно погибшее мореходство. *) Та же самая истина выходитъ явно и изъ преданій мѣстныхъ и изъ того важнаго, но слишкомъ мало замѣченнаго факта, что племя первыхъ жителей на островѣ Пасхи исчезло и замѣнено другимъ уже послѣ открытія этого острова Европейцами. Не понятно, какъ скудное мореходство дикарей могло отыскать этотъ островъ, точку, незамѣтную въ безпредѣльности Тихаго океана и удаленную на огромное разстояніе отъ всякой обитаемой земли *); но оно такъ было, и догадливая наука должна понять, что мы, избалованные вещественнымъ просвѣщеніемъ, уже не можемъ себѣ ясно представить ни отважности, ни инстинктивной сметки младенчествующихъ народовъ.

Индустанъ. Вѣка его паденія.

Въ Индустанѣ всѣ явленія жизни были тѣсно связаны съ идеями религіозными. При распаденіи и разрывѣ міра религіознаго должны были распадаться самыя общества и государства, явленія міра политическаго, подчиненнаго высшимъ законамъ вѣрованія и философскаго мышленія, возведеннаго въ вѣру. Индія представляетъ намъ странное и единственное зрѣлище страны, издавна просвѣщенной, издавна богатой литературою во всѣхъ отрасляхъ и художествомъ, но не имѣющей не только исторіи, но даже сколько-нибудь связныхъ историческихъ преданій. Исключеніемъ являются отчасти Цейлонъ и Кашмиръ, двѣ крайнія оконечности индустанской страны, гдѣ оскудѣніе религіознаго интереса и, вѣроятно, вліяніе трезваго буддаизма произвели что-то похожее на лѣтопись, бросающую слабый свѣтъ на происшествія въ сосѣднихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, возсоздать древнюю исторію Индіи даже въ эпоху послѣ христіанства.

Труды ученыхъ Англичанъ, разбиравшихъ древнія надписи въ южной Индіи, остались впрочемъ не совсѣмъ безплодными. Многое прочтено, и наукѣ открылись нѣкоторые проевѣты въ темную глубину прошедшаго. *)

Съ помощію тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми уже овладѣла критика, можно только сказать, что лучшія историческія столѣтія для Индіи, именно первыя столѣтія нашего лѣтосчисленія, были сильно подчинены вліянію буддаизма. Этотъ безспорный фактъ можно уже вывести изъ ничтожности границъ, отдѣлявшихъ въ то время касту отъ касты; ибо многія и самыя громкія имена царей, владѣвшихъ всею сѣверною Индіею, принадлежатъ къ низшимъ кастамъ, къ вайсіямъ и даже судрамъ. Не должно однакоже искать эпохи, въ которой торжество буддаизма было бы полное.

Въ эту ошибку впадаютъ многіе, если не всѣ, критики и отъ того безпрестанно сбиваются на ложные пути и ложные выводы.

Буддаизмъ въ своей родинѣ, Индіи, имѣлъ очевидно такое же значеніе, какъ и въ Китаѣ. Онъ всегда стремился къ преобладанію, но никогда не достигалъ цѣли своей вполнѣ. Онъ находился въ противоположности съ брахманствомъ, такъ же какъ съ конфуціанствомъ въ Китаѣ, былъ терпимъ, иногда даже первенствовалъ, но никогда не торжествовалъ окончательно и не могъ ни вытѣснить, ни побороть своихъ противниковъ. Впрочемъ его внутреннее противорѣчіе съ брахманствомъ было сильнѣе, чѣмъ съ государственною философіею, замѣняющею религію въ Китаѣ. Противъ него должны были враждовать и враждовали гордость и выгоды высшихъ кастъ, особенно же брахмановъ, и окончательный кровавый разрывъ былъ неизбѣженъ. Трудно опредѣлить, когда и по какому поводу онъ произошелъ. Хронологическія вѣроятности относятъ его къ концу четвертаго или къ пятому вѣку послѣ Р. Х. *) По крайней мѣрѣ къ этой эпохѣ принадлежитъ сильное выселеніе буддаистовъ изъ Индіи, указывающее на гоненія, претерпѣнныя ими отъ брахмановъ. Какъ бы то ни было, но прежнее мнѣніе о быстромъ и совершенномъ торжествѣ брахмановъ въ это время уже обличено въ ошибкѣ. Борьба продолжалась долго, и гибель буддаизма была не мгновеннымъ паденіемъ, слѣдствіемъ одной какой-нибудь войны, но постепен-

нымъ замираніемъ, продолжавшимся въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ. Еще въ X-мъ, XI-мъ и едва ли не до XIII-го в. видны слѣды буддизма на востокѣ Индустана, но они слабѣютъ и исчезаютъ постоянно. Это паденіе, бывшее сначала очевидно слѣдствіемъ насилія, связано было впослѣдствіи съ огрубѣніемъ самаго народа, съ усиліемъ суевѣрія, любящаго блескъ и обрядную пышность искаженнаго брамманства, и съ внутреннимъ обезсмысленіемъ буддаизма, переходившаго въ Индіи, какъ и въ Китаѣ, изъ высокой своей философской области въ темное и грязное поклоненіе талисману и фетишу. Буддаизмъ удалялся отъ постояннаго напора брахманства и искалъ, какъ видно, убѣжища по оконечностямъ и окраинамъ Индустана. Такъ видимъ мы, что горы Кашмира, южныя Гауты и прибережье Гангеса населяются поклонниками Гаутамы. Преслѣдуемые неутомимою враждою торжествующихъ соперниковъ, они, наконецъ, оставляютъ навсегда свою родину. Сѣверные бѣглецы спасаются въ Тибетъ, южные удаляются въ Цейлонъ и за моря; долѣе всѣхъ остаются буддаисты гангесскаго прибережья, опираясь, вѣроятно, на единовѣрцевъ загангесскаго полуострова. Наконецъ и тѣ удаляются въ область теперешнихъ Бирманцевъ, гдѣ они соединяются съ бѣглецами южной Индіи и кладутъ твердое основаніе тому искаженному буддаизму, который и теперь сохраняетъ еще свою формальную силу, утративъ свое духовное значеніе и обратившись въ нестройное смѣшеніе безсмысленныхъ обрядовъ.

Таковъ былъ ходъ борьбы двухъ вѣрованій въ Индустанѣ, духовнаго брахманства, слившагося вполнѣ съ человѣкообразнымъ вишнуизмомъ и съ вещественнымъ шиваизмомъ и буддаизма, который, какъ уже сказано, былъ не что иное какъ реформа древняго шиваитскаго протестантства.. Брахманство восторжествовало. Побѣжденный буддаизмъ перемѣнилъ во многомъ судьбу средней Азіи и дальняго Востока; но во время самой борьбы внутри Индустана не основалось ни одно могучее царство, которое бы могло достигнуть истинно историческаго значенія. Сколько можно судить по тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя наука могла до сихъ поръ почерп-

нуть изъ мѣстныхъ преданій, изъ скудныхъ разсказовъ иноземныхъ путешественниковъ и изъ недавно разобранныхъ надписей, Индія дѣлилась на двѣ народныя и государственныя системы съ весьма неопредѣленными границами, по прежнему исконному раздѣленію, на индустанскую систему (сѣверную) и на деканскую (южную). Обѣ были опять подраздѣлены на множество мелкихъ и независимыхъ областей, которыя то соединялись непрочными союзами, то вели между собой кровавыя распри. Иногда являлись люди съ сильнымъ духомъ или съ военными способностями, и тѣ, взявъ временное первенство надъ сосѣдями или дѣйствительно расширивъ далеко предѣлы своихъ родныхъ владѣній, величались *магараджами*, великими царями или владѣтелями всего Индустана. Но это громкое названіе никогда не было заслужено вполнѣ, и по большей части гордыя притязанія, то переходящія отъ одной области въ другую, то передаваемыя по наслѣдству цѣлымъ рядомъ владѣтелей въ одной какой-нибудь области, не стремились даже оправдать себя на дѣлѣ. Важнѣе царскихъ лицъ были въ то время проповѣдники религіозныхъ ученій. Изъ нихъ многіе достигли истинно историческаго значенія; и хотя трудно опредѣлить ихъ существованіе въ строго хронологическомъ порядкѣ или даже отдѣлить подлинные разсказы объ ихъ жизни отъ миѳическихъ или сказочныхъ прикрасъ, можно однакоже утвердительно сказать, что ихъ слова и воля бросали народы сѣверной Индіи на югъ и южной на сѣверъ для окончательнаго уничтоженія ненавистныхъ буддаистовъ. Впрочемъ вообще замѣтно (хотя есть примѣры и противному), что главная сила брахманства держалась на сѣверѣ и что югъ, опираясь на цейлонскихъ буддаистовъ, сильнымъ своимъ богатствомъ и неприступностью острова, отстаивался довольно долго отъ напора брахмановъ.

Вѣроятно, большее преобладаніе шиваитства на югѣ и память о прежнемъ братствѣ его съ буддаизмомъ (доселѣ не понятая критикою) помогали также буддаистамъ въ ихъ борьбѣ противъ брахмановъ.

Весь Индустанъ, съ его раздѣленіемъ на системы государственныя, съ его независимыми раджами и съ вѣчно продолжавшимися притязаніями котораго-нибудь изъ раджей на прозваніе и власть магараджи, представлялъ нѣчто похожее на позднѣйшую Россію въ эпоху ея удѣльныхъ смутъ; но ни въ политическихъ, ни въ бытовыхъ, ни въ религіозныхъ ея стихіяхъ не было ничего, что̀ могло бы основать крѣпкое и плодотворное единство. Стихія государственная была уничтожена по своей подчиненности высшему значенію жреческой касты. Стихія народная была точно такъ же ничтожна по своей разностихійности, ибо народонаселенія сѣвера, юга и горъ, пересѣкающихъ Индустанъ, различныя еще въ наше время, должны были представлять еще болѣе различія въ древности; наконецъ, преобладающая надъ другими и созидающая нѣчто похожее на единство, стихія религіозная была въ дѣйствительности такъ же ничтожна, какъ и всѣ остальныя. Брахманство, принявъ въ себя враждебный шиваизмъ и мелкій безсмысленный вишнуизмъ, перешло въ несвязный синкретизмъ ученій, кое-какъ скрытый призракомъ тождества боговъ въ ихъ общей основѣ—непроявленномъ божествѣ. Это насильственное примиреніе непримиримыхъ началъ отнимало у религіи всю ея внутреннюю силу и слѣдовательно всякую возможность развитія. Она должна была постоянно грубѣть и унижаться до безсмысленнаго многобожія, заключеннаго въ обрядахъ и заклинаніяхъ. Съ другой стороны, разумъ человѣческій, безспорно богатый въ Индіи и рано развитый наукою и художествомъ, долженъ былъ постоянно освобождаться отъ формы религіозной и созидать системы философскія, въ которыхъ старался онъ осмыслить слова ученія, все болѣе и болѣе терявшія свое первоначальное значеніе. Но многобожіе Индустана лежало на глубоко разумныхъ (хотя и противоположныхъ другъ другу) основахъ; поэтому и философія не могла никогда освободиться отъ религіи, такъ какъ она освободилась отъ мелкаго синкретизма эллинскаго. Сверхъ того, наука принадлежала высшимъ сословіямъ, которыхъ вещественныя выгоды были обезпечиваемы и охраняемы религіозными миѳами; необходимымъ

послѣдствіемъ этихъ отношеній было безсиліе самой философіи, несмотря на безконечную умственную силу, замѣтную въ произведеніяхъ философскихъ школъ Индустана. И въ этомъ тяжкомъ и болѣзненномъ бореніи началъ, равно неспособныхъ на созданіе какого-нибудь могущаго цѣлаго, тратилась духовная и общественная жизнь Индустана. Она продолжала волноваться, но она замирала въ этомъ безплодномъ волненіи. Первая эпоха индустанской древности была борьба между Сѣверомъ и Югомъ, между иранскимъ брахманствомъ и кушитскимъ шиваизмомъ. На помощь побѣжденному брахманству явился человѣкообразный вишнуизмъ, созданіе бактро-славянской семьи, и Сѣверъ побѣдилъ; но за побѣдою наступило религіозное смѣшеніе, и брахманство и вишнуизмъ слились съ шиваитствомъ. Паденіе народа было неизбѣжно, но оно отсрочилось на многіе вѣка. Духовная и въ то же время отрицательная сторона шиваитства, буддаизмъ, не нашла и не могла найти мѣста въ новой синкретистической системѣ: она отдѣлилась и получила самостоятельное значеніе. Ея борьба съ мѣшанымъ брахманствомъ дала смыслъ и жизнь послѣдующимъ столѣтіямъ. Торжество брахманства было въ то же время его смертнымъ приговоромъ, ибо въ немъ не было ни разумнаго существа, ни силы для созданія новыхъ живыхъ началъ. Дѣйствительная исторія Индіи кончилась. Послѣдующіе вѣка были вѣка постепеннаго паденія и почти безпрестанныхъ бѣдствій. Ничего истинно великаго уже не создала она ни въ мірѣ быта общественнаго, ни въ мірѣ художества. Раздѣленіе кастъ дошло до отвратительныхъ и почти невѣроятныхъ крайностей; наука ограничилась комментаріями надъ прошедшею наукою, художество—изысканными и безвкусными подражаніями прошедшему художеству. Самые памятники древности были въ то время, безъ сомнѣнія, искажены расчетливыми подлогами брахмановъ, старавшихся увѣрить народъ въ древности новыхъ общественныхъ и религіозныхъ формъ, выдуманныхъ ихъ властолюбіемъ.

Отъ того-то происходятъ безпрестанныя противорѣчія въ показаніяхъ древней поэзіи объ отношеніи кастъ другъ къ другу и необ-

ходимость приступить къ разбору памятниковъ съ строгой недовѣрчивостью.

Съ тѣхъ поръ уже исторія Индіи получаетъ значеніе только по вліянію иноземныхъ народовъ на Индустанъ и по ихъ завоеваніямъ. Мирное христіанство давно уже проникло на берега Гангеса и до южной оконечности полуострова; когда именно, это трудно опредѣлить, но безспорно въ первыя уже столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія. Но христіанство, удерживаясь въ тѣсныхъ предѣлахъ и сохраняясь посредствомъ сношеній съ несторіанцами средней Азіи, Персіи и даже Сиріи, не могло расширить свою область. Несторіанство по внутренней слабости не способно къ могучему развитію, а Индустанъ, еще не переставшій питать вѣру къ своимъ прежнимъ богамъ, представлялъ трудное поприще для мирныхъ завоеваній иноземнаго вѣрованія. Иному ученію было предоставлено измѣнить всю судьбу Индіи и связать ея исторію съ исторіею другихъ народовъ. Страшная гроза собралась въ концѣ X-го вѣка на сѣверо-западномъ скатѣ Гинду-кху, въ области магометанъ Газневидовъ.

Абиссинія.—Борьба въ ней іудейства и христіанства.

Вообще можно сказать, что христіанство еще было недоступно большей части народовъ, до которыхъ доходила его проповѣдь. Персія, Индія и средняя Азія не приняла его, несмотря на многовѣковое существованіе христіанскихъ колоній. Но даже и тѣ народы, которые приняли христіанское ученіе внѣ предѣловъ Европы, доказали своею послѣдующею исторіею, что новое ученіе оставалось для нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ и случайнымъ, не проникавшимъ въ глубину ихъ духовной жизни. Многіе отступились отъ него при напорѣ магометанства; многіе, сохранивъ его, не умѣли развить его началъ ни въ общественномъ, ни въ духовномъ отношеніяхъ. Такова судьба страны, нѣкогда имѣвшей такое огромное вліяніе на всю судьбу человѣчества, страны бывшей нѣкогда колыбелью аналитическаго просвѣщенія и строительнаго художества, страны Кушъ при верховьяхъ Нила или его главныхъ притоковъ. Племена иранскія или семитическія проникли, какъ уже сказано,

изъ древнихъ временъ въ долину Нила и составили въ Египтѣ мѣшанное народонаселеніе.

Это видно изъ имени *Мицраимъ* (смѣшеніе) и изъ свидѣтельства Геродотова о томъ, что низшіе классы въ Египтѣ представляли многія особенности африканскихъ племенъ, между тѣмъ какъ высшіе почти ничѣмъ не разнились отъ сосѣдей своихъ въ юго-западной Азіи.

Точно такъ же проникли издревле, хотя позже чѣмъ въ Египетъ, племена азійскихъ Семитовъ и въ горную область Абиссиніи, гдѣ они смѣшались съ туземцами, безъ сомнѣнія принадлежавшими къ великой отрасли Кушитовъ, но спасенными строгимъ горнымъ воздухомъ отъ того искаженія наружной организаціи, которымъ опредѣляется африканское племя. Притокъ народовъ аравійскихъ и палестинскихъ въ Абиссинію усиливался все болѣе и болѣе. Прибережье великаго Нила, Нубія и Эѳіопія подпали власти всепобѣждающаго Рима и отчасти наслѣдницы его, Византіи; но народонаселеніе измѣнялось въ нихъ весьма незначительно какъ по малочисленности завоевательныхъ дружинъ и по кратковременному ихъ пребыванію на югѣ отъ египетскихъ границъ, такъ и по безпрестанному наплыву чистыхъ выходцевъ изъ африканскихъ пустынь. Горная твердыня Абиссиніи не подпадала чуждой власти; но, съ другой стороны, она наполнялась все болѣе и болѣе выходцами изъ южной Азіи, и ея народонаселеніе и языкъ отклонялись болѣе отъ древнихъ своихъ африканскихъ первообразовъ. Приливъ Евреевъ былъ такъ значителенъ, что они могли (вѣроятно съ помощью туземцевъ, обращенныхъ въ іудейство) основать независимое государство въ древнемъ Саманѣ. Съ другой стороны, черезъ Египетъ вроникло въ Абиссинію и христіанство. Оно мало-по-малу вытѣснило древнее язычество (котораго слѣды, впрочемъ, и теперь еще не вездѣ изгладились) и сдѣлалось преобладающею и почти единственною вѣрою Абиссинцевъ. Имъ окрѣпло царство, существовавшее уже издревле; имъ достигло оно до нѣкоторой значительности въ исторіи и могло распространить свои завоеванія да-

леко за предѣлы горной области. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, вело оно войны вообще довольно успѣшныя съ жителями юго-восточной Аравіи и даже могло на время основать въ ней колоніи и утвердить свою державу посредствомъ прочныхъ завоеваній. Завоеванныя области освободились снова при пробужденіи чисто-аравійскаго начала въ магометанствѣ, и впослѣдствіи Абиссинія съ трудомъ отстоялась отъ напора Магометанъ-побѣдителей; но около седьмого вѣка она была сильна внутри, грозна сосѣдямъ и извѣстна даже далекимъ государствамъ, искавшимъ ея союза. Христіанство проникло въ Абиссинію въ самыя первыя времена апостольской проповѣди (иначе и быть не могло по безпрестаннымъ сношеніямъ Абиссиніи съ Іудеею); утвердилось же оно, какъ преобладающее вѣроисповѣданіе, въ началѣ четвертаго вѣка. Но духъ народа не былъ, вслѣдствіе прежней заклинательной религіи, приготовленъ къ высокому значенію христіанства. Вѣра осталась дѣломъ внѣшнимъ, не проникла въ глубину мысли народной и не развилась богатыми плодами разумѣнія и жизни. Іудейское царство сражалось безпрестанно и не всегда безъ успѣха противъ христіанскаго. Соперники боролись въ Аравіи такъ же, какъ и въ самой Абиссиніи. Побѣда оставалась по большей части на сторонѣ христіанъ; но около десятаго вѣка внутреннее ослабленіе христіанскаго царства, потрясеннаго торжествомъ Магометанъ, вырвавшихъ всю Африку изъ рукъ христіанъ-Византійцевъ, упадокъ религіознаго духа вслѣдствіе несогласія Абиссиніи на халкидонскій и послѣдующіе соборы и общественные раздоры дали перевѣсъ Іудеямъ. Побѣжденные цари христіанскіе бѣжали въ Шоа, *) и въ продолженіе около 400 лѣтъ Іудеи владѣли почти всею горною областью Абиссиніи. Впослѣдствіи Иконъ-Амлакъ, изъ древняго царскаго рода, побѣдилъ снова своихъ соперниковъ, и побѣжденное іудейство исчезло мало-по-малу изъ области, въ которой оно жило въ продолженіе столькихъ вѣковъ; но народъ, не принявшій вполнѣ духа христіанскаго и далеко оторванный отъ сообщества съ христіанскимъ міромъ, стѣсненный Мусульманами съ сѣвера и восто-

ка, воинственными дикарями съ запада и юга, не достигъ уже и не могъ достигнуть великаго историческаго значенія. Счастливый еще тѣмъ, что отстоялъ свою независимость, онъ ожидаетъ новой жизни отъ сообщества съ великимъ міромъ европейской образованности для полнаго развитія своего духа, котораго энергія уже доказана такою тяжкою и многовѣковою борьбою.

Мусульманскій міръ: Омміяды и Аббасиды.

Міръ магометанскій, оторвавшій Абиссинію отъ общенія съ остальными христіанскими народами, слабѣлъ повидимому со дня на день. Его первое расширеніе было такъ быстро, его побѣды такъ постоянны, что ему, казалось, предопредѣлено было полное торжество надъ христіанствомъ. Слабость государствъ, основанныхъ Германцами, и необъятная сила ислама доказаны были паденіемъ Готовъ почти безъ боя передъ ничтожною залетною дружиною Аравитянъ, удаленныхъ цѣлою шириною африканскаго материка отъ своего аравійскаго центра. Лонгобардская Италія была очевидно такъ же ничтожна, какъ и готская Испанія. Безспорно сильнѣе обѣихъ была держава Франковъ, несмотря на внутренніе раздоры и слабость выродившейся династіи Меровинговъ. Мужество Карла Мартеля и торжество Франковъ надъ Аравитянами на поляхъ пуатьерскихъ спасли западную Европу; но самое это торжество, стоившее такихъ великихъ усилій и все-таки не вырвавшее всей южной Франціи изъ рукъ Мусульманъ *), доказывало, какъ мало былъ въ состояніи вещественный германскій міръ бороться противъ духовнаго могущества ислама. Борьба была возможна только тамъ, гдѣ вся сосредоточенная сила германскаго Запада встрѣчалась съ отдѣльнымъ и сравнительно ничтожнымъ ополченіемъ Аравитянъ и указывала на безконечное превосходство Аравіи. Очевидно, Европа и ея будущее величіе были спасены крѣпкимъ отпоромъ Византіи, встрѣтившей всю громаду ислама, весь пламенный натискъ его свѣжихъ, молодыхъ и восторженныхъ силъ. Неспособная уже къ завоеваніямъ, восточная Имперія доказала всю не-

сокрушимую крѣпость эллинскаго просвѣщенія, сплотившагося въ государственныхъ формахъ, созданныхъ Римомъ; но заслуга Византіи не была никогда признана и до сихъ поръ не признается гордымъ Западомъ, спасеннымъ Византіею и всегда ругавшимся надъ своею спасительницею. Наступило и для ислама время внутренняго разслабленія. Государство въ лицѣ Моавіи восторжествовало надъ общиною духовною. Халифъ утратилъ часть своей первоначальной святости, въ которой заключалась главная опора его случайной власти; правда, что онъ пріобрѣлъ, можетъ быть, большую власть государственную и далъ державѣ своей болѣе твердую администрацію, но эти чисто-вещественныя пріобрѣтенія не замѣняли утраты духовнаго значенія. Потомки Алія и его рода, представители первоначальной религіозной мысли, были постояннымъ упрекомъ для властолюбивыхъ Омміядовъ, иногда предметомъ жестокаго гоненія, иногда сочувствія, иногда такого глубокаго уваженія, что Омаръ II-й хотѣлъ имъ отдать престолъ, который онъ полагалъ ихъ законнымъ достояніемъ.

Едва ли какая-нибудь царская династія можетъ представить лица столь чистыя въ нравственномъ отношеніи, какъ нѣкоторые изъ первыхъ халифовъ. Такъ, напр., этотъ Омаръ, владыка безконечнаго царства отъ береговъ Инда до Атлантики, довольствовался для своего домашняго расхода суммою, которою пренебрегъ бы даже небогатый частный человѣкъ. Все лишнее шло на милостыню. Одна жена была подругою магометанина, которому законъ разрѣшалъ многоженство. Рогожа и подушка, набитая шерстью, были единственною роскошью его царской палаты. Отравленный, какъ кажется, родственниками, онъ отвѣчалъ приближеннымъ, предлагавшимъ ему врачебную помощь: «Къ чему мнѣ лѣчиться? Развѣ не благъ мой Богъ, да пойду къ Нему?» а тѣмъ, которые предлагали ему отыскать отравителей, онъ отвѣчалъ: «Я не хочу ихъ знать, чтобы не быть въ необходимости ихъ казнить.» Многіе другіе халифы были подобны этому царственному отшельнику; но самыя ихъ добродѣтели были несовмѣстны съ новымъ государственнымъ значеніемъ халифата.

Распаденіе халифата.

Въ половинѣ VIII-го вѣка династія Омміядовъ пала. На престолъ взошелъ домъ Аббасидовъ, связанныхъ родствомъ съ основателемъ ислама, но не имѣвшихъ никогда такого духовнаго значенія, какъ Аліевы потомки. Новая и крѣпкая династія стала покровительствовать художествамъ и просвѣщенію, раздвигать на востокъ предѣлы государства (ибо торжествующія войска аравійскія доходили до предѣловъ Азіи и рѣшали судьбу Китая) и стѣснять слабѣющую Византію; но всѣ эти побѣды и слава, принадлежность нѣсколькихъ великихъ государей, Альмансура, Гаруна и др., царствовавшихъ другъ за другомъ, не вносили никакого новаго начала жизни въ слабѣющую державу: за непродолжительнымъ блескомъ (отъ половины VIII-го до половы IX-го столѣтія) наступило время упадка. Изъ прежняго дома халифовъ, перебитаго Аббасидами, спасся молодой Абдеррахманъ, бѣжалъ въ Испанію; и Испанія, оторванная отъ халифата, начала съ половины VIII-го столѣтія подъ правленіемъ Омміяда новую государственную жизнь, не скоро побѣжденную всѣми усиліями западной Европы. Около конца того же столѣтія мнимый потомокъ Алія основалъ независимое государство на западной оконечности Африки подъ правительствомъ династіи, принявшей отъ родоначальника своего названіе Эдризидовъ. Въ началѣ IX-го столѣтія, рядомъ съ царствомъ Эдризидовъ феццанскихъ, возстало въ Каирванѣ царство свирѣпыхъ и воинственныхъ Аглабитовъ, прославленныхъ завоеваніемъ большей части сѣверной Африки, Сициліи, гдѣ они надолго утвердили власть ислама, Сардиніи и многихъ городовъ южной Италіи и счастливыми набѣгами на окрестности Рима и Неаполя, гдѣ они часто находили союзниковъ въ мелкихъ владѣльцахъ свѣтскихъ и даже въ епископахъ *), уже забывшихъ духъ и смыслъ христіанства. Въ концѣ IX-го столѣтія богатый Египетъ былъ вырванъ изъ рукъ Аббасидовъ Тулунидами, потомками турецкаго раба, завоевавшими также Палестину и часть южной Сиріи. Наконецъ въ началѣ IX-го столѣтія возникла знаменитая династія Фатимидовъ. Къ концу того же столѣтія она уже покорила всѣ за

падныя области магометанскаго міра, кромѣ Испаніи, нанесла тяжелые, удары христіанамъ нѣсколько оттѣснившими Аглабитовъ въ Италіи и Сициліи, покорила Египетъ и часть Сиріи, уничтожила или подчинила своей верховной власти мелкія династіи въ западной Африкѣ и противопоставила древнему халифату и исламизму при-евфратскому новое ученіе, отличавшееся особенною духовностью и таинственностью, и новый халифатъ, соединившій въ себѣ притязанія религіозныя съ властью государственною. Въ то же время около столицы халифовъ изъ смѣшенія исламизма и христіанства возникали другія ученія, нестройныя и безумныя, но исполненныя страстнаго восторга (таково, напр., ученіе дикихъ *Карматовъ* *), противъ которыхъ халифатъ едва могъ отстоять свое существованіе). На берегахъ Тигра и въ среднемъ Иранѣ Тагериды властвовали въ IX-мъ вѣкѣ независимо, то признавая, то отвергая первенство Аббисидовыхъ потомковъ. Еще далѣе на востокъ къ концу IX-го вѣка Саффариды основали сильное царство, захватившее весь восточный Иранъ, сѣверо-западную окраину Индіи и часть пустынь на востокѣ отъ Каспія, нѣкогда населенныхъ славяно-бактрійскими Саками и Гетами, но въ то время уже наполненныхъ тюркскими выходцами изъ средней Азіи. Около Каспійскаго моря и на западъ властвовали независимо мелкія династіи Дилеймитовъ и Гамаданидовъ. Вскорѣ Саффаридовъ вытѣснили просвѣщенные и мудрые Саманиды; въ десятомъ же вѣкѣ Буиды, уничтоживъ или подчинивъ себѣ всѣхъ мелкихъ властителей при Евфратѣ и Тигрѣ, поработили самихъ халифовъ, а въ юго-восточномъ Иранѣ возстала династія Газневидовъ, основанныхъ великимъ Махмудомъ, родомъ изъ Турокъ, завоевателемъ Индустана и покровителемъ ново-персидской словесности. Такъ распалось все государственное зданіе, воздвигнутое первыми преемниками Мухаммеда.

Процвѣтаніе мусульманскихъ областей; проявленіе въ нихъ мѣстныхъ стихій.

За всѣмъ тѣмъ эта эпоха государственнаго паденія не была еще эпохою паденія для самого ислама. Правда, что ото-

рвавшаяся отъ Востока Испанія могла уже предвидѣть окончательное торжество христіанства; ибо Мусульмане, сперва изгнанные Карловингами изъ Франціи, потомъ отодвинутые ими же отъ Пиренеевъ, были принуждены уступать шагъ за шагомъ новымъ княжествамъ, основаннымъ въ сѣверной горной области воинственными туземцами, смѣсью, составленною изъ Готовъ, Франковъ, полу-римскихъ потомковъ римскихъ колонистовъ и изъ остатковъ древнихъ иверскихъ старожиловъ: правда, что въ южной Италіи Аравитяне уступали мало-по-малу завоеванія, сдѣланныя Аглабитами, временному превосходству Византійцевъ и даже были почти совершенно изгнаны изъ Сициліи въ началѣ XI-го вѣка мужественнымъ Маніякомъ *); правда, что великіе византійскіе полководцы, какъ Іоаннъ Курквасъ, и цари, которыхъ воинственная слава заслуживала бы быть сохраненною въ памяти народовъ не менѣе славы дикихъ германскихъ завоевателей и ихъ рыцарскихъ потомковъ (какъ, напр., Василій, Никифоръ и Цимисхій), нерѣдко проникали далеко за Евфратъ, вытѣсняли Аравитянъ изъ сѣверо-западной Сиріи и обращали князей и эмировъ сарацинскихъ въ подданство Имперіи; но міръ ислама, утративъ свое единство и слѣдовательно внѣшнюю силу, еще далеко не утрачивалъ своей силы внутренней. Испанія цвѣла богатствомъ, роскошью, художествомъ, наукою и блескомъ рыцарской доблести. Сѣверная Африка и Египетъ, разоренные и погруженные въ нищету и темное невѣжество въ эпоху ближайшую къ нашему времени, тогда цвѣли и благоденствовали при великихъ Фатимидахъ. Богатство Сициліи послѣ ея завоеванія Аглабитами напоминало счастливую эпоху эллинскаго владычества и свободы сиракузской и агригентинской. Вездѣ пустыня наполнялась новыми цвѣтущими городами, покрывалась веселыми садами, красилась великолѣпными дворцами и мечетями; умственная жизнь развивалась съ новымъ блескомъ и силою, передавая часть своихъ богатствъ и своего движенія загрубѣлому и мертвому Западу. Еще сильнѣе и плодотворнѣе была внутренняя дѣятельность ислама на Востокѣ. Борьба съ Византіей, въ которой Мусульмане послѣ своихъ первыхъ по-

бѣдъ были такъ часто побѣждаемы, внушила имъ почтеніе къ непріятелю, которымъ они долго пренебрегали за его изнѣженность и роскошь. Воспріимчивый духъ Аравитянина понялъ всю красоту памятниковъ, которыми еще усѣяны были завоеванныя имъ области при берегахъ Нила и Средиземнаго моря; онъ понялъ всю прелесть искусства, всю возвышенность науки; онъ понялъ отчасти даже достоинство христіанства (это замѣтно изъ многихъ писателей магометанскихъ и (изъ разсказовъ о халифахъ Фатимидахъ); но къ несчастію онъ не могъ понять всего его величія, скрытаго въ развратѣ и порокахъ христіанъ. Аравитянинъ сдѣлался ученикомъ побѣжденныхъ имъ Византійцевъ: онъ сталъ призывать къ себѣ ученыхъ изъ восточной Имперіи, оказывать почести тѣмъ, которые еще уцѣлѣли въ странахъ, уже покоренныхъ имъ, собирать, скупать, списывать и переводить рукописи; онъ сталъ учиться не только у современниковъ, но и у великихъ двигателей древней науки. Имена Платона и Аристотеля сдѣлались для него предметомъ поклоненія разумнаго, но страстнаго почти до суевѣрія, и это поклоненіе спасло много обломковъ древняго просвѣщенія для позднѣйшей науки, и лучи эллинскаго знанія озарили далекій Востокъ, можетъ быть, даже тѣ области, въ которыя оно еще не проникало даже во время побѣдъ Македонца. Съ наукою вмѣстѣ воскресло и искусство; но разумъ народовъ восточныхъ понялъ рабство науки, связанной предѣлами существующаго, и свободу художества, вызывающаго несуществующее къ бытію. Довольствуясь ученіемъ и подражаніемъ въ наукѣ, которой область они не могли или не успѣли расширить, они открыли новые пути въ искусствахъ, доступныхъ Мусульманину въ зодчествѣ и поэзіи (ибо ваяніе и живопись были запрещены его закономъ, обличающимъ свою вещественность въ робости, съ которой онъ избѣгаетъ подражанія вещественной природѣ). Прекрасныя произведенія ихъ своеобразнаго и фантастически-затѣйливаго зодчества, отличающагося легкостью очерковъ, разнообразіемъ и богатствомъ подробностей, свидѣтельствуютъ и въ наше время о живомъ развитии воображенія и художественнаго вкуса, про-

бужденныхъ въ Аравитянахъ соприкосновеніемъ ихъ съ Византіей и, можетъ быть, съ остатками древней Персіи и Индустана. Въ одно время съ зодчествомъ расцвѣла и поэзія: героическое настроеніе души, религіозный восторгъ и роскошное стремленіе къ художественной красотѣ вылились въ одѣ и эпосѣ, исполненныхъ какой-то юной силы и величія, напоминающаго первые вѣка поэтической Эллады или Индіи. Таково было блистательное развитіе умственное въ мірѣ мусульманскомъ, несмотря на безпрестанные войны, раздоры, набѣги, на шумъ войны и разгаръ страстей. Еще страннѣе и неожиданнѣе въ этой боевой тревогѣ поражают человѣка, не изучившаго исторію всего человѣчества, современныя свидѣтельства о процвѣтаніи промышленности, объ изысканной роскоши жизни, объ усовершенствованіи торговыхъ путей, о частыхъ и быстрыхъ сообщеніяхъ между отдаленнѣйшими странами и о смѣлыхъ и предпріимчивыхъ путешественникахъ; но тотъ, кто вникъ въ смыслъ исторіи, не удивляется этимъ явленіямъ, повидимому рѣзко противорѣчащимъ другъ другу. Тамъ, гдѣ живъ духъ, жизнь кипитъ во всѣхъ его проявленіяхъ и во всемъ многообразіи общественнаго организма. Исламъ еще не совершилъ своихъ путей и не обличилъ себя въ безысходной лжи. Человѣчество еще черпало въ немъ вдохновеніе и надежду: оттого-то и области его цвѣли богатствомъ вещественнымъ и духовнымъ, несмотря на вѣчную войну, а эти самыя области (Испанія, Персія, Африка, Сицилія и др.) въ наше время въ рукахъ тѣхъ же Мусульманъ и христіанъ обратились, несмотря на долгій міръ, въ пустыню для глаза и въ пустыню для души. Безчувственная дремота убійственнѣе меча для народовъ и для человѣчества.

Въ новой жизни, данной міру исламомъ, казалось, не было никакой связи съ прошедшимъ; тѣмъ болѣе замѣчателенъ фактъ, рѣзко выступающій изъ безпристрастнаго изученія магометанскаго просвѣщенія. Первый налетъ Аравійцевъ сломилъ всѣ мѣстныя сопротивленія; первымъ дѣйствіемъ ихъ власти было всеобщее уравненіе и уничтоженіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей, въ преобладаніи аравійскаго начала, въ

крѣпкомъ единствѣ ислама. Въ скоромъ времени стали освобождаться мѣстныя начала. Великая держава распалась; возникли мелкія государства, проникнутыя ученіемъ Аравіи, но въ то же время проявляющія въ себѣ особенности прежней мѣстной жизни. Крѣпость и, такъ сказать, неумирающая жизненность историческаго и народнаго преданія выказались вполнѣ. Прежнія границы, сглаженныя Римомъ, снова сглаженныя аравійскимъ завоеваніемъ, выступили снова на свѣтъ, и въ этихъ границахъ проявились не требованія физической географіи, но слѣды старины, давно прошедшей и въ то время давно забытой. Такъ, въ Испаніи, на почвѣ нѣкогда славившейся римскимъ просвѣщеніемъ, погибшимъ почти безъ слѣда въ готскомъ нашествіи, просвѣщеніе возникло снова гораздо сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ областяхъ Африки, искони упорныхъ въ своей кочевой дикости, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же областяхъ торговля и мореплаваніе, нѣкогда процвѣтавшія при финикійскихъ колонистахъ, возникли снова не безъ блеска.

Наука не чуждалась и африканскаго приморья во время Римлянъ и Эллиновъ, но она была только скуднымъ достояніемъ городскихъ жителей и никогда не пускала глубокихъ корней. Впрочемъ, во время цвѣтенія ислама даже туземные языки, пробужденные истинно-человѣческимъ духомъ Аравіи, возвысились до литературнаго значенія. До насъ дошли остатки письменности Берберовъ или Амазирговъ;*) эти начала погибли скоро, но и тутъ, какъ почти во всемъ другомъ, видно превосходство Аравитянина передъ Германцемъ.

Такъ въ Египтѣ науки получили большее развитіе, чѣмъ въ остальной Африкѣ и даже чѣмъ въ Испаніи, представляя тотъ же характеръ таинственности и стремленія къ раскрытію вещественныхъ силъ невидимаго міра, которымъ отличались старый Египетъ фараоновъ, гноза и неоплатонизмъ эллинской и эллино-римской эпохи, и то же стремленіе къ практическимъ приложеніямъ, которое видно въ древнихъ гидравлическихъ работахъ временъ почти доисторическихъ. Почти такой же характеръ замѣтенъ и въ Сиріи. Но во всѣхъ этихъ обла-

стяхъ, болѣе или менѣе получившихъ свои первыя умственныя начала отъ Кушитовъ, жила только наука, безъ сомнѣнія облеченная въ слово, но только какъ въ необходимую оболочку мысли, и эта наука осталось въ состояніи рабства или подчиненности наукѣ древнѣйшей. Нѣсколько болѣе самостоятельности получила только математика и еще болѣе астрономія.

Причина этому явленію довольно ясна, хотя едва была замѣчена до сихъ поръ. Истинною религіей древняго эллинскаго міра было собственно человѣкопоклоненіе (антрополатрія). При такой религіи человѣкъ и тотъ маленькій шарикъ, на которомъ онъ вертится около солнца, получали слишкомъ великое значеніе, и поднятый кверху взоръ не хотѣлъ и не могъ понимать тѣхъ безконечныхъ пространствъ, въ которыхъ слишкомъ яснымъ становится ничтожество человѣка и его земли. Олимпъ исключалъ возможность неба и по необходимости ограничивалъ науку, хотя наука давно уже его отвергла. Оттого-то погибло высокое знаніе о движеніяхъ земли-планеты около неподвижнаго солнца, полученное Пиѳагоромъ отъ жрецовъ Востока, и небознаніе оставалось въ состояніи дѣтства сравнительно не только съ другими науками Эллады, но даже съ астрономіей другихъ менѣе просвѣщенныхъ народовъ; это видно изъ превосходства древнихъ восточныхъ цикловъ передъ эллинскимъ. Исламизмъ раздвигалъ предѣлы міра и человѣческаго духа. Небеса становились шире и свободнѣе. Астрономія Аравитянъ могла открыть и открыла себѣ новые пути.

На Востокѣ жизнь явилась сильнѣе и разнообразнѣе. Тамъ была древняя земля иранская, древнее преданіе живаго слова. И тутъ развилась наука, и развилась богаче, чѣмъ на Западѣ.

Такъ напр., Авицена (Ибнъ-сина)*), признанный въ позднѣйшее время свѣтиломъ мудрости мусульманской на Западѣ, считался далеко не первымъ изъ пяти ученыхъ, которые посланы были шахомъ ховарезмскимъ вмѣсто дани ко двору великаго Махмуда газневійскаго.

Но кромѣ науки на Востокѣ проснулось и художество слова, и проснулось именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ издревле

шло наслѣдственное просвѣщеніе отъ доисторической Бактріи черезъ эпоху зендской реформы и эллино-бактрійскаго царства до нашествія аравійскаго. Давно уже исчезли или выселились или перемѣшались съ другими племенами коренные жители восточнаго Ирана, Бактро-Славяне; но кроткій духъ этого племени, любившаго всякое просвѣщеніе, вѣялъ надъ страною, въ которой они жили, и надъ народами, въ которыхъ текла еще ихъ кровь и отзывалась ихъ давно забытая жизнь. При дворѣ Сассанидовъ расцвѣла поэзія, уже не связанная съ аравійскимъ началомъ, но свободная, самостоятельная, говорящая языкомъ народа. При дворѣ Газневидовъ Фердоуси въ своемъ Шахъ-Наме воскресилъ память о древнемъ героическомъ мірѣ Персіи, и языкъ, изъ котораго онъ выгонялъ сколько возможно примѣсь аравійскаго слова, сдѣлался впослѣдствіи языкомъ всей Персіи. Такъ древній міръ отзывался въ просвѣщеніи новаго магометанскаго міра: мѣстныя начала оживали съ силою только тамъ, гдѣ они нѣкогда жили крѣпкою, самобытною жизнью.

Въ другихъ областяхъ или совсѣмъ не было поэзіи, или она оставалась чистымъ отзывомъ завоевательной Аравіи и связанною съ ея языкомъ.

Точно такъ же древній міръ отзывался и въ явленіяхъ государственной исторіи. Испанія отдѣлилась отъ Африки, въ Африкѣ новыя царства охватывались границами, весьма близкими къ границамъ старыхъ погибшихъ царствъ. Египетъ получалъ снова свое великое значеніе, Аравія снова впадала въ свое государственное ничтожество. Сирія, бывшая долгое время центромъ халифата, теряла свое случайное первенство и попрежнему обращалась въ черезполосное владѣніе, дробимое между Египтомъ и новыми заевфратскими государствами. Наконецъ Персія, уничтоженная Аравитянами и стертая съ лица земли, воскресала снова и брала прежнее свое мѣсто между народами Востока. Большая часть новыхъ династій вышли изъ персидскаго племени; многіе хвалились происхожденіемъ отъ прежней династіи персидскихъ Сассанидовъ;

которые сами считали себя только продолженіемъ древнихъ Кеанидовъ.

Это видно изъ многихъ свидѣтельствъ и между прочимъ изъ показаній Китайцевъ во время Сассанидовъ, что въ столицѣ Азовъ *) (*Аланъ-ми*) царствуетъ государь изъ рода *Као-ву*, очевидно *Кайкавуса* (едва ли не *Камбиза*).

Персія.—Газневиды.—Завоеваніе Индіи мусульманами.

Древній Иранъ мидо-персидскій былъ еще разорванъ на части соперничествомъ болѣе или менѣе ничтожныхъ династій (Дилеймитовъ, Гамаданидовъ, Буидовъ, Саффаридовъ и др.), но онъ стремился снова слиться въ государственное единство, и это единство было даже на время возстановлено кроткою, но слишкомъ недолговѣчною династіей Саманидовъ. Многое еще грознѣйшее должно было пронестись надъ Персіей прежде ея возрожденія.

Внѣшняя завоевательная дѣятельность ислама должна была ослабнуть послѣ распаденія халифата; внутренняя, какъ уже сказано, развивалась съ неожиданнымъ блескомъ, несмотря на смуты и междоусобія; но и внѣшняя была не совсѣмъ убита. Саффариды, а еще болѣе Саманиды, распространили власть свою на сѣверо-востокѣ за предѣлы древней Персіи и подчинили себѣ многія турецкія племена. Правда, что въ первые вѣка аравійской силы еще гораздо далѣе ходили дружины халифовъ (напр., войска Аль-Мансура доходили до столицы Китая *); но власть Саманидовъ была положительнѣе и вліяніе ихъ на турецкое племя сильнѣе.

Свидѣтельство важности державы Саманидовъ и безпрестанныхъ сношеній съ нею народовъ на сѣверо-востокъ, сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Каспія находится уже и въ томъ, что большая часть монетъ, находимыхъ по волжскому торговому пути и на его крайнихъ предѣлахъ около Казани, Новгорода, на берегахъ Балтійскаго моря, въ Швеціи и Вендскомъ приморьѣ, принадлежатъ Саманидамъ. Есть при нихъ и монеты первыхъ временъ халифата; но изъ того, что монеты Саманидовъ многочисленнѣе всѣхъ другихъ, можно заключить,

что главное торговое движеніе по Волгѣ шло отъ востока и отъ пригималайскихъ областей и слѣдовательно должно было усилиться во время усиленія и новой самостоятельности восточнаго Ирана. Впрочемъ смѣшно бы было предположить, что это торговое движеніе началось съ эпохи аравійскихъ завоеваній. Въ первые вѣка Аравитяне не думали еще о торговлѣ и могли только вступить въ путь, уже издавна проложенный другими народами. Дѣйствительно, волжскій торговый путь современенъ самому началу историчеекихъ вѣковъ; но торговля долго производилась размѣномъ, а не монетою, и не могла оставить по себѣ такихъ несомнѣнныхъ памятниковъ, какъ въ послѣдующіе вѣка.

Еще грознѣе и блистательнѣе было поприще недолговѣчной династіи Газневидовъ. Основанная въ пригорьяхъ Гималая Махмудомъ, сыномъ Себектегина, турецкаго наемника въ войскахъ Саманидовъ, она недолго пережила своего основателя; но при немъ она достигла могущества и славы, которыя даютъ ей почетное мѣсто въ исторіи. Рядомъ побѣдъ и подвиговъ военныхъ покорилъ онъ власти своей всѣ области, принадлежавшія Саманидамъ до западныхъ границъ Персіи, отодвинулъ на сѣверо-востокъ турецкія орды, уже готовившіяся затопить всю юго-западную Азію, и нанесъ окончательный ударъ самобытности сѣвернаго Индустана. Въ началѣ одиннадцатаго столѣтія пала гроза на Индію, въ продолженіе десяти вѣковъ, т.-е. со времени сако-бактрійскаго нашествія, избѣгшую иноземнаго ига. Страшенъ былъ ударъ ислама, безсильно, но небезславно сопротивленіе Индустанцевъ. Въ продолженіе слишкомъ 20-ти лѣтъ длилась неравная борьба. Слабое племя индустанскихъ равнинъ собиралось несмѣтными толпами умирать за родину и за святыню своихъ храмовъ; но войско Махмуда было немного чѣмъ малочисленнѣе этихъ нестройныхъ ополченій, привычно къ войнамъ и къ побѣдамъ, составлено изъ народовъ, крѣпкихъ духомъ и тѣломъ (какъ, напр., Турки и Афганы), исполнено фанатической ревности къ исламизму и страстной ненависти къ идолопоклонству, жадно къ добычѣ и къ славѣ и управляемо желѣзною волею всевластнаго и искуснаго вождя. Побѣда была несомнѣнна. Жестоко опустошены были всѣ области сѣвернаго Индустана, расхи-

щены всѣ его сокровища, разрушены великолѣпные храмы, перерѣзаны или уведены въ плѣнъ милліоны жителей, и исламизмъ сталъ надолго твердою ногою во всей прекрасной странѣ между Гангомъ и Индомъ. Силы духовныя Индіи были уже истощены. Борьба брахманства и буддаизма, кончившаяся побѣдою брахмановъ, была послѣднимъ усиліемъ внутренней жизни, усиліемъ безплоднымъ и столько же гибельнымъ для религіи побѣдителей, сколько и для побѣжденныхъ. Ни одно новое живое начало не возникло, ни одна держава не могла укрѣпиться на безжизненной землѣ; религія, нѣкогда исполненная глубокихъ взглядовъ на міръ и высокихъ стремленій, дошла до своего крайняго развитія и огрубѣла въ безсмысленныхъ обрядахъ заклинанія у народа, въ безстыдныхъ обманахъ у жрецовъ. Исторія Индіи была кончена: она должна была покориться иноземнымъ началамъ и ждать отъ другихъ народовъ рѣшенія судьбы своей. Газневиды основали въ Индустанѣ царство, которое существовало около двухъ столѣтій; ихъ смѣнила персидская династія Гуридовъ; за нею послѣдовали династіи Хильджитовъ, Афгановъ и другія; наконецъ Бабериды. Южный Деканъ, прежняя земля Кушитовъ, уже давно подчинившаяся превосходству иранской стихіи, никогда не входилъ вполнѣ въ составъ великихъ государствъ, основанныхъ турецкими или монгольскими завоевателями. Его спасали цѣпи горъ, воинственный духъ жителей, частые раздоры внутри сѣверныхъ державъ и особенно разслабляющее вліяніе климата и нѣги пригангесской стороны на мусульманскихъ властителей; но ничто не могло спасти его отъ частыхъ набѣговъ отдѣльныхъ дружинъ. Мало-по-малу вторгались съ сѣвера воинственныя племена, укрѣпляясь въ горахъ или на берегахъ морскихъ, подчиняя власти своей окрестныхъ туземцевъ, основывая мелкія царства, губя многое, не создавая ничего. Такова была грустная судьба Индустана въ продолженіе осьми вѣковъ. Наконецъ и исламъ утратилъ всѣ силы свои. Христіанскія державы управляютъ судьбами всего міра. Просвѣщенная Англія замѣнила расчетливою властью грубое иго Магометанъ. Индустанъ сталъ понесчастнѣе прежняго.

Въ землѣ брахмановъ эра ислама началась съ великаго Газневида: ему повиновалась вся Персія; его столица была чудомъ Востока; кругомъ его цвѣли поэзія, художества и науки. Но это царство было послѣднимъ усиліемъ персо-аравійскаго міра. Держава, основанная Махмудомъ въ Персіи, распалась уже при дѣтяхъ его. Неизвѣстно, кто первый, онъ ли или сынъ его Массудъ, принялъ титулъ султана, столь прославленный впослѣдствіи; но во всякомъ случаѣ этотъ султанатъ былъ весьма непродолжителенъ.

Есть еще другой титулъ, который встрѣчается въ исторіи Востока и особенно въ исторіи Газневидовъ и заслуживаетъ вниманія Это титулъ князей горняго Гарджестана, *шаръ.* *) Онъ стоитъ очевидно какъ посредствующее звено между титуломъ *царь* и титуломъ *шахъ* и доказываетъ восточное происхожденіе всѣхъ этихъ названій, которыхъ корень, повидимому, долженъ находиться въ зендскомъ словѣ *серъ*— голова. Трудно рѣшить, не есть ли самое слово *шейхъ* только дальнѣйшее искаженіе слова *шахъ*.

Начало турецкихъ завоеваній.—Сельджуки.

При Массудѣ пала гроза на Персію отъ новаго народа, еще не являвшагося до тѣхъ поръ въ исторіи міра, но призваннаго къ великимъ судьбамъ. Исламизмъ торжествовалъ при Аббасидахъ не одною силою меча: онъ торжествовалъ еще болѣе силою слова и проповѣди. Новое ученіе было занесено далеко въ глубь Азіи. Отвергнутое упорнымъ невѣжествомъ Индустанцевъ, не сомнѣвающихся еще въ своемъ произвольномъ синкретизмѣ, и самодовольнымъ философствованіемъ Китая, не потрясеннаго еще силою аналитическихъ вопросовъ, не принятое монгольскими племенами, къ которымъ уже проникъ сильный ламаизмъ, оно нашло ревностныхъ послѣдователей въ тюркскихъ вѣтвяхъ финно-турецкаго племени. Рожденное въ народѣ кочевомъ и воинственномъ, оно быстро овладѣло душою кочевого и воинственнаго народа. Турки, пробужденные Аравіей, были призваны принять наслѣдство отъ ослабѣвшихъ Аравитянъ и продолжить жизнь ислама съ меньшимъ блескомъ и достоинствомъ (ибо они всегда оставались чуж-

дыми просвѣщенію, человѣчности и поэтическому восторгу Аравіи), но съ болѣе упорною силою односторонней и желѣзной воли. На Востокѣ побѣды Аббасидовъ распространили власть ихъ далеко за предѣлы древняго Ирана: многія тюркскія семьи платили имъ дань и служили въ ихъ войскахъ, но покоренные вскорѣ свергли временное иго. Въ областяхъ за Сыръ-Даріею, гдѣ въ пятомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. уже было кочевое средоточіе великой державы, охватывавшей большую часть Средней Азіи и сѣверо-восточные берега Чернаго моря, стали возникать новыя царства съ неопредѣленными границами, съ вѣчно измѣняющимся составомъ, по большей части основанныя единственно на случайномъ преобладаніи одного какого-нибудь рода или лица передъ другими, всегда готовыя пасть, но зато и всегда готовыя скопиться въ огромные союзы или ринуться неудержимымъ потокомъ на страны благодатнаго Юга. Въ концѣ X-го вѣка одинъ изъ этихъ полу-вольныхъ полу-невольныхъ союзовъ достигъ необыкновенной силы и громадныхъ размѣровъ подъ правленіемъ Багракъ-хана (болѣе извѣстнаго подъ именемъ Гаруна) и сына его Илекъ-хана. Ревностные къ исламизму, смѣлые и искусные въ дѣлѣ военномъ, они подчинили власти своей почти всѣ другія племена тюркскія и даже монгольскія, до самыхъ границъ Китая, снова слабѣющаго подъ державою Сунгъ. Столкновеніе съ аравійскимъ міромъ, борьба и дружба съ народами просвѣщенными (Китаемъ и Персіей) развивали мало-по-малу въ Средней Азіи бо̀льшую способность къ устройству государственному и готовили ту грозу, которая должна была позднѣе обрушиться на всю западную Азію и восточную Европу. Гарунъ, кочевой владыка кочевыхъ племенъ, не былъ уже дикаремъ. Вмѣстѣ съ религіей проникли въ пустыню начала просвѣщенія и если не любви къ наукамъ, которая никогда не была доступна тюркскимъ семьямъ, то по крайней мѣрѣ нѣкотораго уваженія къ трудамъ человѣческой мысли. Гарунъ распространялъ мечомъ не только власть свою, но и вѣру, или по крайней мѣрѣ преобладаніе народовъ, исповѣдующихъ ее, надъ народами, не принимающими ея; его побѣды были тор-

жествомъ исламизма, дѣйствіемъ силъ, пробужденныхъ аравійскою мыслью; но въ то же время онѣ обозначили начало эпохи, въ которую ослабѣвшія Персія и Аравія должны были уступить превосходству тюркскихъ племенъ. Раздоры восточнаго Ирана призвали Илекъ-хана къ завоеваніямъ на Югъ. Нѣсколько разъ рѣшалъ онъ властнымъ словомъ или силою дружинъ споры между слабыми преемниками Саманидовъ, Буидовъ и другихъ персидскихъ династій. Наконецъ онъ двинулъ свои несмѣтныя полчища съ очевиднымъ намѣреніемъ утвердить уже не чужую, а свою собственную власть надъ восточною Персіей. Военное превосходство и душевная сила турецкаго племени были уже давно доказаны. Турецкіе наемники долго правили судьбою халифовъ. Турокъ Тулунъ основалъ династію, временно правившую Египтомъ; другія мелкія династіи въ Персіи также вели свое начало отъ турецкихъ выходцевъ. Торжество Илекъ-хана казалось несомнѣннымъ; но паденіе Персіи было отсрочено еще на нѣсколько лѣтъ. Представителемъ ея въ то время былъ великій Махмудъ Газневидъ, родомъ Турокъ, такъ же какъ и Илекъ-ханъ, но уже принявшій въ себя всѣ начала и всю духовную жизнь своего новаго отечества. Сотни тысячъ встрѣчались съ сотнями тысячъ въ равнинахъ восточнаго Ирана. Одно войско шло изъ холодныхъ сѣверо-восточныхъ пустынь, другое—изъ знойныхъ равнинъ Индіи и изъ горъ неукротимаго Афганистана. Въ обоихъ сражались воинственные Турки. Вожди ихъ были оба грозные, до тѣхъ поръ непобѣжденные, завоеватели. Махмудъ одолѣлъ; Илекъ-ханъ бѣжалъ за Джигунъ въ свои родныя степи. Персія была спасена, но ненадолго. Едва умеръ Махмудъ, и царство его распалось. Восточное пригорье досталось въ руки новой династіи персидскихъ Гуридовъ, которые впослѣдствіи разрушили и царство, основанное Газневидомъ въ Индустанѣ. Главная же часть державы махмудовой, т.-е. всѣ владѣнія его въ Персіи, перешла въ руки новыхъ пришельцевъ, Турокъ-Сельджукидовъ. Сельджукъ, давшій имя свое новому царству, былъ выходецъ съ Сѣвера и родомъ едва ли не Монголъ. Его семья искала убѣжища отъ преслѣдованія родовыхъ

непріятелей въ области Турокъ на берегахъ Джигуна и скоро составила отдѣльную дружину, или орду. Сельджукъ вступилъ въ службу къ Махмуду, и толпы турецкихъ наемниковъ окружили вождя, отличавшагося мужествомъ и искусствомъ. Послѣ смерти перваго Газневида родъ Сельджуковъ, пользуясь раздорами его сыновей и потомъ удаленіемъ султана Массуда въ Индустанъ, основалъ независимую державу. Массудъ возвратился, но уже слишкомъ поздно. Персія давно уже была покрыта дружинами тюркскими, служившими во всѣхъ войнахъ и всѣмъ династіямъ. Эти дружины примкнули къ Тогрулю, сыну Сельджукову. Несмѣтное множество новыхъ воиновъ спѣшило изъ-за Джигуна присоединиться къ нимъ на поприщѣ, гдѣ ихъ ожидали власть, слава и особенно корысть. Массудъ былъ побѣжденъ. Побѣдители Сельджукиды покорили всю Персію, часть Сиріи и Малой Азіи, взяли подъ свою опеку дряхлое имя халифовъ, которымъ, впрочемъ, въ своей простодушной ревности къ исламизму они оказывали гораздо болѣе уваженія, чѣмъ его прежніе покровители Буиды или Гамаданиды, и основали сильную державу, прославленную блистательными именами Тогруля, Альпъ-арслана, Малекъ-шаха и Санджара. Эта первая турецкая династія отличалась во многихъ отношеніяхъ отъ всѣхъ послѣдующихъ. Предпріимчивая и воинственная, какъ позднѣйшіе Оттоманы, она соединяла кротость и какое-то рыцарское благородство съ своими воинскими достоинствами; она покровительствовала наукамъ и искусствамъ; наконецъ, она показывала склонность къ просвѣщенію, которой нѣтъ и слѣда въ другихъ турецкихъ династіяхъ. Это различіе не трудно объяснить. Сельджуки прорвали оплотъ, который сдерживалъ тюркское племя въ пустыняхъ заджигунскихъ. Неудержимымъ потокомъ устремились орды одна за другою на давно желанныя, но долго недоступныя страны, тѣсня другъ друга, опустошая и губя, осѣдая на завоеванныхъ областяхъ, но не оплодотворяя ихъ, всегда готовясь къ кочеванію даже послѣ вѣковой осѣдлости, удивляя міръ желѣзною крѣпостью и упорствомъ воли, ужасая его своею жестокостью и отсутствіемъ сочувствія съ другими

племенами. За Турками братья ихъ Узы (безъ сомнѣнія наши Половцы), за ними обломки мѣшаныхъ уйгурскихъ союзовъ, за ними оторванныя семьи киданьскихъ Татаръ и за ними наконецъ Монголы, самое страшное явленіе всемірной исторіи. Всѣ эти позднѣйшіе завоеватели юго-западной Азіи приходили изъ безконечной пустыни, гдѣ кочевали ихъ предки, чуждые всякаго просвѣщенія и государственнаго устройства по своему характеру и образу жизни, всегда равнодушные, а по невольнымъ столкновеніямъ почти всегда враждебные ко всему остальному міру. Но Сельджуки или ихъ дружины, открывшіе путь завоеваній, давно уже ворвались въ область, нѣкогда принадлежавшую народу кроткому и просвѣщенному (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ бытового просвѣщенія). Они жили въ продолженіе осьми или девяти вѣковъ въ родинѣ восточнаго славяно-бактрійскаго племени Саковъ, великихъ Гетовъ и Вендовъ; они безъ сомнѣнія приняли въ свой составъ часть древняго народонаселенія, не истребленнаго войною или не выселившагося далѣе на сѣверо-западъ подъ именами Гунновъ или Болгаръ, и вмѣстѣ съ этою примѣсью народной стихіи они приняли часть ея умственной и духовной жизни. Впослѣдствіи тѣ же самыя семьи, подвигаемыя впередъ нажимомъ другихъ средне-азійскихъ племенъ и пользуясь паденіемъ персидскихъ и арабскихъ династій, стали твердою ногою въ междурѣчіи Аму и Сыръ-Дарьи, въ древней колыбели всего восточнаго просвѣщенія. Тутъ снова подверглись они по необходимости тому вліянію древняго міра на новый, который замѣтенъ во всѣхъ явленіяхъ и во всѣхъ подробностяхъ явленій историческихъ; и когда паденіе Саманидовъ открыло путь на юго-западъ, Сельджукиды-завоеватели (напр. Альпъ-арсланъ и Малекъ-шахъ) явились не совсѣмъ недостойными преемниками своихъ просвѣщенныхъ предшественниковъ. Это вліяніе восточнаго Ирана не могло быть замѣтнымъ въ другихъ племенахъ, проходившихъ черезъ него съ быстротою потока; но оно всегда отзывалось на всѣхъ его постоянныхъ владѣльцахъ отъ Саффаридовъ и Саманидовъ до потомковъ Тимуръ-аксака, изъ которыхъ вышла династія Баберидовъ, быть можетъ са-

мыхъ просвѣщенныхъ властителей, когда-либо сидѣвшихъ на какомъ-нибудь престолѣ.

Разумѣется, это просвѣщеніе царскихъ родовъ должно быть судимо только въ сравненіи къ подданнымъ, а не къ общему просвѣщенію человѣческаго рода. Точно такъ же должно замѣтить, что движеніе къ наукамъ въ правителяхъ тюркскаго племени нисколько не противорѣчитъ общей характеристикѣ Турокъ, всегда враждебныхъ къ просвѣщенію. Государи въ завоеванной землѣ скоро принимаютъ характеръ всей земли и отдѣляются отъ своей правительственной дружины. Такъ Меровинги принадлежатъ болѣе Галло-Римлянамъ, чѣмъ Франкамъ, и дружина монголо-турецкая Тимуридовъ сохраняетъ свою родовую дикость, между тѣмъ какъ государи становятся во главѣ просвѣщенія и окружаютъ себя учеными, вышедшими почти безъ исключенія изъ побѣжденнаго иранскаго племени.

Недолго властвовали и Сельджуки. Съ небольшимъ черезъ столѣтіе послѣ Тогруля, въ половинѣ XII-го вѣка, погибла и держава его потомковъ. Побѣжденные новою династіей Ховарезмскою и выгнанные изъ всѣхъ своихъ восточныхъ владѣній, они были заключены въ тѣсные предѣлы своихъ западныхъ завоеваній, въ горную середину Малой Азіи, вырванную ими у Византійцевъ во время ихъ краткаго могущества; но явленіе Сельджуковъ составляетъ важную эпоху во всемірной исторіи. Побѣды ихъ нанесли Византіи ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла оправиться, дали народамъ мусульманскимъ твердую опору у самыхъ границъ Европы, въ гористой и почти неприступной области, откуда они могли уничтожать и дѣйствительно уничтожали безчисленныя полчища крестоносцевъ, наконецъ открыли путь всѣмъ другимъ племенамъ западной Азіи и положили предѣлы преобладанію и почти всей исторической дѣятельности народовъ, которыхъ наука назвала весьма произвольно семитическими, и всего персо-аравійскаго міра.

Конечно, послѣ Сельджуковъ еще нѣсколько времени живетъ царство Гуридовъ, изрѣдка проявляется не безъ славы имя Афгановъ, и династія ховарезмская (едва ли не персидская, по крови) дости-

гаетъ временнаго величія, не уступавшаго ни Сельджукамъ, ни Газневидамъ; но царство Гуридовъ представляетъ только слабый остатокъ умирающей жизни Ирана. Афганы составляютъ незначительный эпизодъ въ исторіи, а Ховарезмійцы, какое бы ни было ихъ происхожденіе, опираются на дружину безъ сомнѣнія турецкую. Въ позднѣйшее время Персія возстала снова въ силу законовъ историческихъ, о которыхъ уже сказано; но она въ своемъ возрожденіи уже не имѣла дѣятельной энергіи прежнихъ эпохъ, едва могла отстоять свое собственное существованіе и осталась до нашего времени землею полу-турецкою.

Распространеніе ислама между Хазарами и Болгарами волжскими.

Сила мусульманской проповѣди и сродство ученія аравійскаго съ духомъ племенъ турецкихъ проявились не въ одной Закаспійской области; Хазары (вѣроятно высшія и правительственныя сословія, которыя были безъ сомнѣнія отдѣленіемъ финно-турецкихъ семей) приняли радушно магометанство. Этотъ народъ представляетъ фактъ почти единственный въ исторіи, почти единовременное принятіе трехъ разныхъ вѣрованій: исламизма, еврейства и христіанства.

Эпоху всѣхъ этихъ обращеній опредѣлить нельзя съ достовѣрностью, но можно усмотрѣть изъ случаевъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, что введеніе различныхъ религій у Хазаровъ происходило въ эпохи недалекія одна отъ другой.

Нѣтъ сомнѣнія, что преобладающее вѣроисповѣданіе у Хазаровъ было еврейское. На это сохранились неоспоримыя доказательства не только въ лѣтописяхъ, но и въ перепискѣ Евреевъ испанскихъ съ іудействующими царями хазарскими *); но точно такъ же мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства о Хазарахъ-христіанахъ, подтвержденныя и тѣмъ обстоятельствомъ, что императоры византійскіе вступали въ брачные союзы съ владѣтелями Хазаріи, а при тогдашней строгости религіозныхъ понятій невозможно предполагать брачный союзъ императора съ еврейкою или магометанкою. Быть можетъ, христіанство введено было къ Хазарамъ изъ остатковъ греческихъ колоній,

завоеванныхъ ими; быть можетъ, оно принадлежало болѣе народу побѣжденному или увлеченному въ невольные походы, кореннымъ Бактрійцамъ или Индо-Славянамъ (*Хаза* или *Хазарахъ* *), чѣмъ владѣтельному племени финно-турецкому; но нѣтъ никакого сомнѣнія изъ вышесказаннаго факта въ томъ, что и царскій домъ и слѣдовательно высшія сословія не вполнѣ оставались чуждыми этому вѣрованію. Магометанство введено было, повидимому, нѣсколько позднѣе и распространилось не сильно; оно вѣроятно сдѣлалось ученіемъ тѣхъ воинственныхъ отдѣловъ народа, которые, сохранивъ болѣе другихъ кочевой бытъ свой и дикіе нравы пустыни, не были захвачены еще ни ученіемъ Моисея, ни вѣрою христіанскою. Какъ бы то ни было, эти особенности народа хазарскаго указываютъ въ одно время и на многостихійность его, и на нѣкоторую кротость нравовъ, и на силу религіозныхъ началъ, вышедшихъ изъ иранскаго корня.

Меньшій успѣхъ христіанства въ сравненіи съ еврействомъ и магометанствомъ въ землѣ хазарской объясняется вѣроятно большею видимою многосложностью его и склонностью племенъ тюркскихъ къ неразвитымъ понятіямъ единобожія, сходнаго съ ихъ древнею вѣрою и преданіемъ.

Еще важнѣе былъ успѣхъ исламизма у другого народа, который властью, долговѣчнымъ существованіемъ и историческимъ значеніемъ далеко превосходитъ Хазаръ, у Болгаръ приволжскихъ или великихъ. Въ IX-мъ вѣкѣ приняли они аравійскихъ проповѣдниковъ и покорились ихъ вдохновенному краснорѣчію. Самый этотъ успѣхъ магометанства доказываетъ (если еще нужны доказательства) тюркскій составъ народа и соотвѣтствуетъ общему движанію умовъ во всемъ тюркскомъ племени. Новое ученіе не проникло къ другимъ народамъ или не было ими принято.

Причина такого явленія можетъ заключаться не только въ отвлеченной сущности разныхъ племенъ, или въ нравахъ, исторіи и прежней религіи, которыми они были приготовлены къ такой-то или дру-

гой новой формѣ религіи, но и въ самихъ проповѣдникахъ, знакомыхъ только съ нѣкоторыми нарѣчіями ближайшихъ народовъ. Такъ, напр., Аравитяне были безъ сомнѣнія весьма свѣдующіе въ языкѣ Турокъ, составлявшихъ охранную дружину и значительную часть войскъ у халифовъ, и по всей вѣроятности чужды нарѣчіямъ далекихъ Финновъ и мѣшанныхъ финно-турецкихъ семей. Такая простая причина служитъ еще лучшимъ объясненіемъ и доказательствомъ историческаго факта, чѣмъ выводъ изъ характеристики народной.

Введеніе исламизма въ болгарскую землю и записки Аравитянъ о ней бросаютъ новый свѣтъ на исторію Приволжья. Во-первыхъ, мы видимъ, что имя Болгаръ или Волгаръ, котораго истинное произношеніе не подлежитъ сомнѣнію по множеству свидѣтельствъ разноязычныхъ (франкскихъ, византійскихъ и русскихъ), не было именемъ властвующаго племени турецкаго, ибо оно само не умѣло даже сохранить его въ чистотѣ, называя себя то Белирами, то Булярами, то другимъ названіемъ, болѣе или менѣе искаженнымъ. Во-вторыхъ, выводы о славянствѣ той подпочвы, на которую легъ турко-уйгурскій наплывъ, основанные, какъ уже сказано, на сличеніи свидѣтельствъ многихъ народовъ (между прочимъ Китайцевъ), подтверждаются вполнѣ собственнымъ сознаніемъ властвующаго племени и славянскимъ титуломъ царя. Наконецъ, торговое движеніе, которое Аравитяне не создали, но уже нашли на Волгѣ, слава складочнаго мѣста Ладоги на сѣверѣ и всѣ разсказы ученыхъ путешественниковъ представляютъ темную эпоху древней русской земли въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ не привыкла ее разсматривать современная намъ ученость.

Напр., свидѣтельство о томъ, что русскій гость, умершій въ Болгаріи, былъ похороненъ по языческому обычаю своей земли и что на его могилѣ поставленъ былъ столбъ съ надписью, явно свидѣтельствуетъ о существовованіи письменъ (безспорно не кирилловскихъ) въ языческой Руси.

Торговое значенія и процвѣтаніе великихъ Болгаръ очевидно совпадаетъ съ преданіями Германцевъ о существованіи на

Востокѣ (и именно въ той же странѣ, въ которой былъ городъ Болгары) города *Хунабъ*, точно такъ же какъ разсказы о богатой Біарміи подтверждаются остатками нѣкогда процвѣтавшихъ пермскихъ городовъ, на пепелищѣ которыхъ и теперь еще находятся слѣды промышленности и какой-то роскоши, съ монетами, свидѣтельствующими о сношеніяхъ съ аравійскими просвѣтителями или завоевателями каспійскаго приморья. Съ другой стороны, приписывать всю эту торговую дѣятельность очевидно нельзя ни Туркамъ, племени кочевому и градоразорительному, которое обращается въ городовое и отчасти торговое населеніе только подъ долговременнымъ вліяніемъ другихъ, болѣе мирныхъ и просвѣщенныхъ племенъ, ни Финнамъ, которые во всѣхъ своихъ видахъ, отъ воинственнаго Мадьяра до кроткаго Карела, не представляютъ ни малѣйшей склонности къ жизни промысловъ и расчетливыхъ заботъ. Властвующее сословіе у Болгаръ принадлежитъ безспорно племени тюркскихъ Уйгуровъ; Финны могли бы составлять только труженическую и мирную подпочву, сохранившую всѣ древнія привычки общенія съ Югомъ закаспійскимъ и Сѣверомъ прибалтійскимъ; но, во-первыхъ, такое предположеніе, допускающее исключеніе изъ общей характеристики народа, носитъ уже въ себѣ признаки невѣроятности; во-вторыхъ, оно опровергается всѣми данными, дошедшими до насъ съ разныхъ сторонъ. Оно опровергается славянствомъ Гунновъ, предшественниковъ Болгаръ на Волгѣ, яснымъ показаніемъ самихъ владѣтелей болгарскихъ, носившихъ славянскій титулъ и имя владѣтелей Саклабовъ (Славянъ); свидѣтельствомъ Китайцевъ о поочередномъ властвованіи Аланъ-ми (Сарматовъ), Веннаша (Сако-Гетовъ бактрійскихъ) и Чшесе (Уйгуровъ); наконецъ, оно опровергается совершенно всѣми показаніями о Болгарахъ придунайскихъ въ первое ихъ проявленіе (напр., тѣмъ, что ихъ принимаютъ за Славянъ и убиваютъ въ Баваріи, давно знакомой съ Славянами; что они поселяются въ Италіи и никакихъ слѣдовъ, ни финскихъ, ни турецкихъ, не оставляютъ, но сливаются немедленно съ мѣстною стихіей, въ которой,

какъ извѣстно, въ то время и очевидно даже искони славянство было весьма сильно).

О безспорной примѣси финно-турецкаго начала даже въ раннюю эпоху Болгаріи можно бы было догадаться даже a priori по движенію уйгурскихъ семей изъ средней Азіи на Приволжье; но кромѣ апріористическаго доказательства мы уже видѣли свидѣтельство Китайцевъ, которое относится ко всѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ и, очевидно, болѣе всего къ позднѣйшимъ переселенцамъ на Западъ—Гуннамъ и ихъ потомкамъ Болгарамъ. Слѣдовательно слѣды именъ тюркскихъ или финно-турецкихъ и слѣды нѣкоторыхъ неславянскихъ обычаевъ не только могутъ, но и должны проглядывать между явными признаками славянства, тѣмъ болѣе что примѣсь иноплеменная была особенно сильна или въ высшемъ сословіи или въ дружинѣ, слѣдовательно должна была рѣзко выдвигаться впередъ при всякомъ соприкосновеніи съ другими народами и при всякой исторической дѣятельности. Этимъ не можетъ смущаться просвѣщенная критика, не довольствующаяся однимъ сводомъ европейскихъ и одновременныхъ лѣтописей.

Волжская Болгарія и Русь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что принятіе исламизма Болгарами должно было дать народу и сильнѣйшую дѣятельность, и большее стремленіе къ завоеваніямъ, особенно при общемъ движеніи тюркскихъ племенъ на западъ; и дѣйствительно, замѣтны нѣкоторыя попытки Болгаръ на распространеніе области своей (напр., при взятіи Мурома) *). Но эта дѣятельность была остановлена учрежденіемъ новаго государства славянскаго, призваннаго къ великимъ историческимъ судьбамъ. Учрежденіе этого государства или совокупленіе всѣхъ славянскихъ семей отъ Балтики до Чернаго моря въ одинъ общественный союзъ подъ именемъ и предводительствомъ князей изъ рода Руссовъ совпадаетъ съ обращеніемъ приволжской Болгаріи къ исламизму. Болгары встрѣтили на западѣ противниковъ, съ которыми долго боролись, но которымъ они

должны были окончательно уступить побѣду, и новорожденная Русь удержала въ то время напоръ тюркскихъ племенъ въ Приволжьи, точно такъ же какъ и послѣ удержала ихъ напоръ съ береговъ Каспія и Чернаго моря (во время половецкаго нашествія), какъ еще позже она отстоялась отъ другихъ тюркскихъ семей (во время Татаръ) и какъ наконецъ почти въ наше время уничтожила силу Турокъ, дома Османова.

Всѣ эти происшествія, принадлежащія къ ясно-исторической эпохѣ, объясняютъ намъ другія происшествія ранней эпохи, именно нашествіе мнимыхъ Скиѳовъ (финно-турецкихъ *Сколотовъ*) на землю дѣйствительныхъ скиѳовъ (Сакъ-іефа или Сако-Гетовъ), т.-е. Славянъ, временное владычество этихъ завоевателей и послѣдовавшее ихъ истребленіе или изгнаніе изъ великой славянской страны. Точно такъ же объясняется и еще древнѣйшій прорывъ западно-иранскихъ Кимвровъ-іотуновъ съ юга въ область искони славянскую, и позднѣйшій прорывъ средне-иранскихъ Сарматовъ (*Аланъ-азовъ*, у китайцевъ *Аланъ-ми*), помогавшихъ сперва Славянамъ въ изгнаніи Сколотовъ, потомъ первенствовавшихъ въ землѣ славянской и наконецъ изгнанныхъ въ свою очередь старожилами и новымъ приливомъ бактро-славянскихъ племенъ, Гунновъ приволжскихъ и прикавказскихъ Антовъ, Венедовъ и Сѣверянъ, семей, удалившихся изъ своей восточной родины передъ напоромъ тюркскихъ племенъ и передъ грозою далекихъ восточныхъ завоевателей Тунгузовъ, Сянбійцевъ (мнимыхъ *Сабировъ*).

Соперничествомъ Болгаръ съ новою Русью объясняется, иначе необъяснимое, прекращеніе торговыхъ сношеній между пригорьемъ гималайскимъ и балтійскимъ поморьемъ. Въ одно и то же время возникала въ Болгаріи новая дѣятельность, пробужденная магометанствомъ, а у сосѣднихъ Славянъ—новая сила и новое властолюбіе воинственнаго правительства, приводящаго въ единство разрозненныя семьи придонскихъ, приднѣпровскихъ, приволжскихъ и приволховскихъ старожиловъ. Неизбѣжная вражда замѣнила прежнія торговыя и полудружескія сношенія, наслѣдство древняго міра, часто возмущаемое нашествіями съ Востока, но всегда возстановлявшееся

до тѣхъ поръ силою привычекъ и преданія въ народахъ, еще не подчинявшихся произволу и себялюбію государственнаго устройства. Торговля Приволжья съ Персіей, Бухарой и Индіей не прерывалась; она вѣроятно еще усилилась отъ единства религіознаго; между тѣмъ всѣ слѣды этой торговли исчезаютъ въ областяхъ сѣверо-западныхъ, по берегамъ Волхова и Балтики. Очевидно, преграды возникли не на югѣ, а на сѣверѣ Болгаріи, т.-е. на чертѣ, гдѣ она встрѣчалась съ варяжскою Русью. Нельзя предполагать въ началѣ одиннадцатаго столѣтія открытіе какого-нибудь новаго пути, перетянувшаго къ себѣ древнюю поволжскую торговлю. Кіевъ, охваченный съ востока Половцами и другими племенами воинственныхъ дикарей, не могъ подорвать новгородскаго торга; онъ и не представляетъ слѣдовъ значительныхъ сношеній съ областями закаспійскими. Персія и поморье Палестины точно такъ же не представляли никакихъ новыхъ удобствъ въ концѣ X-го, въ XI-мъ и XII-мъ столѣтіяхъ. Напротивъ того, всѣ эти страны, безпрестанно опустошаемыя внутренними и свирѣпыми междоусобіями, опустошаемыя еще болѣе дикимъ своеволіемъ крестоносцевъ, сдѣлались менѣе чѣмъ когда-либо доступными мирной торговлѣ. Итакъ, очевидно не внѣшнія, но внутреннія причины прекратили или по крайней мѣрѣ значительно убавили торговыя сношенія Новгородской области съ Востокомъ. Эти причины находятся безъ сомнѣнія въ новомъ и воинственномъ устройствѣ государства и въ естественномъ неразуміи властвовавшихъ Варяговъ, учредившихъ пограничныя заставы для временныхъ и худо разсчитанныхъ выгодъ. Умъ и расчетъ торговый уступили мѣсто насилію и дикости полувоеннаго государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что усиленіе торговли съ Греціей черезъ Кіевъ могло также повредить торговлѣ съ Востокомъ черезъ Болгарію; но оно не могло ни прекратить, ни даже значительно уменьшить ее.

Древняя славянская подпочва приволжскаго населенія была уже почти уничтожена многовѣковымъ преобладаніемъ постоянно усиливавшихся Уйгуровъ. Новое вѣроисповѣданіе (исла-

мизмъ), не чуждое многихъ истинно-человѣческихъ началъ, проникло во всѣ слои общества, возвысило просвѣщеніе, умягчило взаимныя отношенія людей и тѣмъ самымъ, окончательно уничтоживъ всѣ видимые признаки племенного различія между побѣжденными и побѣдителями, слило ихъ въ одно цѣлое, запечатлѣнное почти исключительно языковымъ и народнымъ характеромъ высшаго уйгурскаго сословія.

Такова простая причина, почему нашъ Несторъ уже рѣшительно не могъ признать ничего общаго между своею славянскою родиною и землею приволжскою *). Какой русскій не книжно-ученый угадаетъ свою славянскую братію въ жителяхъ Ольденбурга—Старграда или Бранденбурга—Бранибора? Племенное начало славянское держалось долго противъ германскаго насилія въ сѣверо-восточной Германіи. Этому доказательствомъ служатъ пѣсни и проповѣди славянскія, еще понятныя въ томъ краю тому лѣтъ сто съ небольшимъ. Нѣмецкое просвѣщеніе въ короткое время уничтожило преграду, сопротивлявшуюся многовѣковому угнетенію дикихъ рыцарей и ихъ потомковъ. То же самое должно было происходить и на Приволжьи, ибо магометанство, какъ извѣстно, сливаетъ въ весьма скорое время побѣжденныхъ и побѣдителей, если оно принято и тѣми и другими; а основаніе и сила позднѣйшаго царства казанскаго доказываютъ, что почва, на которой оно было создано, была уже глубоко проникнута исламизмомъ. Впрочемъ, самое начало уйгуро-болгарскаго царства было таково, что между властителями и народомъ не могло быть той жестокой вражды, какая была между Турками-Османліями или Германцами и завоеванными ими народами. Тутъ было прямое насиліе и завоеваніе, а на Приволжьи болѣе было тихаго наплыва и медленнаго нагнета, чѣмъ военнаго насилія.

Христіанство и мусульманство.—Причины временнаго преобладанія послѣдняго.

Такъ послѣ X-го столѣтія стала мало-по-малу исчезать вся историческая дѣятельность міра аравійскаго; онъ уступилъ мѣсто свое міру народовъ тюркскихъ. Но новые дѣятели всемірной исторіи подчинились вполнѣ духовному закону, полученному ими отъ своихъ великихъ предшественниковъ.

Иранское преданіе дома Авраамова, колѣна Измаэлитскаго, измѣненное вліяніемъ христіанства и еврейства, опредѣлило судьбу воинственныхъ ордъ средне-азійскихъ.

Еще большія перемѣны происходили на Западѣ въ области христіанской; но эти перемѣны были болѣе внутреннія, чѣмъ внѣшнія. Народы дѣйствующіе оставались тѣ же; жизнь ихъ и характеръ дѣятельности измѣнялись.

Христіанство сдѣлалось вѣрою римскаго міра; но, проникнувъ въ совѣсть и сознаніе частныхъ лицъ, очистивъ отчасти и облагородивъ ихъ домашній бытъ, оно не выразилось и не старалось выразиться въ цѣломъ составѣ общества, въ государствѣ. Древнія формы сохранились, несмотря на явную обветшалость, и заковали въ жалкое безсиліе новую духовную жизнь. Великая исторія языческаго Рима тяготѣла надъ Римомъ христіанскимъ. Восточная Имперія уцѣлѣла, спасенная силою издревле развитого просвѣщенія и личностей, соединявшихъ въ себѣ наслѣдство эллинской науки съ духовнымъ просвѣщеніемъ христіанства; но и она должна была клониться къ упадку и погибнуть отъ внутренняго раздора между мыслью и совѣстью всѣхъ частныхъ лицъ со смысломъ и духомъ всего общества. Западная Имперія, никогда не имѣвшая самобытной жизни умственной, пала съ обветшаніемъ древнихъ государственныхъ формъ, создавшихъ ее. На развалинахъ ея осѣли завоеватели Германцы, созидая новыя государства, угнетая завоеванныхъ, но въ то же время мало-по-малу смѣшиваясь съ ними, принимая отъ нихъ начала просвѣщенія и въ смѣшеніи своемъ составляя новые народы для будущей исторіи. Завоеванія народовъ германскихъ, даже принявшихъ уже христіанство, представляютъ характеръ несравненно болѣе жестокій и безчеловѣчный, чѣмъ завоеванія Аравитянъ и даже Турокъ-магометанъ. Гордая наука европейская не замѣтила или не смѣла высказать это различіе; но оно несомнѣнно. Великія злодѣянія были конечно совершаемы и завоевателями магометанскими, особенно Турками (ибо Аравитяне гораздо менѣе другихъ подвергаются этому упреку); но эти злодѣянія сопровождали только первый пылъ борьбы или первое опья-

нѣніе побѣды. Съ возстановленіемъ мира они прекращались и замѣнялись братскимъ отношеніемъ между мусульманиномъ-побѣдителемъ и мусульманиномъ-побѣжденнымъ. Превосходство народовъ мусульманскихъ, Турокъ и Аравитянъ, передъ Германцами-христіанами объясняется въ эпоху Аравитянъ превосходствомъ самого племени аравійскаго передъ племенемъ германскимъ, вслѣдствіе очевидно высшаго духовнаго просвѣщенія и лучшаго историческаго воспитанія (ибо Аравитяне не были искони завоевателями, какъ Германцы, почти вездѣ вытѣснявшіе Славянъ или Кельтовъ, а первожилами пустыни и менѣе подверглись развратительному дѣйствію постоянныхъ войнъ и римскаго владычества); превосходство же всѣхъ мусульманъ передъ христіанами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они завоевывали землю единовѣрческую, происходитъ отъ разницы самыхъ вѣроисповѣданій и ихъ первоначальнаго проявленія. Христіанство не составляло ни государства, ни общества (въ государственномъ смыслѣ); поэтому христіане воевали и покоряли непріятелей не какъ христіане, но какъ отдѣльные народы, исполненные народнаго эгоизма, и еще болѣе какъ военныя дружины, исполненныя гордой и корыстолюбивой свирѣпости. Исламъ имѣлъ съ самаго начала своего значеніе общественное и государственное, и его побѣды были запечатлѣны кротостію государственнаго разума.

Народъ по своему вещественному значенію не можетъ принимать инокровцевъ въ свои нѣдра; дружина по своему началу враждуетъ противъ всего міра. Государство принимаетъ въ число гражданъ и слѣдовательно подъ свой покровъ всякаго, кто признаетъ его законы; а исламъ былъ государствомъ.

Кромѣ этого различія, должно признать, что вліяніе магометанства на своихъ послѣдователей было сильнѣе, чѣмъ вліяніе христіанства. Догматическое богатство и всеобъемлющія требованія соборнаго ученія менѣе доступны темному уму народовъ необразованныхъ, чѣмъ простота и односторонность Корана. Слова логическаго вѣроизложенія да пышные обряды, созданные художественнымъ воображеніемъ Эллино-

Римлянина, были повторяемы или перенимаемы тупыми и дикими выходцами Германіи; высокое ученіе, духовныя требованія христіанства нисколько не были имъ извѣстны. Народы магометанскіе (особенно же Аравитяне) были вполнѣ магометанами, выражая собою все добро и всѣ недостатки своего ученія. Народы христіанскіе, особенно же Германцы, были христіанами только по имени.

Должно замѣтить еще, что самое обращеніе Германцевъ изъ язычества было таково, что оно должно было по необходимости оставить дурные и нелегко изгладимые слѣды. За исключеніемъ Англо-Саксовъ почти всѣ приняли свою новую вѣру отъ побѣжденныхъ народовъ, входившихъ въ составъ римскаго государства, и слѣдовательно вліяніе дурныхъ примѣровъ и развратъ полупросвѣщенія должны были проникнуть въ душу завоевателей вмѣстѣ съ религіей. Германцы не были обращены къ христіанству апостоловъ, но соблазнены христіанствомъ развратнаго Рима. Это явно изъ современныхъ и почти невѣроятныхъ свидѣтельствъ о грубомъ невѣжествѣ *), духовномъ уничиженіи и гнусной жизни большей части духовныхъ людей, сопровождавшихъ походы франкскихъ и другихъ дружинъ. Англо-Саксы составляютъ исключеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Таковы причины явнаго превосходства первыхъ и отчасти даже позднѣйшихъ мусульманскихъ завоевателей передъ христіанскими. Зло, посѣянное или допущенное вначалѣ, должно было принести свои плоды; вѣка должны были пройти надъ этими новыми народами, прежде чѣмъ могли изгладиться слѣды перваго и, такъ сказать, незаконнаго допущенія ихъ въ общину христіанскую, которой они нисколько не принадлежали. Эти слѣды не изглажены и до нашего времени. Но разъ допущенное, хотя и не понятое, христіанство должно было также принести свои плоды, и оно принесло ихъ въ постепенномъ развитіи и облагороженіи западнаго, германо-романскаго міра.

Не христіанствомъ и не его человѣческими началами созданы государства западной Европы; но христіанство присутствовало при ихъ основаніи; оно могло дѣйствовать и дѣй-

ствовало сильнѣе и свободнѣе въ общественномъ отношеніи на новыя державы, еще не принявшія положительныхъ и опредѣленныхъ формъ, чѣмъ на имперію римскую, уже заматорѣвшую и окристаллизовавшуюся въ упорныя и неизмѣняемыя формы, созданныя древнею языческою исторіей.

Впрочемъ, это относится только къ общему государственному или общественному строенію, а не къ подробностямъ внутренняго гражданскаго быта, гдѣ духовная жизнь отдѣльныхъ лицъ проявляется въ соприкосновеніи съ обществомъ. Тутъ высшее просвѣщеніе Византійца и Эллино-Римлянина очевидно сохраняетъ свои права, и отношеніе владѣльца къ рабу, крѣпостному, арендатору или наемнику въ уцѣлѣвшей половинѣ римской имперіи безспорно чище и ближе къ христіанству, чѣмъ въ первыхъ царствахъ германо-романской области.

Римскій епископъ и Франки.

Союзъ римскаго епископа, признаваемаго, въ силу обычая и правъ, данныхъ двумя императорами (слабымъ Граціаномъ и ненавистнымъ Ѳокою), за главу всѣхъ церквей западной Имперіи, далъ племени Франковъ рѣшительный перевѣсъ между всѣми германскими семьями, завоевавшими западную Европу. Причины этого союза ясны: римскому епископу необходимо было какъ для собственныхъ выгодъ, такъ и для поддержанія на Западѣ ученія соборнаго опереться на единственную изъ завоевательныхъ дружинъ, свободную отъ аріанскаго вліянія. Франкамъ было полезно опереться на единственнаго свободнаго представителя церкви и пріобрѣсть такимъ образомъ союзниковъ во всемъ духовенствѣ и въ племенахъ галло-римскихъ противъ своихъ аріанскихъ соперниковъ, Готовъ или Лонгобардовъ. Самая дружина Франковъ была сильнѣе всѣхъ остальныхъ германскихъ дружинъ. Болѣе искусная въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ Лонгобарды, болѣе многочисленная и воинственная, чѣмъ Готы, уже полюбившіе роскошь и нѣгу римской жизни, она превосходила всѣхъ особенно силою своего внутренняго единства, ибо остальныя

были дружинами народными, а Франки были личною дружиною Меровинговъ.

Это различіе доказывается всѣми обстоятельствами исторіи, болѣе же всего тѣмъ, что власть вождя или царя, безпрестанно переходившая насильственно или законно изъ одного рода въ другой у Лонгобардовъ и Готовъ, оставалась всегда неоспоримымъ правомъ рода Франковъ поморскихъ или дома Моровейскаго.

Готы и Лонгобарды были побѣждены; слабые, хотя мужественные и отчасти даже образованные, Бургундцы поглощены разливомъ Франковъ и вошли въ составъ ихъ державы; Германія, родина завоевателей, была ими же завоевана и обращена въ состояніе подвластной области; Славяне юго-западные отражены и отодвинуты, несмотря на бодрое сопротивленіе и на блистательныя побѣды. Имя и государственная система Франковъ сдѣлались преобладательными въ западной Европѣ, и новое великое царство возникло на развалинахъ римскаго міра. Лонгобарды и Готы приняли ученіе, противъ котораго они такъ долго боролись; но римскій епископъ не измѣнялъ своимъ прежнимъ союзникамъ. Высвободившись мало-по-малу изъ прямой зависимости отъ ослабѣвшей Восточной имперіи и присвоивъ себѣ нѣкоторую государственную самостоятельность посредствомъ временныхъ союзовъ съ Франками и даже Лонгобардами и постояннаго сочувствія итальянскихъ старожиловъ съ своею древнею столицею, папа никогда не доброхотствовалъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, Лонгобардамъ. Многіе изъ нихъ еще оставались вѣрными аріанству, многіе приняли ученіе никейское изъ простаго политическаго расчета; всѣ были отчасти подъ вліяніемъ политики византійской и восточнаго ученія, никогда не признававшаго законности папскихъ притязаній на независимость въ дѣлахъ гражданскяхъ и на управленіе церковью въ дѣлахъ духовныхъ. Такіе сосѣди угрожали постоянною опасностью Риму и находились съ нимъ въ постоянной враждѣ. Готы, хотя и принявшіе никейское исповѣданіе, были слишкомъ слабы, далеки и волнуемы внутренними раздорами для сопротивленія напору Лонгобардовъ.

Вступая въ Испанію, они имѣли еще отчасти значеніе народа, ищущаго себѣ осѣдлости, и сохраняли общинное устройство. Въ скоромъ времени утратили они всѣ эти остатки народной старины и обратились въ нестройную и аристократическую дружину.

Это доказывается отмѣненіемъ старыхъ законныхъ обычаевъ, по которымъ округа или община составляла живое и органическое цѣлое съ правомъ суда надъ своими членами и съ отвѣтственностью за нихъ въ дѣлахъ уголовныхъ (*).

Но при этой перемѣнѣ они лишались своей прежней силы народной и не пріобрѣтали новой, дружинной силы, ибо не были связаны ни оспоримымъ единствомъ родового дружиноначальника, какъ Франки, ни правильными и вѣрно разсчитанными условіями, которыхъ строгая формальность можетъ отчасти замѣнять живой духъ народнаго единства. Наконецъ, по привычкамъ, почерпнутымъ ими во время долгаго странствованія въ областяхъ римскихъ, они не имѣли ни той строгой аристократической исключительности, которая впослѣдствіи придавала силу германскимъ и норманскимъ завоевателямъ въ другихъ странахъ (это доказывается процвѣтаніемъ городовъ, сравнительною свободою подвластнаго народа и излишнею властью духовенства въ дѣлахъ правительственныхъ), ни того постояннаго властолюбія и стремленія къ управленію государствомъ, которое могло бы возвысить частныя лица до сознанія своихъ общественныхъ правъ и до безусловной покорности своимъ общественнымъ обязанностямъ. Готская держава истлѣвала и распадалась. Ударъ внѣшней силы долженъ былъ ее разрушить почти безъ сопротивленія. Этотъ подвигъ былъ совершонъ Аравитянами. Но еще слишкомъ за столѣтіе прежде своего окончательнаго паденія Готы лишились всякаго историческаго значенія и не могли служить опорою епископу римскому противъ Лонгобардовъ. Папа оставался постоянно вѣрнымъ союзу своему съ Франками и находилъ въ нихъ постоянно вѣрныхъ защитниковъ.

Вся исторія западной Европы, за исключеніемъ островной

области Англо-Саксовъ (или Угло-Саксовъ), заключается въ продолженіе слишкомъ пяти вѣковъ единственно въ постепенномъ измѣненіи двухъ властей, римскихъ епископовъ и Франковъ, давшемъ смыслъ, направленіе и характеръ всей послѣдующей исторіи Европы и міра; ибо область Вестготовъ испанскихъ, завоеванная Аравитянами, получила вещественныя силы для будущаго освобожденія и большую часть своего характера отъ наплыва изъ свободной и сильной области Франковъ, а лонгобардская Италія и особенно коренные жители Германіи, завоеванные династіями франкскими, сохранили навсегда, даже въ своей возвращенной самостоятельности, печать, наложенную на нихъ временнымъ владычествомъ потомковъ Меровея или Карла.

Епископъ римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судьи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ западныхъ епархіяхъ. Впрочемъ, эта власть была ограничена рѣшеніями соборовъ частныхъ (какъ видно изъ многихъ спорныхъ случаевъ), вполнѣ подчинена рѣшеніямъ великихъ, такъ называемыхъ вселенскихъ, соборовъ и никогда не касалась до рѣшенія споровъ догматическихъ или даже обрядныхъ. Это явствуетъ изъ неуваженія къ подписи папы Либерія подъ символомъ аріанскаго собора, изъ анаѳемы, произнесенной противъ папы Гонорія, изъ долгихъ споровъ о времени Пасхи и даже изъ собственныхъ показаній властолюбивѣйшаго изо всѣхъ папъ, Николая I-го, въ письмѣ его къ Фотію (*). Постепенное ослабленіе Византіи и политическій разрывъ между восточною Имперіей, уцѣлѣвшею, и западною, завоеванною Германцами, возвысили значеніе римскаго престола. Власть его въ дѣлахъ церковныхъ становилась болѣе и болѣе неоспоримою, тѣмъ болѣе что онъ служилъ единственнымъ покровителемъ духовенства, угнетеннаго аріанами, и что Меровинги въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ

охотно слушались голоса и исполняли приговоръ могучаго союзника, которому они были обязаны многими побѣдами и пріобрѣтеніями. Но за всѣмъ тѣмъ единство ученія догматическаго и память жизненнаго единства церкви удерживали папъ въ постоянной связи и невольной зависимости отъ цѣлой церковной общины и отъ ея духовныхъ представителей на ослабѣвшемъ, но еще просвѣщенномъ и мыслящемъ Востокѣ. Мысль римская не отрывалась отъ опеки эллинскаго міра.

Иное было понятіе Эллина, иное Римлянина о вѣрѣ и церкви. Для Эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства, доступнаго человѣку, лишенному наслѣдства преданія, вѣра была принадлежностью лица и лицо основою Церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденій составлялось всеобщее вѣрованіе Церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженіе истины, переданной Богочеловѣкомъ Іисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ Божественнымъ Духомъ: изъ жизненнаго единства всѣхъ одновѣрующихъ лицъ составлялась внутренняя и внѣшняя жизнь Церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ Церковь въ глазахъ Эллина была явленіемъ міровымъ. Для Римлянина, создавшаго самое могущее изо всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а Церковь—явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ то же время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символъ единства и постоянное выраженіе его законной власти долженъ былъ находиться въ римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

Эти притязанія, не признанныя Церковью, ясно выражены еще въ III-мъ вѣкѣ въ спорѣ между восточными и западными общинами о

времени Пасхи, а доказательство того, что первенство римскаго епископа основывалось на значенiи города, а не на преемствѣ Петра, находится во всѣхъ рѣшенiяхъ соборныхъ, ибо Антiохiя считалась наравнѣ съ Римомъ престоломъ Петра (*).

Характеръ историческаго развитiя западной Европы.—Церковь западная въ сравненiи съ восточною.

Древнiй Римъ налагалъ свою печать на новое христiанство Запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величiя была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри; но кромѣ этой своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятiя о Церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношенiи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствiяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ или Римлянъ, или жителей одной Италiи, но въ направленiи всего умственнаго развитiя на Западѣ. Эта причина была ни что иное, какъ односторонность самаго западнаго просвѣщенiя. Оно не было произведенiемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многостороннимъ проявленiямъ дѣйствiемъ собственной исторической судьбы или влiянiемъ чуждаго просвѣщенiя. Темный Западъ еще не сознаЛъ въ себѣ своей собственной мысли: онъ принялъ просвѣщенiе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутреннiй духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторыя германскiя семьи силою римскаго меча были заключены въ просвѣщенiе; кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества, они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и логику государственной полицiи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленiи къ новому развитiю права. Эта дѣятельность, убитая въ

отношенiи къ жизни государственной и гражданской германскимъ завоеванiемъ, обратилась на единственное еще свободное поприще—Церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственнаго ими сознаннаго проявленiя человѣческой мысли.

Это стремленiе ясно не только въ развитiи церкви Запада, но и въ ея ересяхъ—пелагiанизмѣ и адопцiанизмѣ, которыя одни только и принадлежатъ ей, ибо всѣ прочiя заняты ею у Востока. Обѣ по своей сущности могли получить характеръ догматико-философскiй (ибо пелагiанизмъ имѣлъ предметомъ своимъ волю, т.-е. самодѣятельность духа; а адопцiанизмъ заключалъ въ себѣ вопросы, пробудившiе на Востокѣ расколы Несторiя и Евтихiя), но обѣ приняли на Западѣ характеръ чисто-юридическiй, отчасти доведенный до смѣшной крайности.

Поэтому главная задача западнаго мiра, главное его требованiе, выразившееся въ продолженiе нѣсколькихъ вѣковъ, были построенiе Церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значенiе ихъ было различно. На Востокѣ они были только выраженiемъ общаго мнѣнiя. Рѣшенiя ихъ, кромѣ частныхъ положенiй объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ, были изложенiемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣлдности догматической логики или изложенiемъ общихъ преданiй. Сознанiе всей общины, принимающей это изложенiе и признающей его полное согласiе съ преданiемъ и вѣрою, уже существующею, но до тѣхъ поръ неопредѣленною съ логической ясностью, доставляло собору всю его силу и неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На Западѣ тѣ же соборы облечены были общимъ мнѣнiемъ въ правительственныя права, не подлежащiя никакому суду, и рѣшенiя ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ—приговоромъ (*).

Разумѣется, это различiе не можетъ быть доказано свидѣтельствами современниковъ, ибо оно было только въ зародышѣ мысли, а не въ ясномъ сознанiи; но оно доказывается всѣмъ послѣдующимъ раз-

витіемъ, всѣми позднѣйшими писателями и всѣмъ богословскимъ міромъ Европы и даже многоученой Германіи, который и до сихъ поръ не можетъ иначе смотрѣть на соборы какъ съ старой римской или юридической стороны. Отъ этого вдгляда и происходили всѣ споры о формальной законности соборовъ и вся жалкая полемика объ ихъ правахъ.

Но случайность соборовъ, ихъ возможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, сознаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни Церкви; а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить Церковь въ духовное государство и облечь папъ почти безъ ихъ воли въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкѣ.

Разумѣется, папы старались ускорить развитіе этого всеобщаго стремленія. Ихъ винить нельзя не только по снисхожденію, но по справедливости; ибо они должны были раздѣлять всеобщее убѣжденіе и признавать обязанностью своею устроеніе всего міра согласно съ нимъ. Сопротивленіе кое-какихъ епископовъ, общинъ или правительствъ было только случайностью, споромъ о предѣлахъ, а не о началѣ власти и должно было уступить болѣе строгому и вѣрному развитію общей западной мысли въ лицѣ папъ.

Освобожденіе отъ Византіи, союзъ съ Франками и другія историческія происшествія (какъ, напр., учрежденіе калифата, обращеніе нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ проповѣдниками изъ Рима и великія личности на римскомъ престолѣ) ускорили неизбѣжное возвеличеніе епископовъ римскихъ; но оно было

во всякомъ случаѣ неизбѣжно при разрывѣ Запада съ Востокомъ. Причины разрыва были внутреннія, происходящія отъ различія умственной жизни и отъ взаимнаго недоброжелательства или презрѣнія между областями римскаго образованія и областями образованія эллинскаго—тѣ самыя, которыя въ прежніе вѣка раздѣлили Имперію на двѣ половины. Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніей.

Готы, повинуясь невольно вліянію завоеваннаго иверо-римскаго народа и его духовенства, сохранившихъ нѣкоторые остатки прежняго просвѣщенія, отступили отъ аріанства. Это отступленіе, разумѣется, было не всеобщее и повлекло за собою раздоры и междоусобія, но торжество осталось за послѣдователями соборнаго ученія. Нестройная аристократія Готовъ, сохранявшая нѣкоторую военную и государственную дѣятельность, покуда еще боролась съ мелкими царствами Свевовъ, Алановъ и Вандаловъ и съ Византійцами, временно завладѣвшими юго-западнымъ берегомъ Испаніи, потеряла силу свою и единство стремленій послѣ побѣды, тратя жизнь и природное мужество въ частныхъ междоусобіяхъ или кровавыхъ спорахъ о преемствѣ престола. Духовенство, пользуясь безпечностью аристократіи и ея подозрительною ревностью къ власти царской, а еще болѣе рвеніемъ новообращенныхъ послѣдователей вселенскаго ученія, овладѣло всѣми государственными правами, собирая частые соборы, на которые приглашало кого хотѣло, полагая на нихъ рѣшенія о дѣлахъ правительственныхъ, измѣняя законы гражданскіе и установляя новые почти безъ согласія остальныхъ сословій. Государство приняло отчасти характеръ церковной республики. Таково было послѣдствіе западнаго стремленія, выразившагося съ особенною силою въ странѣ далекой отъ міра восточнаго, болѣе другихъ напитанной характеромъ римскимъ и завоеванной дружиною менѣе сильною, чѣмъ Франки, и менѣе дикою, чѣмъ Лонгобарды. Готы повиновались охотно своимъ духовнымъ правителямъ, раздѣляя отчасти мысли завоеваннаго народа и болѣе другихъ Германцевъ уважая въ духовенствѣ высшее просвѣщеніе, съ которымъ сами уже нѣсколько ознакомились во время своего

долгаго странствованія отъ Дуная до Гибралтарскаго пролива, когда они въ областяхъ Имперіи искали сперва убѣжища отъ мстительнаго меча Славянъ-Гунновъ, а потомъ осѣдлости и привольныхъ жилищъ. Правда, по временамъ церковная власть возставала противъ излишнихъ правъ епископовъ, но почти всегда безуспѣшно; а восторжествовала она только въ послѣднюю эпоху готскаго царства, когда самое торжество ея сдѣлалось гибельнымъ, породивъ скрытую вражду и, наконецъ, явную измѣну части духовенства, для которой иго Аравитянъ показалось менѣе нестерпимымъ, чѣмъ своевластіе царей.

Это явно изъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и изъ ожесточенія, съ которымъ духовные лѣтописцы говорятъ о послѣднихъ готскихъ правителяхъ.

Неотрадно было явленіе этой правительственной власти въ рукахъ духовенства. Преобладаніе идеи государственной, завѣщанной Римомъ, создало стремленіе къ облеченію Церкви въ государственныя формы и къ подчиненію всего гражданскаго общества ея верховной власти; но успѣхъ долженъ былъ исказить Церковь. Она приняла весь условный и принудительный характеръ государства въ томъ смыслѣ, какъ оно извѣстно было древности и какъ оно отчасти представляется даже до нашихъ дней. Римъ посылалъ христіанъ на костры потому, что они отвергали право верховной власти на опредѣленіе общественной религіи и ея боговъ. Готская Испанія подъ правленіемъ епископовъ должна была опредѣлить казни всѣмъ иновѣрцамъ, ибо они отвергали самое начало церковно-государственной власти. Явилась первая инквизиція, обращенная противъ аріанъ и многочисленныхъ Евреевъ, и эта инквизиція мало уступала въ угнетеніяхъ и жестокости позднѣйшимъ изобрѣтеніямъ доминиканцевъ и папъ [1]).

Таковъ былъ выводъ, сдѣланный Готами изъ римскаго начала, и возстановленіе инквизиціи въ позднѣйшее время и даже вся позднѣйшая исторія Испаніи доказываютъ, какъ упорна жизнь мысли

[1]) Ср. примѣч. къ письм. Пальмера, II томъ. *Изд.*

разъ принятой народомъ, и какъ долго она можетъ противиться дѣйствію времени и государственныхъ перемѣнъ. Семивѣковое иго Аравитянъ тяготѣло надъ Пиренейскимъ полуостровомъ, и едва сокрушилось оно передъ усиліями Фердинанда и Изабеллы, какъ уже воскресла Испанія до-аравійской эпохи. Только тѣ ошибки исправляются, которыя сознаны или доведены до своей крайней нелѣпости; только тѣ изглаживаются безъ слѣда, въ которыхъ народъ или человѣкъ принесъ покаяніе.

Но вмѣстѣ съ мечомъ карающей власти поднятъ былъ противъ иновѣрцевъ и мечъ слова. Соборы, издавая кровавые законы противъ аріанъ, старались въ то же время опровергать ихъ ученіе и опредѣлять со всевозможною точностью ученіе, признаваемое своею мѣстною Церковью. Это стремленіе принесло плоды гибельнѣе самой инквизиціи и ея ужасовъ.

Отъ полупросвѣщеннаго духовенства, почти совершенно незнакомаго съ богатою словесностью восточной Церкви (*), нельзя было ожидать глубокихъ богословскихъ познаній и тонкости въ логическикъ опредѣленіяхъ; отъ духовенства, глубоко зараженнаго развратомъ народа, а еще болѣе кровавымъ развратомъ власти, нельзя было ожидать той свѣтлой простоты мысли, которая часто человѣку безграмотному открываетъ смыслъ и истину, недоступные многоученому книжнику; наконецъ, отъ людей, живущихъ исключительно внѣшнею жизнью, нельзя было ожидать ни яснаго пониманія писаній, опредѣляющихъ внутреннюю сущность духовнаго міра, ни даже строгаго вниманія къ нимъ. Въ отношеніяхъ между проявленіями личности въ Божествѣ рѣшеніе вселенскихъ соборовъ признавало зависимость двухъ лицъ, Сына и Духа, отъ перваго—Отца, опредѣляя отношеніе Сына къ Отцу словомъ *рожденіе*, а Духа—словомъ *происхожденіе*.

Разумѣется, мы не входимъ въ разборъ философской истины и даже смысла догматовъ; но логическій разборъ соборныхъ опредѣленій и ихъ выраженія необходимы для разумѣнія великихъ историчеткихъ происшествій, точно такъ же, какъ разборъ аріанскаго или несторіанскаго раскола.

Такимъ образомъ опредѣлялось совершенное единство начала въ Божествѣ и, такъ сказать, внутренній образъ Божества; съ другой стороны, явленіе божественнаго Духа или Его схожденіе въ міръ приписывалось (хотя не соборнымъ рѣшеніемъ, но общимъ признаніемъ) Отцу и Сыну. Немногіе изъ святыхъ отцовъ, говоря о Духѣ Божіемъ, употребили выраженія, которыя въ тѣснѣйшемъ смыслѣ означали происхожденіе Духа отъ Отца и Сына.

Число этихъ церковныхъ писателей весьма огриниченно. Это доказано до очевидности, ибо большая часть авторитетовъ, приводимыхъ многими западными писателями до нашего времени, созданы безстыдною фальсификаціей текстовъ (*).

Тѣ, которые признавали, повидимому, двойственное происхожденіе Духа и, такъ сказать, двуначаліе въ Божествѣ обращали единственно вниманіе на отношеніе Божества и Духа Божественнаго къ міру твореній.

Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно допускали ложное толкованіе, изучивъ только внѣшнія явленія, а не внутреннія опредѣленія Божества, признанныя соборами; но и этого доказать нельзя, а значительнѣйшіе явно говорили объ исхожденіи въ міръ (ad extra). Такъ, напр., Августинъ, говоря: «procedit a Patre et Filio, principaliter autem a Patre», безспорно употребляетъ выраженіе, равносильное выраженію «quoad principium», т.-е. исходитъ отъ Отца и Сына, происходитъ же отъ Отца.

Какъ бы то ни было, но въ спорѣ между духовенствомъ испанскимъ и аріанами желаніе возвеличить второе лицо въ Божествѣ, отвергаемое Готами-аріанами, заставило искать всѣхъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями отцовъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внѣшнія понятія богослововъ крайняго Запада недостаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутреннимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того вре-

мени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ греческой церковной словесности, усилило ошибку; обстоятельство рѣшительное въ этомъ дѣлѣ было оставлено безъ вниманія, именно то, что ученіе о происхожденіи Духа отъ Отца и Сына было названо богохульствомъ и предано Θеодоритомъ въ спорѣ его съ Кирилломъ анаθемѣ, одобренной и слѣдовательно утвержденной вселенскимъ соборомъ (*); и это презрѣніе къ рѣшенію соборному не можетъ быть приписано ничему, кромѣ незнанія. Духовенство испанское, облеченное въ неслыханныя государственныя права и привыкшее рѣшать судьбу народа, не могло въ своемъ гордомъ самодовольствѣ быть остановлено сомнѣніями о законности своихъ приговоровъ и памятью о зависимости каждой частной мысли (личной или областной) отъ общей мысли всего христіанства. На толедскомъ соборѣ въ VII-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. сдѣлано было извѣстное прибавленіе *«и отъ Сына»* къ изложенію вѣры, или сѵмволу никео-константинопольскому. Мало-по-малу это прибавленіе стало вкрадываться во всѣ общины Запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравитянъ и паденіе царства вестъ-готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе восточной Имперіи, до половины завоеванной мусульманами, удаляло воспоминаніе о ней; возрастающая сила Запада въ первую эпоху Карловинговъ, т.-е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивали самоувѣренность и гордость германо-романскихъ областей; наконецъ, бѣгство многихъ изъ испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ (франкскаго и гото-романскаго) ускорили принятіе сѵмвола толедскаго почти во всемъ Западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испаніей прежде другихъ; оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣ же начала готовыя, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ Западѣ была та же чисто-внѣшняя жизнь, та же неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ опредѣленій, наконецъ двуначальность Запада во всѣхъ отно-

шеніяхъ, важность факта въ мірѣ, созданномъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ римскомъ правѣ (единственной основѣ всей западной мысли) заставляли невольно переносить ту же самую двуначальность земную въ міръ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія—*Духа* не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли—*Отца* и отъ перваго ея проявленія или факта—*Сына*. Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Италія и самый Римъ имѣли менѣе римскаго характера, чѣмъ западныя области Имперіи. Это положеніе, повидимому странное, объясняется довольно просто. Области ближайшія къ сильнымъ центрамъ эллинскаго мышленія находились подъ могущимъ вліяніемъ Греціи. Многостороннее и высшее просвѣщеніе Италіи въ сравненіи съ завоеванными странами Кельта или Иверца скрывали въ ней то одностороннее направленіе, которое должно было возникнуть изъ исключительно-государственнаго характера Рима. Эта односторонность, которая проявлялась рѣзко въ странахъ, получившихъ свое историческое значеніе отъ римскаго завоеванія, была только въ зародышѣ и робко выступала въ своей родинѣ. Римъ, всегда стремившійся къ самостоятельности въ силу историческихъ воспоминаній и мѣстнаго эгоизма, съ самаго перенесенія столицы въ Византію находился безсознательно подъ опекою греческой мысли. Сѣверная Италія, нѣкогда затмившая самый Римъ въ послѣднее время западныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ Равеннѣ, была тѣснѣе связана съ Востокомъ, чѣмъ съ Западомъ. Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ Востокомъ. Западныя общины настаивали и грозились отторженіемъ отъ римскаго престола, ибо понятія о правахъ его были еще шатки. Устрашенный и, можетъ быть, отчасти убѣжденный, папа допустилъ новое исповѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ (*), нуждаясь въ греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшитель-

но отвергнуть перемѣну въ символѣ и, желая дать Востоку явное доказательство своего православія, велѣлъ выставить въ главномъ римскомъ соборѣ никео-константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ. Но неудержимое стремленіе Запада къ самостоятельности духовной должно было принесть свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на Западѣ не вслѣдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но вслѣдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго римскимъ епископомъ. Дружескія сношенія и согласія съ Востокомъ продолжались, повидимому, такъ же, какъ и прежде. Востокъ, полузадавленный Аравитянами и занятый тогда своимъ собственнымъ вопросомъ о свободѣ обряда или художественнаго выраженія мысли церковной (споромъ объ иконахъ), или не зналъ нововведенія западнаго или не обращалъ на него вниманія. Рѣшеніе седьмого вселенскаго (2-го никейскаго) собора подало поводъ къ новымъ распрямъ. Сообщенное западнымъ общинамъ и одобренное епископомъ римскимъ, оно было сначала отвергнуто духовенствомъ и епископами франкскими. Пополнительныя объясненія епископовъ греческихъ устраняли отчасти эти несогласія, но за всѣмъ тѣмъ рѣшеніе никейскаго собора нескоро еще было признано всѣмъ Западомъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выражалось коренное различіе двухъ понятій о Церкви. Востокъ греческій отстаивалъ свободу и святость свободнаго художественнаго выраженія въ обрядѣ и былъ правъ. Западъ римскій, обрадованный мыслію о правѣ и положительной пользѣ, видѣлъ въ иконахъ и слѣдовательно въ обрядѣ вообще положеніе законное, содержащее въ себѣ признаніе какой-то заклинательной пользы. Онъ отвергалъ такое признаніе и былъ правъ; впослѣдствіи онъ принялъ приговоръ соборный, но это принятіе было уже признакомъ развивающагося искаженія религіозной мысли. Между тѣмъ временное разногласіе, хотя отчасти и умягченное посредничествомъ папъ, усилило давно уже существующій, но еще не обнаружившійся раздоръ.

Восточныя общины обращались къ западнымъ съ желаніемъ единенія и согласія, прося ихъ участвовать въ общемъ вопросѣ; но западныя, принимая на себя должность судей, не думали предлагать восточной своей братіи вопросы, возникающіе изъ ихъ новой умственной жизни. Важное измѣненіе символа было обще принято и признано безъ всякаго сообщенія съ епископами тѣхъ странъ, отъ которыхъ, по собственному сознанію всѣхъ западныхъ писателей, была почерпнута вся наука христіанскаго міра. Такова была естественная гордость молодого просвѣщенія, опиравшагося на огромное развитіе вещественныхъ силъ. Папы, нескоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ перемѣну собственною властью своею *). По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ Западомъ; по притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершонъ, хотя современники и современные лѣтописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Новая имперія воздвигнута была на Западѣ. Новый императорскій вѣнецъ положенъ былъ на голову Карла Великаго. Міръ западный выразилъ свою самостоятельность и свои гордыя притязанія на наслѣдство міродержавнаго Рима. Папа, возрастившій силу Франковъ и призвавшій ихъ въ Италію, вѣнчавшій императора, благословившій его всею святынею христіанства и всѣми воспоминаніями великой древности, признавшій его меченосцемъ христіанскаго міра и главою всѣхъ вѣнчанныхъ главъ, возросъ по необходимости въ глазахъ всего Запада. Безъ сомнѣнія замѣтно въ Карлѣ Великомъ желаніе полагать предѣлы папской власти, произносить надъ нею судъ по обычаю императоровъ римскихъ и сохранять самостоятельную свободу епископовъ; послѣ него то же самое направленіе замѣтно и въ его преемникахъ и въ самыхъ епи-

*) Соборъ въ Bari 1097 (у Hefele, 98 года) при Урбанѣ II-мъ. *Изд.*

скопахъ, стремившихся къ увеличенію своей власти въ дѣлахъ гражданскихъ и государственныхъ (особенно при мягкодушномъ Людовикѣ), но въ то же время старавшихся удержать какую-то республиканскую форму церковнаго правленія. Всѣ эти усилія должны были остаться безъ успѣха. Общее мнѣніе, уступки, сдѣланныя давно всѣмъ Западомъ римскому епископу, историческое значеніе его престола и логическое развитіе мысли германо-римской о христіанствѣ, должны были доставить папѣ окончательную побѣду и правительственное первенство въ церкви. Нужны были только человѣкъ сильный духомъ и счастливый случай, который никогда не измѣняетъ такимъ людямъ, когда они вѣрно служатъ общей мысли. Около половины IX-го вѣка взошелъ на римскій престолъ Николай I-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостью, которая не боялась никакой борьбы, и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготовлялъ свои орудія. Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія; временному и случайному дано значеніе постояннаго и всеобщаго, исключительному или спорному—значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ, для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано вслѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное вслѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное наперекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ; но все принято съ равною вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить Церковь, дать ей независимость и поручить ея духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы

и духовенство Италіи, въ которой Греки и восточная Церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и очевидно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковныхъ правовѣдовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено извѣстное собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею западною Европою въ продолженіе многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ. Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимости высшаго духовенства въ земляхъ прирейнскихъ и одержать полную побѣду, утвердившую навсегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ; ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на возстановленіе своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакого вниманія: это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно - правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на Западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на Востокъ. Онъ воспользовался раздорами константинопольской эпархіи, которая одна изъ всѣхъ первенствующихъ эпархій не впала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его, часть новообращенныхъ славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму, императоры готовы были покориться римскому духовному владыкѣ; но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможной,—и все перемѣнилось; западныя нововведенія осуждены, древнее пре-

даніе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, славянскія области возвращены цареградской эпархіи, самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ восточной Церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда: ибо позднѣйшая ссора патріарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіи разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Міръ Церкви раздѣлился, духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился пріобрѣтеніемъ безконечной страны славянской. Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

Всякая отдѣльная община имѣла свой особенный характеръ; всѣ удерживались въ предѣлахъ общаго единства взаимнымъ противодѣйствіемъ и взаимною опекою.

Такъ были устранены начала іудейскія (несторіанство) въ Сиріи, гнозиса (савелліанство) (*) въ Египтѣ, заклинательнаго кушитства (донатизмъ) въ Африкѣ и другія. Освободившись отъ противодѣйствія Востока, римское начало Запада должно было придти къ своимъ логическимъ выводамъ въ области догмата и обряда и въ области государственнаго и правительственнаго устроенія. Духовная община Церкви исчезла въ государственномъ обществѣ Церкви. Народъ (міряне) исчезалъ въ правительствѣ (духовенствѣ), а духовенство—въ своей постоянной главѣ, въ монархѣ-папѣ; языки народные, мѣстные должны были уступить мѣсто языку государственному, всеобщему—латинскому; папа, постоянный правитель въ силу права даннаго ему Божественнымъ Основателемъ Церкви и источникомъ истины Христомъ, долженъ былъ быть безошибочнымъ хранителемъ истины и догматическаго толкованія ея. Всѣ выводы эти были неизбѣжны. Николай I-й, основатель папства, еще не думалъ о введеніи одного церковнаго языка и о порабощеніи мѣстныхъ нарѣчій, и его первый преемникъ осуждалъ еще исключительныхъ поборниковъ писаній и молитвъ на языкахъ латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ и назвалъ ихъ учениками не Христа, а Пилата (въ посланіяхъ къ землямъ

славянскимъ); но позднѣйшіе папы поняли необходимость обще-церковнаго слова и дали это значеніе искаженной латини. Николай, утверждая за папами право суда безспорнаго, еще не признавалъ за ними безошибочности въ дѣлахъ вѣры и говорилъ, что послѣдній мірянинъ въ спорѣ о догматахъ имѣетъ одинаковый голосъ съ первымъ изъ епископовъ (въ письмѣ къ Фотію). Позднѣйшіе папы признали свою непогрѣшимость, и весь Западъ покорился этому рѣшенію. Наконецъ, римскій епископъ долженъ былъ не только освободиться отъ всякой свѣтской власти и отъ утвержденія мірскими правителями, но отъ всякаго мѣстнаго вліянія. Избраніе папы должно было перейти къ совѣту свободному и отторгнутому отъ всего остальнаго міра. Оно сдѣлалось въ половинѣ XI-го вѣка дѣломъ кардиналовъ и позднѣе еще совершенно независимъ отъ согласія императоровъ. Всѣ эти измѣненія совершались быстро силою принятыхъ уже началъ и несмотря на развратъ и слабость преемниковъ Николая I-го. Безсознательно и невольно совершилось дѣло, начатое его смѣлымъ духомъ.

Община естественная управляется преданіемъ и истинктомъ духа, въ ней живущаго, всегда оставаясь вѣрною себѣ, несмотря на случайныя противорѣчія тѣсно-логическихъ выводовъ. Государство по необходимости управляется своею законною логикою, правитель самовластный подчиняется ей поневолѣ. Такимъ образомъ раціонализмъ или тѣсно - логическій анализъ сдѣлался характеромъ западной Церкви, въ противоположность созерцательнаго разумѣнія, сохранившагося на Востокѣ. Понятіе о правовѣрности, перенесенное въ Церковь изъ Римскаго права, развилось и не могло не развиться въ видѣ полезности (утилитаризма). Молитва, обрядъ, таинство, доброе дѣло получили, въ отношеніяхъ человѣка къ Божеству, характеръ заслуги и силы заклинательной, совершенно соотвѣтствующій кушитскому волхвованію.

Всякая мѣстная справедливость въ общемъ государствѣ христіанскомъ должна получить начало и утвержденіе отъ правды общей; папа, какъ глава всей Церкви, долженъ былъ изъ-

явить притязанія на судъ надъ государями, и въ этомъ притязаніи былъ строгій логическій выводъ. Все это исполнилось; но такъ какъ основаніе всей мысли римской было одностороннее, то позднѣйшее противодѣйстіе было неизбѣжно такъ же-такъ и временное торжество.

Раціонализмъ долженъ былъ кончиться отрицаніемъ протестантскимъ, ибо анализъ идетъ путемъ разложенія и отрицанія. Въ своемъ окончательномъ выводѣ протестантство должно перейти въ анализъ чисто-философскій со всѣми его послѣдствіями: въ своемъ религіозномъ періодѣ онъ долженъ былъ сохранить и сохранилъ характеръ правомѣрности или полезности, т.-е. кушитскаго заклинанія.

Это же называется въ большей части случаевъ пелагіанствомъ. Его нельзя не замѣтить и въ римскомъ католикѣ, и въ его противникѣ протестантѣ, который дѣйствительно принялъ всѣ опредѣленія римскія и остался въ зависимости прямаго отрицанія отъ Рима, какъ буддаизмъ отъ шиваизма.

Притязаніе на верховный судъ въ дѣлахъ свѣтскихъ должно было кончиться борьбою со свѣтскими властями и отрицаніемъ права духовной власти надъ свѣтскою, и эта борьба, начатая императорами германскими, кончена была всѣми государями Запада.

Таково было позднѣйшее развитіе римскаго понятія, приложеннаго къ Церкви; но и въ первое время оно безспорно связало всѣ западныя государства въ одно цѣлое государство или общество христіанское, въ такъ названное Tota Christianitas. Это приложеніе христіанства къ жизни, несмотря на свою односторонность, было ново въ мірѣ и подѣйствовало не безполезно на внутреннее развитіе частныхъ державъ, хотя это дѣйствіе было недостаточно и слабо. Множество новыхъ задачъ было задано человѣчеству; всѣ онѣ не разрѣшены по односторонности первоначальныхъ данныхъ, но стремленіемъ къ разрѣшенію нхъ волновалось и двигалось все человѣчество до нашего времени.

Государственная жизнь на Западѣ. Франки и Галлы.

Другая великая власть, двигавшая Западъ, власть Франковъ, не заключалась, какъ папство, въ идеѣ религіозной. Поэтому измѣненія ея судьбы не представляютъ на первый взглядъ той строгой логической послѣдовательности, которая такъ ясна въ исторіи римскаго престола; но и исторія Франковъ была такъ же, какъ и всякая другая исторія, развитіемъ мысли; слѣдовательно и она должна была управляться и управлялась законами логической необходимости, болѣе или менѣе скрытой подъ покровомъ человѣческихъ случайностей.

Франки, завоевавъ Галлію, основали государство на правѣ сильнаго и на понятіи о дружинѣ. Въ этомъ отношеніи они поступили такъ же, какъ и всѣ другіе германскіе завоеватели Запада (за исключеніемъ Угло-Саксовъ [1]); но дружина франкская отличалась отъ всѣхъ дружинъ тѣмъ, что она была личною дружиною князей поморскихъ (Меровинговъ), а не вольницею или дружиною народною. Это отличіе дало имъ несравненно бóльшую крѣпость и при союзѣ римскаго престола рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми соперниками. Въ составъ ихъ царства вошли, кромѣ Галліи, западная Германія, за исключеніемъ устьевъ Рейна; вся южная Германія, часть славянскихъ земель до Адріатическаго моря и значительная часть средней Германіи, Тюрингія (которой имя, происходящее отъ слова *Тверичи*, свидѣтельствуетъ о первоначальномъ или, чтó вѣроятнѣе, о временномъ славянскомъ заселеніи во время гунно-славянскаго разлива).

Къ слову Тюрингенъ и къ его производству отъ *Тверичей* прилагается то же правило разумой критики о характерѣ народныхъ или поколѣнныхъ именъ, которое въ имени Анговъ указываетъ на Угличей.

Побѣды личной дружины франкской надъ дружинами народными очень понятны. Остается другой вопросъ: откуда произошла эта отличительная черта Франковъ и почему они составили не народную, а личную дружину въ то время, когда

[1]) Англо-Саксовъ. *Изд.*

всѣ другія семьи германскія представляли характеръ дружинъ народныхъ? Различіе было безспорно дѣломъ случая, ибо оно не имѣло корня въ какой, нибудь особенности прирейнскихъ Германцевъ (какъ видно изъ сказаній римскихъ); но, съ другой стороны, возможность этого случая была обусловлена особенными обстоятельствами ихъ жизни. Народная стихія была слабѣе у Франковъ, чѣмъ у многихъ германскихъ племенъ (напр., у Готовъ, Лонгобардовъ и др.), потому что хотя всѣ ополченія германскія были отчасти сплавами разныхъ народовъ, но почти во всякой дружинѣ преобладалъ какой нибудь народъ, дающій ей имя и характеръ. У Франковъ же большее равенство между составными стихіями допускало большее вліяніе случайнаго преобладанія личности. Такая преобладающая личность явилась въ домѣ князей поморскихъ (Меровинговъ), безспорно отъ ихъ огромнаго обогащенія вслѣдствіе морскихъ разбоевъ (прекращенныхъ только счастливымъ соперничествомъ Саксовъ) (*) и по всей вѣроятности также вслѣдствіе особенной торговой важности самаго Поморья и устьевъ Рейна, всегдашняго и теперешняго перепутья южной и сѣверной торговли.

Этотъ край, древнее наслѣдіе братьевъ и союниковъ Венетовъ, Славянъ-Менябовъ и Морянъ [1]), купцовъ и мореходцевъ, давно уже перешелъ въ руки Германцевъ, Батавовъ и Франковъ; но нелѣпо бы было думать, что всѣ слѣды прошедшаго могли такъ скоро изгладиться и что старые торговые пути могли быть такъ скоро забыты. Розысканіе германскаго ученаго о примѣчаніяхъ къ франкскимъ законамъ (*), доказало какъ долго и ясно сохранилась кельтобеолгская стихія въ земляхъ прирейнскихъ послѣ четырехвѣковаго порабощенія Римлянамъ и двухвѣковаго подданства Франкамъ. Точно то же или почти то же должно было случиться и съ славянскою стихіей, которой долгое сохраненіе доказываетсяименемъ Вильценбургъ, преданіями мѣстными о славянскомъ лѣсѣ, о поклоненіи Белъ-богу и т. д. (*). Въ самыхъ изслѣдованіяхъ объ глоссѣ можно бы указать на многія слова (напр. *боровъ*), которыя принадлежатъ славянскимъ нарѣчіямъ, и даже имя *Батавіи* происхо-

---

[1]) Менапіи и Морины. *Изд.*

дитъ отъ чисто-славянскаго корня (*батпть*, отъ чего *батва*, *батогъ* и т. д.) и означаетъ богатыя пастбища приморскія. Но, не входя въ подробности, этого намека достаточно, чтобы понять накопленія богатствъ у Франковъ-поморянъ, занявшихъ область торговыхъ Славянъ поморскихъ.

Начало дома Меровингскаго неизвѣстно; но миѳическія преданія, которыми онъ окруженъ съ колыбели (преданіе о происхожденіи отъ морскихъ боговъ (*)), такъ же какъ и многія черты позднѣйшія, указываютъ, повидимому на древнюю славу и какъ будто святость рода. Такимъ образомъ соединены были въ немъ два значенія царскаго и дружиннаго величія (rex ex nobilitate, dux ex virtute). Къ этому должно прибавить безпрестанныя сношенія съ міромъ римскимъ, которому Франки были подручниками до своего освобожденія, и привычка къ государственной политикѣ, занятой у Римлянъ, но доведенной бездушными Франками до крайней степени обмана и безстыдной игры словомъ и клятвою (по свидѣтельству всѣхъ современниковъ и по всѣмъ позднѣйшимъ историческимъ событіямъ). При такихъ данныхъ легко могла и должна была составиться въ поморьи сильная личная дружина, которая въ своемъ единствѣ нашла зародышъ будущихъ завоеваній. То Гунны, то Римляне, поочередно призванные какъ покровители и поочередно обманутые, помогали усиленію дома Меровингскаго, который мало-по-малу распространялъ свои завоеванія безъ большой славы, но съ расчетомъ и большою осторожностью. Нужна была одна сильная личность для его возвышенія, и эта личность явилась въ Клодвигѣ. Онъ завоевалъ большую часть Галліи и германское прибрежье Рейна. Какъ начальникъ личной, а не народной дружины, онъ большую часть своихъ завоеваній оставилъ въ собственность себѣ и своему роду и слѣдовательно создалъ первое наслѣдственное царство на Западѣ, поставивъ себя несравненно выже и въ совершенную независимость отъ своей дружины.

Многіе приписывали отношенія Меровинговъ къ ихъ дружинѣ и явную подчиненность дружины богатству поземельныхъ владѣній,

пріобрѣтенныхъ Клодвигомъ: это значитъ принять слѣдствіе за причину. Какая народная дружина допустила бы такое огромное обогащеніе своего начальника и его рода? Но безъ сомнѣнія, прежняя власть князей поморскихъ, уже и прежде признанная всею ихъ дружиною, усилилась ихъ завоеваніями, обращавшимися въ ихъ собственность.

Клодвигъ раздавалъ свои новыя владѣнія своимъ вѣрнымъ дружинникамъ; но онъ отдавалъ ихъ, какъ свою собственность, на условіяхъ личной службы ему и его роду, а не какъ собственность цѣлаго народа, отдаваемую членамъ дружинъ народныхъ (готской или лонгобардской) на правахъ людей совершенно свободныхъ. Въ этомъ различіи заключалась цѣлая новая государственная система, которой развитіе составляетъ большую часть западной исторіи. Въ одно время съ Клодвигомъ и даже прежде его въ Галлію врывались другія дружины изъ франкскаго же племени, иныя вольныя, т.-е. ополченія народныя съ избранными начальниками, иныя личныя или принадлежащія наслѣдственнымъ вождямъ (кажется, родственникамъ Меровинговъ) или вождямъ, набравшимъ себѣ дружину, а не избраннымъ дружиною. Значительная часть сѣверной Галліи досталась въ руки этимъ случайнымъ союзникамъ Клодвига; но все-таки его часть была несравненно значительнѣе, и борьба между независимыми дружинами и его дружиною была невозможна. Владѣльцы свободные, т.-е. люди, составлявшіе ополченія народныя, были принуждены примкнуть къ новому сильному средоточію, сохраняя только нѣкоторую часть изъ своей прежней вольности, напр., право отказываться отъ дальнихъ походовъ, въ которыхъ военные арендаторы королевской земли участвовали почти поневолѣ; но и это отличіе должно было изглаживаться все болѣе и болѣе.

Оттого-то мы и не находимъ во Франціи ничего похожаго на совершенно свободное владѣніе, которое долго еще существовало въ Германіи и называлось (быть можетъ, вслѣдствіе какого-нибудь языческаго миѳа) Sonnen-Lehn.

Точно такъ же исчезли и дружины, набранныя временными начальниками; отъ нихъ остались слѣды только въ нѣкоторыхъ преимуществахъ, сохраненныхъ потомками этихъ герцоговъ, сдѣлавшихся богатыми владѣльцами. Дружины родовыя, уже привыкшія къ повиновенію герцогамъ родовымъ, вошли еще легче въ составъ великой дружины, съ которой они бороться не могли. Клодвигу стоило только перерѣзать роды княжескіе (что онъ и сдѣлалъ съ удивительною скоростью и почти комическою безсовѣстностью (*)) и объявить ихъ владѣнія своими, чтобы получить всѣ права законнаго наслѣдника отъ страха или удивленія дикаго войска, которое (какъ извѣстно) цѣнило лукавство и измѣну наравнѣ съ блистательнѣйшимъ мужествомъ. Такова была основа франкскаго царства въ Галліи; но дальнѣйшее развитіе этого царства зависѣло отъ самой почвы, на которой оно утвердилось.

Галлія еще до римскаго завоеванія не представляла населенія сплошнаго и одностихійнаго. Югъ былъ заселенъ помѣсью славяно-лигурскаго народа (какъ видно изъ именъ приальпійскихъ мѣстностей и городовъ Антіумъ, Вендіумъ и др.) съ позднѣйшими пришельцами Кельтами, заселенъ Иверцами (около Пиринеевъ), Славяно-Иверцами (какъ уже показано изъ именъ Белъ-горы, Коло-горья и др.), Кельто-Иверцами и сомнительнымъ племенемъ Басковъ (которыхъ языкъ, несмотря на рѣзкія особенности грамматическія, представляетъ корни чисто-иранскіе, отчасти славянскіе, отчасти гаэлическіе съ примѣсью третьей стихіи, вѣроятно иверской, т.-е. гаэлической, уже измѣненной семитическими нарѣчіями). Западъ Галліи (или по крайней мѣрѣ значительная часть его) былъ заселенъ Славянами венедской вѣтви (которой сродство съ приальпійскими Славянами, *Лигурами*, доказано сходствомъ народныхъ именъ Вендовъ, Антовъ и др. и самымъ именемъ главной рѣчи *Лигера*, Лигура). Нѣтъ сомнѣнія, что эти Славяне дальняго Запада уже отчасти слились съ своими прежними утѣснителями, Кельто-Галлами и, можетъ быть, многое приняли отъ нихъ, такъ же какъ и сами многое передали имъ изъ своего характера, вѣрованія и, можетъ быть, языка.

Вліяніе Славянъ на Кельтовъ, несомнѣнное уже a priori, подтверждается особенною святостью западнаго острова, на которомъ жили одни только жрецы и который носилъ имя *Сена* или *Зена* (теперешній *Сейнъ*), происходящее повидимому, отъ слова *жена*, и святостью растенія *самолусъ*, очевидно *жимолость* (*).

Въ самой чисто-кельтской Галліи были двѣ различныя стихіи: ранняя кельто-галльская, въ которой, кажется, преобладалъ характеръ родового класса, и позднѣйшая кельто-кимрская переселенцевъ VII-го и VI-го вѣка до Р. X., въ которой, повидимому, преобладала религіозная іерархія друидовъ. Къ кимрской стихіи, разселившейся по всей Галліи, принадлежала значительная часть сѣверныхъ жителей, еще позднѣйшихъ пришельцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Беолговъ (святыхъ или чистыхъ) или Брезговъ (*) прославившихся особеннымъ мужествомъ своимъ. Вообще Галлія, по собственному показанію Римлянъ, оказала имъ менѣе сопротивленія, чѣмъ другія области дикихъ или полудикихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Имперіи. Ея борьба продолжалась недолго, несмотря на многочисленность и даже мужество жителей, ея возмущенія были ничтожны; частыя измѣны въ самое время борьбы разсказаны (хотя очевидно не всѣ) побѣдителемъ-Кесаремъ. Изъ всего этого ясно, что въ ней стихіи не слились и находились еще въ междоусобной враждѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и римское владычество неровно налегло на побѣжденную страну и что вліяніе побѣдителей не вездѣ было одинаково. Южная Галлія, издавна покоренная и приготовленная къ просвѣщенію уже Греками массилійскими, пропиталась вполнѣ римскою образованностью, римскими обычаями, словомъ и бытомъ Римскимъ. Слѣды этой полной романизаціи, несокрушенной германскимъ нашествіемъ, опредѣлили всю судьбу края въ продолженіе средниxъ вѣковъ и не изгладились до нашего времени. Цѣльнѣе сохранилось славянское прибережье Атлантическаго океана, бѣдное и мало заселенное Римлянами и ихъ колоніями. До сихъ поръ, хотя оно утратило языкъ предковъ и слилось, повидимому, со всею остальною Франціей,

сохранивъ только старое и великое имя Вендовъ, оно еще отличается не только простотою нравовъ, но и особенною твердостью преданія, большою близостью сословій между собою (доказанною во время революціи) и страннымъ соединеніемъ несокрушимаго мужества съ миролюбіемъ (доказаннымъ также во время революціи, ибо главное возмущеніе Вандеи было слѣдствіемъ требованія ея жителей на войну (*)). Арморика, мало принявшая въ себя римскаго владычества, была снова возвращена къ чистотѣ кельтскаго начала новымъ наплывомъ выходцевъ изъ Британіи. Почти то же случилось, хотя нѣсколько позднѣе, съ при-пиринейскою Аквитаніею; ибо переселеніе Басковъ или по крайней мѣрѣ ихъ усиленное движеніе на сѣверъ вскорѣ послѣ паденія римскаго владычества и потомъ при началѣ сарацынской власти въ Испаніи не подлежитъ никакому сомнѣнію и дало краю особый характеръ, положивъ отчасти оплотъ противъ франкскаго напора и отдѣливъ во многихъ мѣстахъ села, занятыя Басками, отъ городовъ, куда скрылось и гдѣ спаслось прежнее полу-римское народонаселеніе. Остальная Франція также представляла въ составѣ своемъ и въ отношеніяхъ къ завоевателямъ Франкамъ великое разнообразіе. Часть, первоначально захваченная Бургундами и впослѣдствіи слившаяся съ областью франкскою, не только была просвѣщеннѣе остальной Галліи и болѣе пропитана римскимъ началомъ, но сохранила эти особенности даже подъ новымъ игомъ, которое было тяжелѣе и враждебнѣе народу, чѣмъ власть Бургундцевъ (союза, составленнаго изъ Германцевъ-горожанъ при-рейнскихъ), слѣдов. уже полупросвѣщенная, привыкшая къ идеѣ права и къ уздѣ писаннаго закона. Франки, завладѣвъ бургундскимъ царствомъ, вступили поневолѣ въ тѣ же отношенія къ народу, въ которыхъ, были и Бургундцы, или, лучше сказать, Бургундія примкнула къ дружинѣ меровингской, не потерпѣвъ значительнаго измѣненія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Оттого-то въ числѣ историческихъ лицъ, принадлежащихъ къ юго-западной Франціи во время первыхъ Меровинговъ, едва ли Галло-Римляне не составляютъ большинства и отличаются безспор-

вымъ превосходствомъ личной доблести даже въ дѣлѣ воинскомъ.

Стоитъ только вспомнить Муммола, величайшаго изо всѣхъ современныхъ полководцевъ.

Сѣверная Галлія была покорена полнѣе и совершеннѣе; въ ней менѣе всего сохранилось римскаго начала и народной самостоятельности; среднія же области, особенно тѣ, которыя перехвачены горными цѣпями, подпали франкской власти не вдругъ. Многія округи, напр., въ Оверни и въ странахъ прилуарскихъ, примкнули къ Меровингамъ сперва какъ союзники (хотя, разумѣется, невольные), потомъ какъ данники, были часто опустошаемы и грабимы и наконецъ захвачены въ общую массу меровингскаго королевства безпрестанными набѣгами королевской дружины скорѣе, чѣмъ правильнымъ и сплошнымъ завоеваніемъ. Дружина была разносоставная, ибо въ нее вошло множество выходцевъ изъ разныхъ германскихъ племенъ и, сверхъ того, множество Галло-Римлянъ, особенно въ первое столѣтіе меровингской династіи. Народъ не представлялъ никакого единства ни въ обычаяхъ, ни въ нравахъ, ни въ языкѣ. Во Франціи не могло возникнуть ничего цѣльнаго и органическаго. Она была страною чистыхъ отвлеченностей народа покореннаго вообще (т.-е. безъ народнаго единства) и завоевательной дружины вообще (т.-е. людей, не связанныхъ между собою ничѣмъ, кромѣ дружинныхъ условій, подъ зависимостью отъ одного рода дружиноначальниковъ). Тутъ уже была готовая система совершенно условнаго государства. Ей оставалось только развиться во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, и она развилась сперва въ формѣ аллодіальной, потомъ въ феодальности, неизбѣжномъ послѣдствіи аллодіальности при наслѣдственности дружиноначальника.

Клодвигъ послѣ завоеванія Галліи (или по крайней мѣрѣ большей части ея) принялъ новое значеніе. Онъ получилъ отъ императоровъ восточныхъ званіе патриція,—званіе, по себѣ ничего не значащее, но почетное и лестное для германскихъ дикарей. Византія, слишкомъ высоко цѣнившая свои

силы и надѣясь со временемъ возвратить себѣ Галлію (какъ она дѣйствительно на нѣсколько лѣтъ покорила Африку и берега Испаніи), хотѣла, можетъ быть, сохранить тѣнь власти на Западѣ и напоминать о себѣ народамъ, нѣкогда принадлежавшимъ къ Имперіи; быть можетъ, она надѣялась въ Франкахъ найти союзниковъ противъ ближайшихъ Готовъ; во всякомъ случаѣ ей не должно было отказать Клодвигу въ ничтожной почести. Клодвигъ принялъ эту почесть съ величайшею радостью; онъ ее принялъ какъ званіе царское: онъ вѣнчался на патриціатъ. Желаніе Меровинга и его радость не должно приписывать единственно политическому расчету; въ нихъ явны слѣды прежнихъ, еще не забытыхъ отношеній Рима къ Германцамъ, прежнихъ побѣдъ и прежняго подданства. Германецъ благоговѣлъ передъ Имперіей даже тогда, когда разрушалъ ее, и одѣвался съ дѣтскою гордостью въ римскіе чины, какъ будто облекаясь въ историческую святыню.

Такъ точно вестъ-готскіе цари называли себя *Флавіями* (*), и независимые цари дикихъ ордъ средней Азіи выпрашивали отъ китайскаго двора царскіе или княжескіе титулы въ то время, когда готовились разгромить или завоевать Китай. О такихъ мелкихъ побужденіяхъ не должно бы было и говорить, если бы въ нихъ не было, кромѣ явнаго свидѣтельства о вліяніи Рима на душу побѣдителей его, и объясненія многихъ фактовъ позднѣйшей исторіи. За всѣмъ тѣмъ, понимая дѣтскую сторону въ мысли Клодвига, критика историческая не можетъ не допустить, что въ немъ было сознаніе, хоть неясное, хоть инстинктивное, новаго значенія, которое онъ пріобрѣталъ черезъ патриціатъ и, такъ сказать, черезъ свое усыновленіе Имперіей. Дѣйствительно, Клодвигъ дѣлался въ глазахъ народа законнымъ преемникомъ прежнихъ правъ государства и какъ будто продолжителемъ римской эпохи; ему принадлежала новая сила, независимая отъ силы воинственной дружины, ему усвоивались мысли, чуждыя его германскому происхожденію и быту. Но силой этой не скоро сумѣлъ воспользоваться король Франковъ, и мысль эта не скоро могла развиться въ его головѣ и въ его государствѣ.

Главнымъ представителемъ народа или по крайней мѣрѣ общества римскаго было духовенство; то же духовенство было и главнымъ орудіемъ торжества Франковъ надъ ихъ аріанскими соперниками. Клодвигъ принялъ все духовное въ свою дружину, сдѣлалъ епископовъ своими людьми (левдами). Точно такъ же поступилъ онъ и съ высшими родами въ городахъ и съ родовыми начальниками сельскихъ округовъ, когда они добровольно покорились ему. Такова причина, почему первая эпоха меровингской власти представляетъ намъ много римскихъ именъ. Но многіе потомки Галло-Римлянъ, будучи разъ приняты въ германскую дружину, скоро примкнули къ ней всею душою своей и оторвались отъ угнетеннаго народа. Духовенство по своему обыкновенному свойству, по своей всегдашней связи съ остальнымъ христіанствомъ. по зависимости отъ римскаго епископа, по своему римскому просвѣщенію и по избранію изъ народной среды, составило въ самой дружинѣ стихію новую, государственную и отчасти народную. Въ позднѣйшее время, когда епископства стали домогаться потомки Германцевъ завоевателей, они поневолѣ подчинились общему характеру сословія и хотя внесли въ него нѣкоторое искаженіе, но придали ему также новую силу. Народъ въ Галліи былъ слабъ и почти ничтоженъ; онъ изстрадался въ законномъ угнетніи. Такова была его судьба почти во всей Римской имперіи; но такова она была по преимуществу въ Галліи, что̀ доказывается частыми и жестокими возмущеніями Багодовъ передъ германскимъ завоеваніемъ. Населеніе страны было весьма рѣдко, города опустѣли; многіе исчезли безъ слѣда, поглощенные въ новыхъ и безконечныхъ лѣсахъ; поля обратились въ лѣсныя пустыни. Таковы были явленія государственной ветхости Рима, ибо Имперія пала не отъ ничтожнаго напора Германцевъ, всегда побѣждаемыхъ, но отъ собственнаго гніенія. Даже самое опустѣніе областей, приписываемое обыкновенно безпорядкамъ и неразумности финансовой системы, было только послѣдствіемъ общей безжизненности.

Это видно изъ исторіи сѣверной Африки, Персіи, Италіи, Испаніи и особенно Сициліи, опустѣвшихъ безъ войнъ и внѣшнихъ страданій; это же видно и изъ современнаго намъ вымиранія дикихъ племенъ въ Полинезіи. Таковъ законъ, связующій жизнь физическую народовъ съ ихъ жизнію духовною. Финансовая система римская была особенно гибельна потому, что она не хотѣла признавать опустѣнія областей и согласоваться съ нимъ. Она усиливала бѣдствіе, но не была его первоначальною причиною.

При такой слабости народной стихіи ея вліяніе должно было долго оставаться ничтожнымъ; но оно жило, оно дѣйствовало, сохраненное духовенствомъ, готовя будущую жизнь и будущую исторію, готовя борьбу въ обществѣ и внося борьбу въ самое сердце королей французскихъ. Повидимому, вся страна принадлежала одной и той же религіи—христіанству; но христіанство въ своемъ совершенствѣ никогда еще не было религіей никакого народа: оно принимаетъ характеръ той области или того племени, которыми оно усвоено, а галло-франкская область заключала въ себѣ два жизненныя начала, двѣ религіи. Одна изъ нихъ, религія дружины, соединяла съ христіанствомъ безусловную вѣру въ право силы какъ дара Божьяго, въ безграничную свободу личности (ограниченную только отношеніями владѣнія), въ законы личнаго мщенія и личности и въ святость кровнаго превосходства; но безуміе этой вѣры было отчасти смягчено темными понятіями о законахъ правды внутренней и родового обычая. Другая религія, народа и духовенства, представляющаго съ сознаніемъ неясные инстинкты народа, принимала себѣ наслѣдство Рима, т.-е. законъ правды внѣшней, полное порабощеніе личности волѣ общества, т.-е. его большинства, равенство передъ обязанностью и святость формы. Таковы были два вѣрованія, раздѣлявшія съ самаго начала весь составъ меровингской Франціи; они принадлежали отчасти всему Западу, но нигдѣ не были такъ рѣзко опредѣлены, какъ въ ней, и только отъ сношеній съ нею получили свою опредѣленность въ другихъ странахъ. Эти вѣрованія не имѣли наукообразной формы; они

были только живыми зародышами, которыхъ развитіе предоставлялось исторіи. Каждое отдѣльное лицо принадлежало отчасти къ обѣимъ религіямъ; король же, какъ глава всего общества, представлялъ въ себѣ самое полное ихъ сочетаніе. Религія дружины завоевательной была яснѣе, опредѣленнѣе и, повидимому, ближе къ торжеству; но тайная религія народа была разумнѣе, болѣе вѣрна логикѣ человѣческаго мышленія, логикѣ условнаго государства и логикѣ римскаго просвѣщенія, которое было единственнымъ началомъ просвѣщенія на Западѣ: она должна была окончательно овладѣть исторіею.

Франки, въ изображеніи, оставленномъ намъ всѣми современниками, представляются самымъ развратнымъ и, можно сказать, глупымъ народомъ, людьми, въ которыхъ трудно найти какую-нибудь добродѣтель (за исключеніемъ гостепріимства (*)), въ которыхъ свирѣпость была доведена до крайности и которымъ клятвопреступленіе казалось наслажденіемъ и почти закономъ. Таковы были на нихъ слѣды римскаго вѣковаго ига и вѣковаго наемничества на римской службѣ. Родъ князей поморскихъ (Меровинговъ) былъ достойнымъ представителемъ своего народа и своей дружины. Едва ли какая-нибудь исторія равняется ужасами и особенно гнусностью съ ихъ исторіею. Христіанство долго не могло ни смягчить, ни облагородить ихъ дикаго нрава: они оставались равнодушными къ нему точно такъ же, какъ были, повидимому, равнодушными къ своимъ германскимъ богамъ. За всѣмъ тѣмъ духовенство и римскій престолъ ласкали этихъ развратныхъ дикарей, своихъ защитниковъ противъ аріанства другихъ племенъ германскихъ. Въ особенности же ласкали они королей, которые охраняли права церкви, права духовенства и отчасти, можетъ быть, права народа отъ беззаконныхъ и наглыхъ утѣсненій не только другихъ народовъ, но и своей собственной дружины. Братоубійцевъ, сыноубійцевъ, кровосмѣсителей, клятвопреступниковъ, явныхъ и нераскаянныхъ нарушителей всякаго церковнаго постановленія, всякаго нравственнаго или духовнаго закона, духовенство и римскіе епископы величали своими защитниками, своими покровителями, своими любимыми чадами, своими стар-

шими сыновьями, боголюбивыми и благодатными королями, надеждою и радостью Церкви. Таковы были ласкательства, расточаемые самому Клодвигу, Клотару, Хильперику и даже Фредегондѣ. Союзники не измѣняли другъ другу, и царство франкское и власть римская шире и шире раскидывались на Западѣ. Первые цари были заняты безпрерывными борьбами съ сосѣдями, безпрерывными междоусобіями, безпрерывнымъ подвигомъ военнымъ: они болѣе принадлежали своей воинственной дружинѣ, чѣмъ государству; но внѣшніе непріятели удалялись все болѣе или по крайнѣй мѣрѣ менѣе вызывали Франковъ на бой своимъ напоромъ. Вестъ-Готы, слабѣющіе мало-по-малу въ своей за-пиринейской области, не думали о возвратѣ земель, утраченныхъ ими въ Галліи; Лонгобарды, побѣжденные всякій разъ, какъ переходили альпійскую преграду, и всегда счастливые противъ франкскаго нашестія, жили съ своими сосѣдями въ отношеніяхъ почти мирныхъ, помышляя только о завоеваніяхъ противъ Византіи и полусвободнаго Рима; Саксы перебросили большую часть своихъ силъ въ завоеванную Британію; Славяне, отчасти подавленые Аварами, отчасти брошенные ими на Востокъ, перестали грозить Западу и съ трудомъ отстаивались отъ его завоеваній: наступило время сравнительнаго покоя извнѣ. То же самое было и внутри государства. Родъ Меровинговъ самъ себя истребилъ въ своихъ безпощадныхъ междоусобіяхъ: короли, истощенные развратомъ, оставляли мало законныхъ наслѣдниковъ. Потребности или выгоды единства были отчасти поняты народами и дружиною, и раздѣлъ государства допускался уже не столь охотно, а борьба между восточною, германскою Франціею (Австразіею) и западною, полу-романскою Франціею (Невстріею),— борьба, которая впослѣдствіи разорвала пополамъ франкскую державу, еще не разгоралась во всей силѣ. Значеніе короля упадало, и новыя начала выступали въ историческую жизнь. Съ одной стороны, духовенство и чрезъ него древняя мысль и преданіе романское получили бóльшій вѣсъ, участвуя въ дѣлахъ государства и въ законодательныхъ постановленіяхъ посредствомъ соборовъ (concilia) и ихъ рѣшеній (placita); съ

другой стороны, дружина, отвыкая мало-по-малу отъ короля, уже рѣдко ратующаго съ нею въ бранномъ полѣ, стала чувствовать свою самостоятельность или присвоивать себѣ самостоятельность, которая въ прежнее время ей не принадлежала. Послѣдній изъ королей, не совсѣмъ недостойныхъ носить вѣнецъ Клодвиговъ, Дагобертъ (при которомъ, какъ извѣстно, происходила неудачная борьба съ Славянами и были перерѣзаны въ Баваріи Булгары, признанные народомъ за Славянъ), былъ уже тѣснѣе связанъ съ народомъ, чѣмъ съ войскомъ. Не даромъ имя его хранится въ пѣсняхъ, положимъ глупыхъ, положимъ позднихъ, сопровождается прозвищемъ *добраго* и соединяется съ именемъ великаго духовнаго лица епископа *Элигія*; въ этихъ позднихъ пѣсняхъ отзывается древнѣйшее преданіе. Его эпоха замѣчательна; она представляетъ самое полное развитіе меровингской державы и первую попытку къ возвышенію народной стихіи или къ подчиненію дружины силѣ государственной. Но вскорѣ ослабла сила королей. Развратные Меровинги умирали рано; они оставляли дѣтей малолѣтнихъ, и эти малолѣтные правители, истощенные развратомъ съ молодости, росли въ безсиліи духа и тѣла. Воспитаніемъ правили лица духовныя, дворъ принималъ характеръ духовнаго полу-народнаго двора, въ которомъ военныя упражненія замѣнены были церковною службою и въ которомъ только гнусное растлѣніе нравовъ напоминало о жизни мірской. Тихая упряжь воловъ, прежняя принадлежность языческихъ жрецовъ, перевозила Меровинга изъ монастыря въ монастырь; церковныя пѣсни сопровождали и встрѣчали его повсюду, народъ любилъ его безсильную святыню, угадывая, можетъ быть, ея будущее значеніе, какъ она впослѣдствіи ополчилась при Капетингахъ; но тогда она не могла еще вступиться за права и мысль народа. Мечъ Клодвига выпалъ изъ рукъ его потомковъ; преданіе заклеймило ихъ именемъ царей-лѣнивцевъ. Народъ и духовенство, которыхъ представителями стали эти короли, были сами слишкомъ слабы, чтобы своею силою замѣнить безсиліе своихъ владыкъ. Сильная дружина освободилась вполнѣ.

Уже при первыхъ Меровингахъ должности придворныя приняли названія латинскія. Начальникъ двора или дома королевскаго (въ смыслѣ дома, какъ прислуги), слѣдовательно начальникъ вооруженной стражи, назывался Maior - domus. Этотъ человѣкъ сдѣлался естественно начальникомъ войска, которое состояло по большей части изъ личной дружины Меровинговъ, когда короли сами перестали являться въ битву передъ своими полками. Но Германцы, побѣдители Галліи, еще не забыли своихъ прежнихъ обычаевъ. Они помнили древнее правило: *Царь по крови, вождь по духу* (regem ex nobilitate, ducem ex virtute) и поэтому стали сами себѣ выбирать вождей, несмотря на то, что только меньшая часть дружины имѣла дѣйствительное право на такой выборъ, особенно въ Невстріи. Нововыбранный вождь носилъ два названія, которыя отчасти встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ: онъ былъ герцогомъ для вольныхъ Франковъ или государственныхъ ленниковъ; онъ былъ маіоръ-домусъ для гораздо многочисленнѣйшихъ арендаторовъ или ленниковъ короля, которые не имѣли истиннаго права на выборъ вольныхъ герцоговъ. Послѣднее названіе болѣе извѣстно въ исторіи, писанной въ то время невстрійскими или полу-римскими лѣтописцами. Такимъ образомъ при другихъ началахъ повторялся фактъ (извѣстный по калифату, Японіи и даже древнему Египту) раздѣленія власти на дѣйствительную, военную и религіозную. Но на Востокѣ власть военная была въ то же время государственная; а во Франціи военноначальство было только начальство надъ властвующею дружиною, а власть государственная, безсильная противъ дружины, имѣла характеръ религіозный. Такова вся исторія послѣднихъ Меровинговъ. Какъ скоро дружиноначальство сдѣлалось избирательнымъ, мѣстныя условія и различіе областей должны были потребовать дѣятельнаго выраженія. Такъ и случилось. Германская область (Австразія) стала въ соперничество съ полу-романскою *Невстріею*. Дѣйствительно, невстрійская дружина, особенно въ южной Франціи, уже приняла почти вполнѣ характеръ, обычаи и отчасти языкъ древней римской провинціи. Въ ней начинали изглаживаться слѣды германства,

и по этому наступившая борьба, хотя происходила въ дружинѣ, получила значеніе борьбы между двумя народностями, германской и романской. Духовенство оставалось нечуждымъ борьбѣ; оно, принадлежа, какъ уже сказано, побѣжденному народу, вошло уже отчасти въ дружину (ибо епископы были королевскими ленниками) и во многихъ мѣстахъ имѣло значительную силу какъ по родовымъ связямъ и по дѣйствію на совѣсть народа и вождей, такъ и по огромнымъ богатствамъ, пріобрѣтеннымъ отъ щедрости развратно-набожныхъ королей. Но время великой силы еще не наступило для него. Не отъ него зависѣло рѣшеніе борьбы, и примѣръ маіоръ-домуса (мера) изъ духовенства въ лицѣ *Леодегарія* (котораго римское преданіе причислило къ лику святыхъ, а исторія едва ли можетъ положить въ числѣ своихъ благородныхъ дѣятелей) не имѣлъ послѣдствій. Побѣда осталась и должна была остаться за Австразіей, болѣе воинственною, болѣе цѣльною въ своемъ внутреннемъ составѣ и очевидно болѣе благородною по своему характеру. Меръ австразійскій достигъ званія общаго мера всей франкской державы, т.-е. ея дружиннаго короля.

Борьба меровъ съ духовенствомъ.

Преемство этихъ меровъ, сперва зависѣвшее отъ избранія, скоро сдѣлалось наслѣдственнымъ вслѣдствіе огромныхъ богатствъ и великаго характера рода Пипинова и еще болѣе вслѣдствіе общаго стремленія къ единству государственному и къ успокоенію въ родовомъ преемствѣ; соперничество короля и мера было неизбѣжно, но паденіе безсильныхъ Меровинговъ было отсрочено союзомъ ихъ съ духовенствомъ и римскимъ престоломъ. Во-первыхъ, меръ былъ представителемъ дружины, а король—представителемъ народа и началъ духовнаго и гражданскаго; во-вторыхъ, родъ Пипиновъ, одержавшій верхъ надъ своими соперниками, принадлежалъ Австразіи, землѣ мало покорной Риму, не вполнѣ христіанской и по своему германскому характеру враждебной всему римскому просвѣщенію и римской мысли. Духовенство и Римъ не могли отступиться отъ своихъ любимыхъ чадъ, Меровинговъ, и благословить на ихъ

мѣсто враговъ своихъ или по крайней мѣрѣ представителей враждебнаго начала; а меры не могли овладѣть престоломъ и принять званіе короля иначе, какъ съ согласія и благословенія представителей римскаго начала. Такимъ образомъ соперничество между меромъ и королемъ обращалось въ соперничество между меромъ и папою, и это враждебное отношеніе ихъ другъ къ другу выразилось со стороны Пипина и его преемниковъ въ угнетеніи духовенства, часто въ разграбленіи церковныхъ имуществъ и даже церквей, а со стороны духовенства въ приговорѣ проклятія надъ мерами,—приговорѣ, который, разумѣется, не былъ высказанъ торжественно и всенародно, но памятенъ народу и переданъ потомству (*).

Это особенно замѣтно въ отношеніи къ Карлу Мартеллу, величайшему изъ людей того времени, побѣдителю Фризонцевъ-язычниковъ на Сѣверѣ, и ислама на Югѣ, спасителя Франціи, западной Европы и, можетъ быть, христіанства на Западѣ. Послѣ всѣхъ его подвиговъ, вмѣсто вѣнца святости, которымъ западное духовенство такъ охотно награждало своихъ слугъ, преданіе, очевидно составленное духовенствомъ и сообщенное народу, опредѣлило ему мѣсто въ аду. Этотъ фактъ, давно извѣстный и всегда объясняемый изъ частныхъ случаевъ или личныхъ отношеній, есть только одно изъ выраженій неизбѣжной вражды между мерами и Римомъ (*); но до сихъ поръ ихъ соперничество и смыслъ ихъ борьбы не были еще поняты или по крайней мѣрѣ объяснены вполнѣ.

Трудно было дружинному началу побѣдить начало духовное, ибо христіанство владѣло не только совѣстью народа, но и совѣстію самой дружины; трудно было римскому духовенству побѣдить дружину, въ которой заключалась единственная вещественная сила на Западѣ. Торжество было невозможно, и борьба должна была кончиться примиреніемъ на условныхъ положеніяхъ; но этотъ выводъ могъ быть понятенъ только послѣ упорной и безполезной борьбы. Пипинъ, Карлъ и его дѣти, не отрываясь отъ христіанства, стали въ немъ самомъ искать опоры противъ римскаго престола и нашли, что Церковь кельто-британская, основанная отчасти на началахъ вос-

точныхъ и во всякомъ случаѣ основанная въ такое время, когда односторонность римскаго Запада еще не отозвалась въ устройствѣ Церкви и въ опредѣленіи вѣры, была оторвана отъ общаго движенія Запада бурею народовъ, нахлынувшихъ на имперію и перервавшихъ всякое сообщеніе между далекимъ Сѣверомъ и южными областями. Въ ней самой не могли развиться тѣ начала, которыя преобладали въ Галліи, Испаніи и Италіи, ибо британскій островъ былъ менѣе романизированъ и болѣе другихъ областей сохранилъ самостоятельность стихіи народной. Этому служатъ яснымъ доказательствомъ процвѣтаніе поэзіи, сохраненіе друидизма и его переходъ въ мистическое и полу-языческое христіанство, котораго существованіе видно изъ преданій гаэлическихъ и не подлежитъ никакому разумному спору. Христіанство, перенесенное изъ Рима Августиномъ, посланникомъ Григорія Великаго и принятое Саксонцами, было уже глубоко проникнуто односторонностью римской или обще-западной мысли: оно не могло оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ къ духовенству кельто-британскому, уже восторжествовавшему надъ друидизмомъ, но нисколько не склонному подчиниться римской власти. Дѣйствительно, между духовенствомъ пришлымъ и духовенствомъ туземнымъ загорѣлась жестокая вражда, ознаменованная со стороны римско-саксонской Церкви ужаснѣйшими гоненіями и кровопролитіемъ (*), достойнымъ самыхъ свирѣпыхъ язычниковъ. За всѣмъ тѣмъ кельтская Церковь устояла: она сохранялась у непокоренныхъ гаэлическихъ племенъ въ гористыхъ областяхъ западной Британіи, была сильна своимъ просвѣщеніемъ, вѣрностью древнему преданію и еще сильнѣе связью своею съ совершенно независимыми Церквами, процвѣтавшими въ Ирландіи и юго-западной Шотландіи. Въ Ирландію христіанство было перенесено въ теченіе первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. вѣроятно по тѣмъ старымъ океаническимъ путямъ, которые были посѣщаемы смѣлымъ парусомъ Семитовъ финикійскихъ и никогда не были вполнѣ забыты, даже во время паденія морской торговли при римскомъ мıродержавствѣ. На это указываетъ множество преданій такъ же, какъ и на происхожденіе

кельто-эринскаго христіанства съ Востока, а не изъ западныхъ областей римскихъ.

Таковы разсказы о посѣщеніи британскихъ острововъ Апостолами, о прибытіи Іосифа Аримасійскаго или его потомковъ, о святомъ Граалѣ и др.

Духовная борьба Кельтовъ съ германо-римскими началами.

Но эти преданія, сами по себѣ сомнительныя, подтверждаются въ особенности явнымъ и сильнымъ стремленіемъ духовенства и народа кельтскаго къ удержанію обрядовъ восточной Церкви, къ сношеніямъ съ ней и къ предпочтенію ея свидѣтельствъ передъ свидѣтельствами Церкви западной. Здравая критика не можетъ, даже при скудныхъ данныхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ и прочихъ письменныхъ памятникахъ, не узнать въ отношеніяхъ Церкви ирландской и ея дочери, Церкви Скотовъ и Пиктовъ, къ Церквамъ Эллады и Азіи характера духовной зависимости или духовнаго сыновства. Подробности происшествія изгладились изъ человѣческой памяти, но происшествіе несомнѣнно. Тщетны были усилія Рима и римско-саксонскаго духовенства проникнуть въ область кельтскую и подчинить себѣ ея независимую Церковь. Высокое просвѣщеніе, чистота жизни, вѣрность основнымъ преданіямъ давали перевѣсъ кельтскому духовенству передъ его могущественными, но уже полу-свѣтскими противниками, и въ этой борьбѣ, повидимому, столь неравной, между слабымъ и бѣднымъ остаткомъ племени почти подавленнаго, и огромнымъ западно-церковнымъ государствомъ сила духовнаго начала выразилась въ невольномъ почтеніи всего Запада къ своимъ строгимъ обличителямъ. Забытый и темный уголъ міра, не замѣченный завоевательнымъ Римомъ, не замѣченный исторіей, но, къ счастью, еще также не захваченный разливомъ германскихъ дикарей, зеленый островъ Эрина прославился на всемъ Западѣ, какъ жилище чистаго христіанства, какъ *островъ святыхъ*. Борьба разгоралась болѣе и болѣе. Духовные борцы кельтскаго племени, отчасти стѣсненные угнетеніями отъ Саксонцевъ въ предѣлахъ Британіи, отчасти гонимые жаждою обширнѣйшей дѣятельности и бóльшаго поприща, стали

переселяться въ области кельто-галльскія, еще не захваченныя Франками, и вскорѣ въ область самихъ Франковъ. Тамъ воздвигали они строенія, монастыри и духовныя училища, разсадники знанія и вѣры; тамъ боролись въ одно время и противъ уцѣлѣвшаго язычества и противъ возникающей односторонности западно-церковнаго государства. Около нихъ толпились ученики, къ нимъ припадалъ народъ, и передъ ними преклонялись даже ихъ враги по ученію, побѣжденные ихъ истинно-христіанскимъ величіемъ. Эта эпоха славна для кельтской и ирландской Церкви. Имена или біографіи великихъ дѣйствователей того времени на поприщѣ науки или духовной жизни доказываютъ, что въ области франкской они всѣ принадлежали къ Кельтамъ или по происхожденію, или по ученію. Пламенный Колумбанъ, основатель двухъ монастырей, важныхъ въ церковной исторіи (*Luxeil*, *Bobbio*) гремѣлъ словомъ противъ Рима, призывалъ народы къ чистому христіанству, переходилъ изъ страны въ страну, проповѣдуя и обличая, торжествуя въ гоненіяхъ, пробуждая ревность въ усыпленной и омраченной душѣ своихъ современниковъ и полагая трудами своими начала къ водворенію христіанства въ Германіи. Его ученики и преемники продолжали его дѣло и его апостольскую проповѣдь. Многіе погибли въ мученіяхъ но кровь ихъ пролилась небезплодно. Христіанство проникло въ лѣсистыя пустыни за-рейнскія, и имя кельтской церкви увѣнчалось новымъ блескомъ. Такова была въ самомъ духовенствѣ стихія, на которую оперлись мужи дома Пипинова въ борьбѣ противъ Рима и Меровинговъ.

Это явно изъ вражды папскаго престола противъ ирландскихъ проповѣдниковъ и изъ покровительства, оказаннаго имъ франкскими мерами.

Но временное торжество стихіи свободной въ западной Церкви не могло быть продолжительнымъ. Міръ германо-римскій долженъ былъ подчиниться законамъ того просвѣщенія, на которомъ онъ возникъ. Успѣхи кельтскихъ проповѣдниковъ могли произвести въ немъ потрясеніе непродолжительное; вражда меровъ и угнетеніе Церкви Карломъ Мартелломъ могли

произвести въ духовенствѣ временный безпорядокъ, усилить развратъ и даже испугать западный міръ возвратомъ къ прежней дикости. Все это могло случиться и случилось; но сила римскаго престола и церковно-государственнаго начала должна была снова возстать и развиться во всѣхъ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ. Это было неизбѣжно.

Борьба кельтскаго духовенства противъ германо-римскаго началась въ островной Британіи. Тамъ продолжалась она съ наибольшимъ упорствомъ, тамъ произвела она самыя грустныя явленія; но тамъ же повела она за собою самыя утѣшительныя послѣдствія. Духовенство саксонское, сперва преслѣдовавшее своихъ соперниковъ съ свирѣпостью дикихъ звѣрей, убивавшее ихъ цѣлыми тысячами и вооружившее противъ нихъ кровожадную вражду язычниковъ, облагородилось и возвысилось духовными примѣрами кельтскихъ мучениковъ; оно приняло отъ нихъ науку, которой скудные остатки сохранялись еще въ далекомъ уголкѣ Запада (это доказываютъ имена англійскихъ ученыхъ, напр., Беды и Алькуина); оно приняло отъ нихъ святость жизни (въ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленныя черты изъ исторіи Англо-Саксовъ); оно приняло, наконецъ, и ту ревность проповѣди христіанской, которой отличались Колумба, апостолъ Пиктовъ, Колумбанъ, апостолъ сѣверной Швейцаріи, Галлъ, его преемникъ, и множество другихъ. Саксонцы вступили въ поприще, открытое кельто-ирландцами. Ихъ призывала на проповѣдь любовь къ вѣрѣ, которую они понимали какъ высшее сокровище человѣческаго духа; ихъ призывала въ Германію любовь къ братьямъ по крови и по языку. Множество саксонскихъ монаховъ явилось на святой подвигъ, и быстрый успѣхъ увѣнчалъ дѣло, предпринятое чистою любовію. Имена этихъ проповѣдниковъ незабвенны; но первое мѣсто между ними принадлежитъ Вильфриду (болѣе извѣстному подъ именемъ Бонифація), истинному апостолу Германіи. Меры не смѣли полагать имъ явныхъ преградъ въ ихъ великомъ дѣлѣ, хотя и старались замѣнять ихъ другими, болѣе покорными дѣятелями (это видно изъ многихъ случаевъ и между прочимъ, кажется, изъ соперничества

франкскаго Вульфрама противъ папскаго проповѣдника Вильброда въ землѣ Фризонской); но успѣхи духовныхъ лицъ, служившихъ римскому престолу, далеко превосходили успѣхъ кельто-франкскихъ учителей. Это превосходство объясняется многими причинами, большимъ единствомъ въ дѣйствіи римскомъ, большимъ блескомъ наружнаго богослуженія, а особенно благорасположеніемъ Германцевъ къ проповѣдникамъ, не приносившимъ съ собою ничего кромѣ христіанскаго ученія, и основавшимъ новыя независимыя общины церковныя, и враждою къ Франкамъ и къ проповѣдникамъ, происходившимъ изъ ихъ области и приносившимъ съ собою вмѣстѣ съ ученіемъ новую зависимость отъ франкской дружины и какъ будто отягченіе ненавистнаго ига. Въ ново-христіанской землѣ началась опять борьба между преемниками Колумбана и Галла и слугами римскаго престола; но эта борьба была непродолжительна; Бонифацій и его сподвижники одержали скорую и совершенную побѣду. Быть можетъ, употребляли они не всегда чистое оружіе; быть можетъ, прибѣгали они иногда къ клеветамъ (какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, въ которыхъ кельтскіе проповѣдники, люди вообще жизни весьма строгой, обвинялись въ развратѣ); быть можетъ, давали они чужому ученію ложное толкованіе (называя, напр., прелюбодѣями духовныхъ женатыхъ или дозволявшихъ бракъ духовнымъ людямъ); но очевидно, что торжество ихъ было неизбѣжно и что ихъ противники, несогласные другъ съ другомъ въ подробностяхъ ученія и поневолѣ подчиненные мірской власти своихъ покровителей, меровъ, не имѣли внутренней силы, достаточной для продолжительной борьбы.

Распространеніе христіанства въ Германіи.

Успѣхъ римскихъ проповѣдниковъ и особенно Бонифація, умершаго мученикомъ, распространилъ христіанство по всѣмъ берегамъ Рейна и Везера, по всей южной и большей части средней Германіи. Римскій престолъ воспользовался обстоятельствами. Проповѣдниковъ своихъ и черезъ нихъ всѣхъ ихъ преемниковъ на епископствѣ привязалъ онъ къ себѣ особенною

присягою, которая до тѣхъ поръ обозначала только отношенія римскаго престола къ епископамъ подгороднымъ; перемѣнилъ даже имена ихъ, какъ будто даруя имъ новую жизнь (напр., Вильбродъ получилъ имя Клемента, а Вильфридъ—Бонифація); основалъ епископства и связалъ ихъ (отчасти по требованію Бонифація) узами митрополитовъ, освобождая ихъ вполнѣ отъ всякой власти и вліянія со стороны франко-галльскаго духовенства; наконецъ, утвердилъ новую провинцію церковную или новую церковь, независимую отъ всѣхъ другихъ властей и совершенно подчиненную Риму. Это дѣло было великое и сильно противодѣйствующее завладѣніямъ и неограниченнымъ требованіямъ дружины и ея короля-мера.

Многіе историки обвиняли папъ, требовавшихъ присяги подданства, и новыхъ епископовъ, принесшихъ ее. Обвиненіе это нелѣпо. Смыслъ присяги былъ совершенно согласенъ съ законнымъ или обычнымъ отношеніемъ юныхъ Церквей къ Церквамъ-родительницамъ (примѣръ такому отношенію находимъ въ донесеніи Церквей галльскихъ къ мало-азійскимъ о своихъ мученикахъ): слѣдоват., и папы и Бонифацій были правы. Ложна и законопротивна только форма *присяги*, но этого не понимали ни современники, созданія римскаго духа, ни историки, его безсознательные наслѣдники.

Духовнымъ завоеваніемъ Германіи было возстановлено равенство между папою и меромъ (религіозно-государственнымъ началомъ и дружиною); но этого равенства не понимали меры. Смѣлый ударъ папы Захаріи открылъ имъ глаза (*). Онъ поднялъ противъ Франковъ всю южную Германію и прислалъ своего легата съ благословеніемъ Петра въ народное ополченіе. Дѣти Карла Мартелла, Пипинъ и Карломанъ, одержали блистательную побѣду, но поняли всю опасность борьбы. Они искали мира. Папа согласился. Посредникомъ былъ Бонифацій, сохранявшій всегда свою нравственную чистоту и отчужденіе отъ политическихъ смутъ и козней мірскихъ. Вражда кончилась перемиріемъ. Новая Церковь сохранила свою независимость, короли—свое право, меры—свою силу, и кельтская Церковь принесена была въ жертву примиренію. Но этимъ не могъ кончиться тайный споръ двухъ враждебныхъ властей.

Дружинный Германскій король хотѣлъ и долженъ былъ стать на мѣсто короля народнаго и римскаго. Лонгобарды тѣснили Римъ. Папы прибѣгли къ мечу Франковъ. Меры продали свою помощь на томъ условіи, чтобы папы предали своихъ духовныхъ чадъ Меровинговъ. Престолъ папскій былъ спасенъ, и новая династія сѣла на престолъ франкскій; но, принявъ благословеніе отъ папъ, она вступила въ ту же стезю, по которой шли первоначальные Меровинги, и приняла въ себя ихъ двойственное значеніе. Начатое Пипиномъ было кончено сыномъ его, Карломъ Великимъ.

Карлъ Великій.

Карлъ по происхожденію рода своего и по началу власти былъ представителемъ дружины; но односторонность этого значенія была въ немъ умѣрена новымъ положеніемъ, въ которое сталъ отецъ, его Пипинъ, пріобрѣтшій уже посредствомъ союза съ римскимъ дворомъ право считать себя преемникомъ клодвигова патриціата, т.-е. царства на римскомъ правѣ, заключающаго въ себѣ идею духовно-народной державы. Задача, доставшаяся Карлу, была не только велика, но и неисполнима, и его высокій геній истомился въ безплодныхъ усиліяхъ къ достиженію недостижимой цѣли. Царство Франковъ было на Западѣ единственнымъ представителемъ христіанства, побѣжденнаго маврами въ Испаніи, ничтожнаго въ неустроенной области островныхъ Англо-Саксовъ и подавленнаго другими стихіями и враждою съ римскимъ дворомъ въ лонгобардской Италіи. Миръ, заключенный Пипиномъ и братомъ его съ папою Захаріей, погубивъ самостоятельность кельтской Церкви, далъ на Западѣ римскому католицизму не только полный перевѣсъ, но и исключительное существованіе и право считаться единственнымъ воплощеніемъ христіанской мысли. Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ миръ, соединивъ Франковъ съ Римомъ, породилъ въ нихъ и въ ихъ владыкахъ и мало-помалу въ народахъ, получившихъ черезъ нихъ и образованіе и умственную жизнь, мысль объ единствѣ христіанскаго міра, какъ державы политической. Въ этомъ смыслѣ Карлъ Великій былъ меченосцемъ христіанства, и борьба его съ народами

иновѣрными получила значеніе не только борьбы политической, рѣшающей первенство Франковъ надъ другими германскими племенами, но и борьбы религіозной, подчиняющей побѣжденныхъ ученію западнаго христіанства. Смѣшеніе политическихъ интересовъ и особенно политической идеи съ идеей чисто-духовною въ державствѣ и дѣятельности Карла дало характеръ и направленіе всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ, крестовымъ походамъ, стремленію императоровъ Германскихъ къ всемірному владычеству и т. д. Оттого-то въ мысли германской Оттонъ связывается прямымъ (никогда не существовавшимъ) преемствомъ съ Карломъ Великимъ, и поэзія народная представляла себѣ всю исторію Пипинова сына рядомъ крестовыхъ походовъ, а его бароновъ и богатырей крестоносными паладинами. Впрочемъ, все это воззрѣніе на тождество церкви и государства и на принудительное право религіозно-духовной мысли, въ началѣ своемъ, истекало по необходимости изъ римско-христіанской мысли. Развитіе же его было ускорено и отчасти измѣнено ходомъ историческихъ случайностей. Такъ, напр., страшное усиліе магометанства, обусловленное единствомъ калифата, породило въ народахъ западныхъ потребность единства для сопротивленія враждебному единству; а съ другой стороны то внутреннее, незамѣченное, но неизбѣжное раздвоеніе между идеей государственною и духовною, которое выразилось вездѣ, гдѣ эти двѣ идеи бывали насильственно стягиваемы въ одну (въ магометанствѣ, въ чистомъ буддизмѣ, въ мѣшанномъ буддизмѣ Японіи и въ древнѣйшемъ Египтѣ и Эѳіопіи), получило особый характеръ на Западѣ, потому что вещественные дѣйствователи принадлежали одному племени германскому, а духовная сила истекала изъ другого племени романскаго. Борьба идей, слившаяся съ борьбою племенъ, становилась тѣмъ упорнѣе, и разумное разрѣшеніе или по крайней мѣрѣ торжество одного какого-нибудь начала тѣмъ невозможнѣе.

Итакъ, значеніе имперіи Карла Великаго соотвѣтствовало свѣтскому калифату; и стремленіе присвоить себѣ всѣ права калифата духовнаго въ немъ выражалось по необходимости.

Таково объясненіе его ревности къ обращенію невѣрныхъ,— ревности, носившей на себѣ характеръ воинственной дикости и завлекшей его въ мѣры жестокости неизвинительной и несообразной даже съ его, впрочемъ, несвирѣпымъ нравомъ. Должно однако же замѣтить, что эта жестокость обращена была по преимуществу противъ саксонскаго союза, издавна враждебнаго франкскому союзу, похитившаго у Франковъ, какъ я уже сказалъ, владычество надъ морями и прибыльное ремесло морского разбоя. Вражда народная, незамѣтно, можетъ быть, для самого государя, имѣла по вѣроятности великое вліяніе на его поступки. Тѣ же самыя причины объясняютъ его воинственное проповѣдничество, объясняютъ также его постоянное занятіе церковными дѣлами, вмѣшательство въ споры церковные и въ улучшеніе и возвеличеніе церковнаго обряда. Безполезно бы было входить въ подробности карловой дѣятельности по этой части; но должно замѣтить, что его дѣйствія были всегда, вѣроятно безъ его вѣдома, подчинены расчету политическому. Такъ, напр., живое участіе его въ спорѣ адопціанистовъ и рѣшеніе его противъ Феликса и Элипанда было безъ сомнѣнія связано съ желаніемъ помѣшать развитію свободной церкви мозарабской, (т.-е. христіанъ, признающихъ власть Аравитянъ въ Испаніи) и подчинить эту Церковь общимъ законамъ, рѣшающимъ судьбу и ученіе остальной западной церкви; но въ другомъ случаѣ вліяніе Карла на дѣла церковныя отозвалось на всей судьбѣ христіанства въ слѣдующихъ вѣкахъ до нашего времени. Испанія, какъ уже сказано, измѣнила символъ, прибавивъ къ нему *Filioque*; это измѣненіе долго оставалось незамѣченнымъ, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что оно было принято въ иныхъ церквахъ южной Франціи. Во всякомъ случаѣ, это принятіе было весьма ограниченно и встрѣчало даже иногда явное сопротивленіе, какъ видно изъ Алькуина. Войны и побѣды Карла Великаго, бросивъ много стихій франкскихъ въ Испанію, имѣли также послѣдствіемъ значительное движеніе изъ Испаніи во Францію и особенно переселеніе многихъ духовныхъ лицъ. Вопросъ о символѣ возникъ съ новою си-

лою, сдѣлался всеобщимъ вопросомъ галло-испанской церкви и былъ перенесенъ на судъ папскаго престола. Папа былъ явно склоненъ къ ученію, выраженному измѣненнымъ символомъ. Причины этого направленія, отчасти объясненныя выше, объясняются въ особенности тѣмъ, что второе лицо божества, по ученію всѣхъ церквей и богослововъ, представляетъ по преимуществу характеръ факта въ самомъ божествѣ; и римская мысль, сдѣлавшаяся представительницею Запада, должна была по своему чисто-практическому характеру стремиться къ расширенію его значенія и, такъ сказать, круга дѣйствія. Папа, по своему западному характеру, склонялся по необходимости къ этому же ученію; но, съ другой стороны, историческая древность епископства римскаго и связи преданія объ единствѣ (мало уважаемомъ гордостью новыхъ германскихъ народовъ) удерживали его отъ согласія съ измѣненіемъ самовольнымъ, противнымъ постановленіямъ прежнихъ соборовъ, и въ особенности предлагаемымъ самымъ законопротивнымъ образомъ, т.-е. безъ истребованія не только согласія, но даже мнѣнія древней братіи, восточной Церкви и ея представителей. Двусмысленный отказъ папы и почти явный протестъ не устояли противъ рѣшительной воли его покровителя и владыки Карла. Измѣненный символъ былъ допущенъ хотя и не каноническимъ путемъ, вскорѣ утвержденъ обычаемъ и признанъ несомнѣннымъ исповѣданіемъ вѣры на всемъ Западѣ. Церковь была разорвана пополамъ.

Нѣкоторые историки въ рѣшеніи Карла видѣли желаніе польстить Испаніи, оскорбленной рѣшеніемъ объ адопціанизмѣ. Причина сомнительная и слишкомъ мелкая; причина же истинная не могла быть угадана западною критикою, невольною преемницею стремленій и страстей, волновавшихъ колыбель западныхъ племенъ. Она заключалась, какъ сказано, въ характерѣ римской мысли, съ одной стороны, а съ другой—въ скрытномъ, но несомнѣнномъ стремленіи западныхъ Церквей къ отдѣльной самостоятельности и въ невольномъ желаніи Карла поставить христіанскій міръ, котораго онъ былъ представителемъ и главою, на степень неподсудной державы.

Воля великаго меченосца рѣшила церковный вопросъ и опредѣлила все направленіе будущей исторіи; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже безъ этого факта, принадлежащаго къ историческимъ случайностямъ, рѣшеніе было бы тоже, хотя послѣдовало бы, можетъ быть, позже и инымъ образомъ: ибо въ Карлѣ выразился не произволъ личности, но неодолимый ходъ мыслей и стремленій цѣлаго новаго германо-римскаго міра. Рабское сопротивленіе папъ, нерѣшительныхъ хранителей преданій единства, вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ и желаніямъ, не могло долго устоять противъ общей воли и стремленія, тайно управляющаго развитіемъ папскаго престола.—Ихъ сопротивленіе было смѣлѣе и успѣшнѣе въ другомъ дѣлѣ, въ которомъ они не побоялись стать противъ мнѣній Карла Великаго. Опредѣленіе второго никейскаго собора возстановило поклоненіе иконамъ и сообщено было по древнему обычаю римскому двору и всѣмъ западнымъ эпархіямъ. Папа присталъ къ нему; сѣверная Италія возстала противъ него, такъ же какъ и большая часть Галліи. Соборъ всѣхъ главныхъ епископовъ средней Европы на берегахъ Рейна отвергъ рѣшеніе Востока, несмотря на объясненія, данныя патріархами. Карлъ согласился со своими епископами, но папа не уступилъ. Въ епископахъ, не понявшихъ свободы обряда, спасенной въ Никеѣ, выражалось желаніе сохранить духовность христіанства; въ папѣ, кромѣ памяти объ единствѣ, такъ слабо сохраненномъ имъ въ вопросѣ о символѣ, выражалось другое стремленіе къ возведенію обряда въ значеніе принудительнаго закона, не совсѣмъ чуждое нѣкоторымъ учителямъ Востока и сдѣлавшееся впослѣдствіи преобладающимъ на Западѣ. Конечно, это направленіе не высказалось сначала съ опредѣлительною ясностью; но въ теченіе вѣковъ, когда никейское рѣшеніе получило силу повсемѣстнаго закона, поклоненіе иконамъ и уваженіе къ обрядамъ приняли заклинательный характеръ древняго кушитства и оправдали такимъ образомъ епископовъ западныхъ, предвидѣвшихъ вредныя послѣдствія, но не могшихъ понять глубокаго смысла второго никейскаго собора. Папскій престолъ, оставшійся вѣрнымъ сво-

ему ученію, не скоро побѣдилъ упорство галло-германской церкви, поддержанной сильною рукою Карла Великаго, и вопросъ объ иконахъ оставался неразрѣшеннымъ еще около ста лѣтъ. Такимъ образомъ привычка разъединенія съ Востокомъ присоединилась къ причинамъ разъединенія, опредѣленнаго уже измѣненіемъ символа, и великій императоръ Франковъ явился хотя и не причиною, но безъ сомнѣнія главнымъ дѣйствователемъ въ разрывѣ церквей и, слѣдов., въ разрывѣ всей жизни Запада и Востока.

Геній Карла повершилъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣла Франковъ и ихъ рѣшительное торжество надъ другими западными народами. Послѣ долгой и упорной борьбы сокрушилъ онъ Саксонцевъ, единственныхъ соперниковъ франкской власти въ Германіи, и уничтожилъ жизнь, которою Саксонцы (какъ уже сказано, племя германское съ примѣсью славянской стихіи) отличались отъ остальной своей германской братіи, втянувъ ихъ въ общее, чисто-военное устройство франкской державы. Соперничество Баварцевъ, само по себѣ ничтожное, на время получившее нѣкоторое значеніе отъ хитрой политики папскаго престола, потомъ побѣжденное Пипиномъ и братомъ его, было совершенно и навсегда уничтожено мечомъ Карла, лишившаго навсегда Баварію самостоятельности и даже тѣни независимости. Фризонцы и приморскіе и прирейнскіе, ожесточенные и часто счастливые враги карловыхъ предковъ, пали передъ его силою и сохранили только на берегахъ Океана, въ болотистыхъ убѣжищахъ своихъ, нѣкоторую свободу и старую народную жизнь, указывающую во многихъ подробностямъ (какъ уже сказано) на славянскую стихію, о которой память сохранилась въ преданіяхъ о вендскомъ лѣсѣ, о славянскомъ Белъ-Богѣ, о торговомъ бытѣ, о баснословномъ Ставорѣ (Святогорѣ), о святомъ значеніи пшеницы и о многомъ другомъ. Эти остатки мирной народной жизни предоставлено было уничтожить позднѣйшимъ вѣкамъ и дикому желѣзу рыцарей; но жесточайшіе и рѣшительные удары нанесены были мечомъ Карловинговъ. Далѣе на Востокѣ, куда еще не проникли ни торжествующія дружины Меровинговъ, ни стихія

германская (кромѣ временнаго переселенія народовъ), прогремѣло грозою и славою имя Франковъ подъ знаменами пипинова сына. За предѣлами саксонской земли воинственные Датчане узнали его силу и покорились ей. Сосѣди ихъ—Славяне—вступили съ нимъ въ дружескіе союзы противъ своихъ враговъ Саксонцевъ, признавъ его верховное державство, или вступили въ тѣ же отношенія поневолѣ, претерпѣвъ нѣсколько частныхъ пораженій. Славяне при-дунайскіе подверглись той же участи, такъ же какъ часть Славянъ иллирійскихъ на Югѣ и прикарпатскихъ на Сѣверѣ. Наконецъ слабые остатки прежней аварской силы, нѣкогда сосредоточивавшей и предводившей, потомъ угнетавшей Славянъ и сокрушенной ими, исчезли съ лица земли передъ ополченіемъ Франковъ, разрушившихъ на берегахъ Тиссы и Дуная ихъ военныя становища (или округи), гдѣ тучнѣли въ роскоши и лѣни развратные потомки нѣкогда грознаго племени.

Послѣ походовъ Карла Великаго гибнутъ безъ слѣда и имя, и народъ аварскій, не оставивъ никакого памятника, по которому бы можно опредѣлить его родовыя начала. Въ именахъ, въ названіи царскаго сана и въ другихъ примѣтахъ отзывается явная примѣсь средне-азійской (финно-тюркской крови); съ другой стороны, отсутствіе слѣдовъ ихъ имени на Востокѣ, при-кавказское ихъ жительство и слѣды ихъ на Кавказѣ, время ихъ движенія, соотвѣтствующее движенію другихъ кавказскихъ и при-кавказскихъ народовъ Сѣверянъ, Азъ-Зиговъ (*Азиговъ*, *Адиге*) и др. и предшествовавшее движенію истинныхъ средне-азіатскихъ ордъ, наконецъ самое ихъ народное имя указываетъ, какъ кажется, несомнѣнно на остатокъ кавказскихъ Кельто-Кимвровъ, принявшій въ себя нѣсколько чуждыхъ ему стихій. Такимъ образомъ объяснилось бы весьма естественное сродство, уже замѣченное нѣкоторыми путешественниками между горными Шотландцами и жителями нѣсколькихъ при-дунайскихъ округовъ въ Венгріи, гдѣ сохранились, безъ сомнѣнія, обломки аварскаго племени. Это сродство проявляется безспорно въ весьма мелкихъ подробностяхъ, въ пляскѣ, въ народности волынки, какъ любимаго музыкальнаго орудія, въ пестротѣ клѣтчатыхъ платій (тар

тановъ) и тому подобныхъ чертахъ; но значительныхъ признаковъ трудно ждать при такихъ ничтожныхъ остаткахъ и такой разностихійной смѣси народа.

Такимъ образомъ въ средней Европѣ Карлъ положилъ не только начало, но и прочное основаніе всей системѣ германо-римскаго міра, захвативъ почти всѣ области, въ которыхъ впослѣдствіи утвердились власть и населеніе германской вѣтви народовъ, и давъ ей тотъ не только вещественный, но и нравственный перевѣсъ надъ разрозненными Славянами, который подавилъ со временемъ самостоятельность Краинцевъ, Чеховъ, Моравцевъ и отчасти Ляховъ и который, вѣроятно, со временемъ великаго франкскаго императора выражается тѣмъ, что его имя сдѣлалось наименованіемъ верховной, царской власти въ словѣ *король*.

Таково самое вѣроятное происхожденіе этого слова, хотя можно бы также предположить, что слово *Карлъ (н. Керлъ, а. Еорлъ, Черлъ и Карлъ)* было когда-то общимъ у Славянъ и Германцевъ, но приняло въ каждомъ племени разный смыслъ, какъ, напр., слово *кметъ* въ двухъ семьяхъ славянскихъ.

Въ южной Европѣ Византія, ослабѣвшая, снова поднятая сильнымъ умственнымъ движеніемъ, котораго представителями были императоры-иконоборцы, и снова клонящаяся къ паденію, но все-таки предметъ соперничества и даже зависти для Карла Великаго (что̀ доказывается его желаніемъ вступить съ нею въ брачные союзы и всѣмъ направленіемъ его церковной политики), не подверглась его нападеніямъ и отчасти даже воспользовалась его побѣдами, сокрушившими нѣкоторыхъ хотя и незначительныхъ, но враждебныхъ сосѣдей восточной имперіи. Но судьба Италіи перемѣнилась вполнѣ. Лонгобарды, уже побѣжденные Пипиномъ, но все еще не утратившіе ни силы своей, ни надеждъ на полное владѣніе Италіею, навлекли на себя бурю франкской мести. Признанный утѣсненнымъ епископомъ Рима, Карлъ разрушилъ лонгобардское царство несравненно легче, чѣмъ сопротивленіе вольнолюбивыхъ Саксонцевъ, и подчинилъ Италію франкской системѣ,

хотя и не могъ уничтожить лонгобардской стихіи, которая сохранилась еще на время въ видѣ мелкихъ княженій въ южной Италіи и вообще долго боролась съ стихіями франко-германскими. Папа, спасенный отъ угнетенія лонгобардскаго, подпалъ новой, болѣе грозной власти; но временное уничиженіе папскаго престола заключало въ себѣ зародышъ будущаго торжества и величія: ибо въ глазахъ народовъ, мало обращающихъ вниманія на мелкіе факты въ жизни вѣнценосцевъ, было явно только одно то, что Карлъ получилъ императорское званіе, высшее изъ всѣхъ званій въ мірѣ политическомъ и уравнившее Западъ съ Востокомъ, въ городѣ Римѣ и отъ благословляющей руки апостольскаго преемника. Сверхъ того, замкнутость и отдѣльность западнаго міра, окончательный выводъ изъ всей дѣятельности Карла, однѣ могли дать полное развитіе папству и возвысить епископовъ римскихъ до значенія духовныхъ калифовъ въ христіанствѣ. Менѣе блистательны были успѣхи Карла Великаго въ Испаніи, несмотря на нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Маврами. За всѣмъ тѣмъ безспорно съ его времени сѣверная Испанія полнѣе примкнула къ общей системѣ франкской Европы. Сильный приливъ франкскихъ воинственныхъ пришельцевъ въ за-пиринейскую область, основаніе или по крайней мѣрѣ утвержденіе независимаго графства барцелонскаго (корня арагонскаго королевства), блескъ побѣдъ, вѣнчавшихъ имя христіанъ, гроза Имперіи, напоминавшей силу древняго Рима и представляемой въ Испаніи самымъ сыномъ императора, добродушнымъ и слабымъ, но мужественнымъ Лудовигомъ,—все вмѣстѣ связываетъ колыбель новой христіанской Испаніи съ царствованіемъ великаго создателя западной Европы, того человѣка, которому суждено было укрѣпить и привести въ нѣкоторую стройность ея могущественныя стихіи, стремившіяся къ своей зрѣлости и долженствовавшія вызвать великаго дѣятеля для осуществленія своихъ необходимыхъ результатовъ.

Вліяніе Карла и Франковъ на Испанію еще мало оцѣнено. Безпристрастная критика замѣтитъ всю ничтожность мѣстныхъ началъ свободы до Карла и быстрый ихъ подъемъ послѣ него и, отдавая

полную справедливость мужеству и доблестямъ гото-романскаго населенія, пойметъ, что аристократическая стихія, всегда носившая въ Арагоніи и Каталоніи характеръ чуждый, была слѣдомъ франко-германскаго прилива. Испанцы въ своей безумной гордости старались скрыть услуги, оказанныя имъ болѣе сильными и счастливыми сосѣдями; и высоко-комическое изобрѣтеніе лица Бернарда ди Карпіо, акибы задушившаго неуязвимаго Роланда (явно древняго и народнаго героя), перешедшее въ пѣсню народную, свидѣтельствуетъ о геніальной хвастливости Испанцевъ; но наука не должна ослѣплятся страстями народными. Впрочемъ, должно признать, что уже въ самое время Карла Великаго вражда народная существовала между спасенными Испанцами и ихъ спасителями Франками. Это доказывается преданіемъ и несомнѣнною повѣстью о пораженіи сторожевого полка карлова войска въ горахъ Пиренейскихъ тамошними горцами; эта вражда легко объясняется старымъ отношеніемъ Франковъ къ Готамъ, дикимъ характеромъ тогдашнихъ войскъ, равно угнетавшихъ друга и недруга; но нѣтъ сомнѣній въ томъ, что она могла быть усилена и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время стихіи христіанская и магометанская въ Испаніи отчасти сливались другъ съ другомъ и что, слѣд., нашествіе Франковъ, рѣзко отрывающихъ одну отъ другой, могло быть ненавистно многимъ, даже повидимому союзнымъ, областямъ.

Даже и на дальнемъ Сѣверѣ, за предѣлами своей великой имперіи, Карлъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на историческую судьбу другихъ народовъ. Такъ, напр., федерація саксонская въ Британіи (эптархія) была впослѣдствіи соединена въ одно царство умомъ и счастіемъ Экберта, воспитаннаго при дворѣ императорскомъ и получившаго безъ сомнѣнія многія начала мысли, развившейся подъ системою франковъ Карловинговъ. Впрочемъ, должно однако же признать, что судьбы царства Саксонскаго носятъ на себѣ характеръ довольно самобытный и что франкская стихія получила въ землѣ Англо-Саксовъ значительное вліяніе только въ послѣднее время туземныхъ царей, а окончательное преобладаніе—только послѣ торжества Вильгельма Норманскаго и его франко-норманской дружины.

Повидимому, полуостровъ Скандинавскій испыталъ еще менѣе Англіи вліяніе Карла; но не такъ было на дѣлѣ. Съ одной стороны, его побѣды надъ сѣверной Германіей и надъ Датчанами открыли христіанству болѣе свободный доступъ къ народамъ, до тѣхъ поръ отдѣленнымъ отъ народовъ христіанскихъ преградою сильныхъ языческихъ племенъ, и въ этомъ отношеніи какъ Скандинавія, такъ и сѣверо-западные Славяне безъ сомнѣнія получили нѣкоторыя сѣмена новой умственной жизни съ начала 9-го вѣка, хотя этимъ сѣменамъ суждено было развиться гораздо позднѣе подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, счастливыхъ для Скандинавіи, гибельныхъ для Славянъ. Съ другой стороны, эти самыя побѣды имѣли другое послѣдствіе, мало и едва ли даже до сихъ поръ замѣченное исторической наукою. Паденіе Саксонцевъ послѣ упорной и кровопролитной войны, можетъ быть единственной со временъ римскаго владычества, не только уничтожило всѣ силы нравственныя и вещественныя сѣверной Германіи, но уничтожило единственный народъ, знакомый съ морями и хотя уже утратившій прежнюю склонность къ морскому разбою, но все еще готовый бороться съ опасностями океана и съ его воинственными наѣздниками, Скандинавами. Это обстоятельство, почти современное ослабленію восточной славянской стихіи, побѣжденной въ Скандинавіи мѣстною, почти чисто-германскою стихіей въ битвѣ при Бравалле и потрясенной въ самомъ поморіи Вендскомъ, нѣкогда царствовавшемъ надъ Балтикою, объясняетъ быстрое и почти мгновенное развитіе норманскаго морского удальства въ самые первые годы послѣ Карла Великаго, уже плакавшаго въ глубокой старости при видѣ смѣлыхъ сѣверныхъ парусовъ, грозившихъ франкскимъ берегамъ.

Законы Карла Великаго, имѣющіе цѣлію уничтоженіе балтійской торговли въ пользу адріатической и средиземной, остались, вѣроятно, также не безъ послѣдствія и могли имѣть вліяніе на ослабленіе мирнаго мореходства Поморянъ. Во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ объ его глубокомъ пониманіи отношеній между народами и предвѣ-

дѣніи борьбы, предстоящей Германцамъ съ Славянами; быть можетъ, они представляютъ также и доказательство вражды естественной въ душѣ Германца Карла къ потомкамъ мирнаго племени, нѣкогда почти порабощеннаго дикими выходцами изъ Германіи, впослѣдствіи жестоко отмстившаго имъ подъ предводительствомъ своего восточнаго казачества—Гунновъ. Какъ бы то ни было, борьба Саксонцевъ въ Англіи противъ Датчанъ и огромное, хотя временное развитіе морскихъ силъ англійскихъ при преемникахъ Альфреда Великаго доказываютъ, что Саксонцы служили и продолжали бы служить Европѣ сильнымъ оплотомъ противъ скандинавскихъ погромовъ.

Военная дѣятельность Карла, вездѣ увѣнчанная побѣдою, опредѣлила почти всѣ границы будущаго германскаго развитія; но его дѣятельность законодательная, не уступавшая его подвигамъ военнымъ, была гораздо менѣе успѣшна и оставила менѣе слѣдовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устроенныя имъ системы пограничныхъ графствъ и герцогствъ, входившія болѣе въ кругъ военныхъ, чѣмъ гражданскихъ, распоряженій, пережили его, укрѣпили область германскую, приготовили ея торжество надъ Славянами и измѣнили жизнь многихъ народовъ, введя чисто-дружинный бытъ на мѣсто прежняго, отчасти общиннаго, быта.

Эти послѣдствія особенно замѣчательны въ восточной и сѣверо-восточной Германіи, хотя рѣзкое отдѣленіе сословія отъ сословія у Саксонцевъ и древнее запрещеніе браковъ между людьми разныхъ сословій доказываютъ уже прежнее завоеваніе и смѣсь двухъ системъ, дружиннаго и общиннаго, и двухъ разнородныхъ началъ племенныхъ.

Точно такъ же небезполезны были старанія Карла о водвореніи науки въ его темной и невѣжественной Франціи. Призванные имъ ученые изъ британскихъ областей, преемники древнихъ школъ, никогда вполнѣ не исчезавшихъ, и ученики великаго Беды не только бросили нѣсколько лучей свѣта въ этотъ мракъ дикой и безсмысленной жизни, но положили осно-

ваніе новымъ школамъ, которыхъ развитіе имѣло сильное вліяніе на будущность наукъ въ западной Европѣ и опредѣлило отчасти ихъ направленіе. Но въ другихъ отношеніяхъ вся законодательная дѣятельность Карла осталась безплодною и не могла устоять противъ историческихъ началъ, которыми онъ думалъ управлять, но которыя потребовали своего собственнаго развитія, неотвратимаго никакимъ частнымъ величіемъ и никакими человѣческими усиліями. Такимъ образомъ великій императоръ, предвидя направленіе аллодіальности или государственной дружинности (хотя и личной по началу меровингскому) перейти въ феодальность или въ самостоятельную дружинность (въ которой прежнее равенство уступило мѣсто постепенной зависимости, и нижнія ступени дружинныхъ рядовъ совершенно отрывались отъ державной главы подчиненностью своею отъ посредствующихъ степеней), напрасно старался отстранить или хоть замедлить зло, запретивъ бѣднымъ дружинникамъ поступать въ ленныя обязательства къ другимъ болѣе могущимъ и богатымъ. Постоянныя войны, слишкомъ отяготительныя для неимущихъ и внутреннее стремленіе личной дружины (какова была франкская), не связанной никакимъ народнымъ или разумнымъ единствомъ, пріобрѣсти самостоятельность и создать въ себѣ хоть призракъ жизненнаго начала посредствомъ іерархіи владѣнія, взяли верхъ надъ сильною волею царственнаго лица. Развитіе феодальности начинается дѣйствительно съ царствованія ея перваго противника, увѣнчавшаго дѣло предковъ своихъ, Пипиновъ и Карла, представителей германскаго дружиннаго начала, которому они доставили торжество не только надъ римскимъ, но и надъ всякимъ народнымъ началомъ въ областяхъ западной Европы. Безсознательно окончивъ начатое великими мерами Австразіи, Карлъ тщетно боролся противъ послѣдствій подвига, совершоннаго его родомъ и имъ самимъ. Такъ же тщетно желалъ онъ въ многихъ случаяхъ сохранить германскую народную стихію и остановить романизацію своего двора. Германское начало, торжествовавшее въ родѣ Меровинговъ, было единственно дружиннымъ, и народность во всѣхъ отношеніяхъ

(языкѣ, нравахъ и пр.) была случайностью, съ которою оно нисколько не связывалось. Между тѣмъ просвѣщеніе, поощряемое Карломъ и основанное на жизни, словесности и языкѣ древняго Рима, дѣйствовало постоянно противъ народности германской (въ областяхъ нѣкогда римскихъ) и стремилось къ быстрому романизированію завоевателей. Дѣйствительно, уже при ближайшихъ преемникахъ Карла (внукахъ или правнукахъ его) языкъ новый, неорганически составленный изъ смѣшенія стихій галло-римской и нѣмецкой (съ преобладаніемъ первой) сталъ придворнымъ языкомъ и слѣдовательно языкомъ всей дружины, доказывая такимъ образомъ торжество романской, стихіи въ одной области жизни тогда, какъ она была побѣждена въ другой.

За всѣмъ тѣмъ явныя свидѣтельства о нарѣчіи, употребляемомъ при дворѣ самого Карла, его старанія о сохраненіи не только языка нѣмецкаго и памятниковъ его древней поэзіи, но и нравовъ старогерманскихъ, все доказываетъ, что онъ самъ принадлежалъ еще вполнѣ за-рейнской области, въ которой возникла франкская дружина и связываетъ его славу съ Германіей, а не Франціей, которая себѣ присвоиваетъ ее также несправедливо, какъ и славу другого непобѣдимаго полководца, явившагося тысячу лѣтъ позднѣе. Нельзя не замѣтить этого особеннаго отношенія Франціи къ величайшимъ дѣйствователямъ въ ея судьбѣ. Она была способнымъ орудіемъ величія, котораго произвести не могла, вѣроятно, вслѣдствіе мелкости и безсвязности своихъ внутреннихъ началъ. Въ отношеніи къ Карлу чувство народное выразилось отчасти въ позднѣйшемъ развитіи; ибо усвоеніе императорства германскаго въ родѣ Оттоновъ нельзя считать простою случайностью, слѣдствіемъ завоеванія Италіи: оно основывалось на преемствѣ преданія, связывающаго императорскій титулъ Великаго Карла съ народностью германскою. Несправедливо бы было однакоже совершенно отрывать Карла отъ Франціи, несмотря на его тѣснѣйшую связь съ Германіей. Въ его законодательствѣ многое относится собственно къ Франціи (что доказывается даже словами изъ старо-галльскаго языка, сохраненными въ его капитуляріяхъ, въ которыхъ страннымъ образомъ слышны часто чисто-славянскія

созвучія, напр. *дусъ*, злой духъ, слѣд. духъ, мн. *дуси*, *дѣдичье*—(*) поминки по родителямъ и др.). Кромѣ того, сказки рыцарскія, конечно болѣе принадлежащія дворянству, чѣмъ городамъ или народу и связывающія съ Карломъ цѣлый богатырскій циклъ, доказываютъ, что Франція, или по крайней мѣрѣ ея высшее сословіе, не теряла памяти о великомъ вождѣ. Впрочемъ, должно замѣтить, что въ этихъ сказкахъ императоръ является не какъ лицо народное, не какъ Владимиръ Красное-Солнышко, а какъ глава христіанства и священная власть.

Другая борьба Карла противъ начала, которому безсознательно служилъ онъ самъ и предки его, была точно такъ же неуспѣшна. Это борьба противъ папства. Прежняя вражда между папами и мерами, присмирѣвшая послѣ бунта баварскаго, подавившаго въ пользу папства слабые зачатки свободной западной Церкви и, повидимому, совершенно забытая послѣ того, какъ Пипинъ получилъ вѣнецъ меровингскій въ уплату за побѣду надъ Лонгобардами, приняла совершенно новый видъ. Первая борьба происходила между меромъ, представителемъ дружины, и королемъ, принявшимъ на себя значеніе римской государственности подъ преобладаніемъ церковнаго начала; новая борьба приняла значеніе болѣе широкое и важное. Пипинъ и Карлъ (какъ преемникъ его) уже получили вслѣдствіе царскаго вѣнчанія тотъ двойственный характеръ, который принадлежалъ первымъ Меровингамъ; но завоеваніе Италіи, паденіе лонгобардскаго царства и вѣнчаніе Карла императорскимъ вѣнцомъ (дѣло, очевидно, невольное со стороны папы, откупившагося этой уступкою отъ справедливаго суда) поставили западнаго императора въ новыя отношенія къ папскому престолу. Свобода отъ далекой Византіи, смѣло отстоянная прежними епископами Рима, замѣнялась прямою и тяжелою зависимостью отъ близкаго и сильнаго владыки. Миръ не могъ быть продолжительнымъ. Два начала встрѣтились въ лицѣ папы и императора съ ровными притязаніями на всеобъемлющее значеніе. Папа былъ уже не только не однимъ изъ епископовъ, но и не первымъ изъ епископовъ. Онъ самъ признавалъ

себя и былъ признаваемъ общимъ мнѣніемъ (хотя еще неуясненнымъ) какъ верховный судья Церкви и хранитель правды общей и христіанской. Онъ представлялъ въ христіанствѣ духовную сторону калифата. Съ другой стороны, императоръ (таковъ былъ смыслъ его помазанія) былъ уже не просто какъ меръ дружиноначальникъ германскій или какъ король, народный, глава извѣстной области по понятію, перешедшему изъ римскаго права, или какъ первые Меровинги, лицо соединяющее оба значенія,—онъ былъ уже главою христіанскаго міра: ибо Востокъ былъ, очевидно, терпимъ поневолѣ и непризнаваемъ ни папою, ни императоромъ, и слѣд. представлялъ въ христіанствѣ свѣтскую сторону калифата. Столкновеніе было неизбѣжно, ибо папа долженъ былъ, какъ духовный глава, присвоить себѣ верховный судъ, по необходимости зависящій отъ общей и высшей правды, которой онъ былъ хранителемъ; а императоръ, какъ глава хотя и свѣтская, не области, а цѣлаго христіанскаго міра, получающаго свое значеніе и предѣлы не отъ случайностей народовъ и земель, а отъ самаго христіанства, долженъ былъ точно такъ же себѣ присвоивать верховный судъ во всемъ и считать себя полновластнымъ хранителемъ общей правды. Первыя отношенія римскаго престола къ императору были очень невыгодны. Побѣды Карла, его огромная власть, его могучій геній, его неограниченное господство въ сѣверной и средней Италіи и въ Римѣ самомъ поставили папу въ прямую зависимость отъ него. Прежній союзникъ, освободитель отъ враговъ Лонгобардовъ, сдѣлался владыкою. Папа и все духовенство итальянское покорились, протестуя рѣдко и робко; но Карлъ понималъ и предвидѣлъ будущую борьбу: онъ старался ее предупредить. Для этого искалъ онъ и дѣйствительно нашелъ самую твердую опору (если бы что-нибудь могло устоять противъ логическаго развитія уже допущенныхъ началъ) въ церковной іерархіи и въ ея законахъ. Нельзя сказать, чтобы его законодательство ввело въ церковныя учрежденія новыя начала или новыя постановленія; но возстановленіе старыхъ положеній, отчасти ослабѣвшихъ и забытыхъ, отчасти утратившихъ свое прежнее значеніе, со-

единяло въ себѣ выгоды священной старины и вѣрно расчитаннаго нововведенія. Таковъ смыслъ законодательныхъ правилъ Карла Великаго, опредѣлившихъ взаимныя отношенія между епископами и возвысившихъ власть и санъ митрополитовъ или епископовъ верховныхъ надъ нѣсколькими епархіями. Власть папская была ограничена и связана митрополитскими правами, ихъ сравнительною независимостью отъ Рима (ибо аппеляція на ихъ рѣшенія допускалась только съ большими ограниченіями) и особенно частымъ собираніемъ соборовъ областныхъ или помѣстныхъ. Эта мѣра оказалась очень дѣйствительной. Карлъ умеръ, царство его распалось, слабые преемники не умѣли охранять ни правъ своихъ противъ Рима, ни областей противъ дикихъ пришельцевъ съ сѣвера, ни власти противъ подданныхъ, и долго еще возвеличенные Карломъ митрополіи и соборы боролись противъ папскихъ притязаній, и епископы съ сильнымъ духомъ и знаніемъ (какъ, наприм., Гинкмаръ Реймскій) не преклоняли главы своей передъ римскимъ судомъ. Но престолъ, возвышенный Меровингами, пользовавшимися его союзомъ противъ народовъ иновѣрныхъ, еще болѣе, хотя и нехотя, возвышенный Карловингами, получившими отъ него сперва королевскій, потомъ императорскій вѣнецъ, постановленный внѣ ряда всѣхъ другихъ престоловъ на Западѣ, оторвавшихся отъ патріарховъ Востока, окруженный неприкосновенною святостью въ общественномъ мнѣніи и логически развивающій начала, которыми проникнутъ былъ весь западный міръ, долженъ былъ восторжествовать надъ случайными препонами, не основанными ни на какомъ высокомъ понятіи (ибо митрополіи имѣли и могли имѣть значеніе только при основахъ мысли восточной, а на Западѣ не имѣли никакого смысла). Смѣлый Николай I-й сокрушилъ слабыхъ противниковъ, и римскій епископъ вступилъ въ свое великое историческое поприще.

Значеніе Карла Великаго въ исторіи новой Европы.

Значеніе Карла въ исторіи новой Европы заключается въ слѣдующемъ. Имъ повершилось дѣло Франковъ меровейскихъ,

которыхъ составъ, какъ дружины личной, а не народной, и слѣдов. основанной на устройствѣ чисто военномъ, былъ способенъ къ принятію въ себя всякой стихіи, но по своему германскому началу особенно склоненъ къ принятію стихіи германской. Отъ того-то его торжество было собственно торжество всѣхъ нѣмецкихъ поколѣній, и имъ опредѣлились почти во всей ширинѣ своей границы области, въ которой должна была развиться сила германскаго племени (за исключеніемъ британскихъ острововъ и полуострова Скандинавскаго). Имъ также завершилось дѣло меровъ австразійскихъ, т.-е. вторичное завоеваніе галло-романской Франціи (Невстріи), очевидно находившейся во время послѣднихъ Меровейцевъ подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстнаго начала, противустоящаго не безъ успѣха началу германскому.

Это видно изъ многихъ именъ великихъ историческихъ личностей въ невстрійской Франціи до торжества рода Пипинова. Память же о борьбѣ съ германскимъ (австразійскимъ) началомъ и о торжествѣ его сохранилась въ народныхъ сказкахъ о родѣ аймоновомъ изъ Монтальбана (Бѣлогорія), слѣд. изъ юго-восточной, нѣкогда полу-славянской Невстріи. Рено и братья его олицетворяютъ въ себѣ мягкость, полупросвѣщеніе, безпечность и разъединенность галло-романской стихіи, блистающей безполезнымъ блескомъ личной доблести, но очевидно безсильной противъ плотной и могучей дружинности Сѣвера. Въ Вивіянѣ и Можисѣ (или Малагизѣ), добрыхъ волшебникахъ и родственникахъ побѣжденнаго рода, высказывается память о римской наукѣ, которою Невстрія гордилась передъ темною Австразіею. Вѣрный дружинникъ Роландъ, равно прославленный въ Германіи и въ Пиринеяхъ (хотя, вѣроятно, лицо историческое) есть чистое олицетвореніе самой личной дружины, равнодушной къ областнымъ раздѣленіямъ и неуклонно служащей своимъ грознымъ мечомъ своему ленному владыкѣ. Роландъ готовъ бы былъ дружиться съ невстрійцемъ Рено и часто даже является его родственникомъ, но сражается противъ него съ ожесточеніемъ по чувству долга. Быть можетъ, въ его грубоватой добротѣ (такъ же какъ и въ назначеніи его родины) можно замѣтить какой-то далекій отзывъ

славянскаго племени и сходство съ великимъ идеаломъ русскихъ Славянъ, Ильею Муромцемъ, хотя Илья стоитъ гораздо выше его, такъ же какъ и выше всѣхъ другихъ народныхъ олицетвореній, будучи полнымъ типомъ силы, управляемой единственно нравственною правдою и чуждой всякому эгоистическому или случайному побужденію. Но въ лицѣ Роланда безспорно замѣтны слѣды германскаго происхожденія (*) или по крайней мѣрѣ германскихъ миѳовъ. Такова его неуязвимость, связывающая его съ Зигфридомъ и отдѣляющая его отъ кельтскихъ, такъ же какъ и славянскихъ богатырей (напр., круга артурова или владимирова), такова почти волшебная сила его меча и рога и пр. Явные признаки древности и народности въ Роландѣ уличаютъ хвастовство Испаніи въ выдумкѣ его побѣдителя Бернарда ди Карпіо, ничѣмъ не связаннаго ни съ какимъ преданіемъ или фактомъ историческимъ. Роландъ—это сама дружина франкскаго короля, германскаго по происхожденію, уже свыкшаяся и сжившаяся съ Невстріею и только случайно поставленная во враждебныя отношенія къ ней. Побѣжденный галло-римлянинъ Рено ищетъ и долженъ искать спасенія въ нѣдрахъ церкви и въ службѣ Богу; другъ его и благодѣтельный волшебникъ, Малагизъ, посвятилъ себя также Богу и умретъ святымъ или взойдетъ по инымъ преданіямъ на римскій престолъ. Въ нихъ эта религіозная кончина не случайная приставка позднѣйшихъ вѣковъ или внѣшняго направленія карловой дѣятельности, какъ проблеска религіознаго значенія въ Роландѣ, но отзывъ историческаго факта. Ихъ побѣдители, богатыри при-рейнскіе (майнцкіе), имѣютъ свой поэтическій циклъ, менѣе извѣстный и не столь чисто сохраненный, и этотъ циклъ отличается особымъ характеромъ. Отстраняя позднѣйшую примѣсь, часто соединяющую богатырей при-рейнскихъ (какъ, напр., Дулина, Герарда и др.) съ представителями Невстріи, Монтальбанцами, можно замѣтить въ Австразійцахъ болѣе дикости и суровости, больше преобладанія грубой силы, характеръ чисто-германскій, бытъ кастеляновъ-завоевателей, гордыхъ богатствомъ и владѣніями, связь съ силами міра невидимаго, принадлежащаго германской миѳологіи и презрѣніе къ галло-романскому міру. Къ этому кругу примыкаетъ, хотя случайно, Датчанинъ Ожьеръ. Въ преданіяхъ о Невстрійцахъ, Монтальбанцахъ при-рейнскіе Австразійцы являются племенемъ лукавымъ, коварнымъ и лишеннымъ всѣхъ

доблестей, низкими обманщиками и льстецами, съ которыми императоръ связанъ своею случайною слабостью. Разумѣется, въ этомъ замѣтно выраженіе народной вражды; но, впрочемъ, не должно забыть, что Австразійцы, какъ представители чисто-франкскаго племени, должны были соединять въ себѣ тѣ пороки, которыми было обезчещено это племя и по свидѣтельству исторіи, и по свидѣтельству современныхъ писателей, свирѣпости и корыстолюбію которыхъ доказательство можно найти въ самыхъ героическихъ сказаніяхъ о прирейнскихъ витязяхъ (семьи Дулиновой) съ тѣмъ бездушнымъ коварствомъ, которое внушило извѣстное слово: «Франки любятъ произносить клятвы потому, что наслаждаются клятвопреступленіемъ». Иначе и быть не могло (какъ уже сказано) по историческому происхожденію и судьбѣ франкскаго союза. До сихъ поръ значеніе вражды между Монтальбанцами и Майцянами не понято критикою историческою. Эта недогадливость происходитъ отъ того, что вторичное завоеваніе Франціи при австрійскихъ мерахъ мало обратило на себя вниманія историковъ. Послѣднее торжество того же австразійскаго начала (хотя уже много измѣненнаго) есть крестовый походъ противъ Альбигойцевъ.

Еще важнѣйшее, можетъ быть, по послѣдствіямъ своимъ, дѣло Карла Великаго (начатое уже отцомъ его, но совершонное имъ съ необычайною энергіею) есть обратное завоеваніе всей Германіи германо-франкскою дружиною. Нѣтъ сомнѣнія, что первые Меровинги уже проложили путь Карловингамъ; но хотя и нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ въ темныхъ лѣтописяхъ меровейскаго времени, явно, во-первыхъ, что владычество Меровейцевъ было болѣе первенствомъ, чѣмъ истиннымъ владычествомъ во многихъ частяхъ южной Германіи, гдѣ сохранялась еще нѣкоторая народная независимость, уничтоженная мечомъ Пипина и дѣтей его; и во-вторыхъ, что, пользуясь внутренними раздорами Франковъ, Саксонцы распространились далеко по всей сѣверной Германіи, основывая государство если и не на общинныхъ началахъ (какъ видно изъ рѣзкаго раздѣленія сословій), то по крайней мѣрѣ на началахъ дружины народной. Карлъ Великій доставилъ полное и рѣши-

тельное торжество франкской системѣ дружины личной, обративъ завоевательницу Запада, Германію, въ страну завоеванную и опредѣливъ такимъ образомъ всю будущую исторію Европы съ развитіемъ феодальности, униженія народнаго и окончательной личной разъединенности. Начало, котораго онъ былъ представителемъ, было безспорно сильнѣе побѣжденныхъ имъ неясныхъ началъ (что̀ впослѣдствіи было доказано Норманнами въ Англіи), и слѣд. торжество его было неизбѣжно, и нельзя не удивляться непобѣдимому генію, желѣзной волѣ и искусству державнаго полководца.

Менѣе важно, хотя вообще болѣе оцѣнено вліяніе Карла на исторію Запада распространеніемъ области христіанской и основаніемъ политической или, лучше сказать, общественной идеи «Цѣлаго Христіанства» (Tota Christianitas). Но должно замѣтить съ одной стороны, что успѣхъ христіанства былъ неизбѣженъ и что земли Саксонцевъ и другихъ язычниковъ, по необходимости, вошли бы въ составъ христіанскаго міра даже безъ побѣдъ Карла, не смотря на вражду этихъ народовъ къ ученію, которое въ ихъ глазахъ сливалось съ ненавистною народностью Франковъ, а съ другой стороны, что идея «Цѣлаго Христіанства» по западному понятію получила гораздо болѣе нормальное развитіе отъ основныхъ началъ самаго католицизма западнаго и папскаго престола, чѣмъ отъ случайнаго совокупленія всего христіанскаго міра подъ однимъ императорскимъ скипетромъ. Въ обоихъ случаяхъ подвигъ Карла имѣлъ значеніе второстепенное, ускоряя явленія, которыя сами по себѣ были необходимы; но это вліяніе принесло плоды, неожиданные для его современниковъ и незамѣченные ихъ учеными потомками (Нѣмцами). Система вооруженной проповѣди, чуждая христіанству, введенная первоначально Франками, но получившая свое развитіе безъ сомнѣнія отъ Карла Великаго, съ одной стороны наполнила исторію Европы и всего міра ужасами, которые были бы позоромъ для людоѣдовъ (таковы завоеванія Испанцевъ въ Америкѣ и, можетъ быть, еще болѣе крестовые походы противъ Славянъ сѣверныхъ и южныхъ), съ другой положила начало или приготовила зародыши

протестантству: ибо должно замѣтить, что оно вообще распространилось и укоренилось въ странахъ, обращенныхъ въ христіанство насиліемъ. Конечно, самый католицизмъ римскій по своей односторонности долженъ былъ вызвать противоположную односторонность протестантства; но память о первоначальномъ насиліи, хотя и заглаженная вѣками, незамѣтно сливалась съ жизнію народовъ, не призванныхъ, но вмученныхъ въ христіанство, и дѣлала ихъ готовыми и способными сосудами для будущаго протеста и возстанія. Основаніе же государства, заключающаго въ себѣ всю цѣлость христіанскихъ народовъ (хотя это государство распалось почти немедленно послѣ смерти основателя), имѣло то послѣдствіе, что оно примѣшало новую и неразумную стихію къ идеѣ «Цѣлаго Христіанства», вытекающей изъ римскихъ началъ католицизма, и заготовила призракъ всемірнаго обладанія, къ которому стремились преемники Карла по духу, императоры германскіе, и который (кромѣ чисто-мѣстныхъ причинъ) обратилъ на нихъ всѣ силы папства и облилъ кровію большую часть средней и южной Европы. Безъ сомнѣнія и въ отношеніи къ распространенію христіанской области, и въ отношеніи къ одностороннему развитію идеи всехристіанской державы, Карлъ является великимъ историческимъ дѣйствователемъ; но такъ какъ эта идея въ своей односторонности разрѣшилась въ ничто борьбою папъ съ императорами, такъ какъ христіанство необходимо должно было распространиться по всей Европѣ и протестантство возникнуть изъ односторонности латинства, то нельзя приписать Карлу въ развитіи всемірныхъ идей той важности, которую онъ имѣетъ безспорно въ отношеніи политической и общественной жизни западной Европы. Имъ заключается и утверждается въ ней полное торжество франкской системы (дружины личной) и опредѣляется вся послѣдовавшая за нимъ феодальность, уничтожившая всякое понятіе о жизни общинной и до нашего времени слившаяся неразрывно съ бытомъ и даже умственнымъ развитіемъ всего Запада по обѣ стороны Атлантическаго океана.

Царствованіе Карла Великаго составляетъ безъ сомнѣнія

великую эпоху въ исторіи міра. Имъ кончились вѣка нестройнаго хаоса, послѣдовавшаго на Западѣ за ослабленіемъ римской державы; имъ кончилась политическая и государственная исторія новой, галло-германской Европы; съ нимъ связаны первыя начала возрождающаго просвѣщенія, подавленнаго и погибавшаго во время волненія народовъ, и онъ былъ достоинъ своего великаго историческаго значенія не по одной силѣ воли, неутомимой дѣятельности, военному генію, какому мало равныхъ явилось въ теченіе вѣковъ, и по возвышенности помысловъ и цѣлей, но и по многимъ добродѣтелямъ, къ несчастію помраченнымъ нѣсколькими пороками (каковы развратъ нравовъ, а иногда и личная жестокость), быть можетъ неизбѣжными для Франка. Утѣшительное и поучительное явленіе въ исторіи міра, онъ дожилъ если не до глубокой старости, которой могъ надѣяться по желѣзному тѣлосложенію, то по крайней мѣрѣ до такихъ лѣтъ, въ которыхъ обыкновенно истощается человѣческая дѣятельность, и, совершивъ безконечно много, доказалъ своимъ примѣромъ въ борьбѣ противъ папства и начинающейся феодальности, какъ безсильна самая сильная личность и какъ мало можетъ человѣкъ противъ логической строгости историческихъ началъ. Онъ служитъ имъ даже тогда, когда борется противъ нихъ до тѣхъ поръ, покуда они сами не совершатъ своего поприща и не дойдутъ до крайняго развитія, обличающаго ихъ односторонность и слабость.

Преемники Карла Великаго.

Карлъ умеръ. На его мѣсто вступилъ сынъ его, Людвигъ Добродушный, котораго царствованіе было рядомъ униженій и несчастій. За всѣмъ тѣмъ Людвигъ не былъ недостоинъ престола. Его доброта, доходящая до слабости, его набожность, слишкомъ готовая покоряться духовнымъ властямъ, его нѣжность къ семьѣ, подчинявшая его волѣ честолюбивѣйшей жены и щадившая преступныхъ дѣтей, были соединены съ просвѣщеніемъ, съ благими и благородными стремленіями, съ любовію правды, съ мужествомъ и воинскими доблестями. Но имперія Карла возможна была только для его могущественнаго

генія; она носила въ себѣ уже совершенно зрѣлыя сѣмена разрушенія. Главнымъ началомъ бѣдствій была взаимная вражда народовъ, подавленная силою франкской дружины, но всегда готовая снова вспыхнуть и разорвать на части искусственное зданіе государства; но это начало не могло еще развиться, покуда самое государство сохраняло силу своей сосредоточенности. Эта сосредоточенность была первоначальна потрясена другими стихіями. Первые года Лудвигова царствованія были не безславны: военныя предпріятія вообще успѣшны, имперія довольно покойна. Раздоръ въ императорской семьѣ подалъ знакъ къ междоусобицѣ. Сыновья Лудвига ополчились противъ отца изъ властолюбія и зависти къ младшему брату отъ втораго брака; ихъ безнравственная вражда нашла опору въ возникающемъ феодализмѣ.

Вообще должно замѣтить, что вся исторія Запада наполнена возмущеніями сыновей противъ отцовъ, что эти возмущенія часто получали благословеніе церкви (*), пользовались сочувствіемъ народовъ и одобреніемъ дружины (дворянства). Критика историческая должна обратить особенное вниманіе на такой фактъ, въ которомъ явно высказывается ничтожность семейнаго начала въ Западной Европѣ, низкая степень, на которой стояло нравственное чувство, и преобладаніе начала дружиннаго. Если иногда и высказывается въ обычаяхъ и въ законодательствѣ что либо противорѣчащее общему закону, то это противорѣчіе должно признать мнимымъ и объяснить тѣмъ только, что безземельный сынъ подчиняется власти отца не какъ отца, а какъ законнаго дружиноначальника или леннаго владѣльца. Важно не то, что дѣти возмущались, а то, что сочувствіе народовъ признавало за ними право возмущенія.

Лудвиговы дѣти явились на битву противъ отца съ сильною дружиною. Тщетна была надежда Карла Великаго подчинить ополченіе имперіи ея главѣ. Начала феодальности развивались, не смотря на всѣ законы; герцоги и графы пограничныхъ областей владѣли огромною военною силою, которая была по необходимости поручена имъ для охраны государства. Эта сила почти не признавала надъ собою никакой власти,

кромѣ ближайшихъ своихъ дружиноначальниковъ, а выгоды дружиноначальниковъ (графовъ и герцоговъ) были всегда на сторонѣ возмущенія, которое ослабляло узы ихъ зависимости отъ государей и упрочивало или доставляло имъ права наслѣдственности. Не менѣе опасны свѣтскихъ властей были власти духовныя. Укрѣпленныя и возвышенныя Карломъ, который имъ покровительствовалъ для пользы просвѣщенія и для отпора Риму, они искали власти самостоятельной и независимости отъ государственнаго начала. Еще короли меровингскіе ввели епископовъ въ свою дружину, связывая ее такимъ образомъ съ народомъ, который не имѣлъ дѣйствительно никакихъ другихъ представителей кромѣ духовенства; но такое сліяніе высшихъ духовныхъ лицъ съ дружиною оторвало ихъ мало-по-малу отъ народа и дало имъ характеръ дружины, тѣмъ болѣе, что значительная часть епископскихъ престоловъ уже была занята потомками побѣжденныхъ Галло-Римлянъ, но родственниками германскихъ вождей. Отъ того-то видимъ мы такъ много епископовъ въ рядахъ мятежнаго войска лудвиговыхъ дѣтей, и этотъ союзъ былъ для нихъ весьма важенъ не только потому, что епископы владѣли огромными имѣніями, данными церкви набожностью прежнихъ королей, но еще болѣе потому, что полуримская идея государственной власти теряла все свое значеніе и свою святость, когда противъ нея возставали епископы, представители римской церковной гражданской власти. Наконецъ, народы охотно брались за оружіе противъ короля, представителя франкскаго первенства, и когда сыновья Лудвига возставали противъ отца, вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ начальствомъ полупокоренные Саксонцы, Баварцы, не совсѣмъ забывшіе свое готское происхожденіе, итальянскіе Лонгобарды и при-пиринейскіе Васконцы шли противъ преемника Клодовига и Пипина.

Кстати о Васконцахъ должно замѣтить, что это безспорно мѣшанное племя, котораго начала повидимому связаны съ Кельто-Иверами, почти незамѣтно въ первое время франкской власти и очень

важно въ послѣднее время Меровинговъ и при Карловингахъ. Такая перемѣна, кажется, объясняется сильнымъ переселеніемъ изъ Испаніи послѣ мавრскаго завоеванія, опустѣніемъ пограничныхъ равнинъ, давшимъ большую важность непокореннымъ племенамъ горной твердыни и отчасти союзомъ галло-романскихъ жителей съ чуждыми и даже ненавистными Васконцами противъ еще болѣе ненавистныхъ утѣснителей, Германцевъ. Баски утрачиваютъ свою историческую важность по мѣрѣ романизаціи германской стихіи въ южной Франціи.

Побѣда дѣтей Лудвига была необходима при множествѣ началъ, содѣйствующихъ ихъ успѣху и при слабости самаго Лудвига; но торжество ихъ было непродолжительно. Раздоръ между самими побѣдителями, ихъ взаимная зависть, человѣческое чувство состраданія въ народахъ, не совсѣмъ еще забытое почтеніе къ императорскому сану, невольное уваженіе къ частнымъ добродѣтелямъ слабаго государя и особенно къ памяти его великаго отца, освободили Лудвига и снова возвели его на престолъ; но судьба имперіи была рѣшена. Она не могла оставаться федераціею подъ главнымъ начальствомъ императорскаго престола, переходящаго въ наслѣдство по закону сеньоратства; она должна была распасться и распалась, образовавъ три главныя системы государственныя: Францію, Германію и Италію съ ихъ сомнительными украйнами (бельго-лотарингскою, бургундо-провансальскою и при-альпійскою). Мало доблестей гражданскихъ и еще меньше добродѣтелей человѣческихъ было въ ближайшихъ преемникахъ Лудвига. Большая часть изъ нихъ замѣчательны по слабоумію, слабодушію или разврату; иные (какъ напр. императоръ Лотаръ, обѣщавшій сѣверной Германіи возстановленіе язычества, какъ цѣну за союзъ противъ короля германскаго) (*) соединяли въ себѣ почти всѣ пороки; но развитіе западной исторіи было необходимо и приняло бы тѣже самыя формы даже при другихъ, болѣе благородныхъ властителяхъ. Распаденіе царства было неизбѣжно, и его составныя части были опредѣлены предыдущею исторіею.

Эти части были галло-франкская, ломбардо-итальянская и германская (гото-испанская, почти столько же чужда имперіи, какъ и острова Англо-Саксовъ).

Но во всѣхъ разъединившихся частяхъ исторія должна была развиваться одинаково, хотя, разумѣется, съ частными измѣненіями, обусловленными характеромъ мѣстныхъ стихій. Вездѣ религіею въ тѣсномъ смыслѣ было христіанство въ его римскомъ опредѣленіи, вездѣ общественный составъ основанъ на завоеваніи и опредѣленъ завоеваніемъ. И такъ къ догматическому римскому христіанству присоединилась религія дружины, столько же увѣренной въ законности своихъ правъ, сколько и церковь. Но дружина сама перемѣнила свой характеръ. Изъ личной дружины Франковъ-Меровейцевъ и первыхъ Карловинговъ при распаденіи карловой семьи и державы возникла идея дружины самостоятельной, мало-по-малу распредѣляющей свою наслѣдственную іерархію по владѣніямъ; позднѣе эта наслѣдственность привела къ понятію о правахъ и преемствѣ крови, чуждому ранней эпохѣ. Эта религіозная вѣра въ права дружины принадлежала столько же побѣжденнымъ, сколько и побѣдителямъ; но въ побѣжденныхъ сверхъ того таилась и ждала развитія вѣра въ законность правъ порядка и правды по понятію римскому, завѣщанная въ Италіи и Галліи прежнею исторіею и переданная народамъ германскимъ духовенствомъ и римскою стороною императорскаго и королевскаго сана.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что эти понятія о правомѣрности и полиціи римской не могли никогда такъ развиться въ Германіи, гдѣ онѣ были прививкою, какъ въ Италіи и Франціи до позднѣйшей и почти современной намъ эпохи, въ которой Германія подверглась другимъ и новымъ вліяніямъ, ведущимъ свои начала отъ протестантства.

Сама дружина со временемъ распалась на свои составныя части или приняла въ себя чуждыя начала (напр., идею о правахъ крови); но личность, лежавшая въ основѣ дружины и совершенно согласная съ началами римскаго права, разви-

лась впослѣдствіи во всѣхъ отрасляхъ жизни, права и науки. Такъ какъ она развивалась не изъ случайностей, но изъ самаго корня всѣхъ стихій, составлявшихъ основу западныхъ державъ, то она получила въ душѣ народовъ всю силу и несомнѣнность религіознаго убѣжденія. Впрочемъ, личность, которая сдѣлалась предметомъ вѣрующаго поклоненія на Западѣ, не была тою высокою, очищенною человѣческою личностью, которая такъ сильно выходитъ изъ христіанскихъ началъ; она была личностью во всѣхъ ея случайностяхъ (личностью, раннимъ поклоненіемъ молодой гомеровской Эллады) или, лучше сказать, уже не личностью, а совокупностью случайностей, которыми судьба окружаетъ личность человѣка. Сила была предметомъ поклоненія, красота—предметомъ истиннаго обожанія, власть святынею; по этому самому личность въ сопровожденіи безсилія, безобразія, скудости была предметомъ пренебреженія и угнетенія законнаго. Конечно, христіанство не даромъ просвѣтило умы и сердца: лучшія струи чувства и мысли всегда протекали черезъ міръ, основанный на романо-германскихъ началахъ дружины и правды внѣшней. Духовенство поднимало иногда робкій голосъ въ пользу угнетенныхъ; папство въ полномъ цвѣтеніи своихъ силъ вспоминало иногда про долгъ, завѣщанный первоначальнымъ ученіемъ іудейскихъ рыбаковъ; протестантство не забыло нищеты и страданій человѣческихъ; но эти частныя явленія, разногласящія съ общими основами западнаго міра, не могли измѣнить его логическаго развитія и дать истинной личности человѣка правъ, которыми пользовалась узаконенная случайность. Въ этомъ отношеніи нашъ вѣкъ вѣренъ всей предыдущей исторіи.

Освобожденіе отъ личнаго рабства кажется на первый взглядъ явленіемъ, не согласнымъ съ изложенными нами положеніями. Въ немъ безспорно высказывается вліяніе христіанства уже и тѣмъ, что отпускныя почитались дѣломъ душеспасительнымъ и искупленіемъ грѣховъ; но въ то же время должно признать, что онѣ нисколько не имѣли цѣлью уравненія личности передъ обществомъ и никогда не достигали этой цѣли даже косвеннымъ путемъ. Общества продол-

жали свое развитіе, замѣняя только рабство пролетарствомъ, слегка уступая высшему, уже признанному началу, но не измѣняя своихъ логическихъ путей. Въ этомъ достаточнымъ убѣжденіемъ служатъ ужасы Америки и рабство негровъ. Освобожденіе рабовъ въ Европѣ было дѣломъ частнаго благодѣянія въ большомъ объемѣ, дѣломъ совѣсти, пробужденной христіанствомъ, а не общественнаго начала, сознающаго права личности. На это явленіе имѣли безспорное вліяніе въ иныхъ случаяхъ усиленіе государственности, основанной на римскомъ правѣ, въ другихъ вѣрно разсчитанная выгода или необходимость, сознанная въ борьбѣ властвующихъ стихій, искавшихъ себѣ опоры и союза въ стихіяхъ порабощенныхъ; но никакого вліянія нельзя приписать идеѣ о нравственномъ лицѣ человѣка. Впрочемъ, уничтоженіе рабства не имѣетъ слишкомъ важнаго значенія въ большей части германской Европы. Рабство было не всеобщимъ явленіемъ: оно съ самаго начала соприкасалось съ вассальствомъ и сливалось съ нимъ посредствомъ безчисленнаго ряда незамѣтныхъ степеней, которыя, разумѣется, облегчили его уничтоженіе. Не должно забывать также и того, что *колонатусъ* византійскій (*) далеко опередилъ западную эманципацію и безспорно истекалъ изъ болѣе чистыхъ и яснѣе сознанныхъ началъ.

Западъ Европы былъ по своимъ стихіямъ духовнымъ и общественнымъ еще болѣе чуждъ понятію о народѣ, чѣмъ понятію о личности. Славянскія общины (и, можетъ быть, то же должно сказать и о кельтскихъ) переселялись изъ области въ область, предпочитая ненаселенныя, обращая иногда населенныя въ пустыню, а иногда сливаясь съ туземцами или разселяясь между ними; но цѣль ихъ была пріобрѣтеніе земли плодородной, къ которой они приносили свой неутомимый трудъ, вызывающій спящее богатство, присужденное человѣку. Такъ было на востокѣ Европы, и какіе бы ужасы ни сопровождали первое вторженіе незванныхъ хлѣбопашцевъ, уже въ древнихъ поколѣніяхъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, историческая критика не находитъ ни вассаловъ, ни угнетеннаго народа, ни рабовъ, кромѣ военноплѣнныхъ, часто отпускаемыхъ на свободу или принимаемыхъ въ нѣдра братской общины.

Не такъ было на Западѣ. Дружина германская, исторически воспитанная на войну и грабежъ, выходила изъ своихъ лѣсныхъ пустынь не для мирнаго труда, а для корысти и власти. Ей нужны были рабы или вассалы для ея прокормленія и лѣса для ея забавы. Пустынныя земли обращались въ непроходимыя чащи, приволье для празднаго охотника, а населенныя—въ обитель рабовъ, приволье для свирѣпаго господина. Народа не было: были одни вассалы и рабы. Не было земли для народа, земля, какъ и трудъ земледѣльца, была собственностію дружинника-завоевателя. Уцѣлѣли отчасти города; хотя и тѣ были по большей части такою же собственностью дружиноначальника и его сподвижниковъ, но по крайнѣй мѣрѣ города сохранили еще какую-то внутреннюю жизнь, особенно въ южной Франціи и Италіи, гдѣ сильны еще были остатки римскаго права и римскаго устройства. Сначала милость завоевателей была дѣломъ чистаго расчета, потому что имъ нужна была промышленность и торговля, которую находили они только въ городахъ и которой сами создать не могли; отчасти была она предписана необходимостью дружиноначальникамъ или конунгамъ, которые въ остаткахъ римскаго быта находили нѣкоторую опору противъ произвола своей дружины; иногда была слѣдствіемъ уваженія къ святынѣ храмовъ или мощей, которыя хранились въ городскихъ соборахъ. Позднѣе города окрѣпли собственною внутреннею силою своего промышленнаго общежитія, нашли сильную опору въ короляхъ, которымъ платили деньгами или военною службою за покровительство и достигли свободы. Но города не были друзьями селъ. Сомкнувшись въ отдѣльныя и эгоистическія общества, они представляютъ исторической критикѣ тотъ же феодальный характеръ, какъ и замки бароновъ. Вся западная Европа покрылась сѣтью мелкихъ феодальныхъ князьковъ и такихъ же феодальныхъ республикъ, подчиненныхъ другимъ высшимъ князьямъ или королямъ феодальнымъ. Внутреннее устройство городовъ было завѣщано Римомъ, и римское право (сохранившееся или въ писанныхъ памятникахъ, или въ обычаѣ и преданіи) было ихъ главною нормою; къ этому праву присоеди-

нились отчасти мѣстные обычаи и понятія, разныя по разнымъ мѣстностямъ, но нигдѣ не перевѣшивавшія римскаго вліянія и духа. Изъ городовъ развились впослѣдствіи сѣмена права и порядка, которымъ суждено было вслѣдствіе ихъ высшей разумности подавить дружинную стихію, принесенную Германцами; но земля продолжала оставаться безъ народа: во-первыхъ, потому, что городовой житель (среднее сословіе) былъ чуждъ и часто даже болѣе враждебнымъ народу, чѣмъ самые бароны; во-вторыхъ, потому, что идея народа не могла никогда развиться изъ права римскаго, для котораго существовали искони только лицо и государство, такъ же какъ для права германскаго существовали только лицо и дружина.

Эти двѣ черты опредѣляютъ все развитіе западной Европы: въ ней не были никогда признаны ни права личности въ ея высшемъ значеніи, ни права народа, котораго самое существованіе сдѣлалось невозможнымъ.

Земля Англо-Саксовъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе; но народная стихія была скоро подавлена норманскимъ завоеваніемъ и усиленіемъ римскаго права, и оттого-то Англія до нашего времени не узнала и не могла узнать своей истинной силы и ея сокровенныхъ источниковъ.

Первая эпоха Карловинговъ управлялась еще простыми законами дружины. Стихія римская казалась подавленною, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ эпоху Меровейцевъ и Лонгобардовъ, особенно въ Италіи и даже въ самомъ Римѣ; но ея начала были живущи, потому что были разумны. Распаденіе западной Имперіи, основанной Карломъ на полжизни человѣка, было, какъ сказано, повидимому, слѣдствіемъ раздора между его войсками, а дѣйствительно слѣдствіемъ прежней исторической жизни и трехъ различныхъ почвъ, на которыя налегъ общій наплывъ франкской дружины. Долгія распри волновали три державы, уже дѣйствительно вполнѣ отдѣлившіяся одна отъ другой, но составлявшія еще какъ будто общую государственную систему. Въ продолженіе этихъ распрей возросла и окрѣпла сила римскаго престола и положила основаніе сво-

его послѣдующаго владычества, какъ уже сказано. Между тѣмъ императорское званіе и безсмысленный вѣнецъ переходили съ одной головы на другую, не доставляя своимъ временнымъ владѣльцамъ ни власти истинной, ни даже почета (за исключеніемъ недолгаго царства Карла Толстаго), но сохраняя въ народахъ и въ властителяхъ понятіе о верховной власти, выражающей полное развитіе римской стихіи въ ея государственномъ значеніи и въ ея тѣсномъ соединеніи съ единствомъ духовнаго міра на Западѣ.

Оттого-то всегда вѣнчаніе императора является какъ бы неотъемлемымъ правомъ общаго духовнаго пастыря всѣхъ западныхъ народовъ.

Италія, не вполнѣ завоеванная Карломъ Великимъ, дѣлилась на двѣ половины, на южную, греческую и лонгобардскую, и на сѣверную, франкскую. На югѣ безпрестанныя и безсмысленныя войны мелкихъ владѣльцевъ или ссоры Грековъ и Лонгобардовъ и набѣги африканскихъ магометанъ уничтожили всякую жизненную дѣятельность, хотя въ то же время заготовляли много сѣмянъ будущаго развитія. На сѣверѣ бывшая лонгобардскою, съ недавняго времени франкская, Италія не принадлежала вполнѣ ни той, ни другой системѣ, и слѣд. не могла развивать въ себѣ стихій, которыя не составляли еще органическаго цѣлаго и носили на себѣ характеръ частей, случайности. Франція была почти въ томъ же положеніи, какъ и сѣверная Италія. Невстрійское (романское) начало, побѣжденное австразійскимъ (германскимъ), должно было снова стремиться къ равновѣсію и даже къ преобладанію, котораго оно достигло впослѣдствіи; но земля была осуждена на долгое ничтожество внутреннею борьбою, безъязычьемъ и безнародностью. Цѣльнѣе была Германія. Несмотря на то, что она была страною завоеванною, что она была раздѣлена на различныя племена, довольно самостоятельныя (Саксонцевъ, Швабовъ, Франковъ, Байерцевъ и др.), что она заключала въ себѣ начала вражды и междоусобій, что была сравнительно съ Франціей и Италіей землею дикою и необразованною и получила начало единства государственнаго извнѣ, она очевидно

должна была занять первое мѣсто между государствами Запада и быть преемницею державства Карла Великаго. Начало, завоевавшее ее, хотя и было въ формѣ чисто-дружинной, слѣд. какъ бы безнародной, происходило изъ нея же и поэтому находилось во внутренней гармоніи съ ея духомъ. Языкъ завоевателей разнился только діалектически съ языкомъ завоеванныхъ. Гордость отдѣльныхъ семей была оскорблена побѣдою союза семей франкскихъ (что̀ и повело къ борьбѣ), но гордость общаго племени была возвышена и напряжена. Такимъ образомъ, несмотря на дружинность и феодальность, уничтожающія возможность народнаго быта, нѣкоторыя силы народности сохранились и могли дѣйствовать въ языкѣ и чувствѣ одноплеменности. Возможно было слово: въ его возможности находилась возможность просвѣщенія словесности и поэзіи. Наконецъ отношенія церкви къ Германіи, какъ къ государству, были особенно выгодны. Еще недавно въ дѣлѣ кельтской Церкви боролась она съ мерами и принудила ихъ къ уступкѣ; но, побѣдивъ и потомъ помирившись съ ними, она сдѣлалась союзницею ихъ преемника, императора Карла. Распря между властями духовною и государственною была прекращена, духовенство облагодѣтельствовано императорами. Тогда началась новая эпоха. Въ старо-христіанскихъ земляхъ духовенство, не чувствуя нужды въ сильномъ покровительствѣ, приняло участіе въ спорахъ возникающаго феодализма съ государствомъ, становясь почти всегда и вездѣ (особенно при благодушномъ Лудвигѣ, во Франціи) въ рядахъ возмутителей. Не такъ было въ Германіи, землѣ новообращенной и съ двухъ сторонъ сжатой народами языческими. Тутъ нужна была духовенству сила государства; тутъ нужно было ему покровительство противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; тутъ служило оно вѣрно и ревностно королямъ и императорамъ, и имена многихъ епископовъ блестятъ наравнѣ съ именами самихъ государей въ исторіи созиданія германскаго государства. Таковы причины, почему изъ трехъ отдѣленій Имперіи Германія предупредила своимъ развитіемъ остальныя и сдѣлалась преемницею франкскаго первенства.

Исторія до сихъ поръ разсказываетъ этотъ фактъ, но не потрудилась надъ его объясненіемъ.

Бѣдственны были для западной Европы первыя времена распаденія имперіи Карла Великаго. Сила мусульманская, распавшаяся, но еще не истощенная и временно даже получившая мѣстное напряженіе отъ возникшихъ новыхъ мѣстныхъ центровъ, налегала на югъ Италіи и грозила даже Франціи. Вырвавшееся на волю удальство скандинавскихъ моряковъ, до тѣхъ поръ очевидно подавленное самостоятельностію саксонскихъ племенъ, и вѣроятно преобладаніе чуждаго, менѣе воинственнаго начала въ самой Скандинавіи (до Бравалльской битвы) бросало тысячи смѣлыхъ разбойническихъ судовъ на всѣ сѣверныя и западныя берега распавшаго царства. Гибельнѣе же всѣхъ внѣшнихъ бѣдствій было бѣдствіе безпрерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Отъ этихъ-то раздоровъ дѣлались возможными нашествія внѣшнихъ враговъ. Сила магометанъ-африканъ не была бы въ состояніи бороться съ ополченіемъ романскихъ народовъ (Франціи и Италіи), а смѣлые наѣздники моря, корабли норманскихъ разбойниковъ, были бы легко отражаемы правильною береговою стражею, и самое гнѣздо ихъ, Данія, не могло бы укрыть ихъ отъ преслѣдованія. Всякій отпоръ внѣшнему врагу былъ невозможенъ при распаденіи имперской державы. Западная и особенно сѣверная Франція были опустошены. Норманны, вездѣ побѣдители, присоединили къ своимъ немногочисленнымъ дружинамъ тысячи бѣглецовъ и разоренныхъ жителей опустошенныхъ береговъ.

Отъ того-то эти ничтожныя ополченія являются часто двадцати- и сорокатысячными войсками. На это обстоятельство, кажется, слишкомъ мало обращали вниманія. Безспорно, главные вожди и, такъ сказать, сердцевина дружины, были скандинавскіе, но очевидно не вся дружина. Истина объясняется отчасти именами дворянскихъ родовъ въ Нормандіи (*) и скорою утратою языка скандинавскаго въ земляхъ, завоеванныхъ Скандинавами.

Изъ грабителей Норманны скоро сдѣлались завоевателями во Франціи, но не скоро еще могли они утвердиться въ новыхъ областяхъ. Между тѣмъ они проникали отдѣльными эскадрами далеко на югъ, долго гнѣздились около устьевъ Гаронны, грабили бѣдный сѣверъ Испаніи и являлись даже въ Средиземное море, ужасая мужествомъ и свирѣпостію области давно уже знакомыя съ мужествомъ и свирѣпостію. Самый замѣчательный изъ ихъ набѣговъ не по послѣдствіямъ, которыя были ничтожны, но по историческому намеку, былъ, безъ сомнѣнія, погромъ береговъ Испаніи и устьевъ *Тага*. Тутъ мавры узнали и передали вѣкамъ имя желѣзныхъ витязей, — *Руссовъ*, имя, которому суждено было сдѣлаться такимъ великимъ въ послѣдующихъ судьбахъ міра (*).

Если сообразимъ начало морскихъ разбоевъ норманскихъ, колоніи ихъ бѣглецовъ на сѣверномъ берегу Германіи и на вендскомъ прибрежіи и начало рюрикова княженія съ великою эпохою Бравалльской битвы, то по необходимости приходимъ къ тому заключенію, что разбои начались отъ побѣжденной и изгнанной стихіи, къ которой, разумѣется, примѣшивалось немало и мѣстной, увлеченной вслѣдъ за нею. Тогда объясняется и имя *Варягъ*, являющееся въ многихъ нарѣчіяхъ германскихъ (простѣйшая форма едва ли не *варгъ*) въ смыслѣ изгнанника и слѣд. соотвѣтствующіе итальянскому *bandito*, не понятое ни Греками, ни Несторомъ и случайно являющееся у западныхъ анналистовъ, которымъ тѣ же удальцы были извѣстны подъ другими именами. Съ другой стороны, разсказъ о Бравалльской битвѣ, несмотря на противорѣчія въ разныхъ источникахъ, всегда согласенъ въ одномъ обстоятельствѣ: побѣжденный царь Гаральдъ Гильдетандъ является какъ преемникъ Инглинговъ, (*) т.-е. рода Фреева (ванскаго), преемникъ, правда, незаконный, но находящійся въ нѣкоторой связи съ ними и по крайней мѣрѣ очевидно не выходящій изъ той же системы народной. Эта система опредѣляется двумя обстоятельствами: принадлежностію Инглинговъ къ роду Вановъ, съ одной стороны, а съ другой—составомъ войскъ побѣжденнаго Гаральда изъ Вендовъ, Гунновъ и людей Гардарика (*). Итакъ, побѣжденная стихія была стихіею славянской. Добросовѣстная

критика не допускаетъ тутъ никакого сомнѣнія. Вслѣдъ за пораженіемъ и бѣгствомъ побѣжденныхъ является на всѣхъ моряхъ и на берегахъ ближайшихъ къ Скандинавіи имя, котораго Скандинавія позднѣйшая уже не знаетъ, но которое по старой памяти дается ей Финнами до нашихъ дней, имя *Русь* (*). Это имя принадлежитъ, очевидно, той же изгнанной славянской стихіи. Дѣйствительно, имя Русь во многихъ мѣстахъ сопровождаетъ славянское племя: оно находится по всѣмъ примѣтамъ въ прямой связи съ вѣтвію Антовъ. Такъ, на югѣ Франціи земля Русильонъ составляетъ оконечность полосы, въ которой корень *Антъ* служитъ основою многихъ городовыхъ именъ (напр., древній *Антіумъ*, Антибъ и друг.); такъ, имя *Русиновъ* или *Руснаковъ* въ Карпатскихъ горахъ обозначаетъ ту самую мѣстность, которую писатели V-го и VI-го вѣка считаютъ жилищемъ Антовъ; такъ, около устьевъ Волги, около Кавказа и Чернаго моря, слово *Русь* отзывается у писателей аравійскихъ и Византійцевъ, между тѣмъ какъ мѣстныя преданія Кавказа помнятъ богатырей Антовъ; такъ, въ сказаніяхъ германскихъ о погибели рода эрманарикова тѣ же бѣдствія или та же измѣна приписываются двумъ братьямъ изъ племени Антовъ и двумъ братьямъ Росманамъ, т.-е. изъ племени *Русь;* такъ, наконецъ, первая война между Гуннами и Готами приписывается Іорнандомъ убіенію Гетами антскаго князя *Боксы;* пѣсни и преданія Кавказа разсказываютъ о томъ же убіеніи князя Боксы *Гутами* и о томъ, что по его имени рѣка Альтуда названа *Боксаною.* Эти преданія возводятся до несомнѣнности греческою надписью на скалѣ на берегахъ Боксаны (*) надъ прахомъ антскаго князя (имени нѣтъ) сына Давова (по моему чтенію Давидова). Теперь эта самая земля, которой антское имя несомнѣнно по надписи и преданію, называется жителями Кавказа *Урусъ* или *Урускія* (общая форма слова Русь на Востокѣ). Такимъ образомъ тождество двухъ названій *Антъ* и *Русь* дѣлается яснымъ для добросовѣстной критики: объясняется присутствіе имени Русь въ стихіи (славянской), изгнанной изъ Скандинавіи, прекращается споръ о происхожденіи Руси съ Юга или Сѣвера; причины, почему южная Русь (въ которой жили Анты Кавказа и Карпатовъ) называлась у лѣтописцевъ Русью по преимуществу, дѣлаются понятными; открывается корень слова *Русакъ* (степной заяцъ, очевидно

не отъ шерсти) и начало государства русскаго (рюрикова) является въ новомъ, болѣе разумномъ свѣтѣ. Самое имя *Русь* по сходству съ словами *ручей, ряса* (болотная рѣка, по мѣстному рязанскому нарѣчію) и по присутствію своему, какъ корень въ словѣ *русло* (какъ *горло, жорло, мыдло* и пр.), даетъ явный смыслъ *воды, воднаго,* народа прирѣчнаго или приморскаго, мореходнаго, какъ онъ является въ исторіи IX, X и XI вѣковъ, поклоняющагося водамъ и живущаго въ водѣ такъ же свободно, какъ на сухомъ пути, что̀ свидѣтельствуютъ Византійцы V-го вѣка объ Антахъ и Славянахъ вообще. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ заключать, чтобы въ выходцахъ скандинавскихъ стихія славянская сохранилась въ чистотѣ или языкъ ихъ былъ языкомъ славянскимъ. Такое предположеніе было бы явною нелѣпостію послѣ десятивѣкового пребыванія и многовѣкового властвованія этой славянской вѣтви въ Скандинавіи. Имя семейное, древнія преданія, нѣкоторые обычаи, сочувствіе и союзы съ славянскимъ материкомъ сохранились; отъ языка могли и должны были сохраниться только обломки, вкрапленные въ мѣстное нарѣчіе, что̀ уже и показано выше въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *саркъ* (сорока) (*), *міольниръ* (*) (молнія) и др. Также нелѣпо было бы предполагать, что всѣ Норманны принадлежали изгнанной стихіи. Путь былъ открытъ, примѣръ указанъ. По тому же примѣру и въ тотъ же путь устремились всѣ удальцы воинственной Скандинавіи, и богатыри, сражавшіеся ожесточенно на родинѣ, дружились въ грабежѣ чужихъ береговъ.

Норманнамъ въ Германіи не такъ посчастливилось, какъ во Франціи. Несмотря на близость родины и на первоначальный успѣхъ, они вскорѣ потерпѣли такое рѣшительное пораженіе (*), что имъ не приходило уже въ голову искать завоеваній и осѣдлости въ землѣ, населенной воинственнымъ народомъ. Неудача ихъ объясняется легко характеромъ прибережья Балтики, фризонскаго племени и Саксовъ. Прибережная страна долго давала отпоръ всѣмъ силамъ феодальства въ его полномъ развитіи; а Саксы, сломленные Карломъ и подведенные подъ условія франкской системы (очевидно, не безъ измѣны высшихъ родовъ, понявшихъ выгоду дружиннаго устройства), сохраняли

еще всю свою энергію, доказанную впослѣдствіи первенствомъ ихъ въ судьбахъ имперской Германіи. Тутъ Норманны не встрѣчали ни безсмысленныхъ илотовъ, ни нищихъ союзниковъ, какъ въ галло-романскомъ населеніи большей части Франціи, и были отбиты навсегда. Но Германіи грозила другая, гораздо бо́льшая опасность. Славянскіе народы, давно уже успокоившіеся и отвыкшіе отъ наступательной войны, тратившіе силы своихъ мелкихъ и вообще мирныхъ общинъ на частныя распри и междоусобія (болѣе похожія на семейныя ссоры, чѣмъ на историческія происшествія), были отчасти пробуждены напоромъ Меровейцевъ, которымъ они дали довольно счастливый отпоръ, и наконецъ вызваны къ условіямъ совокупнаго дѣйствія и слѣдовательно государственной жизни завоевательнымъ духомъ новой Западной Имперіи. Мелкія общины стали срастаться въ союзы, еще рыхлые, но уже выказывающіе нѣкоторый успѣхъ въ историческомъ развитіи.

Быть можетъ, каждый подобный успѣхъ сопровождается утратами лучшихъ человѣческихъ достояній; но такова до сихъ поръ вездѣ историческая необходимость, и не должно забывать, что тамъ, гдѣ утрата невольна и происходитъ отъ внѣшнихъ причинъ, тамъ она неполна и можетъ быть вознаграждена будущими вѣками. Сѣмена глохнутъ и засыпаютъ, но не гибнутъ. Они гибнутъ тамъ, гдѣ порча происходитъ изнутри и обусловливается свободнымъ развитіемъ самаго народа.

За союзами послѣдовало возникновеніе сильныхъ центровъ. На Сѣверѣ они приняли болѣе религіозный, на Югѣ—болѣе политическій характеръ. Въ этихъ центрахъ стали выказываться великія, дотолѣ не предполагаемыя силы. Борьба, начатая съ отчаяніемъ и съ постояннымъ неуспѣхомъ (это видно изъ продолжительнаго расширенія карловой державы на Востокѣ, даже при его слабыхъ преемникахъ), стала ровнѣе. Отпоръ Славянъ былъ часто удаченъ. Пріобрѣталась опытность, духъ возвышался, гордость народовъ пробуждалась, вѣсть о побѣдѣ переходила отъ общины къ общинѣ, слагались пѣсни торже-

ственныя, важныя для современниковъ, не совсѣмъ безплодныя для потомства.

Такова пѣснь о Славоѣ, Забоѣ и Людекѣ (Людвигѣ, побѣжденномъ Чехами). Сомнѣнія въ подлинности рукописи кажутся мнѣ вовсе неосновательными. Языкъ носитъ на себѣ характеръ древности, и многіе обычаи, не совсѣмъ похвальные (какъ, напр., многоженство) едва ли бы нашли мѣсто въ подлогѣ. Впрочемъ, этотъ вопросъ не имѣетъ большой исторической важности. Вообще должно замѣтить, что имперія Карла подѣйствовала на Славянъ такъ же, какъ Римъ на Германцевъ и отчасти на Славянъ при-дунайскихъ (Гетовъ и Даковъ), такъ же, какъ Китай на племена средне-азійскія, и такъ же, какъ въ глубочайшей древности напоръ Кушитовъ на иранскія семьи.

Самый сильный центръ возникъ у Карпатскихъ горъ. Область богатая, издревле торговая и слѣд. не чуждая просвѣщенію, населенная народомъ мужественнымъ и отчасти даже воинственнымъ (ибо таковъ былъ характеръ Антовъ), испытанная многими тяжкими борьбами съ Аварами, которыхъ сила была сокрушена при-карпатскими Славянами, еще прежде съ германскими дружинами во время переселенія народовъ и еще ранѣе съ тѣми же Германцами во время маркоманскаго царства, и въ то же время съ Римлянами (ибо часть народовъ при-карпатскихъ входила въ составъ дакскаго союза, и безспорно побѣжденные остатки Даковъ удалились въ горы), крѣпкая по мѣстности, представляющей сильныя преграды нашествію врага, богатая плодами земли, ибо въ ея составъ входили неистощимыя равнины Венгріи и Галиціи; наконецъ готовая къ новой высшей духовной жизни и принявшая ея зачатки отъ проповѣдниковъ восточныхъ, принесшихъ съ вѣрою письменность, развитіе народнаго слова и, разумѣется, также развитіе общественной жизни.

Вообще трудно отыскать начало отдѣльныхъ народовъ славянскихъ; но пѣсни, свидѣтельствующія о приходѣ Чеховъ въ ихъ теперешнія жилища, доказываютъ, что по крайней мѣрѣ часть нынѣшняго ва-

родонаселенія въ Чехіи переселилась не въ весьма глубокой древности. Этого населенія нельзя отнести къ эпохѣ гунской, когда произошло послѣднее движеніе Славянъ съ востока; ибо характеръ языка носитъ на себѣ признаки западно-славянскихъ вѣтвей, жившихъ издревле въ Европѣ. По всей вѣроятности, эти переселенцы были пришельцы съ береговъ Дуная и изъ Панноніи и Илліріи, гдѣ они участвовали въ великой борьбѣ Даковъ и Паннонцевъ съ Римомъ отъ Августа до Трояна. Самое имя Чеховъ неизвѣстно древней исторіи; но было ли бы оно извѣстно и теперь, если бы не сами Славяне сказали его міру? Иноземцы знаютъ Чеховъ подъ именемъ Богемцевъ. То же самое могло быть и въ древности. При ясномъ разумѣніи движенія южныхъ Славянъ на Сѣверъ во время римской силы и ранѣе еще, во время нашествія *Влаховъ* (*Гаэлахъ*, Галловъ), на нижній Дунай, Иллирію и При-карпатію, позволительно искать имя Чеховъ въ сильномъ народѣ *Чихиновъ* (Сигины) (*), извѣстныхъ Геродоту и съ тѣхъ поръ забытыхъ исторіею. Впрочемъ, откуда ни пришли новые переселенцы, безспорно нашли они на берегахъ Влатавы и истокахъ Лабы славянское населеніе, порабощенное нѣкогда Галлами, а потомъ отчасти Германцами, съ которыми они сроднились по своему коренному, племенному родству.

Велико-моравскій центръ, образовавъ могучее царство, составилъ важную эпоху въ жизни славянскихъ народовъ. Борьба съ Германцами приняла новое значеніе. Распадающаяся Германія слабѣла. Славяне крѣпли. Война оборонительная и почти безнадежная перешла въ наступательную. Побѣда, несмотря на мужество германскихъ государей (потомковъ Карла) и на временные успѣхи ихъ, клонилась въ пользу Славянъ.

Это видно изъ разсказовъ германскихъ лѣтописцевъ, несмотря на естественное пристрастіе ихъ къ своимъ землякамъ.

Блистательныя историческія имена стали появляться между славянскими вождями: таково въ особенности имя грозы Германцевъ Святополка или Святовлада (ибо его называютъ Sven-

tibaldus). Предѣлы области славянской, долго сжимавшіеся отъ напора Германцевъ, стали значительно расширяться. Успѣхъ южныхъ братій отозвался и на сѣверѣ. Мало-по-малу общины сѣверныя стали освобождаться отъ ига чужеземнаго и отодвигать своихъ враговъ. Опасность, угрожавшая Славянамъ, стала угрожать Германіи, уже съ трудомъ отбивавшей ихъ напоръ. Прежнее презрѣніе замѣнилось чувствомъ равенства и уваженія.

Это доказывается ясно принятіемъ славянскихъ именъ (напр., сынъ императора Арнульфа, бывшій нѣсколько времени герцогомъ лотарингскимъ, назывался Святоплукомъ), союзами герцоговъ германскихъ съ княжескими славянскими родами (одинъ изъ этихъ союзовъ положилъ начало роду Бабенберговъ, изъ которыхъ впослѣдствіи было столько императоровъ) и многими другими признаками въ современныхъ лѣтописцахъ и въ ихъ разсказахъ объ отношеніи двухъ народовъ другъ къ другу.

Но этой счастливой эпохѣ не суждено было продлиться. Война, какъ постоянное наступленіе, какъ завоеваніе, не была въ славянскомъ духѣ; самый центръ велико-моравскій не былъ еще довольно значителенъ для основанія великой державы: ибо славянскій народъ по своему характеру не способенъ обратиться въ дружину. Правда, этотъ центръ могъ найти еще точки опоры въ окружающихъ его племенахъ, сербскомъ, хорватскомъ, ляхскомъ и даже велико-вендскомъ (впослѣдствіи велико-русскомъ): разницы нарѣчій хотя уже существовали, но были еще незначительны и рѣдки (это видно изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ и составляетъ рѣзкую противоположность съ разрозненностью нарѣчій германскихъ), но такая опора была ненадежна. Южные Славяне принадлежали вполнѣ всею жизнію своею системѣ византійской исторіи, сѣверные (Ляхи) стремились составить свой отдѣльный центръ, а восточные были еще совершенно чужды потребностямъ политической жизни, хотя и имѣли у себя довольно сильное развитіе семейно-общественной жизни. Такимъ

образомъ можно сомнѣваться, были ли въ велико-моравскомъ центрѣ вещественные зародыши великой государственной силы. Еще болѣе можно сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ въ себѣ нравственныя основы, достойныя того великаго дѣла, на которое онъ казался призваннымъ. Первыя княжескія имена являются въ распряхъ и междоусобіяхъ, свидѣтельствующихъ не только о весьма слабомъ составѣ общественномъ, но и о неуваженіи къ началу семейному. Возстанія сына противъ отца, племянника—противъ родного дяди, раздоры безнравственные и безразсудные: таковы первыя происшествія краткой лѣтописи великаго моравскаго царства. Введеніе христіанства сопровождается безпрестанными и, кажется, не совсѣмъ добросовѣстными переходами народныхъ начальниковъ отъ церкви греческой къ проповѣди латинской и обратно. (Впрочемъ, эта шаткость, вѣроятно, зависѣла отъ неяснаго пониманія церковнаго ученія и слѣд. не можетъ быть предметомъ слишкомъ строгаго обвиненія, хотя и не можетъ быть извиненною вполнѣ.) Самыя отношенія этого перваго славянскаго центра къ Германіи были, очевидно, таковы, что продолжительная борьба была невозможна. Велико-моравскіе государи даже во время побѣдъ своихъ не могутъ оторваться отъ германской системы. Какая-то умственная и духовная зависимость видна въ томъ, что они безпрестанно порываются принимать неразумное участіе во внутреннихъ дѣлахъ западнаго, германскаго міра, въ выборѣ и престолонаслѣдствѣ послѣднихъ Карловинговъ, въ ихъ семейныхъ спорахъ, въ ихъ походахъ по Германіи и Италіи, наконецъ во всей тревожной дѣятельности своихъ бурныхъ сосѣдей. Конечно, Святополкъ въ продолженіе нѣкотораго времени является едва ли не рѣшителемъ судебъ германской имперіи, и его воинская слава гремитъ по всей средней Европѣ; но зато всякая война дѣлаетъ его снова плѣнникомъ или по крайней мѣрѣ подручнымъ союзникомъ императора. Добросовѣстная критика не находитъ никакихъ признаковъ истинной самостоятельности въ исторіи моравскаго царства, а основаніе долговѣчнаго и историческаго славянскаго государства было невозможно безъ этой самостоя-

тельности, безъ полнаго и совершеннаго разрыва съ міромъ германскимъ, безъ развитія своихъ независимыхъ духовныхъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми духовными началами, которыя были свойственны Германіи и которыя она проявляла и развивала въ теченіе столькихъ вѣковъ. Таковы причины паденія великой Моравіи (*), а не случайное нападеніе весьма несильной орды финно-турецкихъ Уйгуровъ, какъ вообще полагаютъ.

Мадьяры.

Ложное мнѣніе историковъ происходитъ отъ многихъ причинъ. Германскіе писатели охотно преувеличиваютъ силу венгерскихъ полчищъ, чтобы скрыть слабость и стыдъ германскаго міра, такъ долго страдавшаго отъ нихъ. Славянскіе находятъ менѣе стыда во внѣшнихъ причинахъ паденія, чѣмъ во внутренних; и тѣ и другіе охотно останавливаются на вещественной сторонѣ исторіи и не чувствуютъ всей важности ея духовной стороны. Для историка безпристрастнаго и понимающаго логическій ходъ мысленнаго развитія ясно, что держава славянская, возстающая на самой границѣ огромнаго германо-романскаго міра, должна была ему подчиниться въ вещественномъ и политическомъ отношеніи, если она не умѣла сохранить полной духовной свободы. Проповѣдь христіанская проникла въ Моравію съ двухъ сторонъ почти въ одно время; съ латинскаго Запада и византійскаго Востока; но значеніе ученія являлось въ двухъ различныхъ видахъ. Западная проповѣдь была іерархическая и отчасти политическая, восточная была народная и духовная. Западъ требовалъ покорности своимъ властямъ и своимъ началамъ; онъ былъ поработителемъ и взамѣнъ непонимаемаго христіанства и обѣщаемыхъ благъ загробныхъ налагалъ вещественное иго на новообращаемыя племена Славянъ. Востокъ приносилъ свѣтъ духовный, пониманіе вѣры и мысленную свободу, не требуя отъ новообращенныхъ ничего, кромѣ ихъ собственнаго улучшенія. Таковъ явный выводъ изо всей дѣятельности великихъ тружениковъ христіанства, Кирилла и Меѳодія, когда ее сравниваемъ

съ дѣятельностью германскихъ проповѣдниковъ, и изо всего спора Меѳодія и учениковъ его съ высшимъ духовенствомъ германскимъ. Очевидно, народъ былъ почти весь на сторонѣ византійскихъ учителей, и побѣда должна была остаться за ними. Римскій дворъ предупредилъ опасность. Преемники Николая, не успѣвшаго кончить дѣло, приняли народно-славянскую проповѣдь, церковно-славянскій языкъ и самостоятельность славянскихъ эпархій подъ свое покровительство или по хитрому расчету, предпочитающему уступку совершенному разрыву, или съ намѣреніемъ не допустить излишняго усиленія германскаго духовенства, котораго покорность была не совсѣмъ еще вѣрна, или можетъ быть по началамъ и побужденіямъ болѣе возвышеннымъ и христіанскимъ: ибо въ самомъ Римѣ не успѣлъ еще развиться папизмъ въ смыслѣ опредѣленной и вполнѣ сознательной системы. (Его логическое развитіе было впереди.) Но при всей склонности народа, отчасти и самыхъ правителей, къ ученію византійскому и къ его народнымъ формамъ, очевидно, и латинская проповѣдь была не безъ послѣдователей. Границы языческаго міра давно уже не могли сохранять неприкосновенность язычества: христіанство проникло съ Запада въ область славянскую гораздо прежде того времени, къ которому свидѣтельства письменныя относятъ начало обращенія. Люди, уже обращенные проповѣдью западною, и дѣти ихъ оставались вѣрными направленію, ими принятому. Съ другой стороны, высшіе и богатѣйшіе семьи и роды, въ которыхъ уже таились зародыши аристократіи, склонялись по безсознательному влеченію къ аристократическому направленію папизма. Западная церковь въ противоположность духовному и народному ученію Востока являлась въ сопровожденіи цѣлаго политическаго устройства, соблазнительнаго для многихъ и временно, можетъ быть, почти необходимаго для всѣхъ; наконецъ, сношенія съ Западомъ были постояннѣе и чаще; общеніе житейское влекло за собою и ученіе духовное, тѣмъ болѣе, что самая Церковь восточная не вполнѣ еще сознавала отпаденіе Запада. Такимъ образомъ даже въ великой Моравіи Церковь латинская была весьма сильна, не смо-

тря на рѣшительный перевѣсъ византійской. Еще сильнѣе было начало латинское въ западной половинѣ царства святополкова, въ Чехіи, управляемой древнимъ родомъ Премысловичей и присоединенной къ Моравіи незадолго до нашествія Уйгуровъ; а начало латинское въ церкви вездѣ сопровождалось латино-германскимъ началомъ въ жизни, началомъ враждебнымъ жизни славянской и убійственнымъ для нея: ибо (какъ уже сказано) всякая вѣра обнимаетъ весь духъ человѣка и общества, а не ограничивается какою-нибудь долею мысленной области въ лицѣ или народѣ.

Великая Моравія была разъединена внутри себя. Ея внѣшняя дѣятельность вслѣдствіе историческихъ отношеній прежней эпохи была обращена на западъ; она не умѣла и не думала искать опоры и родной почвы на Востокѣ, а опора на Западѣ была ничтожна, почва ненадежна и даже враждебна.

Этому положенію служитъ исключеніемъ, почти единственнымъ, завоеваніе при-карпатскаго Галича, котораго предѣлы очень неопредѣленны, и нѣкоторое расширеніе на юго-востокъ въ равнинахъ полупустынной Панноніи (теперешней Венгріи).

Держава не могла быть долговѣчною.

Дѣйствительно, она не простояла и столѣтія. Основатель ея, Моймиръ, является въ первой четверти IX вѣка; послѣдній ея владыко, Моймиръ же, исчезаетъ изъ исторіи вмѣстѣ съ своимъ царствомъ около 907-го года. Не слабая орда Уйгуровъ-Мадьяръ разрушила Моравію. Призванная на помощь императоромъ Арнульфомъ противъ грозы святополкова оружія, не много послужила она своему неосторожному союзнику, претерпѣла сама нѣсколько пораженій и была бы снова принуждена или удалиться въ восточныя пустыни, или ограничиться весьма небольшою областію около Дуная и Карпатовъ, когда умеръ Святополкъ. Царство, не имѣвшее внутренней жизни, держалось только духомъ великаго владыки. Послѣ него возникъ раздоръ семейный. Чехія отдѣлилась подъ начальствомъ двухъ Премысловичей, чтобы начать многовѣковую страдаль-

ческую борьбу противъ ига чуждыхъ началъ духовныхъ и вещественныхъ, безъ надежды на побѣду и безъ возможности побѣды, но не безъ славы (ибо ей суждено было произвести Гуса, Жижку и Подибрада). Тогда уже Уйгуры-Мадьяры захватили почти безъ сопротивленія всю прекрасную страну при Дунаѣ и Тиссѣ, окрѣпли новымъ приливомъ родственныхъ племенъ, поразили ополченіе слабой Германіи и стерли царство моравское съ лица земли.

Слабость Моравіи явна и доказана самымъ ея паденіемъ; но въ ней, можетъ быть, заключалась истинная опасность для Германіи. Если бы, успокоенная на время владыками сильными и разумными и продолжая святой трудъ солунскихъ апостоловъ (Кирилла и Меѳодія), она пронесла проповѣдь свободнаго христіанства и церкви народной (разумѣется, связанной съ великою церковью Востока) на сѣверъ по берегамъ Лабы и Одера до балтійскаго поморья, она могла бы возрасти въ державу великую, самобытную и грозную для западнаго міра. Повидимому, это было возможно, хотя духовное двуначаліе не легко побѣждается. Какъ бы то ни было, съ паденіемъ Моравіи опасность миновалась, и Венгры, заступившіе мѣсто Моравцевъ, могли быть, и дѣйствительно были, бѣдствіемъ временнымъ, требовавшимъ отпора и, слѣд., скрѣплявшимъ Германію, но не истинною опасностью для нея.

Въ общемъ обзорѣ всемірной исторіи Венгры почти не занимаютъ, да и не заслуживаютъ мѣста. Ихъ значеніе чисто-вещественное не представляетъ ни развитія, ни даже зародыша какого-нибудь духовнаго начала. Составляя часть христіанскаго міра, они не стали ни въ какомъ отношеніи выше своихъ средне-азійскихъ земляковъ—Турокъ, съ которыми имъ предопредѣлено было впослѣдствіи выдерживать долгую и неравную борьбу. Дѣйствіе отрицательное на судьбу славянскихъ народовъ: таково, повидимому, единственное призваніе венгерскаго племени, единственной средне-азійской стихіи, врѣзавшейся глубоко въ сердце индо-европейскихъ племенъ. Впрочемъ, болѣе внимательное и безпристрастное изученіе этого вопроса приводитъ къ иному заключенію. Венгерцы, т.-е.

коренные Мадьяры, очевидно, въ продолженіе всей своей исторіи дѣйствовали далеко не однѣми собственными силами. Половина ихъ ополченій состояла изъ Славянъ; многіе изъ ихъ лучшихъ полководцевъ были славянской крови. Изъ этого видно, что Венгерцы, поработители и враги Славянъ, имѣли отчасти значеніе первыхъ, грозныхъ Аваровъ; они отчасти сосредоточивали слявянскую силу. То же самое должно сказать и о сосѣдяхъ, временныхъ завоевателяхъ Венгріи, оттоманскихъ Туркахъ.

Извѣстно, что съ самаго усиленія Турокъ въ Европѣ гораздо болѣе половины ихъ правителей и военачальниковъ (исключая царствующій родъ) и именно самые побѣдоносные и прославленные, были Славяне по происхожденію. Любопытна эта борьба окованныхъ Славянъ другъ противъ друга. Вспомнимъ Соколія и Цринія.

Итакъ, нашествіе средне-азійцевъ, несмотря на всѣ несказанные ужасы, сопровождающіе его, несмотря на многовѣковыя бѣдствія, которымъ оно подвергло Славянъ, было не совсѣмъ для нихъ безполезно. Можно даже сказать болѣе. Царство велико-моравское не могло устоять долго вслѣдствіе своей внутренней духовной разъединенности. Германія должна была окрѣпнуть и возвыситься. Грубая вещественная сила Мадьяра спасла часть Славянъ отъ германизаціи, такъ же какъ грубая сила Турка, уничтоживъ Византію, спасла другую часть Славянъ отъ эллинизаціи. Сокровище духовное, возможность самобытной, духовной жизни, куплено вещественнымъ страданіемъ.

Очевидно, въ наше время сербо-хорватская область и даже Словаки и Русины венгерскіе здоровѣе и цѣльнѣе области чехо-моравской, и не будь случайной охраны мадьярской, при-дунайскіе, отчасти прикарпатскіе и иллирійскіе Славяне подпали бы, вѣроятно, власти германской и безъ сомнѣнія подпали бы соблазну германскаго и германо-романскаго духовнаго начала.

Венгры или Угры, между которыми первое мѣсто занимало племя мадьярское, безъ сомнѣнія выходцы средне-азійской

горной твердыни. Происхожденіе это доказывается ихъ языкомъ и засвидѣтельствовано ихъ именемъ. Финскія и турецкія начала, найденныя въ ихъ нарѣчіи учеными изслѣдователями, относятъ ихъ ясно къ переселенію финно-турецкихъ племенъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Уйгуровъ (китайскіе *Уейо* или *Чешу*). Имя это сохранилось у Венгровъ въ чистотѣ и сдѣлалось ихъ собственнымъ, хотя оно принадлежало цѣлой системѣ или союзу народовъ, котораго они составляли весьма незначительную часть. Мѣсто ихъ исхода было въ сѣверной Россіи, въ землѣ, которая издавна была извѣстна подъ названіемъ Угріи, или Югріи, или Югры. По ближайшему указанію свидѣтелей, едва ли опровержимыхъ, это мѣсто называлось землею суздальскою. Прозваніе главнаго племени, венгерскаго—Маджаровъ—сохранилось и до сихъ поръ во множествѣ урочищъ и деревень низовой стороны, гдѣ большія и малыя Маджары и Маджаровки и т. п. встрѣчаются весьма часто и гдѣ Мещера сохранила свою самобытность и племенное имя. Отношеніе ихъ къ другимъ племенамъ того же края было различно. Къ нимъ примыкали колѣна финнскія древняго переселенія, народы тихіе и не воинственные, хотя не лишенные мужества, какъ извѣстно изъ исторіи Финляндіи, дававшей лучшіе полки великому Густаву-Адольфу и до сихъ поръ отличающейся искусствомъ и безстрашіемъ своихъ стрѣлковъ, такъ же какъ и изъ борьбы Черемисовъ (выходцевъ изъ Мери) и Мордвы съ разлитіемъ русской силы при Іоаннѣ IV и его преемникахъ.

Нѣкоторыя колѣна тѣхъ же Финновъ, древней отрасли (т.-е. ранѣе оторвавшейся отъ общаго финно-турецкаго корня) были даже не чужды промыслу войны наступательной. Финны пиратствовали на Балтикѣ (*), и при-уральцы дѣлали разбойничьи набѣги на сосѣдей. Впрочемъ, это исключенія, объясняемыя обстоятельствами и, вѣроятно, закономъ возмездія.

Кромѣ Финновъ чистыхъ, къ Települ Уграмъ на сѣверѣ примыкали другія еще болѣе имъ родственныя колѣна финно-турецкія

(уйгурскаго переселенія), далеко проникнувшія по при-вол-жью. Главное изъ нихъ было уйгурское племя, властвовавшее въ то время въ землѣ древнихъ славянскихъ Болгаръ и принявшее свое имя и вѣроятно торговое направленіе отъ покореннаго народа. Тутъ же были еще и остатки стараго прирѣчнаго населенія славянскаго, остатки стараго гунскаго казачества, уже перемѣшанные съ уйгурскими пришельцами и подчиненные имъ, но не утратившіе еще вполнѣ своего отдѣльнаго существованія.

Таковъ смыслъ китайскихъ свидѣтельствъ о преобладаніи дикихъ *Као-тзе* и *Туколо* (*) въ области осѣдлыхъ народовъ на далекомъ сѣверо-западѣ и еще яснѣйшее ихъ свидѣтельство о томъ, что земля *Веннами* (Вендовъ-Славянъ),нѣкогда подчиненная *Алан-ми* (Сарматамъ, Азо-Аланамъ), подпала власти *Чешу* (Уйгуровъ). Нѣтъ сомнѣнія, что стихія славянская уже была весьма слаба и несвободна въ при-волжіи; но она не совсѣмъ еще исчезла. Царь болгарскій назывался еще царемъ славянскимъ (Саклабовъ). Не далеко отъ Болгаръ еще былъ (кажется, по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана) (*) городъ Руссовъ (анто-славянскій) *Хунай*; слѣд. въ томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣмецкіе лѣтописцы ставятъ городъ *Хунабъ*, описанный ими въ видѣ цѣлой огражденной страны; наконецъ, когда Русь рюриковская малопомалу начинаетъ расширяться на сѣверо-востокѣ, она беретъ силою города, которыхъ основаніе нельзя приписать сѣвернымъ Финнамъ, никогда не бывшимъ градостроителями. Къ такимъ городамъ должно приписать Кострому. Ея мѣстность не входила въ предѣлы первой языческой Руси, рюриковской. Приписать же ея построеніе Руси христіанской нельзя потому, что самое имя ея принадлежитъ язычеству, что видно изъ народныхъ пѣсенъ, славящихъ вмѣстѣ *Кострому* и *Ярила*, боговъ языческихъ. Старыя торговыя мѣста, основанныя сѣверо-восточными Славянами, были захвачены впослѣдствіи государствомъ славяно-русскимъ и введены въ его составъ, иныя съ сохраненіемъ, другія, кажется съ перемѣною прежняго имени.

Отношенія Угровъ-Маджаровъ (или Мадьяровъ) къ сосѣдямъ были вѣроятно не совсѣмъ дружелюбны. Это можно заключить

изъ характера самаго народа и изъ стремленія другихъ уйгурскихъ племенъ (напр., Болгаръ) къ распространенію своей области. Мадьяры были выдвинуты изъ своего сѣвернаго становища, земли суздальской, или изъ земли, лежащей на сѣверо-востокѣ отъ нея.

Сомнѣнія о томъ, было ли уже тогда имя Суздаль и земля суздальская, довольно нелѣпы въ наше время, хотя они могли имѣть свою разумность въ первую эпоху исторической критики. Конечно въ нашихъ лѣтописяхъ Суздаль является гораздо позднѣе Ростова; но онъ является какъ древній самостоятельный городъ, а не какъ пригородъ, на правахъ равенства, если не старшинства съ Ростовомъ. Позднѣйшее его появленіе объясняется легко или тѣмъ, что онъ отчасти утратилъ свою значительность, или еще вѣроятнѣе тѣмъ, что онъ вошелъ въ систему рюриковской Руси послѣ Ростова. Имя его носитъ на себѣ характеръ древнихъ именъ безъ ясной этимологіи; лѣтописи же венгерскія (*), хотя и весьма недостовѣрныя, но все-таки основанныя на преданіяхъ народныхъ, не имѣли никакой причины выдумать неизвѣстную землю суздальскую, если бы имя этой земли не сохранялось въ народной памяти. Это имя дѣйствительно же было извѣстно на Западѣ не однимъ Мадьярамъ. Сказанія Скандинавовъ (весьма важныя въ отношеніи древняго Сѣвера) называютъ *Аттилу* (Этцеля) царемъ суздальскимъ *(Сузатлъ* по *Вилькина-Сагѣ)*. Критика, сбитая съ толку упрямой и дѣтской вѣрою въ уйгурство Гунновъ, не замѣтила этого обстоятельства, какъ и многихъ другихъ (напр., того, что Гунны не алтайскіе *Гіонгъ-ну*, а при-аральскіе *Унао* китайскихъ лѣтописей и географовъ, *Гуна* Индѣйцевъ). Древніе народы или народы, принявшіе свое знаніе отъ старожиловъ, часто не знаютъ новыхъ прославленныхъ именъ, а помнятъ старыя, забытыя или почти забытыя имена. Такъ булгарская торговля не передала Арабамъ имени Новгорода, а дала имъ на удивленіе критиковъ имя *Алдоги* (Ладоги, *старой* Ладоги, вѣроятно матери новой Ладоги, новаго города, хотя и этотъ Новый Городъ уже извѣстенъ Іорнанду подъ именемъ *Новего* и древнѣйшимъ пѣснямъ Скандинавовъ подъ именемъ *Неотунъ*, родины бога—*Ніордра)*. Такъ и лѣтопись мадьяр-

ская не знаетъ ни Ростова, ни Владимира, а знаетъ древнѣйшее имя Суздаля.

Изъ земли суздальской двинулись Венгры на югъ; и часть ихъ бродящей дружины, перешедъ Днѣпръ, проникла черезъ земли Полянъ и юго-восточныя области нынѣшней Россіи, взяла съ боя привольныя пастбища при Карпатахъ до Дуная. Другая часть, многочисленнѣйшая, спустилась на берега Дона и начала кочевать между нимъ и Волгою въ состояніи полусвободномъ, полузависимомъ отъ Казаръ. Къ ней примкнули, по обычаю средне-азійскому, другія слабѣйшія орды или родовыя дружины, отдѣлившіяся отъ болѣе сильныхъ племенъ или союзовъ вслѣдствіе междоусобія или изъ желанія найти лучшее кочевье.

Такъ, напр., отъ Казаровъ пристала къ Мадьярамъ часть *Кабаровъ* (*), которыхъ имя вѣроятно дало начало имени кавказской *Кабарды*.

Земля, временно занятая Мадьярами на востокъ отъ Дона, называлась *Лебедія*, разумѣется не отъ какого-то мадьярскаго князька Лебеда, гостившаго въ ней нѣсколько лѣтъ (какъ разсказываютъ мадьярскіе писатели), а отъ мѣстныхъ причинъ, не совсѣмъ доступныхъ критикѣ. Въ имени города *Лебедяни* на берегу Дона слышится отзывъ стараго областного названія; самое же названіе, по созвучію напоминающее и *Лыбедь* и *Лебедь* (любимый предметъ русскихъ пѣсенъ) и множество славянскихъ словъ и именъ, принадлежитъ безъ сомнѣнія древнѣйшей эпохѣ, когда славянскія племена были еще полными хозяевами междурѣчія Волги и Дона.

Вѣроятнѣйшее начало имени Лебедія заключается въ словѣ *Бѣлый* (изъ котораго слово Беледь, по перестановкѣ буквъ *лебедь*, какъ *ладонь* отъ *долонь*, *бакалдина* отъ *колдобина* и другія). Въ продолженіе многихъ вѣковъ при-волжіе и земли, лежащія между Волгою и Дономъ, были населены народами, носившими прозвище великихъ или бѣлыхъ. Таковы *Саки*, *Гунны*, *Болгары древнѣйшіе*. Ихъ отдѣленія, переселявшіяся на юго-западъ, принимали часто

прозвище *малыхъ* или *черныхъ*, оставляя своей родинѣ славу силы, блеска (бѣлизны). Такъ въ самой Руси имя Бѣло-Россіи тождественно съ именемъ Великой Руси въ противоположность Мало-Россіи. Многовѣковое прозвище сдѣлалось принадлежностью области *бѣлой* по преимуществу (*Бѣляди* или *Лебяди*).

Недолго кочевали Мадьяры въ при-донской *Лебядіи*. По стопамъ ихъ, или вѣроятнѣе по заволжью и вдоль скатовъ Урала, двигалась съ сѣвера другая, еще болѣе дикая кочевая дружина—Печенѣги.

Происхожденіе этого народа, вѣроятно разносоставнаго, составляетъ неразгаданную загадку, для разрѣшенія которой не осталось никакихъ данныхъ. Конечно совершенная гибель его уничтожаетъ важность его исторической дѣятельности, и отсутствіе всякихъ слѣдовъ доказываетъ, можетъ быть, рыхлость состава, въ которомъ не было ничего цѣльнаго и органическаго; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что уясненіе вопросовъ объ этихъ мелкихъ дружинахъ, временно прогремѣвшихъ по восточной Европѣ, было бы не безполезно для полнѣйшаго понятія о другихъ сильнѣйшихъ и уцѣлѣвшихъ дружинахъ и народахъ. Признаніе единства между *Канками* (*) (Тюрко-Уйгурами) и Печенѣгами не основано ни на чемъ и не стоитъ возраженія; движеніе же Печенѣговъ (иначе *Бессовъ* или *Вессовъ*) по слѣдамъ Мадьяровъ наводитъ на мысль, что оно было однимъ изъ явленій, сопровождавшихъ переселеніе дружинъ или союзовъ народныхъ изъ сѣверной Угры на Югъ. На сѣверѣ же находимъ мы и имя сильнаго финскаго племени *Веси*, совершенно соотвѣтствующее главной дружинѣ Печенѣговъ (*Бесси* или *Весси*), и многія созвучія самому названію *Печенѣговъ* (*Печора*, *Печенга* и др.). Быть можетъ, въ позднѣйшихъ за-волжскихъ *Бессерменахъ* сохранялось прежнее имя *Бессермаа*, которому Славяне прибавили только окончаніе *не* (*Турки—Турчане*, *Нѣмцы — Нѣмчины* и т. д.). Одичаніе чисто-финнской стихіи *Веси* въ продолжительномъ и боевомъ кочеваніи, при смѣшеніи съ другими финно-турецкими ордами, не представляетъ ничего невѣроятнаго.

Не выдержали Мадьяры удара Печенѣговъ: разбитые на голову, они бѣжали на югъ къ берегамъ Чернаго моря и кочевали нѣсколько времени по степямъ при-днѣстровскимъ, признавая надъ собою власть Казаровъ *) (какъ видно изъ свидѣтельства ихъ собственныхъ лѣтописцевъ). Печенѣги, которымъ грозили другія восточныя орды, слѣдовали за ними по пятамъ. Прорѣзавъ съ запада область казарскую и занявъ низовье Днѣпра, они отдѣлили Мадьяровъ отъ казарскаго центра и откинули ихъ далѣе на западъ въ нынѣшнюю Молдавію. Нѣсколько лѣтъ удаляющіеся Угры вели неравную борьбу съ сосѣдями: Болгарами, Печенѣгами, Сербами и даже Византійцами, то находясь съ ними во временныхъ союзахъ, то въ жестокой и нещадной войнѣ, то дѣлая набѣги на ихъ земли, то терпя жестокія наказанія въ своей собственной, особенно отъ Болгаръ и Печенѣговъ. Тѣснимые съ востока и юга, отбитые съ запада силою царства велико-моравскаго, они казались опредѣленными на погибель, несмотря на приглашенія и союзъ императора Арнульфа, когда умеръ Святополкъ. Междоусобія возгорѣлись въ Моравіи, оплотъ былъ прорванъ, и вся теперешняя Венгрія сдѣлалась въ концѣ IX-го вѣка и началѣ X-го добычею мадьярскихъ дикарей.

Первый ихъ налетъ былъ ужасенъ, и едва ли какой-нибудь народъ превосходилъ ихъ въ свирѣпости, за исключеніемъ Аваровъ и Печенѣговъ. Славяне и Румуны (Волохи), жители роскошныхъ равнинъ древней Панноніи, погибли или бѣжали, кто въ лѣсистые горы, кто въ непроходимыя болота. Широко и привольно расположился кочующій Мадьяръ на неистощимомъ богатствѣ пажитныхъ долинъ и гладкихъ, травянистыхъ степей.

Это нашествіе Мадьяровъ на славянскую землю представляетъ въ маломъ видѣ повтореніе того, что происходило въ огромныхъ размѣрахъ слишкомъ за XX вѣковъ по всей средней Европѣ, когда Кельто-Кимрійцы и Германцы выдвинули отовсюду вендо-славянскія семьи и откинули ихъ или въ альпійскія горы и пиринейскія предгорія или въ приморскія болота на берегахъ Балтики и на устьяхъ Луары и Рейна. Замѣненіе старыхъ славянскихъ именъ большей

части городковъ и урочищъ именами уйгурскаго нарѣчія, несмотря на близость славянскихъ поселеній и на остатки народа, поступившаго въ рабство или тяжелое вассальство, объясняетъ полное исчезновеніе древне-славянскихъ названій въ при-волжіи и въ степяхъ восточной Россіи, гдѣ гибель старожиловъ была гораздо полнѣе и совершеннѣе. Отрицательныя доказательства, взятыя изъ этого обстоятельства, на которыхъ такъ спокойно и самодовольно отдыхаетъ старая критика, только слегка встревоженная глубокомысленною догадкою Венелина, не значатъ ничего передъ сравненіемъ группировки народныхъ и племенныхъ именъ и передъ безпристрастнымъ изученіемъ движенія этихъ группъ.

Ужасы, сопровождавшіе первое нашествіе уйгурское, прекратились не вдругъ и даже не скоро; страданія Славянъ и Волоховъ были довольно продолжительны; борьба и сожительство съ дикарями дали характеръ дикости народамъ уже полуобразованнымъ и склоннымъ къ жизни мирной и кроткой. Но время совершило свою умирительную работу. Венгры обратили свою жадность и воинственное корыстолюбіе на западъ. Побѣдители саморушившейся Моравіи, союзники неосторожной Германіи стали ее наказывать за безразсудное приглашеніе. Весь югъ, вся средняя полоса и даже часть сѣверной Германіи запылали и были залиты кровью. Сѣверная Италія, берега Рейна, даже южная Францiя страдали отъ неожиданныхъ и непостижимо быстрыхъ набѣговъ. Удалыя толпы наѣздниковъ уйгурскихъ, недавно выгнанныхъ изъ при-волжія, разбойничали на Ронѣ и даже въ пиринейскихъ долинахъ. Западная Европа дрожала и молилась. Германія молилась и откупалась богатою данью.

Необыкновенные и едва вѣроятные успѣхи Мадьяровъ, слабость отпора, оказанннаго имъ почти во всей западной Европѣ, общій страхъ, постоянная безнаказанность набѣговъ, несмотря на то, что они совершались во всякое время года и въ странахъ весьма неудобныхъ для движенія конницы, все указываетъ на ничтожность тогдашнихъ государствъ европейскихъ, на слабость и рыхлость ихъ состава и на обманчивость той

военной славы, которою хвастливость новыхъ лѣтописцевъ окружила своихъ предковъ въ первыя времена германской эпохи.

Въ противоположность этой хвастливой лжи можно поставить то гордое пренебреженіе, съ которымъ говорятъ писатели всѣхъ народовъ (не исключая и русскихъ) о первой эпохѣ земли русской и о среднихъ временахъ Византіи. Очевидно, что Половцы, побѣдители Печенѣговъ, прогнавшихъ Венгровъ изъ при-донской степи, были, какъ народъ или какъ союзъ народовъ, несравненно сильнѣе Мадьяровъ. Русь у нихъ была подъ бокомъ, открыта со всѣхъ сторонъ ихъ набѣгамъ, не защищена отъ нихъ никакими естественными или искусственными преградами, и за всѣмъ тѣмъ отпоръ они встрѣчали постоянный, почти всегда счастливый, и сами почти погибли, когда Мономахъ и его могущественный сынъ пронесли грозу своего оружія въ заволжскія степи до Каспія и Урала. Что же касается до Византіи, отстоявшейся отъ враговъ истинно могучихъ, отъ всего напора сѣверныхъ племенъ и отъ восторженной силы Аравіи, то ея крѣпость кажется едва понятною въ сравненіи съ слабостью германскихъ державъ западной Европы, дрожавшихъ передъ налетомъ немногочисленныхъ венгерскихъ удальцовъ.

Побѣды Венгровъ и побѣды ихъ предшественниковъ Норманновъ взаимно объясняютъ другъ друга. И тѣ и другія служатъ объясненіемъ еще раньшихъ завоеваній Аравитянъ въ Испаніи и по берегамъ Средиземнаго моря. Всѣ вмѣстѣ указываютъ разумному читателю на мелочность началъ, управлявшихъ западною Европою, и явленій, которыя составляютъ ея исторію отъ паденія римской имперіи до полнаго развитія папской и императорской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ нашествія Мадьяровъ были одинаково ничтожны. Толпы, налетавшія на сѣверную Италію, на берега Рейна и на Францію, были, конечно, весьма малочисленны и обязаны своимъ успѣхомъ только слабому сопротивленію туземцевъ; но Венгрія могла бросать и бросала ополченія довольно сильныя въ страны сопредѣльныя съ ней, и хотя стотысячное войско, уничтоженное на Лехѣ великимъ Оттономъ, было явленіемъ необы-

чайнымъ, за которымъ послѣдовало временное безсиліе, хотя многочисленныя дружины, пораженныя Птицеловомъ при Мерзебургѣ, были уже исключеніемъ изъ общихъ правилъ,—нельзя однакоже не признать, что Мадьяры являлись не разъ въ Германію не шайками, а цѣлыми, довольно значительными ордами. Усиленіе Мадьяровъ въ короткое время и въ землѣ, куда они вошли врагами и разорителями, показываетъ справедливость правила выше изложеннаго нами, что часто ничтожная дружина, бѣгущая предъ другою ничтожною дружиною (какъ Венгры предъ Печенѣгами) развиваетъ мгновенно неожиданныя силы въ своихъ новыхъ осѣдлостяхъ. Причины этого явленія были уже изложены. Въ первой же исторіи Венгріи нельзя не признать, что такъ называемыя ополченія мадьярскія, нападавшія на среднюю и западную Европу, были составлены изъ разнородныхъ стихій, изъ которыхъ большая часть нисколько не принадлежала племени мадьярскому. Развалины царства велико-моравскаго, Румуны и въ особенности Славяне составляли въ войскѣ Мадьярскомъ едва ли не большую численную половину, точно такъ же какъ тѣ же самыя стихіи составляли главную часть силы аварской въ прежніе вѣка. Быть можетъ, этому преобладанію народности славянской должно приписать обстоятельство, весьма ясно выступающее изъ разсказовъ лѣтописцевъ и пропущенное безъ вниманія историками, именно то, что ближайшіе сосѣди Венгровъ, Славяне богемскіе, за-карпатскіе, днѣстровскіе и дунайскіе находились по большей части съ Мадьярами въ обычныхъ отношеніяхъ сосѣдства того времени, иногда въ дружбѣ, иногда во враждѣ, но никогда не были подвержены постояннымъ набѣгамъ, какъ области германскія.

Только тотъ, кто понимаетъ исторію Венгріи, какъ исторію земли безъ народности, можетъ понять происшествія нашего времени и смыслъ такъ называемой венгерской революціи. Она была не что иное, какъ безразсудная попытка утвердить первенство и правительственную власть за народностью мадьярскою, и эту попытку начали не усатые потомки Арпада, а близорукая политика и слѣпая

ненависть къ Славянамъ нѣмецкаго министра, долго пользовавшагося незаслуженною славою и оправдавшаго весьма заслуженнымъ паденіемъ святыню нравственныхъ законовъ въ исторіи.

Паденіе велико-моравскаго царства было, какъ уже сказано, обусловлено внутреннимъ его раздвоеніемъ, раздвоеніемъ въ строго-религіозномъ отношеніи (ибо оно столько же принадлежало восточной, сколько и западной церкви) и раздвоеніемъ въ отношеніи политическомъ (ибо въ немъ боролись начала аристократизма, или лучше сказать, дружинности германской, шедшія, какъ зараза, вслѣдъ за духовенствомъ римскимъ, и начала чисто-славянской общины). Государство не могло устоять. Соблазнъ западнаго міра былъ слишкомъ силенъ и слишкомъ близокъ: чистая духовная идея и кроткая сила общины (идея также религіозная) не могла восторжествовать надъ нимъ. Цѣльность была невозможна, и Велико-моравіи не могло быть суждено быть представительницею восточно-славянскаго міра. Но въ ней заключались духовныя силы и отчасти возможность пробудить духовныя силы Славянъ отъ Карпатовъ до Бальтики; слѣдовательно Германіи могла предстоять опасная борьба, что и доказало въ послѣдующемъ времени могущество Польши, которой внутренняя жизнь была еще менѣе стройна и менѣе согласна съ характеромъ славянскимъ, чѣмъ жизнь самой Велико-моравіи. Случайные побѣдители ея, Мадьяры, исполнили надежду Арнульфа; они были бичемъ тяжелымъ для Германіи, но бичемъ кратковременнымъ, а ихъ успѣхъ спасъ ее отъ борьбы вѣроятно еще болѣе тяжкой и безъ сомнѣнія гораздо болѣе многолѣтней.

Возрожденіе Германіи. Генрихъ Птицеловъ. Чехія.

Отбившись на сѣверѣ отъ Норманновъ, которые обратили свой опустошительный набѣгъ на Англію и Францію, избавившись съ помощью Венгровъ отъ грозы славянской на юго-западѣ, Германія отъ края до края почувствовала необходимость скрѣпить свой общественный составъ, чтобы положить конецъ общему бѣдствію, страшному разгулу Мадьяровъ, отъ котораго берега Рейна и Нѣмецкаго моря были такъ же мало безопасны,

какъ и области баварскія и франконскія. Къ общему желанію народа или, лучше сказать, властвующей дружины присоединялось еще болѣе разумное желеніе духовенства, понимавшаго всю нестройность тогдашняго быта общественаго и стремившагося къ созданію крѣпкаго политическаго тѣла, въ которомъ можно бы было находить болѣе безопасности для сословій безоружныхъ и лучшую точку опоры для распространенія христіанскаго ученія за предѣлами тогдашняго христіанскаго міра.

Эти два побужденія и, можетъ быть, привычка къ мысли о законности, невольно принимаемая всякимъ воспитанникомъ школъ, знакомыхъ съ римскою древностью, были причиною того сильнаго и благодѣтельнаго стремленія епископовъ къ утвержденію императорской власти, которое дало такое могущество дому саксонскому и первымъ салійцамъ и часто полагало препоны стремленію папъ къ политической власти. Вообще нельзя не замѣтить большой разницы между дѣйствіями высшаго духовенства германскаго и того же сословія во Франціи при послѣднихъ Карловингахъ и при первыхъ императорахъ саксонскаго дома. Духовенство во Франціи, повидимому, раздѣляло общее желаніе всѣхъ областей и сословій разорвать на части несчастную державу; духовенство германское употребляло всѣ мѣры, чтобы укрѣпить императорскую власть и единство государства. Вѣроятная причина этаго различія заключается въ томъ, что духовенство въ Галліи, уже давно развращенное богатствомъ и роскошью, раздѣляло стремленія всего остальнаго общества, съ которымъ сливалось и интересами и образомъ жизни; духовенство же недавно обращенной Германіи боролось съ остатками идолопоклонства, сохраняло нѣкоторые зачатки истинно-христіанской жизни и апостольскаго рвенія и по этому самому еще не утратило отвлеченныхъ общечеловѣческихъ интересовъ. Притомъ должно замѣтить, что духовенство германское было гораздо могущественнѣе и независимѣе, и мелкія страсти, которыми волновались высшіе духовные сановники во Франціи, уступали мѣсто въ Германіи тому широкому объему мысли и видовъ, къ которому невольно привыкаетъ человѣкъ, поставленный высоко и почти независимо въ іерархіи людского общества. Для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя Германія того вре-

мени и вѣковъ ближайшихъ къ нему представляетъ во многихъ явленіяхъ силу и величіе, которыхъ и слѣда нѣтъ въ тогдашней Франціи. Германія, не смотря на завоеваніе и послѣдовавшее за нимъ дружинное устройство, основана была на народѣ. Во Франціи онъ не существовалъ.

Общее стремленіе цѣлаго народа, если это стремленіе не пустая вспышка, а слѣдствіе искренней и глубоко сознаваемой потребности, всегда достигаетъ своей цѣли. Оно находитъ себѣ достойнаго представителя и производитъ великія историческія явленія. Германія избрала Конрада по совѣту его недруга. Умирая вскорѣ послѣ избранія, онъ завѣщалъ власть свою семейному недругу Гейнриху Саксонскому. Въ этомъ завѣтѣ, въ которомъ отстранены были и личныя чувства, и соперничество племенное Франка къ Саксонцу, выражается ясно вся важность эпохи и общая готовность жертвовать мелкими страстями требованіямъ всей Германіи. Птицеловъ понялъ свою задачу и исполнилъ ее. Мелочные споры о томъ, завелъ ли онъ турниры, такъ или иначе укрѣплялъ онъ города и какіе именно, не значатъ ничего. Весь характеръ его дѣятельности указываетъ на то, что онъ военнымъ силамъ Германіи старался придать болѣе сосредоточенности и напряженности, а людскимъ жилищамъ болѣе крѣпости и внѣшней безопасности. Тихо приготовлялъ онъ Германію къ рѣшительной борьбѣ, удаляя, сколько возможно было, часъ борьбы. Мадьярамъ, сосредоточеннымъ и готовымъ къ бою, дѣлалъ онъ великія уступки; Славянъ, сѣверо-восточныхъ своихъ сосѣдей, разъединенныхъ и устроенныхъ мирными общинами, а не дружинами военными, утѣснялъ онъ и безпрестанными нашествіями заставлялъ уступать часть своихъ родимыхъ полей или подчинять ее владычеству германскому. Птицеловъ дѣйствовалъ послѣдовательно: мелкими войнами укрѣплялъ онъ военный духъ подданныхъ, распространеніемъ власти своей на сѣверо-востокѣ обезпечивалъ онъ всю Германію и увеличивалъ значеніе своей родной Саксоніи. Сперва побѣжденный Мадьярами, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ одержалъ надъ ними побѣду и за выкупъ плѣннаго князя взялъ

съ нихъ обѣщаніе не тревожить сѣверной Германіи своими ежегодными набѣгами.

Таково показаніе историковъ. Повидимому, это обѣщаніе относилось и къ южнымъ германскимъ областямъ; по крайней мѣрѣ набѣги и на эти области въ это время перемежаются.

Отъ царства велико-моравскаго прежде его конечнаго паденія оторвалась его западная область, богатая и со всѣхъ сторонъ огражденная природою Чехія. Въ ней сохранялась нѣкоторая самобытность, слабая по преобладанію римскаго ученія и полу-германскаго быта, но не совсѣмъ еще чуждая славянскимъ началамъ. Гейнрихъ понималъ важность Чехіи для Германіи и необходимость удержать ее въ нѣкоторой подчиненности. Успѣхъ увѣнчалъ его начинанія, и внутреннее разъединеніе Чехіи заставило ея князя сдѣлаться подручникомъ главы германскаго племени.

Таковъ былъ всегда исходъ борьбы Чеховъ съ имперіею и такова всегдашняя причина ихъ порабощенія. Внутренняя жизнь племени чешскаго, жизнь славянская, никогда не могла себѣ создать приличную внѣшнюю форму и воплотиться въ крѣпкое и стройное общество, потому что сама рабствовала чуждому духовному началу: ибо, не говоря уже о соблазнѣ государственныхъ формъ германскихъ, самое Христіанство, принятое Чехіею, было не общечеловѣческое, но мѣстное, измѣненное духомъ германо-романскимъ. Та же причина впослѣдствіи уничтожила всѣ великіе зачатки Польши.

Оттонъ Великій. Преобладаніе Германіи. Его причины.

За Птицеловомъ слѣдовалъ на престолѣ сынъ его, Оттонъ, не даромъ прозванный Великимъ. Онъ исполнилъ въ большихъ размѣрахъ все начатое отцемъ. Мадьяры были окончательно сломлены на Лехѣ въ кровавой и долго сомнительной битвѣ. Славяне поморскіе и при-одерскіе подавлены послѣ упорной и не безславной для нихъ борьбы; единство государства скрѣплено на многіе вѣка. Нелегкое дѣло досталось великому

Оттону. Страсти мѣстныя и личныя, уступившія временно передъ общимъ требованіемъ соединенія, снова проснулись, когда временный отдыхъ скрылъ всегдашнюю близость внѣшней опасности. Оттонъ сталъ выказывать требованія государя яснѣе, нежели Гейнрихъ, котораго дѣятельность была обращена болѣе на область саксонскую, чѣмъ на всю Германію. Онъ встрѣтилъ сопротивленіе весьма сильное. Гордая независимость отдѣльныхъ герцоговъ и графовъ и самолюбіе племенъ, оскорбляемое первенствомъ Саксонцевъ, нашли представителей могущихъ духомъ, смѣлыхъ и искусныхъ въ дѣлѣ военномъ; самая семья Оттона, его родные братья, возстала противъ него. Борьба была кровава и упорна. Оттоновъ духъ былъ равенъ задачѣ, доставшейся ему на долю: опасность возвысила его и показывала во всемъ величіи его внутреннія силы, его неутомимую дѣятельность и дальновидную прозорливость. Побѣда его была полная, и онъ умѣлъ ею воспользоваться. Всѣ значительные лены отдалъ онъ своимъ ближайшимъ родственникамъ; всѣ враждебныя семьи удалилъ или ограничилъ ничтожными владѣніями и даже самыя народности, франкскую, свевскую (швабскую) и баерскую (*) (безспорно готскую, какъ видно изо всѣхъ раннихъ союзовъ и еще прежде изъ ихъ участія съ Остъ-готами въ военныхъ подвигахъ Восточно-славянъ, т. е. Гунновъ Аттилы) ослабилъ онъ перемѣщеніемъ ленныхъ границъ во многихъ случаяхъ. Разумѣется, всѣ эти средства были средства временныя; народности, при рыхломъ составѣ государства германскаго, легко и свободно возстановляли свои границы; родственныя связи не ручались нисколько за продолжительную вѣрность и подчиненность въ будущихъ поколѣніяхъ и мало обезпечивали даже современную покорность и любовь. Оттонъ испыталъ это, встрѣтивъ въ рядахъ враговъ родныхъ своихъ братьевъ и даже сына (*). Иначе и быть не могло. Семейность не лежала въ основѣ быта франко-германскаго (этотъ бытъ сдѣлался преобладательнымъ вслѣдствіе завоеванія Германіи Меровейцами и Карловингами): дружинность была его единственною основою. Всякій ратникъ, сознавшій въ себѣ или получившій отъ обстоятельствъ силу быть дружиноначальникомъ, становился немедленно на

мѣсто, слѣдующее ему въ общей феодальной іерархіи, еще шаткой въ подробностяхъ, но уже установившейся въ своихъ общихъ чертахъ, и признавалъ за собою всѣ права и обязанности дружиноначальника, какъ высшія и почти единственныя свои обязанности, за исключеніемъ кое-какихъ законовъ плохо понятаго Христіанства. Все это содержало для Германца той эпохи истину несомнѣнную и слѣдовательно входило въ религію въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ объясняются войны между родными братьями и дѣтей съ отцами, весьма обыкновенныя въ исторіи всѣхъ западныхъ государствъ и почти нормальныя въ исторіи норманской Англіи, въ которой феодальность была въ полномъ развитіи: явленіе отвратительное для насъ, весьма естественное для тогдашней Европы, но весьма рѣдкое, а въ своихъ крайностяхъ почти неизвѣстное средневѣковой Руси, сильно проникнутой характеромъ быта семейнаго. Итакъ, мѣры, принятыя Оттономъ, могли достигнуть только временной цѣли, но они дали его державѣ великую временную силу.

Успѣхъ его въ Германіи долженъ былъ имѣть и имѣлъ великія послѣдствія для исторіи всемірной. Причины, почему изъ трехъ частей карловой имперіи (Франціи, Италіи и Германіи), Германія первая должна была достигнуть значенія историческаго, уже объяснены. Главная изъ нихъ безспорно та, что въ одной только Германіи общество политическое было основано на подпочвѣ народа, и она отзывается безпрестанно во всѣхъ явленіяхъ исторіи. Эта же самая причина впослѣдствіи помѣшала Германіи вполнѣ поддаться системѣ государственности совершенно условной, а съ другой стороны различіе между народностями (швабскою, франкскою, саксонскою и баварскою) и приблизительное равенство ихъ силъ не позволили ни одной взять надъ другими рѣшительное первенство и основать государство цѣльное и органическое. Но въ то время Германія въ сравненіи съ другими западными областями имѣла и огромный перевѣсъ силы и жизненныя начала, дающія ей неоспоримое первенство.—Всѣхъ слабѣе и несчастнѣе была Италія. Разорванная на части преемниками

Карловинговъ, остатками независимыхъ Ломбардцевъ, Византійцами, отчасти Сарацинами и полуреспубликанскою вольницею римскаго народа, она не имѣла въ себѣ ни цѣльности народной, ни сильной и вполнѣ преобладающей дружины, ни общихъ учрежденій, ни общаго языка (ибо разница нарѣчій была почти такъ же велика, какъ во Франціи), ни общихъ вещественныхъ интересовъ. Города и области, давно уже привыкшіе къ жизни отдѣльной, питали другъ къ другу взаимную ненависть, племена взаимное—презрѣніе. Всѣ эти чувства перешли, какъ бѣдственное наслѣдство, отъ согнившаго Рима до нашихъ дней, разрушая и губя всѣ начала добра и жизни разумной. За всѣмъ тѣмъ въ Италіи сохранялась память объ единствѣ римскаго міра болѣе чѣмъ гдѣ-либо, и съ Италіею была связана идея этого единства. Значеніе папы было сознано во всемъ его величіи нѣсколькими римскими епископами (по преимуществу Николаемъ I-мъ), и такое сознаніе, основанное на общемъ, хотя еще и неясномъ убѣжденіи Запада, не могло пропасть безъ слѣда, не развившись вполнѣ. Повидимому, папство должно было пасть навсегда; ибо едва ли найдется въ лѣтописяхъ человѣческихъ другой примѣръ того глубокаго уничиженія, до котораго дошло это учрежденіе, высокое само по себѣ и изъявлявшее притязаніе на всемірное духовное владычество. Развратники, люди заклейменные всѣми пороками и преступленіями, мальчишки безъ имени, безъ просвѣщенія и безъ заслугъ, смѣняли другъ друга на престолѣ вселенскаго епископства; ихъ возводила сила вооруженной толпы, которою правили или отъявленный разбойникъ или непотребная женщина, гордящаяся своею продажною красотою; ихъ низводила обыкновенно насильственная смерть. Во время Оттона это униженіе дошло до крайности, такъ же какъ и всѣ бѣдствія Италіи. Двѣ знаменитыя развратницы, мать и дочь (Ѳеодора и Маруцція), управляли выборомъ папъ; ихъ мужья или любовники и родственники владѣли вѣчнымъ городомъ. Тоскана и Ломбардія были опустошаемы и угнетаемы то герцогами (иначе королями) Бургундіи, то семьею владѣтелей Прованса, то мѣстными дружинниками,

каковы были герцоги тосканскіе и маркграфы иврейскіе; нигдѣ не было безопасности для жизни и достоянія частныхъ людей, нигдѣ суда и права, нигдѣ защиты для невинныхъ, или наказанія для преступниковъ. Сама религія, униженная и оскверненная, казалась совершенно забытою. Германія поднималась съ силою и славою. Лучшіе люди въ Италіи обратились къ ней. Оттонъ былъ призванъ. Бракъ его со вдовою сомнительнаго короля Ломбардіи далъ ему тѣнь какихъ-то, болѣе чѣмъ сомнительныхъ правъ; но этотъ бракъ связалъ его, повидимому, съ туземнымъ населеніемъ и утѣшилъ мѣстное самолюбіе. Оттонъ вступилъ въ Италію съ войскомъ, закаленнымъ и привыкшимъ къ побѣдѣ; онъ являлся полузавоевателемъ, полузаконнымъ государемъ, привѣтствуемый всѣми утѣсненными и встрѣчая сопротивленіе совершенно ничтожное въ безсиліи утѣснителей. Королевство сѣверной Италіи присоединилось къ королевству Германіи, и это соединеніе повлекло за собою неизбѣжныя послѣдствія. Идея римскаго міра никогда не умирала на Западѣ и особенно въ Италіи. Временно осуществленная Карломъ Великимъ, она получила большую силу и свѣжую жизнь. Римскій вѣнецъ долженъ былъ быть вѣнцемъ всемірнымъ, какъ и римскій епископскій престолъ. Оттонъ, владѣтель Италіи, долженъ былъ принять императорское званіе. Такъ и было. Онъ дѣлался прямымъ преемникомъ Карла, и Германія удерживала за собою по праву величіе, пріобрѣтенное силою германской стихіи въ Австразіи. Императоръ былъ выше королей: его титулъ отрѣшалъ его отъ тѣсной мѣстности и народности. Онъ былъ главою цѣлаго двойственнаго міра, феодальнаго по своему германскому устройству, римскаго по своей политической идеѣ. Императоры германскіе владѣли только двумя третями карловой державы; но они сохраняли на Францію притязанія, отъ которыхъ не разъ ей приходилось отбиваться силою, хотя въ то же время она всегда признавала превосходство римской имперіи надъ королевствомъ французскимъ.

Возобновленіе карловой имперіи было необходимо потому, что она представляла высшую идею того времени. Это возоб-

новленіе должно было сдѣлаться удѣломъ Германіи вслѣдствіе внутренняго превосходства ея надъ другими областями Запада. Вся исторія вѣковъ, послѣдовавшихъ за вѣнчаніемъ Оттона, была развитіемъ этого начала.

Нѣкоторые изъ ученыхъ Нѣмцевъ въ наше время, жаркіе патріоты заднимъ числомъ, говорятъ съ горемъ о пріобрѣтеніи Италіи Оттономъ, какъ о причинѣ великихъ бѣдствій для ихъ отечества. Ошибка ихъ зависитъ отъ непониманія историческаго закона, управлявшаго западною Европою въ X-мъ вѣкѣ и отъ тѣснаго патріотическаго самолюбія. Достоинство императорское въ домѣ саксонскомъ не только было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ прошедшаго, но и оно же одно возвысило Германію до истинно-историческаго значенія въ мірѣ. Отдѣльная Германія не могла имѣть государственнаго величія. Ея внутреннее разъединеніе и равновѣсіе стихій, составляющихъ ее, не позволяли ей быть государствомъ. Предоставленная самой себѣ, она должна была распасться и дѣйствительно распалась, когда исторія уличила во лжи идею императорства. Она могла быть и дѣйствительно была великою только тогда, когда она носила въ себѣ эту великую идею, завѣщанную древностью, но разумѣется измѣненную понятіями христіанскими съ одной стороны и феодальными, слѣд. чисто-германскими съ другой. Цѣльной исторической Германіи не было; для нея не было даже провинціальной исторіи, какъ для цѣлой Галліи, сдѣлавшейся потомъ Франціею. Разъединенію ея составныхъ частей могло помѣшать и долго мѣшало только одно: императорскій вѣнецъ на головѣ ея государя. При немъ могли быть раздоры, усобицы, бѣдствія внѣшнія и внутреннія; разрыва быть не могло.

Торжество Оттона было торжествомъ отвлеченной идеи, общей всему Западу, но которой начало было въ Италіи, а центръ въ Римѣ. Это идея имперіи Римской, перешедшая, какъ уже сказано, въ форму Всехристіанства (Tota Christianitas). Торжество идеи было въ то же время возвеличеніе ея единственнаго символа, ея древней столицы. Было время послѣ Траяна, когда понятіе о римской имперіи жило отдѣльно отъ

воспоминанія о городѣ и заключалось въ понятіи о правѣ римскомъ (или лучше сказать о римскомъ правомѣрномъ мірѣ); но такое понятіе было выводомъ изъ римской жизни, понятнымъ только внутреннему чувству гражданъ римскихъ; оно было недоступно Германцу и слишкомъ отвлеченно для дикости среднихъ вѣковъ. Послѣдствіе вѣнчанія оттонова было тоже, что и вѣнчанія Карлова: возвышеніе римскаго престола. Это возвышеніе было еще рѣзче потому, что униженіе было глубже прежде Саксонца, чѣмъ прежде Австразійца, и потому что значеніе папства было уже ясно сознано послѣ побѣды Карла Великаго и опредѣлено Николаемъ I-мъ. Такимъ образомъ явленія, повидимому, совершенно противоположныя, обусловливали другъ друга. Имперство сдѣлало возможнымъ папство, скрѣпляя вещественными узлами тотъ міръ, въ которомъ оно должно было дѣйствовать.

Взаимная зависимость двухъ главныхъ явленій средне-вѣковой жизни ускользнула отъ вниманія историковъ; но она дѣлается явною при сравненіи папъ до Оттона и послѣ него. Можно сказать, что Имперія западная создала папство; но не должно забывать, что они были одинаково необходимыя послѣдствія древнѣйшихъ началъ.

Начало борьбы императорской власти съ папскою. Преемники Оттона.

Побѣда Оттона создала вдругъ двѣ державы и приготовила ихъ неизбѣжную борьбу. Сначала держава свѣтская казалась преобладающею, держава духовная робкою, смиренною и почти ничтожною; но такія отношенія не могли продолжаться: они были ложны въ своихъ основаніяхъ. Въ общемъ мірѣ государственнаго Христіанства значеніе свѣтскаго единоначальника могло быть и было оспорено многими мѣстными владѣльцами; значеніе духовной главы не имѣло соперниковъ. Въ воскресшемъ величіи римской имперіи папа былъ тѣснѣе связанъ съ Римомъ, чѣмъ императоръ; въ понятіяхъ о Всехристіанствѣ власть первосвященника была разумнѣе, чѣмъ власть имъ же вѣнчаннаго мірянина. Оба, императоръ и папа, должны были имѣть притязаніе на всемогущество; оба должны были счи-

тать себя единственными хранителями общей правды. Но притязанія папы были законнѣе притязаній его соперника: римскій епископъ былъ помазанникъ высшей, небесной правды, и по понятіямъ Запада, представитель самого Христіанства. Германецъ, удостоенный римскаго императорскаго вѣнца, былъ только случайностію, хранителемъ правды временной и слѣд. только второстепеннымъ лицомъ въ іерархіи всемірной.

Западные писатели нашего времени, осуждая гордость и высокомѣріе папъ, теряютъ изъ вида самую основу средневѣковой жизни: государство всехристіанское, безъ котораго ни одно явленіе цѣлыхъ двухъ столѣтій не имѣетъ смысла. Въ словахъ папы, говорящаго, что Богъ послалъ на землю двѣ власти, духовную и свѣтскую, но что свѣтская должна рабствовать передъ властью духовною, была истина глубокая и логика неоспоримая. Всехристіанство или церковь, понятая какъ государство, обусловливаетъ богоправленіе; выводъ дѣлается еще яснѣе тамъ, гдѣ логически развитыя ложныя данныя заключили самую церковь въ одномъ духовенствѣ, которое само исчезало въ лицѣ папы. Ошибка была въ самомъ понятіи о церкви. Она по своему внутреннему опредѣленію, ясно сознанному на Востокѣ, исключаетъ всякую случайность. По своему западному опредѣленію она вся погружена въ случайность, какъ всякое государство. Папа, вѣрный западному понятію, былъ всегда правъ противъ всѣхъ государей. Онъ долженъ былъ выйти побѣдителемъ изъ кровавой борьбы; но онъ не побѣдилъ и не могъ побѣдить потому, что самое опредѣленіе, вслѣдствіе котораго онъ дѣйствовалъ, заключало въ себѣ ложь, не понятую средними вѣками и не замѣченную ученостью нашего времени,—соединеніе случайнаго съ безусловнымъ. Внутренняя истина жизни обличила во лжи логику и обличила ее тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ логика сама была строже и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ данныхъ. Отъ этого соединенія правоты въ логикѣ, отправлявшейся отъ ложныхъ данныхъ, и лжи, сокрытой въ самыхъ данныхъ, произошло то, что папство упало необыкновенно быстро въ то самое мгновеніе, когда оно достигло крайняго своего величія, и тѣ же причины предоставили рѣшительный ударъ, сокрушившій власть римскаго епископа, не императору, ко-

тораго власть основывалась также на идеѣ еще менѣе логической свѣтскаго калифата, но королю, представителю строгаго права государственнаго и нужды вещественной.

Таковы были въ близкомъ будущемъ послѣдствія оттоновой дѣятельности. Для современниковъ она только возвеличила Германію и отчасти успокоила Италію.

Надѣвъ на свою голову императорскій вѣнецъ, Оттонъ обратилъ взгляды на Востокъ. Тутъ опять и повторилось явленіе, сопровождавшее вѣнчаніе Карла Великаго, и показало полную зависимость средневѣковыхъ понятій отъ преданія древней исторіи.

Эта зависимость, признаваемая всѣми, еще не вполнѣ оцѣнена во всѣхъ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ и въ отношеніяхъ къ средневѣковымъ идеаламъ жизни общественной.

Семисотлѣтній Царьградъ былъ представителемъ несомнѣннаго преемства римской имперіи. На Западѣ она погибла безъ слѣда, и память объ ней хранилась только въ духовной власти самаго Рима. Грекъ былъ предметомъ презрѣнія для воинственнаго Германца; Грецiя все была краемъ величественной исторіи и славныхъ воспоминаній. Для ученыхъ тогдашняго вѣка Востокъ былъ собственною страною науки и художества; для политическаго книжника Грецiя была хранительницею права государственнаго и гражданскаго. Западъ ненавидѣлъ и презиралъ ее, но во многомъ еще болѣе завидовалъ ей. Она сохраняла свои права надъ мыслію и воображеніемъ своихъ враговъ, несмотря на свое униженіе, несмотря на слабость, несмотря на церковный раздоръ Запада и Востока. Дѣйствительно, когда сильныя державы, основанныя Германцами, были неизвѣстны остальному міру, когда калифъ испанскій принималъ посланниковъ Оттона-завоевателя точно такъ же, какъ пословъ отъ мелкихъ славянскихъ князьковъ, съ совершеннымъ равнодушіемъ, горькимъ для самолюбія нѣмецкихъ историковъ нашего времени, отъ Испаніи до средней Азіи въ пѣсняхъ и сказкахъ у Аравитянина и Мавра, у Персіянина

и Египтянина, у Славянина и Скандинава, имя Царьграда и его владыки звучало какъ отголосокъ величавой древности, какъ символъ роскоши и могущества. Тщетнымъ казалось усвоеніе императорскаго титула, неполнымъ вѣнчаніе, если вѣнчаніе не было признано, а титулъ не былъ допущенъ византійскимъ императоромъ на правахъ полнаго равенства.

Этого вліянія нравственныхъ причинъ, повидимому, не понимаютъ тѣ поверхностные писатели, которые смѣются надъ Карломъ Великимъ и осуждаютъ Оттона за постоянное стремленіе къ сближенію съ Византіею.

Оттонъ искалъ, такъ же какъ и Карлъ, родственнаго союза съ полунаслѣдственными династами Царяграда и не безъ труда достигъ своей цѣли; гордость греческая неохотно допускала иноземныхъ властителей къ чести такого союза, и роскошное воспитаніе царевенъ заставляло ихъ бояться житья въ странахъ варварскихъ. Обстоятельства помогли Оттону, и сынъ его женился на царевнѣ греческой. Этотъ бракъ, болѣе пріятный нѣсколько просвѣщенной Италіи, чѣмъ полудикой Германіи, былъ не безъ вліянія на современную исторію и безспорно весьма много способствовалъ распространенію науки на западѣ Европы.

Любовь Оттона III, сына гречанки, къ міру древнему, къ художествамъ и къ идеаламъ ложно понимаемаго государственнаго строительства, свидѣтельствуетъ о великомъ вліяніи его матери, и та же любовь возвела на папскій престолъ ученнѣйшаго и геніальнѣйшаго изъ его современниковъ, хитраго и безнравственнаго Герберта (*) (Сильвестра), котораго дѣятельность оставила неизгладимые слѣды и который своими огромными замыслами и обширностью видовъ достойно продолжалъ дѣло начатое Николаемъ I-мъ и конченное Григоріемъ VII-мъ и его преемниками. Преданіе и память народная видѣли въ немъ колдуна. Исторія видитъ въ этомъ великомъ дѣятелѣ любопытное соединеніе твердаго служенія правамъ римскаго престола съ полнымъ невѣріемъ въ эти права (*), пламеннаго стремленія къ порабощенію западнаго міра и удивительной хитрости и рѣдкаго постоянства въ достиженіи этой цѣли съ явнымъ и глубокимъ пре-

зрѣніемъ къ тому міру, который онъ хотѣлъ поработить (*). Лицо слишкомъ темное для удивленія потомства, слишкомъ удивительное для строгаго осужденія.

Преемники Оттона (Оттонъ II-й и III-й), умершіе въ лѣтахъ весьма молодыхъ, исчезаютъ въ блескѣ предшественника; но они были не совсѣмъ недостойны своего высокаго сана. Дѣло, начатое Оттономъ, продолжали они не безъ успѣха и поддерживали величіе императорскаго титула. Вообще даже можно замѣтить, что Италія, такъ же какъ и Германія, были покорнѣе при нихъ, чѣмъ при Оттонѣ I-мъ, ибо то повиновеніе, которое при немъ было только невольною данью его силѣ и генію, было при нихъ уже слѣдствіемъ признанія ихъ государскихъ правъ. Идея римская въ ея византійской формѣ получила значеніе при дворѣ Оттона II-го и начала оскорблять чисто германскія понятія его феодальныхъ вассаловъ. Она сдѣлалась преобладающей при Оттонѣ III-мъ, котораго воспитаніе почти вполнѣ зависѣло отъ матери-Гречанки. Этою идеею воспользовалась геніальная хитрость Герберта. Оттонъ въ его рукахъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ папскаго властолюбія. Около молодого императора строился міръ, подчиненный всей строгой формальности византійскаго двора, но весь этотъ міръ и его мнимый центръ, императоръ, должны были окончательно подпасть власти истиннаго центра — папы. Расчетъ былъ глубокій и хитрый. Сильвестръ (Гербертъ) понималъ, что сила его престола могла править міромъ уже готовымъ и цѣльнымъ, что общество, раздробленное на мелкія и другъ отъ друга независимыя части, не способно было къ полному повиновенію духовной главѣ (чему служила доказательствомъ Италія), но что этого цѣльнаго міра не могла создать сила чисто духовная безъ помощи власти свѣтской. Готовя императоровъ въ вассалы своимъ преемникамъ, онъ употреблялъ все свое вліяніе на усиленіе императора и имперіи и только изрѣдка и подъ рукою дѣйствовалъ противъ ихъ выгодъ (какъ въ дѣлѣ Венгріи), пріучая новообращенные народы къ мысли, что только Римъ

одинъ можетъ освящать власть и окружать ее законнымъ почетомъ (*). Такимъ образомъ, какія бы ни были послѣдствія дѣятельности Сильвестра II-го (имя принятое Гербертомъ не безъ цѣли, ибо оно напоминало Сильвестра I-го и мнимую дарственную Константина и было тонкою лестью для Оттона III-го), но союзъ его съ императоромъ служилъ весьма много къ возвышенію императорскаго званія. Смерть прекратила рано начинанія двухъ великихъ союзниковъ; но они оставили по себѣ глубокіе слѣды. Императорство достигло высочайшаго значенія, что доказывается исторіею Гейнриха II-го, не смотря на его личную слабость, и еще болѣе царствованіями Конрада Салійскаго и полновластнаго Гейнриха III-го; папство достигло высоты, съ которой оно уже болѣе не сходило до своего полнаго торжества при Гильдебрандтѣ и паденія при Бонифаціи.

Земли Славянскія—Принятіе христіанства Польшею.

Безспорно важнѣйшій слѣдъ союзной дѣятельности двухъ начальниковъ западнаго міра остался въ исторіи племени славянскаго. По всей западной украйнѣ славянскихъ народовъ въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ происходило двоякое броженіе: броженіе мысли религіозной, недовольной своею вѣрою и стремящейся къ Христіанству, и броженіе мысли политической, стремящейся къ образованію могучихъ государственныхъ центровъ. И то и другое движеніе проявилось въ равной силѣ у Славянъ восточныхъ, и причины этаго новаго явленія потребуютъ полнѣйшаго объясненія въ своемъ мѣстѣ; но теперь слѣдуетъ замѣтить, что на западной украйнѣ встрѣчались двѣ формы Христіанства, римская и восточная, почти въ равной силѣ. На югѣ, отъ вліянія Болгаръ, принявшихъ просвѣщеніе духовное отъ Византіи, восточная форма получила сперва несомнѣнный перевѣсъ. Такъ значительнѣйшая часть велико - моравской державы, теперешняя Венгрія и самая Моравія примыкали если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно къ восточнымъ патріархамъ. Далѣе на западъ, въ Чехіи, не смотря на вражду къ безпокойнымъ сосѣ-

дамъ, Нѣмцамъ, вліяніе римскаго міра было сильнѣе. Соблазнъ сравнительно большаго просвѣщенія склонялъ Чеховъ къ подражанію Германцамъ.

Это можно угадать *a priori* и видѣть изъ суда Любуши, гдѣ Хрудошъ уже проситъ германскаго маіоратства.

Религіозная мысль и религіозная проповѣдь получали направленіе романо-германское; жизнь получала направленіе сообразное съ религіей, ибо она никогда не можетъ отъ нея отдѣляться. Далѣе на сѣверъ жестокая борьба съ воинственными грабителями Саксами удерживала Славянъ отъ Христіанства и ожесточала ихъ идолопоклонство. Ляхи, болѣе отдаленные отъ непріятеля и слѣд. не ожесточенные противъ него, находились по торговымъ связямъ въ нѣкоторой зависимости отъ Германіи и получали постоянный приливъ стихіи нѣмецкой черезъ всю западную и юго-западную границу, особенно черезъ чешскую грань, до того неопредѣленную, что она обратилась въ поговорку: между Чехи и Ляхи, чтобы сказать неизвѣстно гдѣ.

Они приняли Христіанство почти исключительно въ его римской формѣ. Первый изъ великихъ польскихъ державцевъ, достойный памяти по блеску своихъ подвиговъ и по обширности замысловъ, Болеславъ Храбрый вступилъ въ полную зависимость отъ западнаго міра. Ревностно распространялъ онъ вѣру христіанскую не безъ насилія и въ то же время, судя по русскимъ источникамъ, крайне былъ неблагосклоненъ къ ученію восточному. Задумавъ сдѣлать ничтожную еще Польшу могущею державою, въ чемъ онъ и успѣлъ, онъ просилъ для будущаго своего величія позволенія отъ императора германскаго и благословенія отъ папы. И то и другое получилъ онъ. Въ послѣдствіи окрѣпнувъ, онъ боролся съ Имперіей и почти всегда счастливо, наводилъ страхъ и трепетъ на всю Германію, опустошалъ ея поля, тысячами уводилъ въ плѣнъ ея жителей и лучшихъ воиновъ, стремился сознательно къ созданію великой славянской державы, но клеймо однажды

положенное на Польшу признаніемъ правъ императора и папы, просьбою о титулѣ и вѣнцѣ королевскомъ, просьбой о позволеніи воевать и завоевывать сѣверныхъ идолопоклонниковъ Славянъ и вступленіемъ въ вассальство уже не изглаживалось и не могло изгладиться. Нравственная подчиненность и несамостоятельность, такъ сказать, нравственное неполноправіе народа и государства были допущены и признаны навсегда. Польша принадлежала Западу во всемъ своемъ будущемъ развитіи, и достиженіе самобытной славянской нормы дѣлалось невозможнымъ. Борьба двухъ стихій должна была со временемъ сгубить Польшу также, какъ она сгубила Велико-Моравію.

Одни только поверхностные наблюдатели могутъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на эти повидимому мелкія явленія въ жизни народовъ, каковы просьба о признаніи титула или временное вступленіе въ вассальскія отношенія, или принятіе званія или прозвища (которое встрѣчается такъ часто въ отношеніяхъ средне-азійскихъ народовъ къ Китаю). Покорность передъ силою есть дѣло чисто временное, хотя и то не пропадаетъ безъ слѣда. Покорность передъ правомъ свободно признаннымъ оставляетъ слѣды неизгладимые: она вводитъ народъ въ систему другаго народа, какъ вѣчно подчиненную планету; она порабощаетъ мысль и душу народную. Нравственныя причины въ мірѣ историческомъ тоже, что невѣсомыя силы въ мірѣ физическомъ: онѣ ничего для слѣпца науки и почти все для ея разумнаго созерцателя.

Это дѣло подчиненія Польши романо-германскому міру, безъ сомнѣнія обусловленное причинами внутренними и, можетъ быть, неотвратимыми, все-таки принадлежитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ его ясному и опредѣлительному выраженію, союзной дѣятельности императора и папы, Оттона III-го и Сильвестра II-го.

Генрихъ II, Конрадъ Салійскій и Генрихъ III.

И такъ Германія вступила въ наслѣдство Карла Великаго. Далеко не владѣя всѣмъ пространствомъ земли, нѣкогда по-

виновавшимся австразійскому вождю, Оттоны дѣйствовали на сѣверо-востокѣ и востокѣ на области, которыя при Карловингахъ еще не были захвачены въ предѣлы германскаго вліянія, и одни только продолжали историческое значеніе Запада, ибо разорванная и неустроенная Франція не имѣла ни внутреннихъ силъ, ни самобытной исторической жизни. Ея очередь еще не наступила и могла наступить только въ ту эпоху, когда ложь общихъ началъ, представляемыхъ имперіей и папствомъ, должна была вызвать отрицаніе, т. е. усиленіе началъ мѣстныхъ. Слабое царство Генриха II-го не уничтожило и даже не потрясло зданія, воздвигнутаго Оттономъ. Самое избраніе его безъ особенныхъ заслугъ, безъ славы воинской или государственной, единственно по близкому родству съ Оттономъ III-мъ, показываетъ, какъ велико было значеніе императора и какъ сильна была привычка повиновенія царствующему дому. До восшествія на престолъ Генрихъ былъ мелкимъ владѣтелемъ, до того ничтожнымъ, что по разсказамъ современниковъ былъ когда-то битъ батогами по приказанію своего родственника императора (*). Едва на престолѣ, онъ уже былъ первымъ изъ государей европейскихъ.

Историки не обратили должнаго вниманія на это обстоятельство, обличающее и дикость тогдашнихъ нравовъ, которую нѣмецкій патріотизмъ скрываетъ слишкомъ охотно, и всю историческую важность оттонова царствованія, оцѣненную до сихъ поръ далеко не вполнѣ. Само происшествіе, можетъ быть, сомнительно или даже вымышленно: все равно, вымыселъ современный характезируетъ эпоху не менѣе истины.

Силы императора были тогда весьма значительны. Земля саксонская до Птицелова уже далеко расширилась на счетъ сосѣднихъ Славянъ; она еще далѣе расширилась при немъ и его преемникахъ и сдѣлалась безспорно первою изо всѣхъ германскихъ облестей. Съ другой стороны самыя права герцоговъ въ землѣ саксонской были особенно велики, во первыхъ потому, что Карлъ, завоеватель Саксовъ, долженъ былъ

дать своимъ намѣстникамъ въ землѣ завоеванныхъ Саксовъ гораздо бо̀льшую власть чѣмъ въ другихъ частяхъ государства, и его преемники еще увеличили ее для сопротивленія Славянамъ; во вторыхъ потому, что эти герцоги, распространяя область свою войною, правили въ новопріобрѣтенныхъ округахъ еще самовластнѣе, чѣмъ въ старой саксонской землѣ. По этимъ причинамъ Генрихъ Птицеловъ уже какъ герцогъ равнялся могущественнымъ государямъ. Силу свою онъ передалъ сыну, который, разумѣется, ее еще увеличилъ, Оттонъ отстранилъ отъ себя отчасти должность герцога, передавши ее одному изъ своихъ полководцевъ, который сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго княжескаго дома; но онъ ничего не утратилъ изъ своихъ правъ, ибо назначенный имъ герцогъ былъ только прямымъ его намѣстникомъ (*). Тоже самое продолжалось и при его преемникахъ, которые были его прямыми наслѣдниками по закону феодальному. Отношенія Саксоніи къ Генриху II-му гораздо менѣе ясны въ своей законной основѣ; кажется очевиднымъ только то, что Генрихъ сохранилъ въ качествѣ императора тѣ права, которыя принадлежали Оттонамъ въ качествѣ герцоговъ. Безспорно Генрихъ былъ ближайшимъ родственникомъ Оттона III-го; но домъ салійскій, хотя и связанный съ нимъ также недальнимъ родствомъ, не имѣлъ надъ Саксоніею наслѣдственныхъ правъ по обычаю феодальному, а между тѣмъ Конрадъ и Генрихъ III-й владѣли Саксоніею какъ собственностію. Изъ этого очевидно, что назначеніе намѣстника саксонскаго Оттономъ было не что иное какъ перенесеніе на Оттона-императора правъ, которыя принадлежали Оттону-герцогу, или иначе прямое присоединеніе Саксоніи къ званію императорскому. Такимъ образомъ объясняется право Конрада и его сына на Саксонію не какъ на упраздненную лену (ибо никто на нее не смѣлъ изъявить притязаній), но какъ на императорскую собственность, и послѣдовавшій бунтъ Саксонцевъ противъ Генриха IV-го за злоупотребленіе его власти въ дѣлахъ гражданскихъ. Итакъ, нравственное могущество императора опиралось въ то время на значительную силу веще-

ственную. Неудачный въ борьбѣ съ Болеславомъ Храбрымъ, который почти вездѣ былъ побѣдителемъ и не разъ громилъ оба берега Эльбы, слабый во внутреннемъ управленіи и особенно въ дѣлахъ Италіи, которая не любила грубоватаго Нѣмца такъ, какъ любила Полу-византійца Оттона, монашески богомольный, за что и признанъ святымъ, и легко уступавшій требованіямъ духовенства, Генрихъ II-й передалъ императорскій титулъ нисколько не утратившимъ своего блеска преемнику своему Конраду Салійскому. Конрадъ былъ вполнѣ достоинъ Оттоннова вѣнца и престола. Твердою рукою усмирялъ онъ Италію, крѣпко держалъ въ повиновеніи Римъ и его епископа, почти безспорно рѣшалъ дѣла бургундскаго королевства, т. е. областей, лежащихъ между Германіею и Италіею, жестоко казнилъ сѣверныхъ и за-эльбскихъ Славянъ за возмущеніе, Чехіею правилъ самовластнѣе своихъ предшественниковъ и снова принудилъ Польшу къ вассальству, отъ котораго освободилъ ее на время Болеславъ, слишкомъ неосторожно признавшій въ молодости феодальное главенство императора. Наконецъ, сынъ Конрада Генрихъ III-й довелъ значеніе императора до высшей точки величія, которой оно не достигало ни прежде, ни послѣ него. На голову разбитый Чехами (*), не успѣшный въ походѣ противъ Венгровъ, которыхъ отношенія къ Германіи были полу-вассальскими, воинъ повидимому неискусный въ такомъ вѣкѣ, когда воинственныя доблести цѣнились выше всѣхъ другихъ, человѣкъ нравственности невысокой, часто непослушный голосу правды, крутой и даже склонный къ жестокости, онъ не былъ любимъ и даже не былъ лично уважаемъ (*) (какъ видно изъ словъ современныхъ лѣтописцевъ); но онъ былъ государемъ вполнѣ. Его слушались и трепетали. Неправда, утвержденная его волею, встрѣчала менѣе сопротивленія, чѣмъ правда другихъ императоровъ. Очевидно идея Имперіи развилась вполнѣ, и это развитіе было независило отъ самой личности вѣнценосца.

Темный идеалъ, къ которому стремились X-й и XI-й вѣкъ, состоялъ въ соединеніи феодальныхъ учрежденій и императорскаго единства. По крайней мѣрѣ таковъ былъ идеалъ ари-

стократической дружины. Но въ этомъ соединеніи было скрытое противорѣчіе, которое ярко выступало при всякой попыткѣ къ осуществленію его. Карлъ боролся противъ начинающейся феодальности, Оттонъ нарушалъ ея обычаи, Генрихъ III-й безпрестанно попиралъ ихъ, распоряжался ленами съ неимовѣрнымъ своеволіемъ, и такова была сила императорской власти, что это своеволіе всегда оставалось ненаказаннымъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что въ Италіи феодальность никогда (до Норманновъ) не развивалась вполнѣ и что она сначала не пустила въ Германіи такихъ глубокихъ корней, какъ во Франціи. Ей мѣшала жизнь народностей и большіе остатки аллодіальности, или лучше сказать древнихъ помѣстныхъ правъ или родовитости, которую можно легко узнать подъ именемъ солнечныхъ ленъ (Sonnenlehen).

Франція при послѣднихъ Карловингахъ.

Очевидно впереди была та борьба между іерархіей феодальной дружины и государственнымъ единствомъ, которая въ послѣдствіи произошла во всѣхъ странахъ Европы и положила конецъ феодальности и начало новой исторіи. Но высокое и священное значеніе императора, стоящаго выше всякой мѣстной ограниченности и признаннаго свѣтской главою Всехристіанства, давало ему въ такой борьбѣ огромное преимущество передо всѣми королями и владѣтелями. Торжество его было несомнѣнно, если бы ему не предстояло еще другой, труднѣйшей борьбы, въ которой онъ палъ, увлекая съ собой своего противника; но то внутреннее противорѣчіе, которое, хотя и не сознанное, заставляло императоровъ попирать феодальный обычай, вооружило противъ нихъ почти всю феодальную дружину, какъ скоро было поднято новое и враждебное имъ знамя власти духовной.

Темнѣе и тяжеле были начала исторіи французской послѣ раздѣла дѣтей Людовика Благодушнаго. Случайная ничтожность первыхъ королей изъ династіи Карла Великаго не объ-

ясняетъ нисколько ничтожности самой земли и государства. Послѣдніе короли Карловинги во Франціи были очевидно достойны престола по мужеству, предпріимчивости и дарованіямъ, а королевство гибло въ ихъ рукахъ, тогда какъ въ Германіи оно обращалось въ великую имперію. Франція не имѣла тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя подняли Германію, и по своему характеру не могла сдѣлаться подобно ей сосудомъ великой всемірной идеи. Вѣнецъ переходилъ безъ славы съ головы Карла Лысаго на Карла Толстаго или Карла Простаго, съ одного слабоумца на другого, все болѣе и болѣе утрачивая блескъ и значеніе. Иногда на той же слабой головѣ вѣнецъ императорскій (впрочемъ всегда связанный хоть съ минутнымъ владѣніемъ Италіею) соединялся съ вѣнцомъ королевскимъ, потѣшая наслѣдственную гордость Карловинга, но нисколько не возбуждая сочувствія въ его подданныхъ. Власть королевскихъ чиновниковъ, герцоговъ или графовъ, при ослабленіи власти королевской, получила самостоятельность, и то, что прежде было должностью, возлагаемою главою государства на подданнаго за службу и для службы, дѣлалось собственностью и наслѣдственнымъ правомъ. Чиновники обратились во владѣльцевъ. Эту перемѣну приписываютъ Карлу Лысому, и не смотря на то, что ее нельзя доказать письменными памятниками его законодательства, очевидно, что она при немъ обратилась въ законный обычай съ его добровольнаго или невольнаго согласія. Съ этой эпохи должно признавать полное развитіе феодальности во Франціи. Въ Германіи таже перемѣна наступила позже и не столь рѣзко. Ясно, что перемѣна была неизбѣжна, и не менѣе ясно, почему она началась во Франціи и быстрѣе проникла во весь составъ общества. Всѣ завоеванія племени германскаго въ мірѣ римскомъ были дѣломъ дружинъ; но большая часть дружинъ были дружинами народными (это видно отчасти изъ законовъ бургундскихъ и лонгобардскихъ, и совершенно явно изъ законовъ вестъ-готскихъ, въ которыхъ нѣкоторыя положенія общинныя отмѣнены не ранѣе 80-ти лѣтъ послѣ завоеванія Испаніи), а дружина Меровейцевъ была дружиною лич-

ною богатаго и сильнаго княжескаго дома. Безъ сомнѣнія къ ней присоединилась и племенная дружина Франковъ салійскихъ, но дружина личная была началомъ преобладающимъ и опредѣляющимъ весь характеръ общества. Аллодіальность была тою общею формою, которую принимали всѣ новыя германскія государства. Туже форму приняла и Францiя Меровейцевъ, потому что одна эта форма была доступна понятiю тогдашняго Германца. Аллодіальное устройство заключало въ себѣ нѣкоторое равенство и прямую зависимость каждаго дружинника отъ дружиннаго государства или общаго дружиноначальника. Во Франціи воинственный характеръ дружины былъ гораздо явнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ. Долго послѣ завоеванія Галліи удалыя шайки завоевателей еще сохраняли свою подвижность и всегдашнюю готовность бросаться на всѣ сосѣднія области, если только имъ представлялась надежда на поживу или на разгульное насиліе, между тѣмъ какъ Лонгобардъ и Вестъготъ повидимому обрадовались найденной осѣдлости. Нравственныхъ основъ жизни не зналъ и знать не могъ Франкъ, трехвѣковой наемникъ и вооруженный слуга развратной Имперіи. Онъ, какъ уже сказано, не принялъ ихъ, даже когда принялъ Христіанство. Двойственное значеніе французскаго короля-патриція и военачальника долго сохранялось по невозможности обратить Франка въ гражданина и разрѣшилось отдѣленіемъ значенія военнаго и его торжествомъ въ лицѣ королевскаго дворецкаго (мера). Меры сперва сдѣлались королями и патриціями, потомъ императорами, и прежняя двойственность сохранилась. Дружина не сливалась съ государствомъ, и король снова сталъ ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе сталъ въ себѣ сознавать свое государственное призваніе; это замѣтно въ преемникахъ Карла Великаго. Дружина должна была снова отдѣлиться отъ нихъ и слѣдов., теряя прежнее единство, выражаемое общимъ начальникомъ, должна была стремиться къ созданію внутри себя новой и самостоятельной организаціи. Эта необходимость, общая всему германскому міру, должна была прежде всего обнаружиться въ Франціи. Въ ней

самое духовенство, долго служившее представителемъ стихіи завоеванной, перешло въ дружину и раздѣляло всѣ стремленія и всѣ страсти дружины, хотя разумѣется въ нѣкоторыхъ лучшихъ духовныхъ лицахъ и въ монастыряхъ хранилось отчасти преданіе о римской государственности, выразившееся въ позднѣйшее время, при Капетингахъ, въ явномъ вліяніи Сюежра на исторію Франціи. Ничто не могло уже остановить паденія французскихъ Карловинговъ, ибо самое стремленіе, наслѣдованное ими отъ великаго родоначальника, заставляя ихъ напрягать свои силы къ цѣлямъ отдаленнымъ, ослабляло ихъ власть необходимыми уступками возникающей и развивающейся феодальности. Между тѣмъ какъ Германія была поприщемъ опустошительныхъ набѣговъ мадьярской конницы, всѣ берега Франціи и даже ея внутреннія области были поприщемъ грабительства Норманновъ, наѣздниковъ моря, на которомъ уже не развѣвались паруса саксонскіе и вендо-славянскіе. Ничтожны были дружины норманскія; это доказывается частымъ пораженіемъ ихъ въ схваткахъ съ мѣстными ополченіями (напр., при Рейнѣ и въ Бретани (*)), не смотря на чудную храбрость; но отразить ихъ навсегда или наказать ихъ однимъ ударомъ было трудно потому самому, что они всегда являлись неожиданно и малыми отрядами. Охранять берега Франціи постоянною стражею было невозможно потому, что Францiя утратила всякое единство государства и не имѣла, какъ Германія, хоть нѣкотораго единства народнаго. Наконецъ, самыя дружины норманскія, по большой части бѣглецы изъ родины или малочисленныя шайки удальцовъ подъ начальствомъ какого нибудь пресловутаго ярла, жаднаго къ добычѣ и славѣ, или ярлова сына, не получившаго никакого удѣла послѣ смерти отца, очень хорошо понимая невозможность значительныхъ успѣховъ при своей числительной слабости, пользовались тѣми стихіями, которыя могли увеличить ихъ силу въ мѣстахъ избранныхъ ими для набѣговъ или для временной осѣдлости. Бѣдность народа, угнетаемаго и грабимаго мѣстными владѣльцами, дѣлала его совершенно равнодушнымъ къ борьбѣ, которая происходила собственно

между пришлымъ и туземнымъ грабительствомъ. Отчаяніе и удаль, мщеніе или желаніе корысти собирали около сотенъ норманскихъ тысячи и десятки тысячъ туземцевъ, готовыхъ дѣлить съ ними опасность въ надеждѣ раздѣлить съ ними и добычу. Таково объясненіе тѣхъ многочисленныхъ ополченій, о которыхъ упоминаютъ хроники подъ общимъ именемъ Норманновъ на устьяхъ и берегахъ Рейна, Луары и Гаронны. Норманны, соединявшіе въ равной степени желѣзное мужество и постоянное двоедушіе (ибо по нравственнымъ своимъ достоинствамъ они едва ли стояли выше Франковъ) умѣли цѣнить своихъ союзниковъ, не смотря на ихъ чуждую кровь, и принимали ихъ въ свои ряды какъ соратниковъ и братій. Ничтожный вассалъ утѣснителя Франка дѣлался съ помощію Норманновъ дружинниковъ или вождемъ дружины, человѣкомъ равнымъ прежнему своему владыкѣ или даже высшимъ въ анархической іерархіи того вѣка. Такова причина, почему Норманны во Франціи, получивши осѣдлость, утратили такъ скоро языкъ и обычаи родины; такова причина, почему прежде, чѣмъ они получили эту осѣдлость, они могли распоряжаться такими великими силами и почему ихъ набѣги были такъ неотразимы для безсильной Франціи Карловинговъ.

Этимъ же объясняются и частыя ихъ неудачи въ областяхъ, гдѣ ленный владѣлецъ и вассалъ были одной крови (*), или гдѣ они были связаны между собою не одною вещественною силою, или гдѣ наконецъ не было ни феодальности, ни аллодіальной системы, какъ напр., въ Бретани или въ нѣкоторыхъ областяхъ фризонскаго и саксонскаго племени. Успѣхи ихъ въ Ирландіи объясняются совершеннымъ разъединеніемъ ея мелкихъ князьковъ, но и тутъ они не могли стать твердою ногою, ибо противъ нихъ постоянно возставало единство народной стихіи.

Погромы Норманновъ были столько же гибельны для Франціи, какъ набѣги Мадьяровъ для Германіи; но они не возбудили въ ней (какъ то было въ Германіи) стремленія къ государственному единству, потому что въ ней самой не было стихій единства народнаго. Напротивъ, они, повидимому,

ускорили общее ея разложеніе, возвысивъ значеніе ополченій мѣстныхъ, необходимыхъ для охраненія областей, безпрестанно ожидавшихъ норманской грозы и усиливъ власть сильнѣйшихъ ленниковъ, около которыхъ поневолѣ толпились слабѣйшіе, промѣнивая охотно независимость на покровительство и защиту. Это стремленіе, совпадая съ обращеніемъ государственныхъ должностей въ право и званіе наслѣдственное, дало полное развитіе феодальности и положило начало могущимъ, полу-независимымъ владѣніямъ великихъ ленниковъ позднѣйшаго времени. Но тоже самое, отъ чего ускорялось разложеніе карловингской Франціи, служило зародышемъ новой Франціи Капетинговъ, и косвенныя послѣдствія норманскихъ разбоевъ совпали съ прямыми послѣдствіями мадьярскихъ налетовъ. Изъ борьбы съ удалыми наѣздниками моря, прославившись этою борьбою, возникъ домъ, который въ сѣверной Франціи пріобрѣлъ королевскую власть, а потомъ уже и королевскій вѣнецъ. Переходъ династіи Карла къ династіи Капета есть только повтореніе въ иномъ видѣ перехода династіи баснословнаго Меровея къ династіи Карла. Иныя были формы, начала тѣже. Потомки Клодвига подверглись вліянію римской государственной стихіи, которую они приняли подъ свое покровительство въ качествѣ патриціевъ, утратили свое значеніе германскихъ дружиноначальниковъ и были принуждены уступить свою власть, а потомъ и престолъ, новымъ дружиноначальникамъ — мерамъ, дому Карла. Потомки Карла Великаго, принявъ императорскій титулъ, точно также приняли и значеніе королей по римскому понятію и сдѣлались начальниками стихіи, въ то время еще безсильной и не способной обуздывать воинственную дикость германскаго начала. Достаточно поверхностнаго просмотра тогдашнихъ лѣтописцевъ, чтобы видѣть склонность Карловинговъ къ наукѣ, къ духовенству, къ мирнымъ занятіямъ, завѣщаннымъ просвѣщеніемъ древняго міра и охотно принятымъ просвѣщеніемъ христіанскимъ. Это стремленіе, не чуждое всему дому Карла, выразилось съ особенною силою въ карловингахъ Франція, никогда не терявшей вполнѣ ни памяти, ни нѣкото-

рыхъ обычаевъ, ни учрежденій до-германской эпохи. Завоеваніе ея силою Австразійцевъ не уничтожило ни значенія Невстріи, ни ея духовной жизни. Французскій языкъ, скудный, но почти чистый отпрыскъ латинскаго корня, былъ уже при внукахъ Людовика Благодушнаго языкомъ горожанъ, духовныхъ письменныхъ чиновниковъ, королевскаго двора и значительной части аллодіальныхъ и феодальныхъ землевладѣльцевъ; но феодальный воинъ, принимая эту чуждую стихію, остался вслѣдствіе своего положенія, особенно въ сѣверной Франціи, вѣрнымъ своимъ германскимъ понятіямъ и быту. Король же, вслѣдствіе своего положенія склонный подчиняться вполнѣ идеѣ государственной, которую онъ призванъ былъ осуществлять, отрывался по необходимости отъ почвы германской и мало-по-малу утрачивалъ способность управлять ею. Она возстала на него, воспользовалась всѣми его несчастіями, особенно же его безполезными усиліями ухватиться за императорскій вѣнецъ, вытребовала уступку за уступкою, лишила всѣхъ правъ и всѣхъ коренныхъ владѣній и наконецъ свергла его съ престола. Замѣчательно по преимуществу въ эту эпоху согласіе дѣйствій высшаго духовенства съ военною аристократіею. Характеръ духовнаго сана, его просвѣщеніе, его преданія были завѣщаны древнимъ міромъ; но духовенство было принято въ дружину и почти на положеніи военныхъ дружиниковъ еще первыми королями Франціи, и всѣ милости, льготы и дары королевской набожности усиливали въ немъ стремленіе къ соединенію съ дружиною, со всѣми ея выгодами и страстями. Духовные возстали на королевскую власть заодно съ аристократіею феодальною и ускорили ея паденіе. Безполезно бы было слѣдить за разрушеніемъ дома французскихъ Карловинговъ: быстрое, но постепенное истощеніе силъ, ничтожество почти всѣмъ королей, безплодныя усилія немногихъ, и наконецъ жалкая, но не безславная борьба послѣднихъ вѣнценосцевъ великаго рода, занимательная для спеціалистовъ или для самихъ Французовъ, не представляютъ ничего поучительнаго или достойнаго памяти для просвѣщеннаго міра вообще. Въ общемъ своемъ итогѣ судьбы Карловин-

говъ служатъ только повтореніемъ судьбы Меровейцевъ и развитіемъ той двойственности, которая лежала въ основѣ королевства французскаго.

Капетинги.—Политическое и нравственное преобладаніе Франціи.

Изъ всего предыдущаго ясна необходимость паденія прежней Франціи; труднѣе уразумѣть необходимость возникновенія новой. Начало династіи капетовой не представляетъ дѣйствительно ничего общаго съ началомъ династіи Карла и Пипина. Въ возведеніи меровъ въ достоинство королевское проявлялось существенное единство франкской дружины и право, данное ей мечемъ, быть правительницею и владѣтельницею всей Галліи и значительной части Германіи. Вождь австразійской дружины, болѣе другихъ сохранившей свой первобытный характеръ, долженъ былъ занять мѣсто ослабѣвшихъ Меровейцевъ (т.-е. князей поморскихъ, положившихъ начало единству Франковъ). Всякое существенное единство успѣло разрушиться во время упадка карловой династіи. Германія отдѣлилась, а по лѣвой сторонѣ Рейна весь германскій характеръ исчезъ, оставивъ за собою только развитіе нестройной и разнообразной феодальности и скрытную борьбу началъ римскихъ и мѣстныхъ. Не было причины быть королевству французскому и королю. Но была еще память объ единствѣ и желаніе не подпадать чужеземной власти, могущей обуздать своеволіе феодальности, какъ было видно въ общемъ ополченіи противъ Оттоновъ. Естественно возродилась въ сильнѣйшемъ изъ владѣтелей сѣверной Франціи мысль о присвоеніи себѣ королевскаго званія. Гуго Капетъ привозгласилъ себя королемъ съ согласія весьма немногихъ слабѣйшихъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ отдаленныхъ ленниковъ (какъ напр., графъ барцелонскій (*)), которымъ единство королевской власти было не опасно и могло быть полезнымъ; но онъ ни въ какомъ отношеніи не былъ королемъ Франціи. Его преемники создали себѣ королевство завоеваніемъ, но это завоеваніе уже не было похоже на завоеваніе германскихъ дружинъ.

Франція не существовала какъ государство послѣ паденія

Карловинговъ; народной жизни она также не имѣла. Многочисленныя области, отдѣленныя другъ отъ друга обычаями, законами, не составляли государства: разносоставныя, мѣшанныя племена, говорящія безконечнымъ множествомъ различныхъ нарѣчій и не понимающія другъ друга, не составляли народа. Но раздѣленіе не было такъ рѣзко во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ явленіяхъ жизни. Дворянство, т.-е. властвующее сословіе, и города имѣли одинъ и тотъ же языкъ во всей сѣверной части Франціи (исключая совершенно отдѣльную Бретань). Преданія были общія; память о величіи первыхъ Карловинговъ, богатырскія сказки, самое имя Франціи, составляли еще нѣкоторую духовную связь между разрозненными частями. Гораздо сильнѣйшую связь составляли общія начала просвѣщенія и науки, сохраняемыя въ тишинѣ монашескихъ обителей, въ школахъ духовенства и въ сильномъ, хотя неуважаемомъ и часто угнетаемомъ, сословіи законниковъ и правовѣдовъ. Въ этихъ-то общихъ началахъ нашли потомки Капета орудія для завоеванія своего королевства.

При послѣднихъ Карловингахъ Норманны, завоевавъ значительную часть сѣверной Франціи, стали въ ней твердою ногою. Короли признали ихъ законными владѣтелями завоеванной области и приняли ихъ вождя своимъ ленникомъ и герцогомъ, надѣясь, можетъ быть, найти въ этихъ новыхъ подданныхъ опору противъ непослушныхъ графовъ и герцоговъ средней Франціи; но союзъ продолжался недолго, и вражда съ герцогомъ норманскимъ ускорила паденіе царскаго дома, мало-по-малу лишившагося всякой поземельной собственности. Герцоги норманскіе, скоро принявшіе всѣ обычаи и языкъ своего новаго отечества и ставшіе въ главѣ сильной дружины, почти совершенно чуждой Скандинавіи не только по образу жизни, но даже и по происхожденію, вошли въ общее движеніе королевскихъ вассаловъ, уничтожавшихъ власть королевскую. Они содѣйствовали Капету, когда онъ возставалъ противъ послѣдняго Каролинга и присвоилъ себѣ королевскій титулъ. Первымъ дѣйствіемъ новаго короля былъ подкупъ духовенства значительною раздачею бенефицій и подкупъ свѣтскихъ лен-

никовъ узаконеніемъ наслѣдственности ленъ, уже давно признанной обычаемъ, но еще не утвержденной закономъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ многихъ союзниковъ; но за всѣмъ тѣмъ король Гуго умеръ едва ли не менѣе сильный въ вещественномъ отношеніи, чѣмъ былъ графъ Гуго до восшествія на престолъ королевскій. Власть новой династіи еще болѣе ослабла при его первыхъ преемникахъ: Робертѣ, Генрихѣ и Филиппѣ, не смотря на ихъ необыкновенно долголѣтнее правленіе (продолжавшееся слишкомъ столѣтіе, 996—1108), не смотря также на ихъ военныя доблести, на многія нравственныя достоинства и на хитрость, съ которою они всячески старались увеличить свои владѣнія и богатства.

Такъ, напр., Генрихъ взялъ себѣ жену изъ далекой, недавно устроившейся въ государство земли, Россіи, явно только потому, что получилъ приданое по тогдашнему понятію весьма значительное за дочерью богатаго хозяина волжскаго и днѣпровскаго торговаго пути, Ярослава Владимировича.

Два разнородныя начала составляли, какъ уже сказано, сущность королевской власти во Франціи: званіе конунга дало еще королю право начальства надъ французскою дружиною, и званіе патриція, давшее тому же королю законныя права по галло-римскому праву на повиновеніе городовъ и сельскихъ туземцевъ.

Разумѣется, не слѣдуетъ приписывать слишкомъ великой важности самому титулу патриція. Онъ былъ отчасти случайностію, но въ то же время онъ былъ проявленіемъ отношеній, въ которыя вступалъ почти по необходимости дальновидный Меровеецъ къ своимъ новымъ подданнымъ. Титулъ патриція и потомъ императора, данный Римомъ дѣтямъ Карла Мартелла, былъ еще важнѣе. Онъ заключалъ въ себѣ какъ бы усыновленіе древнимъ Римомъ германскаго вождя.

Долго первенствовало первое, германское начало. Оно выразило свое превосходство въ побѣдѣ меровъ-дружинниковъ надъ королями, вступившими въ тѣснѣйшіе союзы съ рим-

скимъ міромъ. Тоже самое повторилось, хотя и не столь явно, въ паденіи Каролинговъ, утратившихъ отчасти, по крайней мѣрѣ въ первыхъ поколѣніяхъ послѣ Лудвига Добродушнаго, качества воинственныхъ своихъ родоначальниковъ. Возведеніе на престолъ Капетова рода было опять дѣломъ дружины. Но прежняя цѣльная дружина уже не существовала. Время строгой аллодіальности прошло: она была замѣнена нестройною феодальностью, въ которой рыхлая іерархическая связь была всегда готова къ разрыву. Напрасно старались первые Капетинги укрѣпить ее и ввести въ феодальность строгій судъ и законную послѣдовательность. Суду рѣдко повиновались, и расправа удавалась только тогда, когда король могъ опереться на силу герцоговъ норманскихъ; но эта опора, всегда ненадежная, скоро обратилась въ новую опасность, страшнѣе другихъ. Герцогъ норманскій сдѣлался королемъ англійскимъ; вассалъ сдѣлался гораздо сильнѣе своего леннаго начальника, и слѣд. совершенно независимъ. Точно также была независима вся южная Франція и Бретань; почти столько же Фландрія и вся сторона за-луарская и всѣ гористыя области средней Франціи. Властолюбивые вассалы расширяли свои владѣнія мечомъ. Вассалы-разбойники, подобные Фулько-де-Нера(*), смѣялись надъ королями и грозили имъ самимъ. Короли истощались въ безплодныхъ усиліяхъ къ водворенію порядка или, лучше сказать, къ отысканію въ области германскихъ понятій и дружинныхъ учрежденій начала, на которомъ могъ бы утвердиться порядокъ или устроиться распадающееся государство. Франція приближалась къ совершенному паденію, и король, утрачивая мало-по-малу свои владѣнія, какъ послѣдніе Каролинги, былъ почти плѣнникомъ въ своемъ Парижѣ. Прежнія начала не могли возстановить его власти; но міръ перемѣнился, и жизнь народовъ была уже не та, что при первыхъ Каролингахъ.

Воинственный міръ дикихъ завоевателей подчинялся началамъ просвѣщенія. Духовныя силы боролись съ силами вещественными и побѣждали ихъ. Слово римскаго пастыря не разъ сгибало упрямую шею самыхъ гордыхъ дружинниковъ

и ихъ королей. Письмо и законъ дѣлались властію. Формальность римскаго суда примѣшивалась къ грубой простотѣ суда германскаго, феодальнаго. Съ властію римскаго епископа и духовенства возрастала, какъ случайное и въ то же время необходимое ея послѣдствіе, важность латинскаго слова, всякой науки и всякаго образованія умственнаго и особенно нововозрождающейся науки римскаго права. За эти новыя начала стояло все духовенство съ сознаніемъ или безъ сознанія, всѣ города, которымъ феодальность была враждебна, и отчасти всѣ нисшія сословія, которыя ждали лучшей участи отъ покровительства верховной власти, замѣняющей личный произволъ постоянными формами неизмѣннаго закона. Къ этимъ же новымъ началамъ обратились французскіе короли, искусно подводя феодальныя учрежденія подъ формальность законовъ писанныхъ, призывая къ жизни тѣ общественныя силы, которыя готовы были сразиться съ феодальностью, и опутывая мало-по-малу всѣ области Франціи и всѣхъ ея дружинниковъ-дворянъ желѣзною сѣтію судовъ и тяжебъ, основанныхъ то на обычаѣ феодальномъ, то на правѣ римскомъ. Ззвоеванія были медленны, но постепенны, мечъ исполнялъ почти безъ труда приговоры пера, и полное торжество увѣнчало кляузничество и ябеду, неутомимо веденныя въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Этотъ союзъ ябедника и воина уже видѣли мы въ исторіи самаго Рима и его завоеваній.

Такимъ-то образомъ и такими путями создали Капетинги новую Францію; но, какъ уже сказано, первая эпоха этой династіи, соотвѣтствующая по времени сильнѣйшему развитію имперіи германской, была эпохою безплодныхъ усилій со стороны королей, слабости и ничтожества государственнаго.

Франція въ это время едва бы заслуживала упоминанія какъ государство; но ея значеніе въ нравственномъ мірѣ было огромно. Самый поверхностный обзоръ ея исторіи съ самаго римскаго завоеванія до времени Капетинговъ показываетъ, что въ ней не было ничего своего, живого, идущаго отъ корня.

Отъ языка до обычаевъ и учрежденія все было смѣсь, все было приносное, противное, случайное или условное; но должно замѣтить, что условное и безжизненное (построенное) имѣетъ въ исторіи міра большія преимущества передъ естественнымъ и живымъ (растущимъ или органическимъ).

Это было показано въ самой ранней эпохѣ человѣчества многовѣковымъ торжествомъ и процвѣтаніемъ начала кушитскаго.

Условное, какъ созданіе разсудка (сознательное или безсознательное, плодъ глубокомысленнаго расчета или инстинктивной сдѣлки, все равно), легко приводится въ видъ стройности, легко совокупляетъ около себя вещественныя силы и прямо идетъ къ своей цѣли, всегда односторонней. Изобрѣтеніе одной мѣстности или одного народа, оно легко принимается и перенимается другими, потому что оно не носитъ на себѣ признаковъ и печати мѣстныхъ или народныхъ. Оно плодъ разсудка вездѣ одинакаго, а не цѣльнаго организма, вездѣ различнаго. Его сила и соблазнъ въ его слабости и безжизненности. Это правило относится ко всѣмъ учрежденіямъ и обычаямъ, ко всѣмъ модамъ въ одеждѣ, ко всѣмъ искаженіямъ художества; но оно всего явнѣе въ отношеніи къ языку. Слово, звучный образъ внутренней души цѣлаго народа, проникнутый всѣми его чувствами, страстями, преданіями и вѣрою, принадлежитъ такъ неотъемлемо каждому народу, что другой не легко усвоиваетъ себѣ его и никогда вполнѣ его усвоить не можетъ. Чѣмъ своеобразнѣе народъ, тѣмъ своеобразнѣе его слово; чѣмъ многостороннѣе народъ, тѣмъ богаче слово. Чѣмъ простѣе и ближе къ природѣ народъ, тѣмъ менѣе слово его поддается мысли другого народа. Скуденъ и безцвѣтенъ языкъ мѣшанныхъ племенъ; тѣмъ скуднѣе и безцвѣтнѣе, чѣмъ болѣе далекъ онъ отъ селянина, живущаго подъ кровомъ Божьяго неба, и чѣмъ болѣе склеился въ нѣдрахъ человѣческихъ ульевъ-городовъ. Но эта самая скудость и безцвѣтность, самая эта условность, которая лежитъ въ его основѣ и создала его не какъ вдохновенное выраженіе

духа, а какъ орудіе почти дѣловой бесѣды, даютъ ему великое преимущество передъ языками, кипящими всею духовною жизнію человѣка. Онъ легко обращается въ орудіе размѣна житейской и бытовой мысли между народами.

Такъ точно и орудіе размѣна торговаго, представленіе всего продажнаго, не взято изъ міра органическаго. Человѣческій инстинктъ, глубоко разумный въ своей безсознательности, возвелъ въ это достоинство мертвый металлъ, да перегнившую тряпку.

Таковы были недостатки и преимущества французскаго языка и французскаго быта. Они должны были сдѣлаться достояніемъ всего западнаго міра. Норманны, завоеватели сѣверной Франціи, приняли ихъ отъ туземцевъ; Норманны, разсѣявшіеся какъ завоеватели по всей южной Европѣ, разнесли ихъ вездѣ съ собою. Крестовыя ополченія, сборище всѣхъ народовъ, нуждались въ однихъ общихъ законахъ, въ одной умственной монетѣ. Языкъ французскій сдѣлался общимъ, а съ языкомъ вездѣ былъ усвоенъ и бытъ французскій.

Этотъ безконечно важный фактъ, отзывающійся во всей послѣдующей исторіи Европы до нашихъ дней, нигдѣ еще не былъ вполнѣ оцѣненъ, и причины его не обратили на себя ничьего вниманія.

Такимъ образомъ въ концѣ перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. Франція, почти не существующая какъ государство, стала въ иныхъ отношеніяхъ во главѣ всѣхъ народовъ, точно также какъ, за пять вѣковъ передъ тѣмъ, обстоятельства отчасти случайныя и союзъ Рима и духовенства съ личною дружиною приморскихъ князьковъ Франковъ, принявшихъ никейское исповѣданіе, отдали въ ихъ руки судьбу всей западной Европы.

Англія подъ властію Англо-Саксовъ. Ея племенныя стихіи.

Важнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ занимательнѣе ранняя исторія Англіи. Въ самую первую эпоху ея положены въ

основу общества многія начала, которымъ она до сихъ поръ обязана своею силою и процвѣтаніемъ, а европейскій міръ—самыми утѣшительными своими явленіями. Для того, чтобы понять всю послѣдующую исторію Англіи, надобно со вниманіемъ размотрѣть ея жизнь до норманскаго завоеванія, т. е. принять трудъ, вообще слишкомъ пренебрегаемый историками.

Вообще первыя эпохи всѣхъ государствъ изучаются слишкомъ поверхностно и даже самые добросовѣстные писатели, отдѣливъ сомнительныя и баснословныя происшествія отъ истинныхъ, думаютъ, что они дѣло свое покончили, мало заботясь о томъ, поняли ли они или нѣтъ общую характеристику и жизнь народа въ его первой молодости. Всѣ эти разсказы напоминаютъ преподаваніе древней исторіи въ кадетскихъ корпусахъ въ первые годы нынѣшняго столѣтія, если вѣрить современникамъ. Дешево нанятый учитель (говорятъ, что директоръ пользовался частію его законнаго жалованья) диктовалъ ученикамъ древнюю исторію слѣдующимъ образомъ: „Раздѣлили ли вы тетради на красныя и черныя строки?“—„Раздѣлили“.—„Пишите въ красной строкѣ: Исторія египтянъ темна и баснословна. Написали?“—„Написали“.— „Конецъ исторіи“. И такъ изучалась вся древность. Почти тѣмъ же довольствуются историки Англіи и много если сведутъ и сличатъ свидѣтельства о томъ, жили ли и когда жили король Артуръ и поэтъ Мердвинъ или Мерлинъ, плутъ ли или фанатикъ былъ Дунстанъ и гдѣ именно происходило сраженіе Бруннабургское(*).

Британія была въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ Риму, какъ и Галлія и Испанія. Элементы племенные были тѣже какъ и въ Галліи, и они были романизированы въ той же степени за исключеніемъ горныхъ областей Валлиса и, можетъ быть, сѣверо-западныхъ округовъ, теперешняго Кумберланда. Точно также выросли подъ римскою державою большіе и торговые города съ римскимъ великолѣпіемъ и роскошью и муниципальными учрежденіями; точно также какъ и въ Галліи поля были обработаны съ нѣкоторымъ искусствомъ

и тщаніемъ, богатые загородные дома красовались на берегахъ живыхъ водъ, окруженные рощами и нивами, украшенные изнутри изящною утварью и всѣми изобрѣтеніями древней нѣги; точно также были вызваны на свѣтъ нѣкоторыя богатства почвы, тонкія глины, металлы и даже каменный уголь для вытопки металловъ (хотя древніе писатели молчатъ объ немъ). Быть можетъ степень просвѣщенія была нѣсколько ниже въ далекой Британіи, но значительной разницы не было и быть не могло. Прекращеніе власти римской въ Галліи и Британіи сопровождалось нѣсколько различными обстоятельствами, оставшимися не совсѣмъ безъ послѣдствій. Галлія была вырвана варварами у Рима; отъ Британіи отказался самъ Римъ, вызвавъ оттуда войска свои и предоставивъ ее собственнымъ ея силамъ. Стихіи народонаселенія, оставшагося безъ римской защиты, были: сельскіе жители отчасти романизованные, гораздо болѣе романизованное и отчасти даже римское по происхожденію населеніе городовъ и почти чисто-кельтское населеніе горныхъ округовъ. Были ли всѣ эти слои проникнуты Христіанствомъ? Этотъ вопросъ остается сомнительнымъ у всѣхъ историковъ, и недавно онъ рѣшенъ отрицательно англійскими писателями, основавшими свое отрицаніе на отсутствіи христіанскихъ памятниковъ въ ископаемыхъ остаткахъ римскаго владычества. Выводъ, основанный на такой данной, едва стоитъ опроверженія, ибо въ то время, къ которому относится прекращеніе римской власти въ Британіи, мало еще существовало храмовъ христіанскихъ по всей Имперіи, и тѣ въ развалинахъ не могутъ быть отличены отъ другихъ зданій; главные же памятники, оставшіеся отъ Рима въ Англіи, алтари со вставными надписями, не могли принадлежать христіанамъ по своему характеру и носятъ дѣйствительно туже печать язычества во всѣхъ областяхъ Имперіи. Не только отрицаніе Христіанства въ тогдашней Британіи, но и самое сомнѣніе въ немъ совершенно неразумны. Мы имѣемъ пѣсни бардовъ галльскихъ, безъ сомнѣнія современныя первой эпохѣ саксонскаго завоеванія, и какъ бы ни считали эти пѣсни интерполированными или измѣненными, ни одинъ критикъ не можетъ сомнѣваться

въ Христіанствѣ болѣе или менѣе просвѣщенномъ ихъ слагателей. Мы имѣемъ Гильдаса и его свирѣпыя ругательства на князей галльскихъ, останавшихъ свободу своего племени. Можетъ ли кто нибудь сомнѣваться, что сочинитель былъ христіаниномъ и писалъ о христіанахъ? Мы имѣемъ свидѣтельства о множествѣ церквей и монастырей британскихъ, о многочисленномъ гаэльскомъ духовенствѣ, о сотняхъ и тысячахъ монаховъ у Гаэлей въ то время, когда едва началось обращеніе Саксовъ, слѣдов., о Христіанствѣ, какъ общей вѣрѣ всего міра британскаго, кромѣ нѣкоторыхъ, можетъ быть, далекихъ областей. Когда же совершилось обращеніе, о которомъ никто не пишетъ? Когда началась проповѣдь, которой никто не запомнилъ? Наконецъ, вѣроятна ли ревность Палладія и Партикія къ обращенію Эрина, если Британія еще коснѣла въ язычествѣ? Явно, что Христіанство обняло уже всю римскую Британію прежде, чѣмъ она была оставлена Римлянами, проникнувъ въ нее обычными путями римскими, и обняло уже почти всю область свободныхъ Кельтовъ, проникнувъ въ нее вольнымъ путемъ океана, не забытымъ потомками предпріимчивыхъ Семитовъ, какъ уже было сказано прежде. Но строительная сила Христіанства не могла проявиться ни у чистыхъ Кельтовъ (отчасти сливавшихъ съ нимъ свои языческія воспоминанія), ни у романизованныхъ жителей римской провинціи. Печать древняго міра слишкомъ глубоко врѣзалась во всѣ мысли и учрежденія у однихъ, Христіанство было слишкомъ поверхностно у другихъ, хотя оно долго еще приносило прекрасные плоды въ Ирландіи, доставило ей много золотыхъ дней, сдѣлавшихся теперь баснословными и, можетъ быть, развилось бы еще богаче, если бы могло избѣгнуть окончательнаго измѣненія отъ прикосновенія и духовнаго завоеванія западнаго міра.

Не вдругъ отстала отъ Рима оставленная Римомъ Британія. Она сама еще пыталась вмѣшиваться въ дѣла Имперіи и своимъ нестройнымъ безсиліемъ дать помощь обезсиленному и падающему великану (какъ видно въ разсказѣ о Константинѣ (*); но эти безплодныя попытки, свидѣтельствующія только

о прочности внутреннихъ, мысленныхъ связей, еще болѣе истощали бывшую провинцію. Когда потокъ варваровъ затопилъ окончательно ближнюю Галлію, а дикіе Пикты и Скоты (неутратившіе своихъ языческихъ обычаевъ въ новомъ Христіанствѣ) стали бурно врываться въ одинокую провинцію Британіи и грозить ей совершеннымъ разгромомъ, пришло время напряженія для всѣхъ стихій ея населенія; но не всѣ были къ нему одинаково способны. Сельскіе жители, потомки туземцевъ, утратили отчасти свой языкъ и обычаи, утратили вполнѣ всѣ начала самостоятельности общественной или народной и были готовою добычею для всякаго вооруженнаго пришельца или готовыми помощниками его въ грабежѣ въ Британіи, точно также какъ въ Галліи и Испаніи. Жители городскіе, племя мѣшанное, имѣли еще менѣе началъ народныхъ, но за то они получили отъ Рима нѣкоторое просвѣщеніе, учрежденія городскія, правильно устроенный бытъ, понятіе о законности и гражданственности, слѣд. нѣкоторую сосредоточенность или способность къ ней. Города дѣйствительно заключали между собою союзы, вооружались и давали отпоръ, часто весьма счастливый, дикимъ насильникамъ; но отсутствіе всякой внутренней жизни уничтожало всякое единство, всякую силу, дѣлало успѣхи ничтожными, а неудачи неисправимыми. Тогда воспрянула снова подавленная сила горнаго Кельто-Кумрійца, исполненная поэзіи и восторга, рьяной храбрости и гордости народной; она въ скоромъ времени стала на первое мѣсто и сдѣлалась началомъ преобладающимъ въ Британіи. Для критики сколько-нибудь просвѣщенной и нерабствующей передъ старыми недогадками явно, что еще гораздо прежде саксонскаго нашествія сѣверные непріятели были или вполнѣ отдвинуты въ свои предѣлы или настолько стѣснены, что уже не могли ни грозить истинною опасностью, ни быть великимъ бѣдствіемъ для своихъ южныхъ сосѣдей; но сила кельтская, никогда не умѣвшая обуздать себя и построиться въ стройное общество, еще болѣе утратила эту способность подъ желѣзною рукою Рима всесокрушавшаго и ничего не облагораживавшаго.

Въ этомъ великая разница полицейской образованности Рима и личнаго просвѣщенія Эллады и магометанской Аравіи.

Бывшая провинція покрылась сѣтью мелкихъ княженій, другъ другу враждебныхъ, безпрестанно волнуемыхъ внутренними распрями, родовыми враждами и личными крамолами, безсильныхъ на добро и на утвержденіе чего бы то ни было прочнаго и самостоятельнаго, и гибельныхъ для всей земли не менѣе непріятельскаго нашествія. Дикій горецъ уже не могъ быть правителемъ желаннымъ въ области, не забывшей Рима. По временамъ, быть можетъ даже и постоянно (ибо это дѣло неясно), одинъ изъ князьковъ считался начальникомъ всѣхъ другихъ (кажется, даже иногда съ притязаніями на императорскій титулъ); но почетъ не былъ сопровожденъ повиновеніемъ и не давалъ старшему князю возможности учредить въ землѣ своей порядокъ и устройство, о которыхъ, быть можетъ, и самъ онъ не мечталъ. Личная доблесть впрочемъ вообще не безъ свирѣпства, древность рода и богатое угощеніе воиновъ и особенно пѣвцовъ сытными яствами и крѣпкими медами, только вотъ чѣмъ могъ похвалиться этотъ императоръ или пендрагонъ или пенъ-тейрнъ, или глава Кельтовъ. Его значеніе очевидно ничтожно во время саксонскаго нашествія, и мы даже не видимъ его имени въ достовѣрныхъ разсказахъ о борьбѣ туземцевъ съ пришельцами.

О баснословномъ Артурѣ говорить нечего, а историческій Артуръ былъ, кажется, князькомъ въ горной области юго-западной Англіи.

Очевидно новые владѣльцы Британіи, кельтскіе горцы, не были въ ней любимы: ихъ сподвижники, нечуждые по крови населенію романизованной области, были совершенно чужды ему по своимъ обычаямъ и составляли охранную дружину, нестройную аристократію, отъ которой охотно избавилась бы охраняемая ими страна, а особенно города, еще полные римскими стихіями. Вѣроятно и духовенство, болѣе просвѣщенное, не благоволило ни къ дикимъ своимъ освободите-

лямъ, ни къ друидическимъ ученіямъ и символамъ, отъ которыхъ не освободились ни они сами, ни вѣроятно ихъ духовенство.

Стоитъ только прочесть легенды о нѣкоторыхъ кельтскихъ святыхъ, чтобы замѣтить особый характеръ на нихъ запечатлѣнный и совершенно чуждый современному имъ духовенству римскихъ областей (*).

Все это ясно изъ жестокой діатрибы Гильдаса, которую не вполнѣ понимаетъ критика, добровольно допустившая въ исторію какую-то одностихійную Англію британскаго времени, никогда не существовавшую. Полуримскимъ городамъ не былъ и не могъ быть чуждъ двухъ-вѣковой обычай римской имперіи нанимать варваровъ для отраженія другихъ варваровъ и для службы внутри государства. Они готовы были обратиться къ ближайшему изъ германскихъ племенъ съ просьбой о вооруженной, разумѣется не безкорыстной, помощи, въ надеждѣ найти защитниковъ менѣе для нихъ тяжелыхъ, чѣмъ ихъ незванные покровители Бритты. Такова простая исторія призванія Саксовъ.

Участвовалъ ли въ призваніи князекъ по имени Вортигернъ или Гвортигернъ, имя котораго мы находимъ въ князькахъ того времени, опредѣлить нельзя, но допустить можно, ибо преданіе много сохраняетъ такого, чего не упомнитъ документальная исторія. Очень можетъ быть, что слабый князекъ юго-восточной Британіи вздумалъ опереться на иноземную силу, плохо надѣясь на свою собственную; это могло быть тѣмъ скорѣе, что само преданіе приписываетъ Вортигерну нравы изнѣженные и мирные, слѣд. указываетъ на сходство съ нравами горожанъ, которыхъ мысли и совѣты онъ легко могъ принять. Какъ бы то ни было, очевидно, что кентскому князю не было крайней необходимости призывать на помощь кого бы то ни было противъ Пиктовъ и Скоттовъ, которыхъ набѣги едва ли до него могли доходить. Очевидно, что цѣль Вортигерна, если онъ дѣйствительно пригласилъ Саксовъ, была или охрана береговъ отъ мор-

скаго разбоя или составленіе дружины для защиты отъ другихъ, болѣе могущихъ князей. Сама же исторія слабаго Гвортигерна и его мужественнаго сына есть не что иное какъ сплетеніе басенъ и переиначенныхъ преданій. Такъ, напр., самый разсказъ о томъ, какъ Саксы убили на пиру беззащитныхъ и загулявшихъ Бриттовъ, представляетъ явно перенесеніе на сцену Кента (*), бѣдственнаго происшествія, случившагося въ сѣверной части Британіи и засвидѣтельствованнаго поэтомъ, бывшимъ его жертвою. Пиръ и крѣпкій медъ и число жертвъ, одинакое въ обоихъ случаяхъ, не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Прибавлена только измѣна, о которой современный страдалецъ не знаетъ. Да надобно же что-нибудь предоставить воображенію, враждѣ и народному самолюбію позднѣйшихъ разскащиковъ. Впрочемъ, что значеніе Гвортигерна въ призваніи Саксовъ было довольно ничтожно, видно изъ молчанія поэтовъ, которые не оставили бы его памяти безъ проклятій. Таковъ характеръ тогдашнихъ поэмъ Аневрина, Таліессина и другихъ звучныхъ предвѣстниковъ богатѣйшей изо всѣхъ словесностей новой Европы. Вся исторія призванія заключается въ отношеніяхъ романизованной Британіи къ ея тогдашнимъ владѣльцамъ, горнымъ кельтскимъ племенамъ.

Романизованная стихія въ Британіи обратилась за помощью столько же противъ иноземцевъ, сколько и противъ своихъ дикихъ одноземцевъ, къ ближайшему племени германскому.

Такая мысль разумѣется не могла придти нероманизованнымъ Бриттамъ и ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ исторіи народовъ необразованныхъ. Нѣчто похожее находимъ въ началѣ русскаго государства, но тамъ это странное явленіе объясняется весьма просто, какъ увидимъ позже, и свидѣтельствуетъ о весьма сильномъ развитіи городской и обще-гражданской стихіи, котораго не было въ чистыхъ Кельтахъ.

Ближайшее изо всѣхъ племенъ воинственной Германіи для городовъ британскихъ были тогда Саксы. Ихъ могучій союзъ, слитый изъ стихій неоднородныхъ, занималъ сперва небольшой

участокъ берега германскаго, потомъ съ ослабленіемъ другихъ народовъ и союзовъ, выселившихся или выдвинутыхъ изъ своихъ жилищъ во время великаго движенія дружинъ германскихъ на югъ Европы, онъ занялъ все низовье рѣкъ и все не-славянское поморье Балтики и Сѣвернаго моря и сталъ громокъ въ мірѣ. Мало участвовалъ онъ въ войнахъ сухопутныхъ, и лѣтописи сохранили память только объ одномъ не весьма значительномъ и весьма неудачномъ походѣ саксонской дружины въ Италію вмѣстѣ съ Лонгобардами; за то рожденные на берегу бурнаго моря и принявъ въ себя смѣлыхъ Фризовъ и издавныхъ мореходцевъ, Славянъ приморскихъ, Саксы скоро перебили у Франковъ выгодный промыселъ морского разбоя и сдѣлались грозою береговъ Галліи и Британіи. Но эти разбои приняли новый характеръ. Коренное племя Саксовъ, послѣднихъ выходцевъ изъ полуострова Скандинавскаго, не приходило въ прямое соприкосновеніе съ Римомъ, но приняло въ свой союзъ мелкія приморскія племена, нѣкогда посѣщенныя легіонами и кораблями всемірныхъ завоевателей во время ихъ великой славы при Друзѣ, Тиверіи и Германикѣ. Оно осталось также неприкосновеннымъ въ эпоху того громаднаго столкновенія народовъ, когда восточное казачество Славянъ, Гунны, отбросило на западъ Германцевъ, двигавшихся до тѣхъ поръ на юго-востокъ. За всѣмъ тѣмъ и они не остались чуждыми общему движенію. И имъ, увлеченнымъ пѣснями поэтовъ, разсказами о другихъ благословенныхъ краяхъ и примѣромъ сосѣдей, опостылѣла родина. И они стремились къ лучшимъ жилищамъ. Разбои обратились въ переселеніе. Таковъ выводъ изъ названія *Litus Saxonicum*, даннаго части сѣверныхъ береговъ Франціи и юго-восточной оконечности Англіи. Въ отношеніи въ Англіи онъ подтверждается неоспоримыми доказательствами.

Эти доказательства находятся по преимуществу въ ископаемыхъ остаткахъ городовъ кельтскихъ (*) и въ монетахъ самаго мелкаго достоинства (minimi), употреблявшихся у новыхъ германскихъ горожанъ того края.

Итакъ, Саксы не были племенемъ неизвѣстнымъ для приглашавшаго ихъ народа; но свычкѣ, по склонности къ осѣдлой жизни, по сравнительной мягкости нравовъ они не были имъ непріятны. Не догадывались только хозяева, что именно по этой склонности къ осѣдлости званые гости сдѣлаются незванными владѣльцами земли. Что нѣкоторыя изъ первыхъ переселившихся дружинъ служили туземцамъ въ ихъ войнахъ, несомнѣнно; что они помогли Бриттамъ одержать при Стамфортѣ рѣшительную побѣду надъ Пиктами и Скоттами, весьма можно допустить. Яснымъ остается то, что горсть Саксовъ (всего три корабля) не были нужны для спасенія жителей Британніи, которые впослѣдствіи могли бороться, и часто съ успѣхомъ, противъ многочисленныхъ войскъ англосаксонскихъ царей. Они были нужны юго-восточной Британніи (наиболѣе романизованной) для того, чтобы съ помощью этого войска немноготребовательнаго (ибо таково оно было сначала) и нанятаго на опредѣленныхъ условіяхъ, освободиться отъ тягостнаго покровительства своихъ горныхъ единоземцевъ-дикарей. Плата за службу была болѣе землею чѣмъ деньгами, и это нравилось новой дружинѣ; понравились плодородныя нивы Британніи трудолюбивому Саксу, понравились ея вѣковыя дубовыя рощи, темныя, широковѣтвистыя, народу, котораго главное богатство состояло въ свиныхъ стадахъ. Генгистъ и Горса, первые дружиноначальники (если дѣйствительно они такъ назывались, что весьма сомнительно по смыслу именъ, указывающихъ или на знамена, или на названіе кораблей, коней морскихъ) стали насильно захватывать береговую область привольнаго Кента, не безъ боя и призывая на помощь своихъ единоплеменнниковъ, которые охотно являлись на призывъ. Легка была борьба съ невоинственнымъ населеніемъ, легокъ успѣхъ; но самая легкость успѣха скоро усыпила энергію пришельцевъ и кентское королевство никогда не достигало значительныхъ размѣровъ. О столкновеніи его съ туземцами мало осталось ясныхъ воспоминаній и ни одного достовѣрнаго свидѣтельства (хотя кажется, что Генгистъ былъ выгнанъ лѣтъ на пять и скитался по берегамъ

Голландіи). Такъ и слѣдовало быть, ибо кентская сторона была готова къ покорности или къ мирному согласію. Скоро явились новые колонисты-завоеватели съ одинаковымъ успѣхомъ и основали восточно и южно-саксонскія королевства; за ними скоро сильнѣйшіе, сперва на юго-западѣ, потомъ на сѣверо-востокѣ. Но тутъ они уже встрѣчали мало доброжелателей и сильныхъ враговъ. Цердикъ, основатель вестъ-саксонскаго королевства, которое впослѣдствіи дало единство Англіи, пришелъ въ столкновеніе съ горными племенами, и долгая и кровавая борьба завязалась между соперниками, борьба ничтожная въ исторіи міра дѣйствительнаго, но памятная въ мірѣ поэзіи: ибо соперникъ Цердика былъ Артуръ. Князекъ, или глава нѣсколькихъ князьковъ на западѣ Англіи, часто истощавшій силы свои въ войнахъ съ другими сѣверными князьками (напр. съ Гюэлемъ), мало замѣченный современниками, даже поэтами, но по преданіямъ самъ поэтъ (ибо ему приписываютъ нѣсколько стиховъ, сохранившихся доселѣ), Артуръ сдѣлался со временемъ центромъ цѣлаго героическаго цикла и миѳическимъ олицетвореніемъ упорныхъ надеждъ Кельтскаго народа. Былъ ли онъ сыномъ пен-тейрна *Утгера?* Былъ ли его отецъ соперникомъ другого пен-тейрна римской крови, Аврелія Амброзія? Былъ ли онъ самъ пен-тейрномъ, сомнительно; послѣднее даже невѣроятно, ибо въ современной пѣснѣ, гдѣ онъ представленъ вождемъ въ битвѣ, въ которой прославился и палъ Герейнтъ (лицо не забытое въ сагахъ), ему не приписывается никакого особаго званія. Все равно, должны были быть въ этомъ человѣкѣ и блистательныя доблести, и многое увлекательное для народной фантазіи, когда онъ могъ сдѣлаться впослѣдствіи царемъ такого прекраснаго героическаго цикла и кумиромъ цѣлаго времени. Съ нимъ-то боролись Цердикъ и его ближайшій преемникъ, и конечно борьба была не безъ сильнаго напряженія и не безъ великихъ опасностей.

Отзывъ Гильдаса объ Артурѣ (*), что онъ кровожаденъ былъ сызмала, показываетъ ясно опять отношенія, существовавшія между разными стихіями народнаго населенія.

Немного легче досталась задача и Англамъ, пришельцамъ сѣверо-восточнаго берега. Гористыя области, пограничныя Шотландіи, и отроги горъ, сходящихъ въ Англію, были краемъ негостепріимнымъ для непрошенныхъ гостей. Безпрерывныя битвы кипѣли въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ между завоевателями Берникіи и Дейры съ мужественными Кумрійцами (Кимри), которыхъ главная сила была на берегахъ Клейда. Аневринъ, Таліессинъ и Аливаркъ-Генъ прославили своихъ соотечественниковъ или оплакали ихъ бѣдствія въ пѣсняхъ, которыя дышатъ вдохновеніемъ и страстью. Невольно сострадаетъ читатель этимъ пламеннымъ душамъ, даже и тогда, когда сознаетъ неизбѣжность и законность ихъ гибели. Прекрасны являются защитники родины Уріенъ Ригедскій и Овенъ въ восторженной пѣснѣ кимрскихъ бардовъ, и неоднократныя ихъ побѣды надъ Фламмдвиномъ (пламеноносецъ—прозвище, данное англійскому вождю *Идѣ*) доказываютъ, какой тяжелый достался ему подвигъ. На Сѣверѣ, также и въ Валлисѣ не было романизованной стихіи или она была очень слаба. Мнимаго народа британскаго не было въ Британіи. Тамъ, гдѣ онъ былъ, на западномъ берегу и на границахъ Шотландіи, онъ уцѣлѣлъ или навсегда, какъ въ Валлисѣ, или надолго, какъ на берегахъ Клейда, гдѣ находимъ князька кимрскаго Евгенія еще въ X-мъ столѣтіи (*).

Безъ сомнѣнія по всей или почти всей Британіи были какъ будто острова чистыхъ Гаэлей, но они были незначительны и еще оказывали долгое сопротивленіе.

При томъ положеніи Британіи, которое очевидно изъ всѣхъ памятниковъ письменныхъ и ископаемыхъ и которое нисколько не похоже на описанія позднѣйшихъ историковъ, понятно завоеваніе ея Саксами. Горцы, или нероманизованные Бритты, составлявшіе въ продолженіе нѣкотораго времени послѣ ухода Римлянъ нѣчто похожее на вооруженную аристократію, подъ начальствомъ родовыхъ династовъ въ прежней провинціи, были отодвинуты въ свои горы, и саксонское племя заняло

все то пространство, которое оно занимаетъ и въ наше время. Надобно дать себѣ ясный отчетъ въ прежнемъ и новомъ населеніи того края, чтобы вполнѣ уразумѣть его внутреннюю жизнь и исторію.

До нашествія Римлянъ всю область Великобританіи можно считать кельтскою, принадлежащею отчасти рыцарскимъ Кельто-Кумрійцамъ (Кимри) и отчасти болѣе ѳеократическимъ Кельто-Беолгамъ (которыхъ имя у Римлянъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ формѣ *Бульгіи*, что̀ указываетъ на высказанное мною тождество формъ *Беолгъ*, *Булгары* и *Волга*). Сильное развитіе друидизма указываетъ, кажется, на преобладаніе стихіи жреческой, хотя отсутствіе жестокости въ религіозныхъ обрядахъ обличаетъ весьма раннюю колонизацію съ Востока. Въ преобладающей массѣ кельтской были примѣси иноплеменныя, о которыхъ впрочемъ свидѣтельства вообще неясны: такъ, говорится о выходцахъ изъ Германіи, но они могли принадлежать къ племени кимврскому, и слѣд. къ тѣмъ же Кельтамъ въ ихъ позднѣйшемъ переселеніи. Говорится о Силурахъ, какъ выходцахъ изъ иверскаго полуострова, и это показаніе подтверждается ихъ наружностью, но оно указываетъ только на сродство съ Іерномъ (Эриномъ), въ которомъ Кельты по многимъ наружнымъ признакамъ кажутся принадлежащими къ племенамъ южнымъ, и сохраняется много преданій, указывающихъ на долгія сношенія съ землею Иверцевъ и на колонизацію семитическую (*). Ясные слѣды славянства въ именахъ мелкихъ приморскихъ общинъ Менаніевъ и Мориновъ, торговыхъ колоній, пришедшихъ съ устьевъ Рейна и связанныхъ, по древнимъ свидѣтельствамъ, съ Венедами прилуарскими. Самое имя Вендовъ также не неизвѣстно въ Британіи: оно слышно въ *Виндоланѣ* (Little-Chester) и *Виндобалѣ* (But-Chester). Имя Гунновъ звучитъ въ названіи *Гуннумъ* (теперешнемъ Halton Chester). Даже слышно славянское слово *блато* въ Blatum Bulgium (Middleb). Такимъ образомъ объясняются нѣкоторыя указанія, найденныя мною въ цитатахъ малоизвѣстной англійской книги (кажется, подъ заглавіемъ Druidism in England, 2 тома, 4°), о сочувствіи Британіи и

Кельтовъ съ торжествами великаго вождя Гунновъ. Такимъ же образомъ объясняется и то, что *Переддуръ* (имя, упоминаемое современными бардами въ борьбѣ туземцевъ съ Англами Фламмдвина или Иды) называется въ сказаніяхъ британскихъ и кельтскихъ сподвижникомъ Артура и княземъ вендскимъ (*). Итакъ, въ Англіи память о славянствѣ сохранилась довольно долго, какъ и во всей Западной Европѣ сохранялись долго слѣды ея первожителей, втѣсненныхъ въ горы и болота позднѣйшими пришельцами, и ея древнѣйшихъ торговцевъ, смѣло ходившихъ по волнамъ Атлантики и Сѣвернаго океана. Всѣ эти мелкія примѣси не измѣняли нисколько общаго и цѣльнаго кельтскаго характера всей земли. Римляне завоевали ее послѣ упорнаго сопротивленія во многихъ мѣстахъ, и нелегко было ихъ завоеваніе въ Британіи, такъ же какъ и въ Галліи. Племена наиболѣе непокорныя были избиты, обращены въ жестокое рабство, выселены, проданы въ дальнюю неволю; другихъ медленно сокрушало римское иго; всѣхъ, кромѣ горцевъ, соблазнило римское просвѣщеніе. Провинція покрылась городами и военными поселеніями, которыхъ составъ былъ такъ же разнообразенъ, какъ составъ имперіи.

Итакъ Саксы, Юты и Англы не застали никакого народа (*) въ Британіи. Они вступили въ борьбу съ дружинами кельтскими и послѣ долгаго сопротивленія вытѣснили ихъ изъ романизованной области и вогнали въ горы. Кровопролитенъ былъ бой многолѣтній, и невольное сочувствіе позднѣйшихъ вѣковъ трагической судьбѣ побѣжденныхъ свидѣтельствуетъ объ ихъ упорномъ мужествѣ и блистательныхъ подвигахъ; но они должны была пасть. Упорнѣе ихъ, терпѣливѣе и крѣпче сомкнуты были германскіе пришельцы. Ряды ихъ пополнялись безпрестанно новымъ приливомъ ихъ соотечественниковъ. Тысячи падали подъ мечомъ Бриттовъ; но вѣтеръ южный и юго-восточный гналъ сотни саксонскихъ кораблей отъ фризскихъ и саксонскихъ береговъ къ бѣлому берегу Альбіона, и тысячи свѣжихъ бойцовъ пополняли ослабѣвшую дружину, и временные побѣдители, Кельты, снова отступали передъ напоромъ завоевателей. Но завоеванія Саксовъ сна-

чала жестокія, такъ же какъ и завоеванія во многомъ съ ними схожихъ Славянъ, были въ послѣдствіяхъ своихъ благодѣтельны. Они очищали почву, испорченную Римомъ; они населяли народомъ безнародную землю. Саксы не были бродячею дружиною народною, какъ Готы или Аланы, или личною, какъ воины Меровейцевъ, уже до костей развращенные трехвѣковымъ соприкосновеніемъ и наемничествомъ Римлянъ. Они были народною колоніей.

Оттого-то такъ твердо хранили они общинные обычаи и придавали всегда такую важность своему вѣчу, *Виттена-Гемотъ*.

Имъ, трудолюбивымъ и не знающимъ роскоши пахарямъ, не нуженъ былъ рабъ для корысти или для невольнаго труда; имъ не нужна была рука низкаго, иноплеменнаго наемника. Имъ нужна была земля, надъ которой самимъ бы можно было трудиться въ добромъ согласіи съ природою и съ гордымъ чувствомъ своей свободы. Разумѣется, для этого прежніе жители селъ должны были или бѣжать, или погибнуть, или поступить въ число земледѣльческихъ орудій—рабовъ. Но зато села и поля, населенныя рабами или полурабами, отпущенниками, работавшими на отсутствующихъ и немногочисленныхъ землевладѣльцевъ римской эпохи, бездушнымъ и безнравственнымъ сбродомъ изъ всѣхъ племенъ, получили новое, многочисленное, честное и свободное населеніе. Обращенные въ рабство прежніе жители, оставшіеся въ старыхъ жилищахъ и избѣгнувшіе меча, приняли мало-по-малу и языкъ побѣдителей, простодушныхъ и близкихъ къ нимъ по своему состоянію, и созрѣли для будущей свободы. Города не привлекали къ себѣ селянина Саксонца или Англа. Малые, они погибали и потомъ снова отстраивались остатками своихъ прежнихъ обывателей, составляя новыя общины въ неопредѣленной зависимости отъ завоевательнаго племени. Большіе, они долго сопротивлялись или совершенно отстаивались и заключали мирные договоры, обезпечивающіе ихъ свободу.

Такова была, между прочимъ, судьба Йорка и особенно Лондона, болѣе всѣхъ сохранившаго свои права.

Безъ сомнѣнія и за стѣны городскія проникала мало-по-малу стихія саксонская; но этотъ приливъ былъ мирный и условный. Нравы, мысли, обычаи, законы и языкъ горожанъ измѣнялись медленно, принимая въ себя много доброй простоты отъ грубыхъ пришельцевъ и передавая имъ въ то же время начала просвѣщенія и науки. Римское право преподавалось въ Йоркѣ еще въ концѣ VIII-го вѣка; ученость и знаніе латинскаго языка, права каноническаго и философіи хранились въ монастыряхъ, и неиспорченная душа Саксонца умѣла имъ сочувствовать.

Эринскіе Кельты и ихъ духовенство имѣли въ этомъ отношеніи весьма полезное вліяніе на Англію и отчасти черезъ нее, отчасти прямо—на остальную Европу. Стоитъ только вспомнить Эригену и проповѣдниковъ слова евангельскаго въ Германіи, о которыхъ уже говорено.

Такимъ образомъ создавалась германская основа Англіи, та крѣпкая, здоровая и нравственная основа, на которой выросла великая держава для славы и пользы человѣчества и для храненія многихъ высокихъ и добрыхъ началъ, утраченныхъ романо-германскимъ міромъ.

Славянская стихія въ новомъ населеніи Англіи.

Впрочемъ, признавая главную составную часть новаго народонаселенія германскимъ, не должно терять изъ вида и другую стихію, вошедшую въ него. Достаточно назвать двухъ боговъ, отъ поклоненія которымъ отрекались Саксы при принятіи христіанства въ самой Германіи, чтобы узнать эту стихію. Эти боги—Чернобогъ и Сива (быть можетъ, Жива, хотя такое чтеніе сомнительно). Ихъ славянское происхожденіе не подлежитъ сознѣнію.

Кажется Эйнгардъ называетъ Бѣлбога у Саксонцевъ въ Германіи. Вальтеръ-Скотъ въ Гарольдѣ представляетъ Чернобога—богомъ волшебства (*).

Свидѣтельства современныя не называютъ того племени, у котораго требовалось отреченіе отъ Чернобога; но критикѣ нетрудно опредѣлить то, о чемъ умалчиваютъ современники. Нѣтъ сомнѣнія, что у всѣхъ Саксовъ могло быть, вслѣдствіе заемнаго вѣрованія, поклоненіе богу чуженародному; но, конечно, начало этого вѣрованія не должно искать у германскихъ Саксонцевъ. За ними остаются Юты, Варны и Англы, давшіе имя свое Англіи. Имя Ютовъ указываетъ на кимврское происхожденіе, какъ уже показано изъ сличенія Ютланда съ Кимврскимъ полуостровомъ, Ютунгейма (*) и миѳовъ, касающихся до него (напр., стѣны), съ сказаніями о преградѣ между Азами, Сарматами и Кимврами на Кавказѣ и т. д. (*); но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Юты были племя не-германское, хотя Кимры или Кумры—безспорно Кельты. Германцы, завоевавшіе землю Ютовъ-Кельтовъ, приняли имя отъ завоеваннаго края, какъ Маркоманы отъ Краинцевъ, Остъ- и Вестъ-Готы (Гріютунги и Тервинги) отъ Полянъ и Древлянъ, Франки Меравскіе (или Меровейцы) отъ Мориновъ, Вандалы отъ Вендовъ, Пруссія и Помернъ отъ прежнихъ туземцевъ. У Ютовъ искать примѣтъ славянства нечего. Иное дѣло Варны и Англы, которыхъ можно считать за одно. Славянскія названія урочищъ хранятся вездѣ, гдѣ были Варны (*). Англы первоначально являются на славянскомъ поморіи Балтики, потомъ переселяются (вѣроятно, не всѣ) въ сосѣдство и въ союзъ Тюринговъ, въ которыхъ славянская стихія крайне вѣроятна, по окончанію имени ихъ на *ингъ* (ичь: Тюрингъ—Тверичь) и по ихъ раннему союзу съ Гуннами (*), еще прежде усиленія этого мстительнаго казачества; потомъ снова являются они на берегахъ Балтики и переселяются съ Саксами въ Англію, которой и даютъ свое имя. Самое имя это Англы или (по весьма обыкновенному закону перехода звуковъ) Углы (Угличи) носитъ на себѣ характеръ славянскій (названіе по мѣстности), чуждый чисто-германскому міру. Съ ними и по всей вѣроятности отъ нихъ являются въ саксонскомъ союзѣ имена славянскихъ боговъ, которыхъ нельзя считать чистымъ религіознымъ займомъ, ибо такого рода фактъ нигдѣ не встрѣчается въ исторіи Европы

безъ племенной примѣси. Если дѣйствительно Англы были отдѣленіемъ великаго славянскаго народа, должны бы встрѣчаться въ памятникахъ объ ихъ первомъ вторженіи въ землю, назначенную имъ судьбою, слѣды ихъ происхожденія. Дѣйствительно это указаніе находится и въ такой формѣ, которая не подлежитъ сомнѣнію для критика, ознакомившагося съ памятниками Сѣвера и преданіями о движеніи вендскихъ (ванскихъ) племенъ изъ русскаго Востока въ Скандинанію. Мы уже видѣли, что эта стихія миѳически олицетворяется въ мудрыхъ Ванахъ Фрейрѣ (Пріѣ), богѣ при-донскомъ; Брагурѣ (богѣ заздравныхъ чашъ) и Ніордрѣ изъ Неотуна (Новгорода).

Замѣчательно, что въ англійской заздравной чашѣ сохранилась славянская форма мѣстоименія вашъ (вашъ-гейль, wassayle).

Всѣ родословныя царей саксонскаго союза согласны въ одномъ. Родъ *Иды*, перваго царя Англовъ, ведется, какъ и всѣ роды вождей саксонскихъ, отъ Водана; но онъ одинъ идетъ отъ Водена черезъ *Фрейра*, котораго находимъ подъ весьма важнымъ именемъ.

По саксонской лѣтописи *Ангенвитъ* (окончаніе слова замѣчательно) и *Ингинъ*, по Гейнриху гунтингдонскому *Ангенвитъ* и *Ингіуни*, по Симеону дургамскому *Ангенви* и *Ингви*, но Ненню *Ингветъ*. Тотъ же Фрейръ болѣе еще извѣстенъ подъ именемъ Геатъ (*). Ихъ тождество видно изъ имени Фрегегеатъ и изъ ихъ пріапическаго характера (*), а можетъ быть еще болѣе изъ повѣсти о любви Фрейра къ *Гердрѣ* и Геата къ *Мадчильдѣ*.

То же самая форма встрѣчается въ норвежской линіи Гаральда Гарфагра въ именахъ *Ингви* и *Ингви-Фрейръ* и даетъ намъ объясненіе названія *Инглинговъ* (т.-е. *Фрейровичей)* и вѣроятное происхожденіе слова *Инглъ* отъ имени народа *Англовъ* или Угличей. Во всякомъ случаѣ это прямое и исключительное происхожденіе *Иды* отъ Вана-Фрейра есть фактъ рѣшительный для человѣка, знакомаго со смысломъ миѳовъ

сѣверныхъ. Быть можетъ, что подъ именемъ *Фрейра* или *Ингви* видимъ мы котораго-нибудь изъ тѣхъ боговъ, отъ которыхъ отрекались Саксы, переходящіе въ христіанство.

Уже прежде говорено о вѣроятномъ тождествѣ Фрейра-Прія съ Бѣлбогомъ (о которомъ говоритъ Егингардтъ (*) и Беленомъ. Разумѣется, изъ всѣхъ этихъ примѣтъ критика не имѣетъ еще никакого права считать дружину *Иды* чисто-славянскою (такое предположеніе было бы даже невѣроятнымъ); но она должна ее признать сборищемъ или сплавомъ германскимъ около славянскаго ядра и понять возможность и смыслъ многихъ позднѣйшихъ явленій. Такъ, напр., признаніе этой стихіи и пониминіе ея образовательнаго характера объясняютъ явленіе въ Англіи суда присяжныхъ (ротниковъ, цѣловальниковъ), совершенно чуждаго стихіямъ римскимъ, германскимъ и кельтскимъ и особенно основу этого суда, единогласность, совершенно непонятную и непонятую внѣ славянскаго міра и его безусловной простоты (*). Преобладаніе Юга чисто-саксонскаго, восторжествовавшаго въ династіи вестъ-сакскихъ королей, подавило стихію славянскую, числительно слабую; но слѣды умственнаго или духовнаго ея вліянія (какъ сказано) отзываются въ духовномъ построеніи англійской земли, смягчая дикость германскую (такъ же какъ и по всему поморью Бальтики и даже германскаго моря), между тѣмъ какъ племенное различіе, можетъ быть, служило объясненіемъ нетвердой привязанности сѣверныхъ областей къ линіи Эгберта и готовности ихъ принимать къ себѣ новыхъ пришельцевъ, Датчанъ или Норвежцевъ.

Замѣчательно малое число рабовъ въ областяхъ сѣверныхъ сравнительно съ южными при послѣдней переписи народа саксонской эпохи (*) было приписано вліянію новыхъзавоевателей, Датчанъ. Не оспаривая этой догадки, можно замѣтить, что она не подтверждается законами датскихъ царей, и хотя и согласна съ обычаемъ Норманновъ въ другихъ земляхъ, но тотъ же самый фактъ объясняется также легко особенностью славянскаго характера въ племени Англовъ.

Христіанство въ Англіи.

Саксы явились язычниками въ землѣ христіанской; но христіанство въ мірѣ римскаго образованія долго было почти безплоднымъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія данныя, объ этомъ свидѣтельствуютъ и всѣ современныя сказанія (напр., Сальвіанъ (*)). Собственно провинція, т.-е. земли, населенныя романизованнымъ сбродомъ людей, и города держалась какого-то христіанства догматически чистаго, но не проникнувшаго нисколько въ общественные нравы.

Римское полицейское просвѣщеніе было слишкомъ грубо для духовнаго вѣрованія и нисколько не развило мысли и души человѣческой.

Другое христіанство было преобладающимъ въ областяхъ, населенныхъ кельтскимъ племенемъ, т.-е. въ горныхъ округахъ Валлиса и Кумбріи. Соединенное съ дикостью нравовъ, съ буйствомъ страстей, смѣшанное съ сильными остатками друидизма въ символахъ и миѳахъ, оно представляло характеръ темнаго, полуязыческаго суевѣрія.

Это видно изъ легендъ кельтскихъ о святыхъ, изъ современной поэзіи бардовъ, изъ всѣхъ сказаній и преданій объ Артурѣ и его сподвижникахъ. Западная Азія, ея язычество и по преимуществу солнцепоклонство еще слышны во всемъ. Многое напоминаетъ Финикію вслѣдствіе общаго религіознаго настроенія прикавказскихъ Кельтовъ и Иверцевъ и полуиверскою Финикіею.

Между христіанствомъ романизованной провинціи и христіанствомъ горныхъ племенъ было такое же враждебное отношеніе, какъ и между образованіемъ ихъ и всѣмъ ихъ бытомъ. Правда, что нѣкоторое вліяніе римскаго четырехвѣковаго владычества отозвалось и на горныхъ дикаряхъ, прямо ли или черезъ посредство ихъ единоплеменниковъ горожанъ (такъ напр., сильнѣйшіе князьки добивались званія императорскаго); но эта ничтожная примѣсь не измѣнила ни языка, ни

обычаевъ горцевъ, и гордый полуримлянинъ городовъ, слишкомъ слабый, чтобы что-нибудь создать, слишкомъ изнѣженный, чтобы даже отстоять что-нибудь, смотрѣлъ на чистаго Бритта, дикаря, еще не утратившаго силъ своихъ, съ чувствомъ ненависти и презрѣнія. Въ обоихъ стихіяхъ вѣрованіе христіанское подверглось сильному искаженію; но должно сознаться, что оно было живѣе и плодотворнѣе у дикаря, чѣмъ у полупросвѣщеннаго его соотечественника. Не въ школахъ Гильдасовъ и Ненніевъ выростали Колумбы и Колумбаны, горячіе проповѣдники слова, ревностные очистители обряда, блюстители ученія, обличители папъ, зажигатели церковнаго свѣтильника у себя и въ чужихъ земляхъ. Не изъ городовъ, не изъ романизованной области выходили неутомимые апостолы, которые разносили сѣмя духовнаго просвѣщенія по темнымъ пространствамъ средней Европы, въ полу-кельтской Швейцаріи, по германскимъ низовьямъ Рейна, по лѣсистымъ горамъ земли байерской, тюрингской и франконской и даже по фризскому поморью, страдая сначала отъ языческаго упорства, отъ страстей и отъ фанатической вражды народовъ, которыхъ они стремились просвѣтить, страдая впослѣдствіи, можетъ быть, еще болѣе отъ гоненій и клеветы своихъ соперниковъ, проповѣдниковъ саксонскихъ, подчинившихъ свою христіанскую дѣятельность службѣ папскому престолу. Всѣ эти великіе двигатели просвѣщенія выходили изъ нероманизованной стороны, изъ чисто-кельтскаго Эрина, прозваннаго островомъ святыхъ, изъ церкви, еще свободной отъ мѣстнаго характера Запада и связанной крѣпкими узами съ просвѣщеніемъ Востока. Но ни развращенные города, ни дикіе и враждебные Кельты не могли передать христіанства Саксонцамъ. Явилась проповѣдь другая. Великій епископъ Рима, Григорій, исполненный состраданія къ землѣ нѣкогда христіанской и снова обращенной въ язычество и къ самимъ завоевателямъ, язычникамъ, въ которыхъ сохранялись многія добродѣтели неиспорченной природы, послалъ къ нимъ своихъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ особенную славу заслужилъ, какъ извѣстно, Августинъ. Успѣхи проповѣдниковъ были весьма бы-

стры; ученіе ихъ принималось охотно народомъ, очевидно не крѣпко державшимся своей прежней вѣры; но сама проповѣдь христіанства, присланнаго Римомъ, обозначена была враждою къ мѣстному христіанству племени кельтскаго. Съ глубокимъ ужасомъ и съ невольнымъ отвращеніемъ встрѣчаемъ мы неоспоримыя свидѣтельства, что новое духовенство, просвѣщавшее Саксовъ, часто вызывало ихъ на уничтоженіе прежняго духовенства въ горныхъ областяхъ и особенно на кровавое преслѣдованіе кельтскихъ монаховъ. Какое бы ни было ученіе этихъ несчастныхъ жертвъ, какъ бы ни были они оподозрѣны въ догматическихъ ошибкахъ (впрочемъ, нисколько не доказанныхъ), жестокость ихъ враговъ указываетъ на глубокую почву служителей западной Церкви и на кровожадность, совершенно противную той вѣрѣ, которую они проповѣдали.

Разумѣется, нѣтъ никакой причины обвинять Великаго Григорія въ дѣлахъ, совершонныхъ или допущенныхъ его миссіонерами и ихъ преемниками; но вражда двухъ церквей въ Англіи объясняетъ ихъ позднѣйшую борьбу въ Германіи и уличаетъ одностороннее направленіе, принятое уже въ началѣ VII вѣка западною половиною христіанскаго міра.

Мало гоненій встрѣтила евангельская проповѣдь въ землѣ Англо-Саксовъ, и это замѣчаніе повторяется вездѣ, гдѣ она не вмѣшивалась въ дѣла политическія, или гдѣ ея не сопровождала вражда народная или гроза чужеземнаго ига. Одно только жестокое испытаніе и выдержала она, когда на нее ополчился свирѣпый старикъ Пенда, лицо поэтическое въ своей дикости, дѣйствовавшее въ тѣсномъ пространствѣ, но сосредоточивавшее въ своей рукѣ всю силу и въ душѣ своей всю энергію великихъ вождей народнаго движенія, сокрушившаго грани обветшавшаго Рима. Къ чести племени саксонскаго должно однако же прибавить, что грозный старикъ не былъ безусловнымъ или неразумнымъ гонителемъ. Въ его бурной душѣ жило чувство правды, и онъ говорилъ: «Я убиваю не тѣхъ искренних людей, которые поклоняются Христу, но тѣхъ лжецовъ, которые проповѣдуютъ Христово ученіе, а жи-

вутъ въ противность ему». Со смертію Пенды торжество Христіанства было повсемѣстно, и оно принесло много прекрасныхъ плодовъ.

Англо-саксы приняли проповѣдь Евангелія съ глубокимъ и простодушнымъ убѣжденіемъ. Они не были, какъ многія другія германскія дружины и по преимуществу Франки, поселившіеся на развалинахъ римскаго міра, вовлечены и, такъ сказать, соблазнены въ Христіанство. Строго проповѣдывалось оно имъ, строгимъ голосомъ говорило оно съ ними. Безъ сомнѣнія, оно не вполнѣ овладѣло ихъ душою, оно не заковало ихъ дикихъ страстей; но безпристрастная критика не можетъ не отличить первой эпохи христіанской въ британскихъ островахъ отъ соотвѣтствующихъ ей эпохъ въ другихъ странахъ Запада. Она представляетъ явленіе истинно утѣшительное. Между дѣяніями, обличающими еще свирѣпость и нѣкоторый развратъ, слышится безпрестанно кроткій голосъ вѣры, искреннее покаяніе очищаетъ сердца грубыхъ воителей, глубокое смиреніе сгибаетъ гордую шею царей и ведетъ ихъ въ монашескую келію или украшаетъ ихъ вѣнецъ лучшимъ вѣнцомъ добродѣтельнаго и праведнаго житія.

На это обстоятельство еще слишкомъ мало обратили вниманіе, а между тѣмъ оно во многомъ объясняетъ позднѣйшую исторію Англіи.

Мало-по-малу самая вражда между проповѣдью римскою и мѣстнымъ христіанствомъ стала угасать, точно также какъ и ненависть Сакса и Кельта, которую, какъ кажется, впослѣдствіи возобновили Норманны. Хотя два духовныя начала, встрѣтившіяся на спорной почвѣ, никогда не примирились вполнѣ, но ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга имѣло вліяніе благодѣтельное и во многомъ ослабило ихъ односторонность. Кельтское христіанство умягчилось; саксонское получило свободу. Для Рима нужно было впослѣдствіи новое завоеваніе, которое совершено его оруженосцемъ Дунстаномъ; но свобода, едва подавленная, снова потребовала своихъ правъ, и Виль-

гельмъ Завоеватель бился подъ знаменемъ и съ благословенія папы. Но сѣмя разъ брошенное въ землю, не пропало.

Эпоха саксонская вообще въ высшей степени замѣчательна и рѣзко отличается отъ всей исторіи остальной Европы. Земля, ими покоренная, получила въ нихъ народъ, языкъ и начала разумной и человѣческой жизни. Составъ государственный былъ слабъ, кажется, слабѣе чѣмъ гдѣ-либо: такъ и должно было быть; ибо общество было основано не дружиною, а народною колонизаціей (къ которой конечно примѣшивалось немало и дружиннаго начала, но съ значеніемъ второстепеннымъ). Семи- или осьмицарствіе связывалось только по временамъ и то въ весьма рыхлый союзъ, всегда готовый распасться. Власть временнаго главы, *Бретвальда*, была и незначительна, и почти всегда оспориваема; но учрежденія народныя были сильны. *Виттена* рѣшалъ всѣ важные вопросы, и мы видимъ, что отъ его благоусмотрѣнія зависѣло почти все, что касалось до внутренней жизни англо-сакскаго племени.

Такъ, напр., мы находимъ, что самый религіозный вопросъ при переходѣ въ христіанство рѣшается въ Виттенахъ во многихъ областяхъ (*); и склонность самихъ жрецовъ къ новой вѣрѣ (явно засвидѣтельствованная писателями, которыхъ риторическія украшенія не могутъ поколебать довѣренности исторической критики къ самой сущности ихъ разсказовъ) показываетъ, что нравственное и духовное убѣжденіе въ народѣ могло управлять его дѣйствіями и дѣлало достойнымъ свободы.

Саксонская гептархія.

Безпрестанныя междоусобія подрывали силы государства, доставляя поочередно то одной, то другой области, то одному, то другому корольку временное первенство надъ соперниками, уничтожая чувство государственной цѣльности и готовя путь для будущихъ завоевателей-иноземцевъ. Правда, что предѣлы саксонскіе все еще продолжали расширяться мало-по-малу по милости еще большаго разъединенія Кельтовъ; но успѣхи были медленны, и въ иныя времена сами Кельты грозили уни-

чтоженіемъ саксонской власти, какъ, напр., при мужественномъ Кадваллонѣ, въ 630-хъ годахъ. Правда, что всегда на которомъ нибудь изъ саксонскихъ престоловъ сидѣлъ какой-нибудь правитель сильный разумомъ и волею и преобладалъ надъ другими, но эти неправильныя случайности не придавали силъ государству.

Это явленіе объясняется тѣмъ же закономъ, которымъ объяснено не обыкновенное множество великихъ государей на престолѣ падающаго Рима. Тамъ, гдѣ нѣтъ твердыхъ положеній и хранительныхъ формъ, преобладаютъ личная доблесть и сила, но не на пользу общества въ его государственномъ значеніи.

Очевидно въ самой основѣ семицарствія (гептархіи) лежала коренная болѣзнь, которая должна была уничтожить его. Оно могло перейти и переходило то въ пяти то въ трехцарствіе, то, наконецъ въ единодержавіе, но внутренней причины существовать навсегда въ немъ не было. Не было стремленія къ единству, не было чувства единства; не было достаточно народнаго характера, чтобъ отвергнуть всякое внѣшнее владычество; не было организаціи довольно твердой и опредѣленной, чтобы всѣ могли или хотѣли стать за каждаго или каждый за всѣхъ. Общество, какъ собраніе людей болѣе или менѣе однокровныхъ другъ съ другомъ и живущихъ подъ условіями взаимной правды и любви, существовало въ Англіи тогда, когда оно не существовало нигдѣ въ остальной Европѣ; но общество, какъ государство, т.-е. какъ организмъ, имѣющій какой-нибудь центръ (король или соборъ, все равно), не существовало вовсе или существовало въ видѣ самомъ хаотическомъ. Равнодушіе къ государству есть преобладающая черта саксонской эпохи.

Мы встрѣтимъ позднѣе ту же самую черту въ другой землѣ; но земля эта спаслась отъ завоеванія сперва вслѣдствіе дикаго нрава и кочевого быта однихъ завоевателей, а потомъ вслѣдствіе религіознаго разногласія съ другими.

Много добраго и прекраснаго было совершено во время семицарствія владыками саксонскими, такими, каковъ, былъ напр., Ина-Законодатель; много высокихъ человѣческихъ чувствъ являлось на престолахъ въ такихъ лицахъ, какъ Освальды, Альфреды, Эдвины и другіе. Все это свидѣтельствуетъ о человѣческомъ развитіи самого народа; ибо никогда правители не могутъ возвышаться значительно надъ тѣмъ обществомъ, котораго судьба поручена ихъ правленію. Они сами—созданіе общества; орудія ихъ и совѣтники—члены его, и всѣ дѣйствія ихъ подчиняются его законамъ; все то, что противно этимъ законамъ, будь оно ко злу или къ добру, исчезаетъ безъ слѣда или гибнетъ еще въ зародышѣ вслѣдствіе положительнаго отпора или безчувственной апатіи массъ.

Оттого-то всякая историческая критика, отдѣляющая правительства отъ народовъ въ исторіи человѣчества, впадаетъ въ безсмысленную ошибку. Личныя случайности народныхъ вождей имѣютъ безспорно свое значеніе, онѣ ускоряютъ или замедляютъ развитіе общихъ или частныхъ началъ въ государствѣ, производятъ временныя смущенія или потрясенія въ его нормальномъ ходѣ, но никогда не могутъ нарушить этого хода. Сила духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ его основъ прорѣзываетъ историческій путь для каждаго народа и для каждаго общества, возвышая или губя его или опредѣляя его судьбу, до тѣхъ поръ, покуда не дастся ему другой высшій законъ или покуда не встрѣтятся съ нимъ другія высшія или сильнѣйшія начала, олицетворенныя въ другомъ обществѣ или народѣ, которымъ принадлежатъ по справедливости историческое первенство и право на временное торжество. Такъ, напр., идея правды въ Римѣ должна была побѣдить идею красоты эллинской, хотя впослѣдствіи идея правды римской (т.-е. внѣшней) по своей односторонности уступила болѣе многосторонней идеѣ эллинской въ дальнѣйшемъ развитіи человѣческаго духа и въ истинно-разумномъ вліяніи на его нравственное возвышеніе.

Христіанство принято было, какъ уже сказано, въ землѣ Англо-Саксовъ въ формахъ, весьма близкихъ къ своему пер-

воначальному характеру: оно дѣйствовало своею духовною проповѣдью и поэтическимъ образомъ на сердца, не испорченныя ни сосѣдствомъ Римлянъ, ни преобладаніемъ дружиннаго устройства, и облагораживало ихъ. Оно имѣло прямое вліяніе даже на отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ туземцамъ и къ ихъ единоплеменникамъ. Строгая жизнь ирландскихъ монастырей призывала многихъ къ переселенію въ ихъ мирныя нѣдра изъ бурной среды, въ которой волновались еще неукрощенныя страсти недавнихъ язычниковъ. Духовныя сношенія связывали область Англовъ съ землями новообращенныхъ Кельтовъ (Скотовъ и Пиктовъ въ Шотландіи) и Кумрійцевъ юго-западной Англіи. Часто осиротѣвшіе князьки искали убѣжища, воспитанія и защиты у племенъ, еще недавно враждебныхъ. Чувства человѣчества и благоволенія, чувства общенія умственнаго и духовнаго пробивались вездѣ, развивая тѣ духовныя силы, которыя впослѣдствіи подняли Англію такъ высоко между европейскими народами; но имъ не дано было развиться вполнѣ, потому что самой землѣ предстоялъ кровавый и крутой переломъ.

Мелкія царства гибли мало-по-малу въ междоусобной борьбѣ. Первенство осталось за двумя областями,—за полу-англійской Меркіей и чисто-германскимъ Вестъ-сексомъ.

Нѣмецкій патріотизмъ заднимъ числомъ нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что судьба доставила окончательное торжество области, въ которой будто бы германская стихія была затемнена стихіями чуждыми. Взглядъ этотъ совершенно ложенъ. Безпрестанная борьба съ Валлійцами и съ горцами западными имѣла, разумѣется, нѣкоторое вліяніе на Вестъ-Саксовъ; но это вліяніе было незначительно, и почти вся остальная Англія была гораздо болѣе измѣнена примѣсью отъ довольно сильнаго и сравнительно образованнаго населенія городовъ.

Споръ Меркіи и Вестъ-секса кончился въ пользу послѣдняго, и видимая случайность была дѣйствительно не случайностью. Въ ней появился законъ, который такъ часто повто-

ряется въ исторіи, по которому области наиболѣе окрѣпшія въ военной борьбѣ и наиболѣе принявшія дружинный быть, первыя вырываются на историческое поприще. Въ вестъ-саксонскомъ королевствѣ преемство людей сильныхъ духомъ было обезпечено самою опасностью, въ которой постоянно находилась область, шаткостью престолонаслѣдія и нѣкоторою дикою энергіей нравовъ. Эгбертъ и его ближайшіе преемники соединили въ одно цѣлое разрозненныя части осьмицарственнаго союза.

Безполезно разсматривать хронологію присоединенія каждой отдѣльной части. Это нужно только для спеціалныхъ исторій. Въ самомъ же дѣлѣ присоединенія не выступаетъ ни одно характеристическое обстоятельство.

Новое царство не имѣло уже той рыхлости, которою обозначенъ былъ весь союзъ, даже въ то время, когда онъ находился подъ главарствомъ *Бретвальдовъ*. Эти верховные вожди имѣли только одно значеніе — сосредоточивать до нѣкоторой степени силы осьмицарствія противъ свободныхъ туземцевъ—и перестали являться въ лѣтописяхъ задолго до Эгберта и именно въ то время, когда Кельты были окончательно вдвинуты въ свои родныя горы. Борьба коренныхъ жителей противъ прешельцевъ, давно уже невозможная, какъ по превосходству дружины саксонской, такъ и по тѣснѣйшему союзу Англо-Саксовъ въ сравненіи съ разъединенностью Кельтовъ, сдѣлалась уже просто ничѣмъ инымъ, какъ обороною горныхъ твердынь противъ осаждающаго непріятеля; но оборона была ведена съ рѣдкимъ упорствомъ, достойнымъ удивленія. Большую часть горъ успѣли отстоять потомки древнихъ Бриттовъ не только противъ Англо-Саксовъ, но и противъ еще сильнѣйшихъ Норманновъ и противъ еще сильнѣйшихъ вѣковъ. Уже съ самого начала нашествія Англо-Саксовъ туземцы, очевидно раздѣленные тѣмъ духомъ кланства, который еще недавно сталъ погасать въ горной Шотландіи, всегда готовые на кровавыя междоусобія, рѣдко соединялись (и то, разумѣется, не

всѣ) подъ начальствомъ одного кокого-нибудь вождя, каковы были: Натанлеодъ и болѣе или менѣе сомнительный Амвросій, пендрагонъ или Артуръ. Впослѣдствіи эти союзы сдѣлались еще рѣже, хотя отчасти еще проявляются при Кадваллонѣ и, сынѣ его Кадвалладурѣ. Позже они исчезаютъ почти вовсе, между тѣмъ какъ единство непріятеля дѣлается постояннѣе и, крѣпче.

Оттого-то Кельты и не могли воспользоваться страшными нашествіями Скандинавовъ, хотя часто дѣйствовали съ ними заодно.

Но царство Англо-Саксовъ получило болѣе видимое, чѣмъ коренное, единство. Случайности военной борьбы и, можетъ быть, смутное пониманіе необходимости сліянія всѣхъ мелкихъ областей въ одно цѣлое доставили вестъ-секской династіи: власть надъ Англіей или по крайней мѣрѣ полное преобладаніе надъ слабѣйшими соперниками; но внутренія сѣмена раздора не были уничтожены, память о независимости отдѣльныхъ областей, племенное и дружинное соперничество были еще живы и должны были принести горькіе плоды. Наконецъ, очевидное смѣшеніе общинности и дружиннаго строя не допускало правильнаго развитія общественныхъ силъ, а многочисленность населенія несвободнаго была постоянною причиною слабости и зародышемъ паденія. Великій основатель карловингской династіи не закрылъ еще глазъ, и уже быстрыя суда сѣверныхъ хищниковъ грозили берегамъ Средиземнаго моря, и побѣдоносный императоръ проливалъ слезы, предвидя бѣдствія своихъ потомковъ. Эгбертъ, основатель единства англо-саксонскаго, не сошелъ еще во гробъ, а уже царство его видѣло первые набѣги своихъ будущихъ завоевателей.

Земли скандинавскія.—Завоеванія Норманновъ въ Англіи.

Въ концѣ VIII-го вѣка появились на всѣхъ западныхъ моряхъ страшные паруса Скандинавіи. Развитіе ихъ грозной силы и смѣлой предпріимчивости не было медленнымъ дѣломъ времени и давняго обычая. Казалось, что огромное старое морское

ополченіе, окрѣпшее въ борьбѣ съ волнами океана, было чѣмъ-то задержано въ своихъ родныхъ пристаняхъ и съ первымъ попутнымъ вѣтромъ полетѣло почти единомременно ко всѣмъ берегамъ. Такое явленіе было бы безпримѣрно въ исторіи и противно всѣмъ ея законамъ, если бы оно не объяснялось, какъ уже сказано, двумя происшествіями, почти современными другъ другу, въ самой Скандинавіи и въ средней Европѣ. Великіе дѣятели исторіи, невольное орудіе ея логики, часто служатъ цѣлямъ, которыя или чужды ихъ соображеніямъ или даже противны ихъ намѣреніямъ. Карлъ Великій своими безпрестанными и широко объемлющими походами развивалъ сѣмена феодальности, противъ которой хотѣлъ бороться. Карлъ, принимая императорскій вѣнецъ отъ папы, котораго тоже хотѣлъ удержать въ строгой подчиненности, ставилъ папство выше имперіи. Карлъ, разрушая силу Саксонцевъ, до тѣхъ поръ владѣвшихъ сѣверными морями, и нанося войною и торговыми законами сильный ударъ вендо-славянской морской торговлѣ, очищалъ путь морякамъ болѣе воинственнымъ, но до тѣхъ поръ еще слабымъ, и избавлялъ ихъ отъ соперничества, которое до тѣхъ поръ ихъ обуздывало. Въ то же время въ самой Скандинавіи происходилъ великій переворотъ. Мы видѣли, что двѣ стихіи съ юго-востока проникли въ нее вѣроятно вѣка за два до Р. Хр.: стихія азо-сарматская и вендо-славянская (олицетворенныя въ божествахъ Азахъ и Ванахъ) и сдѣлались въ одно время властительницами и просвѣтительницами всего края. Превосходство ли численное или духовное, или какая-нибудь случайность доставила первенство Вендамъ надъ ихъ союзниками, сказать невозможно. Вѣрно то, что потомки Фрейра, Инглинги, были въ продолженіе многихъ вѣковъ главою всѣхъ сѣверныхъ областей.

Собственно царствовали они въ Швеціи, но Данія была имъ безспорно подвластна (это видно изъ всѣхъ сказаній), а родословная Гаральда Гарфагра показываетъ его происхожденіе также отъ Ингвы Фрейра, слѣд. отъ рода Инглинговъ. Выше было сказано, что выселеніе изъ Скандинавіи Готовъ (заключающихъ въ себѣ Лонго-

бардовъ и сѣверныхъ Бургундовъ), выселеніе несомнѣнное по ихъ собственнымъ сказаніямъ, по преданіямъ прибалтійскихъ Пруссовъ, Леттовъ и даже Литвы, такъ же какъ и по языку, и позднѣйшее выселеніе Саксовъ были по всей вѣроятности слѣдствіемъ напора иноземныхъ стихій. Первенство же Вендовъ объясняется тѣмъ, что Азо-Сарматы были оторваны отъ родного корня и братскаго вспоможенія, между тѣмъ какъ вендо-славянское начало, оставаясь въ безпрестанныхъ дружескихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ приволховскими братьями (Новгородомъ или Неотуномъ) долго могли почерпать новыя силы изъ страны одноплеменной. Отъ того самого мы и видимъ, что Венды и Гунны (Славяне прибалтійскіе и русскіе) являются сильными дѣятелями въ междоусобіяхъ Скандинавіи (*). Впрочемъ, можно, кажется, предполагать изъ сличенія памятниковъ, что южная часть ея, т.-е. Данія и принадлежащія ей области, болѣе подчинялась или мѣстному началу *Водену* или сарматскому Тору, признавая только первенство Инглинговъ.

Но власть Инглинговъ была основана не твердо. Противъ нея нерѣдко возставали мелкіе подвластные имъ корольки и часто даже удальцы, прославившіеся своими подвигами. Наконецъ, она пала передъ смѣлымъ и свирѣпымъ Гаральдомъ Гильдетандомъ, который прекратилъ ихъ династію и похитилъ ихъ власть. Впрочемъ, это похищеніе не переносило власти и первенства въ другую стихію. Тѣ же самыя силы, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ служили Инглингамъ, поддерживали потомъ державу ихъ губителя. Можно даже предполагать, что Гаральдъ стремился дать восточному началу полнѣйшее преобладаніе или на немъ основать неограниченную власть своего дома и черезъ то самое вызвалъ сильное сопротивленіе другихъ мѣстныхъ стихій. Эти стихіи нашли себѣ предводителя въ Сигурдѣ Рингѣ, отцѣ славнаго Рагнара Лодброка. Между врагами закипѣлъ великій бравальскій бой, прославленный и воспѣтый всѣми скальдами Сѣвера. Борьба была очевидно не между лицами, не между династіями, принадлежащими къ одному и тому же началу. Такая борьба не настроила бы лиры всѣхъ поэтовъ, для нея не сошли бы боги

на землю; не возстали бы или не продлили бы вѣка своего далѣе предѣловъ жизни человѣческой древніе герои Сѣвера. Для разумной критики не можетъ даже быть сомнѣнія. Поля бравальскія видѣли конецъ цѣлой системы народной, цѣлой вѣковой жизни и торжество или освобожденіе другой, до тѣхъ поръ порабощенной или угнетенной. Войска побѣжденнаго Гаральда состояли по большей части изъ Вендовъ и Гунновъ, по сказанію сагъ и лѣтописцевъ (т.-е. изъ дружинъ славянскихъ); но они были безъ сомнѣнія только союзниками, а не основою силы гаральдовой. Послѣ его пораженія его побѣжденные сподвижники оставили родину, въ которой владычествовали много вѣковъ и искали убѣжища на балтійскомъ поморьѣ. Лишенные земли, они искали владѣнія на моряхъ и сдѣлались смѣлыми хищниками. Силы, Саксовъ съ одной стороны, уже были истощены переселеніями въ Англію и обратились тамъ на земледѣліе, на войну противъ Кельтовъ и на междоусобія, съ другой были сокрушены меченосцемъ западнаго христіанства, Карломъ. Пустыня морская оставалась безъ хозяевъ. Ею овладѣли скандинавскіе бѣглецы. Примѣру побѣжденныхъ послѣдовали побѣдители, еще горящіе пыломъ недавней борьбы, и въ началѣ IX вѣка уже корабли ихъ, переплывъ волны океана, огибали южную оконечность Испаніи и громили берега Италіи и Франціи. Такимъ-то образомъ объясняется мгновенное развитіе морскихъ разбоевъ скандинавскихъ. Близкіе берега Англіи, разумѣется, были въ числѣ первыхъ странъ, посѣщенныхъ страшными гостями. На нихъ погибъ Рагнаръ, сынъ Сигурда, побѣдителя при Браваллѣ, идеалъ морскаго витязя, гроза всей Западной Европы, вдохновенный пѣвецъ, ненасытный грабитель, кровожадный и неумолимый воинъ. Онъ погибъ, какъ извѣстно, смертью жестокою, но вполнѣ заслуженною (если только позволено казнить лицо за обычаи его народа). Мщеніе за Лодброка было началомъ многолѣтнихъ бѣдствій для земли Англо-Саксовъ.

Что пѣснь, извѣстная подъ именемъ Лодброка, была сложена не имъ, едва ли кто можетъ сомнѣваться; но сходство самой его смерти

съ смертью Гунтера въ Нибелунгахъ наводитъ сомнѣніе на самое происшествіе, развѣ предположить, что Элла, знакомый съ древнею эпопеей, позабавился жестокимъ подражаніемъ. Замѣчательно, что въ поэмѣ Гунтеръ, изъязвленный змѣями, умираетъ также съ пѣснью на устахъ.

Дѣти Лодброка подняли на Эллу и его область всю силу разбойничьихъ вольницъ Сѣвера; хитрость соединили они съ отвагою, усыпили подозрѣнія, избрали удобное время и вполнѣ отмстили за отца.

При этомъ случаѣ обнаруживается все лукавство Норманновъ, черта отличительная почти всей ихъ позднѣйшей исторіи, порокъ, въ которомъ они далеко превосходили Византійцевъ, слишкомъ часто обвиняемыхъ въ немъ, но который не разъ доставлялъ имъ нежданные успѣхи. Этотъ глубокій развратъ души, явный во всѣхъ ихъ дѣлахъ, доказываетъ, что ремесло морскаго разбоя дѣйствовало на нравственный бытъ Норманна такъ же гибельно, какъ римское наемничество и жизнь въ римскихъ областяхъ дѣйствовали на Франка. Франкъ и Норманнъ, великія явленія въ исторіи, равно замѣчательныя по энергіи воли и отвратительныя по духовному искаженію. Худшая сторона ихъ души дѣйствовала, можетъ быть, такъ же долго, какъ и лучшая.

Гибель Эллы и страшное опустошеніе его царства, успѣхъ, добытый легко и обѣщавшій также легкіе успѣхи впереди, внушили дѣтямъ Рагнара мысль о завоеваніи всей страны, и эту мысль они едва не осуществили. Борьба ихъ съ двумя предшественниками Альфреда и съ нимъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо она объясняетъ позднѣйшіе успѣхи Кнута и непонятное завоеваніе Вильгельма.

Исторія вообще довольно пристрастна къ военнымъ успѣхамъ; исторія, обработанная потомками Германцевъ, особенно пристрастна къ подвигамъ ихъ предковъ, а Норманны, кажется, пользовались едва ли не двойною мѣрою пристрастія въ сравненіи съ другими народами. Смѣшно бы было отка-

зывать въ блестящемъ мужествѣ этимъ предпріимчивымъ наѣздникамъ моря, которые въ буряхъ океана, страшнаго даже и теперешнему мореходству, не вооруженные силою паровъ видѣли только удалую борьбу, которые на своихъ мелкихъ корабляхъ безъ компаса стремились вдаль отъ береговъ отыскивать сквозь туманы Сѣвера и пловучія громады льдовъ новыхъ и неизвѣстныхъ земель, которые наконецъ открыли Америку прежде Колумба безъ помощи науки, устраняющей препятствія, и безъ того вдохновенія религіознаго, которое пренебрегаетъ ими. Но должно также вспомнить, что такая смѣлость мореплавателей не чужда была и другимъ народамъ, передъ мужествомъ которыхъ не сгибаются колѣна ни у одного историка: Финикійцамъ, предупредившимъ Гаму и посѣщавшимъ постоянно западную оконечность Европы, отдаленную отъ нихъ бурями Атлантики; Малайцамъ, населившимъ или завоевавшимъ острова, разсѣянные на безконечномъ лонѣ Тихаго океана, племени Тонга еще прежде Малайцевъ и, наконецъ, даже Кельтамъ Эрина, вѣроятно наслѣдовавшимъ нѣкоторыя преданія Финикійцевъ и предварившимъ Норманновъ (по свидѣтельству самихъ Норманновъ) въ открытіи Америки. Всѣ эти явленія, которыя вѣроятно были еще обыкновеннѣе въ младенчествѣ рода человѣческаго, еще не посвятившаго своихъ силъ взаимному уничтоженію, принадлежатъ только къ тѣмъ признакамъ невѣроятной энергіи, происходящей отъ односторонности направленія, о которыхъ говорено при анализѣ первой исторической и доисторической эпохи.

Таково зодчество египтянъ, государственность Китая и храненіе слова и быта у Славянъ.

Не мужество Норманновъ дало имъ побѣду надъ Англо-Саксами. Войско Гаральда было въ трое малочисленнѣе дружины вильгельмовой, отстаивало побѣду почти цѣлый день и едва не вырвало ея изъ рукъ завоевателя. Точно такъ же мы видимъ въ самомъ началѣ борьбы Саксонцевъ противъ первыхъ преемниковъ Лодброка, что горсть Саксонцевъ (или Ан-

гличанъ) въ чистомъ полѣ нерѣдко побѣждаетъ сильное войско пришельцевъ или по крайней мѣрѣ уступаетъ со славою только огромному превосходству силъ. Честь военной доблести принадлежитъ по всѣмъ вѣроятностямъ Англо-Саксамъ, и по крайней мѣрѣ самая осторожная критика можетъ допустить только равенство. Правда, что бóльшая опытность и бóльшій навыкъ къ хитростямъ воинскимъ доставляли часто побѣду Норманнамъ, иногда уже почти побѣжденнымъ; но такое ничтожное превосходство ничего не значило въ сравненіи съ выгодами, представляемыми туземцамъ войною на родинѣ, гдѣ всякая потеря могла вознаградиться немедленно новымъ приливомъ силъ и гдѣ численное превосходство должно было всегда быть на ихъ сторонѣ. Успѣхи Норманновъ въ Англіи очевидно зависѣли отъ внутренней слабости саксонскаго королевства. Ударъ ихъ былъ направленъ на сѣверныя области, заселенныя Англами, и тутъ были первыя ихъ завоеванія, которыхъ они уже никогда не утрачивали. Альфредъ, побѣдитель Гудруна, не старался, очевидно не могъ ихъ изгнать потому, что не было народной стихіи враждебной Норманнамъ, на помощь которой онъ могъ бы надѣяться. Альфредъ въ продолженіе многолѣтней борьбы съ Гастингсомъ не только никогда не находилъ союзниковъ, но постоянно находилъ враговъ въ сѣверо-восточныхъ Англахъ. Такое явленіе не объясняется вполнѣ отсутствіемъ государственнаго чувства: оно свидѣтельствуетъ о равнодушіи племенномъ или даже о племенной враждѣ. Города не были и не могли быть за грабителей. Сочувствіе встрѣчали они очевидно въ сельскомъ населеніи.

Быть можетъ, они пріобрѣтали это сочувствіе освобожденіемъ рабовъ, что можно предположить по тому обстоятельству, что скандинавская часть Англіи во время Вильгельма представляла сравнительно съ саксонскою гораздо большее число свободныхъ сельскихъ обывателей; но мы не можемъ этого утверждать и не имѣемъ доказательствъ, чтобы тѣ же отношенія не существовали еще при преемникахъ *Иды*.

Слова сѣверныхъ лѣтописцевъ, на которыя критика не обращала никакого вниманія, даютъ, кажется, полнѣйшее объясненіе. Они говорятъ о завоеваніи пятой части Британіи ихъ соотечественниками въ то время, когда еще ни одинъ скандинавскій корабль не бороздилъ германскаго моря и когда еще только созидалось семицарствіе въ Англіи. Отношенія Англовъ и ихъ вождя Иды къ Инглингамъ скандинавскимъ поясняетъ это недоразумѣніе. Англы принадлежали къ тому народному союзу или, лучше сказать, къ той народной системѣ, которая обнимала весь сѣверъ Европы, связанная единствомъ торговыхъ выгодъ и отчасти единствомъ племенныиъ, опирающимся на могучую массу при волховскихъ старожиловъ Славянъ и балтійскихъ Вендовъ, крайними своими колоніями, Варнами и Англами, захватывающая устья Рейна и часть фразонскаго берега и преобладающая въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Преданія о Славянахъ и славянскомъ лѣсѣ долго жили въ Голландіи, особенно подлѣ Утрехта (Вильценбурга).

Тѣмъ же самымъ объясняется и легкое завоеваніе сѣверной Англіи Норманнами и легкость, съ которою завоеванные сживаются съ своими завоевателями. Инглингъ (Англъ или Угличъ) Ида увлекъ въ своей дружинѣ, кромѣ своего собственнаго племени, часть тѣхъ племенъ, которыя тогда составляли съ нимъ одну систему народную, и эта дружина вступила въ союзъ съ Саксонцами только случайно и безъ всякаго внутренняго сочувствія.

Впрочемъ, не было между ними и вражды. Не говоря о признакахъ славянской примѣси въ Саксахъ, можно видѣть изъ ихъ сожительства съ Англами и Варнами существованіе дружескихъ отношеній между этими разноплеменными сосѣдями.

Но первоначальное равнодушіе и даже дружелюбіе не могло существовать въ продолженіе долгаго времени. Оно должно

было перейти или въ тѣсный и полный союзъ, или въ раздоръ. Междоусобія и борьба мелкихъ королевствъ, кончившаяся торжествомъ Вестъ-Саксовъ, дали ему это послѣднее направленіе. Дѣти Лодброка нашли уже сѣверо-восточную Англію враждебную южной, властвующей.

Это видно не только изъ ничтожности отпора на сѣверѣ и изъ позднѣйшихъ отношеній восточныхъ Англовъ къ Альфреду, но и изъ того, что хотя вестъ-сакскіе короли, лучше понимавшіе опасность, помогали Мерціи; Мерція же никогда не хотѣла имъ оказать ни малѣйшей помощи.

Съ другой стороны, хотя вожди новыхъ завоевательныхъ дружинъ и были въ своей родинѣ врагами англьской стихіи Инглинговъ и изгнали ее изъ Скандинавіи, эта новая междоусобица была неизвѣстна давнишнимъ выходцамъ, и у нихъ хранилась только память объ единоземствѣ и вѣковой дружбѣ, вѣроятно многіе одинакіе обычаи въ бытѣ частномъ и общемъ. Сверхъ того, какъ уже сказано, движеніе Иды и его дружинъ увлекло многія изъ тѣхъ началъ народныхъ, которыя при Сигурдѣ-Рингѣ одержали верхъ надъ династіей Инглинговъ. Очевидно все помогало завоевателю, все грозило паденіемъ вестъ-сакскому престолу.

Очевидно, критика, не обративъ вниманія на явную разноплеменность дружинъ саксонскихъ и на темныя, но весьма важныя показанія сагъ и лѣтописей скандинавскихъ, утратила возможность понять все движеніе исторіи англійской до самаго Вильгельма.

Альфредъ Великій.

За всѣмъ тѣмъ вестъ-сакское королевство устояло не только по случайности, возведшей на престолъ великую душу Альфреда, но и потому, что дѣйствительно чисто-саксонская стихія была преобладающая и значительно сильнѣйшая во всемъ союзѣ. Временныя побѣды Норманновъ послужили даже отчасти къ временному скрѣпленію державы, уничтоживъ всѣ мелкія и полунезависимыя королевства сѣверной и средней

Англіи; но разумѣется, онѣ не только не могли искоренить внутреннихъ началъ раздора и будущаго паденія, но еще усилили ихъ число и будущій кругъ ихъ дѣйствія, вслѣдствіе котораго впослѣдствіи новое племя, новая династія, новое жизненное начало должны были со временемъ овладѣть судьбою Англіи и стать на первомъ или самомъ видномъ мѣстѣ въ ея внутреннемъ организмѣ съ тѣмъ, чтобы не прежде многихъ вѣковъ уступить снова несокрушимой силѣ стихіи саксонской. Мужественъ былъ отпоръ королей саксонскихъ, не недостойныхъ преемниковъ Эгберта, успѣхъ долго сомнителенъ. Наконецъ, молодой Альфредъ утратилъ, повидимому, всю надежду на побѣды, всѣ силы для сопротивленія; онъ, съ раннихъ лѣтъ закаленный въ военной тревогѣ и прославившійся запальчивою отвагою, бѣжалъ теперь отъ борьбы, отъ враговъ своихъ и даже отъ подданныхъ, скрываясь въ глуши лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, безъ крова и часто почти безъ пищи. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, и грабители хозяйничали въ землѣ Вестъ-Саксовъ, губя и разоряя, нигдѣ не основывая себѣ осѣдлости, но почти нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, хотя еще случались частныя стычки, въ одной изъ которыхъ палъ послѣдній изъ дѣтей Рагнара.

Замѣчательна разница въ дѣйствіяхъ Скандинавовъ на сѣверѣ и югѣ Англіи. Очевидно, они не находятъ въ южныхъ областяхъ тѣхъ союзныхъ стихій, которыя дали имъ на сѣверѣ возможность овладѣть вполнѣ землею и сдѣлать ее своею.

Альфредъ въ своемъ тяжкомъ скитаніи безспорно получилъ уроки, которые подѣйствовали на всю его жизнь. Онъ бѣжалъ не отъ недостатка въ мужествѣ, не отъ вещественной невозможности противиться врагу, но вслѣдствіе отношеній своихъ къ подданнымъ. Рано почерпнулъ онъ изъ источниковъ просвѣщенія не-домашняго, въ первомъ уже дѣтствѣ нѣсколько разъ жилъ и путешествовалъ въ областяхъ прежняго римскаго міра и въ самомъ Римѣ, котораго величественныя развалины неизгладимо врѣзались въ его дѣтскую память и бла-

городное сердце. Строгій и послѣдовательный въ требованіяхъ правды, страстный ко всякому умственному свѣту и привязавшійся всей силою своего молодого ума къ дознанному имъ превосходству другого, уже отжившаго просвѣщенія, онъ, какъ кажется, до нѣкоторой степени презиралъ жизнь и бытъ своего родного племени или по крайней мѣрѣ чуждался ихъ. Неумолимо держался онъ своихъ самосозданныхъ законовъ въ правдѣ гражданской, казня безъ милосердія ихъ нарушителей и вводя насиліемъ своей власти и могущей личности новыя правила и формы, которыя не истекали естественно изъ жизни саксонскаго народа и, можетъ быть, отчасти противорѣчили ей. Его молодая горячность дала началу его царствованія направленіе благодѣющаго деспотизма или благонамѣреннаго тиранства. Безнравственности такого направленія не сознавалъ онъ; онъ узналъ ее изъ народной холодности и народнаго безучастія въ годину борьбы и опасности. Въ вестъсакскомъ королевствѣ были силы болѣе чѣмъ достаточныя для отпора Норманнамъ; но эти силы не хотѣли служить самовластному произволу Альфреда, и онъ бѣжалъ.

Таковъ выводъ изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, хотя ни одно изъ нихъ не высказываетъ опредѣленной причины бѣгству короля. Неудовольствіе было; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго обвиненія въ порокахъ, объясняющихъ это неудовольствіе. Есть упреки въ излишней и торопливой строгости, но ни одного въ неправдѣ. Великая душа Альфреда была виновна только въ одномъ — въ неумѣренной и нетерпѣливой любви къ добру; но и то немалая вина, когда власть, гордая сознаніемъ своей высокой нравственности, осмѣливается казнить подчиненное ей общество насиліемъ добрыхъ началъ, которыхъ она еще не уразумѣла. Въ этомъ насиліи выражается преступное самосознаніе власти, которая въ себѣ не признаетъ возможности ни личныхъ страстей, ни личныхъ ошибокъ, ни личнаго неразумія.

Въ бѣдствіи своемъ пріобрѣлъ Альфредъ то, что утратилъ въ величіи, любовь и довѣренность народа, и умѣлъ ихъ

вполнѣ оправдать всею послѣдующею своею жизнью. Спеціальнымъ исторіямъ предоставлено разсказывать объ его побѣдахъ надъ Норманнами, уже поселившимися въ Англіи, и разумномъ пользованіи этими побѣдами, объ его многолѣтней борьбѣ съ Норманномъ-пришельцемъ, славою царей морскихъ, Гастингсомъ, котораго историческая судьба какъ будто создала, чтобы испытать всю нравственную силу и военную доблесть саксонскаго короля, и который, побѣжденный, отступилъ отъ береговъ, охраненныхъ великою душою Альфреда, но завѣщалъ свое имя мѣстности гибельной для Саксонцевъ. Общей исторіи нѣтъ дѣла до этихъ подробностей.

Упорство Гастингса въ его покушеніяхъ на Англію и всѣ разсказы объ его подвигахъ ведутъ къ заключенію, что морской витязь былъ движимъ не столько корыстью и желаніемъ завоеваній, сколько поэтическимъ славолюбіемъ, которое не было чуждо Норманнамъ. Это славолюбіе въ немъ не было чувствомъ личнымъ, но чувствомъ племеннымъ. Скандинавъ ратовалъ за честь своего народа, побѣжденнаго Саксами и уступившаго поле брани ихъ непобѣдимому королю. Дань—и онъ уступилъ бы; признаніе въ страхѣ и уничиженіе—и онъ счелъ бы свой подвигъ совершоннымъ; но онъ не могъ и не хотѣлъ терпѣть гордаго сознанія силъ въ народѣ, съ которымъ его единоплеменники вступили въ соперничество, и въ вождѣ этого народа. Въ этомъ объясненіи могучаго характера Гастингсова есть художественная истина, которая при вѣрной оцѣнкѣ данныхъ всегда совпадаетъ съ истиною человѣческою и историческою.

Дѣла и царствованіе одного какого-нибудь государя не имѣютъ общаго, всемірнаго значенія, какъ бы ни былъ широкъ кругъ его дѣйствія. Все значатъ народы и мысли, ими управляющія или воплощаемыя въ нихъ; но безконечно важны тѣ державныя лица, которыя представляютъ въ себѣ высшее развитіе духа и воли своего народа въ полнотѣ или хоть въ одномъ направленіи, какъ сынъ Германіи, Карлъ Великій, или Лудвигъ XIV во Франціи, или Петръ въ Россіи. Къ та-

кимъ лицамъ принадлежитъ Альфредъ. Кругъ его дѣйствія былъ сравнительно ничтоженъ и, повидимому, не отозвался внѣ Англіи; но въ немъ повторяются съ большею полнотою лучшіе изъ его царственныхъ предшественниковъ (каковы: Ины, Цеадваллы, Оффы, Эгберты и др. и въ немъ проявляются тѣ разумныя и прекрасныя силы мысли и духа, которыя впослѣдствіи дали его племени, хотя и побѣжденному временно, первое мѣсто въ исторіи новыхъ народовъ и даютъ ему въ наше время первенствующій голосъ въ дѣлахъ и судьбѣ всего міра. Многіе великіе дѣятели внушаютъ невольное удивленіе. Альфредъ внушаетъ благоговѣніе и глубокое сочувствіе, и въ то же время добросовѣстная критика признаетъ его личныя достоинства не личною только доблестью, но и достояніемъ всего народа.

Это доказывается всею позднѣйшею исторіей Англіи, такъ же какъ и сличеніемъ Альфреда со многими изъ королей седмицарствія и съ ближайшими его преемниками.

Ни одно изъ благородныхъ стремленій души человѣческой не осталось чуждымъ его великой душѣ. Собиратель памятниковъ древне-саксонскаго слова, самъ литераторъ и поэтъ, поклонникъ древняго міра, котораго превосходство онъ понималъ, поклонникъ науки, которой главный центръ въ Англіи, Оксфордъ, гордится преданіемъ, хотя и сомнительнымъ, связывающимъ его основаніе съ именемъ Альфреда, мыслью и сочувствіемъ обнималъ онъ почти весь тогда извѣстный міръ. Имъ отправленные путешественники проникали одинъ въ отдаленные и темные концы Бальтики, другой—въ едва доступную Индію, открывая то необъятное поприще, на которомъ прославились дальніе потомки тогдашнихъ Англо-Саксовъ. Имъ созданный флотъ боролся уже съ успѣхомъ противъ наѣздниковъ моря, Норманновъ, и, доказывая прежнюю важность мореплаванія у Саксовъ и значеніе его какъ силы, обуздывавшей сѣверныхъ грабителей, предсказывалъ будущее величіе того флота, который въ наше время властвуетъ на всѣхъ мо-

рахъ и имѣетъ такое огромное вліяніе на судьбу всего міра. Имъ утвержденные или приведенные въ болѣе правильное устройство суды присяжныхъ служатъ самою твердою опорою, самымъ незыблемымъ основаніемъ великой западной державы, примѣромъ и училищемъ правды для всѣхъ народовъ; имъ скрѣпленныя общины служили долго спокойствію и безопасности королевства и положили, вѣроятно, начало сельскому быту, гордости и благословенію Англіи.

Очевидно общины существовали въ ней издавна, но падающій бытъ общинный былъ снова укрѣпленъ Альфредомъ. Большая часть западныхъ историковъ говорятъ о взаимной отвѣтственности членовъ общины, какъ о мѣрѣ полезной въ отношеніи къ государственной крѣпости, но весьма стѣснительной для личностей. Таковъ взглядъ міра, отвыкшаго отъ общины и не понимающаго уже ея живой и органической цѣльности. Форма раздѣленія на численные порядки, сотни и тысячи, указываетъ отчасти на смѣшеніе устройства дружиннаго и общиннаго; но названіе тысяцкихъ въ земляхъ чисто-общинныхъ отстраняетъ это сомнѣніе. Впрочемъ очевидно, что въ Англіи оба начала были перемѣшаны и слиты въ какое-то нестройное цѣлое.

Рѣдкая чистота нравовъ, правдолюбіе, обратившееся въ прозвище (потомство называло его *правдословъ*), ясность и нѣжность души и разумная богобоязненность, исполненная любви и благоговѣнія, соединялись въ Альфредѣ съ его высокими умственными качествами; но самая эта нравственная высота принадлежала не ему одному. Христіанство было для земли Англо-Саксовъ источникомъ живымъ и чистымъ, въ ней овладѣло оно всею полнотою народнаго духа, въ ней глубоко бросило оно плодотворныя сѣмена, которыя дали и даютъ до нашего времени неистощимые плоды. Остальной міръ, видя еще въ Англіи борьбу партій и вопросовъ религіозныхъ, не можетъ понять ни важности, ни искренности ихъ и легкомысленно готовъ признать ихъ за маску другихъ, чисто вещественныхъ интересовъ. Слѣпота понятная, но обличительная не только для обществъ современныхъ намъ, но и для всего

ихъ прошедшаго. Вообще должно сказать, что личность Альфреда представляетъ одно изъ утѣшительнѣйшихъ явленій во всемірной исторіи какъ по собственному его характеру, такъ и по явной зависимости этого характера отъ народной стихіи, которой онъ былъ представителемъ.

Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прекрасная, но исключительная личность Лудвига Благочестиваго, явленія прекраснаго безъ сомнѣнія, но рѣзко отдѣляющагося ото всей исторіи Франціи и представляющаго исключительное вліяніе ученія христіанскаго на человѣка, одареннаго высокими нравственными стремленіями, почти независимо отъ среды, его окружавшей. Дѣйствительно, эта среда благоговѣла передъ нимъ, но не понимала его, не сочувствовала и не приняла отъ него никакого направленія. Къ тому же должно прибавить, что самое христіанство въ Лудвигѣ, такъ же какъ и его нравственная и внѣшняя жизнь, носитъ на себѣ печать односторонности и служенія ложному началу, разумѣется, вслѣдствіе лжи и односторонности всей эпохи его; между тѣмъ какъ едва ли какой-нибудь справедливый упрекъ можетъ пасть на память и дѣла великаго Англо-Сакса. Ему не суждено было дѣйствовать на обширномъ поприщѣ, двигать огромными массами народовъ, проявить свою энергію и разумъ въ тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, которые предоставлены были Германцу Карлу; но чистота и возвышенность нравственная, кротость и отсутствіе личныхъ страстей ставятъ его выше этого великана средне-вѣковой Европы и обличаютъ въ мірѣ, изъ котораго онъ возникъ и которымъ правилъ, зачатки духовной силы, которой развитіе продолжается до нашихъ дней.

Преемники Альфреда. Умственное развитіе Англіи.

Достойные преемники заняли престолъ освободителя Англосаксовъ—Эдвардъ и Ательстанъ, къ несчастію обезчещенный страшнымъ дѣломъ братоубійства, но семилѣтнимъ, глубокимъ раскаяніемъ омывшій преступленіе, въ которое его ввергли и собственная подозрительность, и ядъ придворной клеветы. Выше и выше возрастала держава островного королевства, блиста-

тельныя побѣды Эдварда, въ военномъ дѣлѣ сравнявшагося съ отцомъ, торжество Ательстана надъ Анлафомъ, достойнымъ преемникомъ прежнихъ норманскихъ завоевателей и главою могучаго союза, въ которомъ Кельты валлійскіе и шотландскіе стали заодно съ грозными Скандинавами, дали Англіи силу и временную цѣльность. Другія царства Европы обращали глаза къ этой неизвѣстной странѣ, мало-по-малу выходящей изъ своего вѣкового мрака. Но не одна слава побѣдоноснаго меча и непобѣдимаго мужества вѣнчала преемниковъ и землю Альфреда: ей принадлежала еще высшая слава—просвѣщенія. Кельтское духовенство первое принялось за обращеніе германскихъ народовъ подъ покровительствомъ меровъ австразійскихъ; дѣло ихъ повершено было англо-саксонскими проповѣдниками подъ покровительствомъ папскаго престола. Съ одной стороны кельтскій Эринъ назывался Островомъ Святыхъ, съ другой—семицарствіе саксонское прославлялось множествомъ боголюбивыхъ мужей и отшельниковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали королевскимъ домамъ и носили королевскій вѣнецъ. Такова была слава британскихъ острововъ въ области вѣры. Еще прежде, чѣмъ окрѣпла вестъсакская династія и взяла при Эгбертѣ рѣшительный перевѣсъ надъ своими соперниками, римское право преподавалось въ городахъ (разумѣется, не безъ римской науки). Беда не только славился самъ своимъ латинскимъ краснорѣчіемъ и своею ученостью, но и окруженъ былъ учениками, которымъ передавалъ свои познанія, и основывалъ школу, имѣвшую сильное вліяніе на Францію черезъ Алькуина, человѣка души слабой, но высокаго просвѣщенія. Еще выше поднялось просвѣщеніе при Альфредѣ и послѣ него. Собираніемъ старыхъ пѣсенъ и сказаній своего народа, а еще болѣе собственными трудами на родномъ языкѣ онъ возвышалъ значеніе его и полагалъ начало цѣлой словесности, которой не суждено было развиться, но которая не оставалась безъ вліянія на умственную жизнь Англіи и соединялась съ живымъ движеніемъ народной поэзіи.

Существованіе такой народной поэзіи не подлежитъ сомнѣнію. Такъ напримѣръ при Эдгарѣ ходили сатирическія пѣсни объ его развратной жизни.

Всѣмъ этимъ зачаткамъ, повидимому, пришлось погибнуть впослѣдствіи при нашествіи новой, инокровной стихіи, захватившей надолго всю правительственную власть; но сѣмена, брошенныя любовью вестъ-сакской династіи къ слову и просвѣщенію, не погибли. Богатство народныхъ пѣсенъ и поэтическія достоинства Чосера, опередившаго всѣ сколько-нибудь замѣчательныя явленія новѣйшей словесности, доказываютъ ихъ животворную силу. Наконецъ, около того же времени Англія въ лицѣ Эригены положила начало той философіи многотомной, мертвящей, но въ то же время крайне напряженной въ своей діалектической напряженности, которую привыкли называть схоластикою и которой Англія же въ лицѣ великаго Бэкона [1])...

Родомъ Кельтъ, воспитанникъ земли Англо-Саксовъ, прославившійся во Франціи, Эригена представляетъ лицо весьма замѣчательное для своего времени по обширности задачи, которую онъ хотѣлъ разрѣшить, по новости и смѣлости своего предпріятія и по знакомству съ наукою эллинской и восточно-церковною, котораго ни прежде его, ни въ эпоху, близко слѣдовавшую за нимъ, не встрѣчаемъ ни въ комъ. Обнять цѣлый міръ въ одну стройно-логическую систему, разрѣшить столько же нравственную, сколько и мысленную загадку его,— такова была задача Эригены. Обвиненіе въ пантеизмѣ, которое часто на него взводили, имѣетъ безспорно много вѣроятности, и всѣ оправданія писателей, взявшихся защитить его память, весьма неудовлетворительны; но самое обвиненіе содержитъ болѣе похвалу, чѣмъ осужденіе мыслителя. Исклю-

---

[1]) Авторъ не досказалъ начатой имъ мысли. Подобная недомолвка объясняется тѣмъ, что рукопись не была имъ самимъ пересмотрѣна. Ясно впрочемъ, что авторъ хотѣлъ сказать, что какъ схоластическая философія, такъ и новѣйшая философія получили свое начало въ Англіи: первая въ лицѣ Эригены, вторая въ лицѣ Бэкона.

чительно логическое построеніе всего сущаго, извлеченіе, такъ сказать, не только его возможности, но даже и существованія изъ одной познавательной силы (разсудка) не можетъ имѣть и не имѣло никогда другого исхода. Это было доказано всѣми попытками позднѣйшей философіи и ея геніальныхъ представителей въ школѣ великаго Канта. Чѣмъ задача строже и шире, тѣмъ выводъ пантеистическій неизбѣжнѣе. Эригена самъ чувствуетъ свое направленіе и его законные выводы; но рожденный и воспитанный въ эпоху еще религіозную, страшась своей собственный свободы, онъ безъ лицемѣрія, но, разумѣется, и безъ послѣдовательности, даетъ своему ученію видимыя формы христіанства, совершенно чуждыя его характеру (*). Впрочемъ, нельзя не удивляться въ одно время и обширности его умственныхъ требованій, и тонкости діалектическихъ уловокъ, которыми онъ самъ себя обманывалъ. Лицо его, несмотря на темноту, иногда запутанность и сухость его мысли, стоитъ какъ образъ исполинскаго вождя передъ рядомъ схоластиковъ его послѣдователей, изъ которыхъ ни одинъ не достигаетъ его размѣровъ, хотя многіе (какъ Абелярдъ, Ансельмъ и др.) превосходятъ его отдѣльными качествами, въ отношеніи къ остроумію, строгости въ опредѣленіяхъ или поэзіи чувства и выраженія. Никто изъ нихъ уже не задавалъ себѣ столь всеобъемлющей задачи; никто не требовалъ отъ мысли отвѣта на столь глубокіе вопросы: всѣ довольствовались діалектическимъ, болѣе или менѣе строгимъ построеніемъ заданныхъ напередъ формулъ, взятыхъ изъ міра христіанскаго, т. е. не изъ міра чистаго анализа, а изъ міра преданія,—построеніемъ, въ которомъ предвзятая формула теряла свою чистоту и самостоятельность, а силлогизмъ терялъ свою независимость и строгость. Безспорно, Эригена подлежитъ обвиненію въ той же ошибкѣ: мысль у него далеко не независима, но она имѣетъ большія притязанія на свободу и, такъ сказать, предчувствуетъ высшій философскій или логическій міръ, впослѣдствіи заманившій и обманувшій умственныя силы Германіи. Таковъ онъ, не смотря на мистическую темноту и спутанность слова и мысли. Замѣчательный по своимъ умственнымъ

достоинствамъ Эригена замѣчателенъ и по преданіямъ объ его нравственной ничтожности. Въ немъ будто бы ожилъ софистъ древней дохристіанской эпохи, паразитъ и бездушникъ, непонимавшій взаимной отвѣственности между пониманіемъ и жизнью. Онъ составляетъ какой-то переходъ отъ древности къ новому міру и, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что нравы римской провинціи не вымирали въ Англіи во все время англо-сакскаго семицарствія и въ первую эпоху вестъ-сакскаго владычества.

Таково было умственное значеніе Англіи при ближайшихъ преемникахъ Альфреда; такова причина ихъ славы въ Европѣ. Возстановитель силы германской, мудрый родоначальникъ дома саксонскаго, Гейнрихъ Птицеловъ искалъ невѣсты для сына, будущаго освободителя Германіи отъ маджарскихъ набѣговъ и будущаго императора западнаго, Оттона, въ домѣ Ательстана. Сильнѣйшій изъ князьковъ Норвегіи и временный ея единодержавникъ посылалъ сына своего Гакона для воспитанія при его дворѣ, и этотъ сынъ возведенъ былъ на престолъ помощью Ательстана и на престолѣ вполнѣ оправдалъ предусмотрительность отца и попеченія воспитателя. Прекрасный собою, непобѣдимый въ единоборствѣ, всегда счастливый на войнѣ, слишкомъ рано погибшій, Гаконъ былъ образцомъ царской доблести, и много вѣковъ послѣ его смерти пѣвцы славили Гакона мужественнаго, а народы помнили Гакона добраго, и это лучшее изо всѣхъ прозваній осталось за нимъ въ исторіи. Единственный наслѣдникъ Карловинговъ во Франціи, Лудвигъ, былъ также воспитанъ при дворѣ Ательстана и его помощью возведенъ на престолъ, котораго онъ былъ не долговѣчный, но не недостойный владѣлецъ. Наконецъ въ Британіи, древней Арморикѣ, искони заселенной Кельтами гальскими и снова послѣ паденія римской имперіи колонизованной Кельтами британскими, отчасти бѣжавшими отъ Саксовъ, временная тишина и процвѣтаніе были возстановлены воспитанникомъ Ательстана, Аленомъ. Таково было значеніе мелкой области, незадолго едва не завоеванной горстью сѣверныхъ грабителей; таково общее уваженіе къ ея умственному пре-

восходству, ибо она очевидно не могла еще хвалиться большою силою вещественною. Но ей грозила близкая и неотвратимая бѣда, внутреннее распаденіе, ускоренное однимъ изъ тѣхъ потрясеній въ духовномъ мірѣ, которыхъ важность вообще не вполнѣ оцѣняется исторической критикой. Послѣ смерти Ательстана снова выказалась внутренняя слабость государства. Сѣверъ (Нортумбрія), уже покоренный англосаксонскими королями, управлялся постоянно князьками, кажется, скандинавской крови, наслѣдственными или имѣющими притязаніе на наслѣдственность, а отчасти и на независимость. Часто возмущались эти князьки и всегда звали на помощь своихъ единокровцевъ, грабителей моря. Такъ возмутился Анлафъ при Ательстанѣ и составилъ противъ него могущественный союзъ, противъ котораго едва устояли мужество и искусство короля. Анлафъ бѣжалъ; послѣ смерти побѣдителя онъ возвратился и велъ такъ счастливо войну противъ его преемника, Эдмунда, что заключилъ миръ на правахъ почти полнаго равенства, съ условіемъ о взаимномъ наслѣдованіи двухъ королей другъ послѣ друга, такъ что пережившій долженъ былъ получить престолъ умершаго прежде него. Анлафъ умеръ первый; но возможность такого договора доказываетъ шаткость саксонской династіи и отсутствіе опредѣленной народности въ государствѣ. Почти тоже самое повторилось при эдмундовомъ преемникѣ Эдредѣ; ибо хотя Эрикъ, его противникъ въ сѣверной Англіи, бывшій владѣтель Норвегіи, и является сначала просто намѣстникомъ англійскаго короля, но попытка на независимость есть очевидно только продолженіе прежнихъ историческихъ происшествій. Вообще въ этой борьбѣ Сѣвера съ Югомъ Сѣверъ всегда дѣйствуетъ, повидимому, силою иноземныхъ союзовъ; но вожди не могли бы стрѣмиться къ независимости безъ сочувствія народа или безъ его полнаго равнодушія къ царствующей династіи. Иноземный союзъ при явномъ превосходствѣ Юга служилъ только къ уравненію сильныхъ (sic) неравныхъ силъ. За Анлафа и Эрика вступается постоянно скандинавская стихія, и это можно бы легко объяснить изъ колонизаціи Сѣвера

при дѣтяхъ Лодброка; но самая возможность и легкость колонизаціи, постоянное отчужденіе всей сѣверо-восточной области отъ вестъ-сакскихъ королей и самыя дѣйствія этихъ королей, всегда правившихъ ею какъ землею получужою черезъ инокровныхъ и полновластныхъ намѣстниковъ, показываютъ, что подпочва народная (старожилы, покорившіеся Скандинавамъ и скоро слившіеся съ ними) не имѣла ничего общаго съ Саксами, какъ уже сказано объ Англахъ и Варнахъ.

Коротки были царствованія саксонскихъ кололей. Въ теченіе 14-ти лѣтъ послѣ смерти Ательстана промелькнули два царствованія, и при третьемъ его преемникѣ, слабомъ Эдвинѣ, явилась новая причина разрушенія, быть можетъ еще сильнѣйшая, чѣмъ раздвоеніе народнаго начала.

Островное положеніе Англіи и особенности ея исторической жизни дали ей духовное воспитаніе, во многомъ различное отъ остальной Европы. Англо-Саксы получили христіанство изъ Италіи; но они получили его въ то время, когда Римъ, подавленный лонгобардскою властью, и весь Западъ, недавно еще завоеванный Германцами, изъ которыхъ большая часть принадлежала аріанству, не выразили своего особеннаго характера въ сферѣ религіи. Конечно, уже и тогда особенное ихъ стремленіе къ перенесенію въ понятіе о вышнемъ мірѣ законовъ міра гражданскаго или юридическаго было замѣтно (разумѣется, не современникамъ), но оно еще было въ зародышѣ и едва вступило въ первую эпоху своего развитія. Враждебно встрѣтилось христіанство новыхъ проповѣдниковъ съ болѣе восточнымъ характеромъ христіанства кельтскаго; но эта вражда не была непримиримою. Первоначальный раздоръ повелъ за собою постепенное сближеніе: и Кельтъ, и Саксъ стали въ ряды одной и той же Церкви. Общіе были обряды, общія молитвы, общее ученіе, общее чувствованіе однихъ и тѣхъ же подвижниковъ духовныхъ. Правда, проповѣдники саксонскіе въ Германіи противодѣйствовали проповѣдникамъ кельтскимъ, преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ и называли ихъ учителями прелюбодѣянія (за ложное ли ученіе по языку богослововъ того времени, или за дозволеніе

брака духовнымъ), но такое исключительное явленіе доказываетъ только существованіе въ англійской церкви стихіи болѣе романизованной и враждебной свободѣ кельтскихъ общинъ. Между тѣмъ саксонскіе духовные безпрестанно уходили въ ирландскіе монастыри искать совершеннѣйшаго иночества, называли Эринъ островомъ святыхъ и получали изъ него учителей и богослововъ. Такимъ образомъ по всей землѣ Англо-Саксовъ происходило умственное движеніе совершенно противоположное тому, которое происходило во всей западной Европѣ. Стихія римская находила сильное и побѣдное противодѣйствіе въ свободѣ мысли народа не романизованнаго, и духовная и церковная независимость возрастала въ народѣ саксонскомъ въ то самое время, когда идея церкви государственной или государства церковнаго усиливалась и развивалась въ Италіи, Франціи и Германіи. Такое состояніе было невозможно. Оно должно было или прекратиться въ покорности, или пополниться въ совершенномъ разрывѣ; но время и мысль не созрѣли для разрыва. Созданіе прежнихъ вѣковъ, въ началѣ своемъ безсильное и невинное, сдѣлалось орудіемъ для вѣка новаго. Монашество бенедиктинское, первая и удачная попытка сильной монастырской организаціи, твореніе западнаго духа, совершенно различное отъ аскетическаго иночества восточнаго міра, оставалось почти незамѣченнымъ въ продолженіе двухъ столѣтій: пора его дѣйствія еще не приходила. Конецъ VIII столѣтія и начало IX призвали его къ новой дѣятельности. Епископство римское созрѣло. Свобода епархій и ихъ пастырей со дня на день слабѣла передъ престоломъ древней всемірной столицы. Въ тиши готовились псевдо-исидоровы декреталіи; въ Захаріи и ему подобныхъ владыкахъ пробивались уже Николаи и Гильдебранды. Монашество бенедиктинское было призвано на службу папству и двинулось могучею, почти непобѣдимою дружиною подъ его знаменемъ. Вся западная Европа охватилась почти мгновенно обитателями этой духовной дружины. Со дня на день возрастало число монастырей, ихъ богатство, нравственная и политическая ихъ сила. Новообращенная Германія и особенно

сѣверъ ея наполнились бенедиктискими колоніями, которыхъ власть, права и вліяніе, независимыя отъ мѣстнаго духовенства, служили вездѣ орудіемъ римскаго владычества. Внѣшнею ихъ силою приготовлялось поле для ученія; самое ученіе росло и крѣпло въ ихъ тихихъ нѣдрахъ неутомимыми трудами и одностореннею ученостью отшельниковъ отъ міра, его незамѣтными завоевателями.

Бенедиктинство перешло въ Англію. На новой почвѣ, въ обществѣ, не прожившемъ той жизни, которая созидала мало-по-малу юридическій міръ западно-церковнаго государства, бенедиктинцы, его представители, встрѣтили сильное сопротивленіе въ духовенствѣ, воспитанномъ свободою кельтской церкви, въ народѣ, не привыкшемъ къ вмѣшательству духовенства въ мірскія дѣла, и въ общемъ настроеніи мысли, чуждой римской формальности и римской централизаціи. Съ другой стороны, они нашли и ревностныхъ помощниковъ во всѣхъ тѣхъ духовныхъ стихіяхъ, которыя издавна получали свое воспитаніе изъ Рима, глубоко сочувствовали ему (какъ видно изъ союза проповѣдниковъ саксонскихъ въ Германіи съ папскою властью) и стремились болѣе или менѣе сознательно къ одной цѣли со всѣмъ западнымъ просвѣщеніемъ. Эти стихіи, всегда готовыя сомкнуться для совокупнаго дѣйствія въ форму церковныхъ дружинъ и подчинять свои стройныя и могущественныя движенія одному знамени и одному правленію, находили постоянное сочувствіе во всѣхъ склонностяхъ непросвѣщеннаго ума къ суевѣрію и къ вещественному пониманію вѣры или къ воплощенію ея въ видимые и осязаемые образы. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣли большое преимущество передъ началами свободы духовной, неспособными къ условной совокупности въ дѣйствіи и къ союзу съ грубо-вещественными требованіями темнаго суевѣрія. Эпоха мыслящаго отрицанія еще не наступала, и протестантство должно было получить свое раціоналистское воспитаніе отъ юридическаго раціонализма папской эпохи. Церковная свобода (т.-е. равенство епископовъ и эпархій въ отношеніи дисциплинарномъ и равенство всѣхъ вѣрующихъ въ отношеніи къ догмату) съ трудомъ

удержалась на Востокѣ, несмотря на то, что она стояла на твердой основѣ стародавняго просвѣщенія, освящена была всею гордою славою древней Эллады и всею новою славою учителей, выработавшихъ мыслью и многострадальною борьбою всю христіанскую догматику. Ей невозможно было устоять въ уединенномъ и темномъ углу западнаго міра, черпающемъ поневолѣ всю свою насущную умственнаю пищу изъ могучаго широкаго и блестящаго простора древней римской области и изъ ея жизни, постепенно и стройно развивающейся въ направленіи къ одной цѣли неизбѣжно положенной ей вслѣдствіе односторонности ея основъ, т.-е. юридическихъ началъ римскаго права и римской мысли, перенесенныхъ въ вѣру. Побѣда римскаго направленія была неизбѣжна и съ нею вмѣстѣ побѣда дружины бенедектинцевъ, знаменоносцевъ папскаго престола; но эта побѣда была ускорена слабостью короля Эдвина, который случайно былъ въ то время представителемъ мѣстныхъ началъ, и энергіею представителей начала завоевательнаго, Одона и Дунстана.

Дунстанъ былъ предметомъ многихъ ученыхъ и критическихъ трудовъ, предпринятыхъ съ цѣлью раскрыть тайну его загадочной души; онъ былъ предметомъ многихъ драматическихъ поэмъ, въ которыхъ современное намъ художество ставило себѣ ту же задачу въ другомъ, болѣе осязательномъ видѣ. Многія изъ этихъ попытокъ были небезудачны въ отношеніи поэтическомъ и многія болѣе или менѣе вѣрны въ отношеніи психологіи; всѣ недостаточны и невѣрны въ томъ, что Дунстанъ постоянно отрывается отъ своей эпохи. Лицо это принадлежитъ Англіи: около него изучаютъ и рисуютъ современную Англію. Забываютъ, что онъ знаменосецъ и вождь дружины не-англійской, мысли не-мѣстной и что изъ-за него и въ немъ должны видѣться и жить всѣ тѣ умственныя силы, которыя росли и крѣпли въ тогдашнемъ западномъ мірѣ. Его темный и страстный фанатизмъ могъ принадлежать ему и землѣ, воскормившей его; его жестокость могла быть плодомъ бурной жизни и жестокихъ нравовъ тогдашней Англіи (хотя она въ этомъ отношеніи еще уступала и Германіи, и Франціи), но его лукавство и

безсовѣстность, его наглая ложь и безпрестанные обманы принадлежали той религіозной школѣ, которая кончила его воспитаніе и которой онъ служилъ всею силою своего духа и своей воли. Эта школа была та самая, которая создала декрегаліи Исидора и небывалыя дарственныя императоровъ и королей, и понимать Дунстана, забывая Захарій, Николаевъ и Іоанновъ VIII-го и IX-го вѣковъ, особенно же современнаго ему бездушника, духовнаго правителя Запада [1]), значитъ толковать о какомъ-нибудь Гаюкѣ или Мангу, не сказавъ ни слова о Чингисѣ и всѣхъ Монголахъ. Ошибка критиковъ и поэтовъ состояла въ томъ, что никто еще не понялъ завоеванія Англіи бенедиктинскою дружиною. Нельзя не замѣтить, что русскіе лѣтописцы говорятъ объ отторженіи Англіи отъ Востока въ X-мъ вѣкѣ [2]). Случайное ли это сказаніе или темное сознаніе современниковъ о значеніи Дунстана и его дѣла? Послѣднее вѣроятнѣе, хотя должно казаться менѣе вѣроятнымъ людямъ, не вполнѣ понимающимъ ясновидѣніе мысли или инстинктовъ, живущихъ въ массахъ общественныхъ или народныхъ.

Одонъ, старый воинъ норманской крови, дикій, какъ тогдашняя война, вступившій въ ряды дружины духовной, послѣ молодости, проведенной въ дружинахъ ратныхъ, посреди хищничества и кровопролитія, былъ тогда епископомъ кантербюрійскимъ и примасомъ Англіи. Дунстанъ, съ раннихъ лѣтъ напитавшій умъ свой ученостью возможною въ то время, потомъ, вѣроятно вслѣдствіе той ненасытности ума и воли, которую видимъ во многихъ великихъ дѣятеляхъ исторіи, пріобрѣтшій значительное совершенство въ образовательныхъ художествахъ или ремеслахъ близкихъ къ нимъ, потомъ вступившій съ успѣхомъ и блескомъ въ жизнь двора и правительственнаго общества, позже оставившій ее вслѣдствіе неудачъ

---

[1]) Іоанна XII (956—964). *Изд.*

[2]) Видѣвшіе же Латыни изнеможеніе греческое, пришедше изъ Рима удобно глаголеміи Угри къ своей прелести приложиша; такоже и ближняя ихъ языки... приложиша къ своей прелести; и *Вретанійскій островъ, аще издавна крещенъ, но и того приложиша къ своей прелести...* Полн. Собр. Р. Лѣтоп. IX, 71. *Изд.*

и вражды, пробужденной, можетъ быть, его нравомъ, а можетъ быть и его умственнымъ превосходствомъ, и, наконецъ, вступившій въ духовенство послѣ сильнаго волненія страстей, управлялъ уже епископами, отказавшись отъ епископства, и былъ однимъ изъ любимыхъ совѣтниковъ недолговѣчнаго Эдреда. Оба приверженцы Рима, при восшествіи на престолъ Эдвина, увидѣли власть въ рукахъ враждебной имъ стихіи. Они не убоялись борьбы и смѣло напали на короля. Молодой, неопытный и, можетъ быть, слишкомъ склонный къ жизни вещественныхъ наслажденій, Эдвинъ (или Эдви) былъ женатъ на красавицѣ, женщинѣ страстно любимой, но близкой его родственницѣ по тогдашнимъ понятіямъ. Этою-то слабою стороною и воспользовались для нападенія ратники римскаго престола; сочувствіе и совѣсть многихъ почетнѣйшихъ Саксонцевъ были съ ними заодно. Оскорбленіе за оскорбленіемъ посыпались на короля и его несчастную жену. Ее лишили чести, назвавъ бракъ ея любодѣяніемъ, а ее—наложницею короля. Бракъ расторгли, ее изгнали, изуродовавъ ея лицо раскаленнымъ желѣзомъ; потомъ когда, выздоровѣвши отъ язвъ, она возвратилась съ прежнею красою, ей разрѣзали сухія жилы и уморили мучительною смертью. Эдвинъ пытался сопротивляться, но сопротивленіе безсилія сопровождается всегда неосторожными вспышками страсти. Онъ изгналъ Дунстана и, кажется, хотѣлъ избавиться отъ него посредствомъ убійства. Вскорѣ Дунстанъ съ помощью своихъ единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ былъ примасъ Одонъ, начальникъ всего англійскаго духовенства, и первые государственные сановники, возвратился съ удвоенными силами, и вся сѣверная Англія взбунтовалась подъ предводительствомъ ревностныхъ служителей церковной реформы, которой знамя было поднято бенедиктинцами. Безсильный Эдвинъ уступилъ и отдалъ половину своего царства малолѣтнему брату своему, Дунстанову воспитаннику, Эдгару. Смерть короля вскорѣ отдала Эдгару и всю Англію.

Замѣчательно то обстоятельство, что противъ Эдвина возстала за духовныхъ реформаторовъ сѣверная Англія, именно та страна, ко-

торая безпрестанно вооружалась противъ вестъ-саксихъ королей за свою независимость. Было ли это возмущеніе проявленіемъ того же стремленія къ независимости или слѣдствіемъ особеннаго сочувствія къ духовному ученію римскихъ проповѣдниковъ? Вѣроятнѣе всего соединеніе обѣихъ причинъ. Наплывъ скандинавскихъ дикарей, колонизовавшихъ сѣверную Англію и принявшихъ крещеніе въ своей новой осѣдлости, долженъ былъ въ этой области перервать прежнее движеніе мысли и сдѣлать край менѣе способнымъ къ свободѣ духовной и болѣе готовымъ къ принятію формальныхъ и юридическихъ началъ. Въ немъ должно было быть сочувствіе съ новою стихіей, принесенною или укрѣпленною бенедиктинцами. Другое, весьма замѣчательное, обстоятельство въ исторіи саксонской Англіи есть слѣдующее: перевѣсъ силъ всегда былъ на сторонѣ ея южной части. Она дала государству единство, но сѣверная постоянно боролась противъ нея и никогда не признавала ея власти вполнѣ; когда же вслѣдствіе случайностей или союзовъ иноземныхъ власть переходила къ сѣверной Англіи или ея представителямъ, южная покорялась безропотно и безъ попытокъ на освобожденіе. Такое различіе не можетъ быть случайнымъ и должно быть приписано вліянію населенія скандинавскаго, менѣе общиннаго, чѣмъ саксонское, но зато гораздо болѣе дорожащаго государственною жизнью въ тѣсномъ смыслѣ и слѣдовательно независимостью политическою.

Эдгаръ. — Присоединеніе Англіи къ скандинавскимъ государствамъ. — Канутъ Великій.

Царствованіе Эдгара представляетъ минуту обманчиваго блеска въ эпохѣ англо-саксонской. Никогда, казалось, Англія не была такъ сильна и такъ тверда; никогда не казалась она болѣе способною противиться всякой опасности и всякому внѣшнему напору. Доходы были значительно болѣе противъ прежняго, берега охранялись флотами, которыхъ числительная сила кажется невѣроятною. Короли и князья (напр., шотландскій, кумбрійскій, валлійскій и др.) составляли дворъ Эдгара: внутри была тишина, спокойствіе и повиновеніе безусловное, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти всесильнаго короля династія его погибла или скиталась въ изгнаніи, опу-

стошенная Англія покорялась желѣзной власти иноземца, а еще нѣсколько лѣтъ спустя саксонское племя навсегда подчинилось другому племени, которое оно превосходило всѣми нравственными качествами и даже доблестью воинскою, и отъ царствованія Эдгара и его блеска оставалась только одна память, — уничтоженіе волковъ въ землѣ, нѣкогда признававшей его своимъ царемъ.

Все великое и прочное, на чемъ основывалось еще благосостояніе Англіи при Эдгарѣ, было ей дано предшествующими царями, Альфредомъ и его преемниками: правильное отправленіе военной службы, устройство флота для охраненія береговъ, болѣе же всего правосудіе и образованность. Все внесенное при немъ его наставниками было обманомъ, который не могъ выдержать пытующей руки времени. Издавна, какъ уже сказано, скрывалась въ Англіи причина политическаго паденія, заключающаяся въ различіи сѣвернаго и южнаго населенія и въ ихъ внутреннемъ разъединеніи. Эта рана была усилена вторженіемъ на сѣверѣ чужеземнаго народнаго начала, энергическаго и многотребовательнаго. Вторженіе новаго религіознаго начала прибавило къ прежней ранѣ новую неисцѣлимую рану, которая сокрушила всѣ внутреннія силы общества. Правда, полное торжество Дунстана и его духовныхъ дружинъ дало, повидимому, необычайное единство всему царству, подчинивъ всю внѣшнюю его жизнь одному стройному и желѣзному единству; но начала побѣжденныя жили въ сердцахъ, въ совѣстяхъ и въ обычаѣ. Внутренняя и духовная дѣятельность была перервана, но требованія ея существовали и обращались въ тайную вражду или по крайней мѣрѣ въ совершенное равнодушіе къ власти, которая перешла къ стихіи, враждебной мѣстной свободѣ. Такъ, вслѣдствіе временнаго торжества римскаго ученія, сильнѣе выразился и выдвинулся впередъ іерархическій духъ, созидая обманчивый призракъ крѣпкаго единства государственнаго и въ то же время введеніемъ внутренняго разъединенія и мертвенности нанося рѣшительный ударъ обществу, уже слабому по недостатку внѣшняго государственнаго устройства, по отсутствію

стремленія къ внѣшнему единству и по недоброжелательству воинственныхъ областей Сѣвера къ династіи своихъ южныхъ правителей. Точно такъ же было обманчиво все въ царствованіе Эдгара: покорность народа безъ любви и уваженія (какъ доказано множествомъ сатирическихъ народныхъ пѣсенъ объ его развратѣ), покорность народовъ подручныхъ ему, оказываемая болѣе случайной силѣ и случайному преобладанію (какъ видно изъ анекдота о Кеннетѣ Шотландскомъ), чѣмъ признанному праву или превосходству первенствующаго народа надъ другими, и наконецъ полицейская правильность условнаго государственнаго строя, которой всѣ повиновались изъ равнодушной слабости, но которой необходимость не была никѣмъ сознаваема или продолженіе желаемо (какъ видно изо всѣхъ послѣдующихъ происшествій). Самъ Эдгаръ былъ царствующій обманъ. Воспитанникъ новаго духовенства, его ревностный покровитель, множитель монашескихъ обителей, любимецъ римскаго дружиннаго монашества, совершенно противоположнаго прежнему отшельническому иночеству кельтскихъ, колумбанскихъ монастырей, созданіе мнимой религіозности и римскаго христіанства, роскошный и гордый, король былъ предметомъ безчисленныхъ насмѣшливыхъ пѣсенъ и источникомъ соблазна для своего народа по необузданному разврату своего женолюбія.

За это Дунстанъ наказывалъ его легкими эпитіями, хотя Эдгаръ для удовлетворенія своихъ страстей не избѣгалъ ни насилія, ни нарушенія монастырскихъ обѣтовъ. Союзъ между королемъ и монахами бывалъ нерѣдко признаваемъ въ письменныхъ документахъ: такъ, въ одной хартіи они обязуются защищать короля отъ дьявола, а онъ обѣщается защищать ихъ отъ людей (*).

Театральная пышность отличала дворъ его и окружала его торжества: князьки и мелкіе владѣльцы сопровождали его въ путешествіяхъ, украшали его морскіе поѣзды и были гребцами на его лодкѣ. Онъ хвалился не только властью, которая ему досталась отъ доблести предшественниковъ и союза съ духо-

венствомъ римскимъ, но и тѣмъ, что покорилъ сосѣднія области, а между тѣмъ ни одной войны его не помнятъ лѣтописи, кромѣ незначительнаго набѣга на Валлисъ. Онъ разъѣзжалъ по королевству для суда и расправы; но этотъ признакъ правдолюбія служилъ только покровомъ для своеволія и гордаго деспотизма, а голосъ народа и общеніе съ нимъ были ему болѣе чужды, чѣмъ кому-нибудь изъ саксонскихъ владыкъ. Онъ покровительствовалъ торговлѣ и ремесламъ и перезывалъ въ Англію цѣлыя колоніи иноземныхъ художниковъ и мастеровъ, развращая ихъ пороками своихъ подданныхъ (такъ говорятъ современники); но это покровительство было основано на той же любви къ блеску, которая составляла главную черту его характера, и на пристрастіи ко всему иноземному, котораго нельзя не замѣтить во всѣхъ его дѣйствіяхъ и которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чужеземности началъ, создавшихъ и поддерживающихъ его власть.

Такъ, напр., разсказъ о томъ, какъ Эдгаръ вызвалъ Кеннета шотландскаго на единоборство безъ свидѣтелей, только для доказательства мужества своего и, такъ сказать, рыцарской чести, показываетъ въ немъ не столько Саксонца и несокрушимую стойкость его племени, сколько хвастливую храбрость норманскихъ удальцовъ и французскихъ дуэлистовъ.

Дѣйствительно, склонность къ принятію вліянія французскаго и франко-норманскаго выказавалось съ самаго царствованія Эдгара до паденія Саксовъ и вызывала по временамъ противодѣйствіе довольно сильное, но которое не могло быть всеобщимъ: ибо духъ саксонской земли былъ уже зараженъ въ духовенствѣ и высшихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ временное возвеличеніе государства англо-саксонскаго посредствомъ введенія началъ ему чуждыхъ при царѣ-деспотѣ, освящавшемъ свой деспотизмъ союзомъ съ римскою іерархіей и въ то же время удалявшемся отъ народа и жизни народной, бросило сѣмена гибели близкой и неизбѣжной въ землю уже готовую, и эти сѣмена принесли плодъ свой съ быстротою непонятною

для тѣхъ, которые судятъ о преуспѣяніи государства только по внѣшнимъ его примѣтамъ или признакамъ.

Саксонское завоеваніе дало Англіи народъ сперва сельскій, а потомъ, послѣ покоренія городовъ, и городской; ибо мало-помалу городовое населеніе, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій получая безпрестанный приливъ изъ селъ, сдѣлалось почти вполнѣ саксонскимъ. Села были устроены общинами, въ которыхъ общее владѣніе землею, какъ-то выгонами, лугами, а отчасти и пашнею, было повсемѣстнымъ обычаемъ, а равенство членовъ и подсудность каждаго всѣмъ были закономъ. Эти общины платили извѣстную повинность государству или его слугамъ (по положенію помѣстному) или наслѣдственнымъ дружинникамъ (по праву вотчинному); но, съ другой стороны, при этомъ свободномъ населеніи было значительное число рабовъ, захваченныхъ во время завоеванія или обращенныхъ въ рабство вслѣдствіе дикихъ законовъ, наказывавшихъ многія преступленія лишеніемъ свободы и дававшихъ право гражданамъ отчуждать свою свободу и свободу дѣтей. Общины свободныя, безъ постояннаго ополченія, мало склонны были къ вооруженной защитѣ своей родины, предпочитая мирный свой трудъ опасностямъ и лишеніямъ жизни ратной. Рабы были равнодушны къ землѣ, въ которой рабствовали, и всегда готовы къ измѣнѣ.

Что число рабовъ превосходило число людей свободныхъ, въ томъ нельзя сомнѣваться; но историки, принимавшіе всѣхъ вилланов и бордаріевъ за рабовъ, также не правы: иначе бы число свободныхъ было слишкомъ ничтожно. Они находились очевидно въ зависимости и не считались людьми совершенно свободными; но эта зависимость законная не имѣла ничего общаго съ обыкновеннымъ понятіемъ о рабствѣ. Она могла относиться столько же къ общинѣ или сотнѣ (по закону Альфреда), сколько и къ лицу высшаго сословія. Такъ, свободные поселяне древней Руси не назывались *людьми вольными*, а это названіе часто соотвѣтствовало слову *гулящіе* и слѣд. было нисколько незавидное. Оттого-то и владѣніе свободнымъ помѣстіемъ

(Freehold) не давало свободы, т.-е. не отдѣляло лица отъ обязанностей, въ которыхъ оно родилось.

Но рядомъ съ общиннымъ устройствомъ довольно слабымъ было дружинное устройство или, лучше сказать, сильный дружинный бытъ; ибо дружина не имѣла никогда въ Англіи правильнаго устройства, какъ въ другихъ областяхъ западной Европы. Первые дружиноначальники, не только тѣ, которые стали во главѣ цѣлыхъ колоній, но и тѣ, которые вели отряды подъ начальствомъ старшихъ вождей, и всѣ лучшіе воины, составлявшіе какъ бы отдѣльную и высшую аристократію въ дружинѣ, сдѣлались, вслѣдствіе значительнаго надѣленія землею, аристократіей землевладѣльческой, сильной богатствомъ, рабами, вѣсомъ надъ единокровцами и властью болѣе или менѣе законною. Права на наслѣдственное правленіе цѣлою областью или графствомъ (округомъ судебнымъ или военнымъ, или подраздѣленіемъ округа) утверждались обычаемъ за потомками первыхъ удальцовъ или вождей или за другими высшими дружинниками или за людьми, пріобрѣтшими славу и извѣстность новыми подвигами, если только имъ удавалось захватить поземельную собственность, съ которою вначалѣ были соединены преимущества первыхъ владѣльцевъ. Права законныя, соединенныя съ большою вещественною силою при слабомъ государственномъ строѣ, влекли за собою безконечный рядъ дѣйствій незаконныхъ и злоупотребленій, которыхъ ничто остановить не могло. Свободныя общины вступали въ невольную зависимость отъ сильныхъ сосѣдей; церкви и монастыри были ограблены насиліемъ или покупали покой признаніемъ правъ патронатства, часто не основаннаго ни на чемъ, кромѣ страха съ одной стороны и дерзости съ другой. Вѣча областныя (виттены или гемоты), составленныя по большей части изъ тѣхъ же богатыхъ землевладѣльцевъ (имѣвшихъ болѣе средствъ и досуга для участія въ общественныхъ дѣлахъ) и слѣд. пристрастныя, а иногда слишкомъ слабыя для сопротивленія, не могли удержать разраставшагося зла.

Оно, разумѣется, было не такъ значительно въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ число свободныхъ было гораздо значительнѣе вслѣдствіе ли освобожденіи рабовъ Норманнами или преобладанія прежней общинности. Послѣднее вѣроятнѣе по относительно большему числу свободныхъ людей въ графствахъ, колонизованныхъ Англами, передъ графствами, колонизованными Саксами, хотя и тѣ и другія были потомъ подъ властію Скандинавовъ. Такъ, въ Эссексѣ число вполнѣ свободныхъ (не считая вилланов и бордаріевъ) составляетъ $^1/_{20}$, а въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ графствахъ болѣе одной трети всѣхъ жителей.

Правительственныя должности, которыя были связаны съ огромными выгодами, разумѣется, всегда доставались въ руки тѣхъ же могучихъ домовъ, и сила ихъ возрастала все болѣе и болѣе. Болѣе и болѣе пріобрѣтали они независимости, и возстанія противъ королевской власти сдѣлались дѣломъ столь обыкновеннымъ, что казались почти законными поступками.

Это видно изъ легкаго наказанія виновныхъ и изъ весьма нерѣдкаго возврата ихъ къ прежнему сану и даже большимъ почестямъ.

Такъ, въ послѣднее время саксонскаго царства, домà Эдрика, Сиварда, Леофрика и особенно Годвина достигаютъ почти невѣроятнаго могущества, и нѣкоторые вступаютъ въ успѣшную борьбу противъ королей.

Число вольныхъ общинъ уменьшалось со дня на день, и начало общинное очевидно слабѣло все болѣе и болѣе, уступая какой-то нестройной и беззаконной феодальности (которую въ другихъ земляхъ можно замѣтить при паденіи системы аллодіальной),—феодальности, не сомкнувшейся въ цѣльную систему, не составившей правильной дружинной лѣстницы и по тому самому исполненной внутренняго волненія и безпрестанныхъ смутъ, неспособной къ добру и къ защитѣ государства и безпрестанно подрывающей его силу измѣнами и крамолами. Вообще саксонская эпоха при весьма богатомъ

развитіи закона гражданскаго, который переданъ былъ ею норманской Англіи, при сильной жизни умственной и религіозной, которой неугасимый свѣтильникъ она зажгла для будущихъ вѣковъ, отличается полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла и какимъ-то удивительнымъ равнодушіемъ къ построенію государства. Въ ней были силы для многовѣковаго существованія. Хитрый король могъ обуздать на время безпокойную аристократію посредствомъ ея же раздоровъ, возвышеніемъ новыхъ лицъ; ибо ея ряды не были замкнуты, какъ видно изъ многихъ примѣровъ и особенно изъ жизни Годвина, посредствомъ энергической администраціи и строгаго полицейскаго порядка въ союзѣ съ іерархическимъ духовенствомъ, какъ при Эдвинѣ и Дунстанѣ; ибо буйство аристократическое не было основано на какой-нибудь общей вѣрѣ въ его законность. Мудрый и дальновидный король могъ дать прочность и незыблемость всему обществу возстановленіемъ и укрѣпленіемъ общины законами для постепеннаго освобожденія рабовъ (дѣло, начатое Альфредомъ, но оставшееся безъ продолженія) и устроеніемъ законной силы, основанной на жизни народной; но историческое движеніе Запада не давало времени для такого жизненнаго развитія, а движеніе мысли религіозной уничтожало его возможность. Для него нужны были цѣльность убѣжденій и цѣльность духовной жизни и ея свобода; а условно-юридическое строеніе западнаго христіанства не допускало ни того, ни другого. Оно уже внесло раздоръ въ островную область Англо-Саксовъ и, разорвавъ окончательно ея единство духовное, оставило только возможность условно-юридическаго развитія мысли и слѣд. самого общества; но на этомъ пути уже первенствовали другіе народы, и Англія должна была уступить ихъ вліянію и положительной власти, счастливая уже и тѣмъ, что никогда не могла утратить и своихъ живыхъ [1]), которыя послѣ долгой борьбы должны были создать ей неслыханное историческое величіе.

---

[1]) Вѣроятно, пропущено: *началъ. Изд.*

Прежде этого окончательнаго паденія передъ завоевательною силою западно-европейской образованности королевство саксонское выдержало новый и сокрушительный ударъ отъ своихъ давнишнихъ враговъ, Скандинавовъ. Со смертью Эдгара исчезла слава царства. Сынъ его Эдмундъ не долго пережилъ его. При немъ возстала партія народная, оскорбленная и угнетенная бенедиктинцами. Дунстанъ восторжествовалъ съ помощью двора, ему преданнаго, и посредствомъ мнимыхъ чудесъ; но скоро погибъ король, убитый мачихою, которую развратный отецъ его взялъ въ жены, умертвивъ ея мужа. На престолъ взошелъ малолѣтній сынъ бездушной женщины подъ ея опекою. Она подняла опять народную партію и удалила Дунстана; но нравственная ея низость дала ему снова торжество. Онъ возвратился въ силѣ и чести и потомъ передалъ умирая свое мѣсто и вліяніе избранному имъ преемнику. Торжество этой иноземной партіи было гибельно для государства. Король, развратный красавецъ, любившій лесть и пышность, какъ Эдгаръ, но лишенный отцовскихъ способностей и энергіи, постоянно заслуживавшій ненависть и никому не внушавшій страха, покровительствовавшій папскимъ служителямъ и не умѣвшій однакоже дать посредствомъ ихъ единство своей правительственной дѣятельности, приготовилъ свободный доступъ внутрь королевства первому смѣлому врагу. Въ Скандинавіи наступила тоже новая эпоха. Мелкіе князьки мало-по-малу стали терять свою независимость, побѣжденные болѣе могучими соперниками, и послѣ многихъ колебаній стали возникать три отдѣльныя государства Швеціи, Даніи и Норвегіи. Морской разбой, съ одной стороны, усиливался вслѣдствіе множества изгнанниковъ и подвергался сильному противодѣйствію въ самой своей колыбели, Скандинавіи, отъ зачинающагося христіанства, отъ измѣненія общественнаго мнѣнія (sic), обратившагося къ торговлѣ, и отъ расчета новыхъ королей, которымъ нельзя было дозволить вольный разгулъ на моряхъ своимъ изгнаннымъ соперникамъ, хотя они сами, короли, безпрестанно предпринимали набѣги, которыхъ цѣлью было столько же грабительство, сколько завоеваніе. Это вре-

мя изобилуетъ замѣчательными характерами. Таковы Гаральдъ Гарфагръ, собравшій Норвегію; потомокъ Инглинговъ, Гаконъ добрый, чистѣйшій идеалъ сѣвернаго витязя, веселый, неустрашимый и беззлобный, предметъ уваженія и любви даже для враговъ, питомецъ Ательстана; Гаральдъ Блатандъ, свирѣпый царь Даніи и основатель Омбурга; Эрикъ шведскій, Олафъ, сынъ Тригвы, блистательнѣйшій изъ витязей моря послѣ Рагнара, нѣкогда слуга въ дружинѣ св. Владимира, потомъ любимецъ народной молвы, котораго подвигами восхищался весь сѣверъ, котораго смерти никто не хотѣлъ вѣрить; Свейнъ, убившій отца своего Гаральда рукою своего воспитателя Пальнатоке (первообраза Вельгельма Теля) и потомъ завоевавшій Англію, сынъ его Канутъ Великій и св. Олафъ. Опять вспомнили удальцы сѣверный путь къ англійскимъ берегамъ, на которыхъ при Альфредѣ и его преемникахъ погибли ихъ лучшія дружины; начались набѣги почти безпрерывные. Слабый король не умѣлъ защищать своей державы; ненавистные народу совѣтники его—духовенство—предложили ему откупиться отъ набѣговъ, т.-е. деньгами зазывать хищниковъ, и со дня на день дружины скандинавскія становились наглѣе и многочисленнѣе, земля бѣднѣе, выкупы тяжелѣе и огромнѣе. Главными лицами явились поэтическій Олафъ Тригвезонъ и Свейнъ. Перваго задобрили подарками и ласковымъ гостепріимствомъ, и обращенный въ христіанство, онъ перевезъ въ Норвегію проповѣдниковъ христіанства, ибо Англіи было суждено принимать живое участіе въ обращеніи всѣхъ германскихъ племенъ. Отъ Свейна, болѣе властолюбиваго и оскорбленнаго во время бѣдствій его молодости, не спасали ни дары, ни выкупы. Его окончательно раздражила безумная жестокость слабодушнаго короля Этельреда, предписавшаго избіеніе всѣхъ Датчанъ въ южной Англіи, въ то время когда Свейнъ оставлялъ ее въ покоѣ и удалился на время въ свою родину. Свейнъ отмстилъ за оскорбленіе всѣхъ человѣческихъ законовъ завоеваніемъ всей Англіи и изгнаніемъ Этельреда. Народъ охотно принялъ мужественнаго иноземца вмѣсто бездушнаго и ненавистнаго воспитаника бенедиктинцевъ. Скоро умерли оба вра-

га, и торжествующій Свейнъ и Этельредъ, пытавшійся возвратить себѣ королевство посредствомъ обѣщаній и ряды, заключенной съ подданными. Тогда началась ожесточенная борьба между двумя достойными соперниками, Эдмундомъ-Желѣзныя Ребра и Канутомъ Великимъ. Канутъ принужденъ былъ уступить противнику половину царства, завоеваннаго отцомъ, и такимъ образомъ возобновился миръ, заключенный между Эдмундомъ I и Анлафомъ на тѣхъ же условіяхъ. Постоянныя измѣны то флота, то сухопутнаго войска были причиною успѣха Датчанъ. Измѣна прекратила жизнь великаго воителя, Эдмунда, и Канутъ взошелъ безъ спора на англійскій престолъ. Дикій, страстный и безсовѣстный въ молодости, Канутъ выкупилъ свою славу въ потомствѣ мудростью и правдолюбіемъ остальной жизни, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ подданнымъ и друзьямъ; ибо въ отношеніи къ врагамъ онъ никогда не отказывался отъ лукавства, общей черты норманскаго характера. Три королевства, Данія, Норвегія и Англія, повиновались Кануту. Три прозванія—великаго, благочестиваго и богатаго—даны были ему современниками въ прославленіе его подвиговъ и власти, его усердія къ вѣрѣ и его неистощимой благотворительности. Правленіе его въ Англіи было счастливо и привлекло къ нему любовь народа. Мужество англійскихъ войскъ завоевывало ему другія страны (между прочимъ Норвегію, гдѣ дружина Годвина дала побѣду Кануту надъ с. Олафомъ), доказывая тѣмъ самымъ, что только равнодушіе или нелюбовь подданныхъ къ правительству дѣлало возможнымъ завоеваніе саксонскаго острова иноземцами. Хитрость Канута указала ему на всегдашнюю опасность отъ аристократіи богатой и непокорной. Многіе богатѣйшіе и любезнѣйшіе народу дружинники были или казнены или изгнаны (въ томъ числѣ одинъ Эдвигъ, извѣстный подъ именемъ «короля простолюдиновъ»); но всѣ эти мѣры относятся къ началу его царствованія и были заглажены счастіемъ послѣдовавшихъ годовъ. За всѣмъ тѣмъ иноземецъ-завоеватель, чуждый землѣ и народу и его внутренней жизни, могъ доставить государству только временное процвѣтаніе, основанное на условныхъ началахъ и

на мѣрахъ временныхъ. Онъ не могъ понять коренныхъ началъ земли, которою владѣлъ, не могъ имъ сочувствовать и подавно усилить ихъ развитіе. Новые аристократы и землевладѣльцы, созданные и обогащенные Канутомъ, готовили для его преемниковъ смуты, подобныя тѣмъ, которыя предшествовали его завоеванію. Власть деспотическая продолжала уничтожать остатки народной свободы и народоправленія; духовенство, подъ покровительствомъ набожнаго короля, продолжало увеличивать свое значеніе и тѣснѣе связываться съ Римомъ, государство продолжало клониться къ упадку, несмотря на видимое преуспѣяніе. Едва кончилъ жизнь свою предпріимчивый и мудрый король, уже сыновья его перессорились за наслѣдство и раздѣлили Англію. Аристократія, разумѣется, воспользовалась раздоромъ, чтобы помогать то одному, то другому сопернику, и когда послѣ кратковременнаго царствованія прекратился въ Англіи царственный домъ Канута и призваны были снова на престолъ внуки Эдгара, Годвинъ уже былъ равносиленъ королю, и многіе другіе землевладѣльцы почти равнялись съ нимъ властью и богатствомъ.

Эдуардъ Исповѣдникъ. Франко-норманское завоеваніе.

Слабъ былъ духомъ преемникъ саксонскихъ королей, преданъ духовенству іерархическому по женской набожности, преданъ иноземному быту вслѣдствіе молодости, проведенной въ норманской Франціи, и способенъ только ускорить паденіе своей династіи и своей родины. Таковъ былъ Эдуардъ Исповѣдникъ, причтенный къ святымъ благодарностью римской власти, которой онъ покровительствовалъ и благодарностью народа, котораго онъ погубилъ, но который любилъ въ королѣ своемъ мягкость безсильной души и сострадательность къ бѣдствіямъ и нищетѣ подданныхъ своихъ.

Трогателенъ, хотя едва ли достоинъ короля, разсказъ о томъ, что онъ отмѣнилъ дененгельдъ (датскую подать) вслѣдствіе испуга при видѣ массы звонкой монеты, выплаченной ему всею Англіей, и при мысли о слезахъ, потѣ и лишеніяхъ, которыми были добыты эти деньги. Эта черта, принадлежащая безспорно христіанскому

духу. вообще носитъ на себѣ нѣкоторый особый отпечатокъ англо-саксонской земли и напоминаетъ многіе подобные разсказы о прежнихъ ея короляхъ, раздававшихъ даже свою собственную трапезу и дорогіе приборы въ порывахъ состраданія; съ нею согласны и многіе законы Альфреда и его династіи и многія мѣры въ ихъ управленіи своимъ имуществомъ. Вообще благотворительность и милостыня были признаны какъ бы прямою ихъ обязанностью, и едва ли Канутъ - Завоеватель не взялъ этихъ качествъ отъ народа завоеваннаго. По крайней мѣрѣ не видать, чтобы они принадлежали его соотечественникамъ.

При Эдуардѣ проявляется движеніе новое въ землѣ Англо-саксовъ: противодѣйствіе Франко-норманамъ. Это не вражда къ иноплеменнымъ. Ея никогда не было въ эпоху саксонскую. Это вражда къ иному началу жизни. Подданные Альфреда готовы были покориться дѣтямъ Лодброка; Эдмундъ готовъ признать Анлафа своимъ наслѣдникомъ и Свейнъ и Канутъ предпочтены Этельреду и его дѣтямъ; но Датчанинъ и Норвежецъ были близки къ Германцу саксонскому: они не вносили съ собою никакихъ новыхъ стихій, не измѣняли общаго строя жизни и готовы были подчиниться тому строю, который находили уже вкорененнымъ и окрѣпшимъ. Они сами были только правительственною случайностью, къ которой Англо-саксъ оставался равнодушнымъ. Не то было значеніе Франко-норманновъ. Они вполнѣ напитались общимъ западнымъ просвѣщеніемъ, болѣе стройнымъ, крѣпкимъ и богатымъ, чѣмъ просвѣщеніе тогдашней Англіи; они развивали обще-западную мысль во всей ея строгости, полнѣе даже, чѣмъ тѣ народы, у которыхъ она возникла; это видно изъ ихъ совершеннѣйшей феодальности, изъ особенной связи съ Римомъ и даже изъ ябедничества, которымъ они всегда славились и которое осталось за ними до нашего времени. Противъ ихъ-то вліянія, противъ новаго быта, вводимаго ими, возстала народная партія въ Англіи. Во главѣ ея, вѣроятно не безъ личныхъ цѣлей, сталъ графъ Годвинъ, могущественнѣйшій изъ англо-саксонскихъ аристократовъ, хотя вышедшій изъ самаго низкаго сословія людей свободныхъ, человѣкъ смѣлый и хитрый, богатый сво-

ими огромными помѣстьями и еще богаче—любовью и почтеніемъ Англіи къ его цвѣтущимъ и мужественнымъ сыновьямъ, измѣнникъ прежнимъ королямъ, созданіе датской династіи, гонитель законныхъ наслѣдниковъ престола и, по всѣмъ вѣроятностямъ, низкій убійца одного изъ нихъ, едва ли не лучшаго изъ всѣхъ, молодого Альфреда, но искуплявшій свои преступленія и гнусныя измѣны въ глазахъ народа тѣмъ, что заступался за его обычаи и объявлялъ себя врагомъ ненавистныхъ нововведеній. Онъ потребовалъ отъ короля изгнанія его многочисленныхъ любимцевъ, Норманцевъ и требованіе свое поддерживалъ военною рукою. Король созвалъ общую виттену, и она объявила себя противъ Годвина, хотя очевидно сочувствовала съ его направленіемъ. Годвинъ былъ временно изгнанъ, но снова возвращенъ былъ съ большею силою, чѣмъ прежде, и со славою защитника правъ народныхъ. Онъ скоро умеръ, но его могущество перешло еще въ большихъ размѣрахъ къ сыну его Гарольду, юному, прекрасному, благородному, славному мужествомъ и искусствомъ военнымъ и ничѣмъ не запятнавшему свою дѣятельную жизнь. Мало-по-малу Гарольдъ, нѣсколько разъ водившій народныя дружины и наказывавшій Валлійцевъ, нарушителей тишины и границъ саксонскаго царства, сталъ считаться будущимъ королемъ, хотя извѣстно было, что Эдуардъ назначалъ престолъ герцогу норманскому Вильгельму. Наконецъ слабый потомокъ вестъ-сакской династіи умеръ, и часъ давно угрожавшей борьбы наступилъ; но ея историческій исходъ былъ неизбѣженъ. Съ обѣихъ сторонъ были равно достойные вожди, равно опытные и смѣлые, равно извѣстные личною силою и искусствомъ (качествами весьма важными въ этотъ дикій вѣкъ), равно прославленные своими побѣдами и любимые своими дружинами; но дѣло саксонской Англіи должно было погибнуть. Какъ будто для того, чтобы показать всю ея безпомощность и внутреннюю слабость, за нѣсколько дней до нашествія вильгельмова явился на берегахъ Англіи со своею страшною дружиною одинъ изъ тѣхъ грозныхъ великановъ скандинавскаго Сѣвера, передъ которыми такъ долго трепетала западная Европа,

одинъ изъ тѣхъ наѣздниковъ моря, для которыхъ самъ Океанъ не имѣлъ ужасовъ, одинъ изъ тѣхъ ненасытимыхъ бойцовъ, которымъ смерть ничего не внушала, кромѣ улыбки и пѣсни,— Гарольдъ Гардрада. Его велъ на родину (тѣмъ самымъ обнажая ея политическое безсиліе) Тостигъ, братъ Гарольда, изгнанникъ, оскорбленный правосудіемъ короля-брата. Страшно было столкновеніе Сакса и Нормана. Никогда, можетъ быть, не было битвы, болѣе напоминавшей вдохновенныя пѣсни Гомера и эпосъ древней Эллады. Громко раздавалась пѣсня Нормана, и страшно сверкалъ въ лучахъ яснаго утра его тяжелый мечъ; въ грозномъ молчаніи наступалъ желѣзный Англо-Саксъ и неутомимо трудился его двуручный топоръ; всѣхъ впереди самъ король Гарольдъ съ одной стороны, а съ другой братъ его Тостигъ и великанъ Гардрада; наконецъ палъ пришелецъ и измѣнникъ, призвавшій его и стягъ сѣверныхъ дружинъ. На костяхъ сталъ Гарольдъ, взявъ побѣду мужествомъ, украшая ее великодушіемъ; но корабли Вильгельма уже пристали къ берегамъ Англіи, и Гарольду пришлось спѣшить на югъ противъ новаго и опаснѣйшаго врага съ утомленною и ослабѣвшею дружиною.

Ему попрекаютъ въ торопливости; но Вильгельмъ сжегъ свои корабли, и его не упрекаютъ въ безразсудной отвагѣ. Оба дѣйствовали вѣроятно вслѣдствіе одного и того же, болѣе или менѣе сознаннаго убѣжденія въ неизбѣжной гибели саксонскаго царства. Неотвратимость приговора выражалъ Вильгельмъ, показывая всѣмъ упорство своей рѣшимости; неотвратимость приговора надѣялся Гарольдъ измѣнить быстротою своего рѣшенія. Великія историческія минуты приносятъ съ собою свое ясновидящее вдохновеніе, какъ истинная поэзія. У Вильгельма было до 60-ти тысячъ войска отборнаго, храбраго, жаднаго къ добычѣ, составленнаго изъ всѣхъ удальцовъ Франціи, выславшей цвѣтъ своего воинственнаго рыцарства на зовъ славнаго герцога норманскаго и на завоеваніе Англіи. У Гарольда не было и двадцати тысячъ отчасти наскоро набранной дружины; но это были люди съ мужествомъ почти несокрушимымъ, съ порывомъ недавней побѣды, истинные

Англо-Саксы, и въ ихъ главѣ любимый король. Побѣда была возможна, и это было доказано самымъ ходомъ сраженія при Гастингсѣ; а при замедленіи неизбѣжно должны были разыграться всѣ начала раздора, которыя лежали уже въ глубинѣ саксонскаго общества, и всѣ они были въ союзѣ съ Вильгельмомъ: аристократическія вражды и соперничества, нелюбіе областей другъ къ другу, всегдашняя склонность сѣверныхъ графствъ къ возстаніямъ, надежда рабовъ на свободу, еще бо̀льшая надежда землевладѣльцевъ на составленіе отдѣльнаго, вполнѣ властительнаго и сомкнутаго сословія наподобіе французской феодальности; болѣе же всего уже сильно развившееся стремленіе къ обще-европейскому быту, доказанное самымъ возстаніемъ народной партіи противъ него, и проповѣдь духовенства латинскаго, которая подъ ничтожнымъ предлогомъ успѣла уже возмутить всѣ совѣсти противъ Гарольда, даже въ его войскѣ, которая благословляла подвигъ его противника и вручала ему знамя, благословенное словомъ римскаго пастыря. Дѣло Дунстаново приходило къ концу. Походъ Вильгельма, предпринятый его личнымъ властолюбіемъ, былъ въ то же время родъ крестоваго похода, которому сочувствовала большая часть народа, противъ котораго онъ былъ направленъ. Торжество бенедиктинцевъ и ихъ партіи при Эдгарѣ и его преемникахъ было полное: на нѣсколько времени Англія находилась подъ ихъ правленіемъ, но въ немъ Англія не нашла ни славы, ни спокойствія. Она была завоевана иноземцами и истерзана внутренними смутами. Партія противная Риму жила и крѣпла; духъ свободы церковной захватывалъ и проникалъ даже и ея противниковъ. Риму и западной Европѣ нужно было снова завоевать Англію, и Вильгельмъ былъ ихъ оруженосцемъ, а въ нѣдрахъ земли, которую онъ шелъ завоевать, онъ находилъ готовыхъ и ревностныхъ союзниковъ. Борьба продолжительная была невозможна, и поле гастингское рѣшило судьбу Англіи, такъ какъ она непремѣнно должна была рѣшиться ранѣе или позднѣе, но во всякомъ случаѣ въ непродолжительномъ времени.

Самая покорность Англіи почти безъ сопротивленія послѣ одного сраженія доказываетъ неотразимо истину этого положенія.

Страшна была битва при Гастингсѣ, но не такого характера, какъ сраженіе при берегахъ Гумбера. Не пѣли пѣсенъ богатырскихъ дружины Вильгельма, но становились на колѣна съ молитвою, полулицемѣры въ душѣ, но безъ всякаго сознанія своего лицемѣрія. Благословенія духовенства освящали ихъ будущій подвигъ и наводили невольное уныніе на ряды Саксонцевъ. Темною тучею стояли Гарольдовы полки на верху укрѣпленнаго холма, готовясь къ рѣшительной и малонадежной борьбѣ. И вотъ воспрянули пришельцы, и раздалась послѣ молитвы воинственная пѣснь Роланда, славы французскихъ паладиновъ. Сошлись враги, и началась битва. Съ утра до поздняго вечера рвались пришельцы пробить крѣпкій строй Саксонцевъ; градомъ сыпались стрѣлы Норманов, желѣзнымъ вихремъ налетала ихъ конница, закованная въ тяжелыя латы; но щиты Саксовъ отбивали стрѣлы непріятеля, и двуручный топоръ истреблялъ все, что приближалось въ мѣру его удара. Два раза клонилась побѣда на сторону Саксонцевъ, но двѣ неосторожности дружины, непослушной голосу короля и случайная смерть его рѣшили судьбу сраженія. Полное торжество увѣнчало Франко-норманцевъ, но слава мужества по праву принадлежитъ побѣжденнымъ Саксамъ, и войны слѣдующихъ вѣковъ доказали, что это мужество никогда не было утрачено ихъ долго угнетенными потомками и два раза отдавало почти всю Францію въ руки преемниковъ Вильгельма.

Паденіе Гарольда было паденіемъ царства. Очевидно, не внутреннія силы измѣнили народу; онъ ихъ сохранилъ надолго, навсегда: государство разошлось съ народомъ. Оно стало совершенно чуждымъ ему. Таково значеніе легкаго завоеванія норманскаго; таково послѣдствіе нестройнаго соединенія быта общиннаго, свойственнаго Саксамъ, а еще болѣе Англамъ, Варнамъ и Вильцамъ (Wiltshire) съ богатымъ дружиннымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ завоеванія, особенно заморскаго; таково послѣдствіе розни, постоянно существовавшей между сѣ-

вернымъ населеніемъ, въ которомъ сильную примѣсь составляли Англо - Славяне, приведенные Инглингомъ, Идою, и сплошнымъ саксонскимъ населеніемъ Юга; таково особенно послѣдствіе духовнаго разъединенія, введеннаго сперва встрѣчею римской проповѣди у Саксовъ съ свободною церковью Кельтовъ и окончательно утвержденнаго завоеваніемъ Англіи бенедиктинцами при Дунстанѣ.

Сознавая все важное и гибельное значеніе Дунстанова дѣла и глубокую безнравственность средствъ, употребленныхъ имъ и его сподвижниками, и сравнительную чистоту свободнаго направленія кельтской церкви, нельзя въ то же время не признать необходимости успѣха въ этой борьбѣ могучей и логической стихіи, представляемой западною Европою надъ неполнымъ и неразвитымъ началомъ свободы духовной, представляемымъ малою группою британскихъ острововъ, отдѣленныхъ моремъ и всею шириною Европы отъ Востока, гдѣ былъ его корень и откуда онъ могъ черпать силу просвѣщенія и мысли. Доказательствомъ этой необходимости служитъ то обстоятельство, что самая кельтская церковь, которая Саксамъ давала духовную свободу, сама подпала владычеству римскаго направленія полнѣе и невозвратнѣе, чѣмъ Саксы. Особенность, отличающая въ этомъ случаѣ Кельтовъ Эрина отъ Саксовъ Англіи, происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ того, что начало римское входило въ кельтскую землю медленно, соблазномъ мысли безъ примѣси насилія вещественнаго и слѣд. безъ ожесточенной борьбы; во-вторыхъ, отъ того, что самый характеръ Кельта, случайно сохранявшаго формы церкви первыхъ вѣковъ, вслѣдствіе своего удаленія отъ историческаго движенія европейской мысли, былъ болѣе сроденъ, чѣмъ характеръ саксонскій, предаться обаянію вещественной и пышно-обрядовой вѣры, которую приносили римскіе проповѣдники.

Трудно опредѣлить участіе, какое принимали города въ защитѣ Англіи противъ Франко-норманов. Города уже тогда имѣли важное значеніе въ государствѣ, ибо около ста лѣтъ послѣ Гарольда въ одномъ Лондонѣ считалось до 300 тыс.

жителей (число едва вѣроятное при населенiи всей Англiи, которое считается въ 2 миллiона во время завоеванiя). Правда, что въ Лондонѣ набралъ Гарольдъ часть своего войска, но такой наборъ еще не доказываетъ особеннаго сочувствiя горожанъ къ дѣлу саксонскаго короля. Лондонъ и нѣкоторые другiе большiе города сохраняли свою независимость и муниципальное устройство, завѣщанное Римомъ, до конца саксонской эпохи; другiе—утратили свои права ранѣе, но не вдругъ и не безъ борьбы.

Населенiе ихъ происходило по большей части отъ римскихъ провинцiаловъ и только впослѣдствiи получило сильный приливъ саксонскiй, который мало-по-малу измѣнилъ ихъ бытъ и народный составъ. Поэтому едва ли могла быть сильна привязанность горожанъ къ царственному дому Саксовъ и къ ихъ самостоятельности народной. Общее равнодушiе къ политической независимости, которое замѣтно во всю саксонскую эпоху, было вѣроятно еще сильнѣе въ стѣнахъ городскихъ, и стремленiе къ новому быту и иноземнымъ обычаямъ противъ котораго при Эдуардѣ возставала народная партiя должно было найти въ нихъ сильный отзывъ и содѣйствовать легкому успѣху норманской дружины. Нѣтъ сомнѣнiя, что и послѣ завоеванiя города̀ сохраняли многое, если не все, изъ своихъ правъ и что норманскмя династiя оказывала имъ покровительство. По крайней мѣрѣ они совсѣмъ не являются по всей англiйской исторiи въ той полной зависимости отъ баронства и даже правительства, въ которой они находились во Францiи. Англiя не знаетъ освобожденiя городскихъ общинъ, которое для Францiи началось со времени Людовика Толстаго, и освобожденiе англiйскихъ общинъ послѣ борьбы Генриха III съ баронами и при Эдуардѣ I относится почти единственно къ населенiю сельскому (или къ графствамъ). Вильгельмъ былъ настолько хитеръ, что онъ не могъ отдать сильныхъ и богатыхъ торговыхъ городовъ своего новаго королевства въ руки дружины, которой повиновенiе было всегда сомнительно, какъ онъ самъ зналъ изъ своихъ отношенiй къ своему феодальному государю.

Разумѣется, это относится только къ значительнымъ городамъ; разумѣется также, что свобода всѣхъ городовъ (такъ же, какъ и права сельскаго населенія) была сильно распространена и обезпечена во время споровъ баронства съ королевскою властью, когда обѣ партіи искали закупить союзъ городовой силы. Городъ Лондонъ имѣлъ свою, такъ сказать, государственную жизнь съ самаго начала англійской исторіи; во Франціи же нѣчто похожее на внутренній бытъ англійскихъ городовъ находимъ мы только на югѣ, въ старой, искони полу-римской Невстріи.

Эта особенная свобода и послѣдовавшее за нею процвѣтаніе городского населенія въ Англіи весьма важны въ ея умственной исторіи. Неполное и, такъ сказать, некоренное саксонство городовъ давало въ нихъ свободный доступъ романской стихіи въ бытѣ и языкѣ. Города, принимая новое начало, дѣйствительно возстановляли только старину свою, быть можетъ, не совсѣмъ забытую. Они романизовались несравненно скорѣе и полнѣе селъ. Такова причина огромной примѣси словъ, т.-е. понятій (ибо они нераздѣльны для историка), взятыхъ изъ языковъ романскихъ въ ново-англійскомъ языкѣ. Ее объяснить изъ одного вліянія дворянства и латинскаго духовенства было бы крайне неразумно, хотя въ это неразуміе впадаютъ всѣ историки, не понимающіе римской провинціальности Англіи до Саксонцевъ и англійскихъ городовъ при Саксонцахъ. Все условное, все общежительное, все рукодѣльное (особенно утонченное) получило имя себѣ изъ языка латинскаго. Все живое, сельское, духовное, природное, такъ сказать, Божіе, взято изъ германскаго источника, и эти двѣ струи проходятъ по всей исторіи англійскаго слова. Характеръ автора или его эпохи опредѣляетъ относительное преобладаніе латинской и германской стихіи въ ихъ языкѣ. Счетъ словъ на любой страницѣ, происходящихъ отъ того или другого корня, даетъ полное познаніе направленію писателя; и, съ другой стороны, достаточно знать это направленіе, чтобы опредѣлить напередъ, какая лексическая стихія преобладаетъ въ его языкѣ.

Сильное и, можно сказать, преобладающее значеніе саксонской стихіи въ англійскомъ языкѣ показываетъ всю важность народнаго начала, особенно сельскаго, во всей ея умственной исторіи. Ему должно приписать блескъ ея поэзіи, безспорно богатѣйшей въ новомъ мірѣ; ему—и ту свѣжесть слова, въ которомъ такъ сумрачна тѣнь лѣсовъ, такъ благоухаютъ луга, такъ золотятся нивы. Никогда не могъ Англо-Саксъ разлюбить вольную природу и рабски подчиниться мертвымъ законамъ городского общества и городской прихоти. Много прекрасныхъ садовъ и веселыхъ парковъ раскинулось теперь по Европѣ; они уже и въ дальней Сибири обхватываютъ зелеными поясами грубо-роскошные дома быстро нажившихся золотопромышленниковъ. Доброе слово благодарности Англіи и ея народной любви къ вольной красѣ Божьяго міра за всѣ эти тихія и задумчивыя сѣни, за свѣжесть луговъ, за естественныя очертанія водъ. Все это отстояла Англія противъ стриженныхъ садовъ Франціи и Италіи. Римъ уже полюбилъ, если не выдумалъ это уродованіе природы и ея заковываніе въ безобразныя формы какой-то мнимой архитектуры. Китай, надъ которымъ смѣется гордость нашего просвѣщенія, весь въ этой чисто-китайской прихоти XVII и отчасти XVIII вѣка. Сама по себѣ она ничего, — одна изъ тѣхъ глупостей, которыми человѣчество такъ щедро украшаетъ свой историческій путь на землѣ; но корень ея глубоко скрытъ въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, и это направленіе есть завѣтъ доисторической древности. Въ Китаѣ и въ Европѣ оно есть ничто иное, какъ отголосокъ тѣхъ условныхъ вѣрованій, той условной жизни, которыя отрицаніемъ свободнаго духа устремили всѣ физическія и умственныя силы человѣка къ одной цѣли, къ подчиненію видимаго міра правильному строю и условной симметріи. Торжество кушитства—храмы Египта, его чудная гидравлика, его вѣчныя пирамиды и его гробовые дворцы. Карикатура его—сады китайскіе и французскіе; но духъ и его настроеніе одни въ великомъ и смѣшномъ.

Ничего почти не дошло до насъ отъ поэзіи саксонскаго времени (*). Она была въ народѣ и не записана на дорогомъ пергаментѣ. Перемѣна языка погубила ее. Знаемъ мы только

то, что она существовала и что она не чуждалась жизни политической, славя или осмѣивая ея дѣятелей; знаемъ, что она имѣла и свои эпическія сказанія, въ которыхъ она сохраняла память о борьбахъ внѣшнихъ (особенно съ скандинавскимъ Сѣверомъ). Этому сохранились доказательства въ разсказахъ объ Гвидонѣ варвикскомъ и о Бевисѣ гамптонскомъ (перешедшемъ и въ Россію черезъ Италію); но самые разсказы въ ихъ поэтической формѣ погибли. За то ново-англійская поэзія просыпается не въ городахъ или замкахъ, въ которыхъ торговецъ и рыцарь лепетали какое-то варварское французское нарѣчіе, а въ глуши лѣса шервудскаго съ Робинъ Гудомъ и его веселыми товарищами, и во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ смѣлый стрѣлокъ саксонскій (перещеголявшій своихъ учителей норманцевъ въ стрѣльбѣ) борется съ утѣснительнымъ закономъ и съ утѣснительнымъ сословіемъ иноземныхъ властителей.

Англія при первыхъ норманскихъ короляхъ.—Ея развитіе въ сравненіи съ Франціею и Германіею.

Тяжело было это иноземное иго. Хитеръ былъ Вильгельмъ. Сначала много еще оставилъ онъ простора саксонскому быту: щадилъ его особенности и въ свою пользу даже вызывалъ его сердечную энергію, обращаясь въ часъ нужды къ чувству чести народной; но это продолжалось не долго. Народныя возмущенія подали поводъ или предлогъ къ строгости и къ жестокимъ наказаніямъ. Цѣлыя области были опустошены; села и города уничтожены и уступили мѣсто свое лѣсной пустынѣ, приволью для дикихъ звѣрей и широкому поприщу для охоты, къ которой Франко-Норманцы были также страстны какъ къ войнѣ и корысти. Эти возстанія не могли вести ни къ какой доброй цѣли, ни къ какой народной пользѣ; ибо самъ народъ не видалъ передъ собою ни пути разумнаго, ни предмета, къ которому онъ могъ бы напрячь и направить свои силы. Онъ не имѣлъ искони любви къ условности политическаго быта и привычки къ самоправленію въ смыслѣ государственномъ; онъ не стремился къ независимости и самостоя-

тельности племенной; онъ не могъ скликнуться съ одного конца на другой по всей Англіи для дружнаго возстанія на иноземнаго насильника, а частныя возстанія были легко подавлены феодальною дружиною, всегда готовою къ бою и всегда сосредоточенною, когда дѣло шло объ ея правахъ на собственность и объ самомъ ея существованіи. Мужество не измѣняло Саксонцу: представитель прежней его аристократіи, Геревардъ, баснословными подвигами внушалъ почтеніе и удивленіе своимъ норманскимъ врагамъ, долго отстаивалъ отъ нихъ силою руки и меча свою личную свободу и убѣжище, выбранное имъ въ глуши лѣсовъ и болотъ, и наконецъ принудилъ ихъ принять его въ свои ряды на правахъ полнаго равенства. Но частные подвиги не служили ни къ чему и отягощали только общую судьбу народа. Правильно и безъ остатка раздѣлилъ Англію Вильгельмъ между своими дружинниками; къ раздѣлу допустилъ онъ только немногихъ изъ прежнихъ землевладѣльцевъ и то въ низшей степени или въ состояніи утѣснительной подчиненности. Аристократію саксонскую уничтожилъ онъ совершенно. Феодальность, введенная имъ въ Англіи на почвѣ новой, отличалась отъ феодальности всей остальной Европы совершенною строгостью и стройностью вполнѣ выдержанной системы. Такое отличіе было послѣдствіемъ самого отношенія Англіи къ остальному Западу. Въ Европѣ романо-германской феодальность была плодомъ вѣковъ, дѣломъ медленно и неправильно выработаннымъ обстоятельствами и жизнію дружины, созидавшей себѣ лѣстницу чиноначалія, которая замѣняла чуждыя ей идеи отечества и государства въ смыслѣ временъ древнихъ и новыхъ. Какъ всякое произведеніе жизни и неотвлеченной мысли, она вездѣ была исполнена неправильностей и случайностей часто несогласныхъ съ ея духомъ и затрудняющихъ ея стройное движеніе. Въ завоеванную землю Вильгельмъ переносилъ готовую и выработанную уже систему, и ничто не мѣшало ея совершенству въ приложеніи.

Тоже самое находимъ мы и въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ феодальными дружинами, особенно же въ королевствѣ іерусалим-

скомъ, котораго положеніе было полнѣйшимъ образцомъ феодальности.

Но, перенося готовое учрежденіе, герцогъ нормандскій направлялъ его къ новой цѣли, которая была до тѣхъ поръ совершенно чужда самому учрежденію, къ основанію сильнаго государства. Сохраняя лѣстницу взаимной подчиненности, которая составляетъ необходимое условіе феодальной дружины, онъ связывалъ всѣхъ ея членовъ въ полнѣйшемъ единствѣ и въ прямой зависимости отъ ея главы, феодальнаго короля. Такова безспорно одна изъ главныхъ причинъ, почему сила Англіи, несравненнно болѣе сосредоточенная чѣмъ въ другихъ земляхъ, поставила ее на такую высокую степень между западными державами еще прежде, чѣмъ высказалось ея умственное и духовное превосходство. Тотъ же самый расчетъ, который руководствовалъ Вильгельма въ этомъ отношеніи, не допускалъ его черезъ мѣру унижать туземцевъ. Правительство должно было ихъ охранять противъ феодальныхъ владѣльцевъ для того, чтобы они съ своей стороны служили ему опорою въ возможныхъ борьбахъ съ непокорною дружиною. Дѣйствительно, состояніе туземцевъ при Вильгельмѣ и его ближайшихъ преемникахъ далеко не было такъ тяжело, какъ оно стало послѣ войнъ Стефана, когда вся Англія съ конца въ конецъ покрылась укрѣпленными замками, притонами норманскаго своеволія, наводнилась наемными войсками изо всѣхъ странъ западной Европы и была предана вполнѣ всякому насилію и всякому разбою, какія только могла злость сильнаго придумать противъ беззащитности слабаго. За всѣмъ тѣмъ и въ это время еще часто партіи Стефана и его противника Генриха прибѣгали къ помощи народа и поддерживали въ немъ поневолѣ желаніе свободы и надежду на нее. Язва саксонской Англіи, многочисленность рабствующаго сословія, стала исчезать при Норманахъ, и мало-по-малу рабство личное сельскаго населенія исчезло вполнѣ, сливаясь съ общимъ вассальствомъ и наполняя основу будущей народной силы. Освобожденіе всѣхъ низшихъ сословій и возведеніе ихъ въ степень участниковъ въ дѣлѣ правитель-

ственномъ принадлежитъ познѣйшей эпохѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ Вильгельмѣ, а еще болѣе при его мудромъ сынѣ Генрихѣ Книжникѣ (ибо такъ, кажется, слѣдуетъ перевести Beau-clerc), женатомъ на Саксонкѣ царскаго происхожденія, народъ вообще пользовался правами, какихъ тогда не имѣлъ ни одинъ народъ въ западной Европѣ, если только можно говорить объ народахъ тамъ, гдѣ ихъ почти не было (какъ напр. во Франціи). Царствованіе рыжаго тирана Вильгельма II было только мимоходящимъ бѣдствіемъ. Но Генрихъ, восходя на престолъ, обѣщалъ и довольно вѣрно сохранилъ обѣщаніе, что онъ не будетъ посягать на тѣ права, которыми пользовались всѣ его подданные во времена Эдуарда. Это обѣщаніе относилось очевидно только къ Англо-Саксамъ. Тяжкое угнетеніе пало на нихъ, какъ сказано, въ эпоху борьбы рыцаря Стефана съ Матильдою и въ царствованіе Генриха II, не смотря на заступничество духовенства и Беккета; тяжко было имъ и при безумно воинственномъ Ричардѣ и при бездушномъ Іоаннѣ; но тутъ уже они нашли заступниковъ въ рядахъ аристократіи, взявшей мечомъ права̀, извѣстныя подъ названіемъ Magna Charta, а вскорѣ при Генрихѣ III великій герцогъ Лейчестерскій положилъ прочное основаніе правамъ низшаго сословія, и Эдуардъ поневолѣ утвердилъ ихъ, чтобы имѣть возможность вести свои страшныя войны противъ Валлиса, который онъ сокрушилъ, и Шотландіи, которую онъ на время покорилъ, какъ будто для того только, чтобъ вызвать на свѣтъ ея энергію въ лицѣ безсмертнаго мученика Валласа и счастливаго освободителя Брюса. Не королевская власть положила начало народной свободѣ въ Англіи, какъ она во Франціи служила освобжденію городской общины; нѣтъ, эта свобода съ одной стороны коренилась въ древности, съ другой она получила свое конечное утвержденіе отъ союза дружины, и отъ того-то Англія представляетъ на западѣ почти единственный примѣръ земли, въ которой аристократія была и до сихъ поръ продолжаетъ быть связана искреннею любовью съ низшими сословіями.

Также какъ зло нравственное, когда проявляется въ формѣ исторической вражды и оскорбленія, сильнѣе дѣйствуетъ на виновнаго, чѣмъ на страдальца, заражая его душу цѣлымъ рядомъ логически развивающихся пороковъ и особенно порождая въ ней неугасимую злобу (какъ, напр., въ Нѣмцѣ противъ Славянина и въ Янки противъ краснокожаго), такъ и нравственное добро воздѣйствуетъ благодѣтельно на то лицо или сословіе, которое дало ему историческое проявленіе: англійская аристократія, утвердивъ свободу народа, дѣйствительно связалась съ нимъ глубокою и сердечною любовію.

Причина, почему ходъ освобожденія сельской общины (или сельскаго населенія, ибо общинный характеръ совершенно утратился при Норманнахъ) въ Англіи совершенно противоположенъ освобожденію городской общины во Франціи, очень проста. Дружина феодальная была во Франціи стихіею преобладающею. Король долженъ былъ поневолѣ искать противъ нея опоры въ городахъ. Король былъ безъ всякаго сравненія сильнѣе вассаловъ своихъ въ Англіи при систематическомъ устройствѣ ея Вильгельмомъ и при частомъ употребленіи наемныхъ войскъ (Брабансоновъ и другихъ) англійскими королями. Вассалы искали союза съ народомъ для равновѣсія. Къ этому должно прибавить и слѣдующія обстоятельства. Королевскій родъ не только вслѣдствіе своего происхожденія, но и вслѣдствіе значительныхъ владѣній во Франціи былъ совершенно чуждъ своимъ саксонскимъ подданнымъ. Потомки франко-норманскихъ дружинниковъ постояннымъ пребываніемъ своимъ между людьми саксонской крови и родственными связями съ прежнею саксонскою аристократіею были мало-помалу пересозданы въ Англичанъ. Выгоды и необходимость опоры въ борьбѣ съ королемъ, совпадая съ внутреннимъ влеченіемъ и бытовою привычкою, навели ихъ на прекрасное дѣло быть освободителями своихъ соотечественниковъ; а благодѣяніе предковъ, хотя и своекорыстное, вознаграждается еще до нашихъ дней изумительною силою потомковъ, если не по крови, то по сословію.

Духовенство вооружало Вильгельма для исполненія своихъ цѣлей; оно достигло ихъ. Духовенство саксонское было или изгнано или порабощено римской власти; но это должно разумѣть о началахъ свободной церкви, племенная же стихія саксонская сохранила свою важность въ духовной іерархіи, во сколько она сочувствовала съ Римомъ и служила ему. Эта стихія племенная, давшая въ скоромъ времени великаго примаса Англіи въ Ѳомѣ Беккетѣ (*), служила сильнымъ покровительствомъ всякому народному началу и ручалась за его сохранность и цѣлость, готовя его будущее значеніе въ политической жизни. Въ отношеніи къ королевской власти она скоро вступила въ ту борьбу, въ которую болѣе или менѣе вступало въ то же время все духовенство западной Европы. Было, правда, непродолжительное время, въ которое рыжій Вильгельмъ смѣлъ сказать: [1]) «Тотъ только и папа, кого я ризнаю; а въ дѣлахъ Англіи духовныхъ также какъ и свѣтскихъ, хозяинъ я одинъ», и находилъ поддержку въ бездушномъ Фламбардѣ [2]); было время, что глава королевства и представители духовенства вмѣстѣ грабили духовное достояніе, оставляя многія эпархіи вовсе не замѣщенными; но это не могло продлиться. Общій характеръ духовенства былъ измѣненъ завоеваніемъ франко-норманскихъ, и свободная церковь была подавлена не только въ своихъ сановникахъ, но и въ убѣжденіяхъ правительственной аристократіи мірянъ. Смерть Беккета рѣшила побѣду въ пользу Рима. И за всѣмъ тѣмъ прежніе зародыши свободной мысли не должны были гибнуть. Точно также, какъ прежніе проповѣдники западнаго направленія у Саксонцевъ послѣ жестокой вражды противъ кельтской свободы духовной мало-по-малу сроднились съ нею и болѣе

---

[1]) Ансельму, желавшему признать Урбана II-го, а не антипапу Климента III-го. *Изд.*

[2]) Епископъ Дургамскій Ральфъ Пассе Флаберъ или Фламбардъ, Норманецъ по происхожденію, былъ ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ Вильгельма. Объясненіе его прозвища даетъ Ансельмъ: „propter crudelitatem similem flammae comburenti praenomine Flambardus“ (Ep. IV, 2). *Изд.*

или менѣе стали подъ ея знамена, новые оруженосцы церковнаго государства заразились тою же свободою, которую усердно подавляли. Конечно, когда Іоаннъ вздумалъ отдать Англію въ полную подчиненность и въ вассальство римскому престолу, сопротивленіе дворянства и народа истекало изъ другихъ причинъ; но духъ свободы проявлялся въ многочисленности лоллардовъ, которыхъ помощь доставила почти полный успѣхъ йоркской партіи во время междоусобія Двухъ Розъ, въ безпрестанныхъ попыткахъ опредѣлить яснѣе права Рима на повиновеніе и дань и въ постоянномъ сопротивленіи народа духовенству всякій разъ, когда оно, по образцу другихъ странъ, старалось окружить себя признаками власти свѣтской и ограждать свои жилища укрѣпленными стѣнами.

Въ Шотландіи торжество Брюса, отлученнаго отъ церкви, имѣло также немалую важность; но вообще въ обѣихъ странахъ замѣчательна одна отличительная черта. Во Франціи и Германіи, за исключеніемъ древней области невстрійской, наполненной Альбигойцами, сопротивленіе Риму шло отъ правительства и имѣло значеніе спора о власти. Въ землѣ Англо-Саксовъ и приселившихся къ нимъ Датчанъ сопротивленіе шло отъ народа и даже духовенства и имѣло значеніе спора о самомъ ученіи. Оно имѣетъ не столько характеръ вещественнаго возстанія, сколько стремленія къ удержанію вѣры въ той области духа и мысли, которая ей принадлежитъ. Такъ, напр., мы видимъ, что, несмотря на многія преслѣдованія, протестующіе мыслители, подобные Оккаму находили защиту и убѣжище въ самыхъ стѣнахъ монастырскихъ обителей и удерживали за собою спокойствіе жизни и даже общественный почетъ.

Норманцы принесли въ Англію глубокое презрѣніе къ простотѣ жизни саксонской и къ ихъ мнимой дикости. Дѣйствительно, бытъ европейскій отличался отъ англійскаго роскошью и утонченностью внѣшнихъ привычекъ; да иначе и быть не могло. Съ одной стороны преобладалъ бытъ придворный и аристократическій; съ другой бытъ народный. Самое это превосходство внѣшнее объясняетъ соблазнъ, вслѣдствіе котораго

саксонская земля стремилась еще прежде Норманцевъ къ подражанію странамъ романскимъ.

Тоже самое въ позднѣйшую эпоху видимъ мы въ сильнѣйшей и самобытнѣйшей изъ земель славянскихъ.

Въ сущности же просвѣщеніе англо-саксонское было несравненно выше франко-норманскаго. Всякое начало слова и сознательной мысли шло отъ стихіи туземной. Еще прежде завоеванія, какъ уже сказано, словесность саксонская, писанная и неписанная, получила значительное развитіе: не рѣдки были духовные гимны и поэмы полу-ученыя и дидактическія, многочисленныя народныя пѣсни и сказки. Самая проза, обыкновенно появляющаяся послѣ поэзіи, считала немалое число произведеній, и всѣ эти творенія были на языкѣ англо-саксонскомъ (за весьма небольшимъ количествомъ латинскихъ сочиненій не только духовнаго содержанія, но и писанныхъ духовенствомъ). Слово норманское не оставило и не имѣло памятниковъ, кромѣ весьма немногихъ подражаній французскимъ современнымъ трубадурамъ или труверамъ, и объ нихъ едва ли стоитъ труда вспоминать. Эпическая сказка была однакоже не совсѣмъ чужда дружинному обществу, но не въ себѣ почерпало оно ея начало. Вражда противъ саксонскаго племени сближала Норманцевъ завоевателей съ врагами Саксовъ, Кельтами, не смотря на то, что кельтскій Валлисъ несравненно болѣе страдалъ отъ новыхъ властителей Англіи, чѣмъ отъ прежнихъ. Лѣнивое и сонное воображеніе пришельцевъ схватилось за поэтическія сказанія объ эпохѣ, когда горцы оспаривали у Саксовъ владѣніе римскою провинціею или, какъ вообще говорится, защищали свободу родины противъ германскихъ завоевателей. Эти сказанія, перестроенныя на новый ладъ въ подражаніе сказкамъ невстрійской и отчасти австразійской дружины о Карлѣ Великомъ, составили извѣстный циклъ Артура и его круглаго стола и мало-по-малу сдѣлались обще-европейскимъ достояніемъ. Ладъ этихъ сказокъ безспорно уже обличаетъ ихъ передѣлку франко-норманскими переводчиками; но основной характеръ ихъ сохранился и принадлежитъ несравненно выс-

шему поэтическому настроенію. Глубина страсти и нѣжность, какая-то особенная свѣжесть чувствъ, соединенная съ простотою, тяжкая скорбь, слышанная даже въ самыхъ затѣйливыхъ и почти веселыхъ разсказахъ и постоянно ощущаемая тѣнь трагической судьбы, грозящей этому фантастическому міру, все это дано кельтскою душою языку французскому, а не имъ создано и не изъ него почерпнуто. Наконецъ, въ сказаніи объ Сангреалѣ примѣсь богословской мистики и древне-церковныхъ преданій, связывающихся съ еще древнѣйшими преданіями о связи, нѣкогда существовавшей между туманною областью Кельто-Кумрійца и жаркими берегами, на которыхъ Семитъ-Финикіецъ строилъ свои торговыя столицы, указываетъ на ту духовную стихію мѣстной свободной церкви, нѣсколько искаженной друидизмомъ, которую не могла искоренить ни словесная дружина Дунстана, ни желѣзная дружина Вильгельма. За исключеніемъ этихъ займовъ, сдѣланныхъ скукою и праздностью зaмковъ и королевскаго двора у народной поэзіи Кельта, область слова и мысли у норманскихъ завоевателей не представляетъ ничего, кромѣ безплодной пустыни. Начало просвѣщенія принадлежало стихіи англо-саксонской. Но не совсѣмъ безъ художественнаго слѣда прошла эпоха завоевателей. Безмолвное просвѣщеніе римскаго Запада (ибо мы должны назвать безмолвнымъ то просвѣщеніе, которое по своему языку совершенно чуждо народамъ, а по содержанію лишено всякой свободы) связывалось корнями съ тѣмъ просвѣщеніемъ кушитскаго начала, которое лежало въ основѣ самаго Рима, его условной государственности и его невысказаннаго, но логически присущаго признанія «необходимости», какъ высшаго мірового закона. Односторонность этого просвѣщенія выражалась всегда и всегда старалась выражаться въ великолѣпіи памятниковъ зодчества. Тоже самое повторилось и въ Англіи. Англо-саксонскій народъ пѣлъ и мыслилъ, Норманецъ строился и, глядя на великолѣпіе йоркскаго собора, на строгую послѣдовательность архитектурной задачи въ вестминстерской церкви, на смѣлыя легкія стрѣлы многихъ старыхъ храмовъ и монастырей, незлобивый потомокъ дол-

женъ сказать слово благодарности за добро, завѣщанное этою эпохою, прощая зло невольное и безъ сомнѣнія неизбѣжное, ибо на Западѣ отдѣльная жизнь одного племени не могла устоять въ своей цѣльности и свободѣ.

Совершился великій переворотъ. Живой, подвижный, предпріимчивый и гордый Франко-Норманъ на время подавилъ вещественною связностью своей дружины и своимъ внѣшнимъ просвѣщеніемъ тихую и неустроенную энергію Англо-Сакса, но въ то же время научилъ ее сосредоточиваться для практическаго направленія. Земля Англо-Саксовъ вступила Англіею въ исторію западной Европы, получивъ имя и нѣкоторыя начала общиннаго быта и общиннаго суда отъ небольшого племени славянскаго, силу постояннаго труда отъ германскихъ Саксовъ, живую стремительность дѣйствія и политическаго движенія отъ норманской Франціи. Великая историческая будущность, огромное развитіе могущества, блескъ славы, чудные подвиги, первенство передъ всѣми народами въ художествѣ слова и въ ясности мысли: таковы были для Англіи плоды норманскихъ завоеваній. Но за то ей предстояли вѣка тяжелой и кровавой борбы, ложное направленіе мысли и неравенство въ состояніяхъ, которыхъ она до сихъ поръ преодолѣть не можетъ. Болѣе цѣльная и разумная, чѣмъ вся западная Европа, она не имѣетъ той цѣльности и простоты, которые были бы ея вѣроятнымъ достояніемъ, если бы болѣе благопріятныя обстоятельства и сношеніе съ просвѣщеніемъ менѣе одностороннимъ, чѣмъ просвѣщеніе романо-германское, дозволили саксонскому началу уцѣлѣть и помогли ему достигнуть своего полнаго развитія.

Много бѣдствій и много тяжкихъ эпохъ страданія вещественнаго и уничиженія духовнаго перенесла уже Англія; но она вышла изъ нихъ съ торжествомъ и можетъ надѣяться на такое же торжество въ будущемъ, если только сохранитъ неприкосновеннымъ сокровище неизсякаемой силы, завѣщанной ей издавна Кельтами и Саксами, свободу духа и мысли

религіозной и истекающія изъ нихъ свѣжесть чувства, важность помысловъ и ту сосредоточенность душевныхъ силъ, которая нелегко прельщается ложью, недолго поддается обману и не позволяетъ человѣку утратить любовь къ истинѣ и надежду на ея пріобрѣтеніе.

Эпоха саксонская миновалась; но она оставила слѣды не въ одной Англіи (ибо сѣверо-западная Франція получила свое населеніе отъ Кельтовъ, бѣжавшихъ передъ саксонскимъ мечемъ) и даже не въ одной Европѣ: ибо мы имѣемъ преданіе о бѣгствѣ валлійскихъ Кельтовъ, за океанъ и вѣрное свидѣтельство о томъ, что ихъ единородцы Ирландцы, сторонясь отъ бури, поднятой движеніемъ германскаго и скандинавскаго міра, удалились на далекій Западъ, въ пустыни сѣверной Америки, и основали тамъ колоніи въ послѣдствіи исчезнувшія, но безъ сомнѣнія измѣнившія во многомъ и племенной составъ и даже духовное настроеніе туземцевъ [1]).

Показанія первыхъ скандинавскихъ мореплавателей, посѣтившихъ берега Винланда, неопровержимы, и когда изгнанникъ съ славянскаго поморья, іомсбургскій витязь, Біорнъ Асбрандсонъ [2]), князекъ маленькаго американскаго княжества, сказалъ своимъ соотечественникамъ, что на юго-западѣ живутъ Ирландцы и что земля ихъ называется великая Ирландія, критика не имѣетъ ни права, ни даже возможности оподозрить слова, въ которыхъ не слыхать ни хвастливости, ни сказочнаго вымысла. Замѣчательно то обстоятельство, отчасти случайное, что племя, посѣтившее берега Америки прежде всѣхъ другихъ, теперь почти цѣликомъ переселяется въ ея плодонесный просторъ. Другое переселеніе Кельтовъ во Францію снова сблизило ихъ съ землею *Вендовъ*, *Вендеею*, возобновляя древнюю ихъ черезполосность, объ которой никогда память не исчезала, сохра-

---

[1]) Ср. Antiquitates Americanae, sive scriptores Rerum Ante Columbianarum in America ed. Soc. Regia Antiquariorum Septentrion., стр. 200 и слѣд. *Изд.*

[2]) Авторъ ошибся, приписавъ Біорну Асбрандсону разсказъ, сообщенный Ирландцемъ Біорномъ Гримольсономъ, спутникомъ Торхина Карлсефнія. Тамъ же, стр. 162—5. *Изд.*

няясь въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Такъ, въ народномъ циклѣ Артура и его сподвижниковъ одно изъ самыхъ поэтическихъ и оригинальныхъ лицъ, первообразъ граціознаго Персеваля, называется *Передуромъ, княземъ Вендскимъ* (*); и носитъ на себѣ весь характеръ сказачнаго русскаго героя Ивана Дурачка.

Наука не можетъ не представить слѣдующаго вопроса: почему Германія въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ гораздо менѣе германскаго народнаго характера, чѣмъ Англія? Причины этого явленія очень просты: сѣверная Германія, которой стихіи были особенно чисты и безпримѣсны, была постоянно подавлена силами средней и южной полосы и завоевана ими, утрачивая подъ гнетомъ рыцарскихъ завоевателей простоту своей народной жизни. Западныя и южныя области, искаженныя и перешедшія въ форму быта дружиннаго сперва отъ вліянія Рима, потомъ отъ наплыва готскихъ, свевскихъ и бургундскихъ дружинъ, были окончательно закованы въ эту форму завоеваніемъ Франковъ поморскихъ (Меровеевъ) и устройствомъ государственности императорской. Вражда и борьба народовъ, составляющихъ германскую имперію, заставляли каждую область замыкаться все болѣе и болѣе въ сосредоточенный строй военный и жертвовать народною свободою; аллодіальная система, соединившись съ огромною важностью должностей, истекающихъ отъ дворовъ королевскихъ и императорскихъ, рано перешла въ могучій феодальный организмъ. Вѣча, областныя и общія, скоро потеряли все свое значеніе и перешли въ съѣзды феодальныхъ владѣльцевъ, не имѣя ничего общаго съ виттенами Саксовъ и Англовъ. Сочетаніе Германіи, Италіи и земель романскихъ ввело въ устройство Германіи и въ ея бытъ вещественный и умственный преобладаніе стихіи римской или романизованной; наконецъ, главная причина та, что Христіанство было введено на британскихъ островахъ въ его простотѣ и многосторонности первыхъ вѣковъ (*), а въ Германію перешло оно уже со всею односторонностью своего римскаго развитія. Таковы причины, убившія живую самобытность народнаго міра германскаго.

Италія послѣ Карла Великаго.

Изъ трехъ частей, на которыя распалась имперія Карла, первая получила историческую важность Германія. Франція въ значеніи государства скоро впала въ ничтожество, изъ котораго вышла только послѣ своего новаго сосредоточенія Капетами, но за то имѣла весьма важное вліяніе на образованность и особенно на общежительность всей Европы. Италія въ отношеніи къ государственному устройству пала еще ниже, но за то служила средоточіемъ мысли, давшей направленіе всей исторіи Европы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Лонгобарды, завоеватели средней Италіи, отчасти проникшіе въ южную, не были народомъ, какъ Саксы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣли притязанія быть единственными жителями завоеванныхъ областей, вольными тружениками земли, взятой ихъ мечемъ; не были они и крѣпкою личною дружиною, какъ Франки поморскихъ князей; они составляли племенную дружину, и первоначальныя отношенія ихъ къ Италіи были таковы же, какъ и отношенія предшествовавшихъ имъ Остъ-Готовъ. Владѣли они всѣмъ на правѣ наслѣдственныхъ помѣщиковъ, получая половину или треть всѣхъ плодовъ земли, обработываемой не ихъ трудами, а трудами побѣжденнаго племени. Держава ихъ была ограниченнѣе и безъ сомнѣнія слабѣе готской, но они уцѣлѣли потому, что для восточной Имперіи не возвращалась эпоха Юстиніана. Она сама едва сохраняла свое ослабѣвшее существованіе противъ натиска Аваровъ и Персіи, а потомъ Славянъ и Сарациновъ.

Очевидно завоеваніе Италіи германскими племенами было необходимостью; ибо мы не видимъ въ ней самой ни малѣйшей способности къ отпору. Развращенная своимъ прежнимъ величіемъ, которому служилъ весь римскій миръ, она вслѣдствіе чисто общественнаго просвѣщенія своего не развила въ своихъ жителяхъ личныхъ силъ разума, какъ Востокъ, и гибла внутреннимъ безсиліемъ, называющимъ на себя иноземное иго. Тоже самое относится ко всему западно-римскому міру; но Италія стояла еще ниже всѣхъ другихъ областей по привычкамъ своимъ къ нѣгѣ и эпикурейской роскоши.

Лонгобарды въ отношеніи къ просвѣщенію и нравственности стояли ниже Готовъ, къ которымъ они принадлежали по началу племенному: они не имѣли ни многовѣковой славы, ни богатства поэтическихъ преданій, облагороживающихъ душу, ни знакомства съ образованностію Востока, ни выгодъ долгаго (хотя отчасти насильственнаго) сожительства съ мирнымъ племенемъ Славянъ, какъ сподвижники Ѳеодорика. Они были дружиною готскаго начала, но съ огромною примѣсью другихъ германскихъ семей. Жизнь и отдѣльную и историческую получили они внутри Германіи во время того народнаго броженія, которое сдвигало всѣ племена съ мѣста на мѣсто, устремляя ихъ на Юго-Востокъ до тѣхъ поръ, покуда возстаніе восточныхъ Славянъ не бросило ихъ на Западъ. Въ этой бурной и военной жизни возрастала полу-разбойничья дружина Лонгобардовъ, кочуя подобно другимъ съ мѣста на мѣсто, но по недостатку силъ не устремляясь на дальнія предпріятія, а стараясь только по возможности расширять свою область на счетъ слабѣйшихъ мечемъ или коварствомъ. Такимъ образомъ пріобрѣла она нѣкоторую важность, нѣкоторую славу мужества, а еще болѣе славу безпощадной жестокости. Рыхлый аристократическій союзъ Лонгобардовъ замѣнилъ въ Италіи кратковременное владычество восточной имперіи. Дикіе пришельцы, отчасти язычники; по большей части Аріяне, были разумѣется равно ненавистны и народу и духовенству; но безсильный край не могъ сопротивляться и только съ помощью византійской имперіи спасъ еще на время независимость нѣкоторыхъ областей (какъ-то Экзархата, генуезскаго поморья, Рима и южныхъ провинцій), защищенныхъ или искусственными укрѣпленіями и водою или горами и непроходимыми лѣсами. Долго слабые Лонгобарды не старались распространять своей власти, находя просторъ болѣе чѣмъ достаточный въ сѣверной и отчасти средней Италіи. Первымъ дѣломъ ихъ было разрушеніе или разграбленіе городовъ, которыхъ пользы они не понимали, и война противъ всякой образованности; но это не могло продолжаться. Образованность была уже допущена тѣмъ, что города не были разрушены и что уцѣлѣлъ

сельскій народъ, необходимый для лѣнивой дружины, не желающей питаться собственными трудами, какъ Славянинъ и Саксъ. Первымъ признакомъ возрастающей образованности вслѣдствіе того юридическаго стремленія, которое принадлежало римской почвѣ, было законодательство. Первый кодексъ, основанный безспорно на прежнемъ неписанномъ обычаѣ, заключаетъ въ себѣ законы, относящіеся единственно до владѣтельной дружины: о подчиненномъ народѣ почти нѣтъ и помина; онъ существовалъ очевидно только какъ фактъ необходимый, но не имѣющій правомѣрнаго опредѣленія (*).

Это дало нѣкоторымъ близорукимъ критикамъ поводъ утверждать, что прежнее народонаселеніе было почти вовсе истреблено. На это достаточно отвѣчаютъ нарѣчія сѣверной Италіи, въ которыхъ германская стихія такъ слаба.

Позднѣйшіе памятники лонгобардскаго законодательства уже показываютъ отношенія болѣе правомѣрныя между племенами властвующимъ и подвластнымъ, также какъ и значительное смягченіе нравовъ. Общія же черты лонгобардской исторіи представляютъ довольно низкую степень нравственности, готовность принять пороки византійскаго и римскаго быта, безъ того стремленія къ просвѣщенію, которое отличало Аравитянъ первыхъ династій и Саксовъ альфредова времени. Точно также незамѣтно въ завоевателяхъ Италіи и той воинственной энергіи, которою отличались Франки и многіе изъ королей вестъ-готскихъ. Распространеніе ихъ области было медленно и происходило болѣе отъ крайней слабости Византіи, чѣмъ отъ собственной ихъ силы; къ концу же ихъ независимаго существованія оно происходило уже отъ значительнаго сближенія съ туземными стихіями и въ то же время представляло ясные признаки приближающагося распаденія.

Попытки отдѣленія южныхъ герцогствъ и стремленіе ихъ къ независимости, подавленныя отчасти силою, отчасти хитростью, указаютъ уже на слабость общей государственной связи.

Иначе и быть не могло. Съ самаго начала лонгобардскаго владычества исторія ихъ представляетъ болѣе характеръ союза между князьями (герцогами) равноправными и мало зависящими отъ общаго вождя, чѣмъ характеръ крѣпко сплоченнаго и сосредоточеннаго общества. Зародышъ раздоровъ существовалъ отъ первой минуты существованія самаго царства. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что сильное сближеніе съ прежними стихіями, смягчая нравы, приготовляло переходъ къ эпохѣ новаго просвѣщенія полнѣе чѣмъ во Франціи, и особенно значительное развитіе городовой жизни, которая дѣйствительно въ скоромъ времени стала оказывать признаки большей дѣятельности и процвѣтанія, чѣмъ на всемъ остальномъ Занадѣ, можетъ быть за исключеніемъ южной Франціи. Самые законы лонгобардскіе показываютъ (по крайней мѣрѣ въ первую эпоху) большую связность дружиннаго устройства, не въ общемъ государственномъ смыслѣ, а въ отношеніи взаимной отвѣтственности дружинниковъ внутри мелкихъ округовъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ Германцами, за исключеніемъ Англіи (*).

У Вестъ-Готовъ испанскихъ эта отвѣтственность уже почти вполнѣ отмѣнена около 60-ти лѣтъ послѣ полнаго ихъ переселенія за Пиренеи.

Эта самая связь дружинниковъ внутри округовъ должна была приготовить легкій переходъ къ быту муниципальному при переселеніи ихъ потомковъ внутрь городовъ. И дѣйствительно, можно замѣтить еще прежде франкскаго завоеванія сильные зачатки муниципальнаго устройства, въ которомъ критикѣ трудно отличить начало германское отъ начала древне-римскаго. Но царству Лонгобардовъ невозможно было сохранить цѣльность и самостоятельность. Кромѣ явныхъ, внутреннихъ причинъ паденія была внѣшняя причина, которой сила должна была сокрушить власть Лонгобардовъ, какъ она впослѣдствіи сокрушила всѣ самостоятельныя государства Италіи. Это была обще-западная идея церковнаго государства, мало-по-малу вырабатывающаяся въ папскомъ престолѣ.

Городъ Римъ, какъ уже сказано, задолго до паденія Имперіи, утратилъ свое владычество (собственно со времени Траяна, перваго изъ сознательныхъ государей всей имперіи, ибо Веспасіанъ еще не понялъ своего значенія). Онъ еще нѣсколько времени сохранялъ призракъ почетнаго первенства, но и тотъ исчезалъ все болѣе и болѣе и разсѣялся наконецъ вовсе. Сама Италія никогда не имѣла провинціальнаго устройства и слѣдовъ цѣльности административной (такова причина, почему она никогда не давала императоровъ Имперіи): разрозненность и безсвязность всѣхъ частей отличали ее отъ всѣхъ провинцій. Она не могла подготовить цѣльнаго государства; его создать не могъ и Римъ, который способенъ былъ къ значенію центра всемірнаго, но не способенъ былъ быть центромъ провинціальнымъ. Съ другой стороны Римъ, исполненный своихъ великихъ воспоминаній, возвеличенный первенствомъ въ іерархіи духовной и окруженный какимъ-то миѳическимъ блескомъ въ глазахъ германцевъ, нѣкогда дрожавшихъ передъ его именемъ, не могъ пасть въ ничтожество. Онъ собиралъ въ себѣ и около себя новыя силы для будущаго своего призванія — стать во главѣ всего западнаго христіанства. Слабый вещественными средствами, онъ удерживался противъ напора лонгобардскаго помощію Византійцевъ и, между тѣмъ, мало-по-малу отрываясь отъ Византіи, старался въ самой Италіи вводить нѣкоторое устройство городовое и областное и особенно искалъ себѣ союзниковъ и покровителей въ областяхъ Запада, завоеванныхъ Германцами. Эти защитники нашлись ему въ народѣ Франковъ. Лонгобарды, также какъ и Готы, были ревностными аріанами при вступленіи въ Италію; и такъ взаимная вражда ихъ съ Римомъ имѣла двойной характеръ, государственный, духовный. Мало-по-малу никейское исповѣданіе замѣнило аріанство, но вражда не угасла. Лонгобарды усиливались все болѣе и болѣе; а Римъ, чувствуя увеличивавшуюся независимость Византіи и свое возрастающее значеніе въ мірѣ духовномъ, менѣе чѣмъ прежде могъ покориться чужому владычеству, тѣмъ болѣе, что это владычество по близости своего центра должно было тяжелѣе лечь на его

плеча, чѣмъ власть дальней Византіи, и что самый народъ лонгобардскій, хотя уже присоединившійся къ церкви, считалъ еще въ своихъ нѣдрахъ огромное число аріанъ (отъ которыхъ впослѣдствіи произошли Патарены и Катары, принявшіе впрочемъ большую примѣсь манихейства, никогда не исчезавшаго въ Италіи). Чѣмъ болѣе угрожала Риму сила Лонгобардовъ, тѣмъ тѣснѣе старался онъ соединяться союзомъ съ Франками; но Франки сами были тогда раздвоены. Преемники Клодвига по крови были уже въ то время только преемниками его патриціата, т.-е. его значенія покровителя духовенства и начальника галло-римскаго населенія; значеніе же начальника дружины перешло къ мерамъ. Король, съ которымъ духовенство было связано узами много-вѣковаго покровительства, былъ безсиленъ и не могъ защитить папскаго престола. Меры не хотѣли спасать власть, которая была имъ враждебна и отчасти доказала имъ свою вражду въ дѣлахъ германскихъ. Папа купилъ необходимый союзъ, отдавъ всѣ права королевскія меру Пипину. Пипинъ спустился съ Альпійскихъ горъ въ равнины Ломбардіи и однимъ ударомъ сломилъ силу Лонгобардовъ. Римъ былъ спасенъ, но Лонгобарды еще не погибли. Осторожно скрывая свои замыслы, они выжидали времени болѣе благопріятнаго. Смерть Пипина возвратила имъ надежду. Молодость Карла еще не высказала его будущаго величія, и имя его не внушало того страха, которымъ сопровождалось имя его непобѣдимаго отца. Лонгобарды снова попытались тронуться къ югу и захватить Римъ въ своемъ завоевательномъ движеніи. Эта попытка рѣшила участь Лонгобардовъ. Бурею налетѣли франкскія дружины, и рушилось царство слишкомъ слабое для сопротивленія и слишкомъ безосновное для будущаго возстанія. Отъ самаго Карла до Оттона I-го, возстановителя Имперіи, сѣверная Италія была поприщемъ смутъ, которыхъ смыслъ почти исчезаетъ даже для спеціальнаго историка и не заслуживаетъ вниманія для исторіи всемірной. Франкское начало пустило крѣпкіе корни въ почвѣ, на которой ничего прочнаго оно не застало. Движеніе, измѣнившее учрежденія аллодіальныя въ феодальныя, отозвалось и въ Италіи, но не могло получить развитія вслѣдствіе

крайней раздробленности области, не позволявшей никакого значительнаго сосредоточенія. Государи, преемники и потомки Карла пользовались еще меньшимъ повиновеніемъ чѣмъ Карловинги французскіе, находясь въ безпрестанной борьбѣ не только съ непокорными ленниками, но и съ городами, которые въ послѣднее время лонгобардской независимости получили свое новое значеніе. Развратъ нравовъ въ это время смутъ доходилъ до крайности, соединяя склонность къ изнѣженной утонченности и роскоши съ какою-то изысканною жестокостью, которая впослѣдствіи породила въ сѣверной Италіи явленія едва ли не безпримѣрныя въ мірѣ, несмотря на то, что его лѣтописи богаты разсказами о хладнокровной злобѣ людской. Война не имѣла благородства, ибо никогда не имѣла высокой цѣли; побѣда не знала пощады, миръ не имѣлъ никакихъ нравственныхъ залоговъ. За всѣмъ тѣмъ, въ одномъ отношеніи Италія стояла выше другихъ западныхъ народовъ: аристократія не преобладала исключительно; она была тѣсно связана съ городами. Это началось еще во время Лонгобардовъ и не могло быть вполнѣ измѣнено кратковременнымъ владычествомъ Франковъ. Такимъ образомъ являлся призракъ народной жизни, но слишкомъ глубоко развращенной и слишкомъ разорванной въ самомъ своемъ историческомъ корнѣ, чтобы принести богатые плоды. За всѣмъ тѣмъ, ей безъ сомнѣнія должно приписать раннее процвѣтаніе науки и искусства.

Тоже самое отчасти относится и къ южной Франціи, которой развитіе было впослѣдствіи остановлено новымъ завоеваніемъ во время альбигойскихъ войнъ.

Тоже самое повторялось и въ лонгобардскихъ частяхъ южной Италіи. Они никогда не были вполнѣ завоеваны франкскою дружиною, но мало-по-малу внутреннею жизнію примкнули къ ея системѣ вслѣдствіе естественнаго стремленія аллодіевъ переходить въ феодальное сочлененіе при ослабленіи центральной власти.

Впрочемъ, истинная эпоха феодальности, возведенной почти до наукообразной отвлеченности, начинается на югѣ съ Норманами.

Южные города собственно лонгобардской области никогда не достигали той важности, которую они получили на сѣверѣ; а всѣ стихіи жизни были еще мельче, еще разрозненнѣе вслѣдствіе характера гористой мѣстности и недостатка силъ въ какой-нибудь изъ нихъ для одолѣнія другихъ. Въ обезсмысленномъ кипѣніи личныхъ страстей человѣкъ не могъ дойти ни до идеи отечества, ни до высшаго понятія о человѣчествѣ.

Нѣсколько счастливѣе было византійское приморье (ибо все владѣніе византійское въ Италіи ограничивалось почти единственно приморьемъ). Безъ сомнѣнія и въ немъ жизнь личная, также какъ и жизнь общественная, стояла на весьма низкой степени; но сравнительно съ другими частями Италіи было менѣе смутъ, болѣе личной безопасности, болѣе просвѣщенія и сильнѣйшее развитіе торговли.

Такова, вѣроятно, причина, почему нѣсколько позже города этого поморья ранѣе другихъ получили значительность въ мореплаваніи по Средиземному морю; еще позже они погибли, будучи подавлены сосредоточеніемъ власти въ рукахъ норманской династіи, тогда какъ сѣверные развились вслѣдствіе своей независимости.

Особенное устройство городовое, не лишенное нѣкоторой свободы и нѣкоторой самостоятельности, замѣтно въ этихъ городахъ. Основы его безъ сомнѣнія римскія или туземныя. Византія мало имѣла вліянія на ихъ внутреннюю жизнь; въ своихъ восточныхъ областяхъ она скорѣе подавляла, чѣмъ возвышала самобытность городовыхъ учрежденій; но она должна была ихъ допускать въ Италіи потому, что поневолѣ искала помощи въ туземцахъ, чтобы защитить владѣнія, недостаточно охраненныя постоянными войсками, которыхъ пересылка и содержаніе обходились дорого, а присутствіе всегда требовалось на границахъ восточныхъ и сѣверныхъ. Нельзя не замѣтить глубокаго антагонизма между началами просвѣщенія византій-

скаго и западнаго въ томъ обстоятельствѣ, что, несмотря на постоянное сосѣдство византійскихъ владѣній съ Лонгобардами, потомъ Франками, а позже Германцами и несмотря на огромное превосходство міра греческаго въ отношеніи къ знанію, вліяніе его на Западъ менѣе замѣтно, чѣмъ вліяніе Аравитянъ. Дряхлѣющее просвѣщеніе, повидимому, не могло уже ничего оплодотворить и едва охраняло свое собственное существованіе отъ завоеванія невѣжества.

Лонгобарды южные, хотя и подвластные франкской имперіи, получили большое значеніе со времени паденія королевства, вѣроятно вслѣдствіе прилива своихъ единокровныхъ, удалявшихся изъ областей, въ которыхъ чувствительнѣе было франкское завоеваніе. Они безпрестанно стремились расширять свою власть на счетъ византійцевъ и мало-по-малу стѣсняли ихъ владѣнія. Вообще власть Византіи въ Италіи не имѣла никакой надежной основы; на сѣверѣ она подверглась сильнымъ нападеніямъ могучихъ государствъ, лонгобардскаго, потомъ франкскаго и германскаго, отъ которыхъ отстаивалась съ трудомъ, хотя иногда и наносила имъ пораженія посредствомъ превосходства своего на морѣ; на югѣ ей безпрестанно угрожали герцоги лонгобардскіе или туземные, менѣе сильные, но болѣе постоянные въ своемъ стремленіи и болѣе близкіе къ сочувствіямъ ея туземныхъ подданныхъ. Наконецъ, еще далѣе на югѣ она должна была бороться съ врагами еще страшнѣйшими, африканскими Сарацинами, воинственными, свирѣпыми, сильными многочисленностью постояннаго войска, составленнаго изъ рабовъ (изъ которыхъ самыми вѣрными и мужественными считались Славяне) (*) и сильнымъ флотомъ, т.-е. тѣмъ самымъ оружіемъ, которое одно еще спасало имперію. Отъ Сарацинъ потерпѣла она самыя жестокія пораженія въ Италіи: они отторгли отъ нея Сицилію послѣ кровавой борьбы далеко не безславной для Грековъ, которые нѣсколько лѣтъ оспаривали у нихъ это богатое владѣніе, житницу Италіи и Греціи, и нѣсколько разъ почти совершенно вытѣсняли изъ него своихъ неутомимыхъ враговъ, несмотря на ихъ мужество и

безчисленныя ополченія. Наконецъ, Сицилія пала окончательно въ руки магометанъ. Ихъ разбойничьи корабли стали постояннымъ бичомъ береговъ южной Италіи; ихъ разбойничьи шайки стали грозить самому Риму и опустошать всю ломбардскую и византійскую область, а крѣпости, ими захваченныя и обращенныя въ неприступные притоны, стали угрожать даже постояннымъ завоеваніемъ; но ихъ успѣхи были остановлены другими разбойниками изъ дальняго сѣвера. Норманны, бродившіе по всѣмъ морямъ за добычею и славою военнаго подвига, прибыли изъ Франціи въ южную Италію. Нанятые Византійцами для защиты отъ герцоговъ туземныхъ [1]) и, кажется, обманутые ими, они имъ отмстили тѣмъ, что призвали на помощь новыя вольницы своихъ единоземцевъ и въ короткое время изгнали Грековъ изо всего поморья. Съ этимъ племенемъ, закаленнымъ въ боевой жизни, не могли бороться мелкіе бездушные князьки туземные; съ нимъ не могли бороться и болѣе воинственные и сильные Сарацины. Рядомъ битвъ и подвиговъ почти баснословныхъ [2]), соединенныхъ съ невѣроятнымъ постоянствомъ и терпѣніемъ и съ коварствомъ, отличавшихъ всѣхъ Нормановъ, потомки нормандца Танкреда готевильскаго (de Hauteville) захватили всю южную Италію [3]), вырвали Сицилію изъ рукъ африканскихъ Магометанъ и основали могучее государство, имѣвшее значительное вліяніе на послѣдовавшую борьбу имперіи и папства. Имперія германская нашла въ нихъ неодолимую препону въ своемъ стремленіи распространиться на югъ; а имперія восточная нѣсколько времени трепетала передъ ихъ возрастающею силою и съ трудомъ остановила ихъ завоевательный порывъ по преимуществу помощію непоколебимой твердости саксонскихъ дружинъ, оставившихъ свою родину, чтобы не покориться другимъ Норманамъ, завоевавшимъ ее.

---

[1]) И отъ Сарацинъ сицилійскихъ. *Изд.*

[2]) Напр., въ битвѣ при Эннѣ, Рогеръ разбилъ 15,000 Сарацинъ съ семьюстами норманскихъ рыцарей. *Изд.*

[3]) Послѣдній городъ, въ которомъ еще держались Греки, Бари былъ взятъ Робертомъ Гвискардомъ въ 1071 году. *Изд.*

Мужество, не спасшее саксонской Англіи на гастингской равнинѣ, было главнымъ орудіемъ спасенія имперіи [1]).

Въ этомъ-то уничтоженномъ состояніи Италіи особенно ясенъ законъ, связующій явленія историческія въ ихъ послѣдовательности,—прошедшее съ настоящимъ и настоящее съ будущимъ. Среди ея политическаго ничтожества и порабощенія всякой пришлой власти живетъ одно—идея Рима, а идея Рима созидаетъ всю исторію среднихъ вѣковъ. Титулъ императора взятъ былъ Карломъ въ Италіи, и съ Италіею казался онъ связаннымъ неразрывными узами. Французскіе Карловинги, забывая притязаніе на него, дряхлѣли въ безплодныхъ усиліяхъ удержать за собою хоть ограниченную власть королевскую; германскіе погасли, и возстановленное единство Германіи при Птицеловѣ не думало объ императорскомъ званіи. Ничтожные и минутные владѣтели сѣверной Италіи, едва схватившись за какую нибудь тѣнь власти, всегда спѣшили надѣть императорскій вѣнецъ на безсильную и безславную голову.

Конечно были и изъ нихъ люди не безъ энергіи и дарованій (какъ напр. Беренгаръ); но ихъ явленіе не измѣняло нисколько общаго хода историческаго и не клало никакихъ новыхъ основъ для скрѣпленія государства. Вообще можно замѣтить, что званіе императорское сгубило Карловинговъ. Оно создало какое-то условное единство, основанное на отвлеченномъ понятіи, и отняло у каждой мѣстности свою мѣстную энергію; или, лучше сказать, унижая значеніе племенъ передъ государствомъ, обратило ихъ силы противъ самого государства: ибо каждое племя старалось обособить себя для удержанія своего значенія историческаго. Преемники же Карла, стремясь сначала достигнуть того величія, которое было завѣщано родоначальникомъ, не думали пользоваться для своихъ выгодъ этимъ племеннымъ стремленіемъ къ обособленію, а напротивъ того въ

---

[1]) Въ битвѣ при Дураццо (1081) участвовали значительные отряды Англо-Саксовъ. Хотя Греки потерпѣли совершенное пораженіе, однако побѣда досталась такъ дорого Норманамъ, что они должны были остановиться въ своемъ наступательномъ движеніи. *Изд.*

своемъ стремленіи къ государству отвлеченному разрывали свои связи съ дѣйствительно существующими государствами, т.-е. съ ихъ мѣстными стихіями и, равнодушно допуская ихъ нестройное броженіе, окончательно гибли отъ борьбы съ силою, которою не хотѣли пользоваться и не думали управлять.

Но императорство было очевидно не способно обнять все приложеніе древне-римской идеи правомѣрнаго государства къ новой, христіанской эпохѣ: оно не содержало въ себѣ начала самоосвѣщенія, котораго требовала мысль христіанская, ибо Западъ не понималъ еще невозможности совмѣщенія понятій христіанскихъ и понятій о государствѣ, т.-е. воплощеній христіанства въ государственную форму. Антагонизмъ этихъ понятій высказался позднѣе въ исторіи, а еще позднѣе въ сознательномъ мышленіи. Освящающее начало само стремилось выдѣлиться и стать въ независимость отъ всякаго внѣшняго вмѣшательства. Это стремленіе, хоть разумѣется еще безсознательно и неясно, стало выражаться въ папахъ съ самаго того времени, какъ сношенія съ Востокомъ затруднились, какъ Имперія менѣе могла имѣть вліянія на Римъ и какъ папа, духовный глава и почти свѣтскій правитель города, сдѣлался необходимымъ союзникомъ длл Византіи, помогая ей удерживать остатки власти въ Италіи. Это время совпадаетъ съ эпохою Григорія Великаго и соименныхъ ему преемниковъ [1]). Увеличеніе свѣтскихъ правъ папы было узаконено беззаконнымъ и ненавистнымъ Ѳокою, и столбъ, который можно бы назвать позорнымъ, свидѣтельствуетъ донынѣ о гибельномъ благодѣяніи и постыдной благодарности. Но восходящее движеніе папства было, какъ уже сказано, обусловлено необходимымъ развитіемъ древне-римской мысли, привитой къ христіанству; оно не зависѣло ни отъ лицъ, ни отъ обстоятельствъ, а отъ сущности мысли и односторонности юридическаго образованія. Въ эпоху Лонгобардовъ папство, подъ без-

[1]) Григорія II (715—731) и Григорія III (741), т.-е. съ эпохою кончающеюся восшествіемъ на папскій престолъ папы Захарія въ 741 году. *Изд.*

престанною грозою гибели отъ ихъ вражды и при довольно частыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ въ Византіи (особенно во время иконоборства), продолжало сильнѣе и сильнѣе дѣйствовать своими духовными оружіями на Западъ и сосредоточивать около себя надежды и мысленныя силы древне-римскихъ стихій въ Италіи. Гроза лонгобардская не была уже дѣйствительно страшна этой власти, вкорененной въ душахъ и убѣжденіяхъ, ибо сами Лонгобарды вступили въ ту же мысленную область, изъ которой возникала идея папства; но побѣды Пипина отстранили даже возможность временнаго потрясенія и упрочили новое зданіе, давъ значительную власть свѣтскую духовному владыкѣ. Побѣды Карла довершили дѣло, начатое отцомъ, и послѣ смерти великаго императора папы быстро достигли высоты, которой никогда еще не достигали, и о которой вѣроятно не думали тѣ самые дѣятели, которые ее заготовили. Быть можетъ, нѣкоторые предугадывали ее, какъ напр. хитрый и дальновидный Захарій; но ясно ее предвидѣть не могъ никто прежде догматическаго отдѣленія отъ Востока. Почти въ одно время сокрушены были вещественныя препоны развитію римской мысли и духовныя узы, сдерживавшія ее посредствомъ соборнаго правленія все-церковныхъ дѣлъ и рѣшенія все-церковныхъ вопросовъ. Николай I-й и его преемники уже предвѣщали эпоху Гильдебрандтовъ.

Быть можетъ никакое правительство не падало такъ низко, какъ Папство при послѣднихъ Карловингахъ въ Италіи; быть можетъ, никакая идея не имѣла такихъ недостойныхъ и гнусныхъ представителей, какъ идея римскаго все-христіанства въ это смутное время [1]). Разбойники и непотребныя женщины даютъ тіару своимъ родственникамъ и любимцамъ; разбойники и любовники непотребныхъ женщинъ вѣнчаются ею. Насиліе и подкупъ распоряжаются всенародно папскимъ престоломъ, опираясь на согласіе или страхъ развратнаго народа, а иногда уступая его безсмысленнымъ страстямъ или погибая въ его кровавыхъ мятежахъ. Повидимому самая мысль

[1]) Оно начинается со смерти папы Формоза 896 г. *Изд.*

должна была погибнуть; но она не могла погибнуть: она была мыслью всего западнаго міра, а не дѣломъ мѣстной гордости иля мѣстнаго преданія. Весь Западъ продолжалъ поклоняться людямъ, которыхъ окружало презрѣніе самыхъ близкихъ областей, и повиноваться рѣшеніямъ людей, которымъ часто не хотѣлъ повиноваться ни одинъ изъ жителей города, гдѣ они были епископами и правителями. Римъ и черезъ него Италія продолжали содержать въ себѣ всю идею все-христіанскаго государства въ лицѣ папы и въ титулѣ императора.

Древній Римъ погибъ прежде римской имперіи, которая сдѣлалась только воплощеніемъ римскаго права гражданскаго. Западъ перелилъ это право въ новое римское право церковное. По своей сущности оно должно было стать въ совершенную независимость отъ всякой мѣстной стихіи. Эту независимость окончательно узаконилъ Николай II-й [1]; но на дѣлѣ она никогда не могла существовать иначе какъ при вооруженномъ вмѣшательствѣ другихъ державъ, или при глубокомъ убѣжденіи Римлянъ, что всякое посягательство съ ихъ стороны на свободу епископскихъ или кардинальскихъ выборовъ повлечетъ за собою наказаніе. Память о прежней законности ихъ права на выборъ своихъ епископовъ существовала въ римлянахъ, во время паденія карловингской династіи и безсмысленныхъ смутъ, предшествовавшихъ возрожденію имперіи въ лицѣ Оттона I-го; они естественно возвратили себѣ это право, не справляясь о томъ, принадлежитъ ли оно уже имъ по закону или нѣтъ. Не было внѣшней силы для ихъ обузданія, не было внѣшней грозы для ихъ устрашенія. Такимъ образомъ явилось то странное противорѣчіе въ западной исторіи, что епископъ римскій часто повелѣвалъ всѣмъ романо-германскимъ міромъ и не могъ повелѣвать Римомъ. Римляне признавали право папы надъ всѣмъ христіанствомъ, что̀ признавалъ и весь Западъ; но они признавали въ себѣ права надъ папою, чего кромѣ ихъ не признавалъ никто.

---

[1]) На Римскомъ соборѣ 1059 года. *Изд.*

Ріензи, самъ того не сознавая, имѣлъ эту мысль; яснѣе выражалась она въ Арнольдѣ брешіанскомъ и въ Кресценціѣ при Оттонахъ. Обвиненіе Кресценція въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ Римъ передать византійцамъ, было вѣроятно клеветою (*); но, можетъ быть, онъ имѣлъ безумную мысль посредствомъ Византіи освободить Римъ отъ германцевъ. Такая мечта, не смотря на свою безразсудность, возможна. Вообще странное отношеніе Рима къ папству, или лучше сказать римской совѣсти къ папской власти не сознано еще никѣмъ; а еще недавно оно выразилось въ историческихъ происшествіяхъ, напоминающихъ и Кресценція, и Арнольда, и Ріензи; но нашъ вѣкъ сильно разработываетъ исторію и никогда не узнаётъ ни вѣянія ея духа, ни присутствія прошедшаго въ современномъ.

Такимъ образомъ выражалось съ жалкой исторіи Италіи IX-го и X-го столѣтій преемство исторической мысли (которое есть не что иное какъ общественное проявленіе мыслительныхъ началъ, живущихъ въ какомъ нибудь народѣ). Вслѣдствіе той самой широты требованій и внутренней гордости, которыя настоящему итальянцу представляли весь міръ, какъ одно великое государство, и Италію, какъ его несомнѣнное средоточіе, Италія отдѣльная никогда не была предметомъ особеннаго попеченія и цѣлью постояной заботы. Въ ней люди мелкіе по значенію вещественному или силамъ душевнымъ жили, какъ вообще живетъ родъ человѣческій, со дня на день, безъ помысла; а люди сильные властію и духомъ жили своими помыслами и своими надеждами внѣ Италіи, въ мірѣ, для котораго тѣсны были ея предѣлы, ибо онъ охватывалъ всю землю и все человѣчество.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства между внутреннею жизнію Италіи и прежнею жизнію Евреевъ. Та же надежда призвать цѣлый міръ убѣжденіемъ или силою въ общую человѣческую семью; таже надежда первенствовать въ этой семьѣ и править ею; тоже чувство кажущейся любви къ человѣчеству и гордости, враждебной человѣчеству. Разумѣется, христіанское чувство смягчало въ новомъ народѣ яркую и грубую односторонность древняго народа, но сходство внутренняго закона разительно.

Оттого-то любовь къ отечеству никогда не получала въ Италіи того характера, который она имѣетъ въ другихъ странахъ, характера строительнаго, а довольствовалась мечтами; оттого и мѣстные эгоизмы не находили никогда стремленія, которому должны бы были пожертвовать собою. Италія въ глазахъ лучшихъ изъ своихъ гражданъ казалась будущимъ средоточіемъ всемірнымъ, но никогда самостоятельнымъ членомъ въ великомъ обществѣ народовъ. Такое значеніе казалось ей не менѣе унизительнымъ чѣмъ рабство, и она сносила рабство терпѣливо потому, что всегда хотѣла господства, а не равенства. Надъ нею тяготѣло и тяготѣетъ до нашего времени гордое воспоминаніе древняго Рима, принявшее двѣ опредѣленныя формы—древнѣйшую, но менѣе разумную, имперіи, и новую, кажущуюся болѣе разумною даже въ наше время—папства. Временная свобода и самостоятельность нѣкоторыхъ частей Италіи являлись въ исторіи только выводомъ изъ борьбы этихъ двухъ формъ.

Очевидно, что точно также какъ идеалы имперіи и папства вытѣсняли изъ мысли итальянца идею объ отечествѣ, точно также самое папство должно было всегда быть враждебнымъ самобытности цѣльной Италіи: она имѣла бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вещественное подчиненіе папы той власти, которая представляла бы собою эту цѣльность, и поглощеніе его отдѣльной области и Рима—его Капитолія. Съ другой стороны, идея полной ѳеократіи, которая была доступна до нѣкоторой степени племенамъ германскимъ, допускавшимъ совѣсть и понятія нравственныя въ управленіе обществомъ, была совершенно чужда гражданскимъ понятіямъ, идущимъ отъ римскаго источника. При нихъ невозможно было полное преобладаніе церковно-правительственнаго начала, и отъ того въ Италіи никогда не созидался союзъ народовъ подъ папскою игемоніею. Этому еще мѣшали взаимное недоброжелательство и зависть, отдѣлявшія не только область отъ области, но и каждый городъ отъ всѣхъ другихъ городовъ внутри одной и той же области.

Эти враждебныя чувства были также историческимъ наслѣдствомъ, отъ времени лонгобардскаго и отъ раздробленія, послѣдовавшаго за паденіемъ франкскаго единодержавія. Въ Италіи, долго раздѣленной между Лонгобардами, византійцами и мелкими полунезависимыми князьками, постоянная война была дѣломъ нѣсколькихъ вѣковъ, и она бросила сѣмена ненависти, которыхъ послѣдующіе вѣка не могли искоренить; папство, будучи по своему римско-правительственному характеру враждебнымъ всякой свободной формѣ правленія не могло положить основанія вольному союзу, а въ стремленіи каждой мѣстности къ свободѣ и самостоятельности находило непобѣдимую препону своимъ самодержавнымъ замысламъ. Въ исторіи Италіи является, правда, временный союзъ городовъ на сѣверѣ подъ покровительствомъ папы Александра [1]), но онъ былъ непродолжителенъ. Добросовѣстности не было ни въ городахъ, ни въ папѣ. Они были нужны другъ другу противъ общаго врага — императора; но въ тоже время готовы были другъ другомъ жертвовать для личныхъ выгодъ.

Вообще отношенія Италіи въ папскому престолу не совсѣмъ еще поняты историческою критикою. Они отчасти тѣ же, которыя существовали и ясно выражались въ самомъ Римѣ, Италія была корнемъ папства; но понятіе о всевластности папской было не ея произведеніемъ, а произведеніемъ всего западнаго міра, только приведеннымъ въ систему внутри Италіи. Западъ видѣлъ въ папѣ представителя самого Бога и покорялся ему; Италія видѣла въ немъ еще своего представителя и потому считала себя въ правѣ управлять его дѣйствіями и противиться имъ, когда они были противны ея волѣ. Въ папѣ Италія благоговѣла передъ собою. Оттого и видны въ ней сочетаніе крайне-логическаго ученія о полновластіи папы (ультрамонтанизмъ) и крайнее пренебреженіе къ папѣ и постоянная готовность возставать противъ него. Но на внѣшнюю исторію дѣйствовало по преимуществу первое направленіе.

---

[1]) Александра III-го противъ Фридриха Барбароссы въ 1168—1177 годахъ. *Изд.*

Оттонъ Великій былъ призванъ въ Италію почти единогласнымъ призваніемъ. Ее утомила безпрестанная смута, папу утомилъ его мятежный Римъ; всѣмъ нуженъ былъ покой подъ охраною сильной руки и тяжелаго меча. Но мѣстное самолюбіе спасало себя, присвоивъ себѣ чужестранца посредствомъ брачнаго союза съ какой-то сомнительною наслѣдницею сомнительнаго владѣтеля туземнаго. Оттонъ съ радостію принялъ предлагаемую власть и предлагаемый титулъ, который передавалъ ему преемство Карла Великаго. Это преемство досталось человѣку, который былъ достоинъ его. Смуты Италіи улеглись подъ желѣзною рукою побѣдителя Мадьяровъ. Въ Германіи были люди, которые предчувствовали, какъ бѣдственъ будетъ союзъ ея съ Италіею, и желали бы отклонить его; но большинство сочувствовало великому своему вождю и великой идеѣ Имперіи и славы, которая въ Оттонѣ вѣнчала всю Германію.

Можно смѣло сказать, что безъ союза съ Италіею Германія подверглась бы тѣмъ же смутамъ и распалась бы еще скорѣе. Вражда и зависть племенъ къ ней самой были такъ сильны, что внутренній миръ былъ невозможенъ, и германецъ могъ болѣе уступить изъ своихъ мѣстныхъ требованій высокой идеѣ имперіи, чѣмъ сравнительно мелкому понятію королевства. Въ ней находилъ онъ поэтическое настроеніе, которое болѣе сообразно съ его духовною сущностью, чѣмъ сухіе расчеты простого государственнаго быта. До нашего времени еще геройскій образъ Барбароссы находитъ отзывы въ душѣ его и мѣсто въ преданіяхъ; а этотъ государь былъ далеко не благодѣяніемъ для своей родины.

Титулъ императора возвысилъ короля германскаго и возвысилъ еще болѣе папу, возложившаго императорскій вѣнецъ на него. Германія возгордилась тѣмъ, что ея вождь сталъ выше всѣхъ владыкъ Запада; Италія тѣмъ, что это возвышеніе получилъ онъ отъ нея. Изъ этого двойственнаго отношенія должны были со временемъ возникнуть недоразумѣнія, раздоры и глубокая вражда; но эти чувства не могли проявиться

при Оттонѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Власть ихъ была такъ сильна, что смуты народныя были невозможны. Къ тому же самое значеніе народа или племени было менѣе важно въ это время, чѣмъ въ эпоху позднѣйшую. Правда, что Птицеловъ былъ королемъ по избранію и что избраніе составляло все право его рода; но въ то же время очевидно, что идея наслѣдственности взяла вполнѣ верхъ надъ идеею избранія, которое сохранялось болѣе какъ древняя форма, чѣмъ настоящее право. Это явно изо всѣхъ памятниковъ тогдашняго времени и доказывается выборомъ Гейнриха II помимо сильнѣйшихъ и достойнѣйшихъ соперниковъ [1]). Наиболѣе самостоятельная и сильная часть Германіи, Саксонія, была сама средоточіемъ и корнемъ государства и давала королямъ огромный перевѣсъ надъ всѣми ихъ вассалами.

Она обратилась, какъ видно изъ исторіи Гейнриха III, чисто въ коронную землю и только впослѣдствіи получила снова значеніе феодальной.

Области сохраняли нѣкоторую самостоятельность, выборъ герцоговъ или мѣстныхъ владѣльцевъ зависѣлъ отъ воли дружины аристократической болѣе, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху; но за то утвержденіе ихъ вполнѣ зависѣло отъ короля-императора. Общія же дѣла Германскія были вполнѣ въ волѣ его, и имперскіе сеймы не имѣли никакого значенія. Очевидно, что при такихъ отношеніяхъ Италія ничѣмъ не была обижена противъ Германіи и ни въ чемъ ей по справедливости завидовать не могла. Такова одна изъ причинъ, почему въ ней и не было общей причины народной къ возстанію.

При усиленіи обще-Германскихъ съѣздовъ и при возстановленіи начала избранія, положеніе Италіи унизилось въ сравненіи съ Германіею, и очень понятны требованія ея, вполнѣ соотвѣтствующія

---

1) Эти соперники были маркграфъ Экгардъ Мейсенскій и герцогъ Германъ Швабскій; самъ же Генрихъ былъ герцогомъ Баварскимъ и троюроднымъ братомъ Оттона III-го. *Изд.*

новымъ правамъ стороны за-альпійской; но законности этихъ требованій не могли допустить ни императоръ, ни гордость Германіи, признававшей за собою неотъемлемое превосходство и голосъ рѣшительный въ дѣлахъ Имперіи. Равноправства Италіи она даже не понимала.

Другою, еще важнѣйшей причиною безпрекословнаго повиновенія Италіи было то, что она не нашла еще себѣ полнаго представителя. Идея папства не созрѣла. Императоры спасли самую независимость папы и его достоинство отъ Рима и его волненій. Твердо возстановили они прежнія права Имперіи надъ римскимъ престоломъ, неуступчиво пользовались они ими; а спасенные папы покорялись не совсѣмъ неохотно, ожидая счастливѣйшаго для себя времени и готовясь въ тишинѣ къ будущему величію.

Разумѣется, въ этой, повидимому дальновидной хитрости было, какъ во всѣхъ дѣлахъ историческихъ, менѣе хитрости, чѣмъ безрасчетной простоты. Тяжело лежала на епископахъ Рима память о той страшной и унизительной годинѣ, которая предшествовала призванію Оттона; они боялись утратить покровителя и потому покорялись владыкѣ, а готовили свою будущую силу и будущее оружіе, потому что сами были орудіями общей идеи, которая не могла остановить своего развитія.

Древній міръ продолжалъ быть и для новыхъ народовъ единственнымъ источникомъ высшей законности. Историки западные, находя въ лѣтописяхъ, что вожди варваровъ, воюя противъ Рима и опустошая его предѣлы, въ то же время просили почетныхъ титуловъ и признанія правъ, основанныхъ на силѣ, приписываютъ обыкновенно такое противорѣчіе между дѣломъ и словомъ хитрости и расчету. Это толкованіе ложно. Во всѣхъ варварахъ было глубокое благоговѣніе къ великой Имперіи; а въ ихъ вождяхъ было чувство, что они начинаютъ новую эпоху и должны оторваться отъ своей старины, чтобы новое получило корень и законность. Они не имѣли, разумѣется,

яснаго понятія объ обществѣ народовъ, о которомъ такъ много говоритъ новая эпоха (нисколько не опредѣляя своей мысли); но они имѣли объ немъ смутное понятіе, какъ признаніи одного общаго права всѣми народами. Поэтому всѣ народы хотѣли свое право основать не на одной случайности силы военной и не на своихъ частныхъ понятіяхъ, но на признаніи и, такъ сказать благословеніи обще-почитаемаго авторитета—историческаго Рима. Въ этомъ былъ и разумъ, и какая-то юридическая поэзія. Королю нуженъ былъ патриціатъ, а еще позднѣе имперія.

Должно замѣтить, что это стремленіе, разумѣется, усиленное Христіанствомъ, не зависѣло отъ него и выражалось не разъ у язычниковъ. Оно повторяется на далекомъ Востокѣ въ отношеніяхъ средне-азійскихъ ордъ къ Китаю. Сила требовала признанія, т.-е. юридическаго благословенія, также какъ воинъ не разъ требовалъ благословенія у жреца и въ случаѣ отказа вынуждалъ это благословеніе угрозою и силою меча. Магометанскій міръ не просилъ признанія у другихъ: онъ слишкомъ глубоко вѣрилъ въ свое начало, признавая его общечеловѣческимъ. Персія также: она имѣла свою исторію и свой полный кругъ жизни.

Таковы мысленные законы, которымъ повиновались и Карлъ Великій и великій Оттонъ; такова причина, почему, кромѣ папскаго благословенія, они искали союза съ Византіею и, если можно, союза брачнаго съ ея владыками. Быть можетъ, въ нихъ было еще и неясное чувство зависимости отъ папской власти, наложившей на нихъ вѣнецъ, и желаніе найти своему новому званію новую основу, болѣе прочную и дающую самостоятельность ихъ имперіи въ глазахъ ея подданныхъ и всѣхъ другихъ народовъ. Оттону удалось то, чего неудачно домогался Карлъ; но бракъ Оттона II съ Ѳеофаніею, оставшійся конечно не безъ послѣдствій въ движеніи просвѣщенія европейскаго, не имѣлъ тѣхъ историческихъ послѣдствій, которыхъ искалъ германскій императоръ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ихъ вполнѣ.

Народы, заключенные въ логику понятій, завѣщанныхъ древ-

нимъ міромъ, и положившіе основу новому просвѣщенію, искали формъ болѣе полныхъ и способныхъ выражать весь объемъ ихъ вѣрованій. Они благоговѣли передъ идеею государства и широкаго права общественнаго и потому благоговѣли передъ Имперіею; но они чувствовали, что ей не достаетъ самостоятельной святости. Усыновленіе новой имперіи древнею могло быть дѣломъ важнымъ (и едва ли спокойное престолонаслѣдіе саксонскаго дома не зависѣло отъ него); но оно далеко не удовлетворяло тайному требованію западнаго міра. Папское благословеніе оставалось необходимостію. Самое родство съ Греками не могло быть пріятнымъ римскому двору и потому, что оно давало императору нѣкоторую самостоятельность правъ, и потому, что оно сближало его съ христіанствомъ, не признающимъ притязаній Рима; а родственный союзъ съ Греціею имѣлъ дѣйствительно важность, которой, кажется, не замѣчаютъ новѣйшіе историки. Ѳеофанія въ скорое время пріобрѣла могущественную партію, съ которою не безъ труда боролась западная партія подъ покровительствомъ Оттоновой вдовы [1]). Такого значенія Ѳеофаніи нельзя приписать ея личнымъ качествамъ: оно принадлежало ей, какъ представительницѣ усыновленія новой имперіи старою и покровительницѣ другихъ началъ просвѣщенія высшаго, еще неизвѣстныхъ западному міру, но способныхъ увлечь его за собою или, по крайней мѣрѣ, измѣнить односторонность его развитія. Сочувствія находила партія Ѳеофаніи болѣе въ Италіи, чѣмъ въ Германіи, и это сочувствіе было безспорно враждебно папскому двору. Этому находятся для безпристрастной критики два доказательства весьма ясныя: одно въ клеветѣ или преувеличенномъ обвиненіи Кресценція (главы анти-папскаго мнѣнія) въ желаніи измѣнить Имперіи и передать Римъ Византійцамъ; другое въ огромномъ вліяніи столѣтняго пустынника [2]) Грека — Нила Калабрскаго. Въ первомъ случаѣ видно намѣренія посѣять вражду между императоромъ и Византіею: въ другомъ невольное и глубокое

---

[1]) Ср. жизнеопис. Адельгейды Од. Клюнійскаго. *Гл. 6—8. Изд.*

[2]) Род. 910 г. † 1005. *Изд.*

почтеніе, внушаемое западу достойными представителями востока: ибо Нилъ калабрскій представлялъ безъ сомнѣнія одно изъ самыхъ высокихъ и поэтическихъ лицъ своего вѣка и, восходя по своему долголѣтію къ тому времени, когда еще раздѣленіе церквей было не сознано, напоминалъ время высшаго, тогда уже утраченнаго единства. Кромѣ этихъ видимыхъ и вещественныхъ признаковъ византійскаго вліянія, легко можно отыскать слѣды его во всей жизни двухъ послѣднихъ Оттоновъ, особенно въ чисто-византійскихъ формахъ, данныхъ геніальнымъ Гербертомъ (Сильвестромъ) плану имперіи и ея сочлененія, охотно принятому Оттономъ III. За всѣмъ тѣмъ, признавая всю важность вліянія мысли византійской на Италію и Германію Оттоновъ и еще большую важность, которой оно могло достигнуть, если бы дни Отонна III продлились и система его перешла къ прямому наслѣднику; признавая опасность, которою оно могло угрожать римскому владычеству, нельзя также не признавать и того, что опасность могла быть только временная и что никакая пришлая стихія не могла на долго бороться съ логическимъ развитіемъ мѣстныхъ стихій, утвердившихся уже въ форму религіозную.

Судьба Запада и путь его развитія могли бы измѣниться значительно только въ такомъ случаѣ, если бы удались попытки къ возсоединенію церковному между Западомъ и Востокомъ; но они не могли имѣть успѣха. Корень раздора, какъ сказано уже, таился въ самой глубинѣ всего мысленнаго образованія этихъ двухъ частей эллино-римскаго міра, изъ которыхъ одна знала только внѣшне-логическій и юридическій строй мысли, а другая проникала или стремилась проникнуть въ полноту разума и въ живые источники душевныхъ силъ. Превосходство же римской мысли, отчасти уже мало доступное западному просвѣщенію, скрывалось еще и позорилось безобразіемъ общественныхъ учрежденій Византіи и ея государственною слабостью.

Первое время управленія Италіи императорами германскими было особенно спокойно. Власть была въ рукѣ опытной и сильной, отдыхъ былъ всѣмъ нуженъ, попытки къ возстані-

ямъ мѣстнымъ, слѣдствія привычки къ самоуправству, были легко подавляемы. Оттонъ II любилъ Италію и не жалѣлъ германскихъ силъ для ея охраны; самъ же онъ былъ ей любезенъ, какъ сынъ итальянки и какъ человѣкъ, которому мягкіе нравы Юга болѣе нравились, чѣмъ дикій обычай Сѣвера, хотя въ южной мягкости часто и почти всегда гораздо болѣе истинной жестокости, чѣмъ суровости въ сѣверной. За всѣмъ тѣмъ ни Оттону первому, ни второму не удалось ни Сарацынъ изгнать изъ южной Италіи, ни вытѣснить, хотя они и стѣснили Византійцевъ, ни уничтожить независимость герцоговъ сполетскихъ, беневентскихъ, салернскихъ и другихъ, которые объявляли себя то вассалами германскаго императора, то мнимыми слугами и патриціями Византіи. Съ трудомъ спасся даже Оттонъ II, въ неудачномъ походѣ, отъ побѣдителей Сарацынъ и Грековъ и умеръ въ то время, когда готовилъ сильный походъ на югъ для завоеванія всей южной Италіи и изгнанія Аравянъ изъ Сициліи; не смотря на то, что весь Сѣверъ, до самаго Гамбурга, былъ опустошенъ и завоеванъ возстаніемъ приморскихъ Славянъ. Со смертью молодого императора (683 г.) наступило время новыхъ смутъ. Малолѣтній сынъ его не безъ труда получилъ наслѣдіе отцовское. Германскія войска оставили Италію въ добычу ея собственному безначалію. Снова усилилась власть Византійцевъ, снова стали своевольничать всѣ мелкіе князьки, снова стали Римъ и его буйная аристократія распоряжаться папскимъ престоломъ и возводить на него всякое отребье человѣческое. При малолѣтнемъ государѣ, при женщинѣ-правительницѣ въ эпохѣ, въ которой еще ничто не устоялось, а всѣ стихіи бродили и безплодно искали законныхъ взаимныхъ отношеній, иначе и быть не могло. Съ совершеннолѣтіемъ Оттона III наступила снова сравнительная тишина. Правда, что во все свое непродолжительное царствованіе онъ велъ безпрестанную борьбу съ своеволіемъ Римлянъ и не разъ долженъ былъ ихъ унимать военною грозою съ опасностью собственной жизни; за то онъ распоряжался папскимъ престоломъ почти безусловно, назначая кого хотѣлъ во вселенскіе епископы. Но самая борьба

происходила не отъ безсилія, какъ при позднѣйшихъ императорахъ, а отъ желанія примирить партіи раздирающія Римъ и пріобрѣсти любовь народа, который не зналъ своей собственной воли. Наконецъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ строгости и къ мѣрамъ неизвинительной жестокости, казнивъ Кресценція и папу, избраннаго его дружиною подъ именемъ римскаго народа [1]). Такимъ образомъ укротилъ онъ временный мятежъ. Епископы, назначенные императоромъ, были люди достойные своего званія или по добродѣтели, или по генію, какъ Гербертъ (Сильвестръ), долго смущавшій Францію своими происками, потомъ пріобрѣтшій безграничную довѣренность германской регентши, Адельгейды, вдовы Отонна I и безспорно стоявшій въ отношеній къ знанію и умственной силѣ далеко выше своего времени. Это превосходство выразилось въ сказаніяхъ народа итальянскаго, оскорбленнаго самовластіемъ императора, назначившаго папу; такъ что они представляютъ Сильвестра злымъ волшебникомъ и ученикомъ злыхъ духовъ, которымъ онъ продалъ душу свою въ школѣ испанскихъ Мавровъ.

Такое сказаніе о Сильвестрѣ объясняетъ и развязку сказки о сыновьяхъ Аймона, гдѣ Малагизъ волшебникъ кончаетъ жизнь свою въ званіи папы.

Смерть прекратила царствованіе Оттона III и союзъ императора съ папствомъ. Планъ Сильвестра остался неисполненнымъ, планъ глубоко расчитанный и стройно составленный, по которому императоръ являлся видимою главою всего германо-итальянскаго міра, съ властью почти неограниченною; между тѣмъ какъ папа становился истинною, хотя едва замѣтною, душою, оживляющею и связывающею весь его организмъ. За смертью Оттона, послѣдовали новые безпорядки: Италія хотѣла воспользоваться правомъ выбора также, какъ и каждое отдѣльное племя Германіи. Наслѣдственное право Генриха II восторжествовало на Сѣверѣ, а сила имперіи на Югѣ.

---

[1]) Іоанна XVI-го.

Не смотря на слабость своего характера, на неудачныя войны съ Польшею, въ которыхъ онъ терпѣлъ безпрестанныя пораженія отъ Болеслава, и на частыя ссоры съ вассалами, Генрихъ распоряжался римскимъ престоломъ почти также свободно, какъ его предшественникъ и встрѣчалъ упорное сопротивленіе только въ городахъ Ломбардіи, которые продолжали возвышаться благосостояніемъ и богатствомъ вслѣдствіе очевиднаго превосходства просвѣщенія надъ остальнымъ Западомъ и счастливаго положенія на перепутіи восточной торговли. Между тѣмъ феодальность, которая уже вошла до нѣкоторой степени въ нравы итальянскіе съ самаго времени франкскаго владычества, продолжала усиливаться подъ правленіемъ Германцевъ, тогда уже не понимавшихъ возможности другого устройства и забывшихъ почти совершенно прежнюю аллодіальность, хотя слѣды ея еще оставались до послѣднихъ Гогенштауфеновъ. Богомольный Генрихъ, любимецъ духовенства (съ которымъ онъ впрочемъ часто ссорился по тому самому, что безпрестанно занимался его дѣлами), ограничилъ до нѣкоторой степени власть папскую тѣмъ, что утвердилъ (также какъ послѣ него Конрадъ) рѣшеніе помѣстнаго собора [1]), почти запретившаго апелляцію къ римскому двору противъ мѣстныхъ епископовъ; но въ то же время глубокимъ, благоговѣйнымъ почтеніемъ, оказаннымъ папѣ, котораго онъ пригласилъ въ Германію [2]), возвысилъ его значеніе въ глазахъ подданныхъ, мало понимающихъ отвлеченности юридическія и ясно сознающихъ величіе сана, передъ которымъ императоръ преклонялся какъ передъ божественною святынею. Южная Италія

---

[1]) Concil. salgunstadiense, cap. XVI, XVIII Harduin VI, I. 827. Собственно говоря, Генрихъ не утверждалъ рѣшеній этаго собора, но не протестовавъ противъ нихъ, онъ тѣмъ самымъ какъ бы далъ имъ свою санкцію. Что же касается до утвержденія такихъ правилъ Конрадомъ, надо думать, что авторъ имѣлъ въ виду Трибурскій соборъ, собранный Конрадомъ II въ 1035 или 36 году, о которомъ Гильдесгеймская хроника говоритъ, что на немъ подтверждены были рѣшенія прежнихъ соборовъ, но неизвѣстно какихъ именно. Гизебрехтъ, напротивъ, говоритъ, что Трибургскій соборъ отмѣнилъ рѣшеніе собора Зелингенштатскаго. II т. 281 стр. *Изд.*

[2]) Бенедикта VIII, въ 1020 году. *Изд.*

снова подпала почти исключительной власти Грековъ, которые подъ предводительствомъ искусныхъ полководцевъ и особенно непобѣдимаго Маніяка, грозы восточныхъ Сарацинъ, едва не вытѣснили африканцевъ изо всей Сициліи и заставили мелкихъ итальянскихъ князьковъ покоряться управѣ византійскихъ катапановъ. Имперія была стѣснена; но власть ея не слабѣла внутри ея границъ и даже уже тѣмъ оказывала свое возрастающее могущество, что нисколько не падала при лично слабомъ государѣ, не внушавшемъ ни страха, ни даже большаго уваженія, хотя исторія должна отдать справедливость его частнымъ добродѣтелямъ. Послѣ бездѣтнаго Генриха новый выборъ Конрада, ближайшаго родственника саксонскому дому, доказалъ снова стремленіе къ наслѣдственности въ Германіи и возвелъ на престолъ человѣка съ могучею волею, съ воинскими доблестями и съ дальновидностью въ дѣлѣ государственномъ. Италія протестовала снова; но опять протестовала сѣверная Италія [1]), а не римскій дворъ, который еще чувствовалъ необходимость большой государственной силы для скрѣпленія все-Христіанской системы (Tota Christianitas) и для охраненія его самого отъ насилій мѣстнаго народонаселенія и отъ ересей, усиливавшихся въ Ломбардіи. Ломбардія же протестовала потому, что признавала за собою такое же право на выборъ, какъ и за Германіею; но никто не хотѣлъ воспользоваться властью, предлагаемою Итальянцами [2]). Имъ мало вѣрили, а Конрада боялись. При немъ императорская власть окрѣпла снова и вскорѣ достигла высшей степени своего развитія при Генрихѣ III, не смотря на многія его неудачи въ войнѣ противъ Чеховъ и противъ Венгровъ и на усиленіе въ южной Италіи новыхъ властителей — Нормановъ, отчасти, впрочемъ, признававшихъ себя вассалами имперіи. Конрадъ, и по преимуществу сынъ его, распоряжались имперскими ленами

---

[1]) Избраніемъ Вильгельма Аквитанскаго *Изд.*

[2]) Сначала корона предложена была королю Роберту, но за отказомъ его обратились къ герцогу Аквитанскому, который принялъ ее не для себя, а для малолѣтняго сына. *Изд.*

совершенно произвольно, не справляясь ни съ волею народа, ни съ родственными отношеніями новыхъ ленниковъ къ прежнимъ. Точно также и еще своевольнѣе распоряжались они епископствами и отчасти папствомъ. Казалось, Имперія стала въ мірѣ западномъ такъ твердо и съ такимъ неоспоримымъ могуществомъ, возрастаніе ея было такъ послѣдовательно, что ей нечего было бояться никакого соперника; а между тѣмъ она дошла до той эпохи, когда соперникъ, собравшій силы свои въ тишинѣ и въ недосягаемомъ святилищѣ совѣсти человѣческой, готовъ уже былъ нанести ей ударъ, которому она не могла противостать и отъ котораго она никогда не могла оправиться. Самая хитрость самодержавнаго Генриха, расширившаго епископскія области на счетъ свѣтскихъ ленниковъ, чтобы избавиться отъ опасности наслѣдственныхъ леновъ, дала его сыну только ненадежныхъ союзниковъ, вскорѣ обратившихся въ опасныхъ враговъ по естественному стремленію ихъ къ усиленію своего сословія и его іерархическаго значенія.

Развитіе папства.

Между тѣмъ какъ власть папъ въ Римѣ была безпрестанно подвержена мятежамъ и своеволію знатнаго и развратнаго народа, а еще болѣе развратной аристократіи и ея дружинъ, какъ самая жизнь ихъ подвергалась нерѣдко опасности и какъ императоры дѣлались повидимому самовластными хозяевами римскаго престола, угрожая ему тою же зависимостью, съ которой византійскіе императоры держали патріарховъ, значеніе папъ становилось все важнѣе и важнѣе на Западѣ. Путь къ ихъ будущему величію былъ проложенъ въ народныхъ убѣжденіяхъ чувствомъ необходимости правительственнаго авторитета въ дѣлахъ духовныхъ, какъ скоро міръ духовный былъ признанъ не міромъ всехранящей любви и благодати, но міромъ права внѣшняго, подчиненнаго тѣмъ же законамъ и тѣмъ же расчетливымъ соображеніямъ, какимъ подчиняются всѣ другія земныя явленія. Идея римская не могла не придти къ такому выводу, а она одна и правила всею духовною сущ-

ностью Запада. Лже-Исидоровы декреталіи были первымъ оружіемъ, которымъ вооружилось папское всевластіе, и оно сломило сопротивленіе мѣстныхъ владыкъ-епископовъ, свободу мѣстныхъ церквей, которую Карлъ Великій надѣялся обезпечить организаціею метрополій, и самонадѣянность государей, осмѣлившихся въ дѣлѣ духовномъ ослушаться папскаго приговора. Къ готовому оружію присоединилось, по расчету ли, или по естественному ходу развивающейся мысли, могучее войско — бенедиктинское монашество. Франція и Германія, особенно сѣверная, покрылись сѣтью ихъ обителей, богатыхъ, ученыхъ, независимыхъ отъ мѣстнаго духовенства, ревностныхъ къ проповѣди, тѣсно связанныхъ между собою, крѣпко связанныхъ съ Римомъ. При Дунстанѣ завоевали они Англію; при императорахъ дома саксонскаго вмѣстѣ съ распространеніемъ Христіанства въ земляхъ прибалтійскихъ Славянъ раскинули они свои религіозныя колоніи за прежніе предѣлы христіанскаго міра, и вездѣ, какъ знаменосцы строго построеннаго ученія, сопровождаемаго особеннымъ стремленіемъ къ великолѣпному обряду и къ какому-то обрядовому идолопоклонству, они завладѣли мыслію и сочувствіемъ народа, готовя въ немъ безусловныхъ подданныхъ папскому престолу.

Такъ, напр., еще необращенныхъ Славян привлекали бенедиктинцы къ наружнымъ обрядамъ Христіанства, ставя на верху церквей, или нарѣзывая на ракахъ святыхъ изображеніе пѣтуха, священнаго животнаго и, вѣроятно, символа солнца и войны по языческому понятію. Очевидно, въ нихъ уже высказываются всѣ начала и правила, которыя приведены были въ строгій порядокъ и ясно сознанную систему позднѣйшими Іезуитами. (*)

Заслуги бенедиктинцевъ неоспоримы. Въ земляхъ славянскихъ они служили туземцамъ нѣкоторою, хотя весьма недостаточною защитою, противъ неистоваго корыстолюбія мѣстнаго духовенства и противъ невыразимой жестокости Саксонцевъ-завоевателей; вездѣ по всей западной Европѣ распространяли они нѣкоторыя, хотя и весьма неясныя, а от-

части и ложныя понятія о вѣрѣ въ народѣ, о которомъ ни епископы, ни ихъ прямые подручники не имѣли никакого попеченія, оставляя его въ совершенномъ невѣжествѣ. Вообще должно замѣтить, что вслѣдствіе завоеванія германскаго и франкскаго и отношенія туземцевъ къ завоевателямъ, духовенство примкнуло къ дружинѣ и скоро отдѣлилось отъ народа, которому оно служило нѣсколько времени защитою и представителемъ. Этого, разумѣется, не было въ саксонской Англіи, и оттого въ ней успѣхи бенедиктинцевъ были особенно гибельны; но въ Германіи сильные дружинники считали епископство почти такимъ же правомъ своего сословія, какъ и преемство военныхъ леновъ, и первые Салійцы (такъ же какъ и послѣдній изъ саксонскихъ императоровъ) должны были употреблять власть свою, чтобы сколько-нибудь класть предѣлы этому беззаконному притязанію, котораго искоренить не могли ни они, ни позднѣйшіе папы. Очевидно, противодѣйствіе общехристіанской дружины, бенедиктинскаго монашества, было въ этомъ отношеніи полезно и почти необходимо; но, очевидно также, что добромъ и зломъ своего усиленія оно служило идеѣ церковнаго государства.

Во Франціи по спорамъ о правахъ Герберта [1]) (бывшаго потомъ папою) духовенство старалось положить предѣлы самовластію римскаго двора; но оно не было поддержано властію королевскою, тогда еще безсильною и искавшею союза съ Римомъ: Нѣсколько позже оно вмѣстѣ съ королемъ покорилось рѣшенію римскаго епископа и его интердикту по дѣлу о разводѣ короля Роберта. Въ Германіи, обращенной проповѣдію Бонифація, поставившаго себя и своихъ преемниковъ въ прямыя отношенія къ Риму принятіемъ присяги въ покорности его суду (эту присягу прежде приносили только епископы собственно подгородные Риму, т.-е. викарные), самыя преданія о независимости не существовали.

---

[1]) На Реймскую каѳедру, на которую онъ былъ избранъ по низложеніи архіепископа Арнульфа, безъ согласія папы. Ср. Richeri Chron L. IV, и относящіеся къ этому дѣлу соборы у Harduin VI. I. *Изд.*

Такова причина, почему въ ней и неизвѣстна была та система, лишенная всякой логической основы, но до нѣкоторой степени охраняющая мѣстную свободу, которую называютъ вольностями галликанской церкви (libertés de l'église gallicane).

За границею прежняго христіанскаго міра славянскія земли, принимая христіанство, становились въ прямую зависимость отъ папскаго престола еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ Имперіи; ибо, съ одной стороны, связь завоеванія менѣе тверда, чѣмъ связь, основанная на религіозныхъ вѣрованіяхъ, а вѣрованія эти были направлены въ духѣ чисто-римскомъ; во вторыхъ, независимые славяне (Польша и полу-независимые, Моравія и Чехія) были скорѣе враждебны къ императорамъ, чѣмъ склонны къ союзу съ нимъ и къ повиновенію. Польша считала себя болѣе обязанною королевскимъ титуломъ своихъ владыкъ духовному правителю всего христіанства, чѣмъ свѣтскому владѣтелю одной только части христіанскаго міра, хотя она собственно получила королевскій вѣнецъ отъ императора. Мадьярская корона св. Стефана была даромъ папскаго двора и сіяла его благословеніемъ. Далѣе на сѣверѣ новообращенная Скандинавія, чуждая Имперіи, хотя и признающая ея высокое значеніе (вмѣстѣ со всѣмъ Западомъ) была уже живымъ членомъ церковнаго государства.

Это стремленіе Скандинавовъ доказывается путешестіемъ Канута для поклоненія въ Римъ. Дѣйствительно, въ то время уже никакое обращеніе народное на Западѣ не могло основать церкви свободной, а непремѣнно усиливало римскій престолъ.

Испанія, съ успѣхомъ завоевывая свою свободу, мало-помалу отодвигала Аравитянъ къ югу. Норманы, вытѣсняя Грековъ изъ Италіи и Сарацинъ изъ Сициліи, расширяли область папскую и безпрестанно обращались къ нему, прося его пастырскаго благословленія. Созрѣвали огромныя силы, тѣмъ непреодолимѣйшія, что онѣ не основывались на вещественной случайности и на насиліи, всегда сопровождаемомъ враждою и раздраженіемъ. А, между тѣмъ, какъ могущество престола

римскаго росло невидимо и неосязаемо для свѣтской власти, высшіе представители этой власти, императоры, раздражали неизвѣстную имъ силу не только строгимъ пользованіемъ своими правами на утвержденіе епископовъ римскихъ (это было необходимо для самихъ папъ), не только злоупотребленіемъ этихъ правъ (ибо они присвоили себѣ непринадлежащее имъ право назначать папъ), но еще наглымъ злоупотребленіемъ своихъ правъ на утвержденіе всѣхъ епископовъ, продавая священный санъ за деньги часто недостойнымъ, назначая епископовъ по прихоти, для награжденія за заслуги, для обогащенія преданныхъ имъ семействъ, наконецъ для достиженія всякихъ своекорыстныхъ и часто преступныхъ цѣлей. Негодованіе становилось сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ усиленія злоупотребленій и особенно по мѣрѣ возрастающаго сознанія собственныхъ силъ въ римскихъ владыкахъ. Жалобы становились чаще и чаще. Всѣ лучшіе члены духовенства глубоко чувствовали оскорбленіе своего достоинства. Чистѣйшіе изъ міряпъ сочувствовали имъ; совѣсть человѣческая просыпалась и роптала, ибо христіанство, давно уже признанное, становилось яснѣе и требовательнѣе съ увеличивающимся просвѣщеніемъ. Разрывъ между двумя великими идеями былъ близокъ, и Италія, ихъ общее средоточіе, должна была потребовать своей исторической жизни.

Ни одинъ изъ императоровъ прежнихъ (за исключеніемъ разумѣется основателя западной имперіи, Карла) не былъ такъ самовластенъ, какъ Генрихъ III, и ни одинъ не встрѣчалъ такъ мало сопротивленія, не смотря на многія неудачи въ войнахъ съ другими народами (Чехами и Мадьярами), весьма важныя въ общественномъ мнѣніи такого воинственнаго вѣка, и не смотря на крутой нравъ и своеволіе, которые удаляли всякое чувство любви личной къ нему. Паденіе императорской власти немедленно послѣ его смерти приписываютъ историки слабости и разврату его преемника и могучему характеру папъ, случайно возведенныхъ на престолъ въ концѣ XI вѣка. Такое объясненіе крайне односторонне. Нельзя отрицать значенія лицъ и случайностей историческихъ; но нельзя не чувствовать, какъ ни-

чтожно ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ необходимостью историческою, которая не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ: ибо онъ одинаково безплоденъ для науки, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся, въ грубомъ ли видѣ магометанства, въ простодушной ли телеологіи историковъ христіанскихъ, слѣдящихъ за непонятными путями Провидѣнія и думающихъ усмотрѣть перстъ Божій въ дѣлахъ человѣческихъ, или въ мистической телеологіи ученыхъ философовъ Германіи, понимающихъ развитіе исторіи не какъ развитіе основныхъ мыслей, лежащихъ въ началѣ обществъ, но какъ стремленіе къ будущимъ идеямъ, безсознательно осуществляемое обществами людскими и движущее ихъ какою-то таинственною силою, которой точка отправленія заключается не въ причинахъ явленій, но въ ихъ послѣдствіяхъ, наперекоръ логикѣ и здравому смыслу,

Понятно, что люди энергическіе умомъ и волею протестовали словомъ, часто насмѣшливымъ, противъ всѣхъ этихъ историческихъ системъ. Такъ Наполеонъ говорилъ: „Богъ стоитъ за многочисленныя войска“ (Dieu est pour les gros bataillons). Тоже самое говорилъ Фридрихъ II въ иныхъ словахъ; тоже самое говорятъ или думаютъ всѣ великіе дѣятели общественные на поприщѣ войны или мира. Глубоко поэтически сказалъ Германецъ: „und in dem Heute wandelt schon das Morgen“ и Англичанинъ: „and coming events cast their shadows afar“. Настоящее время предчувствуетъ будущее, ибо будущее въ немъ заключается какъ плодъ въ зародышѣ; но нелѣпо сказать, что будущій плодъ обусловливаетъ развитіе зародыша, или чтобы послѣдствіе обусловливало свою причину; а таково ученіе историческое всей Гегелевой школы. Въ немъ смѣшаны два пути (синтеза, который есть законъ проявленія) и анализа (который есть законъ познанія, но преимуществу логическаго или разсудочнаго). Анализъ отъ существующаго восходитъ къ его причинамъ въ прошедшемъ. Таковъ путь критики исторической и историческаго изслѣдованія. Исторія въ своемъ проявленіи отъ существующаго какъ отъ причины идетъ къ будущему, т.-е. къ слѣдствію. Это два пути совершенно противоположные, и смѣшеніе ихъ произошло отъ забавнаго непониманія простоты человѣческаго слова. Гляда на башню, человѣкъ

говоритъ: «она стоитъ, слѣд., она выстроена», на человѣка убитаго ядромъ: «онъ убитъ ядромъ, слѣд., выстрѣлили», и многоученый міръ книжный пишетъ исторію по этой формулѣ, не понимая того, что неученый пропускаетъ въ ней (и весьма сознательно слово: «я знаю, что башня стоитъ», «я знаю, что она выстроена» и т. д. Явленіе обусловливаетъ мое познаніе объ его причинѣ, или иначе свою причину въ моемъ познаніи, а не причину своего существованія въ ней самой. Фатализмъ магометанина, телеологія христіанскихъ писателей: все это признаніе въ невѣжествѣ или непониманіи. Телеологія гегелевой школы—чистая нелѣпость, облекающая себя въ ученыя формы. Наука историческая старается понимать связь причинъ съ ихъ послѣдствіями, логику дѣйствительной исторіи и называетъ эту связь необходимостью, не входя въ гаданія и допуская, что въ самой этой исторической логикѣ могутъ проявиться пути Провидѣнія, не открывающаго своихъ тайнъ, но достигающаго своихъ цѣлей посредствомъ законной свободы и вольнаго дѣйствія человѣческаго разума.

Всякая односторонняя мысль при своемъ осуществленіи и полномъ торжествѣ проявляетъ яснѣе свою односторонность. Покуда она еще борется съ другими мыслями и направленіями, она не можетъ еще выразиться вполнѣ и слѣд. быть осмотрѣнною со всѣхъ сторонъ полусознаніемъ человѣческимъ (ибо таково оно во всѣ времена, а особенно въ тѣ эпохи, когда человѣкъ болѣе дѣйствуетъ, чѣмъ мыслитъ аналитически). Она стремится впередъ къ своему осуществленію, увлекая народы своею относительною правдою и высотою передъ другими мыслями и стремленіями частными и еще менѣе ея разумными. Идея Имперіи имѣла свою истину не только въ отношеніи историческомъ, какъ выводъ изъ понятій завѣщанныхъ римскимъ просвѣщеніемъ, но въ отношеніи къ законному и разумному требованію широкой правды гражданской и внутренняго мира, къ которому должно стремиться человѣчество. Этою стороною она имѣла явное превосходство передъ нестройнымъ желаніемъ обособленія въ отдѣльныхъ племенахъ и странахъ и передъ тѣмъ смутнымъ броженіемъ началъ, кото-

рыя предшествовали ея явленію и вступали съ нею въ неравную борьбу. Она восторжествовала, и тогда только выказались ея слабыя стороны: личный произволъ, отнимающій у власти ея нравственное достоинство, характеръ случайности, позволяющій сомнѣваться въ законности правъ лица, принадлежащаго одному племени, на повиновеніе другихъ племенъ, и отсутствіе внутренняго начала, освящающаго господство одного человѣка и повиновеніе всѣхъ. Все это—слабыя стороны, которыя могли и должны были выразиться со временемъ и подкопать шаткую власть государя, правящаго областью, составленною изъ разнородныхъ и отчасти враждебныхъ стихій; но онѣ выразились быстро, какъ скоро полное торжество дало полный разгулъ произволу, а съ другой стороны возвышалось новое начало съ притязаніями еще высшими и повидимому болѣе основанными на логикѣ и разумѣ. Итакъ не только борьба Имперіи съ папствомъ была неминуема, но и торжество папства было несомнѣнно.

Во время этой борьбы и даже прежде ея обозначился особый характеръ Христіанства западнаго: оно приняло въ себя всю раціонально-юридическую особенность Рима не только въ отношеніи церковнаго общества, но и въ отношеніи къ его внутреннему пониманію. Выше уже показана разница взглядовъ восточнаго и западнаго, или эллинскаго и римскаго, на общій ихъ завѣтъ. Разница эта должна была выражаться яснѣе и яснѣе по мѣрѣ полнѣйшаго развитія каждаго изъ этихъ міровъ, разорвавшихъ свою древнюю связь христіанскаго братства. Тяжкія судьбы Востока остановили его историческую жизнь и дѣятельность, обрекши его на долгое страданіе. Западъ возрасталъ и зрѣлъ. Яснѣе и яснѣе проявлялась логическая основа его мысленной жизни.

Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло повидимому рѣшительный ударъ кушитскимъ религіямъ—поклоненію органической необходимости, въ какой бы формѣ она ни являлась, и всѣмъ религіямъ, осно-

ваннымъ на условномъ умствованіи или условной символизаціи. Но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалы своихъ познаній изъ наукъ, выработанныхъ міромъ, вполнѣ принадлежавшихъ системѣ кушитской. Западные народы, понявъ самую церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самыя нѣдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства. Цѣльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, но раціонализмомъ скрытымъ подъ формою юридическою. Не человѣкъ-христіанинъ уже былъ точкою отправленія общей мысли; не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась Церковь (видимый и земной отдѣлъ Церкви всемірной): нѣтъ, Церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители церкви отдѣлились естественно отъ ея подданныхъ и должны были получить названіе, соотвѣтствующее своему новому значенію—церковниковъ, (ecclesiastici) въ отличіе отъ народа (laici). Іерархія могла замкнуться или въ видѣ постояннаго собора чиновниковъ земной Церкви, рѣшающихъ всѣ вопросы объ ея коренныхъ законахъ-догматахъ вѣры, или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на Востокѣ значеніе съѣзда избранниковъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія (*), имѣли на глазахъ Запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія: такова была первая эпоха. Расторженіе союза съ Востокомъ, убѣжденіе, что явное разногласіе, происходящее постоянно во всѣхъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примиряемое согласіемъ, повидимому, условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшеній; наконецъ, несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола, привели западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ

поръ вдохновеніе, свыше ниспосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божіимъ намѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ, и такое опредѣленіе видимой главы всей церкви опредѣлило весь характеръ римскаго католицизма.

Церковь стала внѣшностью для ея подданныхъ и внѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человѣчеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполнѣ римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обусловливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной; грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею или ея признакомъ; отпаденіе отъ общины церковной—наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознаннаго разлада; обрядъ—службою, а не естественнымъ выраженіемъ живого единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь; вѣра сама—внѣшнимъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ или ниспосылаемымъ (ибо для науки эти два предложенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывающей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ уплатѣ долга, накопляющагося отъ нарушенія обязанностей, излишкомъ заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы; молитва, совершаемая общенародно на языкѣ непонятномъ для народа, получила зна-

ченіе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра[1]). Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ничто иное, какъ записанное преданіе и вскорѣ было отнято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привиллегіею іерархіи и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ.

Понятно, почему еще въ позднѣйшее время міряне утратили причащеніе подъ двумя видами, хлѣба и вина, и должны были удовольствоваться причащеніемъ подъ видомъ одного хлѣба. Нельзя сказать, ясна ли была мысль у самыхъ іерарховъ, узаконившихъ это измѣненіе, ибо понятія развиваются въ исторіи часто безъ сознанія самихъ историческихъ дѣятелей; но для безпристрастной критики символическое значеніе этой перемѣны не подлежитъ сомнѣнію. Жизнь церкви въ іерархіи, а народъ (міряне) только плоть ея. Символъ жизненности, кровь, не могъ уже принадлежать ему и долженъ былъ быть предоставленъ только пастырямъ (*экклезіастикамъ*). Едва ли еще кто нибудь обратилъ вниманіе на это важное олицетвореніе мысли; ея не высказывалъ Римъ, но понималъ. (*) Это было доказано потоками крови въ гусситскихъ войнахъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершенныхъ всѣмъ западнымъ міромъ подъ предводительствомъ Италіи, христіанство приняло въ себя почти всѣ стихіи древняго кушитства; условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и талисманизмъ внѣшняго образа. Таковъ былъ характеръ западной церкви, когда ея глава почувствовалъ зрѣлость всѣхъ ея силъ и когда стихія италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всѣми новыми народами, составляющими романо-германскую область или признавшими ея мысленное державство.

---

[1]) Еп. Dupanloup въ одной проповѣди говорилъ, что молитва: une puissance irresistible et redoutable au ciel même... La prière égale et surpasse quelque fois la puissance de Dieu. Elle triomphe de sa volonté, de sa colère, de sa justice même. *Изд.*

Испанія послѣ завоеванія Арабами.

Другая земля, которой исторія готовила также блестящую, хотя и кратковременную будущность, Испанія, въ то время едва начинала возникать изъ праха. Почти вся подпала она власти Ислама, кромѣ нѣкоторыхъ горныхъ отроговъ на Сѣверѣ, которыми Аравитяне пренебрегали въ первое время своихъ побѣдъ, обративъ силы свои на завоеваніе болѣе привѣтливыхъ долинъ южной Франціи и ея западнаго поморья. Мечъ Карла-Мартелла положилъ предѣлъ ихъ успѣхамъ, хотя и не обезсилилъ ихъ. Пипинъ оттѣснилъ ихъ въ Испанію, Карлъ Великій перекинулъ свое военное владычество за Пиренеи и положилъ начало христіанскаго независимаго государства у подножія западныхъ Пиренеевъ и на берегахъ Средиземнаго моря [1]). Въ этихъ войнахъ замѣтенъ особый характеръ отношеній между завоеванными Готами (или Гото-Романами) и завоевателями—Сарацинами. Во время продолжительной осады Нарбонны Пипиномъ сильное городовое населеніе оставалось вѣрнымъ Аравитянамъ и только тогда отворило ворота осаждающимъ Франкамъ, когда они обѣщались сохранять всѣ ихъ вольности [2]). Въ Пиренеяхъ часть народонаселенія, и не одни Баски, но и потомки Готовъ, нападали на войско Карла Великаго, очевидно, весьма мало радуясь своему освобожденію. Мелкіе владѣльцы готскаго или франкскаго племени (какъ напр. Эвдо [3]), потомокъ Клодовига) вступали нерѣдко въ дружескіе и даже родственные союзы съ полунезависимыми военачальниками или правителями аравійскими. Вообще еще ничто не обозначало вражды религіозной или народной. Въ этомъ нельзя не замѣтить благороднаго и кроткаго характера первой эпохи магометанской: непобѣдимая въ битвѣ, безумно распространяющая мечомъ власть мысли, которою была вдохновляема,

---

[1]) Устройствомъ ипсанской марки въ 803—806 годахъ. *Изд.*

[2]) Chron. Moissiac. op. Ser. 7. fr., V. 69. Dato sacramento Gothis qui ibi erant, ut si civitatem partibus traderent Pipini regis Francorum, permitterent eos legem suam habere. *Изд.*

[3]) Онъ отдалъ свою дочь за эмира Мунуцу, успѣвшаго на короткое время сдѣлаться независимымъ въ сѣверной Испаніи. *Изд.*

она въ то же время имѣла характеръ человѣчности и правды, котораго не представляетъ предшествовавшая ей эпоха римская, ни современная ей и послѣдовавшая эпоха германская и германо-романская. Этотъ благородный характеръ не удержался и въ магометанскомъ мірѣ: его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ грубыхъ и кровожадныхъ Туркахъ османовой династіи (хотя онъ преобладалъ еще у турокъ сельджуковыхъ). Онъ исчезалъ мало-по-малу даже у Сарацинъ сирійскихъ, вѣроятно отъ прилива иноземнаго, являлся неравными вспышками у могучихъ Фатимидовъ египетскихъ, и почти постоянно былъ помрачаемъ дикими страстями въ африканскомъ исламизмѣ, подвергнувшемся сильному вліянію туземныхъ народовъ и жестокихъ обычаевъ, которыхъ начало ведется отъ Карѳагена, если не изъ древности еще болѣе глубокой. Аравійскія сказки свидѣтельствуютъ о сравнительно жестокихъ нравахъ Африки тѣмъ, что ее изображаютъ отечествомъ самыхъ злыхъ и человѣконенавистныхъ волшебниковъ, напоминающихъ всѣ мрачныя таинства кушитскаго заклинательства. За всѣмъ тѣмъ, у свирѣпыхъ фанатиковъ Аглабитовъ и подъ рукою Фатимидовъ, Сицилія, теперь доведенная до жалкой нищеты просвѣщеннымъ христіанствомъ Неаполя, процвѣтала также какъ и въ эпоху своей эллинской свободы; торговля оживляла ея гавани, теперь опустѣлыя, и христіане, подручники Мавровъ, вмѣстѣ съ Маврами покрывали садами и искусно обдѣланными пашнями тѣ плодородныя долины, въ которыхъ теперь рыщутъ голодъ, лѣнивое невѣжество и разбои и въ которыхъ рѣдкое народонаселеніе, доведенное до полускотства, живетъ, кажется, только для того, чтобы напоминать, что тутъ когда-то жили люди (*). Но нигдѣ тотъ характеръ человѣчности, который принадлежалъ раннему Исламу, не выказывался такъ ясно, какъ въ Испаніи; особенно съ половины VIII-го вѣка, когда бѣглый Оммаядъ перенесъ на далекій Западъ блескъ военныхъ доблестей и славы, которыми отличались его предки вмѣстѣ съ ихъ любовью къ справедливости и съ тою восторженною любовью къ наукѣ и художеству, которыми памятны въ исторіи ихъ преемники, роскошные Аббасиды. Христіане подъ державою этихъ чело-

вѣколюбивыхъ иновѣрцевъ пользовались въ отношеніи къ суду и обезпеченію лица и собственности одинакими правами съ своими побѣдителями, отчасти даже бо̀льшими: ибо законъ, понимая всю невыгоду ихъ гражданскаго положенія, ограждалъ ихъ съ особеннымъ тщаніемъ и давалъ имъ покровителей и заступниковъ въ лицѣ судей—графовъ (comites) ихъ же вѣрованія и выбранныхъ изъ ихъ среды. Разумѣется, ничто ихъ не обезпечивало во время смутъ народныхъ, но гдѣ же можно было найти такое обезпеченіе въ средніе вѣка? Разумѣется, они страдали иногда отъ противозаконныхъ насилій, которыхъ властители аравійскіе не всегда могли или хотѣли наказывать, чтобы не раздражать своихъ единовѣрцевъ и могучихъ вассаловъ; но эти исключенія были рѣдки. Безпристрастно сравнивая положеніе христіанъ подъ рукою Оммаядовъ, но за то свободныхъ отъ гнета феодальнаго, и отъ законнаго и беззаконнаго разбоя, который составлялъ общественную жизнь въ большей части Европы, нельзя не сказать, что ихъ состояніе въ вещественномъ отношеніи было счастливѣе, чѣмъ состояніе ихъ братіи въ такъ называемыхъ христіанскихъ державахъ, за исключеніемъ аристократической или феодальной дружины.

Сто̀итъ только вспомнить о правахъ баронскихъ (извѣстныхъ подъ именемъ *droits du seigneur*—господскія права), чтобы въ этомъ убѣдиться.

Богатство, процвѣтаніе торговли и разнообразные успѣхи общественные были естественнымъ послѣдствіемъ такого нравственнаго правительственнаго правила и въ тоже время явнымъ доказательствотъ правомѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ, въ то время совершенно чуждой большей части западнаго міра. Понятно, что въ подданныхъ мало было стремленія къ освобожденію, тамъ, гдѣ въ повелителяхъ такъ мало было склонности къ угнетенію. Христіанскія державы и ихъ грубое устройство не находили союзниковъ въ гото-романскомъ населеніи областей, покоренныхъ Аравитянами. За всѣмъ тѣмъ, въ душѣ человѣка есть чувство законной гордости, не терпя-

щей ига иноземнаго, а еще болѣе власти, основанной на иномъ религіозномъ убѣжденіи; ибо въ такомъ случаѣ самый корень власти утвержденъ въ почвѣ, отвергаемой внутреннимъ духомъ человѣка, и она при всей правомѣрности своихъ формъ имѣетъ только характеръ вещественной силы. Большинство, наслаждающееся вещественными выгодами, оставалось равнодушнымъ къ этимъ высшимъ побужденіямъ; но люди лучшіе, движимые благородствомъ души, и безпокойные, движимые жаждою къ первенству и къ возможности стать въ ряды высшаго сословія, готовы были къ союзу съ независимыми христіанскими князьями и къ переходу въ ихъ области. Это стремленіе должно было усиливаться со дня на день; ибо чѣмъ болѣе крѣпчалъ міръ христіанскій, быстро возраставшій съ восшествія Карловинговъ, тѣмъ болѣе росло гордое сознаніе своихъ силъ въ душѣ рабствующихъ Готовъ, и чѣмъ тяжелѣе становилась внѣшняя борьба Ислама съ міромъ романо-германскимъ, тѣмъ строже становился онъ съ подданными, въ которыхъ онъ имѣлъ право предполагать тайныхъ враговъ.

На сѣверѣ Испаніи образовались два центра сопротивленія магомметанамъ. Они часто дробились, подраздѣлялись и сливались другъ съ другомъ; но они рознились своимъ историческимъ началомъ и своимъ внутреннимъ духомъ. Одинъ на западѣ Пиренеевъ былъ чисто-туземный [1]). Превосходно защищенный дикою и гористою мѣстностью, онъ служилъ убѣжищемъ мужественнѣйшимъ Готамъ съ самаго начала завоеванія. Другой, на востокѣ тѣхъ же горъ, болѣе доступный нападеніямъ враговъ, хотя и весьма удобный къ защитѣ, былъ нѣсколько времени почти весь въ рукахъ Мавровъ и основанъ не силою туземцевъ, но франкскими дружинамя при великомъ возстановителѣ западной имперіи, въ которомъ выразилась (какъ по необходимости она и должна была найти себѣ выраженіе) превосходная энергія германской стихіи надъ стихіями смѣшанными и не имѣвшими еще опредѣленной жизни. Карлъ положилъ начало могучимъ христіанскимъ графствамъ на югѣ

---

[1]) Королевство астурійское. *Изд.*

отъ Пиренеевъ и на прибрежьѣ Средиземнаго моря, и эти графства долго еще были въ полной зависимости отъ его преемниковъ, не разъ спасавшихъ ихъ своимъ мечемъ и въ тоже время наказывавшихъ ихъ попытки къ отдѣльной самостоятельности. Конечно въ дальнѣйшей исторіи Испаніи и въ окончательной борьбѣ съ Маврами первое мѣсто принадлежитъ центру туземному; но нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что его слабое младенчество было не разъ спасамо болѣе могучимъ центромъ восточнымъ, опиравшимся на франкскую державу и отвлекавшимъ силы Аравитянъ отъ дружнаго удара на Астурію и Леонъ. Различіе внутреннее состояло въ томъ, что Астурія и Леонъ не имѣли вовсе или только въ незначительной степени феодальный характеръ (котораго, безъ сомнѣнія они не могли избѣгнуть впослѣдствін, но который никогда въ нихъ не получилъ значительнаго развитія). Центръ восточный съ самаго начала получилъ если не полный характеръ феодализма, который только еще начиналъ возникать при Карлѣ и его ближайшихъ преемникахъ, то, по крайней мѣрѣ, его сильные и скоро развившіеся зародыши. Дружина высшая была пришлая, хотя, разумѣется, значительно пополняема стихіею туземною и долго сохраняла печать своего происхожденія. Сверхъ того, графы барцелонскіе и короли аррагонскіе [1]), имѣя значительныя владѣнія на сѣверѣ отъ Пиренеевъ и по берегамъ Лангедока и Прованса, и находясь въ ленной зависимости то отъ короля французскаго, то отъ сильныхъ феодальныхъ владѣтелей южной Франціи, а иногда даже и отъ имперіи германской, принимали свои обычаи и понятія изъ области франко-германской и безпрестанно приглашали къ себѣ на службу иноземцевъ-союзниковъ или своихъ загорныхъ вассаловъ. Такимъ образомъ, аристократическая дружина имѣла всегда значеніе силы нѣсколько чуждой самой землѣ; между тѣмъ король, хотя по крови членъ той же дружины, вполнѣ признаваемъ былъ сыномъ испанской земли и

---

1) Въ 1076 году значительная часть Наварры присоединена была къ Аррагоніи. *Изд.*

отъ того происходило въ Каталоніи то странное явленіе, что самъ государь не пользовался нѣкоторыми привиллегіями своихъ подданныхъ, напр., платилъ въ городахъ пошлины, отъ которыхъ было избавлено дворянство, и что, съ другой стороны, въ Аррагонѣ народъ имѣлъ представителей и судей, которыхъ санъ былъ выше всѣхъ аристократическихъ сановниковъ и которымъ, въ иныхъ случаяхъ, подсуденъ былъ самъ король (напр., въ спорахъ съ дворянствомъ), хотя они не принадлежали по крови къ высшей аристократіи. Эти учрежденія исчезли со временемъ, но онѣ ясно показываютъ различіе между полу-франкскою областью и чисто-испанскою, гдѣ всякій житель считался дворяниномъ.

Вообще значеніе короля въ Каталоніи и особенно Аррагонѣ было гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ Кастиліи. Алонзо IV отвѣчалъ женѣ своей Кастильянкѣ, которая ему совѣтовала наказать непокорныхъ подданныхъ: «Королева, нашъ народъ свободенъ и не привыченъ къ кастильскому самодержавію» (*). Конечно Кастилія не во всемъ сходствовала съ Астуріями; но начала были тѣ же, и отношенія власти къ народу и сословій между собою были гораздо менѣе сложны, чѣмъ въ восточныхъ королествахъ. Это самое и помогло болѣе сосредоточенной силѣ Кастиліи занять высшее мѣсто въ испанской исторіи и по преимуществу въ изгнаніи властительныхъ Мавровъ.

Несмотря на различіе стихій первоначальныхъ, всѣ народы западной Европы представляютъ замѣчательное сходство въ своемъ развитіи. Причина этого сходства уже объяснена въ очеркѣ англо-саксонской эпохи. Она заключалась въ превосходствѣ умственномъ и вещественномъ собственно германороманскаго центра, которое увлекало слабѣйшихъ къ невольному подражанію; но, съ другой стороны, разница основныхъ стихій имѣла сильное вліяніе на судьбу отдѣльныхъ народовъ и опредѣлила характеръ ихъ исторической дѣятельности. Такъ, напр., выступая изъ предѣловъ Астуріи и Леона, западный центръ новой Испаніи получалъ характеръ отчасти феодальный, чуждый его колыбели и тѣмъ болѣе подчинялся ему,

чѣмъ сильнѣе разрастался объемомъ и силою; дальнѣйшія же судьбы Испаніи были снова во многомъ обусловлены прежнею готскою эпохою.

Тоже самое было и въ Англіи.

Трудно было предвидѣть мрачную и свирѣпо-католическую Испанію въ то время, когда, не смотря на безпрерывную и упрямую борьбу съ Маврами за-пиринейскіе христіане всегда готовы были вступить съ ними въ общеніе и союзы не политическіе только, но душевные; когда умирающіе цари поручали своихъ дѣтей дружбѣ Сарациновъ или принимали подъ свою опеку дѣтей властителей Маврскихъ; когда владыки Леона или Аррагона звали Мавровъ на помощь другъ противъ друга или принимали участіе во внутреннихъ распряхъ магометанскаго міра почти не изъ выгодъ, а изъ дружбы и сердечной привязанности; когда Мавры были вассалами христіанъ, а христіане вассалами Мавровъ, когда, наконецъ, лучшій и самый народный герой исторіи и поэзіи народной, гроза магометанъ, слава христіанской Испаніи, которой предѣлы онъ распространилъ побѣднымъ мечомъ, Донъ Родриго Виварскій самъ искалъ убѣжища и дружбы у иновѣрныхъ враговъ и съ ними вмѣстѣ ратовалъ противъ единовѣрцевъ. Но заглохнувшіе зародыши должны были со временемъ снова ожить и получить полное развитіе. Въ ту эпоху трудно было обозначить или распознать границы между областью христіанскою и магометанскою; но онѣ не могли сростись и сжиться вмѣстѣ; онѣ не могли разрѣшить свою распрю, какъ древнія религіи кушитскія или мѣшаной системы, въ безцвѣтномъ и безхарактерномъ синкретизмѣ. Обѣ были слишкомъ опредѣленны и слишкомъ многотребовательны для такого примиренія. Несмотря на дружбу и взаимное движеніе своихъ историческихъ представителей, онѣ должны были биться и бились на смерть. Исламъ долженъ былъ погибнуть въ Испаніи вслѣдствіе своей внутренней слабости и удаленія отъ своей восточной родины, изъ которой только и могъ бы онъ получить приливъ новыхъ силъ всегда готовый и близкій его про-

тивникамъ. Не безславна была борьба для Ислама. Безпристрастная исторія безспорно признаетъ въ его послѣдователяхъ высшія доблести и болѣе человѣческія начала чѣмъ во врагахъ, которымъ опредѣлена была окончательная побѣда, и никогда человѣкъ не вспомнитъ равнодушно о милостивыхъ правителяхъ Гранады и Андалузіи, о поэтическихъ строителяхъ Альгамбры и о просвѣтителяхъ западной Европы.

Геніальный Гербертъ (Сильвестръ) былъ отчасти имъ обязанъ превосходствомъ своимъ надъ современниками.

Кастиліи было предназначено первенство въ исторіи Испаніи. Это первенство было слѣдствіемъ большой цѣльности ея внутренняго состава. Вольнолюбивый Аррагонъ и торговая Каталонія, основанные на началахъ отчасти иноземныхъ (особенно въ отношеніи къ первенствующему сословію) получили болѣе искусственное построеніе и большую юридическую опредѣленность въ государственныхъ положеніяхъ, но за то имѣли гораздо менѣе въ себѣ того жизненнаго духа, которымъ сильны народы.

Примѣръ Англіи, повидимому противорѣчащій этому общему закону, объясняется тѣмъ, что духовная жизнь народа была уже сильно развита прежде иноплеменнаго наплыва.

Отъ того-то вся поэзія, всѣ явленія мысли и чувства, принадлежащія собственно испанскому характеру, возникли на почвѣ кастильской, свидѣтельствуя о высшемъ настроеніи и меньшей условности того быта, который далъ имъ начало. Что бы ни значила Испанія для міра, значеніе свое получила она отъ центра западнаго, а не восточнаго, котораго вліяніе сравнительно ничтожно.

Готская или римско-готская стихія. втиснутая Маврами въ горныя тѣснины Астуріи и Леона, выступила снова изъ нихъ окрѣпнувшая и освѣженная благородною борьбою, ничѣмъ не искаженная и достойная свободы. Едва начали ос-

лабѣвать ея побѣдители, мало-по-малу подрываемые внутренними смутами и ослабляемые развратомъ роскоши (хотя должно признаться, что художественный духъ Аравитянъ сильнѣе противостоялъ ея гибельному вліянію, чѣмъ грубая организація большей части другихъ народовъ), потомки побѣжденныхъ Готовъ спустились съ горныхъ хребтовъ на завоеваніе утраченнаго отечества. Часто побѣждаемые численнымъ превосходствомъ непріятеля, отгоняемые назадъ къ горнымъ своимъ твердынямъ, которыя не всегда спасали ихъ отъ пораженій, не разъ доведенныя до края гибели великими полководцами маврскими (каковъ былъ напр., Альманзоръ), они снова ничинали упорную борьбу и, желѣзнымъ терпѣніемъ утомляя своихъ противниковъ, подвигались все далѣе на югъ. Они вели войну наступательную; Мавры оборонялись. Они чувствовали за собою все болѣе и болѣе усиливающійся міръ христіанскій; Мавры принадлежали къ міру, уже кончившему свое быстрое развитіе и клонящемуся мало-по-малу къ упадку; они каждый шагъ впередъ считали дорогимъ пріобрѣтеніемъ и укрѣпляли его за собою на вѣкъ. Мавры не дорожили скудною землею, которую отбивали иногда у своихъ противниковъ и смотрѣли на нее не какъ на осѣдлость, но какъ на пограничный военный постъ, только и нужный для защиты другихъ лучшихъ областей; наконецъ, они въ областяхъ, подчиненныхъ непріятелю, часто находили помощниковъ въ своихъ порабощенныхъ братіяхъ; Мавры у нихъ находили только непримиримыхъ враговъ. Всѣ выгоды, кромѣ многочисленности, были на ихъ сторонѣ, а многочисленность не рѣшаетъ никогда горной войны, которой успѣхъ не можетъ зависѣть отъ одного счастливаго удара; безпрестанный же приливъ союзниковъ, или изъ-за Пиринеевъ или изъ областей еще непокорныхъ Маврамъ, мало-по-малу уравнивалъ даже числительную силу противниковъ. Магометане лишились многихъ областей своихъ въ сѣверной Испаніи, и на востокѣ Аррагонъ, спасенный успѣхами астурійскаго центра, а на западѣ Португалія, созданная его примѣромъ, составили вмѣстѣ съ Кастиліею цѣлую цѣпь христіанскихъ владѣній, которая должна была со временемъ сда-

вить пришлую азіатскую стихію. Этотъ неизбѣжный успѣхъ былъ отстроченъ на нѣсколько вѣковъ безпрерывными раздорами самихъ христіанъ.

Общинное устройство не существовало уже при Готахъ, ибо его главныя постановленія были отмѣнены въ скоромъ времени послѣ ихъ вступленія въ Испанію; понятіе объ отечествѣ имъ было также весьма мало извѣстно. Военачальникъ—король, дружина—высшія сословія, кое-какія городовыя учрежденія, остатокъ римскаго времени, и все—подъ опекою жрецовъ—духовенства, сильнаго властью правительственною, огромнымъ богатствомъ и правомъ на военачальство, и составившаго родъ теократической республики, въ которой, какъ уже сказано, римскія государственныя понятія совершенно подавили древнее понятіе о всемірной церкви. Такова была Испанія до Мавровъ. Такова была она и впослѣдствіи, ибо она сохранялась неизмѣнною въ западномъ центрѣ своемъ; перемѣна была только въ томъ, что видимая сила духовенства упала на время передъ преобладаніемъ требованій военныхъ, и никогда уже, даже впослѣдствіи, не получала той независимости отъ остальнаго христіанскаго міра, которая была ею присвоена въ готскую эпоху. Удаленіе въ горныя области, бѣдность и необходимость поголовнаго ополченія изгладили такое различіе сословій. Весь непокоренный Сѣверъ получилъ значеніе народа дворянскаго, котораго члены были равны между собою; но завоевательное движеніе на югъ снова измѣнило эти отношенія и дало начало новой феодальности, которой учрежденія и сочлененія были уже болѣе или менѣе невольнымъ подражаніемъ современнымъ учрежденіямъ другихъ романо-германскихъ областей, особенно же Франціи.

Такое невольное подражаніе замѣтно даже у самихъ Мавровъ, особенно у пограничныхъ, которые въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ очевидно принимали многія начала совершенно европейскія.

Но расширеніе области независимой было еще болѣе освобожденіемъ, чѣмъ завоеваніемъ. Туземцы, покоряясь своимъ

освободителямъ и вступая съ ними въ отношенія вассальства, сохраняли память о кровномъ единствѣ, а освобождающая дружина, осѣдая и укрѣпляясь въ своихъ феодальныхъ замкахъ, чувствовала себя только высшимъ сословіемъ въ народѣ единокровномъ и единовѣрномъ. Какая-то патріархальная феодальность безъ презрѣнія и угнетенія съ одной стороны, безъ вражды и злобы съ другой: таково было новое построеніе Испаніи. Къ общимъ феодальнымъ учрежденіямъ примѣшивалось въ значительной степени нѣчто похожее на аллодіальность, или на русскія помѣстныя положенія; ибо большая часть ново-пріобрѣтаемыхъ областей поступала въ полное распоряженіе королей, и они, дробя ихъ, передавали по волѣ на временное, пожизненое, или наслѣдственное пользованіе своимъ сподвижникамъ. Такова была причина почти самодержавной королевской власти въ кастильскомъ королевствѣ, ибо въ Аррагонѣ она была ограничена закономъ [1]), по которому государственныя помѣстья могли быть переданы только высшимъ дружинникамъ (ноблесъ, рикосъ гомбресъ), Очевидно, Испанія должна была быть свободною отъ тѣхъ безнравственныхъ и отвратительныхъ явленій, которыми начало завоеванія наполнило всю западную Европу, и отличается передъ нею большимъ благородствомъ народнаго характера. Такъ и было.

Таже самая причина устраняла и возможность революцій, хотя нисколько не полагала препонъ смутамъ и междоусобіямъ.

Тѣ же причины дали возможность языку народному получить быстрое развитіе и обогатили его превосходными произведеніями поэзіи, которыхъ не имѣли менѣе цѣльные Аррагонъ и Каталонія. Вообще восточный центръ съ его искусственнымъ государственнымъ строеніемъ, съ дѣловымъ и торговымъ развитіемъ его жизни, представляетъ характеръ совершенно отличный отъ того восторженнаго настроенія Ка-

---

[1]) Изданнымъ въ 1265 году на сеймѣ въ Эксеѣ. Этотъ законъ подтвердилъ только то, что существовало и прежде какъ обычай. *Изд.*

стиліи, которое ей дало и первенство между новыми королевствами, и возможность съ особеннымъ успѣхомъ бороться противъ Мавровъ.

Невозможно не замѣтить сильнаго вліянія Аравіи на возставшихъ христіанъ и участія ея въ облагороженіи мыслей и нравовъ племени гото-романскаго; но это вліяніе многими историками цѣнится слишкомъ высоко, между тѣмъ какъ они оставляютъ безъ вниманія нравственное дѣйствіе франкскихъ областей на общественное построеніе Кастиліи.

Съ другой стороны постоянная борьба, напрягая силы духовныя и вещественныя Кастиліи, ожесточала ея нравы и полагала начало той свирѣпости и кровожадности, которыя пятнятъ Испанію до нашего времени; впрочемъ это нравственное зло было гораздо менѣе явное въ первыя столѣтія, когда благородная кротость Оммаядовъ умягчала обычаи магометанъ и самую войну, чѣмъ впослѣдствіи, когда стихія африканская усилилась въ южной Испаніи и принесла съ собою жестокость и дикость, всегда отличавшія африканскія племена (*).

Городовое устройство въ Аррагонѣ и Каталоніи получило развитіе богатое и самостоятельное, уравновѣшивая силу феодальности и представляя въ себѣ стихію туземную, между тѣмъ какъ высшее сословіе было составлено по большей части изъ наплыва иноземнаго (*). Самое начало власти королевской связано было, какъ уже сказано, тѣснѣе съ сословіями нижними, чѣмъ съ феодальною аристократіею, и слѣдовательно эта власть должна была покровительствовать тѣмъ стихіямъ, на которыхъ была основана. Вольности городовъ были въ позднѣйшее время торжественно утверждены закономъ; за ними признано было право составлять между собою союзы для огражденія себя отъ несправедливыхъ притязаній власти верховной или силы феодальной; но нѣтъ сомнѣнія, что законъ этотъ не вносилъ новыхъ правъ, а только утвердилъ или опредѣлилъ право обычное. Правда, что то же самое право было признано и за высшимъ дворянствомъ, но какъ право городовое

оно составляло отличительную черту Аррагона, между тѣмъ какъ союзы феодальныхъ дружинниковъ были не рѣдкостью въ всемъ Западѣ.

Довольно замѣчательно, что право конфедерацій было допущено закономъ только въ двухъ странахъ, раздѣленныхъ всѣмъ пространствомъ Европы, въ Аррагонѣ [1]) и Польшѣ. Точно такъ же нельзя не замѣтить, что названіе второго дворянскаго чина, стоявшаго далеко ниже перваго, инфанцоновъ, которое не можетъ удовлетворительно объяснить современная критика, находитъ, кажется, довольно легкое объясненіе въ названіи дѣтей боярскихъ и отроковъ, общемъ всему славянскому сѣверу. Оно совершенно соотвѣтствуетъ слову инфанцонъ и обозначаетъ едва ли не тотъ же чинъ въ дворянской дружинѣ.

Кастилія не представляла ничего подобнаго этому устроенію восточно-испанской области. Вообще въ ней организація массъ или сословій не имѣла ничего опредѣленнаго. Общины, какъ уже сказано, уже не существовали въ готскую эпоху; идея государства была слаба и не имѣла никакого вліянія на жизнь народную; связь людей между собою была основана единственно на общности вѣры и крови. Изъ горъ Астуріи и Леона выступила дружина Готовъ-христіанъ, чтобы сокрушить владычество магометанъ-Мавровъ, и этотъ характеръ чисто-дружинный остался за кастильскимъ королевствомъ навсегда. Но такъ какъ сама дружина была не сплавомъ случайнымъ, а вооруженнымъ проявленіемъ племенного и религіознаго единства, самая дружинность кастильская сохранила навсегда печать гордой исключительности и религіозности поэзіи. Лица покорялись общему устройству дружиннаго государства, но покорялись не вслѣдствіе организма, въ которомъ они были такъ сказать, прирожденными членами, а по свободной личной волѣ. Потому и не было связи между ними, а каждое лицо, въ какомъ бы чинѣ оно ни находилось по вре-

---

[1]) Оно было облечено въ форму закона Альфонсомъ III въ 1287 году. *Изд.*

менной случайности, считало себя въ прямой связи съ главою дружины—королемъ. Эта личная независимость возвышала все ихъ нравственное существо, придавая имъ блестящее мужество, непоколебимую твердость и какую то поэтическую восторженность; но таже самая независимость устраняла возможность строгой государственности и истинно-человѣческой общительности. Свободная воля дѣлала гидальго членомъ кастильскаго общества; свободная воля могла его вывести изъ общества, не дѣлая его преступникомъ и не лишая правъ на возвратъ. Это понятіе ясно высказывается въ правѣ *денатурализаціи*, которое было признано безспорнымъ до весьма поздняго времени и которое представляетъ черту, свойственную одной Испаніи (*); этому соотвѣтствуетъ и почтеніе къ ремеслу разбойниковъ. Постоянная борьба, возвышая въ Кастильцѣ крѣпость духа, въ то же время склоняла его къ звѣрской жестокости, которая позднѣе была причиной страшныхъ бѣдствій во многихъ областяхъ западной Европы и облила потоками крови новый свѣтъ, открытый высокимъ вдохновеніемъ безсмертнаго Генуезца, а личная и безсвязная свобода развивала хвастливую гордость, которая придала благородному характеру Кастильца смѣшныя черты капитана Матамороса. Вѣчная война съ Маврами была войною не народовъ только, но и религій: Испанецъ привыкъ себя считать оруженосцемъ Христіанства и всю жизнь свою браннымъ подвигомъ за Бога. Когда пали Мавры, когда военное дѣло было совершено, подвигъ борьбы перенесъ онъ на уничтоженіе невѣрія въ нѣдрахъ самаго христіанства и возобновилъ, но съ большею еще жестокостью, инквизиціонное направленіе готскаго законодательства, а завоевательное стремленіе многихъ вѣковъ облекъ въ образъ безоружной и въ то же время завоевательной дружины—Іезуитовъ, которыхъ не могла создать никакая другая земля, кромѣ Испаніи. Такова причина, почему церковное государство папскаго міра нашло въ ней свою сильнѣйшую и неизмѣннѣйшую опору. Король былъ начальникомъ дворянской дружины, высшимъ по званію, равнымъ по происхожденію съ своими ратными товарищами.

Это видно изъ присяжной формы: мы, которые, каждый порознь, равны тебѣ, а всѣ вмѣстѣ болѣе тебя, и проч.

Казалось бы, что при такомъ понятіи значеніе короля должно стоять на довольно низкой степени; но на дѣлѣ оно было весьма высоко, и это противорѣчіе объясняется взглядомъ коренного Испанца на себя и на всю свою общественную жизнь. Были писатели, которые видѣли въ глубокомъ почтеніи Кастильцевъ къ королямъ какой-то отзвукъ аравійскаго благоговѣнія передъ шейхомъ-патріархомъ племени своего. Здравая критика должна отвергнуть такое объясненіе, не смотря на многіе очевидные слѣды мавpскаго вліянія на настроеніе испанской мысли. Ему слишкомъ ясно противорѣчатъ всѣ остальныя отношенія общественныя и явная условность королевской власти. Отношеніе Кастильца къ королю были основаны на совершенно иномъ началѣ. Весь народъ (и по преимуществу высшее сословіе послѣ расширенія западнаго центра) былъ ополченіемъ Христіанства противъ Ислама; поэтому все построеніе дружины, также и жизнь каждаго дружинника, почти во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ, была окружена какою-то религіозною торжественностью. Король, Богомъ возвышенный, въ знаніи начальника богохранительной дружины, являлся лицомъ, освященнымъ особенною благодатью, какіе бы ни были его личные пороки. Это воззрѣніе, болѣе или менѣе сознательное, дало тотъ особенно торжественный и религіозный характеръ королевскому сану, который принадлежитъ всей испанской исторіи и который выражается во всѣхъ высшихъ произведеніяхъ испанской поэзіи, особенно въ драмахъ, служа часто основаніемъ завязки, почти непонятной для читателя иноземнаго.

Всякій, кто только изучалъ сколько нибудь эту богатую и своеобразную словесность, не могъ не быть пораженъ ея особенностями; но критика не вполнѣ, кажется, разгадала ея историческую основу. Черты, безспорно преобладающія въ ней,—это религіозное настроеніе, весьма невысокое, но страстное; торжественность напыщенная, слѣдствіе гордаго понятія о призваніи всего испанскаго народа; убѣжде-

ніе въ полнотѣ правъ личной свободы, которая въ Лопе-де-Вега и другихъ представляетъ разбой дѣломъ вольнаго мужества; и въ то же время какое то фанатическое благоговѣніе передъ словомъ—«король», нисколько не обязующее къ повиненію. Въ этомъ замѣтна рѣзкая противоположность съ чувствомъ Англо-сакса. Тамъ повиновеніе безусловное королю, во сколько онъ представитель закона, съ полнымъ правомъ на шутку, насмѣшку и личное пренебреженіе. Въ Испаніи полное право на непокорность и обязанность благоговенія. Очевидно, для Англо-сакса цѣль общества внутри самого общества, для Испанца внѣ его. Ее бы можно назвать дружиннымъ служеніемъ Богу; и такова причина, почему король-дружиноначальникъ окруженъ какою-то особенною святостью. Но весь этотъ характеръ принадлежитъ болѣе цѣльной Кастиліи, а не разносоставному и искусственно построенному Аррагону.

Понятіе о народѣ, какъ объ избранной дружинѣ, отстаивающей величіе Бога противъ ложныхъ боговъ, давало каждому члену этого народа несомнѣнную вѣру въ его превосходство надъ другими народами и развивало тѣ зародыши гордости, которые уже лежали въ понятіи и неограниченности личной свободы. Такова главная причина того отталкивающаго высокомѣрія, которое вооружило противъ Испаніи столькихъ и столь ожесточенныхъ враговъ. Ей могли бы простить ея блестящія торжества, ея временное величіе, которое послѣ Карла V поставило ее на первомъ мѣстѣ между всѣми государствами Запада; ей не прощали и не могли простить ея нестерпимой гордости, оскорбительной для всѣхъ людей и для всѣхъ народовъ и, разумѣется, связанной съ чувствомъ явнаго недружелюбія ко всѣмъ.

Эта глубокая ненависть выражается во всѣхъ происшествіяхъ борьбы Англіи и Голландіи съ Испаніею; но болѣе всего въ страшной исторіи Буканировъ. Нѣмецъ, Англичанинъ, Французъ и люди всѣхъ западно-европейскихъ племенъ сливаются въ одно общество морскихъ грабителей; этому легко найти объясненіе. Они нападаютъ по преимуществу на корабли и владѣнія Испаніи; это опять объясняется легко монополіею золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Но стоитъ

только прочесть кровавыя біографіи Монбаровъ, Моргановъ, Лорановъ и другихъ, чтобы почувствовать, какъ пробивается вездѣ кромѣ алчности къ золоту и безгранично разыгравшейся кровожадности, струя болѣе глубокаго и, можно сказать, болѣе человѣческаго чувства, желаніе унизить гордость Испанца, и не только ограбить и убить «дона», но затоптать въ грязь и его и все его оскорбительное тщеславіе. Дѣтское чувство имѣетъ въ себѣ много простодушнаго ясновидѣнія. Сколько разъ, читая про Буканировъ, въ своихъ ребяческихъ мечтахъ желалъ я почти съ надеждою что желаніе это сбудется, чтобы явились откуда-нибудь неумолимые мстители стереть съ лица земли этихъ отвратительныхъ кровопійцъ, но никогда не пожелалъ я побѣды Испанцамъ! Я былъ какъ будто лично оскорбленъ никогда невиданными донами и ненавидѣлъ ихъ за ихъ напускную гордость столько же, сколько за жестокость, въ которой они были достойными учителями самихъ Буканировъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это чувство въ ребенкѣ, принадлежащемъ народу, никогда не приходившему въ столкновеніе съ Испаніею, было невольнымъ отголоскомъ чувства общаго въ XVI вѣкѣ и безсознательно переданнаго его писателями читающему потомству. Комическое лицо испанскаго капитана-хвастуна было также литературнымъ мщеніемъ за тотъ же народный порокъ въ его смѣшной формѣ гордости хвастливой; но, какъ уже прежде сказано, самый затѣйливый умъ не могъ бы выдумать черты, рѣзче выражающей эту хвастливость, чѣмъ народная поэзія въ созданіи своего витязя, Бернарда-ди-Карпіо, или, лучше сказать, въ его мнимой побѣдѣ надъ Роландомъ. Въ этой пошлой выдумкѣ выразилось все завистливое тщеславіе Испанца.

Критика не можетъ сомнѣваться ни въ древности и великомъ значеніи Роланда, олицетворенной дружины первой Франкской эпохи, ни въ томъ, что мнимая побѣда Бернарда есть простой и поздній пришивокъ къ сказанію, можетъ быть и древнему, о какомъ то народномъ, но весьма не первостатейномъ витязѣ. Тотъ только можетъ этого не видать, кто совершенно лишенъ всякаго художественнаго чувства и не способенъ цѣнить и понимать типы, созидаемые народною фантазіею. Испанцы не могли стерпѣть славы Роланда, когда узнали объ ней и выдумали его встрѣчу съ Бернардомъ, чтобы похвастаться побѣдою. Сама встрѣча носитъ на себѣ

печать совершенной случайности, и самыя пѣсни, въ которыхъ она разсказана, не имѣютъ нисколько эпическаго характера. Эта педантская, прозаическая хвастливость народныхъ стихотворцевъ напоминаетъ отчасти то чувство, которымъ созидались въ среднихъ вѣкахъ лица Франковъ, Брутовъ и другихъ, которымъ пропитаны первые польскіе историки, и котораго не чужды современные намъ нѣмецкіе ученые съ ихъ историческимъ патріотизмомъ и храбростью заднимъ числомъ.

Не безъ историческихъ послѣдствій былъ этотъ народный порокъ; и нѣтъ сомнѣнія, что, возбудивъ душевную жажду другихъ народовъ, ожесточенныхъ неразумною и слишкомъ явною гордостью Испаніи, онъ ускорилъ ея паденіе съ той временной высоты, которая была ей дана воинственною энергіею и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Еще сильнѣйшая причина того сравнительнаго ничтожества, въ которое впалъ за-пиренейскій полуостровъ, заключалась въ его духовномъ развитіи. Ни въ одной изъ областей древняго римскаго міра не преобладалъ въ такой степени умственный характеръ Рима. Италія, какъ уже замѣчено, была менѣе подчинена этому характеру, чѣмъ страны ею завоеванныя; въ ней онъ былъ отчасти подавленъ высшимъ просвѣщеніемъ, занятымъ отъ Эллады; въ земляхъ побѣжденныхъ дикарей онъ выступалъ свободно, ибо составлялъ весь итогъ жалкаго полицейскаго просвѣщенія, принесеннаго римскими легіонами. Въ Галліи онъ былъ отчасти сглаженъ энергіею дикаго франкскаго наплыва; въ Британіи ему противодѣйствовала полу-свободная стихія туземная, а потомъ самостоятельность саксонскаго духа. Въ Испаніи онъ былъ принятъ почти въ полнотѣ своей Вестъ-готами, племенемъ уже полупросвѣщеннымъ прежде своего перехода за Пиренеи, но просвѣщеннымъ римскою мыслію, во время своего скитанія по Италіи и Галліи, передъ мстительной грозою восточнаго славянства. Сравнительная кротость вестъ-готскихъ нравовъ и легкое сближеніе между побѣдителями и побѣжденными (послѣ уничто-

женія аріанства) дали духовенству такой перевѣсъ, какого оно не имѣло нигдѣ.

Это быстрое смѣшеніе стихій, туземной и пришлой, дало также возможность ранняго развитія языку и поэзіи народной.

Но перевѣсъ духовенства былъ выраженіемъ перевѣса прежней римской жизни, особенно въ ея религіозномъ направленіи. Темная, не озаренная ни разумомъ науки, ни разумнымъ пониманіемъ вѣры, она внесла, какъ мы сказали, въ религію идею государственной принудительности въ отношеніи общественномъ (начало инквизиціи) и идею силъ заклинательныхъ и кушитскаго раздвоенія въ отношеніи къ личному вѣрованію. Почти ни одна свѣтлая и христіанская мысль не проникала въ эту полуязыческую тьму, смѣсь юридическихъ понятій римскихъ и грубаго суевѣрія. Аравійское понятіе, не смотря на свое просвѣтительное начало, усилило прежде зародившееся зло, прибавивъ къ нему раціоналистическія формы, которыя исламизмъ получалъ отъ односторонности аристотелевой школы.

Одна только эта школа и была понята Западомъ, такъ же какъ и Аравитянами, вслѣдствіе ея дѣйствительно большей строгости и безцвѣтной разсудочности.

Такимъ образомъ, всѣ эти стихіи слились въ одну чисто-заклинательную систему вѣры, принадлежащую къ иранскому нреданію по предмету поклоненія, но въ то же время вполнѣ принадлежащую древнему кушитству по духу поклоненія. Таково было испанское христіанство. Въ глазахъ народа (и это воззрѣніе было передано всей западной Европѣ посредствомъ поэтическихъ сказаній и легендъ) мавркій міръ былъ міромъ черной магіи и губительнаго волшебства. Противъ него стоялъ міръ свѣтлыхъ духовъ и благодѣтельнаго волшебства—молитвы—въ области гото-романской. Заклинаніе въ разныхъ направленіяхъ составляло весь итогъ вѣрованія испанскаго.

Прежде аравійскаго завоеванія разгулявшееся своеволіе всевластнаго духовенства готово было создать церковную

республику, совершенно отдѣльную отъ остального христіанскаго міра, рѣшающую безусловно догматическіе вопросы и почти утратившую понятіе о церковномъ единствѣ первыхъ вѣковъ (это выразилось измѣненіемъ символа). Послѣ завоеванія временное ничтожество племени, съ трудомъ отстаивавшаго свои горныя твердыни, постоянною войною и отчасти иноземною помощію, уничтожило эту начинавшую отдѣльность. Испанія вошла въ общій составъ западнаго христіанства подъ духовною державою римскаго престола. Были еще попытки на нѣкоторую самостоятельность, но онѣ должны были исчезнуть безъ слѣда по слабости земли, въ которой являлись и по силѣ логическаго начала римскаго, уже допущеннаго всѣми. Испанія подчинилась Риму вполнѣ, и идея папства завершила зданіе ея религіи; но идея папства, общая всему Западу, имѣла различный смыслъ въ различныхъ областяхъ его. Для болѣе духовной Германіи, Англіи и можетъ быть для лучшихъ мыслителей Франціи, папство представляло высокую мысль духовнаго единства всего христіанскаго міра; вообще для Франціи оно представляло скудное и сухое понятіе объ административномъ единствѣ въ Церкви; для Италіи оно представляло символъ ея собственнаго величія и всеміpнаго державства; для Испаніи оно представляло завершеніе всего заклинательнаго міра. Папа былъ, такъ сказать, верховный заклинатель, вѣнчанный борецъ противъ духовъ злобы и невидимой вражды, хранитель всѣхъ таинственныхъ благодѣяній, испрашиваемыхъ для міра черезъ ангеловъ свѣта.

Разумѣется, эти различія никогда и нигдѣ не бывали высказываемы съ тою отчетливою ясностію, которая могла бы удовлетворить требованіямъ критики, понимающей исторію только въ положительныхъ документахъ, годныхъ къ представленію въ присутственныя мѣста; но они понятны для чувства истинно-человѣческаго или художественнаго. Они выражаются не въ отдѣльныхъ чертахъ, а въ общей физіономіи. Вся поэзія Испаніи, по сколько она относится къ міру духовному, выражаетъ ея понятіе, но оно высказывается, можетъ быть, еще яснѣе въ ея живописи и особенно въ тѣхъ

великихъ художникахъ, которые отличаются полнѣйшею самобытностью. Монашество испанское и шиваитскій іогизмъ совершенно тождественны, не смотря на разницу въ проявленіяхъ. Они не представляютъ никакого сходства съ отшельничествомъ Востока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ явленій египетской или палестинской пустыни, еще отзывающихся особенностями древней жизни этихъ странъ. Даже въ дѣятельной формѣ дружиннаго монашества этотъ іогизмъ испанскій сказался словами «sit ut cadaver».

Таковы были духовныя начала, внесенныя Испаніею въ мысленную жизнь Европы. Они принесли гибельные плоды для всего Запада (особенно въ тридентинскомъ соборѣ); они сгубили самую Испанію и до сихъ поръ уничтожаютъ въ ней возможность дальнѣйшаго развитія и здоровую цѣльность души, отнимая разумность и благородство у вѣры, кротость у силы и внутреннюю связность у общества. Но въ то время, когда еще шла кровавая борьба за независимость и жизнь, когда напряженныя силы были направлены къ цѣли внѣшней, внутренняя ложь духовнаго начала еще не выражалась вполнѣ и не выказывала своихъ вредныхъ послѣдствій, и темная старость Испаніи оглядывается съ утѣшеніемъ и отчасти справедливою гордостью на ея поэтическое дѣтство.

Сѣверъ Европы.—Швеція. Ея племенныя стихіи и миѳы.

На дальнемъ Сѣверѣ, въ дикой Скандинавіи возникало другое царство, которому не предназначено было ни столько славы, ни столь великаго вліянія на судьбу другихъ народовъ, но которое въ позднѣйшее время нанесло сильный ударъ Испаніи и ея союзникамъ и рядомъ блистательныхъ побѣдъ въ XVI и XVII столѣтіи стяжало великое имя мужествомъ и искусствомъ воинскимъ. Грозно было для всей Европы младенчество Швеціи, но исторія этого младенчества требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Критика историческая до сихъ поръ не поняла доисторическую эпоху Скандинавіи, разсматривая ее, какъ самостоятельное и одностихійное цѣлое и отдѣляя ея изученіе отъ изуче-

нія другихъ обширнѣйшихъ странъ, съ которыми она находилась въ неразрывной коренной связи. Сравненіе многочисленныхъ данныхъ и многоразличныхъ источниковъ должно въ наше время разсѣять этотъ мракъ, котораго существованіе происходило отъ незнанія и поддержано было слѣпымъ и систематическимъ самолюбіемъ.

Филологическія изслѣдованія показываютъ, что иранское населеніе сѣверной и средней Европы состояло изъ трехъ вѣтвей общаго иранскаго корня кельтской, германской и славянской, изъ которыхъ первая всѣхъ отдаленнѣе, послѣдняя всѣхъ ближе къ восточно-иранцамъ, Индусамъ, а вторая представляетъ явное сродство съ средне-иранцами, Мидо-Персами. Движеніе этихъ трехъ вѣтвей Ирана въ Европу было не одновременно и шло разными путями. Первые начали переселеніе свое Славяне и продолжали выселяться изъ своей прибактрійской колыбели до IV-го вѣка послѣ Р. Х., когда послѣднія ихъ семьи, Гунны и Сѣверяне, были выдвинуты изъ-за Каспія нажимомъ средне-азійскихъ племенъ. За ними двинулись черезъ Кавказъ Кельты, прорываясь сквозь рѣдкія населенія славянскія Вендовъ и Антовъ, отжимая ихъ на крайнемъ Западѣ къ горамъ и морямъ, захватывая острова въ Атлантическомъ океанѣ, прорываясь за Пиренеи въ область иберскую и вѣроятно смѣшиваясь съ Иберцами въ предѣлахъ Эрина. Послѣднія и остальныя семьи кельтскія, Кимвры, долго воинствовавшія съ Вендо-Славянами въ степяхъ придонскихъ и съ Мидо-Сарматами въ ущеліяхъ Кавказа, переселились къ своимъ западнымъ братьямъ вѣковъ за шесть до Р. Х., громя все на своемъ пути, оставляя на немъ въ Польшѣ, Чехіи и нѣкоторыхъ мѣстностямъ Германіи мелкія поселенія, погибшія во время послѣдовавшихъ переворотовъ, и придавая кельтскому міру временное напряженіе силъ, которое два раза почти сгубило младенчество Рима и его уже мірордержавную юность. Послѣдніе двинулись Германцы, вѣроятно черезъ Малую Азію и Ѳракію, прорывая славянское племя, отжимая его къ Балтійскому морю и къ Альпамъ, разселяясь между Рейномъ и

Эльбою, прорываясь колоніями до Одера и переходя черезъ узкіе проливы Зунда и Категатовъ въ скандинавскій полуостровъ, гдѣ они вытѣснили къ сѣверу Финновъ и Лапповъ, ихъ братію, старожиловъ европейскаго Сѣвера. Тамъ получили они твердую привольную осѣдлость подъ именемъ Готовъ, составлявшихъ, повидимому, восточную половину германскаго племени и бросившихъ много мелкихъ поселеній на южномъ берегу Балтики, между сплошного поселенія Славянъ и сопутствовавшихъ Славянамъ, литовцевъ. Страны на сѣверъ отъ Кавказа, опустѣлыя послѣ удаленія Кельто-Кимвровъ, были скоро заняты не мирными Славянами, но воинственнымъ племенемъ сѣверныхъ Мидійцевъ, Азо-Сарматовъ (родоначальпиковъ Язовъ, теперешнихъ Осетовъ). Долго сражавшись съ Кимврами въ ущеліяхъ Кавказа, раздѣлявшаго враговъ своимъ снѣговымъ хребтомъ, долинами, перехваченными стѣною, которой память и нѣкоторые слѣды существуютъ и донынѣ, Сарматы радостно вырвались на просторъ при-волжскихъ и при-донскихъ степей, вступая съ старожилами-Славянами въ безперерывныя сношенія, то враждебныя, то дружелюбныя и родственныя. Такъ племя среднихъ Иранцевъ, Азовъ или Арійцевъ въ южной Россіи снова сблизилось съ своими восточными братьями, Вендами или Ванами, съ которыми оно издревле уже или боролось или дружилось на Востокѣ, гдѣ общее ихъ поселеніе Аза-Вана занимало роскошныя долины и предгорья Гималаи, и гдѣ восточно-иранская семья Саковъ (или Даковъ), Гетовъ и Ванадовъ (или Вендовъ) съ ихъ подраздѣленіями, Антами (Андгра), Кажарами (Казасъ), Древичами (Дербицесъ), Сѣверянами и Гуннами (*Уна-о* Китайцевъ) вела противъ средне-Иранцевъ (Мидо-Персовъ, Китайскихъ *Аланъ-ми*) ту вѣковую войну, которая составляетъ поэтическій циклъ ново-фарсійской поэзіи (извѣстной европейской учености, но не понятой ею) подъ именемъ войны Ирана и Турана. Энергія сравнительно малочисленныхъ Сарматовъ увлекла вѣроятно съ собою нѣкоторыя кавказскія, иберскія семьи, напр. Зиговъ и часть Славянъ и произвела мѣшаные народы (Язъ-Зиговъ, Россъ-Алановъ, отъ имени антской семьи Росъ, и другихъ). Она долго уравнивала

борьбу съ многочисленными Вендо-Славянами; она подвигала державу Аланъ-Азовъ все далѣе и далѣе на сѣверъ, къ самымъ берегамъ Балтики, получившей отъ нихъ временное имя моря сарматскаго; она кидала ихъ воинственныя колоніи далѣе на западъ къ Дунаю и Чехіи; но она не могла въ продолженіе вѣковъ, при условіяхъ жизни кочевой въ степяхъ, выдержать напора стихіи славянской. Время покоя, славы и сильнѣйшаго развитія сарматскаго племени соотвѣтствуетъ двумъ послѣднимъ вѣкамъ до Р. Х. и первому послѣ Р. Х. Движеніе ихъ на сѣверъ сближало ихъ все болѣе и болѣе съ Славянами, примыкавшими къ ихъ завоевательной дружинѣ; оно не остановилось на берегахъ Балтики, оно перенесло ихъ вмѣстѣ съ ихъ союзниками, Вендами, на корабляхъ этихъ исконныхъ мореходцевъ, въ слабо населенную середину скандинавскаго полуострова, гдѣ они стали твердою ногою, положили начало новой жизни и внесли новую стихію въ исторію Сѣвера.

Этотъ взглядъ на движеніе восточныхъ народовъ до далекаго Сѣвера не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію человѣкомъ, безпристрастно слѣдящимъ за всѣми его памятниками, отъ Кашмира до Готландіи. Непрерывный рядъ аза-ванскихъ населеній, имя Аланъ, данное Китайцами жителямъ мидо-персидской области также, какъ и Сарматамъ, множество *Асгардовъ* (Асагарта), *Аспургій*, *Альфъ-Вановъ*, множество поэтическихъ разсказовъ про борьбу ихъ съ болѣе просвѣщенными Мидо-Персами и, наконецъ, вся миѳологія, всѣ преданія Сѣвера приводятъ къ одному и тому же выводу. Слѣпота германской критики почти доброволььна; она зависитъ отъ неразумнаго желанія объяснить явленіями жизни скандинавской всѣ сказанія древнѣйшей поэзіи, перенесенной въ Скандинавію изъ области другой и далекой, не смотря на всѣ явныя противорѣчія между объясненіемъ и фактомъ; она зависитъ вообще отъ безсмысленной системы искать вездѣ развитія аборигеновъ, какъ ни были бы ясны слѣды колонизаціи. Въ наше время эта система уже лишается большей части своихъ приверженцевъ; но наука еще не можетъ освободиться отъ лжи, получившей какое-то право граж-

данства въ силу книжнаго преданія. Очевидно было даже для писателей, еще принадлежащихъ къ школѣ поклонниковъ аборигенства, что нѣкоторая часть миѳовъ и миѳическихъ сказаній древней Скандинавіи принесены въ нее изъ другихъ областей дальнаго Юго-востока; но они старались сколько возможно ограничить число этихъ пришлыхъ миѳовъ, на зло здравой критикѣ; и новые писатели не смѣютъ расширить кругъ, очерченный ихъ предшественниками. Такъ, напр., имя Йоттовъ, грозныхъ великановъ, враговъ азскаго Олимпа, должно и до сихъ поръ считаться именемъ слабыхъ и вообще невоинственныхъ Финновъ; а стѣна, раздѣлявшая Азовъ и Йоттовъ, должна обратиться или въ туманы, или въ море, или въ низкій хребетъ финскихъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Йоттовъ могло быть и было иногда приписываемо Квенамъ (*) и Финнамъ, недружелюбнымъ сосѣдямъ скандинавскихъ Азовъ, въ такое время, когда смыслъ прежнихъ сказаній былъ уже забытъ; но слѣпа бы была критика, принимающая позднѣйшую ошибку за указаніе на первоначальный смыслъ миѳическаго имени. Названіе Ютландіи, однозначущее съ названіемъ кимврскаго полуострова, объясняетъ очень просто всю загадку. Дикій и воинственный нравъ Кимвровъ, ихъ обитель на Сѣверѣ, ихъ постоянная вражда и многовѣковая борьба съ сѣверо-мидійскимъ племенемъ, снѣговый хребетъ Кавказа и стѣна, перехватывающая его ущелія, все указываетъ съ совершенною ясностью на колыбель сказанія. Йотты и Кимвры— одно и тоже. Принятіе нѣкоторыхъ Йотуновъ, кимврскихъ боговъ, въ скандинавскую миѳологію не имѣетъ ничего противнаго вѣроятности, между тѣмъ какъ знакомство наше съ миѳологіею финскою и самыя отношенія племенъ другъ къ другу не позволяютъ даже и предполагать финскаго божества въ Тирѣ и другихъ Йотунахъ Эдды. Финскіе отголоски слышны, кажется, въ нѣкоторыхъ темныхъ разсказахъ о странствованіяхъ боговъ и о форніоттеровомъ потомствѣ; но всѣ эти эпизодическіе разсказы не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ Йоттунгеймомъ. Борьба на кавказскомъ хребтѣ осталась незабвенной для Аза-Сармата, и безоглядочное мужество Тира указываетъ въ немъ божество тѣхъ Галловъ и Кимвровъ, которыхъ слава и гордость состояли въ томъ, чтобы бросаться безъ оборонительнаго оружія на стальную щетину римскихъ легіоновъ.

Синкретизмъ Эдды бросается въ глаза еще ярче, чѣмъ синкретизмъ греческой миѳологіи. Всеобщій отецъ Одинъ (дѣйствительно нисколько не отецъ большей части боговъ) не былъ первенствующимъ божествомъ въ системѣ Азовъ-пришельцевъ. Въ центрѣ ихъ поселенія, Упсалѣ, *Торъ*, Азъ по преимуществу, занималъ первое мѣсто, имѣя по сторонамъ боговъ племенъ союзныхъ и отчасти подручныхъ, ванскаго *Прія* (Фрея) и готскаго Одина (Водена). [1]) Числительное превосходство поклонниковъ Одина дало ему наконецъ высшее мѣсто въ народномъ Олимпѣ. Въ общемъ движеніи Азовъ и Вановъ первенство принадлежало воинственной стихіи сарматской, и ее выражала непобѣдимая сила Тора. Вѣчный странствователь и врагъ Йоттовъ, съ своимъ молотомъ-молніею (*міольнеръ*), съ поясомъ силы, обходитъ онъ, одичавшій Митра, весь міръ земной и небесный, спасая его отъ мрачныхъ духовъ злобы. Такъ, а не иначе, долженъ былъ измѣниться на Сѣверѣ свѣтлый образъ, созданный фантазіею иранскою подъ яснымъ небомъ кореннаго Иранистана. Сила благодушная, воинственность безъ жестокости, Торъ, нѣкогда творецъ (какъ видно изъ настоящей этимологіи его имени *Thun*—творить, какъ *Thür*—дверь и др.), потомъ хранитель міра высказываетъ свое закавказское происхожденіе своими аттрибутами (козломъ—эмблемой молніи въ Грузіи, и оружіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ оружію Митры (*), а еще болѣе свою враждою противъ змѣи мидгардской, символа ариманова. Эти два лица, противопоставленныя другъ другу самымъ раннимъ дѣтствомъ человѣчества, Ираномъ и Кушемъ, остаются безсознательными врагами и въ безобразіи скандинавскаго синкретизма и продолжаютъ свое исконное единоборство, предоставляя Одину и волку-Фенриру, Фрею и Бэлію, а потомъ Суртуру раздѣлываться какъ имъ угодно. Второе только мѣсто занимала во время переселенія стихія славянская. Ее выражаютъ непорочный Ніордръ новогородскій (*us Neotun*), богъ мореплаванія, и Прій съ Пріею, боги быта домашняго, и весь свѣтлый міръ мудрыхъ и привѣтливыхъ Вановъ. Сильные въ войнѣ, но не любящіе войны, они помирились охотно съ воинственными Азами и

---

[1]) In hoc templo (въ Упсалѣ) statuas trium deorum veneratur populus, ita ut Thor potentissimus eorum in medio solum habeat triclinium. Hinc et inde locum possident Wodan et Fricco. Ad. Brem. de situ Dan. c. 233. *Изд.*

дали въ залогъ мира веселаго бога пировъ и чаши заздравной, пѣвца Брагура (отъ *браги*, какъ *Квасиръ* отъ кваса), которому всегда посвящался первый кубокъ въ пиршествахъ Сѣвера. Наконецъ туземная стихія готская, принявъ пришлыя стихіи и, на время даже подчинившись имъ, какъ видно изъ первенства Тора въ Упсалѣ, позвала на первое мѣсто своего представителя, Водена, лицо мрачное и таинственное, грознаго копьеносца, искателя мудрости, одноокаго какъ солнце, покрытаго обвислою шапкою какъ облачное небо, оторваннаго отъ старой религіи, которая еще слышна въ именахъ Велія и Вея и другихъ тому подобныхъ отголоскахъ, и окруженнаго символами, которыхъ смыслъ почти вовсе утраченъ, но которыхъ германское происхожденіе ясно для художественнаго чувства. Увы! иногда думается, что и германскій умъ, какъ Одинъ, окривѣлъ въ исканіи мудрости, и что для него, какъ для Одина, голова Мимера замолчитъ въ то время, когда ея отвѣты будутъ всего нужнѣе.

Всѣ сказанія древняго Сѣвера заключаются собственно въ одномъ, въ сказаніи о домѣ Инглинговъ, т.-е. потомковъ Ингля или Ингла.

Этого имени мы не находимъ въ родословной таблицѣ, но находимъ имя Ингви—прозвище Фрейра; очевидно это уже искаженная, форма которая первоначально была *Ингль*.

Царственный домъ Инглинговъ начинается не завоеваніемъ, но какимъ-то мирнымъ преобладаніемъ пришельцевъ надъ туземцами. Тишина, спокойствіе и кроткая поэзія золотого вѣка, таково преддверіе самой бурной и кровавой изо всѣхъ лѣтописей Европы. Нѣтъ слова о завоеваніи и о славѣ военной; нѣтъ слова о борьбѣ и сопротивленіи. Государство представляетъ характеръ не военный, но религіозный; владѣтель является не дружиноначальникомъ, но первосвященникомъ всего народа; Упсала—общею верховною святынею. Все это указываетъ на явленіе колоніи племени съ сравнительно-высшимъ просвѣщеніемъ въ землѣ еще непросвѣщенной, но и не испорченной бытомъ воинскимъ. Во главѣ всего общества становятся не Азы, но мирные *мудрые* Ваны и главный представи-

тель ихъ Фрейръ. Этотъ религіозный союзъ около храмового центра соотвѣтствуетъ вполнѣ славянскому союзу около арконскаго святилища и не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ германскимъ. Въ такой ѳеократической общинѣ, подъ вліяніемъ трехъ мало-по-малу сливавшихся племенъ, развилась странная религія, не имѣющая ни внутренней логической связи, ни систематической стройности нѣкоторыхъ древнихъ религій, ни красоты эллинскаго синкретизма, но поражающая даже современнаго намъ человѣка какою-то глубиною поэтическихъ предчувствій и духовныхъ требованій, облеченныхъ въ символы иногда величественные и грозные, иногда исполненные трогательной и истинно-человѣческой прелести.

Едва ли какая-нибудь миѳологія представляетъ какой-нибудь образъ, равный (по граціи и красотѣ основной идеи) миѳу юнаго Бальдера; ни одна не представляетъ такого яснаго сознанія въ неудовлетворительности своего религіознаго синкретизма. Весь скандинавскій Олимпъ, жертва будущаго всемірнаго переворота, не смотря на бранныя потѣхи жителей Вальгаллы, выражаетъ постоянное и мучительное стремленіе къ чему-то высшему, предугадываемому, но недостижимому. Таинственный ясень, символъ вселенной, выростаетъ изъ таинственной и священной глубины и скрываетъ главу свою въ таинственной и священной вышинѣ; подъ его сѣнію сидитъ грозный старецъ, воинственный, кровожадный и лукавый, вперяющій мысль въ неизбѣжное будущее, годину бѣдствія и гибели для всего его рода, отдавшій одно изъ очей своихъ для пріобрѣтенія мудрости, безпрестанно допрашивающій судьбу, никогда не дающую отрадныхъ отвѣтовъ, и безрадостно владѣющій міромъ, обреченнымъ на сожженіе. Дальній Востокъ съ его глубокомысленными вѣрованіями охватываетъ весь рядъ скандинавскихъ миѳовъ, начиная его антропоморфическимъ символомъ убитаго Имера и завершая страшнымъ образомъ заката боговъ. Нѣсколько разъ сравнивали Рагнарёкръ съ мессіаническимъ преданіемъ, ясно сохраненнымъ въ зендскомъ ожиданіи Сезіоша и его побѣды надъ Ариманомъ и отзывающимся въ Индустанѣ въ будущемъ десятомъ аватарѣ Вишну. Сравненіе безспорно справедливое, но въ тоже время неполное; ибо самое тож-

дество сказаній ясно показываетъ совершенное различіе религій и народныхъ взглядовъ на свои вѣрованія. На Востокѣ побѣда, сопровождаемая гибелью вселенной, принадлежитъ доброму началу, очищающему міръ огнемъ. Гибель міра есть торжество боговъ, признанныхъ за выраженіе нравственнаго добра. Въ Скандинавіи гибель міра есть дѣло злыхъ духовъ, вырывающихся на волю изъ временной неволи, и міръ возобновленный уже принадлежитъ новому поколѣнію боговъ свѣтлыхъ и мирныхъ, не похожихъ на бурныхъ владыкъ Азагейма и Ванагейма, изъ которыхъ не спасается ни одинъ, кромѣ непорочнаго Ніордра. Въ этомъ миѳѣ заключается очевидное осужденіе самой религіи. Оно напоминаетъ такое же осужденіе боговъ, заключенное въ миѳахъ о Прометеѣ и будущемъ побѣдителѣ Зевса; но воображеніе эллинское, влюбившись въ человѣческую красоту своихъ олимпійцевъ, не довело до конца или затемнило первоначальное преданіе, и Рагнарёкръ Эллады не получилъ полнаго образа и очертанія. Вообще должно замѣтить, что стихія сказочная и пластическая отняли у миѳологіи эллинской всю глубину и весь таинственный смыслъ, которые въ ней скрывались въ ея первую до-эпическую эпоху. Это легко угадать можно изъ разсказовъ о Персеѣ, о конѣ Пегасѣ (днѣ и ночи), о Прометеѣ и его пророчествахъ и изо всѣхъ миѳовъ, которыхъ древность не подвержена сомнѣнію. Позднѣйшіе философы, обвиняя поэтовъ въ искаженіи религіи, были совершенно правы; они только одного не поняли, именно того, что поэты, выраженіе пластическаго воображенія народнаго, были невольными участниками въ дѣлѣ, совершенномъ всѣмъ народомъ во время его юношества, когда мысль, недозрѣвшая до самосозерцанія, подчинялась вполнѣ увлеченію художественной красоты. Здравая критика можетъ угадать погибшіе зародыши и ихъ характеръ; она можетъ, напр. въ безтолковой сказкѣ о Гераклѣ (который по Иліадѣ, и особенно по Одиссеѣ, есть не что иное какъ злой, корыстолюбивый и неукротимый буянъ) угадать сказаніе объ освободителѣ человѣчества и его побѣжденныхъ покровителей (это видно изъ отношеній его на одномъ концѣ свѣта къ Прометею, подателю огня, а на другомъ концѣ—къ Атласу, учителю мудрости, котораго онъ избавляетъ отъ тяжести неба созданіемъ каменныхъ столбовъ); она можетъ угадать въ той же спутанной сказкѣ идею

восточнаго аватара, человѣка—спасителя боговъ, которыхъ сила не могла бы безъ помощи человѣческой побѣдить Гигантовъ. Но никакая критика не можетъ уже возстановить разрушенное зданіе, которое никогда не было достроено, или опредѣлить всѣ начала мысли и миѳа, погибшихъ въ зародышѣ. Синкретизмъ эллинскій примирился съ своими безсмысленными богами, облекши ихъ въ высокую художественную красоту; синкретизмъ скандинавскій никогда не доходилъ до примиренія и выражалъ свое самоотрицаніе въ пророчествѣ о будущей гибели боговъ. Въ подробностяхъ той страшной борьбы, которая должна положить конецъ міру Азовъ и людей, можно еще ясно различить стихіи, вошедшія въ составъ сказочной Вальгаллы. Каждая сохраняетъ свою отдѣльность и свои признаки; каждая въ роковой часъ неизбѣжной гибели встрѣчается въ послѣдній разъ съ своимъ исконнымъ врагомъ. Одинъ вонзаетъ свое безполезное копье во всепожирающую пасть волка Фенрира: это готогерманскій миѳъ, созданіе сѣверной фантазіи. Торъ вступаетъ въ единоборство съ змѣемъ мидгардскимъ, древнимъ своимъ противникомъ еще въ колыбели племени Азовъ, и оба гибнутъ, одинъ пораженный ударомъ молота-молніи, другой—ядовитымъ дыханіемъ убитаго врага: это—ясный отзывъ Востока. Глава Вановъ, нѣкогда побѣдившій исполина Бэлія, но утратившій свой непобѣдимый мечъ, Фрейръ (Прій) идетъ безоружный противъ пламеннаго меча Суртура, лица вовсе неизвѣстнаго въ прочихъ миѳахъ скандинавскихъ, но котораго имя безъ окончанія *уръ* соотвѣтствуетъ *чорту* (какъ Брагуръ—*брагѣ*, Квасиръ—*квасу*, Фрейръ—*Прію*): это—миѳъ славянскій. Въ сказаніяхъ о Пріи, который по своему значенію долженъ бы быть тождественнымъ съ неизвѣстнымъ Бэліемъ (Бѣлъ-богомъ), но который является его врагомъ и побѣдителемъ, есть повидимому какое-то противорѣчіе; но такое противорѣчіе нерѣдко встрѣчается въ синкретизмѣ религіозномъ и не представляетъ никакого затрудненія здравой критикѣ. Ему Эллада представляетъ яркій примѣръ въ Зевсѣ-Иксіонѣ, своемъ собственномъ врагѣ. Жена Иксіона Дія, тождественная по имени съ сестрою Зевса-Дія, Юнонour, есть въ то же время любовница Зевса: Иксіонъ влюбленъ въ Юнону и, сочетавшись съ ея призрачнымъ образомъ, производитъ Кентавровъ. Во время оно Зевсъ и Иксіонъ жили на небѣ какъ друзья и братья;

и раздраженный Зевсъ наказываетъ Иксіона колесомъ, символомъ неба, звѣзднаго круга и года. Это явное раздвоеніе одного и того же лица, безъ сомнѣнія чествованнаго подъ двумя разными именами у двухъ враждебныхъ колѣнъ (*). То же самое вѣроятно скрывается и во враждѣ Прія и Бэлія. Во всякомъ случаѣ антагонизмъ Одина и Волка, Тора и Змѣя, Фрейра и Суртура, выступающій съ особенною ясностью въ день всемірнаго разрушенія, подтверждаетъ вполнѣ происхожденіе скандинавской религіи изъ трехъ разнородныхъ религій, обозначенныхъ, какъ уже сказано, печатію тѣхъ народовъ, изъ которыхъ онѣ возникли. Побѣда злаго начала соединена съ его собственнымъ уничтоженіемъ, и изъ развалинъ погибшаго міра невидимый богъ, тотъ безыменный, могучій, который сильнѣе сильныхъ, вызываетъ міръ новый и свѣтлый, уже не гремящій громомъ оружія, какъ Азгардъ, но тихій и безбурный, жилище тихихъ и кроткихъ духовъ, почти вовсе забытыхъ въ прежнихъ миѳахъ. Жители новаго неба уже не питаются, какъ Азы, «силами земли, свѣжестью моря, медомъ пѣвцовъ»; они безсмертны сами по себѣ. Иранское преданіе о свободно-творящемъ, вѣчномъ духѣ выступаетъ явно и неоспоримо. Приливъ стихіи кушитской исчезаетъ, какъ временное его искаженіе; но въ самомъ осужденіи, произносимомъ скандинавскою религіею надъ своими богами, есть примиреніе. Владыки новаго міра связаны съ прежними узами родства. Это уцѣлѣвшій Ніордръ, это одиновы дѣти Видаръ, убійца Волка, и Вали, мститель за Бальдера; это дѣти Тора, Магни и Моди, и воскресшій къ безсмертію свѣтлый образъ Бальдера, изящнѣйшее и лучшее созданіе сѣверной фантазіи. Тутъ опять особенно замѣчательно превосходство, такъ сказать, человѣческое, признанное за Ванами, которыхъ родоначальникъ не осужденъ на смерть, между тѣмъ какъ высшіе Азы и Одинъ погибаютъ. Болѣе внимательное изученіе всѣхъ миѳовъ указываетъ не только на приливъ аза-ванской вѣры къ одинизму, но и на то, что самый антагонизмъ добра и зла внесенъ имъ же въ прежнее поклоненіе Одину, богу, не имѣвшему опредѣленнаго нравственнаго значенія. Локи, нѣкогда братъ и другъ Одиновъ, лицо неизвѣстное чисто-одиническимъ религіямъ германскихъ племенъ, былъ по всѣмъ вѣроятіямъ тождественъ съ Одиномъ и сдѣлался его врагомъ только вслѣдствіе вліянія азо-сарматскаго

митраизма (стихіи, выраженной Торомъ). Онъ былъ до тѣхъ поръ только явленіемъ губительнаго и злаго начала въ Одинѣ и оторванъ отъ него какъ Тифонъ отъ Озириса новыми религіозными понятіями, разорвавшими пополамъ цѣльность древняго шиваизма (поклоненія органической необходимости). Самый Одинъ сохранилъ въ себѣ навсегда черты, указывающія на его тождество съ Локи: кровожадность и лукавство, не приписываемыя никому изъ боговъ, кромѣ его. За всѣмъ тѣмъ нельзя не узнать въ Одинѣ или германскомъ Воданѣ вѣры иранской, утратившей свой характеръ отъ примѣси кушитской или въ древней родинѣ германскаго племени, среднемъ Иранѣ, или, что̀ вѣроятнѣе, въ самой Германіи, нѣсколько разъ пройденной и отчасти покоренной кельто-кумрійскими дружинами, глубоко проникнутыми духомъ религій семитскихъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что имя Водана наводитъ невольно на подозрѣніе, что и онъ былъ займомъ, сдѣланнымъ Германцами отъ Славянъ. Тацитъ про него не слыхалъ, а для русскаго уха слова *Воденъ*, *Велій* и *Вей* (*Вѣяй*), дѣти *Бури*, такъ понятны, что невозможно не задуматься и не предположить, что самое божество перешло на почву германскую изъ земли Славянъ, водопоклонниковъ по преимуществу, Характеръ кушитскій Водана не опровергаетъ этого предположенія, ибо хотя земля славянская была, по всѣмъ вѣроятностямъ, родиною сказочнаго и, такъ сказать, семейнаго антропоморфизма, перешедшаго, какъ уже сказано, и въ греческій Олимпъ и въ Индустанъ съ стихіею вишнуитскою, нельзя не замѣтить, что космогоническое начало Куша достигло сильнаго развитія у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, особенно восточныхъ: это видно изъ чисто-оргіастическаго поклоненія *роду* и *рожаницы*, *Ярилѣ* и *Костромѣ* или *Ладу* и, кажется, *Золотой Бабѣ*. Характеръ кушитства, т.-е. космогоническаго божества въ его двухъ органическихъ силахъ безъ нравственнаго значенія, явный въ Воденѣ, виденъ еще яснѣе въ *Фриггѣ*, его подругѣ, особенно по самымъ древнимъ миѳамъ. Въ ней соединены въ высокой степени черты, принадлежащія Шивѣ и Дургѣ, кровожадность и развратъ, къ которымъ сѣверный миѳъ прибавилъ еще корыстолюбіе. Совершенно другое видно въ Торѣ: кромѣ нѣкоторой нравственной чистоты, нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія полярности опредѣленной. Ему дана подруга, ибо общій складъ миѳологіи

не могъ его оставить холостякомъ; но его жена такъ же незначительна, какъ подруга, данная позднѣйшимъ Индустаномъ нѣкогда безплотному Брахмѣ. *Тору* принадлежитъ по преимуществу огненная стихія мидо-сарматская, такъ же какъ въ полномъ кругѣ скандинавскаго синкретизма водяная стихія славянская принадлежитъ Ванамъ въ лицѣ Ніордра, а бытъ семейный и общительный тѣмъ же Ванамъ въ Пріи (Прій и Прія или Фрей и Фрея) и Брагурѣ. Могущество и нравственное достоинство иранскаго начала и, быть можетъ, особенная энергія сарматскаго племени дали Тору первое мѣсто между богами. Это мѣсто сохранялъ онъ въ первое время (даже въ Скандинавіи уже послѣ смѣшенія аза-ванской религіи съ туземнымъ поклоненіемъ Одину, какъ видно изъ порядка кумировъ въ древнемъ храмѣ упсальскомъ. Позднѣе народная вѣра взяла верхъ и поставила свое древнее божество выше Тора; собственно же ванская стихія занимала только второе, а потомъ третье мѣсто; за всѣмъ тѣмъ общая выработка всей религіи принадлежитъ безспорно племени славянскому. Если даже не станемъ признавать связи Водена съ языкомъ и міромъ славянскимъ; если оставимъ безъ вниманія почти несомнѣнное вліяніе того же языка и міра на поклоненіе Тору, вліяніе, доказываемое самымъ именемъ *Тгоръ* (соотвѣтствующимъ *Твору*—творцу, отъ глагольнаго корня *творить*, какъ *дверь* и *Thür*, звѣрь и *Thier* и именемъ его молота *miölnir*, молнія), и многими другими подробностями, остается одно неоспоримое доказательство въ свидѣтельствѣ всѣхъ древнихъ преданій Скандинавіи о томъ, что Фрейръ (Прій) былъ основателемъ богопоклоненія (въ его полномъ развитіи) на Сѣверѣ. Это свидѣтельство не можетъ имѣть другаго смысла, кромѣ образованія всего синкретизма религіознаго тѣмъ племенемъ, которое принесло съ собою поклоненіе Прію. Образовательное вліяніе Славянъ, выражаемое въ самомъ прозвищѣ *мудрыхъ* Вановъ (не въ отношеніи къ ремесламъ и художествамъ, всегда приписываемымъ или Іоттамъ или карламъ), должно по преимуществу дѣйствовать на міръ религіи. То же самое видѣли мы въ древней Элладѣ: она приняла множество боговъ съ Сѣвера (Аполлона—Белена или Гелена гиперборейскаго, Артемиду—Гелену вендскую или иллирійскую, Афродиту также сѣверную, Лету — лѣто, Арея—ярагo, которыхъ Гомеръ считаетъ покровителями Трои); она

же отъ Сѣвера приняла множество миѳовъ-загадокъ явно славянскихъ по словесной своей оболочкѣ. Такова загадка о винѣ-Вакхѣ (корень вѣроятно тотъ же что̀ въ *Вахтріи*,—*вач* вѣщать), Вакхѣ сынѣ *Земли*—(Семелы) сгорѣвшій прежде его рожденія, объ Ніобеѣ *(небо)*, матери безчисленныхъ чадъ, звѣздъ, убитыхъ солнцемъ и луною (холодное небо, *твердь* каменная, плачущая росами утренними и вечерними о дѣтяхъ, убитыхъ дѣтьми живого и теплаго начала (*лѣта*), о Персефонѣ—пшеницѣ (Прозерпина—прозябеніе) и вѣроятно о многихъ другихъ загадочно-миѳическихъ лицахъ, которыя еще не изслѣдованы этимологическою критикою. Это вліяніе народа по преимуществу мирнаго и осѣдлаго (которое видно и въ зачаткахъ англо-саксонской эпохи) очень понятно: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру великорусскаго народнаго духа, для котораго еще и въ наше время вопросъ религіозный есть единственный достойный постояннаго и сильнаго вниманія. Люди, знающіе истинное направленіе этого духа, не могутъ не быть поражены этою особенностью, замѣтною даже поверхностному наблюдателю.

Первая основа новаго общества, созданнаго аза-ванскимъ приливомъ въ Скандинавіи, была ѳеократическая, но въ тоже время не замкнутая предѣлами касты жреческой, которой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. Общество было болѣе образовательное чѣмъ завоевательное, вѣроятно потому, что оно или имѣло съ самаго начала цѣли торговыя или нашло слишкомъ бѣдный и непроходимый край, затрудняющій завоеваніе и ничѣмъ его не вознаграждающій, или наконецъ потому, что оно искало приволья пустопорожнихъ земель и только въ впослѣдствіи пришло въ соприкосновеніе съ туземцами. Какъ бы то ни было, всѣ сказанія Сѣвера возводятъ его исторію черезъ домъ Инглинговъ къ законодателю религіозному, а не къ воинственному побѣдителю. Тотъ же характеръ виденъ и въ миѳическихъ разсказахъ о происхожденіи сословій [1]). Высшія являются послѣ низшихъ (въ противность большей части подобныхъ миѳовъ), вступаютъ въ свое общественное званіе безъ борьбы и отличаются не столько еще силою тѣлесною

---

[1]) Gejer, Urgesch. Schwed 406 и слѣд. *Изд.*

и мужествомъ, сколько благородствомъ духа и знаніемъ божественныхъ тайнъ. Руны и пѣсни принадлежать имъ и имъ однимъ.

Они не признаны пришельцами (что можетъ легко быть объяснено особеннымъ ходомъ синкретизма религіознаго), но они имѣютъ съ самаго начала характеръ странствователей въ противоположность осѣдлости нашихъ сословій.

Ѳеократія, которой представителемъ былъ Ванъ, Фрейръ (Прій), должна была носить на себѣ характеръ славянскаго племени, мирный и кроткій. Таковъ дѣйствительно смыслъ саги. Божество, олицетворяющее ѳеократію, должно было являться болѣе въ служебномъ значеніи жреца-просвѣтителя въ мірѣ божествъ, чѣмъ верховнаго владыки. Таковъ опять смыслъ саги. Кровавыя и человѣческіи жертвоприношенія нисколько не опровергаютъ этихъ ясныхъ выводовъ. Вліяніе религій кушутскихъ на духовный міръ иранскій было таково, что во многихъ случаяхъ самые мирные народы и самыя кроткія вѣрованія признавали необходимость выкупать невозмутимую тишину жизни кровью часто дорогою.

Это особенно замѣчательно въ религіяхъ, принявшихъ по преимуществу характеръ сладострастія и преобладанія женскаго начала въ органической двойственности космогоніи. Склонность къ сладострастію замѣтна въ остаткахъ древней оргіастической религіи сѣверовосточныхъ Славянъ. Сказанія же о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ не чужды балтійскому поморію и въ глубочайшей древности извѣстны были Элладѣ какъ характеристика поморія евксинскаго, искони славянскаго, а тождество Венеры и Діаны сѣверной не подвержено сомнѣнію. Нельзя также вовсе отвергать свидѣтельство нѣмецкихъ лѣтописцевъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Славянъ приморья балтійскаго, хотя эти свидѣтельства подвержены не совсѣмъ ничтожнымъ сомнѣніямъ.

Преданія сѣверныя признаютъ первую эпоху мирную довольно продолжительное; но изъ нихъ же замѣтно, что этотъ миръ былъ соединенъ съ преобладаніемъ центральнаго религі-

ознаго поселенія около Упсалы надъ остальною Скандинавіею. Самое названіе владыкъ *дроттнаръ* выражаетъ преимущество, зависящее отъ званія жреческаго. Впослѣдствіи это названіе замѣнено словомъ *конунгъ*, но кажется они равнозначительны; и по всей вѣроятности одно корня германскаго (дроттнаръ), есть только переводъ другого, корня славянскаго (*конязъ*, *князь*, *конунгъ* или *конигъ*).

Уже выше показаны доводы, доказывающіе происхожденіе словъ: *конягъ, конига* (книга) и *законъ* отъ слова *конъ* (край, верхъ), которому соотвѣтствуетъ вполнѣ санскр. *кона* и отчасти латинское *cuneus*. Прибавимъ, что самое имя *конунгъ* есть выводное отъ древнѣйшаго *конръ*. Это же названіе находимъ мы какъ имя *Рига* (иначе *Конръ* (*)), родоначальника высшихъ сословій, но отличающагося по преимуществу знаніемъ рунъ, и поэтому носящаго на себѣ болѣе религіозный характеръ, чѣмъ характеръ воинственный власти. Такое происхожденіе слова *конунгъ* отъ *конязъ* и корня *конъ* можетъ совершенно соглашаться и съ другимъ значеніемъ *конъ* въ смыслѣ рода: ибо слово, первоначально означающее край, верхъ, могло быть перенесено на идею рода, какъ *столбъ* у насъ и *линія* у западныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ мнимое замѣненіе дроттнарства конунгствомъ очень похоже на переводъ съ одного языка на другой, взявшій въ позднѣйшее время перевѣсъ; а соединеніе имени *конръ* (тотъ же *конязъ*) съ знаніемъ рунъ, явно свидѣтельствуетъ о жреческомъ значеніи первыхъ владыкъ, потомковъ Фрейра.

Самое имя *Инглъ*, родоначальникъ династіи, котораго мы уже видѣли родоначальникомъ царственнаго дома у Англовъ саксонскихъ, указываетъ на имя божества племеннаго, давшаго имя величайшей изъ морскихъ державъ, когда-либо дѣйствовавшихъ въ исторіи міра.

Форма *Ингъ* скрывается въ романизованной формѣ *Англъ*, яснѣе выдается въ германской формѣ *Энглъ* и выступаетъ снова въ чисто-англійской *Инглъ*; а что эта послѣдняя не есть форма новая, тому служитъ доказательствомъ итальянское *Inglese*, *Inghilterra*, но въ

самой Англіи она вѣроятно была формою мѣстною, употребляемою по преимуществу въ коренномъ поселеніи Англовъ, Верникіи (вѣроятно отъ слова *вѣрники*).

Въ Инглѣ нельзя не узнать одного изъ прозвищъ Фрейра или Прія углицкаго; но это обстоятельство, будетъ ли оно или нѣтъ признано критикою, не имѣетъ важности; ибо славянское происхожденіе всего поклоненія Ванамъ остается несомнѣннымъ; оно можетъ имѣть только ту важность, что указываетъ не только на корень, но и на самую вѣтвь, отъ которой отдѣлилась колонія, перешедшая въ Скандинавію, именно на вѣтвь южную, кавказско-карпатскую, Антовъ, съ которою слово *Угличи* стоитъ въ связи несомнѣнной. Зависимость не политическая, но племенная, зарождающейся Швеціи отъ безконечной области славянской выступаетъ еще съ большей ясностью послѣ двухъ первыхъ (разумѣется сказочныхъ) преемниковъ Фрейра. *Свегдеръ* даетъ обѣщаніе отправиться на востокъ, въ страну боговъ или великій Свитіодъ.

И такъ самое *Свитіодъ* (отъ котораго Шведъ) полагалось преданіемъ на востокѣ; вѣроятно оно въ корнѣ своемъ связано съ словами *свѣтъ* и можетъ быть святъ. Святость Сѣвера можно отчасти предполагать изъ словъ Тацита (*).

Во время странствованія женится Свегдеръ на Ванѣ изъ земли ванской и умирая оставляетъ преемникомъ *Ванланда*. котораго гробница считалась древнѣйшею изо всѣхъ извѣстныхъ въ Скандинавіи.

Очевидно,—ванскій или вендскій курганъ. Когда встрѣчается форма *Ванъ* и когда приходитъ на память, что эта форма извѣстна была глубочайшей древности и звучитъ во всѣхъ поэтическихъ преданіяхъ безконечнаго азійскаго Востока, въ Китаѣ (*Та-Ванъ*, великіе Ваны) и въ Индустанѣ (*Мага-Ванада*, великіе Ванады), невольно возникаетъ нысль, что дѣйствительно древнѣйшая форма имени *Вендъ* звучала на *а*, а не на *е*. Впрочемъ шаткость гласныхъ могла бы объяснить одновременное существованіе многихъ различныхъ формъ;

но нельзя не изумиться странному невниманію нѣмецкой критики къ самому слову *Ванъ*, въ то время какъ она имѣетъ ясныя свидѣтельства объ его извѣстности всему древнему міру на пространствѣ, котораго не достигла слава никакого другаго народнаго или миѳическаго имени.

Слѣдовать за родословною Инглинговъ было бы безполезно. Пѣснь или сага, миѳъ и историческое преданіе такъ перемѣшаны въ ней, что разумная критика не можетъ даже искать въ ней послѣдовательнаго разсказа и историческихъ подробностей. Ей слѣдуетъ довольствоваться пониманіемъ общихъ законовъ, по которымъ развилась жизнь Скандинавіи.

Впрочемъ не это ли только и нужно во всякой исторіи? И самыя подробности не потому ли только и полезны, что иногда помогаютъ разумѣнію общихъ законовъ? Можно безъ парадокса сказать, что народъ, отъ котораго уцѣлѣли пѣсни, болѣе извѣстенъ, чѣмъ тотъ, отъ котораго уцѣлѣла внѣшняя, хотя бы и подробная, исторія. Уничтожте недавно открытую Зендавесту, и Скандинавія въ своихъ сагахъ болѣе высказывается, чѣмъ Персія въ подробныхъ разсказахъ греческаго историка.

Мало-по-малу измѣняется характеръ скандинавскаго преданія. Ясные слѣды славянской колонизаціи исчезаютъ; послѣ Ванланда они еще выражаются, можетъ быть, именами одного изъ Инглинговъ, Оттара *Вендель*-Крака и сына его *Адильса*, котораго еще называютъ восточнымъ именемъ *Аттилы*[1]). и потомъ пропадаютъ вовсе. Жизнь принимаетъ иное направленіе.

Сказанія первобытныя представляютъ намъ три сословія рѣзко разграниченныя: рабовъ, вольныхъ и благородныхъ. Это раздѣленіе соотвѣтствуетъ тремъ колонизаціямъ самой Скандинавіи.

Финская, пришедшая съ сѣвера, очевидно самая ранняя, безспорно захватывала нѣкогда все пространство между Балтикою и Океаномъ.

---

[1]) Ср, Gejer, Urgesch. Schwed. 422. 7. *Изд.*

Финны и особенно отрасль того же корня, Лаппы, еще на исторической памяти простирались довольно далеко на югъ.

Вторая, Германская, готской вѣтви, перебралась черезъ узкіе проливы съ юга и далеко оттѣснила туземцевъ къ сѣверу, обращая часть ихъ въ рабство по всегдашнему обычаю Германцевъ.

Третья, азаванская (сармато-славянская, или смѣсь Сарматовъ съ кавказскою вѣтвію Антовъ-Славянъ) пришла съ моря, поселилась въ слабо населенномъ поморьѣ около своего упсальскаго святилища и мало-по-малу, силою высшаго просвѣщенія славянскаго, поддержаннаго воинственною энергіею Сарматовъ, подчинила себѣ древнѣйшія стихіи и опредѣлила все послѣдующее развитіе какъ въ отношеніи жизни мысленной, такъ и въ отношеніи къ движенію общественному.

Отношенія послѣднихъ пришельцевъ къ прежнему населенію не были ознаменованы враждою (это видно изъ характера первоначальныхъ преданій); они были обусловлены высшимъ развитіемъ пришельцевъ передъ туземцами, и по этому самому должны были дать Аза-Ванамъ (Сармато-Славянамъ) значеніе правительствующей аристократіи; но они не исключали также и возможности вступленія прежней стихіи въ кругъ новой власти, слѣдовательно возможности сліянія, и это сліяніе не подлежитъ сомнѣнію.

Множество родовъ вели себя отъ форніоттерскаго начала и слѣдовательно отъ населенія не только туземнаго, но еще и предшествовавшаго германской колонизаціи. Преданія этихъ родовъ, изъ которыхъ многіе роднились съ царственнымъ домомъ Инглинговъ, указываютъ на происхожденіе сѣверное и сѣверо-восточное изъ области финской.

Тутъ встрѣчаются и имена иносказательныя, весьма характеристическія, какъ снѣгъ, морозъ (*снё*, *фростъ* и тому подобныя). Съ другой стороны, введеніе въ миѳологію Тира, боже-

ства, принадлежащаго Готамъ (*), слѣдовательно Кимврамъ, показываетъ примѣсь стихіи нѐ-финской.

Вѣроятно эта примѣсь произошла издревле въ германскихъ племенахъ еще прежде аза-ванской колонизаціи. Характеромъ своимъ она отличается вполнѣ отъ характера иранскаго. Сѣверная, финская примѣсь обличается опредѣлительною чертою какого-то мрачнаго, безотраднаго и туманнаго волшебства. Кельтская представляетъ въ высшей степени черты безоглядной воинственной отваги. Тиръ, какъ божество иноплеменное (и принятое, такъ сказать, не на правахъ полнаго, внутренняго равенства) лишенъ своей силы (что символизовано въ потерѣ правой руки), точно такъ же какъ Фрейръ добровольно пожертвовалъ мечомъ любви (въ чемъ опять символизованъ его характеръ фаллическій и переходъ въ мирное жречество (*)). Потеря руки тировой не должна, по миѳамъ, имѣть для боговъ такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ утрата фрейрова меча, и въ этомъ видно высшее положеніе Фрейра въ скандинавскомъ Олимпѣ; но за всѣмъ тѣмъ Тиръ представлялъ для Скандинава полнѣйшій образъ военнаго мужества. То обстоятельство, что Тивъ, Тіу или Ціо (по всѣмъ вѣроятностямъ тотъ же Тиръ или *Эаръ* или Иръ) былъ предметомъ поклоненія у большей части, быть можетъ, даже у всѣхъ, народовъ германскихъ, не опровергаетъ нисколько его кельтскаго происхожденія. Кельты насквозь и во всѣхъ направленіяхъ прорѣзали міръ германскій, какъ враги, какъ насильники, а потомъ какъ полумирные сосѣди, наконецъ побѣжденные и слившіеся въ многихъ мѣстахъ съ германскою массою. Ихъ верховный богъ поступилъ въ общій синкретическій процессъ. Древнѣйшая же форма его имени была, какъ кажется, *Тіутъ* (*Тевтъ*, *Тевтатесъ*, извѣстный и Кесарю, и Тациту).

Такимъ образомъ происходило смѣшеніе народныхъ стихій въ нижнихъ слояхъ обитателей Скандинавіи, сливая отчасти Кельто-Кимвра и даже Финна съ гото-германскимъ колѣномъ подъ общимъ предводительствомъ стихіи сармато-славянской, высшей по просвѣщенію и по непрерывной связи съ безпредѣльнымъ міромъ Востока. Но въ то же время происходило сліяніе и этой высшей стихіи со второстепенною герман-

скою, сліяніе полное во всѣхъ отношеніяхъ, какъ, по крови, такъ и по религіи. Германскій водензимъ (или одинизмъ) получилъ скорый доступъ въ религіозное зданіе аза-ванскихъ вѣрованій, сперва на степени второстепенной (какъ видно изъ положенія кумировъ, оставшагося неизмѣннымъ въ упсальскомъ святилищѣ), потомъ на степени равенства съ высшимъ представителемъ сарматскаго племени, Торомъ; потомъ, наконецъ, на высшемъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало быть по огромному числительному преобладанію Германцевъ.

Родословная ярлей и королей отъ Водена, а не отъ Тора ничего не доказываетъ противъ ихъ сарматскаго происхожденія. Старшій и почетнѣйшій изъ всѣхъ родовъ велъ себя отъ Фрейра (или Ингви-Фрейра), свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о своемъ иноземномъ началѣ. Другіе же роды, созидая себѣ родословную, должны были ее связать съ богомъ туземнымъ, Одиномъ, по образцу высшихъ туземныхъ родовъ, ибо Торъ но могъ быть ихъ родоначальникомъ. Такое отношеніе Тора къ людямъ невозможно вслѣдствіе его мидо-иранскаго характера. Онъ навсегда долженъ былъ сохранить и сохранялъ признаки своего первоначальнаго, чисто духовнаго значенія. Подобно своему первообразу (или по крайней мѣрѣ древнѣйшему образцу) *Мих-Тору*, хранителю міра отъ вражды злыхъ духовъ, онъ навсегда долженъ былъ являться съ явными признаками своей первоначальной безсемейности. Очевидно, жена и какія-то почти неизвѣстныя или ясно символическія дѣти приданы ему временемъ гораздо позднѣйшимъ. Нѣтъ никакой живой связи между ними. Уступка же перваго мѣста на Олимпѣ была тѣмъ естественнѣе Тору, что онъ былъ несомнѣнно, искони, подобно Митрѣ, только высшимъ изъ служебныхъ духовъ, а не верховнымъ богомъ. Туземный же богъ Воденъ мало-по-малу занялъ мѣсто этого верховнаго, невещественнаго, можетъ быть, безыменнаго бога, о которомъ память сохранилась въ прозвищѣ Альфатера.

Смѣшеніе двухъ стихій, германской и аза-ванской, имѣло особенно сильное вліяніе на высшія общественныя сословія. Собственно аза-ванская область (или центръ колонизаціи) примыкала къ упсальскому святилищу; но развѣтвленіе пле-

мени проходило сквозь всѣ другія, болѣе или менѣе независимыя области. Съ самаго начала видимъ мы сопоставленіе двухъ системъ: разобщенности, выражаемой мѣстными королями (князьками), которыхъ было множество, и единства, выражаемаго общимъ королемъ, въ то же время первосвященникомъ.

Самый этотъ характеръ первосвященства уничтожаетъ сомнѣніе критиковъ, отвергающихъ такое единство въ началѣ древне-скандинавской исторіи. Тутъ король имѣлъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ сомнительные брейтваллы Англо-Саксовъ. Онъ былъ разумною необходимостію, онъ былъ символомъ цѣлаго новаго просвѣщенія, властвовавшаго не силою, а духомъ, посредствомъ религіи. По этому самому король носилъ на себѣ отвѣтственность за бѣдствія, ниспосылаемыя богами, которыхъ онъ не умѣлъ умолить, и самъ падалъ какъ очистительная жертва въ случаѣ голода и повѣтрія или другого какого-нибудь общественнаго несчастія.

Страны около Упсалы приняли, разумѣется мало-по-малу, видъ области нѣсколько образованной. Лѣса разрѣженные уступали мѣсто пашнямъ; берега пустынныхъ водъ оживлялись жилищемъ человѣка. Но это измѣненіе недалеко проникло въ глубь негостепріимнаго Сѣвера. Гото-германское колѣно, мѣшаясь съ пришельцами, селилось между ними и слѣдовательно не допускало явнаго отдѣленія области сармато-славянской отъ остальной Скандинавіи, по крайней мѣрѣ такого отдѣленія, которое бы ясно обозначилось для позднѣйшей критики въ языкѣ или обычаѣ народа. За всѣмъ тѣмъ различіе стихій высказалось въ названіи *Готландъ*, старой области туземцевъ, и *Свитіодъ*, области пришельцевъ, и въ особенныхъ преимуществахъ Свитіода, сохранившихся даже въ позднѣйшее время въ отношеніи къ избранію королей [1]).

Происхожденіе слова *Свитіодъ* отъ корня *Свѣтъ* или ему подобнаго болѣе чѣмъ вѣроятно: страна свѣта, въ смыслѣ святыни. Какое-то сказаніе о Сѣверѣ, какъ о жилищѣ боговъ, у Тацита, можетъ

---

[1]) Ср. Gejer, Urgesch. Schwed. 362. 2. *Изд.*

быть, относится къ особенному религіозному значенію Свитіода, ибо оно совершенно противно религіознымъ миѳамъ германскимъ, постоянно представлявшимъ Сѣверъ страною мрака, тумана и злыхъ духовъ.

Распространеніе мѣшанаго племени, мало-по-малу составлявшаго аристократію всего скандинавскаго міра, должно было сперва возвысить значеніе жреческаго центра, а потомъ уничтожить его исключительную власть при умноженіи во всей Скандинавіи родовъ и семей, которыя ничѣмъ не уступали родамъ и семьямъ, живущимъ въ собственномъ Свитіодѣ, даже королевскому; но этой эпохѣ паденія или разъединенія предшествовала, какъ сказано, эпоха полнѣйшаго единства и преобладанія.

Вообще это преобладаніе имѣло характеръ мирный; но какъ бы ни была мирна власть пришлой стихіи и какъ бы ни было добровольно подчиненіе стихіи туземной, очевидно подчиненность не могла одинаково быть пріятною всѣмъ старожиламъ. Гордость племени мужественнаго и гордаго должна была сильно возмутиться во многихъ благородныхъ сердцахъ и въ родахъ, привыкшихъ къ полной независимости и безспорному первенству. Такова причина, почему во II вѣкѣ до Р. Х. Готы, т.-е. значительное число вѣроятно высшихъ родовъ, переселились на югъ къ своимъ родственникамъ по крови, отдѣльнымъ племенамъ, жившимъ на берегу Балтійскаго моря между племенами славянскими, охватывавшими сѣверъ Германіи. Тутъ повторился въ большемъ видѣ фактъ нерѣдкій въ исторіи, что немногочисленная, но крѣпко связанная дружина сдѣлалась центромъ началъ дотолѣ слабыхъ и разрозненныхъ и привела въ неудержимое движеніе массы, дотолѣ дремавшія въ спокойномъ довольствѣ или въ тупой апатіи.

Здравая критика не можетъ усомниться въ переселеніи Готовъ съ сѣвера на югъ, а тѣмъ болѣе предположить ихъ переселеніе съ юга на сѣверъ. Въ собственной Германіи это имя является временнымъ гостемъ, не оставлявшимъ по себѣ слѣдовъ. Въ Скандинавіи оно живетъ и теперь на материкѣ и островахъ. Въ Германіи мы

не видимъ ни малѣйшаго признака того дѣленія на восточную и западную отрасль, которое характеризуетъ готское племя. Въ Скандинавіи оно осталось навсегда. Въ преданіяхъ историческихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака движенія Готовъ къ сѣвера, между тѣмъ какъ о переходѣ ихъ черезъ Балтику съ сѣвера сохранилась память и у самихъ Готовъ, и у Лонгобардовъ, ихъ менѣе благородной вѣтви, и, кажется, у Гепидовъ, и у прибрежныхъ Литовцевъ и Латышей, которыхъ они или завоевали или утѣсняли въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Что же касается до ихъ сказаній миѳическихъ, связывающихъ ихъ съ Юго-Востокомъ, то они принадлежатъ не народу, а религіи аза-ванской (по преимуществу же обожанію Фрейра или Прія), которую они приняли прежде переселенія. Невозможно разумному критику въ этомъ ошибиться. Характеръ историческаго преданія и миѳической сказки совершенно различны. Языкъ готскій, отъ котораго уцѣлѣлъ великолѣпный памятникъ, принадлежитъ по своимъ формамъ, можетъ быть, менѣе къ нарѣчіямъ собственно скандинавскимъ, чѣмъ къ германскимъ (и можетъ быть даже сланяно-германскимъ); но это объясняется очень легко, во-первыхъ, малочисленностью самой дружины, которая окрѣпла и сдѣлалась народомъ только вслѣдствіе наращенія изъ германскихъ племенъ; во-вторыхъ, измѣненіемъ самыхъ нарѣчій скандинавскихъ, подвергшихся сильному измѣненію отъ вліянія пришлой стихіи. Дѣйствительно, нарѣчія шведо-норвежскія представляютъ безчисленные слѣды ославяненія. Какъ бы то ни было, отвергать пришествіе готской дружины въ Германіи изъ-за моря Балтійскаго—значило бы отвергать всѣ воспоминанія самихъ Готовъ, Лонгобардовъ и летто-литовскихъ народовъ; это значило бы отвергнуть разомъ всю достовѣрность всякой народной памяти въ такой вѣкъ, когда наука, наконецъ, начала понимать, какъ вѣрна и упорна народная память и какъ дороги ея показанія, часто оподозрѣнныя и осмѣянныя, почти всегда оправданныя глубокимъ изслѣдованіемъ и сравненіемъ древнихъ памятниковъ.

Внутреннія междоусобія, въ которыхъ борьба происходила между племенемъ пришлымъ, первенствующимъ и племенемъ туземнымъ, упавшимъ съ первой на вторую ступень, были

разумѣется весьма рѣдки по самому характеру преобладанія аза-ванскаго, преобладанія религіознаго; за всѣмъ тѣмъ память объ нихъ не совсѣмъ исчезла изъ преданія и выражается въ прозвищѣ короля Эгиля *Туннадолги*, выдержавшаго многолѣтнюю войну противъ раба по имени *Тунне* и купившаго побѣду великимъ трудомъ и опасными подвигами.

По всей вѣроятности это мнимое имя *Тунне* есть ничто иное какъ искаженіе слова тіунъ, чему соотвѣтствуетъ и самое опредѣленіе этого раба какъ казначея (тіунъ съ ключами).

Какъ бы то ни было, преданіе содержитъ указаніе на борьбу неравныхъ сословій и слѣдовательно распри племенной, ибо судить объ ней нельзя какъ о возмущеніяхъ или войнахъ, нерѣдкихъ на востокѣ, въ которыхъ рабы часто возставали противъ владыкъ и свергали ихъ съ престола. Отношенія восточныя не похожи на отношенія европейскія. Рабство восточное есть случайность, нисколько не уничтожающая равенства. Рабство въ Европѣ предполагаетъ по необходимости племенное различіе или то, что на Западѣ считаютъ кровнымъ неблагородствомъ.

Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, одна Россія составляетъ исключеніе, котораго въ Скандинавіи и предполагать нельзя. Впрочемъ можно еще допустить догадку не совсѣмъ невѣроятную, что бывшій казначей конунга воевалъ съ помощью войскъ иноземныхъ и наемныхъ.

Выселеніе Готовъ (т.-е. именитѣйшихъ родовъ и ихъ дружины) упрочило преобладаніе аза-ванскаго (т.-е. сармато-славянскаго) племени, но жизнь Скандинавіи была не безбурна, хотя повидимому она и не представляла въ началѣ своемъ тѣмъ безпрестанныхъ потрясеній и переворотовъ, которые потомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ составляютъ ея исторію. Около начала нашего лѣтосчисленія произошло новое выселеніе изъ Скандинавіи, менѣе замѣтное въ своемъ началѣ, менѣе блестящее по военной славѣ, но еще болѣе важ-

ное по своимъ историческимъ послѣдствіямъ. Это было выселеніе Саксовъ или Англо-саксовъ.

Различіе времени между готскимъ и англо-саксонскимъ движеніемъ опредѣляется весьма легко однимъ простымъ наблюденіемъ надъ религіею того и другого союза. Готы—поклонники Одина, такъ же какъ и Саксы. Иначе и быть не могло; ибо одинъ былъ туземный богъ германо-скандинавскаго племени; но Готы не знаютъ еще ничего объ Аза-Торѣ, ни о Ванѣ-Фрейрѣ (*). Синкретизмъ трехъ религій, слившихся въ одну, еще не утвердился или по крайней мѣрѣ не обнялъ всей Скандинавіи и заключался еще въ предѣлахъ аза-ванской колоніи *Свитіода*.

По всей вѣроятности этотъ синкретизмъ только еще начинался, ибо выселеніе Готовъ совершилось весьма скоро послѣ основанія аза-ванской колоніи. Должно замѣтить, что сарматская стихія очень недолго сохраняла отдѣльную самостоятельность и скоро была забыта. Такова причина, что Балтійское море (отъ литовскаго ли корня или отъ славянскаго слова *блато*, все равно) очень недолго слыло сарматскимъ моремъ, между тѣмъ какъ оно было всегда извѣстно подъ именемъ вендскаго.

Выселеніе Саксовъ уже совершилось при синкретизмѣ, развившемся вполнѣ. Имена *Тора* и *Фрейра* такъ же священны для нихъ, какъ и для вѣковъ, въ которыхъ окончательно сложилась скандинавская Эдда. Это извѣстно изо всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ о формулахъ отреченія Саксовъ отъ язычества и изъ родословій, и слѣдовательно не подвержено никакому сомнѣнію; но самый характеръ выселенія рознится во всѣхъ отношеніяхъ отъ характера готскаго движенія: Готы бѣжали, Саксы выходили какъ добровольная колонія.

Быть можетъ, нѣкоторыя смуты въ жизни скандинавской имѣли вліяніе и на Саксовъ, нельзя на это сомнѣніе отвѣчать ни положительно, ни отрицательно; но во всякомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что они не были бѣглецами, изгнанными изъ родины,

или военною дружиною, бросившею отечество, чтобы избѣгнуть чуженароднаго ига или чужестихійнаго гнета.

Первоначальное ихъ появленіе въ Германіи не представляетъ ничего воинственнаго. Самое преобладаніе Одина и Фрейра въ ихъ родословіи и религіи указываетъ, какъ кажется, на то, что сарматская стихія не имѣла на нихъ значительнаго вліянія.

Впрочемъ, я уже сказалъ о причинѣ, почему Торъ не могъ являться въ родословіяхъ; но великое значеніе Фрейра весьма замѣчательно.

Съ другой стороны, скорое появленіе между Саксовъ племенъ, носящихъ славянскія имена, доказываетъ великое сходство съ славянскою стихіею и дружескія отношенія къ ней, несмотря на случайно враждебныя столкновенія Саксовъ съ Славянами при-эльбскими. Расширеніе саксонскаго союза было, повидимому, не дѣломъ войны, но федераціи, захватившей мало-по-малу сѣверъ Германіи и по всей вѣроятности получившей особенную силу впослѣдствіи отъ желанія отдѣльныхъ племенъ найти опору и защиту противъ насилія и завоеваній меровейскихъ Франковъ. Разумѣется, сильный приливъ германскихъ народовъ, болѣе чѣмъ удесятерившихъ первоначальный объемъ саксонскаго союза, совершенно отнялъ у стихіи славянской, не получавшей никакого наращенія, всю ея политическую важность, хотя и не изгладилъ слѣдовъ ея духовнаго вліянія, замѣтнаго, какъ уже сказано, въ религіи и законодательствѣ народовъ саксонскихъ и ихъ заморскихъ колоній.

Позднѣйшая вражда Саксовъ и Датчанъ не доказываетъ вражды издавней. Въ миѳическихъ и полуученыхъ родословіяхъ они являются братьями, но впослѣдствіи соперничество произвело вражду, Вообще же всѣ сказанія показываютъ въ нихъ народъ приморскій и сѣверный. Что же касается до нарѣчій, которыя носятъ имя саксонскихъ, ихъ глубокое различіе съ нарѣчіями скандинвскими объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что численное превосход-

ство въ союзѣ принадлежало не настоящимъ Саксамъ, пришельцамъ изъ Скандинавіи, но стихіямъ чисто-германскимъ, приставшимъ къ союзу и принявшимъ отъ него новое имя.

Послѣ удаленія Готовъ, т.-е. старшихъ родовъ и военной силы этого народа, пришлая аза-ванская стихія и получила не только перевѣсъ, но полное преобладаніе; вѣроятно саксонское выселеніе не имѣло никакихъ общественныхъ послѣдствій въ жизни скандинавскаго полуострова; она уже получила опредѣленный характеръ.

Сармато-славянская колонія, вслѣдствіе нравственнаго или умственнаго превосходства, т.-е. бóльшаго просвѣщенія въ бытѣ и промышленности, получила неоспоримое первенство между племенами скандинавскими. Она была въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ несомнѣннымъ религіознымъ средоточіемъ. Но, съ одной стороны, она сама германизировалась, съ другой ея выходцы селились повсюду между туземцами, основывая дома наслѣдственныхъ благородныхъ ярлей, сдѣлавшихся главами гото-германскаго народа.

Одинъ Сѣверъ, позднѣйшая Далекардія, дикій, бѣдный и негостепріимный, едва ли принялъ въ себя иноземный приливъ; впрочемъ этотъ край еще долго былъ, кажется, жилищемъ Финновъ и Лапповъ.

Такимъ образомъ прежній упсальскій центръ, хотя еще неутратившій своего значенія, утратилъ права на безспорное преобладаніе и долженъ былъ мало-по-малу подвергнуться соперничеству другихъ, дотолѣ подчиненныхъ областей. Таково дѣйствительно свидѣтельство преданія. Возмущенія и междоусобія, о которыхъ совсѣмъ нѣтъ помина въ первую эпоху, повторяются безпрестанно въ эпоху ближайшую къ историческимъ временамъ. Безпрестанно разсказываются кровавые споры областныхъ (такъ-сказать—удѣльныхъ) королей (фолькисъ-конунговъ) между собою, войны ихъ противъ короля упсальскаго (энвальдсъ-конунга, старшаго по жреческому сану и, слѣдова-

тельно, нѣсколько соотвѣтствующаго великому князю въ Россіи) или посяганія упсальскаго державца на владѣнія и жизнь своихъ подчиненныхъ или младшихъ соправителей. Сосредоточеніе государственной жизни исчезло.

Эту перемѣну относятъ ко времени сомнительнаго короля *Аune*; но тутъ еще дѣло идетъ о войнахъ съ иноплеменниками, или о раздорахъ семейныхъ. Дѣйствительно же междоусобія, т.-е. борьба энвальдсъ-конунговъ съ фолькисъ-конунгами, относятся ко времени позднѣйшему, къ Эгимо или Олаву Венделькрака; ибо сказаніе объ Гуглейнѣ (*) еще относится только къ распрямъ въ домѣ Инглинговъ. Впрочемъ ясно, что Данія начала жизнь самобытную прежде, чѣмъ раздоры разрушили единство религіозно-племенного союза въ Швеціи.

Бѣгство Готовъ было удаленіемъ отъ родины, мало-по-малу подпадающей подъ власть пришельцевъ Аза-Вановъ (Сармато-Славянъ); эмиграція Саксовъ была отдѣленіемъ колоніи въ эпоху полнаго преобладанія Инглинговъ.

Этимъ объясняется важность имени Англѣвъ (Энгей или Ингли), несмотря на ихъ малочисленность, и слѣды славянскаго начала во всемъ бытѣ и въ исторіи Англо-Саксовъ.

Но, наконецъ, самый домъ Инглинговъ (славянскаго бога, Вана, Ингви-Фрейра) сталъ клониться къ упадку. Жреческій центръ, Упсала, потерялъ свое исключительное значеніе. Области получили самостоятельность и стали жить отдѣльною жизнью, оспаривая или отвергая упсальское первенство. Нѣкогда царствовавшій домъ и нѣкогда преобладавшая страна уступили свои вѣковыя права не безъ упорнаго боя. Закатъ ихъ славы совершился въ кровавомъ туманѣ, въ которомъ историческая критика угадываетъ страшныя происшествія и могучія личности. Несмотря на возстаніе почти всеобщее, Инглинги по временамъ достигаютъ силы и могущества, которыхъ они не имѣли въ эпоху своего безспорнаго владычества; но уже эта сила и это могущество основаны на лич-

ной доблести и на счастливомъ насиліи, а не на общемъ согласіи и не на признаніи духовнаго превосходства властвующей или центральной стихіи. Воинъ совершенно вытѣснилъ жреца. Инглинги пали, слабый остатокъ ихъ спасся въ Норвегіи, основывая въ ней новую, отдѣльную династію, которой суждено было еще вписать въ исторію нѣсколько блистательныхъ подвиговъ военныхъ и наконецъ погибнуть безъ слѣда. Безполезно бы было отыскивать въ хаосѣ сагъ и сѣверныхъ сказаній настоящія имена послѣднихъ энвальдсъ-конунговъ изъ древняго рода жрецовъ фрейровыхъ, или преемство ихъ владычества; но весьма важно то обстоятельство, что похититель ихъ власти, свирѣпый и многолѣтній владыка Сѣвера, Гаральдъ-Гильдетандъ, является какъ бы продолженіемъ династіи, которую онъ дѣйствительно ниспровергъ.

Таково же было отчасти въ Римѣ отношеніе Веспасіана къ дому Кесарей.

Эпоха религіознаго правительства миновалась; наступило время силы вещественной, мало-по-малу возросшей въ мирѣ и потомъ освирѣпѣвшей въ войнѣ. Родъ Инглинговъ, возникшій въ какой то таинственной и торжественной тишинѣ, управлявшій въ продолженіе слишкомъ восьми вѣковъ судьбами Сѣвера, скрѣпившій его медленнымъ развитіемъ религіознаго синкретизма, охватившій его сѣтью благородныхъ домовъ, хранителей поэтическаго просвѣщенія, погибъ въ пламени и крови; но Скандинавія уже не могла оставаться незамѣченною въ исторіи міра. Долго накоплявшаяся сила духовная, которой явнымъ доказательствомъ служитъ религіозная восторженность первыхъ викинговъ и наѣздниковъ моря, одичала и получила новый характеръ; но она должна была и на новомъ поприщѣ выразиться несокрушимою энергіею народнаго духа; ибо всякая сила вещественная въ историческомъ мірѣ есть только проявленіе силы духовной; и чѣмъ долѣе мирный бытъ хранилъ и воспитывалъ ее подъ своимъ тихимъ кровомъ, чѣмъ долѣе онъ сдерживалъ ее своими свободно носимыми узами, тѣмъ крѣпче выступаетъ она на поприщѣ дѣятельности, тѣмъ

грознѣе ея первые, нежданные удары. Такова исторія Скандинавіи; таково объясненіе тѣхъ страшныхъ, кровавыхъ, но безспорно высоко-поэтическихъ подвиговъ, которыми она ознаменовала свое вступленіе въ обще-европейскую жизнь.

Долго была она спелёната и какъ бы сдавлена узами, связывавшими ее съ славянскимъ Востокомъ; долго составляла она только часть его широкой народной системы. Отъ него получила она если не населеніе свое (ибо населеніе ея было безъ сомнѣнія корня германскаго), то, по крайней, мѣрѣ стихію своего правительственнаго сословія; отъ него получила она религіозно-просвѣтительное начало; съ нимъ неразрывно связана она была своею торговлею (что явно изъ названія шелка и изъ склада аравійскихъ монетъ); съ нимъ, наконецъ, составляла одно обширное общество народовъ, иногда возмущаемое междоусобіями, но отдѣльное отъ остальнаго міра и замкнутое единствомъ жизни, обычаевъ и общихъ выгодъ. Это опять доказывается постояннымъ участіемъ Свитіода въ общественныхъ треволненіяхъ Гардарика и Гольмгарда, постояннымъ вмѣшательствомъ Гардарика въ междоусобіяхъ Свитіода и всѣми сагами о доисторическихъ герояхъ, которые по дѣятельности и подвигамъ, родственнымъ союзамъ, воспитанію и часто даже происхожденію принадлежатъ столько же сѣверной Руси, сколько и самой Скандинавіи.

Неразумно бы искать въ этой доисторической жизни сѣверной Европы какихъ-нибудь формальныхъ союзовъ, правильно построенныхъ федерацій и чего-нибудь похожаго на государственную дѣятельность. Это былъ міръ отдѣльный отъ остальнаго, но отдѣленный безотчетно и безсознательно особенностями племенными и религіозными и географическими условіями. Историческая эпоха начинается распаденіемъ этого міра и явленіемъ центровъ мѣстныхъ и народныхъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ вліянія областей, съ которыми они жили общею жизнію въ продолженіе многихъ вѣковъ. Для Скандинавіи это начало опредѣляется происшествіемъ, которое народная память окружила всѣмъ величіемъ древняго эпоса. Паде-

ніе Инглинговъ уже заключало въ себѣ освобожденіе мѣстной стихіи и притязаніе на отдѣльную самостоятельность; но ихъ побѣдитель, грозный и кровожадный Гаральдъ-Гильдетандъ, не понявъ вполнѣ значенія переворота имъ же совершеннаго, остался въ тѣхъ же или почти тѣхъ же отношеніяхъ къ міру восточному, въ которыхъ находились его предшественники. Новое возстаніе кончило дѣло, начатое Гаральдомъ. Уже старъ и слѣпъ былъ король, гроза всего Сѣвера, нѣкогда ненасытимый ни корыстью, ни опасностью боевою, когда поднялись противъ него подданные, долго тѣснимые и угнетаемые его желѣзною волею. Поэзія Сѣвера, въ продолженіе многихъ вѣковъ, прославила эту послѣднюю борьбу, и исторической критикѣ возможно только пониманіе ея общаго смысла съ устраненіемъ подробностей, созданныхъ или искаженныхъ вымысломъ скальдовъ. Поднимается весь сѣверный полуостровъ и вызываетъ на бой непобѣдимаго старца. Грозный слѣпецъ радуется битвѣ, которая увѣнчаетъ его жизнь или блистательнѣйшимъ торжествомъ или смертью, достойною воина. Безчисленное мѣстное войско собирается со всѣхъ концовъ Скандинавіи. Имъ предводительствуетъ Сигурдъ Рингъ, славный славою своего сына, Рагнара Лодброка, любимца сѣверной поэзіи, перваго изъ тѣхъ морскихъ наѣздниковъ, которыхъ съ тѣхъ поръ сталъ высылать сѣверный міръ на опустошеніе береговъ всей Европы. Не менѣе безчисленны дружины Гаральда; но главная основа ихъ, Венды и Славяне, ясно указываютъ на самое значеніе борьбы, происходившей не между лицами, а между началами народными. На несмѣтныхъ корабляхъ стекаются враги къ берегамъ Браваллы; но рѣшительный бой долженъ происходить на сухомъ пути, а не на морѣ. Славные герои Сѣвера являются на кровавый пиръ, и такіе. которые едва ли не жили въ послѣдующей эпохѣ, и такіе, которые, безспорно, если и жили когда-нибудь, то давно, по преданіямъ самаго Сѣвера, уже кончили свой вѣкъ. На колесницѣ выѣзжалъ слѣпой король; но возница его не тотъ, кто обыкновенно правилъ его конями, а одноглазый старикъ въ широкополой шляпѣ, т. е. самъ Оденъ или Небо въ символѣ солнца и тучъ. Не съ доб-

рымъ намѣреніемъ убилъ онъ царскаго возницу, не съ добрымъ намѣреніемъ правитъ онъ царскою колесницею, которую устремляетъ въ самый пылъ боя. Онъ, наконецъ, измѣнилъ своему прежнему ученику и любимцу; онъ открылъ врагу тайну его боевыхъ построеній, и старый воинъ узнаетъ въ серединѣ сраженія измѣну божества, на которое надѣялся, и падаетъ отъ его неотразимой руки. Мѣстная стихія торжествуетъ, восточные союзники Гаральда гибнутъ или бѣгутъ, и великій переворотъ совершается въ жизни Скандинавіи. Таково сраженіе при Браваллѣ.

КОНЕЦЪ.

1. Dieffenbach выражаетъ эту мысль такъ: Unter allen Stämmen... war der Deutsche das am kräftigsten und edelsten organisierte und desshalb auch am meisten befähigt die zertrümmerten Staaten neu zu organisieren. Orig, 187". Dieser Name (der Deutsche) bezeichnete das Volk der Macht, das Volk bei dem die Entscheidung der Dinge stand, das Volk der Völker. Giesebrecht. Gesch. II. 2. 504". Внутреннее настроенiе Германскаго племени хорошо выражено В. Гумбольтомъ въ слѣдующихъ словахъ: „So ist dem Mensehen überhauft Herrschaft reizender als Freiheit. Regeirung ist zwar eine einzelue, aber wirkliche Tätigkeit".

Ideen Zn einem Versuch die Gränzen di Wirksansk. des Staates zu bestimmea. Volst. Werke 7 B. 3.

„Исторiя... осудила ихъ быть аристократами" Ср. Гильфердингъ И. Б. Сл. 11 и сл. Grimm. D. R. Alt. 1. 373. Alle Menschen sind entweder freie oder unfreie. Leges Bajuv. Visg. Burgundionum, стр. 310, тамъ же. „Различiе между Вестготами и другими племенами..." Thierry, Lettres sur l'Hist. de France, VI.

„Чувство враждебное Өеодорику". Ср. W. Grimm, D. Heldensage, 43, 44. Лѣтопись Новгор. I. 1204 г.: „Поганый, злый Дедрикъ".

2. „Ругiямъ". Одоакръ по нѣкоторымъ источникамъ былъ Ругiй; а племя Ругiевъ вѣроятно сохранило связь съ побережьемъ Балтики, даже послѣ передвиженiя на югъ при Аттилѣ...

„Вестготы владѣли дикой областью древлянской" ср. Гильфердинга: И. Б. С. 18.

„Свидѣтельство Iорнанда о принятiи Остготами гунскихъ именъ", Iord. 9.

3. „Сходство готескаго языка съ славянскимъ". Schaf. S. Alth. 1. 429 и сл.

„Быстрое распространенiе арiанства" и т. д. Здѣсь находимъ разъясненiе недоумѣнiю Грановскаго по поводу словъ X—ва о непонятности для Зап. Европы факта принятiя арiанства Бургундами отъ Готөовъ (соч. Грановскаго. 1900 г. 529 стр.). Бургунды, по мнѣнiю X—ва, равно какъ и Готөы, были племенемъ, пропитаннымъ славянствомъ.

„Belagines". Iорн. XI. „Бѣлѣгъ", по Миклошичу, (Lexicon.) σημεῖον, signum. „Бѣлѣзи и знаменiя". Словопроизводство германское у Гримма. Gesch. d. D. Sprache (index).

5. „Получили они названiе Бургундцевъ". Другое производство этого имени у Pauli. R. Enc (ed. 1897). О характерѣ Бургундцевъ ср. Ешевскаго,

Апол. Сидоній. 126. Незамѣтное обращеніе ихъ изъ аріанъ въ православныхъ—тамъ же. О близости къ Готѳамъ у Pauli. R. E.

6. „Необходимость защиты" и т. д.: Франки впервые упоминаются на низовьяхъ Рейна въ 230 г. Huschberg, die Allemanen. 105. Момсенъ объясняетъ имя Франковъ—„вольными людьми" Рим. Ист. Рус. пер. V, стр. 143.

7. „Ученость германская и т. д."... lässt sich vermuthen dass vorkeltische Stämme... allmälich... keltisirt... Wenigstens besitzt der rætoroman. Sprachast der sich durch Graubünden, Engadin, Tyrol u. vielleicht noch weiter erstreckt Besonderheit genug um einen nicht rein kelt. Vorgänger möglich erscheinen zu lassen. Pferde Köpfe als Hausverzierung... Dieffenbach. Orig. 135. Онъ предполагаетъ возможность иллиро-лигурской народной подпочвы, какъ въ Ретіи, такъ и Вендиликіи; а эти народы почитаются Х—вымъ вост. иранскаго корня.

8. „Бургундцы болѣе всѣхъ пострадавшіе отъ Гунновъ"... Х—въ здѣсь опять возвращается къ высказанному уже мнѣнію, что были два племени Бургундовъ—восточныхъ и западныхъ. Послѣдніе получили это названіе отъ воздвигнутыхъ въ ихъ землѣ римскихъ „castella"; и восточныхъ, сдѣлавшихся горожанами подъ вліяніемъ поморскихъ Славянъ. Онъ этимъ объясняетъ, какъ могли сохраниться и утвердиться на границахъ Галліи Бургунды, почти уничтоженные Гепидами (Ukert, Germania, 419—20). По поводу полемики Грановскаго съ Х—вымъ, обвиняемымъ имъ въ произвольномъ обращеніи Гепидовъ въ Готѳовъ въ текстѣ Мамертина, ср. Pauli. R. E. Gepidœ, ein gothisches... Volk. (s. v. Gepidœ).

9. „Примѣчанія на салическіе законы". Авторъ пользовался, кажется, предисловіемъ В. Гримма къ изданію сал. законовъ Меркеля.

„Остатки тѣлъ, сожженныхъ по обычаю славянскому". Гильфердингъ. Ист. Б. Слав. 194, пр. 741.

„Остатки славянскаго языка въ нарѣчіи утрехтскомъ". Schafarik. Sl. Alth. II. 510.

„Войны съ Римлянами и Саксами". (?)

„О Богѣ Бѣлѣ". Beal (?)

10. „Земля Мэруве". Thierry считаетъ названіе Меровинги гораздо древнѣйшимъ имени самого Меровея. Grimm не признаетъ объясненія Ducange „crinitus", R. Alth. I. 332.

„Просьбы Меровинговъ къ гуннскимъ вождямъ". Gibbon. Decline. IV. 226.

11. „Воинственное и хладнокровное свирѣпство". Сальвіанъ, de Gub. Francorum gens infidelis — Franci mendaces. Si perjurit Francus, quid novi faciet, qui perjurium ipsum sermonis genus putat esse, non criminis. Lib. IV. 76. 79. 155. Сальвіанъ отмѣчаетъ рядомъ съ недостатками и качества отдѣльныхъ племенъ: Franci—hospitales, castitate miranda. Montalembert въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что „il ne faut pas croire que les Francs fussent, comme on l'a prêtendu, moins civilisés, moins humains, plus opresseurs que les autres barbares (Moines d'Occid. II, 261); а въ другомъ онъ ихъ характеризуетъ такъ: tout en respectant... la foi catholique... ils violaient sans scrupule tous ses préceptes en même temps que les plus saintes lois de l'humanité. C'etait surtout dans ces tragédies domestiques, dans

ces éxécutions et ces assassinats fratricides dont Clovis donna le premier exemple et qui souillent d'une tache ineffaçable l'histoire de ses fils et de ses petits fils qu'éclate „leur incroyable perversité“, p. 270. Франки „гордились“ именемъ людей жестокихъ. Ешевскій, Ап. Сид., стр. 126. Клавдіанъ (in cons. Honorii, „призвали Боноза и его предали“) Sh. Turner. Hist. of A. Sax. I. 82.

12. „Духовенство западное и глава его и т. д.“ Hüschberg Allem. 688. Michelet. Hist. de Fr. Liv. 2. 86 (id 1840). Папа Анастасій: Судьбы Италіи. Кудрявцева.

„Присоеднилиcь къ В. Готеамъ дружины Гепидовъ“ Hüschberg Allem. 619.

13. „Возводя *почти* въ степень святыхъ“ и т. д. Гонтрамъ. Дагобертъ.

14. „Таково начало системы аллодіальной“. Grimm. R. A. 2 т. 3 и 4.

„Во многихъ мѣстахъ, безъ согласія общества“, тамъ же 2 т. 55. Savigny. Röm. Recht im Mittelalter. T. I, 211.

„Взаимная отвѣтственность“. Grimm. R. A. 1. 404.

15. „Завоеватели Галліи... были дружиной одного кн. рода“. У Франковъ не было „Adel“, подобно какъ у другихъ Германцевъ; всё было поглощено кор. властью. Savigny. Röm. R. im M. A. 1. 223 м. сл. Ganz unrichtig haben Manche behauptet die „Franci“ seien Franz. Adel. 224. По поводу раздѣла земли въ странахъ, завоеванныхъ Франками, Савиньи замѣчаетъ, что мы не имѣемъ данныхъ относительно порядка раздѣла оныхъ, тогда какъ у другихъ Германцевъ порядокъ былъ одинаковый. 310 стр.

16. Имя Салійцевъ производится нѣкоторыми отъ рѣки Issala. Issel. Слово „Сала“ Pott. Et. Forsch. II. 3. 660.

„Sonnenlehn“, ср. Grimm. R. Alth. (index.).

17. „Послѣдвіе выселенцы изъ Скандинавіи—Саксы“. На чемъ основывалъ авторъ такой взглядъ—неизвѣстно. Вѣроятно, не на одномъ фактѣ появленія ихъ у устьевъ Эльбы между эпохой Тацита и птоломеевой.

„Чернобогу и Сибѣ“. S. Turner. Hist of the A. S. 1. 130.

„Бѣлбогу“ Эгингардтъ?

18. „Славянскія слова въ языкѣ А. Саксовъ“. Ср. Шафарика Sl. Alth. II. 572. Гильфердингъ. Ист. Б. Слав. 54. Въ другомъ мѣстѣ авторъ приводитъ еще слово fray—пря.

„Западный берегъ Галліи носилъ названіе саксонскаго“—litus saxonicum. Grimm. Gesch. d. D. Spr. 435.

19. „Остатки легіоновъ возвели человѣка мужественнаго“ — Константина, 406 г.

20. „Пристани Ирландіи—сѣверной Галліи“ (?)

О посѣщеніи Британніи Финикійцами—Sh. Turner. H. A. S. Michelet H. F. Sur les trad. relig. de l'Irlande, IV. 3 и 4 гл.

„За то и христіанство—восточному“. Neander, I. т. K. G. 4, 47 стр. Противъ Usher'a, о не римскомъ христіанствѣ Британніи Ozanam, Etudes Germ. II. 100, приводитъ лишь доводы о томъ, что британская церковь не была, подобно позднѣйшему англиканству, протестантской. Валуевъ. Сборникъ Истор. 287 стр. и сл. Пелагій родомъ Британецъ. Борьба съ пелагіанствомъ въ Британніи указываетъ на степень развитія въ ней христіанства въ V вѣкѣ. Хотя Ирландія представляется совершенно язы-

ческой во времена Патрикія, тѣмъ не менѣе Х—въ видимо придавалъ значеніе словамъ Тертулліяна (adv. Judœos, c. 7) о распространеніи христіанства въ неподчиненныхъ римск. власти частяхъ Британніи.

21. „Кульдіяхъ" ср. Montalembert, Moines d'Occident. III. 310.

22. „Палладія". Въ точности неизвѣстно время пребыванія Палладія въ Британніи. Его считали современникомъ Григорію В., слѣдов. позднѣйшимъ противъ Патрикія; но по другимъ свидѣтельствамъ онъ былъ посланъ папой бороться съ пелагіанствомъ; и неуспѣхъ его проповѣди, по незнанію языка, побудило будто бы папу послать Патрикія. Неандръ отвергаетъ всякую тѣнь зависимости послѣдняго отъ Рима.

„Отзывается характеръ пелагіанства", ср. объ этомъ въ богословскихъ сочиненіяхъ Х—ва (т. 2-й). (passim).

23. „Они явились... въ ту эпоху". Упомянутыхъ бардовъ относятъ къ 6 вѣку и началу 7-го.

25. „Ненній". Относится къ эпохѣ гораздо болѣе поздней, чѣмъ Гильдасъ. Sh. Turner. H. A. S. I, 118—9.

26. „Сочувствіе съ Гуннами"; ниже указана книга, изъ которой авторъ почерпнулъ это указаніе—стр. 338, ср. Diefenbach. Celtica, II. 89. III 151. 225. 267 и 416.

28. „Судъ присяжныхъ": „Единогласное рѣшеніе... это стародавній взглядъ всѣхъ славянскихъ племенъ". Ср. Кавелинъ 2 т. 230. „Требованіе единогласнаго вердикта отъ англ. присяжныхъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ изъ того же стародавняго воззрѣнія". Тамъ же, 2. 231. Гриммъ доказываетъ, что англійскій институтъ присяжныхъ однороденъ съ судебными учрежденіями другихъ герм. народовъ; но, повидимому, онъ не признаетъ, что единогласіе есть черта, „существенно" отличающая англо-сакс. институтъ. „Nicht selten heissen unsere Schöffen gerade Geschworene. Ihre Anzahl von 7, 12, 24 begegnet d. Zwölfen der Jury und die Einstimmung der Sieben ist entscheidende Mehrheit unter Zwölfen, namentlich auch der nordisch. „nefud"; so dass die in England erforderliche einhelligkeit der Zwölf als eine *unwesentliche* (?) *Abweichung* erscheint. R. A. II т. 402 стр.

„Суда присяжныхъ искали у Германцевъ и не нашли". Изъ словъ Гримма (D. R. A. 401). Hieraus erkläre ich mir nun auch die Ähnlichkeit u. Unähnlichkeit der Schöffen mit den Geschworenen"—можно заключить, что вопросъ этотъ по кр. мѣрѣ спорный. Ср. Savigny. R. R. im Mittelalter 1. 236. О неединогласіи рѣшеній судовъ у Германцевъ тамъ же, 257 стр.

„Новые ученые, наконецъ, начали догадываться" и т. д. Не знаемъ кого авторъ имѣлъ здѣсь въ виду.

30. Ученые изъ Ирландіи" и т. д. Несмотря на ожесточенную вражду Бриттовъ къ А.-Саксамъ, христіанское просвѣщеніе начало проникать и къ симъ послѣднимъ до прибытія Августина. Подъ учителями изъ земель валлійскихъ авторъ м. б. подразумѣвалъ св. Карадока, убитаго Саксами. О дѣятельности учениковъ св. Колумбы въ дѣлѣ обращенія Англо-Саксовъ въ началѣ 7-го вѣка (св. Аиданъ и др.). Ср. Montalembert, Moines d'Occid. т. 4.

„Залита кровью христіанъ“. Въ смягченной формѣ говоритъ тоже Неандеръ. K. G. II, 9. пр. 3. Но самыя убійства въ Бангорѣ нельзя приписать непосредственному повелѣнію римск. миссіонеровъ.

32. „Другая часть, принявшая христ—во въ Италіи“. Большинство Лонгобардовъ при вторженіи въ Италію было языческое. Ср. Greg. Mag. Dialogi. III. XXVII. XXVIII. Paulus Diac. IX. 6.

„Безсиліе Лонгобардовъ“. Они никогда не могли утвердиться далѣе Беневента. Кудрявцевъ. Судьбы Ит. 122.

33. „Рабы не имѣли даже законнаго брака“. О семейномъ положеніи рабовъ ср. Grimm. R. A. 1. 481.

„Безъ языка писаннаго“. Es ist aber gar nichts long. vorhanden und auch keine Spur da, das es untergangen ist. Grimm. G. d. D. S. 479.

„Смягчалъ отчасти ихъ воинственную дикость“. Michelet. Hist. de Fr 1. 79.

35. „Власть епископовъ возрастала“. Neander. K. G. II. 52. 57.

„Эти права перешли къ епископамъ“. Weber. Allg. Welt G. 4. 711.

38. „Фризы—Ставоры“. (?)

39. „Пораженіе союзнаго войска Франковъ“ при Дагобертѣ. Само.

47. „Характеръ Несторіевой школы и т. д.“. Несторій родился въ Сиріи, въ гор. Германціи; ученикъ Θеодора Мопсуестскаго. Принялъ монашество и священствовалъ въ Антіохіи до возведенія на константиноп. каθедру въ 428 г.

„Савелія съ другой“; изъ Птолемаиды въ Африкѣ. Хотя гностицизмъ развился въ многообразныя системы, тѣмъ не менѣе начало его авторъ ищетъ въ Александріи. Seinem Ursprunge nach ist d. Gnost. älter als das Ch—thum und die alexandr. speculativen Juden Aristobulos, Philo waren so gut Gnostiker wie Basilides, Valentinus u. a. Ritter. K. G. 1 B. 87. Валентинъ былъ Египтяниномъ родомъ. Василидъ же, хотя и Сиріецъ, тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ и училъ въ Александріи.

48. „Тертулліанъ въ борьбѣ“ и т. д. Тертулліанъ былъ противникомъ крещенія дѣтей и слѣд. можно думать, что онъ не считалъ некрещеныхъ безвозвратно осужденными, несмотря на то, что говоритъ, что безъ крещенія никто спастись не можетъ (Іоаннъ. III. 5). По этому поводу Неандеръ замѣчаетъ „es scheint... dass er sich keine Wirkung d. Taufe ohne der Theilname des eigenen Bewustseines u. ohne eignen Glauben denken konnte; und er sah ja auch für das schuldlose Alter keine Gefahr (умереть не крещенымъ) *wenngleich diese Äusserung nach seinem Systeme nicht consequent ist*“. Послѣднія слова эти показываютъ, что въ оцѣнкѣ системы Тертул. X—въ совершенно согласуется съ Неандеромъ, хотя его взглядъ на частный вопросъ о крещеніи можетъ быть не вѣренъ. Böhringer, die Kirch. Christi, Tertullianus. 774 ближе къ X—ву.

„Арій и т. д.—логическаго“. Это мѣсто весьма существенно какъ возраженіе противъ возведеннаго на автора обвиненія (В. Соловьевымъ) по поводу его выраженія „Арій и Діоскоръ и т. д.“ II т. соч. X—ва, 152 стр., пр. 2.

51. „Если бы нужно доказывать—Θракіи“. Годъ рожденія Юстиніана не опредѣленъ точно. Gibbon. V. 35 пр. Но его дядя Юстинъ вступилъ на

престолъ въ 518 г. 65 лѣтъ отъ роду. Слѣд. родился въ 453 г. Finlay. (Greece under the Rom. 211) думаетъ, что мѣстное населеніе Өракіи уже въ то время состояло изъ тѣхъ сочетаній племенъ, которыя произвели теперешній—Valachian and Albanian languages. Мѣсто рожденія Юст—на „Bederiana", около теперешняго Кюстендиля въ вост. Македоніи. Schafarik (S. A. II. 160) признаетъ, отчасти на основаніи этихъ фактовъ, болѣе раннее проникновеніе слав. поселеній на лѣвый берегъ Дуная, чѣмъ какъ можно извлечь изъ виз. историковъ. Но онъ не признаетъ исконности пребыванія Славянъ тамъ, подъ видомъ Өракійцевъ, какъ то полагаетъ Х—въ, отождествляющій Славянъ съ тѣмъ племенемъ, которое въ древности заселяло Балканскій полуостровъ и побережье М. Азіи до Ликіи включительно (Протей, по Виргилію, сидитъ въ in Carpatio gurgite. Georg. IV. 387. Островъ Карпатосъ между М. Азіей и Критомъ знаетъ и Гомеръ. Это имя странно созвучно Карпатамъ) и односоставность коего признаетъ, напр., Curtius. Gr. G. I томъ, стр. 29 и сл. и 348. О болѣе раннемъ поселеніи Славянъ въ Балк. полуостровѣ при отрицаніи ихъ исконности ср. Jireçek. Bulgarien. 77 и сл. Опроверженіе слав. происх. Юстиніана: Виз. Временникъ 1894 г. т. I. Вып. 3—4. В. Васильева.

52. „Безъ уваженія нельзя вспомнить—для одной этой цѣли". Прокопій (de B. G. IV. 3) передаетъ обстоятельства уничтоженія въ Абхазіи торговли евнухами по требованію Юстиніана, закончившемуся добровольнымъ подчиненіемъ Абхазіи Имперіи. Войну же на Кавказѣ Юстиніанъ вёлъ съ Лазами по совершенно другому поводу.

„Требованіе Юстиніана напоминаетъ" ср. примѣч. къ стр. 231, 6-го тома.

56. „Гунновъ Эвталитовъ", a polite and warlike nation. Gibbon. V. 175.

57. „Во время великаго Атиллы, они, оставляя въ покоѣ Византію". То же сказано и въ статьѣ „Вмѣсто введенія", т. III. 132 стр. Противъ этого послѣдняго мѣста возражалъ Кавелинъ, ср. Соч. I. 726. Выраженіе авт. конечно, неточно. Очень вѣроятно, что онъ смотрѣлъ на грабежи и пятилѣтнія разоренія Аттилой задунайскихъ областей, какъ на пограничныя отношенія варваровъ къ богатой, сосѣдней имперіи, обычныя всѣмъ задунайскимъ кочевникамъ того времени (Finlay, Greece etc. 202), а не какъ на главную цѣль. Готөовъ Византія направила на западъ, чтобы избавиться отъ нихъ; Аттила же самъ бросилъ визант. области и направилъ свои силы въ другую сторону. Alarichs und seinen Westgothen war man auf Kosten des Abendlands los geworden: Attila hat das „Verhängniss" von der griechischer Erde fort in das Abendland... getrieben (Fallmerayer, die Entstehung etc. 146). Х—въ, вслѣдъ за Венелинымъ, объяснялъ эту „Verhängniss" опредѣленнымъ мотивомъ.

59. „Нѣтъ причины искать имъ отечества внѣ кавказской области". Аварское племя причисляется къ т. н. кавказскимъ племенамъ, отношеніе коихъ къ другимъ расамъ очень неопредѣленное. Грамматика аварскаго языка составлена Штейбеномъ въ 1862 году.

„Омброновъ и Амброновъ". Тождество этихъ именъ спорно. Ср. Pauli. R. E. 5. 931. Если признать кавказскихъ Аварцевъ Аварами, то можно не раздѣлять взгляда преобладающаго, что эти послѣдніе были монголь-

ской расы, Боппъ почиталъ кавказскую расу индо-европейской ср. его „die Kaukas. Glieder der Indoeurop. Sprachstammes“. Внѣшній видъ Аваровъ отличался ростомъ, не соотвѣтствующимъ обыкновенному типу монгольскому. У зап. Славянъ названіе Авара—Обрина перешло въ нарицательное—великанъ.

61. „Авары погибли и т. д.“ ср. Fallmerayer, die Entst. 167 стр.

62. „Одинъ изъ князей“. Muralt. Essai de Chron. Byz. Heraelius, 6111 г.

„Въ самой Бактріи—христіанъ“. Фа-Гіанъ; пут. его издано Ab. Rémusat. (Foe-Koueki). (?)

64. „Своекорыстная благодарность—императора“; хотя отношенія Григорія В. къ Фокѣ и не вызываютъ одобренія, но нельзя не замѣтить, что онъ былъ въ отношеніяхъ враждебныхъ съ Маврикіемъ; и что, кромѣ того, онъ не повиненъ въ построеніи колонны на форумѣ. Эдиктъ Фоки о первенствѣ рим. престола послѣдовалъ послѣ смерти Григорія, при папѣ Бонифаціи IV. Кудрявцевъ оправдываетъ отчасти Григорія старчествомъ и болѣзнями и боязнью столкновенія съ новымъ императоромъ. Судьбы Ит. 187 стр.

66. „Мысль Ираклія принесла богатые плоды“. Fallmereyer, Entst. 198.

„Морея“. Нѣкоторые считаютъ, что „Морея“ образовалась изъ перестановки звуковъ—„Ромея“. Jireçek. Bulg. 125.

„Приглашены Конст. Копронимомъ“ ср. Finlay. 3. 65. Они были поселены въ Виѳиніи.

68. „Явное свидѣтельство о враждѣ и борьбѣ южной Аравіи и сѣверной Ср. Lenormant. H. A. VI. 360. 373 стр.

„Дѣти Куша и Мисраима—при кавказской Иверіи“. Въ настоящее время этотъ взглядъ на разселеніе, почти всѣми признаваемыхъ Кушитовъ, достаточно утвердился, хотя точка отправленія. кушитства изъ Эѳіопіи, какъ думалъ авторъ, переносится болѣе на побережье Индіи и даже въ среднюю Азію.

„Отдѣльныя битвы Кушитовъ въ сѣв. Аравіи“. Lenormant. VI. 344.

69. „Такъ преданіе Аравіи—пустыня“. Говорится о сооруженіяхъ, приписываемыхъ мѣстными сказаніями Локману.

70. „То власти Эѳіопіи“. Въ началѣ 6 вѣка овладѣла она частью счастливой Аравіи. Rawlinson. 7 th. Monarchy, 423 стр.

71. „Паденіе царства Израильскаго“. Lenormant. VI. 451.

„Рядомъ съ царствомъ еврейскимъ и т. д.“ Валуевъ. Христіанство въ Абиссиніи (Сборникъ ист. и стат. свѣдѣній).

„Остатки іудейскаго царства“. Iost. Gesch. d. Judenth. 2. 225 и сл.

73. „Престарѣлый учитель передъ смертью указывалъ и т. д.“ Вѣроятно, имѣется въ виду фактъ посольства къ Гераклію и Хозрою (и др.), относящійся, кажется, къ 628 г.

74. „Годъ его рожденія и т. д.“ (571). Этотъ годъ—похода Хозроя въ Аравію и побѣды надъ Абиссинцами.

„Исторія человѣчества и т. д.“ Ср. томъ III соч. Х—ва. Черты изъ жизни калифовъ.

78. „Астартѣ бактрійской“, ср. VI т. пр. къ стр. 46-й. Начало этого культа восходитъ къ эпохѣ древнѣйшей. Герод. I. 13 г. Но онъ при Сасса-

нидахъ развился до соперничества съ почитаніемъ Ормузда и Митры. Rawlinson. 7 th. Mon. 631 стр.

„Обогащался новыми произведеніями". Даже настоящій текстъ Авесты почитается нѣкоторыми произведеніемъ эпохи Сассанидовъ.

„Такъ въ самомъ началѣ Сассан. династіи". О собраніи маговъ Арджиръ Бабеганомъ ср. у Rawlinson. 7 th. Mon. 57 и сл. Опредѣленіе зависимости начала злого отъ добраго находится въ Бундегешъ, произведеніи этой эпохи. Точнѣе—Бундегешъ признаетъ начало злое преходящимъ. Ср. Windischmann. Zoroastr. Studien, 56 и сл. Spiegel. Er. A. K. 3. 7.

80. „Таково ученіе Манеса". Spiegel Er. Alth. K. 3. 195 и сл. Es ist vielmehr der Versuch eine Weltreligion auf ziemlich breiter Grundlage zu errichten, welche ausser den Eraniern noch die Bewohner Messopotamien's... die ind. Buddhisten umfassen sollte.

„Въ пещерахъ Гималая", тамъ же 203 стр.

„Магузеевъ". Neander. K. G. I. 269. Giesseler. K. G. I. 245.

81. „Символъ ладей" у Манихеевъ ср. Augustinus, de Hæres, c. CLVI. у Офитовъ, напр. Епифаній. Panaria I. 3, стр. 5. (Ἐν κίστῃ τινί).

„Въ безконечное заклинаніе". Neander. K. G. 1. 263.

88. „Христіанство было принадлежностью городовъ" и т. д. Этимъ объясняется первоначальное появленіе „circumceliones", какъ насильственныхъ обратителей языческихъ поселянъ, извѣстныхъ впослѣдствіи въ совершенно другой роли въ ист. донатизма.

100. „Многіе спаслись въ землю баварскую", ср. Fredeg., c. 72. Zeuss. die Deutschen. 717. Вѣроятно авторъ придавалъ особенное значеніе выраженію Павла Діак. Qui usque hodie in hiis ut diximus locis habitantes... linguæ tamen propriæ usum minime amiserunt. Но, съ другой стороны, изъ Фегедрарія не видно, чтобы Баварцы приняли пришедшихъ къ нимъ Болгаръ за Славянъ, хотя избіеніе ихъ скорѣе объясняется именно этимъ соображеніемъ, т. к. Дагобертъ былъ въ войнѣ со Славянами, а не съ Аварами, съ которыми Болгары многими почитаются одного корня. Къ тому же остатки избитыхъ Болгаръ искали себѣ убѣжища у Венедовъ. Такимъ образомъ можно слова автора „принимая за Славянъ" почесть либо ошибкой, происшедшей отъ работы на память, либо предположить, что „принимая Болгаръ и т. д. — Славянъ" должны быть включены въ скобки вмѣстѣ съ фразой „а кажется". За утратой этой части оригинала сличеніе съ нимъ не представляется возможнымъ.

101. „Уже въ первыхъ вѣкахъ—Славянъ". (?)

102. Владыками Славянъ (Саклабовъ). Иловайскій. Разыск. о нач. Руя, 408 пр.

103. „Оружіе ихъ грозило въ одно время... державѣ халифовъ". Хазары нападали нерѣдко на сассанидскую державу. Они участвовали съ имп. Иракліемъ въ войнѣ противъ Хозроя (626 г.). Не ошибка ли говорить о войнахъ ихъ съ халифами?

104. „Кхаса". Lassen. A. I. I. 441.

105. „Хаоновъ и Униловъ—часто сопровождающихъ"; это послѣднее слово относится только къ Униламъ или Унеламъ. Zeuss. die Deutschen 204 и 205.

111. „Приморскихъ Славянъ... Гуннами". Вѣроятно на основаніи Сакс. Грамм. Отъ 185—240. изд. Müller'a.

„Изъ нихъ является одинъ не съ слав. именемъ“. Дѣти Омортага по мнѣнію Иречька—volkommen slavische Namen trugen. Bulg. 149 стр. Первая династія была избита и на ея мѣсто выступилъ по избранію „Телецъ“ (Telec) въ 760 г. „Критогонъ“?

115. „Себерены“ жили въ Добруджѣ. Побѣждены Аеперикомъ въ 796 г.

120. Ката подрезанъ“. Генезій. 52 ср. Finlay. 2 т. 270 пр.

121. „Манихеевъ“. Подъ этимъ именемъ подразумѣваетъ авторъ Павликіанъ. Отношенія ихъ къ ученію Манеса не совсѣмъ ясны. Нѣкоторые считаютъ ихъ въ болѣе близкомъ сродствѣ съ Маркіонитами. Первое переселеніе ихъ во Ѳракію относится къ эпохѣ Конст. Копронима, а главное къ царств. I. Цимійсхія (969). Несмотря на упорную войну имп. Василія Мак. съ Павликіанами и побѣду надъ ними, переселенія при немъ въ Европу не послѣдовало, если не подразумѣвать подъ этимъ выраженіемъ того, что Василій отправилъ часть ихъ вооруженныхъ отрядовъ въ Италію для борьбы съ Сарацинами.

„Переселеніе Манихеевъ“. Здѣсь можетъ подразумѣваться переселеніе при Копронимѣ. Сознательная пропаганда павликіанства явствуетъ изъ сообщенія Петра Сицилійскаго, посылавшагося имп. Василіемъ для собесѣдованія съ ними въ Арменію.

123. „Фока купилъ покровительство и дружбу рим. епископа“—Бонифація IV.

125. „Зная, безъ сомнѣнія, ихъ подложность“. Французскіе епископы не хотѣли признать декреталій, на которыя ссылался Николай: „Haud illa decretalia in toto codicis canonum corpore continens descripta“ (Neander. K. G. 196. 2). Однако, по словамъ папы, они и сами пользовались ими, когда это было въ ихъ интересѣ. По общему мнѣнію историковъ, папа Николай, первый воспользовавшійся новой редакціей исидоровскаго собранія, не столько зналъ о подложности актовъ, сколько не считалъ нужнымъ подвергать критикѣ то, что было столь полезно для его дѣла.

127. „Человѣкъ презрительный и лукавый“. Вѣроятно, писано подъ вліяніемъ книги о Фотіи іез. Jäger'a. Hergenröther называетъ его человѣкомъ „mit klarem, berechnendem Verstande, aber verderbter Gesinnung. Противоположный о немъ отзывъ высказываетъ проф. Платоновъ, „Патр. Фотій, стр. 112“. И Иванцовъ-Платоновъ въ „Къ изслѣдованіямъ о патр. Фотіи“.

128. „Рѣшеніе ефесскаго Собора“, ср. примѣч. къ 330 стр. 2 тома настоящаго изданія соч. X—ва.

„Въ другомъ отношеніи“ и т. д. ср. Harnack. Dog. Gesch.“ Die werthloseste Formel d. Augustianismus, einst empfohlen durch den Gegensatz gegen d. Arianismus., ist sömit im Abendlande conservirt worden. III. 281. 3 Aug.“.

430. „Династія Вей“. Bibliothèque Or. d'Hérbelot. Supl. Histoire de la Tartarie. Династія Тханъ вступила на престолъ въ 620 г. по Р. X.

131. „Ихъ называютъ и т. д.“ ср. Spiegel. E. A. K. I. 336 и сл.

132. „Послы приходили“ и т. д. Въ 637 г. по китайскимъ источникамъ; ср. Klaproth: Mémoires relat. à l'Asie. 82. Греція: Li-Kien; d'Herbelot. Supl. 172.

134. „Корея и прилегающія области вошли въ составъ кит. государства“. Это не совсѣмъ точно, т. к. Корея не поглощалась Китаемъ, какъ составная

его часть, а только съ 960 г. по Р. Х. (император. Таи-Тсу) признала его верховенство. Отношенія Кореи къ Китаю выяснились только недавно.

„По всѣмъ вѣроятностямъ — поздно" Ern. Oppert. Reise nach Corea. 1880, passim.

136. „Его умственная жизнь" и т. д. Подъ выраженіемъ *первоначальнаго буддаизма* авторъ понимаетъ не буддизмъ, религію, а начало, изъ котораго вышло это ученіе, введенное въ Китай въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.

138. „Династія Суиговъ" взошла на престолъ въ 960 г., d'Hérbelot. Supl. 98.

139. „Династія Кинъ"—тамъ же.

Кублай умеръ въ 1294 г. послѣ 35 лѣт. царствованія.

146. Объ евнухахъ. (?) Отношеніе ихъ къ ученію Lao-Tse вѣроятно связывается авторомъ съ сектой Таоссе.

141. „Персидскихъ Кеанидовъ". Династія миѳическая, подобно предшествующей Пишдадіевъ. Ср. Spiegel. E. A. K. 3 томъ.

142. „Противъ нея возставали соборы". Правила апост., ник. собора, римскаго собора 465 г. (mutili).

„Старожилы Японіи", ср. Записки Головина, 3. 9 стр.

„Лингамъ (?) Почитаніе змѣй очень распространено.

143. „Преданіе о Сампо". Разсказъ въ Калевалѣ, ср. Grimm. Ueber d. Finnische Epos. Kleine Schriften. 2 Band.

„Поклоненіе змѣѣ у... Литвы". Авторъ въ отношеніи Литвы пользовался указаніями проф. Микуцкаго, извѣстнаго знатока ея.

144. „Тамъ основали себѣ колоніи". Головина Зап. 3. 8.

146. Тольтеки пришли въ Мексику, по мнѣнію Гумбольдта, въ 648 г.

„На нарѣчіи Астековъ—каменотесцевъ". Müller. Gesch. d. Amer. U. Relig. 524.

147. „Одно и то же племя и т. д.". Въ настоящее время принято видѣть въ племени „Маія" основное населеніе. Ихъ культура была усвоена Тольтеками.

150. „Людоѣдство". „Въ немъ обвиняли и т. д." Вильцевъ, Лангобардовъ.

152. „На берегахъ Ореноко и Мараньона". Müller. A. U. R. 247.

154. Непонятно, какъ скудное мореходство... народовъ". Примѣры упадка издавна существовавшаго общенія между отдаленными островами можно найти у Meinecke, die Südseevölker etc. 107 стр.

„Древнія надписи въ ю. Индіи". Ср. М. Мюллеръ. Indien, 179; 18" 356 стр. и особенно Lassen I. A. Anhang z. III u. IV Band 76 и сл. Ихъ открылъ I. Stephenson.

155. „Хронологическія вѣроятности и т. д.". Хотя дѣйствительно въ это время начинается распространеніе буддизма въ сосѣднихъ съ Индіей странахъ, и Lassen думаетъ, что вражда къ буддизму обострилась лишь въ VII в. по Р. Х., т. к. въ путешествіи Фа-Гіена еще не замѣтно борьбы этихъ двухъ вѣръ. Окончательное торжество брахманизма онъ относитъ къ IX или X вѣку и думаетъ, что принятіе Будды въ число аватаровъ Вишну—признакъ замиренія, послѣ окончанія борьбы.

162. „Побѣжденные цари бѣжали въ Шоа". Валуевъ. Христ. въ Абисс. Сборникъ Ист. и Ст. 297, пр. 5-е.

163. „Не вырвавши всей юж. Франціи и т. д.". Много позже битвы при Пуатье Карлъ Март. призывалъ Ліутпранда на помощь противъ Сарацинъ. Пав. Діак. Кн. 6.

165. „Гдѣ они часто находили—въ епископахъ". Напр., Аѳанасій, еп. неаполитанскій. Gregorovius. G. S. R. III. 191—196.

166. „Карматовъ". Они враждебно относились къ поклоненію Каабы, которую и разграбили. Gibbon. Decline. VI. 417.

167. Маніакъ палъ въ битвѣ при Островѣ въ 1043 г.

170. „Во время цвѣтенія Ислама даже туземные языки" и т. д. Остатки писменности Берберовъ, Амазирговъ. Renan. Hist. des langues. Sém. p. 386.

171. „Авицена и т. д.". Weber W. Gesch. 6. 501 и сл. D'Herbelot B. O. I. 29. в.

173. „По показанію Китайцевъ въ столицѣ Азовъ" и т. д. (?)
„Войска Аль-Мансора доходили ло столицы Китая" (?). Они дѣйствительно проникали въ предѣлы Китая, но доходили ли до столицы?

176. „Шаръ". D'Herbelot B. O. 759 стр.

182. „Переписка съ іуд. царемъ хазарскимъ". Коссовичъ, письмо рабби Хизная и т. д. Сборникъ пст. Валуева. 185 и сл.

183. „Хаза-Хазарахъ". Wilson Aryana Ant. 131. пр.

186. „Взятіе Мурома". Филаретъ, Ист. р. церк. 23 стр.

189. „Несторъ не могъ признать и т. д." ср. Карамзина И. Г. Р. Прим. 493 къ первому тому.

192. „Свидѣтельство о грубомъ невѣжествѣ" и т. д. По свидѣтельству св. Бонифація, были священники, которые tauros, hircos diis paganorum imolabant. Образцами такихъ епископовъ могутъ служить, напр., Бернтрамъ бордосскій, ср. Thierry, Récits. s. a. 577, или Каутинъ арвернскій, Прискъ ліонскій, Феликсъ нантскій, и др., ср. Григ. тур. IV к. 36. V кн. 5, 6. Хотя такіе типы составляли повидимому исключеніе, но возможность оныхъ можетъ почитаться мѣриломъ среды, изъ которой они выходили.

195. „Съ отвѣтственностью въ дѣлахъ уголовныхъ". Gesamtbürgschaft. Grimm R. A. 1. 404.

196. „Показаній—Николая I". Указаніе на слова папы въ письмѣ къ Фотію неясно и неточно. Если относить „показанія" къ тому, что власть папъ не распространялась на рѣшенія догматическія, то вѣроятно, имѣется въ виду слѣдующее выраженіе—quorum doctrinam (sicut in sacratissimis tertia et quarta Synodis videre est) Christiana veneratur aprime religio. Ученіе слѣд. оцѣнивается соборностью. Hardnin. V. 217.

203. Исидоръ Севипьеннъ и Леандръ, корреспондентъ Григорія Великаго составлялъ исключеніе.

204. Ср. объ исх. Св. Духа Церникова, переводъ коего существуетъ и на Русскомъ языкѣ. „Principaliter autem и т. д.", ср. 2 томъ, стр. 330, прим. Ю. Ѳ. Самарина.

205. „Предано Ѳеодоротомъ... анаѳемѣ" тамъ же пр. 2-е.

206. „Его преемникъ". Ошибка. Распоряженіе, о которомъ здѣсь говорится, приписывается тому же Льву III. Ср. еп. Сильвестра Догм. бог. 2. 596 стр.

211. „Гнозиса (савелліанство)". Это ученіе не причисляется къ гностическимъ. Авторъ видѣлъ вѣроятно слѣды гнозиса въ ученіи Савеллія о Св. Троицѣ: Эманація.

215. „Прекращенныхъ только счастливымъ соперничествомъ Саксовъ"; это мнѣніе основано вѣроятно на томъ фактѣ, что изъ первоначальныхъ совмѣстныхъ морскихъ разбоевъ Саксовъ и Франковъ постепенно Франки выпадаютъ. Сила ихъ болѣе развивается на сушѣ. Саксы же продолжаютъ владычествовать на моряхъ.

„Разысканіе герм. ученаго". Имѣется въ виду, вѣроятно, предисловіе Я. Гримма къ изданію салич. законовъ Меркеля: Lex. Salica ed. Merkel. 1850.

„Преданіе о славянскомъ лѣсѣ и о поклоненіи Белъ-богу. (?)

216. „Преданіе о происходеніи отъ морскихъ боговъ". Fredeg. 9.

218. „Комической безсовѣстностью"; напр., Сигеберта кельнскаго. Clovis fit périr tout les petits rois des Francs par une série de perfidies, Michelet H. de Fr. Livre III. 507—16.

219. „Сена—Зена". Pomp. Mela III, c. 6. *Galli—cenas*—var. *Zenas.*

„Самолусъ", Similis herba huic Sabinæ. Plin. H. N. XXIV, c. II, J. Grimm, D. Myth. 1158 не указываетъ на этимологію этого слова. Также и Dieffenbach. Онъ приводитъ лишь какъ подходящее кимр. Symul — primrose, cowslip.

„Брезговъ". Брит. bresg; Кимр. brysg. англ. brisk. Dieff. Orig. 273. Brisavi (?)

220. „Возмущеніе Вандеи и т. д." ср. Michelet. Hist. de Fr. III. 171 пр. 6.

222.

225. „За исключеніемъ гостепріимства" Salvian; Franci mendaces, sed hospitales. De Gub. VII. 116.

230. „Приговоръ проклятія". Св. Эвхерій имѣлъ видѣніе, въ которомъ Карлъ Март. представился ему мучимымъ въ самой „Ада преисподней". Ангелъ ему объяснилъ, что это ему наказаніе за ограбленіе церквей. Св. Бонифацій съ другимъ дух. лицомъ открыли могилу Карла и нашли ее пустой, но внутри обгорѣлой и изъ нея выползла змѣя. Frodoardus II, c. 12.

Родъ Пипина былъ, однако, въ тѣсной связи съ іерархіей. La tige de cette famille est l'évêque de Metz, Arnulf, qui eut son fils Clodulf pour successeur. Son frère est abbé de Bobbio (указываетъ на отношеніе къ англо-сакс. проповѣдникамъ); son petit fils est S. Wandrille. Toute cette famille est étroitement liée à S. Léger. Michelet. H. F.

231. „Ужаснымъ гоненіемъ и кровопролитіемъ", ср. пр. 2-е къ стр. 30-й.

236. „Смѣлый ударъ папы Захарія". Папа поднялъ Германцевъ противъ Пипина и Карломана. Его легатъ былъ въ ихъ лагерѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается, кажется, только въ мецкихъ анналахъ подъ 743 г. Но оно очень важно и, конечно, можетъ послужить объясненіемъ той рѣзкой перемѣны въ политикѣ Франковъ относительно папы, которая привела къ освобожденію ихъ отъ Лонгобардовъ. Вліяніе Рима на Германію было такъ велико въ эту пору, что по закону Рахиса всякій,

сносившійся съ Римомъ, Франціей, Баваріей и Алеманіей sine jussione regis animæ suæ incurrat periculum et res ejus infiscentur, ср. Кудрявцева—Судьбы Ит. 493 пр.

251. „Дусъ“. До сихъ поръ въ Британніи употребляется слово уменьшительное duzik. Grimm. D. M. 449. Англійское „deuce“. Кельтскаго корня для этого слова не находимъ ни у Гримма ни у Диффенбаха.

„Дѣдичье“. (?)

255. „Въ лицѣ Роланда“. У Эгингарта онъ называется Hruothland.

260. „Возмущенія сыновей получали благословенія церкви“. Напр., Генрихъ V (герм.), возставая противъ отца, получаетъ благословеніе на это отъ папы Пасхалія II-го.

262. „Лотарь, обѣщавшій возстановленіе язычества“. Nithardt, кн. 4, т. 2.

265. „Колонатусъ“, coloni, гр. γοπόνες.

270. „Именами древнихъ родовъ въ Нормандіи“. Ср. прил, 4 къ A. Thierry Hist. de la conq. Ср. тамъ же стр. 56.

271. „Мавры узнали Руссовъ“. Ламанскій, Славяне въ Испаніи и т. д. Zeuss. Deutschen, 552—3.

Гаральдъ Гильдетандъ является какъ преемникъ Инглинговъ, хотя онъ и былъ сынъ одной матери (Ауды) съ Сигурдъ Рингомъ.

Подробное перечисленіе войскъ Гаральда у Саксона Гр. VIII. 1, сл.

272. „Скандинавія, имя, которое дается Финнами—Русь“. Ruotsi лат. Ruotti; Шведы—Ruotteladż. Гриммъ производитъ это имя — sicher nach Roden, Rodhin, Roslagen, dem äussersten Upland, Finnland gegenüber. Kl. Schr. II. 85.

„Греческая надпись — Боксаны“. Свѣдѣнія о Кавказѣ, кромѣ „печатныхъ“ источниковъ, авторъ почерпалъ изъ знакомства личнаго съ нѣкоторой частью его и изъ сношеній съ воспитанникомъ его матери, образованнымъ Кабардинцемъ, Д. С. Кодзоковымъ, недавно умершимъ, считавшимся въ административныхъ сферахъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Кавказа и его этнографіи. Въ Сборникѣ Помяловскаго ея нѣтъ; м. б. она находится между надписями, упоминаемыми подъ № 31. Въ бумагахъ Х—ва нашлась эта надпись съ такимъ переводомъ: „Памятникъ Баксана, Дауова сына, князя Аитскаго, по преданію убіеннаго Гунами“. Списано и разобрано съ помощью Д. С. Кодзокова ноября 22, 1842 г. Черкасовъ (?). Въ честь его рѣка Баксанъ названа его именемъ. Но въ нижней части своего теченія она сохранила прежнее имя „*Альтуда*“. Греческій текстъ слишкомъ неразборчивъ.

273. „Саркъ. Сорока?“

„Міольниръ“ Grimm D. M.

„Норманнамъ... пораженіе“. Въ 881 г. при Лёвенѣ кор. Арнульфъ.

276. „Сигины“. Ср. Шафарика S. A. I. 262 и сл. Хотя онъ и не отождествляетъ Сигиновъ съ Чехами, но не сомнѣвается въ ихъ Славянствѣ; и говоря о нихъ, довольно ясно высказываетъ мнѣніе, что исконные жители средней Европы были Славяне. Осторожность Шаразина можетъ объясняться политическими мотивами личнаго свойства.

279. „Причины паденія великой Моравіи“. Ср. Рус. Бесѣду 1858. 1 т. — В. Елагина: „Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы“.

284. „Финны пиратствовали на Балтикѣ“. Лѣтописи зовутъ ихъ *Чудь морская,* ср. путеш. Оттара и Ульфстана у Альфреда 23. 4; о Квенахъ.

285. „О происхожденіи „Као-Тзе“ (по китайски это имя означаетъ высокія повозки) отъ дѣвицы изъ рода Гіонгъ-ну и волка, у d'Herbelot B. O. Supl. 57. Ту-кіеу (Тухоло) произошли отъ волчицы и юноши. Тамъ же.

„Tsche-sche“ означаетъ тоже возницу. Ср. Klaproth. Ueber die Schrift d. Uiguren. Fundg. d. Orients. 2. 177. Мѣстожительство имъ находится до сихъ поръ въ М. Бухаріи.

„Ибнъ-Фопланъ, Кунай-Хунабъ“. Френъ, Ибнъ-Фоц. 142 стр.

286. „Лѣтописи же венгерскія и т. д.“, примѣч. къ I т. Карамзина 202-е.

287. „Кабаровъ“ Конст. Порф. de adm. 39—40.

288. „Капками“. Они считались господствующими родами между Печенѣгами. Rambaud. Const. Porphyrogenite. 393.

289. „Мадьяры признавали власть Казаровъ (какъ видно изъ ихъ лѣтописцевъ)“. Елагинъ говоритъ, что они жили независимо между Хазарами (ср. „Мѣсто Венгровъ“ и т. д.). Конст. Порф., de adm., c. 8, p. 74, говоритъ, что они трепетали передъ Хозарами.

297. „Баерскую и т. д.“ Въ войскѣ Аттилы упоминаются Маркоманны. Die Baiern stammen also v. den Marcomannen. Quitzmann. Die Relig. der Bajiwaren. XVI.

„И даже сына“: Лудольфа, отъ первой жены, Эдгиты.

305. „Безнравственнаго Герберта“. Этотъ эпитетъ относится, вѣроятно, къ политической, а не къ личной характеристикѣ Сильвестра. Онъ, по мнѣнію Milman'a, былъ человѣкъ of *unimpeachable morals* и „profound piety“; но онъ же свое двуличное поведеніе относительно Карла излагаетъ въ письмахъ къ арх. трирскому „with unconscious effrontry“. Latin Christ. III, 336, а въ дѣлѣ занятія реймской каѳедры: Secrétaire et confident de l'archeveque (Арнульфа), il le fait déposer. Michelet. H. F. Livre IV.

„Съ полнымъ невѣріемъ въ эти права“. Conc. Remense 990 года. Разсужденія на этомъ соборѣ по вопросу о правахъ и значеніи Рима, хотя высказаны не непосредственно Гербертомъ, но почитаются имъ подсказанными.

306. „Съ явнымъ презрѣніемъ и т. д.“. Это мнѣніе основано, вѣроятно, на сопоставленіи легендъ объ отношеніяхъ Герберта къ міру мусульманскому, съ отрицательнымъ мнѣніемъ о претензіяхъ Рима, высказанныхъ на реймск. соборѣ „doutless in the words of Gerbert“. Milman. III. 338.

307. „Только Римъ можетъ освящать власть“, хотя корона была дана Стефану съ согласія Оттона. Gregorovius. Gesch. d. St. Rom. R. III, 487.

310. „Генрихъ былъ мелкій владѣлецъ“. Это невѣрно: Генрихъ былъ герцогомъ баварскимъ, хотя, конечно, избраніе его было основано не на его могуществѣ.

„Битъ батогами“ (?). Вѣроятно—ошибка.

311. „Герцогъ былъ только намѣстникомъ“. Герцогъ Германъ (Billung), умершій въ одинъ годъ съ императоромъ.

312. „На голову разбитый Чехами" въ 1040 г. Походъ 1041 года былъ, однако, успѣшенъ.

„Онъ не былъ любимъ и даже уважаемъ" и т. д. ср. Giesebrecht. G. d. D. Kaiserzeit. II. 2, 422. 423.

316. „Въ Бретани". Она отъ Норманновъ отбилась подъ водительствомъ Номеное; а потомъ, окончательно, Аллана Барбеторта.

717. „Этимъ объясняются и частыя ихъ неудачи" и т. д. Michelet H. F. Livre II. 150. „Въ Ирландіи". Zeuss. Deutschen, 539 стр.

320. „Графъ барцелонскій". Графство барцелонское послужило основой для поздн. кор. арагонскаго. Gesch. Aragoniens. Schmidt. 81, пр. 2.

323. „Фулько де Нерра". Онъ женилъ кор. Роберта, послѣ развода съ Бертою, на племянницѣ своей Констанціи и былъ основателемъ могущества графовъ Анжуйскихъ. Toute la vie de ce méchant homme fut une alternative de crimes et de pélérinages: il alla trois fois en terre sainte. La dernière fois il revint à pied et mourut de fatigue à Metz. Michelet. H. F. Livre VI, 20.

32„. „Сраженіе бруннебургское" 934 г. Побѣда Ательстана, объединившая Англію.

330. „Разсказъ о Константинѣ", говорится о сопериикѣ Гонорія, 406—411 гл.

332. „Стоитъ только прочесть легенды о нѣкот. кельтскихъ святыхъ". C'est parmi eux (les druides) qu'il (S. Patrick) recrute ses plus fidèles disciples. Св. Колумба поетъ: „mon druide est le Christ". Ср. Montalambest. Moines d'Occid. 2, 459, 3, 151. Общественная роль друидовъ перешла къ монахамъ; они же барды.

338. „Перенесеніе на сцену Кента". Sh. Turner. His. of A. S. 1, 183 и сл.

334. „Ископаемыхъ остаткахъ городовъ кельтскихъ". Смыслъ этой фразы теменъ.

336. „Отзывъ Гильдаса". Ошибка. вмѣсто Неннія. с. 62.

337. „Князька кимрскаго Евгенія". Современникъ Ательстана.

338. „Говорится о Силурахъ — семитическую". Тацитъ. Agr. XI. Ἄλβιον καὶ Ἰέρνη. Arist., de Mundo III. Étonnante analogie que présentent les noms des dieux de l'Irlande (Axire, Axcearos, Coismaol, Cabur) avec les kabires de Samothrace (Axieros, Axiokerdos, Casmilos, Cabilos); Baal se retrouve également и т. д. Sur les traditions de l'Irlande и т. д. Въ Hist. de France, Michelet.

341. „Кажется, Эгинардтъ называетъ Бѣлъ-бога у Саксонцевъ" (?).

„Вальтеръ Скоттъ въ Гаральдѣ" и т. д.

> Hear me, Sovreign of the rock,
> Hear me, mighty Zernebock. Canto 2, XVII. Invocation.

„Ютунгейма и миѳовъ" и т. д. ср. Gejer. Urg. Schw. 334 и сл.

Преданіе о кавказской стѣнѣ дѣйствительно существовало и связывается нерѣдко съ именемъ Александра Макед. Персы и Арабы считали ее спасительной отъ народовъ Гога и Магога. (Френъ. Ибнъ-Фоц. IX XIX). Аланы, Азы, жили на юго-вост. склонѣ Кавказа или на сѣверномъ склонѣ Иранской возвышенности.

„Англы—по ихъ раннему союзу съ Гуннами“ (?). Движеніе Гунновъ на западъ авторъ считаетъ мщеніемъ за угнетеніе Славянъ Германцами.

„Варны“. Ср. Гильфердинга Балт. Славяне. Вообще Варны почитаются Германцами и онъ почитаетъ ихъ таковыми же; но на стр. 2 они у него причислены къ Славянамъ.

333. „Ихъ пріапическаго характера“. Ad. Br., c. 233.

„Geat“, по Гримму, прозвище Одина. Онъ же и предокъ Одина, ср. Ettmüller, Beowulf.

344. „Суда присяжныхъ, совершенно чуждаго стихіямъ...“ ср. выше.

„Замѣчательно малое количество рабовъ“. Sh. Turner. A. S. 3. 153.

„Религіозный вопросъ рѣшается въ Виттенахъ“, ср. подробности введенія хр—ва въ Нортумбріи Эдвиномъ. Первый, высказавшійся за новую вѣру, былъ главный жрецъ.

356. „Венды и Гунны являются сильными дѣятелями въ междоусобіяхъ скандинавскихъ. Saxo Gr., passim.

382. „Кеннетѣ саксонскомъ“. Опечатка вмѣсто „шотландскимъ“, котораго Эдгардъ вызывалъ на поединокъ.

„Въ одной хартіи они обязуются и т. д.“ Хартія монастыря въ „Hyde“, 966 г., пар. 10-й.

400. „Ничего почти не дошло до насъ отъ поэзіи сакс. времени“. Это выраженіе *ничего,* надо понимать въ смыслѣ относительномъ, т. к. отъ сакс. литературы остались памятники писаные, о которыхъ самъ X—въ поминаетъ въ другихъ сочиненіяхъ, напр., о Беовульфѣ. Ср. Conybeare. Illustrations of A. S. poetry. Онъ раздѣляетъ все литературное наслѣдіе А.-Саксовъ на VIII отдѣловъ, весьма впрочемъ необъемистыхъ. Говоря далѣе, что народная поэзія славила или осмѣивала дѣятелей (государственныхъ), авторъ имѣлъ въ виду разсказы о существованіи народ. пѣсенъ, напр., у Вильг. мальмебюрійскаго (cantilenæ), или въ жизни св. Дунстана. Существовали сатирическія пѣсни на Эдгара и сохранилась прославительная на побѣду Ательстана при Бруннабургѣ.

406. „Стихія племенная... Ѳомѣ Бекетѣ“. Происхожденіе Ѳ. Бекета отъ саксонскихъ родителей, не общепризнано. Нѣкоторые источники представляютъ его сыномъ Норманна, поселившагося въ Лондонѣ и сблизившагося съ народомъ. Есть и легенда о происхожденіи отъ Англо-Сакса и Сарацинки. Несомнѣнно одно—что онъ вышелъ изъ народа и стоялъ за него.

412. „Передуромъ княземъ Вендскимъ“ (?).

415. „Первый кодексъ... владѣт. дружины“. Онъ составленъ при кор. Ротарисѣ въ 643 г, ср. Кудрявцева, Судьбы Ит. 137.

„Съ самаго начала лонгоб. владычества и т. д.“. Послѣ смерти Кнефа оказалось до 30 независимыхъ герцоговъ.

416. „Самые законы лонгобардскіе и т. д.“ ср. Grimm, R. A. 404—6.

421. „Африканскими Сарацинами—Славяне“. Ламанскій. Славяне въ Африкѣ. 192 и сл.

427. „Обвиненіе Кресценція“. Gregorovius. G. R. 3. 433.

„Изображеніе пѣтуха и т. д.“. Не знаемъ, откуда взято это свѣдѣніе. У Гримма находимъ слѣдующее: Die Wenden errichteten Kreuzbäume, brach-

ten aber heimlich, noch heidnisch gesinnt, zu oberst auf d. Stange einen Wetterhahn an. Möglich aber wäre, dass die Bekehrer einen heidn. Brauch schonend, ihnen auch eine Stelle auf Kirchrthümer einraümten. D. M. 636. Онъ тутъ же говоритъ, что не знаетъ, откуда взялся обычай ставить пѣтуха на колокольняхъ.

450. „Жизнь церкви въ іерархіи; ее не высказывалъ Римъ“ и т. д. Ср. т. II, примѣч. къ стр. 180. Если авторъ зналъ приведенную тамъ цитату, то надо думать, что онъ подъ словомъ Римъ понималъ внесеніе этого взгляда въ догматическое опредѣленіе, утвержденное самимъ папой.

452. „Доведенныхъ до скотства“, крайне преувеличено. Ср. однако отзывъ о Римлянахъ у Göethe, It. Reise, 24 Nov. 1766 г.

456. „Королева, нашъ народъ свободенъ“. Schmidt. Gesch. Arag. 261, пр. 1.

462. „Когда стихія африканская и т. д.“. Въ концѣ XI-го вѣка.

„Высшее сословіе было составлено и т. д.“. Готовъ, Франковъ и соб. Испанцевъ.

464. „Денатурализація“; этимъ правомъ пользовалась т. н. „Infazones“. Schmid G. Arag. 303.

475. „Квенамъ“, ср. Gejer. Urg. Schw. 351, пр. 1.

477. „Оружіи, вполнѣ соотвѣтствующемъ и т. д.“ ср. Mihir-Yasht. у Windischmann „Mithra“ 95, 132.

481. „Зевсѣ—Иксіонѣ“. Тождество Зевса и Иксіона авторъ выводитъ изъ отношенія обоихъ къ Діи-Герѣ.

„Рига (иначе Конръ) родоначальникъ“ и т. д. Rigr — Геймдальръ, по Мюллеру и Гримму. „*Konr*“—человѣкъ родовитый, сынъ его—*Konungr*.

488. „Святость Сѣвера можно отчасти предполагать изъ словъ Тацита“. Вѣроятно, Germ., с. 45.

490. „Тиръ, божества, принадлежавшаго Готамъ“. Der nordische Gott по Мюллеру, A. D. R. 222. Авторъ считаетъ Готѳовъ за сѣв. Германцевъ.

„Мечомъ любви“. Авторъ называетъ его такъ, вѣроятно, потому, что Фрейръ передалъ его Скирниру при посылкѣ его за Гердой.

496. „Готы не знаютъ объ Аза-Торѣ, ни объ Ванѣ-Фрейрѣ“. На чемъ основано показаніе о поклоненіи Одину у Готѳовъ? Нѣчто подходящее къ этому можно найти у Мюллера, Alt. D. Rel. 85 и 180—81.

499. „Объ Гуглеинѣ“. По Ингл-Сагѣ, у Саксоне, Гр. онъ называется Hugletus, кн. VI, стр. 104 (ed. Müller).

503. Битва при Бравалисѣ 746 г. (?)